

**Министерство образования и науки
Российской Федерации**

Байкальский государственный
университет

Академия наук Монголии

Институт истории
Институт международных исследований
Институт национального развития

Концептуальные вопросы российско-монгольских отношений в первой половине XX века

Книга 7

Часть 1

Улан-Батор
Иркутск

Издательство
Байкальского государственного университета

2016

УДК 327(470+517)(09)
ББК 66.4(2Рос+5Монг)
К65

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета

Печатается при финансовой поддержке проекта РГНФ № 15-21-03007 «Концептуальные вопросы российско-монгольских отношений в первой половине XX века: история, политика, экономика» (номер регистрации в ФГАНУ ЦИТиС 115041370110).

Научный руководитель проекта
с российской стороны
д-р экон. наук, проф. **А. П. Суходолов**

Научный руководитель проекта
с монгольской стороны
д-р экон. наук, проф. **Т. Дорж**

Редакционная коллегия
д-р ист. наук, проф. **Ю. В. Кузьмин**,
канд. ист. наук, доц. **В. А. Василенко**,
ст. науч. сотрудник **А. Ф. Манжигеев**,
канд. ист. наук **Л. Н. Крайнова**
(отв. секр.)

Редакционная коллегия
д-р экон. наук, проф. **Б. Болдбаатар**,
д-р ист. наук, проф. **О. Батсайхан**,
канд. экон. наук, доц.
Н. Отгонсайхан (отв. секр.)

К65 Концептуальные вопросы российско-монгольских отношений в первой половине XX века. — Улан-Батор ; Иркутск : Изд-во БГУ, 2016.

ISBN 978-5-7253-2834-9

Кн. 7.

ISBN 978-5-7253-2932-2

Ч. 1. — 360 с.

ISBN 978-5-7253-2933-9

Коллективная монография посвящена дискуссионным вопросам истории российско-монгольских отношений в первой половине XX века. Основное внимание в книге уделяется концептуальным проблемам истории, внешней политики, историографии Монголии.

Для всех интересующихся историей отношений России с восточными странами.

УДК 327(470+517)(09)
ББК 66.4(2Рос+5Монг)

ISBN 978-5-7253-2933-9 (ч. 1)
ISBN 978-5-7253-2932-2 (кн. 7)
ISBN 978-5-7253-2834-9

© Издательство БГУ, 2016

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Батбаяр Цэдэндамбын — доктор исторических наук, профессор, чрезвычайный и полномочный посол Монголии на Кубе (г. Улан-Батор)

Батсайхан Оохнойн — доктор исторических наук, профессор, зав. сектором России Института международных исследований Академии наук Монголии (г. Улан-Батор)

Баярсайхан Б. — кандидат юридических наук, доцент Монгольского государственного университета (г. Улан-Батор)

Болдбаатар Базар — доктор экономических наук, профессор, зам. директора Института национального развития Академии наук Монголии (г. Улан-Батор)

Василенко Виктория Александровна — кандидат исторических наук, доцент Иркутского государственного университета (г. Иркутск)

Гавриков Алексей Александрович — кандидат исторических наук, Педагогический институт Иркутского государственного университета (г. Иркутск)

Гольман Марк Исаакович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, консультант сектора Монголии Института востоковедения Российской академии наук, Почетный доктор Института истории Академии наук Монголии (г. Москва)

Грайворонский Владимир Викторович — доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН (г. Москва)

Даваасурэн Авирмэд — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института международных исследований Академии наук Монголии, докторант Байкальского государственного университета (г. Улан-Батор)

Дацышен Владимир Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (г. Красноярск)

Даш-Эндон Б. — доктор философских наук, профессор, Академия наук Монголии (г. Улан-Батор)

Дорж Тувд — академик, доктор экономических наук, профессор, вице-президент Академии наук Монголии (г. Улан-Батор)

Дугаров Владимир Доржиевич — доктор исторических наук, профессор Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ)

Единархова Нина Евгеньевна — доктор исторических наук, профессор Педагогического института Иркутского государственного университета (г. Иркутск)

Зулькафиль Маулетийн — доктор исторических наук, профессор, кафедра журналистики Монгольского государственного университета (г. Улан-Батор)

Кузьмин Юрий Васильевич — доктор исторических наук, профессор кафедры мировой экономики и международного бизнеса Байкальского государственного университета, Почетный доктор Монгольского госуниверситета (г. Иркутск)

Манжигеев Алексей Флорианович — старший научный сотрудник лаборатории региональных экономических исследований Байкальского государственного университета (г. Иркутск)

Полянская Оксана Николаевна — кандидат исторических наук, доцент Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ)

Пунсалдулам Б. — доктор, профессор Института истории Академии наук Монголии (г. Улан-Батор)

Сизова Александра Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока Российской академии наук (г. Москва)

Старцев Александр Владимирович — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой востоковедения Алтайского государственного университета (г. Барнаул)

Суходолов Александр Петрович — доктор экономических наук, профессор, ректор Байкальского государственного университета, заслуженный экономист Российской Федерации (г. Иркутск)

Тагаров Жаргал Зандараевич — кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики и международного бизнеса Байкальского государственного университета (г. Иркутск)

Третьяков Валерий Григорьевич — доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения (г. Иркутск)

Урангуа Жамсрангийн — доктор исторических наук, профессор Монгольского государственного университета (Улан-Батор)

Чойсамбаа Ч. — кандидат филологических наук, доцент Монгольского государственного университета (г. Улан-Батор)

Шурхуу Д. — доктор истории, директор Института международных исследований Академии наук Монголии (г. Улан-Батор)

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

Концептуальные вопросы российско-монгольских отношений

Концептуальные вопросы российско-монгольских отношений первой половины XX века: история, дипломатия, экономика (Суходолов А. П., Дорж Т., Болдбаатар Б., Кузьмин Ю. В., Василенко В. А.).....	7
Философско-историческое обозрение монголо-российских отношений первой четверти XX века (Даш-Ендон Б.).....	10
Историография и исторические исследования Монголии в XX–XXI веках (Урангуа Х. Ж.).....	16
Российская историография XX века русско-монгольских отношений (1900–1921) (Кузьмин Ю. В.).....	27
Российско-монгольские торгово-экономические связи в досоветский период и их отражение в отечественной историографии (Старцев А. В.).....	43
Западные авторы об отношениях России и Монголии (Гольман М. И.).....	60

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

Российско-монгольские торгово-экономические отношения в первой половине XX века

Роль исторического и геополитического факторов в российско-монгольском экономическом сотрудничестве (Суходолов А. П., Манжигеев А. Ф.).....	65
Российско-китайско-монгольские внешнеторговые отношения (Суходолов А. П.).....	69
Торгово-экономические отношения между Россией и Монголией в начале XX века: взгляд с российской стороны (Грайворонский В. В.).....	72
Торгово-экономические отношения между Россией и Монголией в начале XX века: взгляд с монгольской стороны (Даваасурэн А.).....	76
Экономическая деятельность русских в Монголии (Единархова Н. Е.).....	82
Организационная инфраструктура русской торговли в Монголии (Старцев А. В.).....	88
Торговые отношения России и Монголии в XVII — начале XX века (Тагаров Ж. З.).....	105
Развитие таможенной службы на российско-монгольской границе (Суходолов А. П.).....	109
Этапы сооружения железной дороги в Монголии (Третьяков В. Г.).....	113
Социально-экономическое развитие Монголии и состояние российско-монгольских торгово-экономических отношений (Дорж Т.).....	116
Внешняя торговля Монголии и России на современном этапе (Болдбаатар Б.).....	121

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

Политические и дипломатические отношения России и Монголии в 1900–1945 гг.

Российское консульство в Урге и жизнь русской диаспоры в Монголии (вторая половина XIX — начало XX века) (Сизова А. А.).....	125
Монгольско-российское соглашение 1912 года и некоторые вопросы о позиции Юань Шикая / 1912 Оны монгол-оросын хэлэлцээр ба Юань Шикайн байр суурьтай холбоотой зарим асуудал (Батбаяр Ц.).....	132
Уполномоченный императорского российского правительства в Монголии в августе 1912 — мае 1913 года Иван Яковлевич Коростовец (Батсайхан О.).....	138
Политика великих держав в отношении Азиатского континента и монгольский вопрос (Батбаяр Ц.).....	147
Культурное измерение деятельности российской дипломатии в Монголии (вторая половина XIX — начало XX века): основные направления и результаты (Сизова А. А.).....	154

Монголия в русско-японских отношениях 1905–1917 годов (Гавриков А. А.)	162
П. А. Бадмаев и «тибетский вопрос»: характер отношений с Агваном Доржиевым и Гомбожабом Цыбиковым (Кузьмин Ю. В.)	165
Признание Монгольской Народной Республики со стороны Чан Кайши и гоминьдановского Китая / Чан Кайши, гоминьданы хятад бнмау-ыг хүлээн зөвшөөрсөн нь (Батбаяр Ц.)	172
Вторая мировая война: ялтинская конференция и статус-кво Монголии (Батсайхан О.)	180

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

Тува в системе отношений России, Монголии, Китая в первой четверти XX в.

Тува в трехсторонней политике России, Монголии, Китая в первой четверти XX в.: историография и источниковедение проблемы (Кузьмин Ю. В., Василенко В. А.)	189
Отношения стран «Центральноазиатского треугольника» по «урянхайскому вопросу» (1911–1914 гг.) (Василенко В. А.)	216
Танну-Урянхайский край в российской политике и дипломатии (1914–1918) (Василенко В. А.)	241
Урянхай в системе отношений России, Монголии и Китая (1915–1919) / Урианхай системийн хоорондын харилцаа Орос, Монгол, Хятад (1915–1919) (Шурхуу Д.)	245
Отношения России и Монголии в Усинско-Урянхайском крае, 1918–1920 (Дацышен В. Г.)	252

РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ

История Монголии и российско-монгольские отношения в российской и монгольской историографии

Научное монголоведение в России на рубеже XIX–XX веков. В. Л. Котвич (1872–1944) (Полянская О. Н.)	267
Обзор и особенности монгольской историографии в начале XX века (1911–1920) (Пунсалдулам Б.)	278
Монголия, русско-монгольские отношения и «монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России начала XX века (Кузьмин Ю. В.)	286
Некоторые вопросы исследования истории права Богд-ханской Монголии (Баярсайхан Б.)	312
Вклад бурятских ученых в российское монголоведение на рубеже XIX–XX веков (Дугаров В. Д.)	315
Монгольская пресса в первой четверти XX века (Зулькафиль М., Чойсамба Ч.)	328
Список использованной литературы	354

Раздел первый

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА: ИСТОРИЯ, ДИПЛОМАТИЯ, ЭКОНОМИКА

Русско-монгольские отношения начала XX в. — особый период развития международных отношений двух стран. Объявление независимости Монголии в 1911 г. изменили международную ситуацию в регионе. В начале XX в. Монголия меняла модели внешнеполитического развития страны. Определены концептуальные вопросы русско-монгольских отношений. В изучении русско-монгольских отношений можно выделить три основных этапа¹.

В начале XX в. формировалась новая система современных международных отношений в Восточной Азии, в треугольнике Россия — Монголия — Китай. Её становление и развитие происходило в сложных исторических условиях трансформации моделей политического и социально-экономического развития стран региона, перехода Цинского Китая к республиканской форме правления, становления монгольской национальной государственности с 1911 г. и радикальных социально-политических изменений в России.

На рубеже XIX–XX вв. Монголия, за сравнительно короткий исторический промежуток времени прошла несколько важных этапов внешнеполитического развития, сменила системы взаимоотношений с Китаем и Россией. До 1911 г. Монголия входила в состав Цинской империи, это был завершающий этап зависимого развития в юридических рамках другого государства. Второй этап: 1911–1915 гг. — время полного дистанцирования от Китая и сближения с Россией, фактической независимости Монголии при поддержке России. 1915–1919 гг. — период Автономной Монголии. Формально и юридически Монголия является автономной частью республиканского Китая, фактически независимое государство. В рам-

ках дипломатического треугольника Россия — Монголия — Китай соотношение сил и внешних факторов влияния постоянно меняется. Становление новой системы международных отношений и формирование новых границ происходило в сложных условиях переговоров между Россией, Китаем и Монголией и подписания ряда международных соглашений и договоров между странами (Русско-монгольское соглашение 1912 г., Русско-китайская декларация 1913 г., Кяхтинское соглашение 1915 г.). Наиболее сложный характер имели переговоры о создании автономной Монголии и определении ее международного статуса. Русско-китайские противоречия 1911–1915 гг. наиболее остро проявились в «монгольском» и «урянхайском» вопросах². Объективные и взвешенные оценки дипломатической истории России и Монголии имеют важнейшее значение для развития современных двусторонних отношений.

Формирование русско-монгольских отношений в России, монгольское направление внешней политики страны происходило в сложных условиях внутрипартийной борьбы, несогласованности действий различных ведомств Российской империи (Министерство иностранных дел, Военное министерство, российское консульство в Урге, региональные сибирские органы управления). Показ борьбы различных тенденций в формировании внешнеполитической линии России по отношению к Монголии отражает заинтересованность различных социальных слоев российского общества, совпадение и различие их интересов, выявляет не только социальные, но и региональные (центральные и сибирские) экономические интересы. Это позволяет избежать категорических оценок роли России в Восточной Азии вообще и в Монголии, в частности. Нам представляется, что абсолютизация характеристики внешней политики на

¹ Суходолов А. П., Болдбаатар Б., Кузьмин Ю. В. Русско-монгольские отношения в начале XX века (1900–1921 гг.): экономика, дипломатия, культура // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2013. № 6 (92). С. 92–99.

² Даревская Е. М. Сибирь и Монголия. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX–XX веков. Иркутск, 1994. 404 с.

основании оценок отдельных представителей российских ведомств, влиявших на ее формирование, представляется не корректным³.

На современном этапе исследования проблемы русско-монголо-китайских отношений получили новый толчок. Введение в научный оборот новых архивных материалов, исследование дискуссионных вопросов, утрата идеологического фактора и единой марксистско-ленинской методологии позволили российским и монгольским ученым показать более взвешенную и объективную картину отношений России и Монголии в первой четверти XX в. Стали исследоваться ранее «закрытые» проблемы: урянхайский, баргинский, монгольский, тибетские вопросы, русско-китайские противоречия 1911–1915 гг., русско-монгольское соперничество в Урянхае. Не все вопросы получили однозначное решение в российской и монгольской историографии. Идет накопление значительного фактического материала, формируются новые подходы к оценке исторических событий и персоналий, что создает предпосылки для создания современной концепции российско-монгольских отношений.

В советский период исследования проблемы преобладала характеристика русско-монгольских отношений как не равноправных взаимоотношений, внешняя политика России в начале XX в. расценивалась как захватническая и колонизаторская. Концептуально исходили из тезиса, что прогрессивная внешняя политика формировалась только в советский период, а внешняя политика царской России оценивалась негативно и отрицательно. В советский период на его более позднем этапе стали преодолеваются подобные односторонние оценки. В монгольской историографии на современном этапе определенное распространение получили негативные оценки событий и исторических деятелей, влиявших на становление и развитие российско-монгольских отношений в первой четверти XX в. Назрела необходимость публичной дискуссии по спорным проблемам русско-монгольских отношений,

³ Кузьмин Ю. В. Монголия и «монгольский вопрос» в общественно-политической жизни России. Иркутск, 1997. 232 с.; Кузьмин Ю. В., Свинин В. В. Иркутская школа монголоведения (XVIII–XX вв.) / под науч. ред. А. П. Суходолова. Иркутск, 2014. 438 с.; Кузьмин Ю. В., Суходолов А. П., Манжигеев А. Ф. Иркутская школа монголоведения и современные историко-экономические исследования Байкальского университета // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25, № 2. С. 232–238.

уточнение исторических характеристик и подготовка совместной обобщающей работы.

В современной российской и монгольской историографии к настоящему времени накоплен значительный материал по истории отдельных направлений русско-монгольского экономического сотрудничества и торговли, научного и культурного взаимодействия двух стран и народов, научного изучения истории и культуры Монголии, но отсутствует обобщающая работа по истории дипломатических и экономических отношений в период 1900–1921 гг.

В изучении русско-монгольских отношений начала XX в. значительный вклад внесли российские ученые: Е. М. Даревская, Б. В. Базаров, Е. А. Белов, Е. В. Бойкова, В. В. Грайворонский, И. Я. Златкин, С. Г. Лузянин, А. Л. Попов, Ш. Б. Чимитдоржиев, Т. Д. Скрынникова, А. В. Попов, Н. П. Шастина, С. А. Нацов, Д. Б. Улымжиев, Е. А. Белов, М. И. Гольман, А. С. Железняков, Н. Е. Единархова, Е. И. Лиштованный, А. В. Старцев, А. А. Сизова, Ю. В. Кузьмин, В. Д. Дугаров, а также монгольские ученые Б. Лигуу, Э. Пунцаг, Ц. Пунцагноров, Ш. Сандаг, Б. Ширендыб, Л. Жамсран, Б. Болдбаатар, З. Лонжид, О. Батсайхан, Н. Хишигт, Д. Шурхуу, Ц. Батбаяр, Ж. Болдбаатар, Ж. Урангуа и др.

Монгольские историки за последние 20 лет проделали колоссальную работу по исследованию истории Монголии и русско-монгольских отношений в начале XX в. Продолжали свои исследования известные историки Б. Ширендыб, Л. Жамсран, Ц. Пунцагноров, С. Пурэвжав, С. Дамдинсурэн, Б. Балдо, Ш. Нацагдорж, Л. Хайсандай. Значительный вклад внесли историки Ж. Болдбатаар, Ч. Дашдаваа, З. Лонжид, О. Батсайхан, Ц. Батбаяр, Ж. Урангуа, Н. Хишигт, Д. Шурхуу, К. Дэмбэрэл, и др. Особенно можно выделить следующие монографии: Ж. Урангуа «Монголия в начале XX века» (2006), «Установление независимости Монголии и царская Россия» (2008), З. Лонжида «История финансовой системы Монголии (1911–1921)» (2006), Ж. Болдбатаара «Деятели монгольской революции 1911 г.» (2011), О. Батсайхана «Установление независимости Монголии и Кяхтинский трехсторонний китайско-русско-монгольский договор» (1911–1916)» (2002), «Монголия по пути государства-нации (1911–1946)» (2005), Ц. Батбаяра «Монголия и Япония в первой половине XX века» (2002), «Монголия и великие державы в первой половине XX века» (2006), Необходимо выделить вклад известного историка-монголоведа

Ш. Б. Чимитдоржиева «Россия и Монголия» (1987), Е. М. Даревской «Сибирь и Монголия» (1994), Н. Е. Единарховой «Русские в Монголии. Основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921)» (2003), Е. А. Белова «Россия и Китай в начале XX в. Российско-китайские противоречия» (1999), «Россия и Монголия» (1999), А. В. Старцева «Русская торговля в Монголии» (2003), Ю. В. Кузьмина «Монголия и монгольский вопрос» (1997).

Российское китаеведение проделало грандиозную работу по описанию, обобщению и анализу российско-китайских отношений (В. С. Мясников, Е. А. Белов, В. А. Моисеев, М. И. Сладковский, А. Н. Хохлов, В. Г. Дацышен и др.). Крупные монографии В. С. Мясникова «Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв.» (1996), В. А. Моисеева «Россия и Китай в Центральной Азии: вторая половина XIX — 1917 г.» (2003), С. Г. Лузянина «Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1949 гг.» (2000), В. Г. Дацышена «Очерки истории российско-китайской границы во 2-й половине XIX — начале XX вв.» (2000), «История российско-китайских отношений в конце XIX — начале XX в.» (2000), Е. А. Белова «Россия и Китай в начале XX в. Русско-китайские противоречия в 1911–1915 гг.» (1997) создали прочную научную основу для изучения истории русско-монгольских отношений. Сделана успешная попытка российских китаеведов создать обобщающую коллективную работу по истории русско-китайских отношений «Россия и Китай: четыре века взаимодействия» (2013). Китаеведение имеет большой творческий потенциал и несколько опережает другие сферы российского востоковедения. Заслуживает внимания стремление авторов создать полную и объективную картину событий и не формировать у читателей определенный взгляд на события. Авторы отдельных глав излагают собственные взгляды на описываемые события, не избегая спорных вопросов в литературе. Определенный вклад в исследование темы вносят историки, занимающиеся историей Сибири, историей Бурятии и Забайкалья, Тывы («История Тывы» в 2-х

томах, «История Бурятии» в 3-х томах (2011), «Энциклопедия Забайкалья» в 4-х томах), «Историческая энциклопедия Сибири» (т. I–III) (2009). История пограничных территорий, биографии политических и пограничных деятелей, экономические связи территорий дополняют историю российско-монгольских отношений в начале XX века. Значительное место в отношениях данного периода занимали религиозные связи монголов, бурят, тувинцев. Паломничество российских ламаистов в Монголию и Тибет, приезд буддийских деятелей из Монголии и Тибета в Россию находят отражение у российских исследователей. Формированием художественных коллекций в России занимаются российские искусствоведы и музееведы.

Назрела необходимость создания обобщающей работы по истории российско-монгольских отношений в первой половине XX в., с привлечением специалистов различного профиля: историков, экономистов, филологов, философов, политологов и культурологов. Это позволит создать объемную и всестороннюю историю взаимоотношений двух стран, народов и культур. Результаты исследования необходимо ввести в научный оборот на русском, монгольском, китайском и английском языках. Это позволит стать ближе и понятнее монгольской исторической науке и мировому монголоведению⁴.

Публикация новых оригинальных исторических источников в Монголии и России, появление новых подходов и оценок в российской и монгольской историографии диктуют определение спорных точек зрения и создание цельной картины отношений двух стран. Выявление и публикация новых архивных и мемуарных источников, междисциплинарный подход к проблеме позволят выйти на новый уровень исследования сложных тем изучения истории взаимоотношений России и Монголии. Концептуально мы исходим из положения анализа конкретно-исторического материала с позиции национальных интересов России.

⁴ Россия и Монголия: новый взгляд на историю (дипломатия, экономика, культура): сб. науч. тр. Улан-Батор; Иркутск, 2014. Кн. 4. 374 с.

ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ МОНГОЛО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

«Философия истории означает не что иное, как мыслящее ее рассмотрение».

Г. В. Ф. Гегель

История человечества есть циклично продолжительный ряд борьбы людей за свое существование; и эта борьба совершается в определенных рамках времени и пространства, охватывает в себе уже совершивших, и теперь совершающихся (теперь совершающихся в дальнейшем останется как история); эти действия полны удачами и неудачами, следовательно, положительными и отрицательными явлениями. Время творится самими людьми и переживается ими, дело в том, что если *время* бывает то такими или то иными — значит таковыми оказываются и судьба и итог действия людей.

Под *пространством*, здесь имеется ввиду, саму природу, которая имеет непобедимую сущность; пространство — естественное величие; деятельность людей в рамках пространства привела человечества к цивилизации.

Следовательно, история человечества есть история его непрерывного существования, крепко связанного временами своего и внешними природными силами. Эта история, или цепной ряд всяческих события мирового масштаба содержит в себе поступательного развития нашего человечества. Исторический циклический ряд разворачивается не только горизонтальной, но и вертикальной линии, заключая в себе роста и падения, прогресса и регрессии. Человеческий мир полно прогрессом и регрессией, достижениями и потерями, удачами и неудачами, повторениями и разрывами, счастьями и несчастьями. Отсюда спиральный вид общечеловеческого развития.

Великий французский философ Ф. Бэкон писал, что история — это деятельность людей, что в ней действуют сознательные индивиды, преследующие свои цели. К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно подчеркивали именно такую мысль.

Эти научные выводы одновременно относятся не только к процессу самой истории как предмет исследования, но и исторической науки, которая изучает этот предмет. Оставленные в записанном виде события прошлого есть

историография сюда своеобразным видом относятся и археологические находки, а исследование, опирающиеся на этой историографии есть *история как наука*.

История как знание имеет важнейшее значение для данного народа и стран, поскольку народ благодаря своей историей осознает прошлый процесс своего развития, которого выражается ихними законами, традициями и действиями. Незнание об истории приводит к тому, что считать реальную жизнь народа во времени и пространстве только как произвол разнообразных случайностей и стихийности.

Философско-исторический анализ всех этих случайностей на уровне серьезного размышления дает систематизированное и приведенные в устойчивости знание, тем самым выявляет правило как следует размышлять в дальнейшем. В этом смысле, как говорил Гегель, историческое знание имеет важное значение для развития народов.

Те, что были в жизни людей раньше чем государственности считаются до историческими периодами. Эти периоды относятся ко времени до осознания содержания своей жизни людьми. Легенды, мифы, народные песни и предания, исходящие от этого времени не относятся к реальным фактам и к историографии, поскольку они не выходят из исторического *осознания*.

Философия истории должна находить и интерпретировать *потусторонние* причины всяких событий и обстоятельств, где развернулись исторические процессы. Только в таком случае историческая истина будет выявлена в своей полнокровности. Когда изучаешь историю нельзя пытаться показать маленького большим, большего маленьким, как это случается сегодня у нас, в Монголии. Мы должны правильно, основательно обрабатывать исторические факты и на этой основе писать историю как следует истинно. Иначе, может появиться неправильно оценивающая, и тем самым искажающая исторических событий историография.

Всегда возникают какие-либо новые, и они в дальнейшем протекают по своей дороге — это и есть исторические события. Добавлю, *событиями* мы можем называть разрывание одной или нескольких связей внутри или вне (соседствующих) систем. Сюда еще можно добавить и обратное соединение этого разрывания.

В общем то, события (со + бытие) — это крупные явления, на которые мы должны обратить особое внимание. Философия истории или философско-исторический анализ, как представляется нам, должны исследовать именно таких сторон исторических процессов.

История человечества происходит не в общем, абстрактном виде, а конкретно, как история одной нации или стран.

Мы, на этот раз, старались рассмотреть только первую четверть XX в. долгой истории монголо-российских отношений с точки зрения философии истории.

Потому что, этот период был чрезвычайно значительными годами в решении судьбы тогдашней Внешней Монголии, значит сегодняшней независимой, полноправной Монголии. Этот период действительно был очень важным временем для монгольского народа. Именно в первой четверти XX в. Монголия завоевала свою независимость. Независимость для стран ценнее всех. «Особую роль в становлении независимого монгольского государства XX века сыграла Россия, оказавшая дипломатическую поддержку, военную и экономическую помощь»¹. С этим выводом русского ученого, доктора исторических наук, профессора Ю. В. Кузьмина нельзя не согласиться.

Полноценная картина, которая могла бы подлежать философскому осмыслению, история монголо-российских отношений началась в первой четверти XX в. Такой мой вывод связан с тем, что в 1911 г. Внешняя Монголия отделилась от Китайской империи Цинской династии. Документы и факты показывают, что именно с этого времени исходят далеко идущие политико-дипломатические отношения между независимой Монголией и Россией.

В первом десятилетии XX в. народная борьба не только против внутренних эксплуататоров, но и против китайских колонизаторов начала систематически происходить в западных, восточных и центральных районах Монголии. Вместе с тем, в 1905 г. произошла революция в царской России, также в Китае развернулись антифеодальные и антиимпериалистические движения. Влияния этой борьбы и движения, происходящие внутри и вне Монголии, дали материал для размышления не только всему угнетенному монгольскому народу, но и прогрессивной верхушке Монголии государственным деятелям и интеллигенции.

¹ Актуальные вопросы истории Российско-монгольских отношений первой четверти XX века. Иркутск, 2013. С. 27.

Настроения, возникшая под влиянием всей этой борьбы и движений развиваясь и расширяясь привели к тому, что представители монгольской верхушки собрались на тайное совещание в июле 1911 г. Верхушка Внешней Монголии надеялись на помощь России в борьбе против маньжурского угнетения, в борьбе за независимость своего государства. Все же ясно, что, для Монголии, зажатой между двумя великими соседями, не было другого выхода, чем обратиться к России. Надо брать ориентацию на Россию!, тем более установленные уже с XVII в. отношения между нашими народами всегда имели дружественный, добрососедский характер. За эти долгие годы между двумя странами никогда не было войны или даже пограничных конфликтов. Взаимное доверие между двумя странами было настолько глубоко, что тому подтверждение праздник «Эв модны наадам» который каждый год происходил на границе между нашими странами.

Учитывая такое обстоятельство, инициативный съезд монгольских князей, который состоялся в июле 1911 г. решил послать специальную миссию в Петербург «для получения поддержки у правительства царской России в борьбе за государственную самостоятельность»². Благодаря правильной политике наших предков Внешней Монголии в борьбе за независимость своей страны монгольская нация была спасена от неизбежной гибели. Этого, теперь, нам нельзя забывать!

В изучении монголо-российских отношений первой четверти XX в. нужно обратить внимание и на то, что граница между Монголией и Россией почти на два столетия стала российско-китайской границей. Монголы, хотя жили более 200 лет под маньжурским игом, смогли сохранить свою национальность и историко-культурное единство, это и есть еще один важный фактор добрососедских отношений между Монголией и Россией, об этом и русские ученые особо подчеркивают.

Важным фактором национальной безопасности Монголии являются отношения с двумя крупными соседними странами-Россией и Китаем. Этот фактор дал себя знать на весь XX в. и таким же образом останется в дальнейшем.

Если говорить со стороны Монголии, в географическом смысле, мы-монголы живем между Россией и Китаем как середина. Это же есть во всех случаях вечное обстоятельство. Насколько я думаю, опять-таки это для наших

² Ширендыб Б. Монголия на рубеже XIX–XX веков. Улан-Батор, 2012. С. 58.

монголов очень удобное пространство! Важнейшая задача монголов заключается в том, чтобы, мы монголы, должны проводить такую политику, которую соответствует интересам обеих этих стран, и тем самым развивать защиту своей национальной идентичности.

История совершенно ясно и многосторонне показывает нам это. Географический смысл обязательно приобретает политический характер, т. е. географическое место, природные ресурсы любой страны оказывают очень важные влияния на отношения между государствами.

Профессор Ю. В. Кузьмин пишет, что «в XX в. международное положение Монголии несколько раз радикально изменилось в зависимости от соотношения сил в Восточной Азии, от усиления или ослабления Китая или России»³. Монголия, все так и не могла уклониться от этого обстоятельства.

В изучении монголо-российских отношений первой четверти XX в. надо обратить внимание еще на тогдашнее международное положение. Русский ученый, доктор исторических наук, профессор Е. И. Лиштованный пишет, что «к началу XX в. Монголия становится ареной острой экономической и политической борьбы ведущих мировых держав»⁴. Россия проводила свою политику в отношении Монголии на таком фоне международного положения.

Характер монголо-российских отношений в первой четверти XX в. можно разделить на следующие периоды:

- находящаяся под игом Маньжурской династии Внешняя Монголия (1900–1911 гг.);
- объявив свою независимость (1911 г.), потом в 1915 г. попавшей под Китайской автономии Монголией и царской Россией (1911–1917 гг.);
- автономной Монголии и Советской России (1917–1921 гг.);
- Народной Монголии и Советской России (1921–1925 гг.);

Из этого, действия царской российской стороны можно разделить на следующие признаки:

- «государственная дипломатия» царской России на создание автономной Монголии и признание особых прав России в Внешней Монголии⁵;
- «народная дипломатия», интересующая

Внешнюю Монголию (деятельность русских торговцев, исследователей и демократической интеллигенции). Последнюю Ю. В. Кузьмин называл «прогрессивным кругом российской общественности»⁶. Думаю, что это есть верная оценка.

Тема «Монгольский вопрос», который широко обсуждался в России в то время, впервые коснулась русский ученый, доцент Е. М. Даревская. Выдвинутый ею этот тезис имеет большое значение в философско-историческом анализе монголо-российских отношений в первой четверти XX в.

Труды, посвященные российско-монгольским отношениям, изданы в России в огромном числе. Из этих работ хочется особо отмечать труды иркутских ученых. Я имею ввиду великолепную книгу «Актуальные вопросы истории российско-монгольских отношений первой четверти XX века». Мы получили основные идеи нашего размышления именно в этой книге.

Монголо-российские отношения, как по естеству международных отношений, начались в торговой области. Как справедливо подчеркивает русский ученый Ж. З. Тагаров, с конца XVII до начала XX в. (1911) российско-монгольская торговля осуществлялась в рамках российско-китайских отношений и в общей системе международных контактов России и Китая, находившегося тогда под властью маньжурской династии Цин. «Данное обстоятельство связано с тем печально известным фактом, что Внешняя Монголия в этот период не была независимой и входила в состав Цинского Китая. Тогда не была возможности для монголов самим решить как внутренние, так и внешние дела»⁷.

Здесь мне хочется, кстати, особо заметить историческую информацию русского ученого Н. Е. Единарховой. Она говорит о золотой горячке русских в тогдашней Монголии. Она цитирует слова Е. М. Даревской о том, что тогда «Монголию столбили, рыли и бурили во всех направлениях»⁸. А, теперь всемирно рокот Монголию! Информация этих русских ученых — это не только информация, но и большое предупреждение для нас!

* * *

Следуя решениям выше упомянутого совещания монгольской верхушки из Урги в Пе-

³ Актуальные вопросы истории Российско-монгольских отношений первой четверти XX века. С. 27.

⁴ Там же. С. 43.

⁵ Там же. С. 34.

⁶ Актуальные вопросы истории Российско-монгольских отношений первой четверти XX века. С. 148.

⁷ Там же. С. 98.

⁸ Там же. С. 82.

тербург тайно выехала 29 июля 1911 г. первая дипломатическая миссия Монголии во главе с Чин ваном Ханддорж и прибыла 15 августа в Петербург. Как сообщает источник, миссия была принята царским министром иностранных дел Сазоновым и передала царю Николаю II письмо Богд гэгэна.

В этом письме дана информация о том, что китайские власти начали оказывать насильственные давления, чтобы Монголия признала так называемый «Порядок нового правления» Китая в Монголии. Дальше, в этом письме, предупредили российскую сторону, о том что, китайская политика, которая выражается в поселении китайских граждан в северной части Халхи, чтобы они занимались земледелием, и утвердить китайские вооруженные силы на границе Монголии и России, имеет три опасных последствия:

- не допустить сближения Монголии и России, разорвать их отношения;
- в дальнейшем, используя эту территорию, напасть на Россию;
- этим самым поставить Монголию в ситуацию безвыходного опасного положения.

Затем, в этом документе, после данного предупреждения напоминает о том, что Китай теперь в смуте, и предложено, что «...именно в этот период пришло время нашей дружбы — Монголии и России». После этого в письме предлагается правительству России заключить договор о признании независимости Монголии, а также подписать соглашение о торговле, о строительстве железной дороги и о расширении почтовой связи. Но российское правительство настойчиво убеждало монгольскую миссию быть умеренной в своих требованиях и объяснило ей невыполнимость в настоящее время задуманного монголами полного отложения от Китая.

Однако царская Россия дала понять, что будет оказывать поддержку Монголии в деле сохранения самобытного строя во внутренних делах и не допускать ввод китайских войск в Монголию.

Совет министров России после получения вышеупомянутого официального письма, где выражено 21 соображение, провел длительное совещание 17 июля 1911 г. и принял постановление, где подчернуто: «...Монгольский вопрос имеет для нас очень важное значение», здесь же определена тактика российского правительства в этом отношении.

Хотя политика царской России по поддержке проблемы монгольской независимости име-

ла непоследовательность, все же Внешняя Монголия, самостоятельно действуя, изгнала маньчжурских амбаней из Урги, Улясутая, объявила свою независимость 16 декабря 1911 г., возвела Богд-гегэна на престол. В связи с этим событием 29 декабря 1911 г. царское правительство сделало официальное сообщение. В этом сообщении сказано, что, «Провозгласив в Урге свою независимость и избрав ханом своего духовного главу Чжебзун-Дамба-Хутукту, Монголы обратились к России за поддержкой. Императорское правительство ответило монголам на эту просьбу советом действовать умеренно и постараться найти ночву для соглашения с Китаем...»⁹ и тут же добавил, что Россия не питает агрессивных замыслов в Монголии. Между Монголией и Россией в Урге подписан договор 21 октября 1912 г. Чуть позже российское правительство по дипломатической линии выразило министру иностранных дел Китая, что Россия должна получить гарантию от Китая, в том что в Монголии не будет восстановлена китайская администрация и не будет ввода китайских войск.

Можно сказать, что и монгольское правительство поняло скрытую смысл политики Российского правительства. Доказательством тому являются следующие факты. В феврале 1912 г. республиканское правительство Нанкина, обращаясь к монгольской стороне, предлагало ей поддержать Китайскую Республику и послать своих делегатов в Нанкин для обсуждения общеполитических вопросов. 28 февраля 1912 г. Ургинское правительство послало Нанкинскому правительству ответную телеграмму. Там сказано: «...Монголия лежит близко к России. Если Монголия сделает хоть малейшее изменение в своей политике, она попадет в очень тяжелое положение. Нет надобности нам посылать делегатов в Нанкин...»¹⁰. Этим точно выражается политика монгольского правительство: последовательно держать ориентацию на Россию. Однако, утвержденная в 1912 г. Временная Конституция Китайской Республики объявила Монголию составной частью Китая.

Тем самым, началась дипломатическая борьба по проблемам независимости Монголии между Монголией и Китаем. Для подробности, и в уточнении монголо-российских отношений этого периода имеет важное значение письмо

⁹ Ширендыб Б. Монголия на рубеже XIX–XX веков. С. 67.

¹⁰ Там же.

(бичиг) 1912 г. Президенту Китая от Монгольского Хана — Богд-Гэгэна. Дело в том, что Китайский президент Юань-Шикай прислал телеграмму монгольскому хану 16 марта 1912 г., где сказано, что монгольский род самостоятельно не может существовать, он и далее может развиваться только в составе Китая.

Главные мысли ответа Богд-хаана состояли в том, что:

- очень недавно Монголия и Китай обе были в угнетении Маньчжурской империи;
- из-за того что Маньчжурская империя не могла проводить добродетельную политику, Монголия и Китай отделились от нее, устроили каждый у себя свое государство;
- вообще говоря, наше монгольское государство создано раньше вашего¹¹;
- Монгол и Китаец вообще не однородные, у нас язык и письменность не идентичные (совершенно разные);
- поэтому, сегодняшнему Китаю не следовало бы думать занимать страны и территории того маньчжурского времени (подумай о Наполеоне);
- если это так, лучше монголам — Монгольское государство, и китайцам — Китайское государство;
- сейчас пришло время, чтобы каждый по-своему устроил свое государство и жил на основе дружественного договора;
- договор¹², подписанный между Монголией и Россией не надо рассматривать, как направленный на уничтожение Китая, и на основе этой выдумки решить оккупировать Монголию военными силами;
- если дело дойдет до применения военных сил, кто знает что, это вообще решается не нами, а Божественной волей.

Таким образом, защищены в этом письме, не только монгольские, по российские интересы.

Внешняя Монголия требовала свою государственную независимость от Китая. В данное время, хотя Китай имел внутренние смуты и внешние вторжения, никак не хотел потерять Монголию.

Юань-Ши-Кай хотел во что бы то ни стало задушить освободительное движение монгольского народа, прибежал к разным методом

от уговора до угроз, даже применения военных сил. Эти его попытки кончились тем, что Китайские милитаристы оккупировали Монголию, ликвидировали Монгольскую автономию в 1919–1920 гг., и изгнаны в начале 1921 г.

Внешняя Монголия в борьбе за независимость просила поддержку из России. Царская Россия в 1911–1917 гг. в отношении Монголии проводила умеренную политику, но она не была последовательной. Это зависело от самой ее положения, занимающееся в мировой политике. Царская Россия в то время не хотела попасть в противоречии с Китаем. Таким образом, проблема государственной независимости Внешней Монголии определялась нахождением между двумя державами. И это подтверждено Кяхтинским договором 1915 г. Все же правительству Богд-хана пришлось бороться за государственный суверенитет. Поэтому, Богд ханское правительство Монголии требовало у Царской России, чтобы присоединить к Внешней Монголии Внутреннюю Монголию и Баргу. Это требование, наверное, была большая тактика, сначала требовать больше, потом остаться сохраняемым себя в себе; конечные результаты об этом ясно говорят.

Борьба монголов за независимость своего государства произошла при специфических и своеобразных обстоятельствах Монголии и России.

Теперь, постараемся показать положение дел монголо-российских отношений того времени на схеме:

- **Царская Россия — великая держава**¹³ — в этом была ее особая забота или драма, у нее колониальные интересы: захватывать и не потерять;
- **плюс Царской России:** ее военно-экономическая мощь и мировое величие;
- **минус Царской России:** из-да своего многостороннего мирового интереса она не может последовательно защищать интересы малых и отсталых стран, государств;
- **Монголия** — маленькая, угнетенная страна — в этом была ее печаль; у нее антиколониальные интересы: добиться свою независимости; отделяться от Китая;
- **плюс Внешней Монголии:** срединность между двумя державами, тем более все-таки

¹¹ Внешняя Монголия заявив свою независимость в 29 декабря 1911 г. Богд-гэгэна объявила монгольском хано-теократой. Однако Юань-Шикай избран президентом Китая в 15 февраля 1912 г.

¹² Видимо, имеется ввиду договора, который подписан в Урге между Монголией и Россией.

¹³ Здесь уместно напомнить, что К. Маркс 1870 г. писал: что «Россия и Англия — два великих столпа современной европейской системы. Все остальные имеют второстепенное значение, даже прекрасная Франция и ученая Германия» (Маркс К., Энгельс Ф. Письма о «Капитале». М., 1968. С. 188.).

была легальная политика у Российской империи в своих интересах поддержать Монгольскую независимость, отсюда ее надежда;

• **минус Внешней Монголии:** колониальная политика Китайской империи в отношении Монголии и закабаление Российской империи.

«Величие великого» и «печаль маленького», оказывается, не так просто соприкасаются. Тем более, всемирная история, в том числе история отношений между государствами не всегда была историями счастливыми и достижениями, тем более победами, эта история, как личная жизнь человека, была и есть полна удачами и неудачами.

Такой образ положения в монголо-российских отношениях бытовал с российской стороны до 1917 г., а с монгольской стороны вплоть до 1921 г.

Советская Россия в отношении автономной Монголии начала проводить диаметрально противоположную царской России политику.

Советское правительство в марте 1918 г. послало Обращение к народу и правительству Внешней Монголии о признании прав монгольского народа на свободу и государственную независимость. В 1919 г. Советское правительство снова торжественно заявляет: русский народ отказывается от всех договоров сделанные японским и китайским правительствами относительно Монголии. Монголия есть свободная страна. Русские советники, царские консулы, банкиры и богачи, державшие силой и золотом в своих руках монгольский народ, должны быть изгнаны из Монголии. Вся власть и суд в стране должны принадлежать монгольскому народу. Ни один иностранец не вправе вмешиваться во внутренние дела Монголии. В отмену Соглашения 1913 г. Монголия, как независимая страна, имеет право непосредственно сноситься со всеми другими народами без опеки Пекина или Петербурга.

Советское правительство, громогласно возвещая об этом монгольскому народу, предлагает немедленно вступить в дипломатические отношения с русским народом и выслать на встречу Красной армии посланцев свободного монгольского народа¹⁴.

Монгольское правительство не отвечало на это предложение и по совету колчаковских представителей продолжало проводить враждебные действия против Советской власти.

Монголия только что возвела Хана! Однако в России царь низвержен! Можно ли, в таком случае, попросить помощь у Советской России! Таким психологическим образом, политика ориентации на Россию тогдашней монгольской верхушки попал в тупик. В это время усиливается китайская агрессия, и президент Китая принимает указ 22 ноября 1919 г., которой считает не действительным трехсторонний Кяхтинский договор и уничтожалась Монгольская автономия. Следуя этому указу, китайская военная верхушка, пребывая в Монголии со своими силами, выполнили указ своего президента. И это еще раз показало, что политика верхушки пошла в тупик. Поэтому борьбу пришлось вести снизу. И это было сделано. Появились тайные политические группировки в 1918–1919 г. Эти группировки соединились в июне 1921 г., и создали политическую партию — Монгольская Народная Партия (МНП). Таким образом, в Монголии организовало первое гражданское общество и это открыло дверь к победу организованной борьбы нашего трудящихся за независимость своего государства.

Создатели МНП, или как традиционно-правильно пишут наши историки, монгольские революционеры получив печатное письмо с Богд-хана и совершив свой документ о помощи, обратились к Советской России. Короче, Советское правительство принимая это желание монголов и помогало во всех отношениях. Наконец, то, что монголам хотелось, выполнено — произошла в 1921 г. в Монголии национально-демократическая революция, и завершилось полным, мирным успехом.

Таким образом, благодаря народной революции 1921 г. отношения между народной Монголией и Советской Россией получили характер нового типа и дальше активно развивались. 5 ноября 1921 г. подписано Монголо-Советское Соглашение о взаимном признании и об установлении дружеских отношений.

Трехстороннее соглашение (1915 г.) о признании автономии Внешней Монголии как результат агрессивного нажима соседних империалистических государств, ликвидация автономии Внешней Монголии (1921 г.) как продолжение Китайской колониальной политики и Унгерновская затея как выкидыша гражданской войны в России (1921 г.), все эти эпизоды в Монголии, остались позади.

Монголия в 1924 г. в своей Конституции провозгласила себя — Монгольской Народной Республикой.

¹⁴ Ширендыб Б. Монголия на рубеже XIX–XX вев. С. 115–116.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОНГОЛИИ В XX–XXI ВЕКАХ

В новейшее время знание истории монголов вошло в новую фазу развития, выросло в современную науку истории и продолжая расти, сформировала свои специальные и вспомогательные дисциплины. Эта статья основана на исторических произведениях и изучении работ исследователей по историографии. При этом, можно классифицировать их развития на определенные этапы и дать фазовые характеристики, также выявить все успехи и неудачи историоведения и дать обзор текущего положения историографии Монголии.

Историография Монголии в XX — начале XXI вв. прошла следующие этапы:

1. Историография Монголии после победы национально-освободительной революции (1911–1921).

2. Историография после национальной революции 1921 г. (1920–1930-е гг.).

3. Переход к Марксистскому подходу в историографии (середина 1930-х — 1950-е гг.).

4. Полное господство марксистско-ленинской методологии в истории (1960-х — конец 1980-х гг.).

5. Этап формирования плюрализма в исследованиях истории Монголии. Современное положение исторических исследований.

Историография Монголии после победы национально-освободительной революции (1911–1921)

У монгольского народа имеется огромная традиция историописания. Доказательством служат различные произведения истории, как например, написанное в 1240 г. «Сокровенное сказание монголов», Лу. «Золотой ключ», «История десяти благородных книг четырёх правителей», «История названных фельдшеро́в», «История золотой родословной Чингис хана в писании Течение Ганга», «Драгоценное толкование», «Хрустальные чётки», «Жемчужные чётки»¹ и другие известные работы. В

работах по истории Монголии средних времён заметно существенное влияние методов и подходов историографии Индии, Китая и Тибета того времени. Особенно, со времён распространения буддизма (XV в.) значительно увеличилось религиозное влияние в записях истории.

Знание истории у монгольского народа перешло в новую фазу развития с недавних времён (с начала XX в.), история стала развиваться как современная наука со своими отраслевыми и прикладными дисциплинами.

В результате победы национально-освободительной революции Монголии 1911 г., которая явилась первым стартом к возрождению, Монголия освободилась от маньжурской династии Цин и было создано независимое государство и в связи с этим сформировался фундамент интенсивного изучения истории нашей родины. Инициаторами и руководителями данной национально-освободительной революции были потомки золотой родословной

Алтановч. Монгол бичгээс хөрвүүлж, оршил бичиж, харгуулан тайлбарласан Ш. Чоймаа. «Соёмбо принтинг» ХХК-д хэвлэв. Улаанбаатар, 2006. 295 тал.; Арван буянт номын цагаан түүх. Лиу Жин Со харгуулан тайлбарлав. Өвөр Монголын ардын хэвлэлийн хороо, 1992; Арван буянт номын цагаан түүх. Монгол бичгээс хөрвүүлж, бусад эхтэй харгуулан тайлбар хийсэн Ш. Чоймаа, Р. Тордалай, оршил бичиж, эхийг хавсаргасан Б. Баярсайхан. «Соёмбо принтинг» ХХК-д хэвлэв. Улаанбаатар, 2006. 201 тал.; Гомбоджав. Гангийн урусгал. Издание текста, введение и указатель А. С. Пучковского. М., 1960; Гомбожав. Гангын урсгал. Монгол бичгээс хөрвүүлж, оршил бичиж, тайлбар, хавсралт хийсэн Б. Баяртуяа, Ц. Батдорж, Б. Пурэвдэлгэр. «Соёмбо принтинг» ХХК-д хэвлэв. Улаанбаатар, 2006. 176 тал.; Ulaan B. Erdeni-yin tobci-yin sudulul. Liyoning-un ündüsüten-ü keblel-ün qoriy-a, 2005, 822 tal-a; Саган Сэцэн. Эрдэнийн товч. Сонгомол эх бэлтгэж, хөрвүүлэг, тайлбар зүүлт хийсэн М. Баярсайхан. «Соёмбо принтинг» ХХК-д хэвлэв. Улаанбаатар, 2006. 366 тал.; byamba-yin Asaraγci neretü(-yin) teüke (эх бичгийн судалгаа). Тэргүүн дэвтэр. Галиглаж, үгийн хэлхээг үйлдэн хэвлэлд бэлтгэсэн Ц. Шагдарсүрэн, И Сөн Гю (Lee seong-gyu). Улан-Батор, 2002; Galdan tusalayci. erdeni-yin erike kemekü teüke bolai. Transcription by J. Gerelbadrakh. Edited by Yo. Janchiv. Ulaanbaatar, 2007. 999 p.; bolur erike. öbür mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2000; bolur toli «Spiegel aus bergkristall» von jimbadorji (1834–1837). In Faksimile mit Einleitung und Namensverzeichnis herausgegeben von Walther Heissig // Monumenta Linguarum Asiae Maioris. Series nova III. Kopenhagen 1962.

¹ Rachewiltz Igor de, *The Secret History of the Mongols*, Translated with a historical and philological commentary. Brill Leiden-Boston, 2004; Монголын нууц товчоо. Эхийг шинээр хөрвүүлж буулгаж, тайлбар хийсэн Ш. Чоймаа. «Соёмбо принтинг» ХХК-д хэвлэв. Улаанбаатар, 2006. 239 тал.; Лубсан данзан. Алтан товчи. Перевод с монгольского, введение, комментарий и приложения Н. П. Шастиной. Москва, 1973. 426 p.; Лувсанданзан

Чингис Хана, а также глава буддийской религии VIII Богдо Жэвзундамба хутагта.

Обзор и пересмотр истории дали понять передовой части монгольского народа насколько их страна отстала от других стран по развитию и стала искать пути внедрения и распространения современной культуры, образования и науки.

С этого периода в истории историографии появился новый подход, связанный с историей Монгольского государства, с интересами независимости страны, а также расширился круг изучения истории. Основным достижением этого периода стало появление и развитие современного знания исторической науки наряду со старыми традиционными стилями.

В промежутке с 1911–1920 гг. было выпущено немало литературы, книг, сочинений и статей по истории Монголии. По форме письма и контекста, они могут быть классифицированы:

1. Официальная история Монголии: История Монгольского государства в двух томах.

2. Мини работы по истории, печатающиеся в регулярной литературе как например: «Новое зеркальцо» (6 июня 1913 г. — 21 августа 1914 г.). «Бюллетень столицы» (1 сентября 1915 г. — 23 января 1920 г.).

3. История государства и религии: Ч. Дандаа «Драгоценный словарь, служащий процветанию правил Божеской книги» (1913), «Положения нового правительства» (1915)².

4. Биографические исследования: Агваанпринлэйжамц «История провозглашённого Богдо хана» (2001), Бадамцэрэн №Тайная история возведения на трон Богдо Живзундамба» (Весёлый праздник триумфального сына, известный как океан радости)³.

В Министерстве Управления Внутренних Дел даже выделили место для работника по вопросам исторических рукописей. В 1913–1918 гг. были написаны 2 тома «История (шаштир) Монголии, собранная по приказу»⁴.

² Дандаа Ч. Бурхны номын журам бадруулсан Эрдэнэт толь хэмээх шаштир. 1913; Дандаа. Эрдэнэт толь хэмээх шаштир оршивой. Оршил бичиж, кирилл үсэгт хөрвүүлсэн Д. Дашбадрах. Улаанбаатар, 1995; Шинэ засгийн зүйл. 1915.

³ Агваанпринлэйжамц. Монгол улсын Олноо Өргөгдсөн Богд хааны түүх. Улаанбаатар, 2001; Богд Живзундамба хаан ширээнд заларсны нууц түүх: Ялгуулсан хөвгүүний баясгалангийн хуримын далай хэмээгдэх оршивой. Монгол улсын Үндэсний номын сан. 31-35/96.

⁴ Монгол улсын шаштир. I дэвтэр. Кирилл бичигт буулгаж, хэвлэлд бэлтгэн, тайлбар хийсэн А. Очир,

Этот Шаштир должен был стать первой официальной историей нового, суверенного Монгольского государства и поэтому правительство глубоко поощряло и поддерживало всю деятельность по составлению истории. В качестве подготовки к этой грандиозной работе были собраны материалы и документы со всех краёв Монголии и с помощью грамотных людей и их учеников со всех провинции, удалось завершить составление документов и написание истории страны.

В то время, историки с прогрессивным и демократическим взглядом внесли значительный вклад в написание истории, при этом сохранив традиционные методы историографии. Преобладал описательный эмпирический метод. Труды лама Дамдин, Бадамцэрэн, гүүш Сумъяа, князь — гүн Дашням, Нямжав, Л. Дэндэв, Н. Магсаржав, Ч. Дандаа являются ценным источником в изучении истории начала XX в.

В то время также была сохранена традиция написания истории на монгольском, а также ещё и на тибетском языках. Произведения монгольских философов, историков, лингвистов и других ученых, написанные на тибетском языке, являются ценным наследием и материалом для изучения истории культуры монгольского народа. Тем не менее, полезно знать, что любое литературное произведение есть продукт своего времени.

Нужно отметить и тот факт, что произведения зарубежных авторов также переводились и печатались на тибетском языке (помимо монгольского) по заявкам государственных и религиозных организации того времени.

В это же время были написаны много произведений, авторы которых неизвестны. Некоторые из них: «История для Всеми провозглашённого хана и для рядовых монголов» (однотомная книга), «История наследственных князей четырёх провинции» (28 с.), «История корней и происхождения ханов и князей провинции верных старых торгудов и искренних новых торгудов» (74 с.), «О монастырских собраниях, храмах шести провинции Халх и Дурвэд аймаков» (64 с.), первоначальная версия предыдущей книги «Пять книг материалов по истории государства Его благородия Жибзундамба», «Гэрийн үеийн бичмэл» — рукопись, которую продолжали писать монгольские князья в течение многих лети №Правительствен-

3. Лонжид, Ц. Төрбат. Улаанбаатар, 1997. 1999 тал.; Монгол улсын шаштир. II дэвтэр. Кирилл бичигт буулгаж, хэвлэлд бэлтгэн, тайлбар хийсэн А. Очир, 3. Лонжид, Ц. Төрбат. Улаанбаатар, 121 тал.

ное писание по Автономии Монголии и защиты безопасности» и др.

В этих исторических произведениях были отражены, и в какой-то мере определены историко-политические, религиозные взгляды, и в том числе национальные и социальные интересы монгольского народа. В этот период в стране Буддизм занимал господствующее положение и поэтому религиозное образование было важной частью монгольской культуры. Однако, среди буддийских монахов появились реформистские идеи по инновации и облагораживанию буддийской религии. Среди них были архиепископ столицы, философы, поэты и учёные.

Исторические сочинения 1911–1920 г. была небольшой по объёму, описывала определённых людей, краткие исторические промежутки, и занималась восстановлением картин тех или иных событий. По стилю письма, как сказал Гегель, это был «начинающий уровень истории». Исторические работы и произведения этого времени написаны в виде доклада и поучительного воспитания, поэтому имеют природу истины и наблюдательного описания текущей обстановки; выражают особенности и оценку ценностей того времени.

В историографии Монголии начала XX в., хотя и было сильное влияние буддийской концепции, сохранилась уникальная национальная идентичность. По форме записи, эти исторические работы выдерживают глубокий традиционный стиль и понимают историю как науку. Это было время активизировался инициатива переосмысления истории. Другими словами, историография этого периода, принимает и оставляет традиционный метод написания истории, постепенно отказываясь от понятий истории как история распространения религии, переходя от старого метода записи истории к гражданской историографии.

Историография Монголии после победы Национальной революции 1921 года (1920–1930)

Монгольский народ снова восстал на защиту свободы и независимости своей страны и совершил национальную революцию в 1921 г. Возглавили революцию сторонники национально-демократического направления. Это были, в основном, мелкие буржуа и государственные чиновники. Новое народное правительство начало задумываться об идее создания института по проведению исследований по истории своей страны.

Основываясь на инициативе прогрессивной интеллигенции Народное правительство поручило таким историкам, как С. Жамъян, Ч. Бат-Очир, Ж. Цэвээн, Данзан создание новой исследовательской организации и устава работы. Так, в конце октября 1921 г. был написан проект «Институт по изучению рукописей» в 15-ти пунктах и был предоставлен на рассмотрение XXII заседания правительства. Первый пункт Устава гласит: «По указу Монгольского Народного правительства создан Институт по изучению рукописей, который должен заняться переводами различной международной научной литературы и работы, полезные для политической деятельности на монгольский язык с целью распространения. Постскриптом: Собрать иностранные книги и рукописи для фонда и различные диковинные вещи для создания музея с целью сделать их достоянием публики. Также, организовать поиск и собрание рукописей со всех концов Монголии, сохранить их целостность. Взять под защиту древние каменные памятники, с важной для монгольской нации, генеологической надписью»⁵.

Таким образом, Институт (Судар бичгийн Хүрээлэн) по изучению рукописей официально был основан в ноябре 1921 г. Директором Института был назначен Сангажав Жамъян. Он освободил свой особняк, который был построен в русском стиле, и поселил туда новую организацию. С 22 ноября 1921 г. институт объявил о начале своей официальной деятельности.

Начальный этап работы Института, на самом деле явился подготовкой для тематических исследований истории страны. Например, работники института собрали и зарегистрировали документы периода, когда Маньчжурия властвовала в Монголии. Это были счета, связанные с административной деятельностью маньчжуровцев, списки и документы, подтверждающие налоги, долги, суд, судебные процессы, пытки, которым подвергали в процессе допросов, карты приграничных районов, индексы и т. д.

В 1924 г. в Институте был основан исторический отдел. Этот отдел проводил работу по изучению происхождения монголов, административной организации, монгольского языка, религии, традиции, также проводились работы по изучению древних могильников, продолжили собирание рукописей древних монгольских мудрецов, занимались переводами и печата-

⁵ Монгол улсын Үндэсний Төв Архив. Хөмрөг-23, Данс-2, Хадгаламжийн нэгж 196.

нием книг и литературы зарубежных авторов про Монголию, в целях сделать их доступными для народа.

В 1930 г. была назначена комиссия, перед которой поставили цель написать историю Монгольской Народной Революционной Партии и создать музей Революции. Эта комиссия, помимо собирания и хранения исторических документов до 1921 г., начала собирать документы послереволюционного периода. Например, в 1937 г., Совет Министров Народной Республики Монголии передал государственному архиву 60 мешков, 8 пакетов и 3 папки документов, касающихся периода до 1933 г.⁶ Таким путём начали пополнять фонд архива.

По инициативе Исторического отдела, были проведены работы по направлению защиты культурных и исторических памятников. В 1935 г. назначили специального представителя, который лично поехал осматривать каменные памятники Тюркского государства (VI–VIII н. э.), посвящённые двум братьям Билгэ хаан и Култигэн. Он также посетил памятные места тюркского Тоньюкука и организовал постройку ограждений вокруг памятных мест, назначил оплачиваемых сторожей.

Кроме того, Институт ставил определённые цели для создания Государственной библиотеки, государственного музея и архива. Руководитель Института С. Жамъян совместно с министром Б. Цэрэндорж, профессором Цэвээн Жамсаранов, историком-маньчжурведом Ч. Бат-Очир организовали библиотеку с начальным фондом из 2000 книг, к концу 1924 г. библиотека насчитывала 5 тыс. томов книг общей стоимостью в 30 млн унций серебра. Как часть этого проекта, сотрудники института, в том числе сам С. Жамъян участвовал в различных экспедициях по стране, а также ездили в Пекин, Шанхай и Внутреннюю Монголию. Они собрали немало редких книг и рукописей и среди них: Данжуур 226 томов, Ганжуур 109 томов, Лу «Алтан товч».

После смерти Богдо-хана в 1924 г., с его личной библиотеки книги и рукописи были перенесены в библиотеку Института картины, множество книг, рукописей на монгольском, тибетском и китайском языках. В результате всей этой работы были заложены основы современной библиотеки Монголии. Наряду с этим, проводились работы по поиску и покупке исторических ценностей у народа, выбирались

достойные для музея экспонаты, которых добровольно приносили частные лица, а также из конфискованных у граждан имуществ.

Отдела истории начал проводить археологические исследования с 1922 г. Совместно с Академией наук СССР проводились раскопки и исследования историко-культурных мест, памятников и захоронений, древних городов и крепостей. Наши учёные историки С. Жамъян, Ж. Цэвээн, Н. Дэндэв проводили археологические исследования.

Поисковые работы периода 1920–1930 гг. охватывали историко-археологический и этнографические изучения. Поэтому, можно с уверенностью констатировать, что эта деятельность создала фундамент для дальнейшего развития археологии и этнографии в Монголии.

Спецификой произведений историков этого периода является то, что эти работы несли в себе особенности ранней формы записи истории, такие как повествование и учение, поэтому наиболее близки к истине, выражают особенности того времени и считаются живым источником в историографии т. к. написаны по критериям оценки данного времени. Таким образом, наши современные учёные-историки цитируют и ссылаются на многие произведения авторов того времени, в том числе: Х. Магсаржав (историк), Л. Дэндэв (историк), А. Амар (премьер-министр), Ч. Бат-Очир (историк), Х. Чойбалсан (Главнокомандующий армией (27.08.1924)), Д. Лосол (Председатель ЦК партии (03.1921–08.1928)), Г. Дэמיד (председатель военного совета (27.04.1930–07.1932)). Произведения этих авторов привлекают внимание не только монгольских исследователей, но и заслуженно вызывают интерес зарубежные ученые.

С 1925 г. начались работы по переводу произведений Марксизма-Ленинизма. Таким образом, литературные произведения К. Маркса, Ф. Энгельса и Ленина стали переводиться и издаваться на монгольском языке. Как только правящая МНРП начала руководствоваться этой теорией в своей деятельности, так начала требовать соблюдение марксистского метода в обучении и исследований истории. Таким образом, с этого периода, с 1930 г., можно считать, началась тенденция придерживания марксистско-ленинской идеологии в историоведении, соблюдения теории оценки и изучения с классово-точкой зрения. Тем не менее, ключевым зерном идеологии историографии данного периода, безусловно, был национальный демократический подход.

⁶ Монгол улсын Үндэсний Төв Архив. Фонд-13, Данс-2, Хадгаламжийн нэгж-4б, хуудас-4.

Переход к марксистской историографии (середина 1930 г. — 1950-е гг.)

В 1924 г., народная власть с ограниченной монархией была уничтожена и была основана Республика. Была принята первая Конституция и стали неукоснительно следовать ей. Эта Конституция исключила права князей и монахов, которые сотни тысяч лет были правящим классом и которые являлись социальной частью Монголии. В результате, между двумя основными направлениями по вопросам перспектив развития страны, т. е. между национально-демократической и коммунистической силами возникли глубокие разногласия, что привело к столкновению друг с другом, тем самым вызвали общественное расстройство, массовые движения и забастовки, которые привели страну на грань гражданской войны.

Монголия стала страной, которая попыталась внедрить, разработанное Лениным, учение о «возможности построения социализма минуя капиталистический путь развития, с помощью страны, где победила пролетарская революция...» тем самым в дальнейшем построить социализм образца Сталина.

Массовые репрессии покрыли Монголию целиком, которые осуществлялись при непосредственном участии иностранных сил, и вся эта деятельность обеспечила условия для тоталитарного режима.

X Съезд МНРП, который состоялся в 1940 г., поставил цель перехода к общественному правопорядку. В 1954 г. XII съезд МНРП провозгласил идею «развёрнутого строительства социализма» и следовательно, деятельность партии, государственная политика, и вся социально-экономическая политика стала подчиняться этой цели.

Историография как зеркало исторического развития Монголии, также продолжала развиваться, отражая социальные явления. Национальная историческая наука была еще революционной и демократической до середины 1930-х гг. В работах демократической и прогрессивно мыслящей интеллигенции, как например: Жамьян, Цэвээн, Дандаа, Бат-Очир, Амар, Магсаржав, Буянчуулган, Дэндэв по ключевым вопросам истории Монголии, использовался богатый материал, давалась справедливая и точная оценка реальности. Эти работы, действительно были прогрессивной гражданской историографией того времени, идущая на шаг впереди от предыдущих авторов. Но с 1930-х гг. началась другая эра в историографии

Монголии. Это было начало распространения марксистско-ленинской идеологии и внедрения марксистско-ленинской методологии в историографии согласно выбранному направлению развития страны.

Начиная с середины 1930-х гг., в историографии стала доминировать тенденция теории социально-экономических формаций и классовых позиции, основанные на марксистско-ленинском подходе. Например, сторонников национально-демократического направления прозвали «правыми» и стали выпускать много книг и статей, оправдывающих левые направления, эксперименты коммунистического интернационализма по поспешному строительству социализма в Монголии⁷. В течение этого периода, также были выпущены некоторые брошюры и статьи об эволюции национально-демократической революции, о политических процессах нового переворота и его результатов, о развитии народно-революционной армии, об истории суда и права⁸.

В 1940-е гг. некоторые исследователи, партийные работники выпустили некоторые публикации то истории новейшего времени⁹. В годы Второй мировой войны исторические публикации были направлены на воспитание молодежи в духе патриотизма¹⁰.

Важным событием для исторических наук этого времени является то, что ряды монгольских историков пополнились профессиональными историками и квалифицированным персоналом, окончившими вузы и другие учебные

⁷ Намын IX жилийн ой. 10 жилийн угтлага. Улаанбаатар, 1930; Бадрах О. Намаас барууны бөөрөнхийчүүд лүгээ тэмцсэн амжилттай их тэмцлийн туршлага. I, II дэвтэр. Улаанбаатар, 1932; Бадрах О. Намаас барууны бөөрөнхийчүүд лүгээ тэмцсэн амжилттай их тэмцлийн туршлага. Шинэ үсэгт буулгаж, хэвлэлд бэлтгэн, тайлбар хийсэн Чу. Болдбаатар, На. Сүхбаатар. Улаанбаатар, 2001. 404 тал.

⁸ Манай улс. I, II дэвтэр. Улаанбаатар, 1935; Чойбалсан Х. Ардын үндэсний хувьсгалт цэргийн аугаа хөгжлийн товч зам. Улаанбаатар, 1935; Монголын эрт, эдүгээгийн хууль цаазын түүхийн сэдэв, дэвтэр. Улаанбаатар, 1935; Монголын эрт эдүгээгийн хууль цаазын түүхийн сэдэв дэвтэр. Монгол бичгээс хөрвүүлсэн Б. Баярсайхан. МУИС-ийн Хэвлэх үйлдвэрт хэвлэв. Улаанбаатар, 2002. 103 тал.

⁹ Монгол Улсын түүх. Боть V. “Адмон” компанид эхийг бэлтгэж хэвлэв. Улаанбаатар, 2003, т. 21.

¹⁰ Дугэрсурэн Л. Монголын ард түмний тусгаар тогнолын төлөө тэмцэл. Улаанбаатар, 1943; Тойв Л. Хувьсгалт цэргийн 25 жил. Улаанбаатар, 1946; Дотоод явдлын яамны хязгаарын цэргийн хөгжилт, тэмцлийн түүхт явдлууд. Улаанбаатар, 1946.

заведения в СССР и Монголии. Наш первый Монгольский государственный университет, который был открыт в 1942 г., в 1947 г. открыл Исторический факультет в составе 15 студентов и в 1949 г. первые выпускники получили дипломы «Преподаватель истории»¹¹. Первым ректором Государственного университета стал историк, секретарь ЦК партии Б. Ширэндэв, по совместительству. Кроме того, в феврале 1947 г. Государственный университет был передан в Совет министров, и соответственно, ректор университета получил статус министра. В 1950-е гг. этот университет закончили будущие видные историки, такие как: Ш. Нацагдорж, С. Пурэвжав, М. Санждорж, Ц. Сурэнхорлоо, Д. Доржсурэн, Г. Сухбаатар, Л. Жамсран, Л. Бат-Очир, Э. Чимидцэрэн, Ц. Санжаасурэн.

В 1951 г. была образована Государственная школа преподавателей, что явилось также важным событием для подготовки преподавателей истории для средних школ.

С середины 1950-х гг., историки начали учиться в аспирантурах и получать научные степени, что явилось огромным скачком в развитии исторических наук и в историографическом прогрессе. Многие историки, такие как Н. Ишжамц, Д. Томор-Очир, Ц. Пунцагноров, Б. Тудэв, Ц. Доржсурэн, Б. Ширэндэв окончили вузы и защитили учёные степени в СССР. Они овладели марксистско-ленинской методологией, публиковали свои работы¹².

В целях развития базы исследования, научных источников, стали составлять сборники и брошюры архивных документов и рукописей¹³.

¹¹ МУИС-ийн Түүхийн салбар: нэгэн жарны түмэн үйлс (Түүхэн тэмдэглэл, баримт, дурдатгал, дурсамж). Эрхлэн хэвлүүлсэн Ж. Болдбаатар, Ц. Жамбалсурэн, Ж. Урангуа. «Соёмбо принтинг» ХХК-д хэвлэв. Улаанбаатар, 2007.

¹² Нацагдорж Ш. Ар Монголд гарсан ардын хөдөлгөөн. Сухбаатарын нэрэмжит хэвлэх уйлдвэр. Улаанбаатар, 1956; Нацагдорж Ш. Из истории аратского движения во Внешней Монголии. Москва, 1958; Пэрлээ Х. Хятан нар, тэдний монголчуудтай холбогдсон нь. Сүхбаатарын нэрэмжит хэвлэх уйлдвэр. Улаанбаатар, 1959; Бира Ш. Монгольская тибетоязычная историческая литература (XVII–XIX вв). М., 1960; Пунцагноров Ц. Монголын автономит уеийн туух. Сухбаатарын нэрэмжит хэвлэх уйлдвэрт хэвлэв. Улаанбаатар, 1955.

¹³ Ардын засгаас 1921–1924 онуудад авсан хувьсгалт арга хэмжээнүүд. Баримт бичиг. Эмхтгэсэн Ц. Насанбалжир. Улаанбаатар, 1954; Б. Н. М. А. Улс хоронгөтний биш хогжлийн толоо тэмцэлд. Баримт бичгүүд (1925–1940). Эмхтгэсэн Ц. Насанбалжир. Сүхбаатарын нэрэмжит хэвлэх уйлдвэр. Улаанбаатар,

В начале 1960-х гг., наши историки Л. Жамсран, Э. Чимидцэрэн, Ядамсурэн успешно защитили кандидатские диссертации в КНР по истории и тем самым исследования китайских источников вошло в научный оборот.

В 1954 г. монгольские и советские историки создали однотомную работу «История МНР» и напечатали на монгольском и русском языке. Эта работа явилась первым крупным научным трудом, в котором вся история нашей страны с древнейших времён до этого времени, была рассмотрена и оценена с точки зрения марксистской теории и методологии. В это же время другие интеллигенты, как например, Г. Навааннамжил, О. Намнандорж, Ц. Насанбалжир, которые получили традиционное домашнее образование на дому, они работая в местных государственных организациях, тоже создавали свои труды по истории, используя традиционные эмпирические методы историографии.

Резолюции Политбюро ЦК МНРП в 1949 г. выпустила резолюцию «О хрестоматии истории» и «О положении преподавания в школах историю МНР и литературы» дали толчок для усиления марксистско-ленинских методологических принципов, влияния ленинизма в историографии.

Именно с этого времени начался строгий идеологический контроль над трудами истории. Вся история с этого времени должна писаться с идеи марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. Такие приёмы привели к искажению истории и даже оставляли белые пятна в изучении истории.

Особенно начался беспощадное отношение к историческим источникам, их изменение, удаление, редактирование, приукрашенное до неузнаваемости привели к тому, что даже некоторые ценные источники вообще исчезли, в результате изучение истории потерпели невозвратимые потери. В условиях культа личности, догматически почитали произведения Сталина, Чойбалсана и во всём следовали их идеям, что негативно влияло на развитие талантов

тар, 1956. 266 тал.; Манжийн түрэмгийлэгчдийн үе дэх Монголын эмэгтэйчуудийн дарлагдал (1764–1833). Эмхтгэсэн О. Чимид. Цэргийн хэвлэх уйлдвэрт хэвлэв. Улаанбаатар, 1958. 64 тал.; Бугд Найрамдах Монгол Ард Улс, Зовлолт Улсын эх орны их дайны үед. Баримт бичгийн эмхтгэл. Эмхтгэсэн Н. Сэр-Оджав. Сүхбаатарын нэрэмжит хэвлэх уйлдвэрт хэвлэв. Улаанбаатар, 1954. 247 тал.; Эх орны агуу их дайн ба Монголын ард түмэн. Баримт бичгүүдийн эмхтгэл. 1941–1945. Эмхтгэсэн Д. Цэдэвсурэн, Б. Балжиргармаа. Сүхбаатарын нэрэмжит хэвлэлийн комбинат. Улаанбаатар, 1970. 175 тал.

научных кадров. Как результат этого процесса, вместо сильных научных трудов, в основном рождались оды в честь юбилея революции, Сухэ-Батора и Чойбалсана, в основном однотипные, приукрашенные и грубоватые работы.

Историки и публицисты, стремящиеся к объективности в истории получали ярлык «националисты» и жестоко преследовались. В этот период политических ошибок, множество лучшей интеллигенции было репрессировано, уничтожено многие культурные наследия, что привело также к сильнейшему удару по историографии Монголии.

В 1955 г. был создан Институт истории партии при ЦК МНРП, которая стала заниматься изучением истории единственной правящей партии. На Генеральной Ассамблее ЦК МНРП 1956-го г. и на XIII съезде МНРП 1958-го г. в целях борьбы с культом личности, было уделено особое внимание и наказание бороться с любым проявлением догматизма и формализма, критиковалось неумение творческого использования марксистской теории в конкретных обстоятельствах своей родины. Это положение было направлено на искоренение последствий почитания одного человека, увеличение творческого мышления историков, восстановление их инициативы и на способствование совершенствования методов исследования.

С познанием и изучением истории марксистской мысли, монголы ознакомились с величайшей наукой «Философией», узнали про богатые накопления человеческой мысли, стали их изучать. Только с помощью философии и исторической философии, была открыта дорога к расширению понятия «история», которая перестала быть наукой, изучающей только прошлое, а превратилась в мета-историю. Это было важно, что открылась возможность для монголов познать хотя бы одну из многих популярных теории, на которых основываются западные и восточные учёные, исследователи в историографии.

Историография является продуктом изучения истории, является её отражением, а также становится индикатором уровня развития исторического мышления. С другой стороны, уровень изучения истории во многом зависит от того кто, как, и каким образом проводил историческое исследование. Хотя этот фактор является субъективным в исследованиях истории, но ее значение и последствия в исторических науках имеют огромное влияние. Именно в этот период, исторические науки получили возможность приобрести талантливых и об-

разованных кадров. Историки и исследователи сами являются продуктами своего времени. Это, наиболее ярко, отражается именно в этот период нашего исследования. Например, можно увидеть переход с национального, революционно- демократического метода историографии к марксистскому подходу историографии.

Господство марксистской историографии в изучении истории Монголии (1960-е — конец 1980-х гг.)

В 1955 г. при Центральном Комитете Монгольской Народной Революционной Партии был создан Институт истории партии. Именно с этого момента часть монгольских историков сосредоточили своё внимание на изучение деятельности и истории партии больше, чем на гражданскую историографию. Да и партия и правительство оказывали поддержку на этот пункт. Институт истории партии занимался переводом марксистско-ленинской литературы на родной язык, увеличением количества партийной литературы, работал над изданием учебника истории партии. Институт придавал особое значение созданию учебника по истории партии. Что касается этого учебника, то один из авторов Д. Томор-Очир был приговорён к наказанию по следующим обвинениям: «самовольно искажает исторические документы МНРП, основные вопросы истории партии объясняет с позиции национализма, отрицания и капиталистического объективизма; суждения теоретически ошибочные и вредные с политической точки зрения», «при оценке проблем искажает партийные и классовые качества марксистской исторической науки», «оценивает проблемы только с одной стороны, пытается внушить, что в нашей партии отсутствуют марксистские качества».

Книга «Краткая история МНРП» была издана в 40 тыс. экз. Это был самый большой тираж изданных книг в Монголии.

Таким образом, разворачивалась широкая деятельность по изучению и распространению марксизма-ленинизма, истории МНРП и партийной идеологии. Но наряду с этим, также развивалось изучение гражданской истории. В 1961 г. была образована Академия наук, в составе которой создали Институт истории. Расширилось изучение истории Монголии всех времён.

Так, с середины 1950-х гг. начались исследования и разработка истории МНРП, начались работы по созданию многотомной истории Монгольской Народной Республики.

Организацию и подготовку работ по созданию многотомного произведения по истории МНР, взял на себя Институт Истории Академий наук. 11 января 1956 г. в Улан-Баторе состоялась конференция учёных Монголии, Китая и России, где обсудили и решили завершить многотомную историю МНР в течение академического периода 1960–1965 гг. Монгольские историки разработали предварительный план трёхтомного труда «История МНР» и представили на обсуждение историков МНР, СССР и КНР на конференции в Москве. Монгольские учёные Б. Ширэндэв, Ш. Нацагдорж, Х. Пэрлээ, Ц. Пунцагноров, Н. Сэр-Оджав выступили с докладом по спорным и сложным вопросам истории Монголии. В течение следующих нескольких лет продолжался обмен мнениями и консультирование с советскими и китайскими историками по некоторым проблемным аспектам истории Монголии. Директор отдела изучения истории Ш. Нацагдорж обменивался мнениями и вёл переговоры с 1-м, 2-м и 3-м отделами АН КНР по сотрудничеству в создании трёхтомника «История МНР». Вскоре, однако, китайская сторона отказалась участвовать в этом проекте. Это было связано с обстоятельствами, возникшими в международном коммунистическом движении в конце 1950-х и в начале 1960-х гг., а также с ситуацией порчи взаимоотношений между КНР и СССР. Советские историки решили не участвовать напрямую в проект работы по созданию трёхтомника, а будет давать советы и предложения монгольским историкам.

Таким образом, монгольские историки самостоятельно приступили к работе о создании труда по истории нашей страны, которая охватывала весь путь с глубокой древности и до наших дней и успешно завершили эту работу. Это трёхтомное произведение «История МНР» является наглядным примером того, что в исторической науке Монголии крепко внедрилась марксистско-ленинская методология. Помимо этого, в данном труде в исследованиях древней, средней и новейшей истории, монгольские историки акцентировали заслуженное внимание на некоторые главнейшие вопросы истории, что в свою очередь привело к тому, что были созданы несколько значимых произведений по данным аспектам. Также дали толчок к дальнейшему развитию археологии, этнографии, историографии, библиографии. Появились направления истории как изучение штампов, изучение монет, т. е. заложен фундамент развития вспомогательных исторических дисциплин.

В историографии этого периода было много слабых сторон и ошибок. Люди боялись делать решительных и смелых выводов, документы и события фиксировались в режиме простой количественной концепции и поверхностной интерпретации. Изучение любых исторических вопросов с позиции партийных, классовых принципов, социалистической идеологии, пролетарского интернационализма невольно отдаляло исследователей от исторической правды.

Односторонняя теоретическо-методологическая позиция зародила в изучении истории догматизм, дефицит мышления, метод имитации и эти три инвалида создали школу для одного целого поколения. В результате этой школы оставались белые пятна в истории. Правящая партия строго требовала классового и партийного подхода в изучении истории, ставила жесткую цензуру, скрывала важные исторические подленные документы, архивы не были открыты для всех. Это всё создавало условия для развития односторонней и искажённой историографии.

Зарождение альтернативного подхода в историографии (1990 г. до настоящего времени)

В конце 1980-х и в начале 1990-х гг. в Монголии стали развиваться демократические движения, страна приняла систему рыночной экономики, отказалась от социалистического пути развития и у историков появилась возможность поиска нового теоретического и методологического подхода для коррекций ошибок и искажений, допущенных в изучении истории и историографии. Сегодня, как мы знаем, в мире господствуют три главных направления: Марксизм, Французское учение Анналы и Американская теория инновации (теория цивилизации):

1. Марксизм-формационная теория.

2. Школа Анналов: традиционная политика, изучают массовые представления людей той или иной эпохи (история ментальностей), смену ценностных установок на протяжении веков, проблему исторической памяти и т. д.

3. Теория инновации: новый тип или обновленный продукт чьей-то творческой деятельности (исследовательской, проектной, производственной или какой-либо другой), предлагаемой потребителям для дальнейшего преобразования и использования. Сторонники теории инновации используют исторические науки для объяснения факторов, повлиявших на появление и развитие цивилизации.

Демократическая революция 1990 г. дала нам возможность использовать все эти теории и другие методы в изучении истории и историографии. Новая тенденция, которая появилась в 1990 г. — это внедрение французской школы — описание истории путём изучения личности данной эпохи для того, чтобы история не оставалась без хозяина или субъекта. Исследователи стали создавать много работ по биографии выдающихся личностей, их деятельности и роли в истории.

В 1999 г. президент Монголии дал указ «заново написать и напечатать историю Монголии». Эту почётную и ответственную работу поручили Институту истории Академии наук. В группу авторов, кроме ученых и исследователей Института, вошли также учёные из вузов. Исторического. Учёные авторы постарались написать пятитомную историю, используя новые методы, т. е., основываясь на определённых условиях того времени, анализируя уровень менталитета людей. Таким образом, этот пятитомник по истории Монголии состоит из:

Том I. (Со времён начала проживания людей на территории Монголии с 800 тыс. лет до н. э. до XII в. н. э.). Использовались последние достижения археологии и историографии древних монгольских племен.

Том II. (XIII–XIV в. н. э.). Отразилось новое отношение, появившееся в исследовании в области истории Великой Монгольской Империи.

Том III. Период конца XIV в. и до начала XVII в. сформулирован как «Политическая раздробленность», некоторые детали были уточнены и документально доказаны.

Том IV. (XVII — начало XX в.) — период господства маньчжуров был анализирован с охватом всех монгольских нации.

Том V. (XX в.). Попытались обработать и анализировать новейшую историю Монголии по совершенно новой концепции. Этот пятитомный труд был издан в 2003 г. С тех пор Монгольская историческая наука овладевает всё новыми и новыми методологиями исторического исследования и человеческого мышления. Также ныне все больше развивается Монголоведение во многих странах мира. Сегодня, научное направление Монголоведения интенсивно развивается в 25 странах и более 900 учёных защитили ученную степень по монголоведению.

Рассмотрение достижений историографии Монголии после 1990 г.:

1. Древняя истории Монголии. Этот период охватывает период с начала заселения территории Монголии людьми до XII века нашей эры. Монгольские археологи, совместно с зарубежными учеными, определили, что 800 тысяч лет назад люди жили на территории Монголии. Было проведено надлежащее количество исследований по изучению древних государств Монголии и происхождений монголов.

2. Средневековье и новое время. Это период с начала XIII в. до начала XX в., в целом охватывает более чем 700 лет. Это период подъема и упадка Монгольской государственности. Этот период можно разделить:

- образование централизованного Монгольского государства и эпоха Империи (XIII–XIV вв.). Почти половина всего тогдашнего мир был под властью этой Монгольской империи 200 лет. Из 200 стран этой планеты ни одна страна ни ранее, ни впредь не имела такой власти управлять судьбами человечества в течение 200 лет;

- период политической раздробленности (конец XIV в. — начало XVII в.). При старом режиме этот период назывался «периодом феодальной раздробленности». Ныне монгольские историки отказались от названия «феодализм», так как слова «феод» применялось в странах с оседлым образом жизни при владениях землю на частную собственность, а в Монголии существовала частная на скот, вели кочевой образ жизни, в тоже время существовало крепостное право¹⁴. Централизованная власть царя была ослаблена, местные ноёны-правители жили обособленно и не раз воевали между собой. Политическая раздробленность в конечном счете привела к иностранному завоеванию.

- период господства цинов (XVII — начало XX в.). В 1636 г. Южная Монголия была захвачена цинами, в 1691 г. Халха Монголия пришла в подданство цинам, в 1755 г. Западная Монголия впала под власть Цинской. династий и это был самый трагический период истории монгольского народа, потерявшего свою независимость. Монгольские исследователи также начали попытку заново пересмотреть этот период истории. Раньше рассмотрение истории ограничивалось лишь территорией Монгольской Народной Республики, но сейчас учёные рассматривают период истории Монголии, когда она была под давлением Цинской династии,

¹⁴ Гомбосурэн Ц. Монголын уламжлалт нийгэм феодализм мон уу? Улаанбаатар, 1995.

охватывая все монгольские племена, ставя историю Монголии на мировой и региональный уровень¹⁵.

3. Новейшая история Монголии (с начала XX в. до наших дней). Этот исторический период можно рассматривать поэтапно:

- развитие национально-освободительной революции с периодом прерывания. При социализме, историю Монголии начала XX в. (1900–1921) было принято относить к феодальной форме в целом с точки зрения теории формации. Сейчас с точки зрения теории цивилизационного подхода, период с 1911 г., т. е. со времени национально-освободительной революции и до наших дней, называют новейшей историей Монголии. Начали появляться труды, в целом оценивающие новейшую историю Монголии¹⁶. Исследователи определяют борьбу монгольского народа в начале XX в. за избавление от власти цинов двояко: как национально-освободительное движение и национально-освободительную революцию. Большинство историков считают происшествие 1911 г. — революцией и государство Монголии также официально принимают это определение. При этом не придерживаются марксистского определения революции когда социальная система заменяется другой путём революции, а основываются на основной задаче революции — захват власти. То есть во время борьбы за спасение нации от маньчжурского гнёта, удалось отделиться от Цинской династий, смогла захватить власть в свои руки и утерянную государственную независимость и провозгласила образование Монгольского государства. Также движения, которые происходили в 1940–1950-х гг. в Азии и Африке, сейчас определяют как национально-освободительные революции, не руководствуясь марксистским определением¹⁷. Национально-освободительная революция Монголии 1911 г. стала первой из трёх революций

и явилась важным историческим событием и началом возрождения монголов в XX в.

- период формирования исторических предпосылок для вторичной революции и борьбы различных политических течений в Монголии за восстановление независимого государства (1919–1921). Историография по данному времени при социализме в основном посвящалась изучению истории политических сил, руководимых Монгольской Народной партией. До сих пор актуален вопрос более глубокого и обширного изучения истории данного времени.

- период уничтожения линий национально-демократического пути развития (1921–1928). Начиная с середины 1920-х гг., со стороны Коминтерна была начата попытка контроля и изменения национально-демократической линии развития страны, и в конце концов смог осуществить эту политику.

- Левацкий эксперимент и давления Коминтерна по внедрению социализма Советского типа в Монголии (1928–1932).

- политика нового переворота и ее последствия (1932–1940). Эта политика переворота не явилась совершенно новым явлением, это было продолжением восстановления национально-демократической стратегии, которая проводилась до 1928 г. Как считают учёные, в данный период были проведены важные работы по партийным, государственным отношениям, указаны статусы и полномочия в политической сфере жизни. Однако, политика нового переворота угасла в результате политических репрессий. В 1937–1939 гг. были арестованы 28 451 чел., 73 % из этого числа были застрелены. Другими словами, более 10 % взрослых мужчин были репрессированы. Из них 17 тыс. чел. были ламами (монахами). Это был страшный и презренный акт уничтожения людей по различиям социального происхождения, вероисповеданию и идеологии¹⁸.

- период строительства социализма (1940–1989). Этот период ставил конкретные цели и подразумевал несколько этапов: «предпосылки для построения социализма» (1940–1954), «строительство социализма» (1954–1966),

¹⁵ Монгол улсын туух. Боть IV. «Адмон» компанид эхийг бэлтгэж хэвлэв. Улаанбаатар, 2003.

¹⁶ Монгол улсын туух. Боть V. «Адмон» компанид эхийг бэлтгэж хэвлэв. Улаанбаатар, 2004.

¹⁷ Жамсран Л. Монголчуудын сэргэн мандалтын эхэн (1911–1913). Д. Сүхбаатарын нэрэмжит Улсын хэвлэлийн комбинатад хэвлэв. Улаанбаатар, 1992; Жамсран Л. Монголын цагагчин гахай жилийн хувьсгал. Хэвлэлийн «Сүхбаатар» компанид хэвлэв. Улаанбаатар, 1996; Жамсран Л. Монголын төрийн тусгаар тогтнолын сэргэлт. Хэвлэлийн «Сүхбаатар» ХК-д хэвлэв. Улаанбаатар, 1997; Урангуа Ж. XX зууны эхэн уеийн Монгол улс (1911–1919). «Монхийн усэг» ХХК-д хэвлэв. Улаанбаатар, 2006.

¹⁸ Болдбаатар Ж., Дашдаваа Ч. Шинэчлэлийн толоо ходолгоон, тууний хувь заяа (1952–1966). Улаанбаатар, 2005; Болдбаатар Ж. Монгол дахь улс торийн хэлмэгдүүлэлт, тууний хор уршиг (1930–40-оод он); Болдбаатар Ж. Туух зулсан он жилүүдийн ойллого (Эрдэм шинжилгээ, сурталчилгааны огуулууд). Боть I. Улаанбаатар, 2003. т. 131–160; Олзийбаатар Д. Яагаад 1937. Улаанбаатар, 2001.

«завершение построения социализма» (1966–1989). Сегодня историография периода социализма нуждается в пересмотре. В современном историческом исследовании очень мало работ по теоретическому и методологическому изучению установления причин почему некапиталистический путь развития и построение социализма зашло в тупик¹⁹.

• вступление Монголии на путь демократического развития и переход к рыночной экономике (с 1990 г. по настоящее время). Историки и социологи одновременно изучают этот период развития²⁰. Преобладающее большин-

¹⁹ Донид Г., Лхагва Н. Сэтгэлийн есон тайлал (Тэргуун дэвтэр). Улаанбаатар, 1990; Донид Г., Лхагва Н. Хуруу хурэхгүй могойн зулзага. «Сэтгэлийн есон тайлал» цуврал номын гутгаар дэвтэр. Улаанбаатар, 1990; Буруугуй «буруутнууд». Зуунмод хот, 1993; Баатар С. Хэлмэгдсэн заяа-10 (Туухийн шуухэд оргох очил). Хэвлэлийг «Ган принт» компани. Улаанбаатар, 2005; Баатар С. Эх орончид ба Цэдэнбал. Улаанбаатар, 2005; Санж П., Болд П. Хэлмэгдуулэлтийн цунами. Улаанбаатар, 2006.

²⁰ Монгол Улсын туух. Боть V. «Адмон» компанид эхийг бэлтгэж хэвлэв. Улаанбаатар, 2004. т. 401–442; XXI зууны босгон дээрх Монгол улсын шинэчлэл, цаашдын хөгжлийн хандлагууд. Улаанбаатар, 2000; Болдбаатар Ж. Монгол дахь оорчлолт, шинэчлэл, цаашдын толов; Болдбаатар Ж. Туух зулсан он жилүүдийн ойллого (Эрдэм шинжилгээ, сурталчилгааны огууллууд). Боть I. Улаанбаатар, 2003. т. 335–343; History of Civilizations of Central Asia. Vol. VI. Towards the contemporary period: from the mid-nineteenth to the end of the twentieth century. President: Chahryar Adle. Co-Editors: Madbhavan K. Palat and Anara Tabyshaliera Multiple History Series. UNESCO Publishing. p. 371–377; Kaplonski. Truth, History And Politics in Mongolia. The memory of heroes. Rutgers Cufzon. Taylor and Francis group. London and New York, 2004; Morris Rossabi. Modern Mongolia. From Khans to Commissars to capitalists. University of California Press Berkeley Los Angeles London, 2005; Чулуунбаатар Г. XX, XXI зууны зааг уеийн Монгол дахь иргэний нийгмийн толовшил хөгжил (улс тор-философийн шинжилгээ). Улаанбаатар, 1999; XXI зуун дахь Монголын хөгжил. Улаанбаатар, 2005.

ство исследователей считают реальные события, начавшиеся в 1990 г. (год белой лошади) «революцией», когда остальная часть исследователей считают, что это было изменение общества путём мирного перехода за счёт демократической реформы, формой «демократического движения» с целью изменения качества жизни общества²¹.

В постсоциалистический период, за годы демократии:

1. В политике: была принята новая Демократическая Конституция, создана новая система государственности, основанная на многопартийности, сформирование парламента по результатам всеобщего демократического выбора, на теории распределения власти.

2. В экономике: проведена приватизация, освободили ценаобразование и курсы валют, проведена реформа государственной денежной политики, таким образом перевели основные экономические отношения в систему свободного рынка.

3. В сфере менталитета: общество стало мыслить свободно, борьба плюраизма, возможность распространения общественного мнения.

4. Во внешней политике: стали проводить многостороннюю политику открытой двери. Такие отдалённые для монгольского народа, понятия как «демократия», «рынок» и «частная собственность» сейчас являются неотъемлемой социальной ценностью современного монгольского общества. Настало время для глубокого изучения истории Монголии, прошедшей 20 лет по демократическому пути развития. Переосмысление пройденного в XX–XXI в. пути, пересмотра устоявшихся концепций и оценок прошлого порождает немало разногласицу в суждениях монгольских историков, но и общественников.

²¹ Монгол Улсын туух (Туух, онол-арга зүйн асуудлууд). Улаанбаатар, 2006. т. 191–192.

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ XX ВЕКА РУССКО-МОНГОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ (1900–1921)

Монголия занимает особое место в отношениях России со странами Востока. Дружественные отношения между Россией и Монголией, установленные в XVII в., развивались в дальнейшем по нарастающей линии, без войн и конфликтов. Особую роль в становлении независимого монгольского государства в XX в. сыграла Россия, оказавшая дипломатическую поддержку, военную и экономическую помощь¹.

Важным фактором национальной безопасности Монголии являются отношения с двумя крупными соседними странами — Россией и Китаем. От характера взаимоотношений в этом своеобразном треугольнике: Россия — Монголия — Китай зависело положение Монголии. В XX в. международное положение Монголии несколько раз радикально изменялось в зависимости от соотношения сил в Восточной Азии, от усиления или ослабления Китая или России. До 1911 г. Монголия находилась в составе Цинской империи, и определяющим было влияние Китая. С середины XIX в. происходит постепенное усиление роли России в этом регионе, расширяется русско-монгольская торговля, в Урге начинает работать российское консульство.

Синьхайская революция в Китае и национально-освободительное движение монгольского народа, добившегося в 1911 г. создания независимого государства в Монголии, определили новую международную ситуацию в регионе. Объявление Внешней Монголией в декабре 1911 г. о выходе из состава Цинской империи и обращение к Российской империи за поддержкой и помощью в формировании самостоятельного государства приводит к активному усилению позиций России.

В 1911–1915 гг. русско-монгольские отношения развивались по восходящей линии. Этот период также характеризовался интенсивным противостоянием двух соседних держав. Неустойчивое равновесие сил России и Китая, экономическая помощь дипломатическая поддержка России позволили Монголии провести ряд экономических и военных реформ. Кяхтинская трехсторонняя конференция 1915 г. определила статус Монголии как автономно-

го государства в пределах республиканского Китая².

Первая мировая война 1914 г., а затем российские революции 1917 г. существенно ослабили роль России в Северо-Восточной Азии вообще и в Монголии в частности. В 1919 г. фактическая независимость Монголии была ликвидирована введением китайских войск в кочевую страну, таким образом, международное равновесие было нарушено, и доминировать стал Китай, усилилось влияние Японии. В 1921 г. в результате национально-демократической революции восстанавливается национальная независимость Монголии, она осуществляет радикальные революционные преобразования и находится под значительным влиянием Коминтерна и Советской России, что позволило западным монголоведам назвать ее «сателлитом» СССР.

Научное востоковедение и монголоведение формировались в XVIII–XIX вв. Мирového уровня и признания получили труды Н. Я. Бичурина, Я. И. Шмидта, О. М. Ковалевского, А. А. Бобровникова, Д. Банзарова, К. Ф. Голстунского, А. М. Позднеева, В. Л. Котвича, Б. Я. Владимирцова, Ц. Жамцарано. К монгольским сюжетам в России все более стали обращаться и практические работники, так или иначе связанные с Монголией.

Монголия, ее природа и ресурсы, а также события, происходившие в стране, находились в поле постоянного внимания общественности России. По мере расширения дипломатических отношений между Россией и Монголией, увеличения размеров русско-монгольской торговли в России усиливался интерес к Монголии, ее экономике и культуре.

В 1861 г. учреждается русское консульство в Урге. По русско-китайскому договору 1881 г. Россия получила право беспошлинной торговли на всей территории Монголии. Коммерческую деятельность здесь начали известные русские купцы и торговые фирмы. В 1895 г. в Петербурге был создан Русско-Китайский банк, а в 1900 г. в Урге и Улясутае открылись отделения этого банка. Были открыты российские консульства в Улясутае, Кобдо, Маймачене. Из России в Монголию начался экспорт не только

¹ Россия и Монголия: новый взгляд на историю (дипломатия, экономика, культура): сб. науч. тр. Улан-Батор; Иркутск, 2015. 376 с.

² Кузьмин Ю. В. Монголия и «монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России. Иркутск, 1997. 232 с.

товаров, но и капиталов. Русскими предпринимателями в Урге были созданы небольшие фабрики и заводы. Было организовано акционерное общество «Монголор» с капиталом в пять миллионов рублей, занимающееся поиском и добычей золота в Монголии³.

В России в конце XIX в. происходит изменение внешнеполитической оборонительной политики на Дальнем Востоке и Центральной Азии к активным, наступательным действиям. Развитие промышленности, освоение Урала, Сибири и Дальнего Востока стимулировало создание современной инфраструктуры. В 1891 г. началось сооружение Транссибирской железнодорожной магистрали, которая открывала для российской буржуазии рынки стран Восточной Азии. Заключение с Цинским Китаем контракта на постройку КВЖД, аренда на 25 лет военной базы в Порт-Артуре свидетельствовали об усилении позиций России на Дальнем Востоке.

Начало XX в. характеризовалось острой борьбой за передел мира. Перед дипломатией России стояла сложная задача: обеспечить в полной мере интересы России, но без втягивания ее в военные конфликты. Значение дальневосточного региона в конце XIX — начале XX вв. значительно возросло. Слабеющая Цинская империя стала ареной соперничества великих европейских держав: США, Великобритании, Германии, Франции, России.

Результаты японо-китайской войны 1894–1895 гг., русско-японской войны 1904–1905 гг. показали, что в регионе появилась новая сильная держава — Япония. По русско-японскому соглашению 1907 г. японское правительство признавало «специальные интересы во Внешней Монголии. Россия в свою очередь была вынуждена признать японские интересы Южной Маньчжурии и во Внутренней Монголии, японский протекторат в Корее.

С начала XX в. Цинское правительство Китая усилило прямую колонизацию монгольских земель: первоначально район Внутренней Монголии, а затем Внешней Монголии. Были созданы специальные комиссии, которые занимались проблемой заселения Монголии китайскими колонистами. За 1905–1911 гг. было освоено и распахано пять миллионов десятин земли Монголии. Колонизация дополнялась военной, административной и торговой экспансией.

Как писал известный монголовед России В. Л. Котвич: «китайские колонисты стали шаг

за шагом занимать пограничные монгольские земли, начали проникать туда и китайские торговцы, которые быстро завладели монгольским рынком», «за китайским колонистом шел китайский чиновник и китайский солдат, и компетенции местных монгольских чиновников постепенно суживалась»⁴.

Политика России определялась заинтересованностью в монгольском рынке, а также обеспечением русских интересов, направленных против возможной агрессии Японии и экономического давления китайского капитала. Российский капитал проявлял значительное внимание к монгольскому рынку, был заинтересован в дешевом монгольском сырье (шерсть, кожа, мясо) и экспорте собственной промышленной продукции. Наибольшую заинтересованность в этом проявляло сибирское купечество, тесно связанное с монгольским рынком. На монгольском рынке все большую конкуренцию оказывали товары промышленного производства западных стран, которые продавали китайские торговцы.

В российской историографии можно выделить три основных этапа исследования данной проблемы: первый этап (1900–1917), второй (1917–1991), третий период (1991 — по настоящее время). Первый этап исследования совпадает со временем реальных событий начала XX века, в историографию они вошли как работы, посвященные русско-монгольским отношениям и «монгольскому вопросу».

Первый этап российской историографии связан с работами известных российских российских монголоведов, дипломатов, военных, путешественников, торговцев, политиков, интеллигенции.

Динамичное развитие российской экономики в конце XIX — начале XX вв. позволило увеличить затраты на просвещение, культуру и науку. Совершенствование образовательной системы и развитие науки привели к важным научным и техническим открытиям. Россия дала миру целую плеяду выдающихся ученых. Продолжились и географические исследования, в том числе и в Центральной Азии (Н. М. Пржевальский, В. И. Роборовский, Г. Н. Потанин, П. К. Козлов). Создание и деятельность императорского Географического Общества и его отделений в Сибири способствовали научному исследованию Монголии.

⁴ Котвич В. Л. Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии. СПб., 1914. С. 12.

³ Чимитдоржиев Ш. Б. Россия и Монголия. М., 1987.

События, происходившие в Монголии в период восстановления национальной независимости, а также связанные с ними изменения русско-монгольских отношений, обсуждение и подготовка русско-китайского торгового договора в 1911 г. вызвали небывалый прежде интерес к Монголии в самых различных слоях русского общества. Различные общественные слои России: политические и военные деятели, представители дипломатии, научных и торговых кругов, журналисты и ученые-монголоведы давали различные характеристики состояния русско-монгольских отношений. Интерес к России приобретал все более практическую направленность, связанную с выработкой внешней линии по отношению к Монголии. В общественно-политической мысли России сформировался так называемый «монгольский вопрос»⁵.

Непосредственное обращение Монголии к Российской империи за дипломатической поддержкой и экономической помощью, приезд монгольской делегации в Петербург заставили определить свое отношение к «монгольскому вопросу» как российские правительственные круги, так и представителей различных политических партий и движений. Различными социальными группами России были предложены собственные варианты решения проблемы. По мнению одних, Монголию было необходимо присоединить к России и превратить в колонию. Другие предлагали создать «буферное государство», зависимое от России. Третьи считали ошибкой вмешательство во внутренние дела Монголии и полагали необходимым создание независимого монгольского государства. Общественно-политическая мысль России отражала весь спектр мировоззренческих взглядов, партийно-политических направлений (октябристы, кадеты, монархисты, социал-демократы).

Разумеется, «монгольский вопрос» не являлся главным внешнеполитическим вопросом для общественной мысли страны, втянутой в сложные международные отношения на Западе и Востоке. Однако «монгольская проблема» как составная часть дальневосточной политики и отношений с Китаем увеличила значимость собственно Монголии и русско-монгольских торговых отношений. За весь 200-летний период изучения Монголии в России никогда не было такого глубокого и широкого интереса к «монгольскому вопросу» в россий-

ской общественно-политической мысли, как в начале XX в. и особенно после 1911 г. Это был настоящий «бум», «всплеск» выпуска литературы, посвященной Монголии, русско-монголо-китайским отношениям, перспективам развития этих отношений.

К сожалению, до сих пор в мировом монголоведении отсутствуют специальные работы, посвященные анализу российской историографии 1900–1917 гг. Парадоксально, но факт: подготовлены работы о монгольской и западной историографии (Ш. Бира, З. Лонжид, Ж. Урангуа, Д. Дашжамца, Ч. Жугдэра, Г. Дэлэга, Л. П. Поповой, Е. М. Даревской, Ю. В. Кузьмина, М. И. Гольмана и др.), но не повезло работам российских авторов начала XX века, посвященным «монгольскому вопросу».

В изучение русско-монгольских отношений и «монгольского вопроса» значительный вклад внесли российские ученые: Е. М. Даревская, И. Я. Златкин, С. Г. Лузянин, А. Л. Попов, Ш. Б. Чимитдоржиев, Н. П. Шастина, С. А. Нацов, Д. Б. Улымжиев, Е. А. Белов, М. И. Гольман, Н. Е. Единархова, А. В. Старцев, Б. В. Базаров, В. Д. Дугаров, Е. И. Лиштованный, а также монгольские ученые Б. Лигуу, Э. Пунцаг, Ц. Пунцаноров, Ш. Сандаг, Б. Ширендыб, О. Батсайхан, Ц. Батбаяр, Ж. Урангуа, Н. Хишигт, К. Дэмбэрэл и др.

Необходимо выделить вклад известного историка-монголоведа Ш. Б. Чимитдоржиева «Россия и Монголия» (1987), Е. М. Даревской — большого знатока русско-монгольских связей нач. XX в. («Сибирь и Монголия» (1994), Н. Е. Единарховой «Русские в Монголии», Е. А. Белова «Россия и Китай в начале XX века. Российско-китайские противоречия в 1911–1915 гг.» (1999), «Россия и Монголия» (1999), А. В. Старцева «Русская торговля в Монголии» (2003). Как научная проблема впервые «монгольский вопрос» был поставлен Е. М. Даревской в докладе, представленном на IV Международном конгрессе монголоведов в Улан-Баторе (1979).

Российское китаеведение проделало грандиозную работу по описанию, обобщению и анализу российско-китайских отношений (В. С. Мясников, Е. А. Белов, В. А. Моисеев, М. И. Сладковский, А. Н. Хохлов, Н. Е. Единархова, В. Г. Дацышен и др.).

Формирование русско-монгольских отношений в начале XX в. происходило в сложной системе международных отношений в Восточной Азии, в системе отношений Китая, России, Японии и Монголии. В начале XX в. произошло

⁵ Кузьмин Ю. В. Россия и Монголия на рубеже веков: учеб. пособие. Иркутск, 2002.

заметное усиление внимания к Внешней Монголии со стороны Китая и России, неизбежным оказалось здесь торговое соперничество русских и китайских купцов. Сдерживающим фактором российской внешней политики в Монголии и Маньчжурии являлись взятые на себя обязательства по русско-японским соглашениям 1907, 1910, 1912 гг., которые определили сферы влияния в регионе.

Все более усложняющаяся международная ситуация вокруг Монголии стимулировала широкое обсуждение «монгольского вопроса» в правительственных кругах России, на страницах научных и периодических изданий. Особенно активизировалось оно в связи пересмотром русско-китайских торговых соглашений в 1911 г., а затем провозглашением Внешней Монголией в декабре 1911 г. своей политической независимости.

«Монгольский вопрос» обсуждают в Государственной Думе России, проводится несколько крупных Совещаний в Петербурге, Москве, Иркутске по изучению монгольского рынка, организуется ряд торговых экспедиций в Монголию. По мере сбора информации появляются специальные исследования, посвященные этой проблеме. Среди них работы следующих авторов: А. Беннигсен «Несколько данных о современной Монголии» (1912), Б. М. Гурьев «Политические отношения России и Монголии» (1911), В. И. Денисов «Россия на Дальнем Востоке» (1913), В. Л. Котвич «Краткий обзор истории и современного положения Монголии» (1914), Ю. Кушелев «Монголия и монгольский вопрос» (1912), В. Томилин «Монголия и ее современное значение для России» (1913).

Формирование политики России в отношении Внешней Монголии происходило в борьбе и компромиссе различных тенденций, определяемых как политическими силами, так и ведущими ведомствами (министерством иностранных дел, военным ведомством, министерством финансов). Внешнеполитическая линия России определялась попытками разрешить складывающиеся противоречия между дипломатическим ведомством и торгово-промышленными кругами, между центральной и региональной администрацией, различными уровнями местной администрации, а также представителями военного ведомства.

Таким образом, в обсуждении русско-монгольских отношений и «монгольского вопроса» можно выделить следующие основные направления: оценки дипломатов и государственных деятелей России, характери-

стики военных специалистов, представителей торгово-промышленных кругов, ученых и демократической интеллигенции.

Анализ оценок российских дипломатов по «монгольскому вопросу» (С. Д. Сазонов), серия русско-монголо-китайский договоров и соглашений 1911–1915 гг. позволяют сделать вывод об осторожной и сдержанной дипломатической линии России в Монголии. Россия стремилась сохранить мирные отношения с Цинским и республиканским Китаем, выполнить секретные пункты русско-японских соглашений о разграничении сфер влияния, а также поддержать самостоятельность развития Внешней Монголии. Россия не могла поддержать полную независимость Внешней Монголии с присоединением к ней Внутренней Монголии Барги и Урянхая. Все свои усилия российская дипломатия направляла на создание автономной Монголии и признание особых прав России во Внешней Монголии. Россия находилась в сложной ситуации, так как ей, с одной стороны, было необходимо ограничить притязания монголов на создание «Великой Монголии», а, с другой стороны, уговорить Китай пойти на уступки, проявить гибкость и признать автономию Монголии. Благодаря гибкой политике российских дипломатов удалось создать автономную, а фактически самостоятельную и независимую Монголию.

Министр иностранных дел России в 1910–1916 гг. С. Д. Сазонов считал Россию европейской державой с активной внешней политикой в Европе и на Ближнем Востоке и выступал против «увеличения русских владений в Азии». На заседании Государственной Думы 13–27 апреля 1912 г. были высказаны полярные точки зрения по проблеме перспектив русско-монгольских отношений. С. Д. Сазонов и П. Н. Милюков выступали только за посредническую роль между Монголией и Китаем и против вмешательства в монгольские дела, а депутат Володимиров считал необходимым присоединить Монголию к России.

С. Д. Сазонов выступал против полного отделения Монголии от Китая, считая ее не готовой к самостоятельному политическому развитию. По его мнению, «оторвать ее от Китая, значит взять на себя задачу создать из них государство, задачу тяжелую, требующую крупных денежных затрат и огромного труда»⁶.

С. Д. Сазонов не считал присоединение Монголии к России ценным приобретением,

⁶ Государственная Дума. Стенографический отчет. 1912. С. 21–68

так как это может привести к нежелательной сдвигке центра тяжести в государстве и соответственно к ослаблению позиций России в Европе и на Ближнем Востоке. Чтобы не быть втянутой в «монгольские дела» слишком глубоко, Россия должна взять на себя, по его мнению, роль посредника.

С совершенно противоположной позиции выступил депутат Володимиров, который оценил речь С. Д. Сазонова как «своего рода акафист невмешательству, акафист собственному бессилию»⁷. Володимиров упрекал правительство и МИД за медлительность и считал, что Монголия должна стать буфером, который прикроет восточные границы России.

На практическое решение «монгольского вопроса» имел влияние император Николай II и его окружение, выступавшее за активную внешнюю политику России на Дальнем Востоке, в том числе в Монголии и Маньчжурии.

Особое место в изучении русско-монгольских отношений в начале XX в. занимают специальные исследования военных специалистов России. Продолжительное время монголоведение и востоковедение вообще не обращало внимания на исследования военных деятелей. Вышедшие под грифом «секретно», эти публикации военных аналитиков имели служебный характер и не были широко известны как российской научной общественности, так и мировой науке.

Подготовленные для практических целей (изучение возможных театров военных действий, военного потенциала соседних государств), а также для определения направлений внешней политики, они обладали ценной научной информацией о стране, полученной в ходе специальных экспедиций, а также критического анализа научной литературы о Монголии. Излишне прямолинейные и категоричные выводы и рекомендации военных деятелей России, экспансионистская направленность их выводов стали позднее одной из причин замалчивания подобных работ.

Среди значительного числа публикаций военных деятелей выделяются исследования генерала А. Н. Куропаткина «Русско-китайский вопрос» (1913), капитана, а затем полковника В. Л. Попова «Краткий предварительный отчет об экспедиции в Монголию в 1903 г.» (1905), «Второе путешествие в Монголию» (1910), «Урянхайский вопрос» (1913), полковника А. Баранова «Барга и Халха» (1905), «Северо-

восточные сеймы Монголии» (1907), «Урянхайский вопрос» (1913), поручика Ю. Кушелева «Монголия и монгольский вопрос» (1912), капитана Генерального штаба С. Д. Харламова «Монголия» (1914), капитана Тонких «Материалы по описанию Монголии» (1910), «Отчет о поездке в Северную Монголию» (1913), полковника Генштаба А. А. Баторского «Монголия. Опыт военно-статистического очерка» (1890), полковника В. Ф. Новицкого «Путешествие по Монголии в 1906 г.» (1909).

В этих публикациях российских офицеров Монголия и северо-восточный Китай изучались как возможный театр военных действий, в них были представлены подробные материалы по городам, истории, а также религии, торговле и транспортным путям, их сезонной проходимости. Военные акцентировали внимание на угрозе для России со стороны Китая и Японии — «желтой опасности» с Востока, грозящей спокойствию не только России, но и Европы, несущей разрушение европейской цивилизации и культуре.

Активная колонизация с начала XX в. в Маньчжурии и Монголии, китайские и японские проекты строительства железных дорог, модернизация китайских войск свидетельствовали, по мнению военных, об угрозе вторжения Китая и Японии в сибирские владения России. Поэтому оказание помощи монголам в создании автономного государства, перемещение русской армии до Гоби позволит создать буферную зону и избежать военного столкновения с Китаем.

Представляется, что результаты исследований офицеров Генштаба являлись ценным источником информации о Монголии, а их влияние было весьма весомым, но не определяющим. Они подпитывали то направление во внешней политике, которое выступало за жесткую линию и активную политику в данном регионе. Несомненно, что армейские специалисты несколько преувеличивали военную опасность, исходящую со стороны Китая. Выступая за жесткую политику по отношению к этому восточному соседу, они вели Россию к отношениям, чреватых военными конфликтами и дипломатическими осложнениями.

Торговые русско-монгольские отношения играли главную роль в отношениях двух стран. Поэтому в периодической печати России регулярно появлялись статьи о проблемах русской торговли в Монголии и Китае. Часто их авторами являлись сами купцы: братья Бутины, Немчинов, Воробьев, Бурдуков, Васенев и др.

⁷ Государственная Дума. Стенографический отчет. 1912. С. 22–52.

По мере накопления материала появляются и работы обобщающего характера: С. Ф. Степанова — управляющего Монгольским отделением Русско-Китайского банка, ветеринарного врача А. П. Свечникова, служащего таможи Н. Шейнфельда, торгового агента А. Болобана. Главная тема публикаций — активизация деятельности китайского торгово-ростовщического капитала в Монголии, усиление колонизации монгольских земель, ослабление позиций русского купечества. С. Ф. Степановым дан обстоятельный анализ пяти типов русских торговцев в Монголии.

Сокращение российского экспорта в Монголии вызвало беспокойство у торгово-промышленных кругов центральной России. В 1909 и 1910 гг. при Московском биржевом комитете устраивались совещания московских промышленников, на которых обсуждались проблемы торговли в Китае и Монголии, анализировались причины кризиса.

Важную роль в изучении русско-монгольской торговли сыграли две торговые экспедиции в Монголию: московская во главе с полковником В. Л. Поповым, снаряженная промышленниками Московского района, а также сибирская экспедиция из Томска. Подходы этих двух экспедиций к проблеме и их выводы существенно различались. Московская торговая экспедиция, признавая важность монгольского рынка для России, не видели больших перспектив русской торговли в Монголии. Видимо, буржуазия и торговцы центральной России связывали свои экономические интересы с более емкими и освоенными рынками Ближнего Востока и Маньчжурии.

Сибирская экспедиция, во главе с профессорами М. И. Боголеповым и М. Н. Соболевым, дала более глубокий экономический анализ состояния русско-монгольской торговли. По их мнению, Монголия является перспективным рынком для российских товаров, поэтому предлагали укреплять здесь торговые позиции России. Они предлагали также оказать поддержку в создании нейтральной Монголии, государства-буфера под покровительством союза европейских государств.

Представители демократической интеллигенции предлагали отличную от военных и торговцев трактовку сложившейся ситуации вокруг Монголии. Эти взгляды были отражены в публикациях ведущих монголоведов России Б. Я. Владимирцова, В. Л. Котвича, статьях и воспоминаниях известного публициста и писателя, либерального народника И. И. Попова,

языковеда и этнографа Н. П. Евстафиева, чиновника и краеведа Д. П. Першина, будущего известного монголоведа А. В. Бурдукова, выпускника Восточного института во Владивостоке П. А. Бобрика.

Несмотря на различие в деталях, они выступали за создание независимого монгольского государства или государства-буфера и предлагали России оказать реальную помощь Монголии. Важнейшими задачами возрождения монгольского государства они считали оказание помощи в налаживании хозяйства монгольских кочевников, в развитии торговых отношений. Особое внимание они уделили вопросу о необходимости помощи в области культуры и здравоохранения.

Особую позицию в «монгольском вопросе» занимали российские социал-демократы. Свою позицию они основывали на классовых позициях, на критике колониальной и захватнической политики царского правительства в отсталых странах Востока, в том числе и в Монголии. Особенно большого и глубокого интереса к Монголии и политике России и региону социал-демократы не проявляли. Отсутствие в стране рабочего класса, незначительная роль Монголии в мировой экономике и политике, а также слабая информированность о событиях в кочевой стране и стали причиной редких характеристик и оценок «монгольского вопроса».

И только Синьхайская революция в Китае и обострение монголо-китайских отношений усилили их интерес к данной проблеме. В историографии известны оценки В. И. Ленина, М. Павловича, Сурина по проблемам Монголии. Не вникая глубоко в причины заинтересованности России в Монголии, они видели и отмечали только захватнический характер внешней политики страны и резко осуждали его. Известно, что позднее партия большевиков спокойно превратила Монголию в зону собственного влияния и распространения революционных идей.

Оригинальное решение в разоблачении политики царизма и российской буржуазии внес сосланный в Сибирь социал-демократ Сурин (Сурен Асеньян), написавший фельетон «Господа монголисты». Автор в форме коротких монологов от имени различных обобщенных типажей: отставного штабс-капитана, москвича-мануфактуриста, бийского купца, торговца-одессита показывает, как они планируют сделать «свои делишки» в новой, открывающейся для них авантюры. Фельетон

Сурина явился особой формой протеста против грубого вмешательства правительства и определенных кругов российского общества во внутренние дела Монголии и Китая и грабительской политики российской буржуазии.

В советский период исследования проблемы преобладала характеристика русско-монгольских отношений как не равноправных взаимоотношений, внешняя политика России в начале XX в. расценивалась как захватническая и колонизаторская. Оценки, высказанные в первый период изучения, не использовались и не привлекались к характеристике отношений. Концептуально исходили от тезиса, что прогрессивная внешняя политика формировалась только в советский период, а внешняя политика царской России оценивалась негативно и отрицательно.

Марксистская историография в характеристике внешней политики исходила из одномерных оценок, таких как «прогрессивная», «агрессивная», «захватническая», «империалистическая» и т. п. Исходя из этих категорий, внешнюю политику России определяли как «империалистическую» и «захватническую». Позднее ее стали корректировать и оценивать как «прогрессивную». Подобная одномерность оценок не отражает в полной мере всей сложности и противоречивости отношений двух соседних стран. Необходимо преодолеть категоричность характеристик, показать наличие различных подходов к русско-монгольским отношениям, показать сложность и противоречивость отношений России и Монголии. В советский период на его более позднем этапе стали преодолеваются подобные односторонние оценки.

Революции 1917 г. в России и монгольская революция 1921 г. привели к резкому свертыванию общественной мысли России. В определенном смысле можно говорить о том, что к концу 20-х годов постепенно формируется единый унифицированный взгляд на общественные явления и процессы, в том числе и на происходившие в Монголии. Частично общественная мысль продолжала сохраняться в условиях российской эмиграции, но это уже самостоятельное явление, мало связанное с предшествующим этапом.

Не будет преувеличением вывод о постепенном исчезновении общественной мысли России и формировании единого марксистского взгляда на исторические события и явления. Правда, в 1920-х гг. еще продолжала существовать в отдельных случаях живая творческая

мысль. Но это было скорее исключение, а не правило.

Исключается разномыслие по принципиальным вопросам, уменьшается число дискуссий и наличие различных точек зрения на тот или иной вопрос. Резко сокращается число публичных выступлений, мы не видим уже принципиальной разницы между оценками «монгольского вопроса» дипломатами, военными, представителями торговых, экономических и культурных кругов.

С 1920-х гг. в России резко меняется тематика публикаций о Монголии, на передний план выходят издания на современную революционную тему, а сюжеты о древности и средневековье Монголии отходят на второй план, в том числе и изучение вопросов русско-монгольских отношений. Наиболее важными и актуальными становятся вопросы демократических преобразований в Монголии, экономические сюжеты становятся преобладающими в общественной мысли страны. Однако, заданность выводов, подчиненность выводов социальным задачам революционных преобразований в стране, слабая аналитичность и недостаток фактических данных не позволили создать подлинно научную картину монгольского общества 20–30-х гг. XX в.

В последние годы российские исследователи (С. Л. Агаев, А. П. Базиянц, А. Н. Кононов, Н. А. Кузнецова, Л. М. Кулагина, Б. В. Лунин, В. Н. Никифоров, М. А. Персиц, П. М. Шаститко и др.) все чаще обращаются к вопросам становления советского востоковедения. Однако развитию советского монголоведения в 20–30-е гг. — составной части востоковедения, уделяется пока незначительное внимание (И. И. Иориш, Н. П. Шастина, М. И. Гольман). Вместе с тем, именно в это время закладывались основы нового типа исследования истории Монголии — марксистско-ленинского, происходило первоначальное осмысление и обобщение опыта революции 1921 г., проводился анализ революционного процесса в целом, многие оценки и характеристики новейшей истории Монголии не потеряли своего научного значения до настоящего времени, к некоторым из них вновь возвращаемся после длительного перерыва. К сожалению, современное монголоведение не определило еще своего отношения к работам первых исследователей, которые занимались обобщением и осмыслением опыта реформ в Монголии в 1921–1940 гг.

В 20–30-е гг. XX в. ведущие монголоеды старшего поколения, дореволюционной под-

готовки (Б. Я. Владимирцов, Ц. Ж. Жамцарано, В. Л. Котвич, В. В. Бартольд, Г. Ц. Цыбиков, Г. Е. Грумм-Гржимайло, С. А. Козин) по-прежнему занимались вопросами традиционного востоковедения: изучение исторических и литературных памятников древней и средневековой Монголии, сторонились проблем современности. Справедливости ради, необходимо отметить, что в конце 20-х г. в их исследованиях начался перелом в тематике и методике исследований. Так, Б. Я. Владимирцов и Н. Н. Козьмин подготовили исследования, посвященные изучению социальной природы кочевого общества. В. Л. Котвич опубликовал ряд статей, посвященных современной Монголии.

Ведущий монголовед страны академик Б. Я. Владимирцов опубликовал в 20-е гг. работы: «Буддизм в Тибете и Монголии» (1919), «Чингис-хан» (1922), «Монголо-ойратский героический эпос» (1923), «Образцы монгольской народной словесности» (1926), «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия» (1929).

Директор Петроградского института живых восточных языков, член-корр. АН СССР В. Л. Котвич опубликовал работы: «Среди монгольских племен», «Из поучений Чингис-хана», «К изучению Юань-чао-биши» (1925).

Невосполнимыми оказались кадровые потери специалистов в области монголоведения. В 1918 г. умер выдающийся тюрколог и этнограф В. В. Радлов. В 1920 г. от болезни скончался крупнейший монголовед А. М. Позднеев. В 1923 г. из Петрограда во Львов уезжает В. Л. Котвич и публикует свои исследования на польском языке. В Финляндию эмигрирует талантливый молодой монголист А. Д. Руднев (1878–1959), занимавшийся проблемами монгольской филологии. В 1922 г. в Харбин уезжает В. А. Рязановский, юрист и востоковед, издавший «Монгольское право (преимущественно обычное)» (1929), «К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру и право» (1931). Покидает Россию историк, философ-евразиец Г. В. Вернадский (1887–1983), опубликовавший в США исследование о взаимоотношениях монголов и Руси. Только в 20-е гг. работают Б. Я. Владимирцов (до 1931 г.), В. В. Бартольд (до 1930 г.).

Необходимо отметить одну характерную особенность публикаций русских эмигрантов — почти полное отсутствие серьезных исследований о политике России в Монголии в

1911–1917 гг. Мы не встречаем почти ни одного автора, писавшего прежде активно по «монгольскому вопросу». Ведь это были в основном практически работники, немонголоведы. Данное направление исследований оказалось полностью прерванным, не имеющим научной преемственности.

В работах новых авторов: Л. Пазвольского, А. Лобанова-Ростовского, Ф. Мансветова, М. Белова, Д. Даллина, по данным М. И. Гольмана, обосновывается тезис о продолжении СССР территориальной, политической и экономической экспансии царской России в Монголии. Публикации были посвящены критике политики Советской России в Монголии, превратившей последнюю в «колонию», «сателлита».

Вопросами русско-монгольских отношений начала XX в., в период автономии Монголии занимались практические работники: А. Д. Калинин, И. М. Майский, С. Шойжелов, В. Гирченко. Наибольший интерес для современной историографии представляют следующие статьи: Г. Грумм-Гржимайло «Россия и Монголия» (1922), С. Шойжелова «Монголия и царская Россия» (1926), А. Попов «Царская Россия и Монголия в 1913–1914 гг.» (1928), В. Гирченко «Царская Россия и Монголия» (1930), отдельные разделы в книгах И. М. Майского «Современная Монголия» (1921), А. Д. Калинин «Революционная Монголия» (1925), «Национально-революционное движение в Монголии» (1926), Г. Е. Грумм-Гржимайло «Западная Монголия и Урянхайский край» (1926, 1930), А. В. Черных «Торговые связи Монголии и Восточной Сибири» (1926).

История русско-монгольских отношений, история торговых отношений базировались, за исключением работ И. М. Майского и Г. Грумм-Гржимайло, на дореволюционных материалах и данных, но с новой их трактовкой. Многие работы носили обзорный и поверхностный характер, часто базировались на известных данных. Новая власть и формирующаяся общественная наука поставила задачу переписать историю, в числе и историю Монголии, историю русско-монгольских отношений на основе исторического материализма. В рамках марксистской концепции внешняя политика Российской империи, ее внешнеэкономическая и торговая политика рассматривалась как колониальная и захватническая. В целом, русско-монгольские отношения оценивались как неравноправные, а деятельность торговцев, дипломатов и военных оценивалась в основном негативно.

Некоторые позитивные и более объективные оценки русской политики в Монголии, имеющиеся в работах И. М. Майского и Г. Грум-Гржимайло не получили своего развития в советской историографии.

Несомненным достоинством данного периода стало введение в научный оборот новых оригинальных исторических источников по истории русско-монгольских отношений из государственных российских архивов.

Значительное число документов было опубликовано в журнале «Красный архив», были опубликованы тематические сборники документов «Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке (1888–1903 гг.)» (1932), «Из эпохи японо-китайской войны 1894–1895 гг.» (1932), «Накануне русско-японской войны (декабрь 1900 — январь 1902 гг.)» (1934). Они подробно раскрывают внешнюю политику Российской империи в конце XIX — начале XX вв. Данные источники не потеряли своего научного значения до сих пор и используются исследователями данной темы. Были опубликованы отдельные документы из наследия С. Ю. Витте, А. Н. Куропаткина, В. Н. Ламздорфа и др. политиков, влиявших на формирование внешней политики.

Особый и весомый вклад внес крупный историк и архивист А. Л. Попов, подготовивший к печати известную подборку архивных документов «Царская Россия и Монголия в 1913–1914 гг.» (1928 г.)⁸. Данные опубликованные документы стали предметом дальнейшего пристального исследования российских, монгольских и зарубежных историков.

Александр Львович Попов окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, учился у известных ученых А. Е. Преснякова, В. Н. Строева и после революции 1917 г. работал в системе Главархива. Длительное время он работал в провинциальных архивах России: Костроме, Симбирске, Баку, в 1923 г. переезжает в Москву и становится консультантом Архива внешней политики. С 1929 г. он стал работать в комиссии по изданию документов эпохи империализма. В 1935 г. он стал научным сотрудником Института истории Академии наук, в 1942 г. стал доктором наук без защиты диссертации.

Весомый вклад в российскую историографию изучения дальневосточной политики внес Б. А. Романов, опубликовавший две монографии: «Россия в Маньчжурии», «Очерки дипло-

матической истории русско-японской войны» (1955).

Глубокую и оригинальную трактовку научного вклада Б. А. Романова дал крупный современный исследователь проблемы внешней политики Российской империи на Дальнем Востоке и Маньчжурии историк И. В. Лукоянов. По его оценке, «книга Б. А. Романова — явление в советской историографии. Прежде всего, она основана на весьма значительном архивном материале, что придало картине, нарисованной историком, убедительность. В монографии также ярко проявилась отличительная черта работ Б. А. Романова — блестящее умение устанавливать связи различных фактов. Это мастерство историка, которым можно только восхищаться. Оригинален и стиль исследователя — это не простое изложение или пересказ событий, а авторское понимание их значения и места в создаваемой им картине. Однако опора Б. А. Романова на архив канцелярии министра финансов имела не только положительные стороны: картина российской политики в Маньчжурии получилась деформированной, с преобладанием действий и намерений Министерства финансов.

Он дал собственную, оригинальную трактовку дальневосточной политики России. Как отмечает современный исследователь И. В. Лукоянов, Б. А. Романов выделил три основных течения в российских правящих кругах по дальневосточной политике: С. Ю. Витте и В. Н. Ламздорф; А. Н. Куропаткин; Николай II и «безобразовский кружок». По мнению И. В. Лукоянова, «исследовательский подход А. Л. Попова отличался от приёмов работы Б. А. Романова. Он пришёл к иному, чем Б. А. Романов, пониманию сущности и особенностей внешней политики самодержавия. В частности, А. Л. Попов подчёркивал не только её агрессивность, но и преобладание в ней «военно-захватнических методов». Применительно к дальневосточной политике историк усматривал переплетение методов империализма (экономических) и предшествовавшей эпохи (военно-захватнических) с доминированием последних. Мне кажется, что такая оценка точнее, чем представления Б. А. Романова»⁹.

В начале 30-х гг. XX в. в российской историографии обостряется интерес к истории Маньчжурии, в связи активизацией японской агрессии в Китае и Маньчжурии, созданием марионеточного государства Маньчжоу-Го. Прак-

⁸ Царская Россия и Монголия в 1913–1914 гг. / сост. А. А. Попов // Красный Архив. 1928.

⁹ Лукоянов И. В. «Не отстать от держав». Россия на Дальнем Востоке. СПб., 2008.

тические потребности потребовали основательного изучения дальневосточной политики России, Японии и западных стран.

В 50-е гг. XX в. началось восстановление изучения в СССР русско-монгольских отношений. К сожалению, преемственности исследования данной темы не получилось. Значительное число исследователей проблемы оказалось репрессированными, а их подходы к проблеме утраченными.

Обращение к теме русско-монгольских отношений происходило в новых исторических условиях, определенной политической и идеологической свободы и попытки нового осмысления проблемы.

В Секторе Монголии Института Востоковедения АН СССР началась серьезная работа по введению в научный оборот документов по истории русско-монгольских отношений XVII–XVIII вв. (И. Я. Златкин, С. Д. Дылыков, М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук и др.). Основное внимание уделялось исследованию русско-монгольских отношений в более ранний период их становления и развития. Однако, общий подход к проблеме уже менялся. Негативная характеристика российско-монгольских отношений менялась на более объективную и позитивную оценку. К сожалению, вопросы отношений России и Монголии в первой четверти XX в. не стали предметом научного исследования.

В 1958 г. монголовед Н. П. Шастина публикует монографию «Русско-монгольские посольские отношения»¹⁰, основанную на оригинальных документальных источниках. Н. П. Шастина — крупный советский историк, большой знаток новой истории Монголии, монгольских исторических источников: «Шара туджи», «Алтан тобчи» Лубсан Данзана, а также истории русского монголоведения в период становления и развития. Книга была основана на кандидатской диссертации автора «Первые сношения Московского государства с Алтынханами Западной Монголии», защищенной в 1950 г. Н. П. Шастина в новых условиях положила начало объективной и взвешенной оценке русско-монгольских отношений. Она строго опиралась на архивные данные и оригинальные источники, поэтому ее труды сохраняют в настоящее время свою значимость. Данное направление было продолжено исследованиями Ш. Б. Чимитдоржиева, Р. Е. Пубаева, Д. Б. Улымжиева, Л. Ш. Чимитдоржиевой. Н. П. Шастина опубликовала значительное чис-

ло статей, посвященных научной деятельности известных российских монголоведов Д. Банзарова, О. М. Ковалевского, Г. Гомбоева, В. П. Васильева, А. М. Позднеева и вплотную приблизилась к созданию обобщающей работы по истории российского монголоведения. К сожалению, она не была завершена и не издана.

В 1959 г. был опубликован первый том «Русско-монгольские отношения. 1607–1636», составителями которого выступили московские монголоеды Л. М. Гатауллина, М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук. Позднее, в 1974 г. был издан второй том «Русско-монгольские отношения. 1636–1654», в 1996 г. — 3-й том «Русско-монгольские отношения. 1654–1685», в 2000 г. — «Русско-монгольские отношения. 1685–1691», которые создали прочную источниковую базу будущих исследований русско-монгольских отношений раннего периода. Последние два тома подготовила к печати Галина Сергеевна Слесарчук, которая приложила много сил на подготовку документов к публикации. Г. И. Слесарчук также опубликовала также серию статей по проблеме русско-монгольских отношений в XVII–XVIII веках: «Русские архивные материалы о хошоутских тайджи Аблае и Очирту Цецен-хане» (1987), «Русские архивные материалы о Гуши-хане» (1978), «Из истории русско-монгольских посольских отношений в XVII в.» (2000), «Из истории посольских отношений России с северомонгольскими ханами в 60–70-е гг. XVII» (1997)¹¹.

Также были опубликованы историко-правовые документальные сборники, подготовленные С. Д. Дылыковым «Халха Джирум», «Цааджин бичиг», «Их Цааз» А. Г. Сазыкиным, В. Л. Успенским. Русско-монгольские отношения XVII–XVIII вв. изучались Ш. Б. Чимитдоржиевым. Он защитил в 1959 г. кандидатскую диссертацию «Русско-ойратские (западно-монгольские) отношения в XVII веке», были опубликована серия статей по данной проблеме: «Русско-монгольские (западно-монгольские) связи в XVII в.» (1958), «К истории русско-ойратских торговых отношений в конце XVII в.» (1962), «Из истории взаимоотношений России с Джунгарией при Галдан-хане» (1963). В более позднее время Ш. Б. Чимитдоржиев опубликовал следующие монографии: «Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв.» (1978), «Взаимоотношения Монголии и Средней Азии XVII века» (1979), «Россия и Монголия» (1989).

¹⁰ Шастина Н. П. Русско-монгольские отношения в XVII веке. М., 1958.

¹¹ Слесарчук Г. И. Статьи разных лет. Улан-Батор, 2013. 220 с.

В работах Ш. Б. Чимитдоржиева, Е. М. Даревской, Д. Ж. Батуева, Н. П. Шастиной, Л. П. Поповой, Н. Е. Единарховой, Т. Д. Скрынниковой, А. Н. Хохлова была представлена более взвешенная оценка истории русско-монгольских отношений, начинает сокращаться идеологическая составляющая отношений двух стран и формироваться более объективная картина экономических и дипломатических отношений России и Монголии.

Наибольшую ценность для российской историографии данной проблемы представляют монографии известного российского монголоведа Ш. Б. Чимитдоржиева «Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв.» (1978), «Взаимоотношения Монголии с Россией и странами Средней Азии» (1979)¹², «Россия и Монголия» (1989). В научный оборот были введены оригинальные исторические источники, предложены новые характеристики русско-монгольских отношений, исчезли одиозные и негативные оценки русской внешней политики по отношению к Монголии.

Оригинальный научный материал по истории русско-монгольских связей начала XX в. был введен в историографию Монголии известным иркутским исследователем Еленой Марковной Даревской. Более 40 лет она тщательно и целенаправленно собирала и публиковала материалы по истории русско-монгольских отношений, были опубликованы три монографии «Сибирь и Монголия. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX веков» (1994)¹³, «Три портрета — три судьбы. Исторические очерки» (1997), «Декабристы в Сибири, Монголии и Китае» и более 80 статей по данным вопросам.

Новизна работ Е. М. Даревской определяется, прежде всего, тем, что она выбирает для исследования вопросы, которые мало или вовсе не изучены ее предшественниками, или требуют пересмотра. Все статьи, без исключения, носят неповторимый характер остановки проблем, использованием новых исторических источников, архивных материалов и периодической печати Иркутска, Улан-Удэ, Кяхты, Читы, Москвы и Санкт-Петербурга по истории русско-монгольских связей. В любой, самой маленькой миниатюре, она стремится к исчерпывающей полноте использования источни-

ков, их критического анализа и сопоставления. Поэтому ее публикации вызывают большой интерес российских и монгольских историков, пользуются глубоким уважением. Своими материалами она опровергла многие устоявшиеся в исторической литературе стереотипы: о новых тенденциях в экономике Монголии на рубеже веков, степени культурности ее русских жителей и других аспектов связей. Е. М. Даревская открыла много имен русских деятелей, внесших заметный вклад в развитие и упрочение русско-монгольских отношений.

В 90-е гг. XX в. — начале XXI века были опубликованы монографии Б. В. Базарова, В. Ц. Ганжунова, Н. Е. Единарховой, С. Г. Лузянина, А. В. Старцева, С. Л. Кузьмина, Ю. В. Кузьмина, Е. И. Лиштованного, В. Д. Дугарова, которые по-новому трактуют историю русско-монгольских отношений начала XX в. Исчезла идеологическая направленность оценок отношений двух стран, оценки идут с точки зрения национальных интересов России. Главное достоинство научных работ данных исследований — введение в научный оборот новых архивных материалов, обращение к сложным вопросам истории дипломатических и военных отношений. Опубликованы сборники документов, которые расширяют источниковую базу исследований. Публикуются новые мемуарные источники, которые наполняют историю русско-монгольских отношений новыми красками и оценками.

Российское китаеведение проделало грандиозную работу по описанию, обобщению и анализу российско-китайских отношений (В. С. Мясников, Е. А. Белов, В. А. Моисеев, М. И. Сладковский, А. Н. Хохлов, В. Г. Дацышен и др.). Крупные монографии В. С. Мясникова «Договорными статьями утвердили. «Дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв.» (1996), В. А. Моисеева «Россия и Китай в Центральной Азии: вторая половина XIX — 1917 г.» (2003), С. Г. Лузянина «Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1949 гг.» (2000), В. Г. Дацышена «Очерки истории российско-китайской границы во 2-й половине XIX — начале XX вв.» (2000), «История российско-китайских отношений в конце XIX — начале XX в.» (2000), Е. А. Белова «Россия и Китай в начале XX в. Русско-китайские противоречия в 1911–1915 гг.» (1997) создали прочную научную основу для изучения истории русско-монгольских отношений. Сделана успешная попытка российских китаеведов создать обоб-

¹² Чимитдоржиев Ш. Б. Россия и Монголия. М., 1987.

¹³ Даревская Е. М. Сибирь и Монголия. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX века. Иркутск, 1994.

щающую коллективную работу по истории русско-китайских отношений «Россия и Китай: четыре века взаимодействия» (2013)¹⁴. Китаеведение имеет большой творческий потенциал и несколько опережает другие сферы российского востоковедения. Заслуживает внимания стремление авторов создать полную и объективную картину событий и не формировать у читателей определенный взгляд на события. Авторы отдельных глав излагают собственные взгляды на описываемые события, не избегая спорных вопросов в литературе. Фактические данные русско-китайских отношений, оценки и характеристики серьезно влияют на формирование концепции русско-монгольских отношений. Тем более, что до 1911 г. Монголия являлась составной частью Маньчжурской империи.

Определенный вклад в исследование темы вносят историки, занимающиеся историей Сибири, историей Бурятии и Забайкалья, Тывы («История Тывы» в 2-х томах, «История Бурятии» в 3-х томах (2011), «Энциклопедия Забайкалья» в 4-х томах), «Историческая энциклопедия Сибири» (т. I–III) (2009). История пограничных территорий, биографии политических и пограничных деятелей, экономические связи территорий дополняют историю русско-монгольских отношений в начале XX в. Значительное место в отношениях данного периода занимали религиозные связи монголов, бурят, тувинцев. Паломничество российских ламаистов в Монголию и Тибет, проезд буддийских деятелей из Монголии и Тибета в Россию находят отражение у российских исследователей. Формированием художественных коллекций в России занимаются российские искусствоведы и музееведы.

Назрела необходимость создания обобщающей работы по истории русско-монгольских отношений в первой половине XX в., с привлечением специалистов различного профиля: историков, экономистов, филологов, философов, политологов и культурологов. Это позволит создать объемную и всестороннюю историю взаимоотношений двух стран, народов и культур. Результаты исследования необходимо ввести в научный оборот на русском, монгольском, китайском и английском языках. Это позволит стать ближе и понятнее монгольской исторической науке и мировому монголоведению.

Публикация новых оригинальных исторических источников в Монголии и России, по-

явление новых подходов и оценок в российской и монгольской историографии диктуют определение спорных точек зрения и создание цельной картины отношений двух стран. Выявление и публикация новых архивных и мемуарных источников, междисциплинарный подход к проблеме позволят выйти на новый уровень исследования сложной темы изучения истории взаимоотношений России и Монголии. Концептуально мы исходим из положения анализа конкретно-исторического материала с позиции национальных интересов России.

Крупным научным центром России по изучению истории, экономики и культуры Монголии является Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук. С 1997 г. по настоящее время директором Института является член-корреспондент РАН, академик АН Монголии, доктор исторических наук, профессор Б. В. Базаров.

Данный научный центр превратился в ведущий научный центр нашей страны и плодотворно изучает вопросы исторического и культурного взаимодействия народов и культур Внутренней Азии в диалоге цивилизаций «Восток-Запад». Успешно изучаются и русско-монгольские отношения, об этом свидетельствуют крупные исследования Б. В. Базарова, Л. В. Кураса, Ш. Б. Чимитдоржиева, Т. Д. Скрынниковой, Ц. П. Ванчиковой и других ученых научного центра. Были изданы фундаментальные сборники оригинальных архивных материалов «Русско-монгольское военное сотрудничество от Халхин-Гола до линкора «Миссури» (1939–1946)» (2011), «Монголия в документах Коминтерна (1919–1934)» (2012)¹⁵, «Монголия во второй мировой войне. Фотоальбом» (2011).

Успешно проводятся научные конференции, посвященные научной деятельности Г. Ц. Цыбикова, Ц. Ж. Жамцарано, Э. Д. Ринчино, Б. Б. Барадина, результаты которые серьезно продвигают изучение русско-монгольских научных и культурных связей.

Монография С. Г. Лузянина «Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг.» (2003)¹⁶ по-новому осветила характер поли-

¹⁵ Монголия в документах Коминтерна (1919–1934) / сост. Ч. Дашдаава, Б. В. Базаров. Улан-Удэ, 2012.

¹⁶ Лузянин С. Г. Россия — Монголия — Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М., 2003.

¹⁴ Россия и Китай: четыре века взаимодействия. М., 2013.

тических и дипломатических отношений Монголии и России. Необходимо отметить, что данная тема и ранее являлась предметом специального изучения С. Г. Лузянина. Кандидатская диссертация также была посвящена истории русско-монгольских отношений в 1911–1919 гг. Научные работы построены на оригинальных архивных материалах Москвы, Санкт-Петербурга и Иркутска.

Научные работы московских монголоведов Сектора Монголии Института Востоковедения Российской Академии наук (С. К. Рощин, В. В. Грайворонский, М. И. Гольман, Г. С. Яскина, Е. В. Бойкова), посвященные внутренним проблемам истории Монголии, а также современным русско-монгольским отношениям представляют также и исторические сюжеты развития отношений России и Монголии в XX в. Новая трактовка русско-монгольских отношений в первой половине XX в., взвешенный взгляд на историю отношений двух стран — характерная черта исследований ведущих российских монголоведов России. Серьезное внимание уделяется сложностям, трудностям и противоречиям соседних государств. Произошла смена методологических подходов в изучении русско-монгольских отношений. Коллективная монография «Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке»¹⁷ определила развитие дальнейшее развитие истории русско-монгольских отношений в XX в., стала своеобразным ориентиром для российских и монгольских ученых.

Московский Китаевед Е. А. Белов на основе оригинальных исторических источников подготовил крупные исследования: «Россия и Монголия (1911–1919)» (1999), «Россия и Китай в начале XX века. Русско-китайские противоречия в 1911–1915 гг.» (1997)¹⁸. Впервые в российской историографии автором были проанализированы сложные и дискуссионные вопросы русско-монголо-китайских отношений: вопросы противоречий между Россией и Монголией, «баргинский вопрос», «урянской вопрос», монголо-китайские отношения. Впервые в российском монголоведении Китаевед Е. А. Белов ввел в научный оборот целый пласт оригинальных архивных материалов из Архива внешней политики Российской империи.

Александр Владимирович Старцев хорошо известен среди российских востоковедов

¹⁷ Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. М., 2001.

¹⁸ Белов Е. А. Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М., 1999.

своими глубокими исследованиями проблемы российского предпринимательства на Алтае, русско-монгольской пограничной торговли. Об этом, в частности, свидетельствуют его ранее опубликованные монографии: «Сибирский купец А. Д. Васенев» (1994), «История предпринимательства в Сибири» (1999, в соавторстве), «Купечество Алтая второй половины XIX — начала XX в.» (2001, в соавторстве), «Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX — начало XX в.).» (2003).

А. В. Старцев активно занимается научно-исследовательской работой, имеет более 330 научных публикаций, в числе которых монографии, учебные пособия, сборники документов, статьи. Специалист в области истории народного хозяйства и предпринимательства Сибири, истории торгово-экономических и культурных связей Сибири со странами Дальнего Востока и Центральной Азии.

Капитальное научное исследование А. В. Старцева «Русско-монгольские торгово-экономические отношения во второй половине XIX — начале XX в.» (2013) органично вписывается в целую серию востоковедных и монголоведных исследований, посвященных истории русско-монгольских дипломатических, экономических и культурных отношений двух соседних стран¹⁹.

Работа А. В. Старцева объемная (414 с.) и фундаментальная, состоит из пяти глав. Неслучайно поэтому первая глава посвящена теоретической и методологической основе исследования: историографии, источниковедению, методологии.

В монографии А. В. Старцева дан основательный и конкретный анализ русско-монгольского товарооборота и его особенностей на различных этапах развития торговли: Первый этап определяется периодом 60–80-х гг. XIX в. Отмечается, что на данном этапе формировались основные статьи экспорта и импорта, складывались основные центры и направления товарных потоков. Темпы роста торговых оборотов в это время были сравнительно высокими: за период с 1865 по 1886 г. они увеличились в 2,3 раза. Наиболее быстрыми темпами торговля развивалась по южной границе Томской губернии, где главными участниками были жители города Бийска и Бийского уезда. Динамичное развитие получила торговля в Урянхайском крае. Торговля через Кяхту ве-

¹⁹ Старцев А. В. Русско-монгольские торгово-экономические отношения во второй половине XIX — начале XX вв. Барнаул, 2013. 414 с.

лась низкими темпами, а основные прибыли шли от чайной торговли.

Иркутский ученый Е. И. Лиштованный занимается вопросами отношений Монголии с сибирскими регионами, об этом свидетельствуют следующие работы: «Из истории обучения монгольских граждан в Восточной Сибири (1920–1980-е годы)» (1992), «Исторические взаимоотношения Сибири и Восточной Сибири» (1998), «От великой империи к демократии» (2007). В. Ц. Ганжуров опубликовал крупную монографию «Россия и Монголия (на трудном пути реформ)» (1997), посвященную современным проблемам отношений двух стран. Однако, некоторые исторические сюжеты и оценки более раннего периода нашли отражение в данной книге и оказали влияние на историческую науку России и Монголии в более современной оценке отношений соседних стран.

Профессор Единархова Нина Евгеньевна — крупный сибирский историк, востоковед, известный в России исследователь новой истории Китая и Монголии, Кяхтинской торговли и русско-монгольских торговых отношений, истории русской диаспоры в Монголии, деятельности генерального консула в Монголии Я. П. Шишмарева. Кяхтинская торговля являлась основным пунктом русско-китайской и русско-монгольской торговли, поэтому экономические связи России с Китаем являлись предметом пристального внимания российской историографии, в частности в публикациях А. Н. Хохлова, Ж. З. Тагарова. Аналитическое и глубокое исследование Н. Е. Единарховой до сих пор не утратило научной значимости. В последующие годы темой ее научных изысканий стала деятельность русских в Монголии во второй половине XIX — начале XX в., входившей тогда в состав Китайской империи и слабо изученная советским, а затем и российским монголоведением и, тем более, зарубежным, которые не имели доступа к отечественным архивам. Почти 20-летнее изучение проблемы завершилось в 2006 г. защитой докторской диссертации по деятельности русских в Монголии в 1861–1921 гг. в Ученом Совете института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (г. Владивосток). В рамках работы был подготовлен обширный материал по деятельности первого русского консула в Монголии Я. П. Шишмарева, большая статья о котором предшествовала публикации в 2001 г. уникального исторического источника — Отчета Я. П. Шишмарева о 25-летней деятельности Ургинского консульства в книге под названием

Русский консул в Монголии. Издание получило высокую оценку у монголоведов: оно вошло в списки литературы к многотомной истории Востока, издаваемой Институтом востоковедения РАН.

Проблемы российской историографии истории Монголии и русско-монгольских отношений — предмет исследования профессора Бурятского государственного университета В. Д. Дугарова. В ряде монографий «Взаимоотношения России и Монголии в XVII–XIX веках. Вопросы историографии» (2004), «Российская историография истории Монголии» (2014)²⁰ специально рассмотрены вопросы истории русского монголоведения начала XX в. и русско-монгольских отношений данного периода.

Новые темы истории российско-монгольских отношений: «урянхайский вопрос» в русско-монголо-китайских отношениях (Д. Шурхуу, Ю. В. Кузьмин, В. Г. Дацышен, В. А. Василенко), «монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России начала XX в. (Е. М. Даревская, Ю. В. Кузьмин); роль российских военных в исторических событиях первой четверти XX в. (Е. В. Бойкова, Н. Хишигт, С. Л. Кузьмин, А. В. Михалев, Ю. В. Кузьмин), история деятельности буддийской церкви Монголии и роль Богдо-гэгэна в политической и дипломатической истории Монголии (О. Батсайхан, Ж. Урангуа, А. А. Сизова, З. Лонжид), внутренняя политика Цин и деятельность независимого монгольского государства (1911–1919) (О. Батсайхан, Ж. Урангуа, З. Лонжид, Ж. Болдбатаар и др.), биографии крупных монгольских политических деятелей (Ч. Дашдаваа, О. Батсайхан, З. Лонжид, Ж. Болдбаатар).

Современную оценку русско-монгольских торговых отношений первой четверти XX в. были представлены в работах Ж. З. Тагарова, А. В. Старцева, Н. Е. Единарховой, А. Н. Хохлова. Расширяется фактическая источниковая база исследования, анализируются проблемы и трудности русских торговцев в Монголии.

Был сделан существенный шаг в изучении российско-монгольских отношений середины XIX — начала XX в. К сожалению, недостаточное внимание российские ученые уделяют внутренней истории Монголии, так как многие из них работают только на русских архивных материалах, имеющих недостаточно материалов, некоторые не владеют монгольским и китайским языками, что также ограничивает документальную базу.

²⁰ Дугаров В. Д. Российская историография истории Монголии. Улан-Удэ, 2014. 376 с.

В настоящее время в науку приходит новое поколение исследователей истории Монголии, которые получили востоковедное и монголо-ведное образование на восточном факультете Бурятского государственного университета, Институте стран Азии и Африки Московского государственного университета, Алтайском государственном университете, Иркутском государственном университете. Многие из них неплохо владеют европейскими и восточными языками, имеют высокую методическую подготовку, более открыты для новых подходов в осмыслении истории дипломатических, политических и научных отношений России и Монголии на рубеже веков.

Кандидатскую диссертацию по истории дипломатических отношений России и Монголии защитила выпускница Алтайского государственного университета А. А. Сизова, которая в настоящее время работает в Институте Дальнего Востока Академии наук России старшим научным сотрудником Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией. Основное внимание А. А. Сизова уделяет истории дипломатических отношений России и Монголии, становлению и развитию дипломатических отношений двух стран во второй половине XIX — начале XX вв. В научный оборот введены оригинальные архивные материалы центральных и сибирских архивов, представлена оригинальная трактовка особенностей дипломатии России в отношении Монголии.

Проблемами российского монголоведения активно занимаются В. Д. Дугаров, О. Н. Полянская, Е. В. Бойкова, И. В. Кульганек, Е. И. Лиштованный, продолжая историографические исследования известных российских монголоведов Ш. Б. Чимитдоржиева, Д. Б. Улымжиева, М. И. Гольмана, Н. П. Шастиной, Г. И. Слесарчук. Необходимо выделить публикации по истории российского монголоведения доцента Бурятского государственного университета О. Н. Полянской, основанные на оригинальных архивных материалах России и Польши. Особенно большое внимание уделяется творческому наследию О. М. Ковалевского, В. Л. Котвича, А. М. Позднеева. В научный оборот О. Н. Полянской введены неизвестные научные материалы российских ученых и научная переписка. Надеемся, что серия статей О. Н. Полянской завершится крупной монографией по данной тематике. Российское монголоведение нуждается в капитальном и фундаментальном исследовании истории развития отечественного монголоведения в его динамике, противоречиях, особенностях научного вза-

имодействия русских ученых и проблематики их научных поисков²¹.

В 2012 г. кандидатскую диссертацию в Улан-Удэ защитил П. Н. Дудин на тему «Становление государственности Монголии (первая половина XX в.)», также была опубликована серия статей, в которых дан интересный анализ внешнего положения Монголии и роль России. В настоящее время молодой ученый издает журнал «Eurasia: statum et legem», в котором находят отражение и вопросы русско-монгольских отношений начала XX в. Основное внимание П. Н. Дудин в своих исследованиях уделяет становлению государственности во Внутренней Монголии в первой трети XX в., теоретическим аспектам монгольского государственного строительства.

Проблемы российско-монгольского военного сотрудничества России и Монголии в первой половине XX в. находят выход в публикациях Ж. Б. Жалсаповой, защитившей кандидатскую диссертацию на тему «Взаимоотношения России и Монголии в военной сфере. 1911–1939 гг.», работающей в Хабаровском пограничном институте. Проблемы защиты национальных интересов России, пограничные проблемы заслуживают основательного и специального изучения.

Специфику религиозных связей России, Монголии и Тибета изучает Н. В. Цыремпилов, автор монографии «Буддизм и Империя. Бурятские буддийские общины в России (18 — нач. 20 вв.)» (2013)²². Специальную статью молодой ученый посвятил оценке тибетско-монгольского договора 1913 г.

Теории международных отношений, место Монголии в треугольнике Россия — Монголия — Китай, исторический опыт взаимодействия в XX в. — предмет научного исследования молодого ученого, кандидата политических наук из Улан-Удэ В. А. Родионова. Исследуются модели отношений в регионе Восточной Азии, история и перспективы российско-монгольских отношений, в том числе и начало XX в.

Место Монголии в системе международных отношений, ее место в «Большой игре», в том числе и вопросы русско-монголо-китайских отношений начала XX в. рассматриваются в публикациях доктора политических наук А. В. Михалева: «Монголия в Новой Большой игре:

²¹ Полянская О. Н. Профессор О. М. Ковалевский и Бурятия (первая половина XIX века). Улан-Удэ, 2001.

²² Цыремпилов Н. В. Буддизм и Империя. Бурятские буддийские общины в России (18 — начало 20 вв.). Улан-Удэ, 2013.

борьба за влияние и неформальные институты мягкой силы» (2013)²³, статьи: «Русский военный источник начала XX века о китайской колонизации Северо-Восточной Монголии» (2005), «Китайская колонизация Северо-Восточной Монголии в начале XX века: перспективы и оценка в исследованиях российского генштаба» (2004), «Конструирование «монгольского вопроса» бурятскими монголоведами в 1920-е годы» (2004).

Байкальский государственный университет экономики и права с 2012 г. выполняет совместно с научными институтами Академии наук Монголии Проект «Российско-монгольские отношения в первой четверти XX века». В проекте участвуют монгольские ученые из Института Истории АН Монголии, Института международных исследований, Института национального развития и Монгольского государственного университета. Российскую сторону в проекте представляют ведущие монголоеды и востоковеды Москвы, Санкт-Петербурга, Красноярска, Улан-Удэ, Иркутска, Барнаула. За 2012–2015 гг. подготовлено к печати и опубликовано четыре тома «Россия и Монголия: дипломатия, экономика, культура», в которых представлены статьи и документы по истории, дипломатии, культуре двух стран в переломный период их развития. Были проведены международные научные конференции в Улан-Баторе и Иркутске, которые дали толчок изучению сложных проблем отношений России и Монголии в первой половине XX в. В научный оборот были введены оригинальные исторические источники из архивов Москвы, Иркутска и Улан-Батора, а также представлены материалы по дискуссионным проблемам истории Монголии и российско-монгольских отношений²⁴.

Монгольские историки внесли самый существенный вклад в изучение истории Монголии и российско-монгольских отношений. В на-

²³ Михалев А. В. Монголия в Новой Большой игре: борьба за влияние и неформальные институты мягкой силы. Улан-Удэ, 2013.

²⁴ Актуальные вопросы истории российско-монгольских отношений первой четверти XX века: сб. науч. тр. Улан-Батор; Иркутск, 2013; Россия и Монголия на рубеже XIX–XX веков: экономика, дипломатия, культура: сб. науч. тр. Улан-Батор; Иркутск, 2013; Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука: сб. науч. тр. Улан-Батор; Иркутск, 2014. Кн. 3; Россия и Монголия: новый взгляд на историю: дипломатия, экономика, наука: сб. науч. тр. Улан-Батор; Иркутск, 2015. Кн. 4.

учный оборот введены оригинальные исторические источники, расширилась тематика исследований, предложена новая трактовка отношений российско-монгольских отношений. Сформировались различные подходы в оценке отношений двух стран. Существует и негативная характеристика российско-монгольских отношений в данный период. Критикуется позиция дипломатии России, которая добилась автономии Монголии, а не полной независимости страны.

Таким образом, российская историческая наука проделала значительную и напряженную работу по изучению русско-монгольских отношений начала XX в. Изучение проблемы на протяжении XX в. было неровным и сложным. Длительное время изучение проблемы находилось под значительным идеологическим прессом. «Советский период» был далек от истинного осмысления истории русско-монгольских отношений. Возврат современного монголоведения к российской историографии начала XX в. является логическим шагом развития научной мысли. Введение в научный оборот новых оригинальных архивных материалов, основательное изучение и переосмысление русско-монголо-китайских отношений позволяют выйти на новый уровень научного изучения проблемы. Дальнейшего исследования заслуживают проблемы русско-монгольских отношений: национальные интересы России в Монголии, роль военных деятелей в развитии отношений двух стран, биографии дипломатических работников России.

Российско-монгольские отношения 1921–1945 гг. в последнее двадцатилетие в основном исследовались под определенным историческим углом: основное внимание уделялось малоисследованным проблемам или сложным и противоречивым страницам в отношении двух стран (роль Коминтерна, репрессивная политика властей, негативные экономические последствия революционных преобразований). Позитивная роль СССР в создании современной промышленности, системы образования и культуры Монголии, осталась в «тени» и нуждается в современном осмыслении. Непростая задача современного и объективного взгляда на историю отношений России и Монголии в первой половине XX в. требует своего исторического решения. В этом заинтересованы историки двух дружественных стран и общественная мысль России и Монголии.

РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Русско-монгольские торгово-экономические контакты имеют давнюю историю. Их начало восходит к XVII в., когда в ходе присоединения сибирского региона к Русскому государству границы российских владений стали соприкасаться с районами расселения монгольских народностей и коренными монгольскими землями. Уже в этот период русское правительство всячески поощряло торговлю с монголами, и ее условия были весьма льготными.

Подписание в 1689 г. Нерчинского договора между Россией и Китаем, а также включение Северной Монголии в 1691 г. в состав Цинской империи изменило ситуацию. Теперь торговля с Монголией стала регулироваться русско-китайскими международно-правовыми актами. В 1728 г. между Россией и Китаем был подписан Кяхтинский трактат, согласно которому прекращался частный торг русских купцов в Урге, а для производства торговли предусматривалось открытие двух пунктов — в районе Кяхты и в Старом Цурухайтуе. В этом же году была основана слобода Кяхта, ставшая в XVIII — XIX в. крупнейшим центром русско-китайской торговли, о которой имеется большое количество работ, написанных в досоветский, советский и постсоветский период.

Что касается работ о торговле собственно с Монголией до середины XIX в., то их количество было невелико и сведения о ней, как правило, были включены в обобщающие работы, посвященные русско-китайским отношениям. В частности, некоторые данные о ходе и состоянии русско-монгольской торговли мы находим в трудах И. Бичурина, Е. Тимковского, Е. Ковалевского и некоторых других¹.

Возможность установления регулярного русско-монгольского товарообмена И. Бичурин оценивал скептически. Указывая на господство скотоводческого хозяйства в Монголии, он писал: «Юго-восточная Сибирь сама изобилуя скотом и зверями, ни малой не имеет нужды

в произведениях Монголии, равно и сообщать ей ничего не может, кроме небольшого количества хороших лисиц, юфтей, железных изделия и сукон большей частью транзитных»². Позже, поясняя свою мысль, он указывал, что развитие торговли у монголов «несовместно с кочевой жизнью, потому что сама кочевая жизнь, кроме привычки, есть следствие недостатка во многих потребностях и удобствах для оседлой жизни». Другой причиной, препятствовавшей развитию русско-монгольского товарообмена было то, что «китайское правительство не допускает монголов вступать в какие-либо связи с заграничными соседями»³.

К подобным же выводам приходил и Е. Тимковский, подчеркивая, что «при настоящем положении трудно, кажется, открыть какую-либо ветвь торговли с оною со стороны России. Для одежды монголов требуется значительное количество холста, в котором и жители сибирских губерний не менее нуждаются. Хлебом, табаком и железными вещами, конечно могли бы мы их снабжать, но какого рода товар получим от них на обмен? Никакого, кроме скота, в коем не представляется еще особенной потребности, при известном населении Сибири и при нынешнем состоянии хозяйства у наших бурят»⁴.

Важно подчеркнуть, что исследователи, не имея даже приблизительных сведений о хозяйственных показателях страны, совершенно точно определили экономические и политические причины, которые служили препятствием для развития торговых связей России и Монголии. Их выводы были в последствие подтверждены и обоснованы учеными и путешественниками второй половины XIX — начала XX в.

В середине XIX в. в характере русско-монгольских социально-экономических связей произошли существенные изменения. Отмена крепостного права в и развитие капитализма в России совпали с процессом урегулирования политических и экономических отношений с Цинской империей. В 50–60-х гг. XIX в. между Россией и Китаем был подписан ряд договоров

¹ Бичурин И. Записки о Монголии. Т. I. Ч. 1, 2. СПб., 1828; Он же. Статистическое описание Китайской империи. Ч. I, II. СПб., 1842; Орлов И. Новейшее и подробнейшее историческо-географическое описание Китайской империи. Ч. I, II. М., 1820; Тимковский Е. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах. Ч. I, II, III. СПб., 1824; Ковалевский Е. Путешествие в Китай. Ч. I, II. СПб., 1853.

² Бичурин И. Записки о Монголии. С. 155.

³ Бичурин И. Статистическое описание Китайской империи. Ч. II. С. 64–65.

⁴ Тимковский Е. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах. Ч. III. С. 327.

и соглашений, которые явились юридической основой русско-монгольских экономических связей и устранили многие препятствия в развитии товарообмена. Русские купцы получили право торговать непосредственно в Монголии, и эта торговля не облагалась пошлинными сборами. Для защиты интересов русских подданных в Урге учреждалось консульство⁵.

Данные события явились результатом серьезных изменений в развитии азиатского вектора российской политики. После поражения в Крымской войне определенная часть российской элиты стремилась компенсировать ослабление позиций в Европе за счет расширения экономических и политических контактов в Азии. Как отмечают исследователи, «...середина XIX века ознаменовалась всплеском общественного внимания к востоку и формированием новых политико-географических «образов» Российской Азии»⁶.

Это нашло в усилении политической, экономической, дипломатической, военной активности Российской империи (присоединение Средней Азии, деятельность Н. Н. Муравьева-Амурского на Дальнем Востоке, заключение в 50–60-х гг. XIX в. ряда договоров и соглашений с Цинской империей), а также в возрастании интереса к азиатским государствам со стороны ученых, путешественников, местных административных органов и предпринимателей.

Движение на восток получило свое теоретическое обоснование и стало трактоваться как «историческая миссия» России. Еще в 1855 г. П. П. Семенов (будущий Тянь-Шанский) писал по этому поводу: «Богом избранная посредница между Западом и Востоком, получившая крещение в столице империи Востока, проведшая свое отрочество европейскою заложницею в плену у азиатского племени, переброшенная гениальною волею в среду европейского развития, она (Россия. — А. С.) имеет равное сродство с Европою и Азиею, одинаково принадлежа обеим частям света. Оттого-то она и способнее других наций к выполнению роли, предназначенной ей географическим ее положением и историею...»⁷.

⁵ См. подробнее: Старцев А. В. Российско-китайские договоры до 1917 года // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2. Новосибирск, 2009. С. 782–784.

⁶ Ремнев А. В. Геополитические и национальные компоненты российской имперской политики на Дальнем Востоке (1905–1917 гг.). URL: <http://zaimka.ru/remnev-fareast/>.

⁷ Семенов П. П. Обозрение Амура в физ.-географич. отношении // Вестник РГО. 1855. Кн. VI. С. 254.

В 80-х гг. XIX в. сформировалось так называемое государственное-экономическое направление, представители которого аргументировано обосновывали интересы России в Азии. Н. Шавров в своей работе «О причинах современного финансового и экономического состояния России и средствах улучшения последнего», писал: «Все наше будущее на Востоке, но никак не на Западе, где нам ровно нечего делать, как только путаться в династические и национальные счеты разных государств, до которых нам, собственно, нет никакого дела»⁸. Другим видным представителем этого направления был профессор Харьковского университета П. П. Мигулин, который в своих публикациях, в том или ином контексте, подчеркивал важность активизации экономической российской политики на Дальнем Востоке⁹. Суммируя цели России на Востоке, предложения сторонников этого направления сводились к окончательному укреплению России на Тихоокеанском побережье, расширению южно-азиатских границ, постановке вопроса о побережье Индийского океана¹⁰.

Изменения в восточной политике обусловили наступление нового этапа в истории русско-монгольских торгово-экономических контактов, который характеризовался установлением прочных связей, оказавших большое влияние на экономику Монголии и приграничных областей Сибири, а также повлияли на интерес к Монголии со стороны российских ученых, путешественников и общественных деятелей.

После подписания Пекинского договора 1860 г. Монголию стали посещать научные экспедиции, организованные на средства Русского Географического общества, академических и иных учреждений, которые занимались сбором географических, этнографических данных о стране, составлением карт, изучением растительного и животного мира Монголии и

⁸ Шавров Н. О причинах современного финансового и экономического состояния России и средствах улучшения последнего. СПб., 1882. С. 175.

⁹ См.: Мигулин П. П. Русский государственный кредит (1769–1899). Опыт историко-критического обзора. Т. I. Харьков, 1899; Т. II. Харьков, 1900; Он же. Наша новейшая железнодорожная политика и железнодорожные займы. (1893–1902). Харьков, 1903; Он же. Наша банковая политика (1729–1903). Харьков, 1904.

¹⁰ Хадонов Е. Е. Очерки из истории финансово-экономической политики пореформенной России (1861–1904 гг.). М., 1997. С. 198.

т. п.¹¹ Главная ценность этих работ заключалась в накоплении фактического материала и к историографии их можно отнести лишь условно. Установление торговых связей с Монголией вызвало большой интерес в Сибири, что нашло выражение в ряде газетных публикаций¹², и брошюр¹³. Свой вклад в изучение Монголии внесли русские купцы, работавшие за границей. Они собирали сведения о путях сообщения и особенностях хозяйства местного населения, пытались оценить возможности, открывающиеся перед русским капиталом в Монголии и Китае¹⁴.

¹¹ Принтц А. Торговля русских с китайцами на р. Чуе и поездка в г. Хобдо // Известия ИРГО. Т. 1. № 1. СПб., 1865. Отд. II. С. 19–37; Радлов В. Торговые сношения России с Западной Монголией и их будущность // Записки ИРГО по отделению статистики. Т. 2. СПб., 1871. С. 595–637; Сосновский Ю. Русская учено-торговая экспедиция в Китай в 1874–1875 годах. СПб., 1876; Пясецкий П. Я. Путешествие в Китай в 1874–1875 гг. (Через Сибирь, Монголию, Восточный, Средний и Северо-Западный Китай). Из дневника члена экспедиции: в 2 т. СПб., 1880; Матусовский З. Географическое обозрение Китайской империи с картою на четырех листах и пятью приложениями в тексте. СПб., 1888; Певцов М. В. Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям Внутр. Китая // Записки ЗСОРГО. Омск, 1883. Кн. V; Шмурло Е. Описание пути между Алтайской станицей и Кош-Агачем в южном Алтае // Записки ЗСОРГО. Омск, 1898. Кн. XXIII. С. 1–53; Ладыгин В. Ф. Некоторые данные о положении торговли в Ганьсу, Тибете и Монголии, собранные во время экспедиции 1899–1902 гг., снаряженной ИРГО в Центральную Азию // Известия ИРГО. Т. XXXVIII. Вып. IV. СПб., 1902. С. 371–466; Попов В. Л. Очерк поездки по горной системе Алтая: Географический очерк (путевые заметки) // Записки ЗСОРГО. Омск, 1903. Кн. XXX. С. 1–27 и др.

¹² Ф. Б. Несколько слов о бийско-монгольской торговле // Томские губернские ведомости. 1872. № 4; Торговые сношения Томской губернии с Монголией // Там же. 1976. № 38; Лучшев А. О русской торговле с Монголией и северо-западным Китаем на границе Томской губернии // Сибирь. Иркутск, 1978. № 12, 13; Котельников И. Наши торговые сношения с Монголией // Сибирская газета. 1881. № 10 и др.

¹³ Костров Н. Торговые отношения Томской губернии с Монголией. Томск, 1876; Он же. Поездка на р. Чую д-ра Радлова в 1860 году. Томск, 1879.

¹⁴ И. Н. (Носков И.) О русской торговле с Китаем. СПб., 1867; Он же. О мерах к поддержанию русской торговли внутри Китая. СПб., 1875; Васенев А. От Кобдо до Чугучака. Маршрут купеческого каравана // Известия ИРГО. Т. XIX. Вып. 4. СПб., 1883. Отд. II. С. 292–312; Он же. От Кобдо до Ланьчжоу-фу: Маршрут пути, пройденного караваном Т-ва Никольской мануфактуры Саввы Морозова и Ко // Труды Томского губернского статистического комитета. Томск, 1889;

В связи с отсутствием удобных путей сообщения между Россией и Монголией, появляется ряд публикаций, посвященных развитию транспортной сети как важного инструмента в процессе утверждения русских предпринимателей на монгольском рынке¹⁵. Особый интерес исследователей вызывал Чуйский торговый путь, соединявший Западную Сибирь с северо-западными округами Монголии, который, по мнению предпринимателей и представителей местной администрации, должен был сыграть важную роль в удешевлении русских промышленных изделий на монгольском рынке¹⁶.

Большой вклад в исследование вопросов развития торговли в Монголии внесли русские востоковеды, среди которых особо следует отметить труды Г. Н. и А. В. Потаниных, путешествовавших по Монголии в 70–80-х гг. XIX в.¹⁷, знаменитого исследователя Центральной Азии Н. М. Пржевальского¹⁸ и известного ученого-

Он же. Дневник, веденный на пути от Ланьчжоу-фу и до Сиань-фу и Хань-чжун-фу и обратно (28 июля — 4 октября 1888 г.) // Записки ВСОРО по общей географии. Т. 1. Вып. 1: Труды русских торговых людей в Монголии и Китае. Иркутск, 1890. С. 1–126.

¹⁵ Крит Н. К. Заметка о торговых путях из Китая в Россию через Азиатскую границу // Известия ИРГО. Т. 1, № 1. СПб., 1865. Отд. II. С. 18–37; Балкашин Н. Торговое движение между западной Сибирью, Среднею Азией и Китайскими владениями // Записки ЗСОРГО. Кн. III. Омск, 1881. С. 1–31; Брещинский М. А. Исследование путей в Алтайском крае // Записки ЗСОРГО. Кн. III. Омск, 1881. С. 1–30.

¹⁶ Швецов С. П. Чуйский торговый путь в Монголию и его значение для Горного Алтая. Барнаул, 1898; Чмелев Н. К вопросу о нашей взаимной торговле в Монголии и Китае по Чуйскому тракту // Сибирский наблюдатель. Кн. 5. Томск, 1903. С. 82–90; Он же. Чуйский тракт и таможенный и ветеринарный пункты на этом пути // Сибирский наблюдатель. Кн. 1. Томск, 1904. С. 83–99; Ба-ов Г. Чуйский торговый путь в Монголию (его настоящее как вьючного пути и будущее как колесного) // Дорожник по Сибири и Азиатской России. Кн. II. Томск, 1899.

¹⁷ Потанин Г. От Кош-Агача до Бийска. (Отрывок из путевых записок) // Древняя и новая Россия: ежемесячный истор. иллюстр. сб. СПб., 1879. № 6. С. 131–151; Он же. Очерки сев.-зап. Монголии: Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 годах по поручению ИРГО. Вып. I. СПб., 1881; Вып. III. СПб., 1883; Потанина А. В. Из путешествий по Вост. Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. М., 1895.

¹⁸ Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в Восточной нагорной Азии. СПб., 1875. Т. I; 1876. Т. II; Он же. От Кяхты на истоки Желтой реки. Исследование северной окраины Тибета, путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима. СПб., 1888.

монголоведа, профессора Петербургского университета А. М. Позднеева, который совершил две экспедиции в Монголию в 1876–1878 и 1892–1893 гг., и написал ряд работ, касавшихся разных аспектов ее истории и современного состояния¹⁹. Говоря о русско-монгольской торговле, Г. Н. Потанин отмечал ряд трудностей при осуществлении товарообмена: меновой характер сделок и узость монгольского рынка в силу практического отсутствия у монголов каких-либо хозяйственных занятий, кроме кочевого животноводства. В этой связи русские купцы ощущали серьезную нехватку продуктов, пригодных для вывоза из страны. «Монгол и покупал бы охотно русский фабрикат, писал Г. Н. Потанин, — но ему нечего дать русскому купцу»²⁰. Н. М. Пржевальский также считал, что русско-монгольская торговля тормозилась неразвитостью монгольского хозяйства и минимальными потребностями населения, которые вполне удовлетворялись продуктами скотоводческого хозяйства. «У номада нет стимулов, — писал он, — понуждающих к восприятию так называемых «благ цивилизации» и в самом строе общественного быта»²¹.

А. М. Позднеев во время своей экспедиции 1892–1893 гг., организованной на средства Министерства иностранных дел, исследовал экономическое положение и административное устройство Монголии, а также собирал материал о состоянии торговых сношений России с Китаем. Результатом поездки стала публикация его капитального труда «Монголия и монголы», который автор планировал издать в 7 томах, но сумел опубликовать только 2, поскольку был назначен на должность директора открытого в 1899 г. Восточного института во Владивостоке²². Вопросам развития торговли А. М. Позднеев предполагал посвятить VI том, в котором собирался поместить «...заметки о китайской и русской торговле в Монголии, с приложением сведений по истории развития торговли собственно русской»²³.

¹⁹ Позднеев А. Ургинские хутухты. СПб., 1979; Он же. Города Северной Монголии. СПб., 1880; Он же. Очерки буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. СПб., 1887.

²⁰ Потанин Г. Н. Очерки северо-западной Монголии. Вып. I. С. 94.

²¹ Пржевальский Н. М. От Кяхты на истоки Желтой реки. С. 499.

²² Позднеев А. М. Монголия и монголы: Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892-1893 гг. СПб., 1896. Т. 1; СПб., 1898. Т. 2.

²³ Там же. Т. 1. СПб., 1896. С. XXVI.

В указанных трудах были сделаны первые попытки описания складывавшихся русско-монгольских торговых отношений и оценить перспективы их дальнейшего развития. Однако выводы исследователей основывались на достаточно узкой источниковой базе. Каких либо статистических данных по торговым оборотам, численности предпринимателей, распределению экспорта и импорта по участкам русско-монгольской границы они не содержали и, как правило, ограничивались данными, собранными ими лично во время экспедиций. Поэтому выводы исследователей носили преимущественно локальный характер и не могли представить общей картины развития торговли.

Еще одной попыткой дать обобщающую картину русско-монгольских экономических отношений стал двухтомный труд «Монголия. Опыт военно-статистического очерка», написанный полковником Генерального Штаба А. А. Баторским²⁴. По словам автора, целью этой работы было «собрать весь существующий об этой стране материал и составить возможное систематическое описание, которое находилось бы на уровне современных о ней сведений, с тем, чтобы обнаружившиеся этим путем пробелы могли быть пополнены дальнейшими исследованиями на месте»²⁵. Большая часть книги А. А. Баторского посвящена географическим, статистическим и военным вопросам, что дало основание исследователям отнести ее к жанру «военное монголоведение»²⁶. Тем не менее, одна из глав книги описывает русскую торговлю в Монголии, которая по оценкам А. А. Баторского, за период с 1860 по 1885 г. возросла в 8 раз, что являлось вполне убедительным свидетельством ее развития²⁷.

В конце XIX — начале XX в. интерес к Монголии как к рынку сбыта российских фабрично-

В фонде А. М. Позднеева архива востоковедов Института восточных рукописей РАН (Ф. 44) сохранилось большое количество собранных им сведений о русско-монгольской торговле (размеры торговых оборотов, описания характера торговых сделок, биографические данные о русских купцах и пр.). (См.: ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 136, 137, 138, 139, 140).

²⁴ Баторский А. А. Монголия. Опыт военно-статистического очерка. СПб., 1889. Ч. I.; СПб., 1891. Ч. II.

²⁵ Там же. Ч. I. С. VII.

²⁶ См.: Бойкова Е. В. Российское военное монголоведение (конец XIX — начало XX в.) // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П. К. Козлова): тез. докл. Междунар. науч. конф. СПб., 2013. С. 21–23.

²⁷ Баторский А. А. Монголия. Ч. II. С. 124.

заводских изделий и источнику сырья заметно возрос, что нашло отражение в увеличении количества публикаций, посвященных русско-монгольской торговле²⁸. Отличительной особенностью этих работ являлось использование статистических данных, которые стали собираться в таможах, учрежденных на русско-монгольской границе в начале 90-х гг. XIX в., что позволяло судить о размерах торговых оборотов, ассортименте вывозимых и ввозимых товаров, важнейших направлениях товаропотоков. В этот период в русско-монгольском товарообороте наметилась тенденция к сокращению доли вывоза промышленных товаров, что обусловило пассивность внешнеторгового баланса. Одной из важнейших причин этого являлось отсутствие удобных путей сообщения, и в начале XX в. появляется целый ряд работ, посвященных изысканию и характеристике сухопутных и водных²⁹, а затем и железнодорожных путей, соединяющих Сибирь и Монголию³⁰.

²⁸ Свечников А. П. Скотоводство северо-восточной Монголии и скотопромышленность на границе ее с Забайкальем // Известия ИРГО. Т. XXXVIII. Вып. IV. СПб., 1902. С. 467–502; Он же. Русские в Монголии: (наблюдения и выводы) // Вестник Азии. Харбин, 1910. № 3. С. 158–173; Штейнфельд Н. Русская торговля в Монголии в характеристике местного купечества // Вестник Азии. Харбин, 1909 № 2. С. 112–129; Маньковский В. Исторический очерк развития торговых сношений с Китаем по Чуйскому тракту и современное положение этой торговли // Памятная книжка Томской губернии на 1910 год. Томск: Изд. Томск. губ. стат. ком., 1910. С. 97–120; Он же. Итоги торговли с Монголией по Чуйскому тракту за 1908 год и ближайшие перспективы ее // Памятная книжка Томской губернии на 1910 год. Томск, 1910. С. 171–178.

²⁹ Яблонский Н. Экономическое значение Чуйского тракта // Путеводитель по Алтаю. Томск, 1903; Востротин С. Северный морской путь в Сибирь // Сибирские вопросы СПб., 1905. № 1. С. 338–361; Биль И. И. О проведении колесного пути от Онгудая до Кош-Агача по так называемому Чуйскому тракту // Алтайский сборник. Т. V. Барнаул, 1903. С. 66–79; Верещагин В. И. От Барнаула до Монголии. (Путевые заметки) Алтайский сборник. Т. IX. Барнаул, 1908; Сапожников В. В. Пути по Русскому Алтаю. Томск, 1912; Родевич В. Очерк Урянхайского края (Монгольского бассейна реки Енисея). Материалы для описания русских рек и истории улучшения их судоходных условий. Вып. XXIV. СПб., 1910.

³⁰ Район Кяхтинской железной дороги в экономич. отношении / под общ. ред. П. П. Червинского. СПб., 1913; Омельченко Е. И. Русская торговля с Монголией в районе Южно-Сибирской магистрали // Район Южно-Сибирской железной дороги в экономич. отношении. СПб., 1913. С. 317–371; Краткая записка о Кяхтинской железной дороге. По поводу экономич.

Среди публикаций этого периода следует выделить труды участников двух торгово-экономических экспедиций 1910 г., организованных на средства московских и сибирских капиталистов, в которых авторы затронули самый широкий круг вопросов торговли и ее организации, и на основе собранных материалов попытались определить перспективы ее дальнейшего развития³¹. Особую ценность и интерес, как в плане богатства фактического материала, так и в плане его анализа и выводов, представляет исследование томских профессоров-экономистов М. И. Боголепова и М. Н. Соболева, в котором была предпринята попытка дать комплексный анализ современного состояния русской торговли в Монголии, которая рассматривалась в широком экономическом и культурном контексте.

«Было бы крайне заманчиво, — писали они, — нарисовать общую картину экономического быта Монголии, потому что такая картина дала бы отражение интересных процессов столкновения разных культур, разных цивилизаций, она показала бы условия развития скотоводческой страны, населенной в XX веке кочевниками, при наличности в этих примитивных условиях торгового капитала, работающего на рынок, построенный на совершенно иных основаниях». Необходимость и важность такого изучения ученые обосновывали уникальностью сложившейся ситуации. «Комбинация скотоводческого хозяйства и иностранного торгового капитала создали в Монголии особый тип экономического развития, отличающийся такими оригинальными чертами, которые мешают уложить Монголию, как определенную экономическую единицу, в рамки тех классификаций экономического быта, которые известны современной науке»³².

Выступая с либеральных позиций, М. И. Боголепов и М. Н. Соболев отмечали тенденцию сокращения российского экспорта в Монголию, но объясняли его не только неумением сибирских купцов наладить выгодный товарообмен, как это делало большинство других авторов, но и общими социально-экономическими причинами. Они подчеркивали, что в условиях обследования района дороги, произведенного Мин. путей сообщения летом 1912 года. Иркутск, 1914.

³¹ Боголепов М. И., Соболев М. И. Очерки русско-монгольской торговли: Экспедиция в Монголию 1910 г. Томск, 1911; Московская торговая экспедиция в Монголию в 1910 г. М., 1912.

³² Боголепов М. И., Соболев М. Н. Очерки русско-монгольской торговли. С. 124, 177.

обострившейся в конце XIX — начале XX в. конкуренции на монгольском рынке, российские текстильные изделия, составлявшие важнейшую статью экспорта, не могли соперничать с мануфактурой англо-американского производства в силу дороговизны тканей в самой Сибири. «Привозная мануфактура... — подчеркивали ученые, — обходится этой окраине очень дорого, что происходит не в силу высоких фрахтов, а в силу общего экономического уклада Сибири»³³. Именно положение Сибири как экономической колонии Европейской России являлось, по их мнению, важнейшей причиной пассивного внешнеторгового баланса, сложившегося в русско-монгольской торговле в начале XX в.

Трезво оценивая положение русского капитала в Монголии, томские профессора считали, что в условиях, сложившихся на монгольском рынке, «на полную победу над этим кризисом надежды мало» и выражали надежду, что «русская экономическая политика, быть может, привьет себе благодетельную привычку к планомерной заботливости о русских экономических интересах»³⁴. Однако, критикуя деятельность правительства, авторы не оправдывали и предпринимателей, считая, что стратегия их деятельность в Монголии не соответствовала уровню поставленных задач. «Наша промышленность, — подчеркивали ученые, — прежде всего должна найти точки опоры в самой себе, а не возврате пошлин, не в подачках от казны и других благах, которые сыпались на нее ради ее прекрасного будущего. В детских башмаках нельзя ходить на такой рынок, где другие давно уже переобулись в рабочие сапоги»³⁵.

Провозглашение независимости Халхи в декабре 1911 г. значительно повысило интерес к Монголии как со стороны политиков, так и со стороны деловых кругов. Так называемый монгольский вопрос обусловил появление большого количества публикаций, в которых нашли отражение различные аспекты русско-монгольских отношений³⁶. Констатируя ослабление

русского политического и экономического влияния России в Монголии, авторы этих публикаций трактовали сложившуюся обстановку и предлагали решения исходя из своих политических взглядов и партийных установок.

Представители консервативных и военно-бюрократических кругов, отмечая важность Монголии как источника сырья, считали монгольские события удобным поводом для активного вмешательства во внутренние дела Цинской империи и присоединения Халхи к России. Так, В. Томилин убеждал читателей в том, что «общественное мнение всего населения Сибири без различия сословий и партий... остановилось на одном решении — присоединить Монголию к России»³⁷. Такого же мнения придерживался лейб-гвардии поручик Ю. Кушелев, который обосновывал такое решение «желтой опасностью», грозящей европейским народам. Выступая с крайне шовинистических позиций, он считал что политика «миролюбия и дружбы... неприменима в отношении Китая, как народа азиатского, который признает только и исключительно воздействия на себя силой»³⁸. Аналогичные взгляды высказывал и граф А. П. Беннигсен, который считал, что урегулирование проблем русско-монгольских и русско-китайских политических и экономических отношений можно решить «...посылкой в удобный момент одного-двух карательных отрядов»³⁹.

Официальные правительственные структуры не разделяли безответственных и, по сути своей, авантюристических проектов крайне правых. По мнению министра иностранных дел С. Д. Сазонова, укрепление положения России в Монголии, а в более широком контексте и на Дальнем Востоке, должно было осуществляться не военными, а дипломатическими и экономическими средствами. Выступая в Государственной думе, он подчеркивал, что «нельзя

(Поездка в Монголию в 1913 г.) Владивосток, 1914; Болобан А. П. Монголия в ее современном торгово-промышленном отношении. Пг., 1914; Котвич В. Л. Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии. СПб., 1914; Имшенецкий Б. И. Монголия. Пг., 1915; Лайнер С. Краткий очерк развития русско-монгольских торговых сношений // Музей товароведения Киевского коммерческого института. Вып. V. Киев, 1915 и др.

³⁷ Томилин В. Монголия и ее современное значение для России. С. 20.

³⁸ Кушелев Ю. Монголия и монгольский вопрос. С. 2.

³⁹ Беннигсен А. П. Несколько данных о современной Монголии. С. 19.

³³ Боголепов М. И., Соболев М. Н. Очерки русско-монгольской торговли. С. 378.

³⁴ Там же. С. 476.

³⁵ Там же. С. 476.

³⁶ Гурьев Б. Политические отношения России и Монголии. СПб., 1911; Беннигсен А. П. Несколько данных о современной Монголии. СПб., 1912; Кушелев Ю. Монголия и монгольский вопрос. СПб., 1912; Томилин В. Монголия и ее современное значение для России. М., 1913; Бобрик П. А. Монголия: Очерк торгово-промышленного и административного быта.

присоединять пограничные земли только потому, что это можно сделать без большого риска для себя. Россия держава европейская...»⁴⁰.

Руководители образованной в 1911 г. Российской экспортной палаты В. И. Денисов, А. Н. Аркадий-Петров, А. И. Лепарский считали, что Монголия для России представляет интерес прежде всего как источник продовольствия и сырья, и в этой связи считали возможным установление над ней российского протектората⁴¹. В. И. Денисов в своей книге прямо заявлял о том, что «Монголия, как и Северная Маньчжурия должны стать русскими колониями»⁴².

Сибирские предприниматели, в том числе и те, которые, непосредственно вели торговлю за границей, были против воинственных захватнических планов крайне правых, а также против протектората России над Монголией⁴³. Большинство из них поддерживали программу С. Д. Сазонова, который считал, что «Халха своей историей не подготовлена к самостоятельному государственному бытию, не имеет для этого ни войска, ни финансов, ни деятелей»⁴⁴, а потому важнейшей задачей России в сложившейся ситуации считали необходимым «...поддержать Монголию в ее эмансипации, оправдываемой назревшими потребностями ее политико-экономического быта; это необходимо как по моральным, так и по практическим соображениям»⁴⁵. Это должно было найти выражение в насыщении монгольского рынка товарами российского производства, оказанием помощи со стороны России в открытии в Монголии школ, организации ветеринарно-медицинской помощи и т. д. Сибиряки призывали фабрикантов Европейской России «отбросить индиффе-

рентизм», дать «изделия соответственно вкусам и требованиям туземцев..., поступиться получением высоких прибылей в Монголии»⁴⁶.

С демократических позиций к проблеме русско-монгольских отношений подходили ученые и путешественники Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, Д. А. Клеменц, троицкосавский ветеринарный врач А. П. Свечников и некоторые другие⁴⁷. Вопрос о русском влиянии в Монголии они оценивали преимущественно с просветительских позиций, считая, что главная задача России заключается в распространении в Монголии более передовой русской культуры. «Две задачи выпадают на европейскую науку: одна — изучение монголообразных племен, другая — привитие просвещения и изыскание путей к этому, — писал Н. М. Ядринцев. — ...Наша обязанность — поднять дикарей из праха, внушить им человеческое достоинство, дать им свидетельство нашего гуманизма, человечность, показать высоту человеческого назначения и приобщить их к великой братской семье народов»⁴⁸.

Г. Н. Потанин во время своих путешествий призывал предпринимателей и служащих торговых фирм оказывать содействие русской науке в исследовании Монголии и считал, что «...эти люди могли бы оказать немалые услуги географии и содействовать накоплению наших познаний о Средней Азии»⁴⁹. Он сетовал на то, что распространение русского влияния не соответствовало имеющимся возможностям. «Только тогда можно было бы говорить о нашем влиянии, — писал он в статье «Русские в Монголии», — если бы монголы действительно начали интересоваться русской жизнью, изучали бы русскую литературу, переводили бы русские книги, посылали юношество учиться в русские школы и сами путешествовали бы по России для ознакомления с русскими порядками»⁵⁰.

⁴⁰ Государственная дума: Стенографические отчеты. 3-й созыв. Сессия 5. СПб., 1912. С. 2167.

⁴¹ Денисов В. И. Русский экспорт // Русский экспорт. СПб., 1911. № 1. С. 3–4; Он же. Россия на Д. Востоке. СПб., 1913; Петров А. Русские интересы на Д. Востоке // Русский экспорт, 1911. № 1. С. 10–12; Он же. Монголия как мировой мясной резерв // Русский экспорт. 1912. № 7; Лепарский А. И. Монголия и мясопродовольственное дело в России. Пг., 1915.

⁴² Денисов В. И. Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1913. С. 147.

⁴³ Васенев А. Русские задачи в Монголии // Русский экспорт. СПб., 1912. № 6–7. С. 171–174; Першин Д. П. Современная Монголия // Сибирь. 1912. 24 февр.; 3, 10, 15, 24 марта; Воллосович М. Россия и Монголия // Вестник Азии. 1914. № 31–32. С. 44–49.

⁴⁴ Государственная дума: Стенографические отчеты. 3-й созыв. С. 2169.

⁴⁵ Васенев А. Русские задачи в Монголии. С. 173.

⁴⁶ Васенев А. Русские задачи в Монголии. С. 174.

⁴⁷ Потанин Г. Н. Русские в Монголии // Русское богатство. СПб., 1892. № 9. С. 239–248; Клеменц Д. А. Письма с дороги // Восточное обозрение 1892. № 50; Он же. Об укреплении русского влияния в Монголии // Сибирские вопросы. СПб., 1909. № 50–51. С. 21–30; Свечников А. П. Русские в Монголии: наблюдения и выводы. М., 1912.

⁴⁸ Ядринцев Н. М. Прошлое и настоящее монголов // Русская мысль. № 3. С. 92–93.

⁴⁹ Записки ВСОРГО по общей географии. Т. 1. Вып. 1: Труды русских торговых людей в Монголии и Китае. Иркутск, 1890. С. 1.

⁵⁰ Потанин Г. Н. Русские в Монголии. С. 239.

А. П. Свечников, также отмечал, что «пока мы не можем похвастаться культурным влиянием на соседнюю Монголию». Важнейшей причиной этого, по его мнению, было невнимание к нуждам русской торговли со стороны правительства и крупных коммерсантов Европейской России. «И те, и другие относились к русской торговле в Монголии совершенно пассивно, — писал он, — в то время, когда в торговом отношении последняя всегда тяготела в нашу сторону». После объявления независимости Монголии у России появился шанс укрепить там не только экономическое, но и культурное влияние. «Было бы странно и непонятно с нашей стороны, — писал он, — оставить без внимания начатое в Монголии русское дело»⁵¹.

Д. А. Клеменц высказывался по этому поводу более оптимистично. «Многим полезным вещам научили монголов соседи, — писал он, — ...нельзя сказать, чтобы пребывание здесь русских купцов было бесплодно и для науки»⁵². Он подчеркивал, что именно торговцы являлись главными проводниками русского влияния в Монголии и способствовали «созданию таких отношений, при которых симпатии населения всецело склоняются на сторону иностранцев-торговцев, а не в пользу представителей господствующего правительства»⁵³.

Крайне левые позиции в монгольском вопросе занимали большевики, которые резко критиковали «политику авантюризма и грабежа», не делая разницы между взглядами правительства, консерваторами или предпринимателями. В. И. Ленин призывал рабочих ораторов в Думе выступать «...против внешней политики русского правительства вообще — с особым упоминанием «вожделений» захватить (и начавшихся захватов) Босфора, — Турецкой Армении, — Персии, — Монголии»⁵⁴. В качестве альтернативы, он в 1916 г. предлагал свой вариант будущей социалистической внешней политики: «Мы все усилия приложим, чтобы с монголами, персами, индийцами, египтянами сблизиться и слиться. ...Если мы требуем свободы отделения для монголов, персов, египтян и всех без исключения угнетенных и неполно-

правных наций, то вовсе не потому, что мы за отделение их, а только потому, что мы за свободное, добровольное сближение и слияние, а не за насильственное»⁵⁵.

Таким образом, в досоветский период вопросы русско-монгольских отношений, в том числе и торгово-экономических, получили достаточно широкое освещение в трудах ученых, путешественников, предпринимателей, политиков и государственных деятелей. Но, несмотря на значительное количество публикаций, нельзя не признать, что в целом изучение проблемы не вышло за рамки накопления и некоторой систематизации фактического материала, и многие важные вопросы, характеризовавшие направление, цели и результаты русской торговли в Монголии не получили должного освещения и анализа.

Новый этап в изучении русско-монгольских отношений начался после победы народно-демократической революции 1921 г. и образования независимого монгольского государства. В 20-х гг. появляется ряд статей и книг, в которых нашли отражение социально-экономические, политические и культурные связи между Россией и Монголией и изучались перспективы их дальнейшего развития в условиях строительства социалистического общества⁵⁶. Наряду с общими вопросами рассматривались вопросы истории торговли на разных участках русско-монгольской границы⁵⁷. В основном авторы использовали

⁵⁵ Ленин В. И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме» // Полн. собр. соч. Т. 30. С. 120.

То, что Россия не собиралась захватывать Монголию или «сливаться» с ней, В. И. Ленин не мог не знать, поскольку позиция правительства в речи С. Д. Сазонова в Государственной думе 13 апреля 1912 г. была заявлена совершенно недвусмысленно. Здесь ярко проявился широко использовавшийся В. И. Лениным прием обвинения своих оппонентов в грехах, которых они не совершали, а затем их ожесточенная критика. К сожалению, позже такие «полемические уловки» в советской историографии использовались в качестве теоретической базы научных исследований, что не могло не влиять на их характер и окончательные выводы.

⁵⁶ Грумм-Гржимайло Г. Россия и Монголия // Экономическая жизнь Дальнего Востока. Чита. 1922. № 3–4. С. 3–18; Зайцев М. В. Краткий очерк о Монголии. Харбин, 1925; Каллиников А. Национально-революционное движение в Монголии. М.; Л., 1925; Корецкий А. Б. Торговый Восток и СССР. М., 1925.

⁵⁷ Черных А. В. Торговые связи Монголии и Восточной Сибири. Иркутск, 1926; Н. К. Исторический очерк торговли с западным Китаем и западной Монголией

⁵¹ Свечников А. П. Русские в Монголии: наблюдения и выводы. С. 28, 30.

⁵² Восточное обозрение. Иркутск, 1892. № 50.

⁵³ Северный курьер. 1900. № 274.

⁵⁴ Ленин В. И. К вопросу о некоторых выступлениях рабочих депутатов // Полн. собр. соч. Т. 22. С. 198.

данные, накопленные еще в досоветский период и большинство этих работ носили преимущественно компилятивный характер.

Исключение составляла работа И. Майского, в которой автор помимо собственные наблюдений, полученных во время поездки в Монголию, и данных дореволюционной таможенной статистики, использовал материалы первой в истории Монголии переписи населения и скота, проведенной в 1918 г.⁵⁸ Эти сведения позволили существенно уточнить выводы дореволюционных исследователей Монголии, касавшиеся расчетов емкости рынка, бюджетов монгольских хозяйств и т. п.

Книга И. М. Майского в течение долгого времени являлась наиболее полным исследованием, касающимся вопросов развития русско-монгольских торговых связей. Анализируя состояние изученности темы в дореволюционный период, автор отмечал, что «наша литература о Монголии вообще очень небогата, а литература специально об экономике Монголии и совсем ничтожна»⁵⁹. Говоря о трудах участников Московской торговой экспедиции, книгах М. И. Боголепова, М. Н. Соболева, А. П. Болобана он подчеркивал, что они устарели. Следует заметить, что этот вывод следовал из задач, которые стояли перед экспедицией самого И. М. Майского, заключавшихся в определении перспектив развития русско-монгольских отношений в условиях советской России. В этой связи становится понятен и тот критический настрой в освещении дореволюционной русской торговли и характеристики деятельности правительственных органов и предпринимателей. Сам автор во втором издании книги называл ее «первой марксистской работой о Внешней Монголии»⁶⁰.

В 1926 г. в Германии на немецком языке была опубликована книга российского востоковеда и дипломата И. Я. Коростовца, которого

через Семипалатинский край // Наше хозяйство. Сб. № 4. Семипалатинск, 1926. С. 3–25; Злобин В. Чуйский тракт // Жизнь Сибири. Новониколаевск, 1925. № 3. С. 60–70; Обручев В. Больше внимания Чуйскому тракту // Новый Восток. М., 1925. Кн. 8–9. С. 125–132; Кашинцев Д. Чуйский тракт в Монголию // Новый Восток. М., 1925. Кн. 8–9. С. 133–143.

⁵⁸ Майский И. Современная Монголия: (Отчет Монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской конторой Всерос. Центр. Союза потребительных обществ «Центросоюз»). Иркутск, 1921.

⁵⁹ Там же. С. 1.

⁶⁰ Майский И. М. Монголия накануне революции. 2-е изд., перераб. М., 1960. С. 7.

российский МИД в августе 1912 г. направил в Ургу для установления дипломатических отношений и подписания торгового договора с правительством Внешней Монголии⁶¹. Роль И. Я. Коростовца в этих событиях была настолько велика, что позволило исследователям называть его одним из создателей независимого Монгольского государства⁶². Книга И. Я. Коростовца представляла собой мемуары, которые дополнялись обширными сведениями об истории, географии, государственном устройстве, праве, экономике и политике Монголии. XI глава была посвящена торговле Монголии с Россией и Китаем, ее ходу, особенностям и перспективам. Основываясь на имеющихся статистических данных, он писал, что «первенствующее место в монгольской торговле занимают китайцы благодаря численности, организации и умению обращаться с кочевниками»⁶³. Перспективы русской торговли в условиях конкурентной борьбы с китайскими коммерсантами оценивались И. Я. Коростовцом невысоко, особенно в условиях Первой мировой, а затем и Гражданской войны в России.

В рассматриваемый период в советской историографии постепенно утверждается концепция, основанная на монополии марксистско-ленинской теории и методологии, которая на долгие годы становится определяющей в изучении данной проблемы. Важную роль в этом процессе сыграла публикация фундаментальных академических сборников, посвященных 50-летию со дня смерти К. Маркса и 10-летию со дня смерти В. И. Ленина, в которых ряд статей касался методологических проблем востоковедения и переводов трудов классиков марксизма на монгольский язык⁶⁴. В этих рабо-

⁶¹ Korostovets I. Y. Von Cinggis Khan zur Sovjetrepublik. Eine Kurze Geschichte der Mongolei unter besonderer Berücksichtigung der Neuesten Zeit. Berlin; Leipzig, 1926.

На русском языке, благодаря совместной работе российских и монгольских ученых эта книга с дополнениями была переиздана на русском языке. (См.: Коростовец И. Я. От Чингис-хана до Советской республики (Краткая история Монголии с особым учетом новейшего времени). Улан-Батор, 2004.)

⁶² Нольде Б. Э. И. Я. Коростовец в Монголии // Далекое и близкое. Ист. очерки. Париж, 1930. С. 71.

⁶³ Коростовец И. Я. От Чингис-хана до Советской республики. С. 146.

⁶⁴ Поппе Н. Н. Перевод «Тезисов о Фейербахе» К. Маркса на монгольский язык // Памяти Карла Маркса. Сборник статей к пятидесятилетию со дня смерти: 1883–1933. М.; Л., 1933. С. 841–845; Михайлов Г. И. Ленин о Монголии // Памяти В. И. Ленина. Сб. ст. к

тах ставилась задача «всесторонне изучать на основе диалектического материализма народы Востока в их прошлом и настоящем и тем создавать теоретическую базу для революционной перестройки всей их жизни, в конечном направлении к мировому коммунизму», что должно было сопровождаться «полным пересмотром на основе исторического материализма всех предыдущих периодов изучения Востока»⁶⁵.

В рамках этой концепции экономическая политика Российского правительства характеризовалась как колониальная, а деятельность русских предпринимателей в Монголии оценивалась преимущественно отрицательно, что нашло яркое отражение в публикациях конца 20-х — начала 30-х гг.⁶⁶

Серьезной попыткой анализа истории Монголии на основе марксистской методологии стала книга крупного российского и советского монголоведа, академика Б. Я. Владимирцова, в которой изучался общественный строй монголов⁶⁷. По оценкам современных исследователей, «... в мировой исторической литературе в наше время нет труда, сколько-нибудь сравнимого с «Общественным строем монголов» по оригинальности мысли, глубине и доказательности социального анализа, по значительности вклада в изучение закономерностей развития кочевых монголов, кочевых народов вообще»⁶⁸.

Рассматривая эволюцию общественного строя Монголии, ученый подчеркивал возрастающее влияние торговли на кочевое хозяйство. «Во второй половине XIX в. наблюдается продвижение русского торгового и отчасти промышленного капитала в пределы манджурской (так у автора. — А. С.) «заграничной» Монголии, главным образом в Северную Монголию, Халху, Баргу, Кобдоский округ, а также в районы Синьцзянской провинции. В конце XIX и в XX в.

южной и юго-восточной Монголией начинают интересоваться японские и европейские промышленные и торговые круги». Результатом этого продвижения стало то, что «Монголия и монголы частично оказываются в сфере влияния мирового капиталистического рынка»⁶⁹.

Среди работ этого периода несколько особняком стояло капитальное исследование известного географа и путешественника Г. Е. Грумм-Гржимайло⁷⁰ «Западная Монголия и Урянхайский край», которое отличалось не только объемом и насыщенностью фактическим материалом (автор с 1893 по 1917 г. служил в Министерстве финансов, в департаментах торговли и таможенных сборов), но и своими оценками русской торговли за границей. Фактически он первым поставил вопрос о необходимости пересмотра оценок характера русско-монгольского товарообмена и деятельности русских предпринимателей в Монголии⁷¹.

Г. Е. Грумм-Гржимайло подчеркивал, что большинство исследователей «... с предвзятым мнением видели в туземцах только страдающую, угнетенную сторону, а в пришельцах-торговцах — сплошных эксплуататоров, способных ради наживы на всевозможные сделки со своей совестью». Он указывал, что многие действия купцов были продиктованы особыми условиями их работы за границей, что кредитная торговля «не давала ровно никакой прибыли» и что «тот ссудный процент, который считается в России чудовищным, в Монголии является только нормальным». В этой связи он писал, что некоторые действия русских предпринимателей «может быть, не безупречные с точки зрения европейской морали, но законны в той среде, в которой им приходилось жить и работать»⁷². По сути, исследователь не только настаивал на учете конкретно-исторической си-

десятилетие со дня смерти: 1924–1934. М.; Л., 1934. С. 809–818; Самойлович А. Н. Советское востоковедение ленинской эпохи // Там же. С. 779–808.

⁶⁵ Самойлович А. Н. Советское востоковедение ленинской эпохи. С. 790, 806.

⁶⁶ Шойжелов С. Монголия и царская Россия // Новый Восток. М., 1926. Кн. 13–14. С. 351–363; Попов А. Царская Россия и Монголия в 1913–1914 гг. // Красный архив. Т. 7 (37). М.; Л., 1928. С. 3–14; Гирченко В. Царская Россия и Монголия в 1913–1914 годах // Жизнь Бурятии. Верхнеудинск, 1930. № 5–6. С. 125–132.

⁶⁷ Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

⁶⁸ Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., 2002. С. 36.

⁶⁹ Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., 2002. С. 482.

⁷⁰ Среди работ досоветского периода наиболее известными являются публикации материалов его путешествия в Западный Китай (Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. 3. Вып. 1. С. II–IV; Л., 1930. Т. 3. Вып. 2. С. 612–627.).

⁷¹ См.: Грумм-Гржимайло Г. Е. Описание путешествия в Западный Китай. Т. I: Вдоль Восточного Тянь-Шаня. СПб., 1896; Т. II: Поперек Бэй-шаня и Нань-шаня в долину Желтой реки. СПб., 1899; Т. III: Вокруг Куку-нора, через Нань-шань, Бэй-шань и вдоль Восточного Тянь-шаня обратно на родину. СПб., 1907.

⁷² Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. СПб., 1914. Т. 1; Л., 1926. Т. 2; Л., 1926. Т. 3. Вып. 1; Л., 1930. Т. 3. Вып. 2.

туации, но и выступал против «универсальных» экономических закономерностей, на существовании которых настаивала как либеральная, так и марксистская экономическая теория.

Однако элементы цивилизационного подхода, ясно прослеживавшиеся в работе Г. Е. Грумм-Гржимайло, не получили дальнейшего развития в советской исторической науке, и, начиная с 1930-х гг. практически все труды, касающихся русско-монгольских отношений в плане методологии основывались на теоретическом наследии В. И. Ленина и, прежде всего, его книге «Развитие капитализма в России», в которой формулировались положения о развитии капитализма «вширь» и «вглубь», и статьях, посвященных Китаю, который на рубеже XIX–XX вв. становится объектом борьбы ведущих капиталистических держав⁷³. Главным теоретическим ориентиром для исследователей являлась работа «Империализм, как высшая стадия капитализма», в которой В. И. Ленин объяснял экономическую и политическую экспансию на Востоке как неизбежный результат действия экономических законов монополистического капитализма⁷⁴.

В 50–60-х гг. по истории Монголии и сопредельных сибирских регионов вышел ряд работ обобщающего характера, в которых сюжет о русской торговле занимал достаточно скромное место, а в плане введения в научный оборот дополнительных фактических данных или новых оценок, практически не отличался от работ предыдущего периода⁷⁵. Исключение составляли работы иркутского историка Е. М. Даревской, которая написала ряд статей, посвященных развитию русско-монгольских связей⁷⁶,

⁷³ См.: Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 1–609; Он же. Китайская война // Там же. Т. 4. С. 378–383; Он же. Уроки кризиса // Там же. Т. 5. С. 81–86; Он же. Падение Порт-Артура // Там же. Т. 9. С. 151–159; Он же. Горючий материал в мировой политике // Там же. Т. 17. С. 174–183; Он же. Обновленный Китай // Там же. Т. 22. С. 189–191; Он же. Крупный успех Китайской республики // Там же. Т. 23. С. 28–29; Он же. Пробуждение Азии // Т. 23. С. 145–146.

⁷⁴ Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 299–426.

⁷⁵ История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. Улан-Удэ, 1951; Варгин Н. Т. Торговля // Монгольская Народная Республика: (Сб. статей). М., 1952. С. 193–219; История Монгольской Народной Республики. М., 1954; Златкин И. Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии. М., 1957.

⁷⁶ Даревская Е. М. Русско-монгольские экономические и культурные связи в конце XIX — начале

а также подготовила публикацию воспоминаний и писем видного деятеля русской торговли в Монголии А. В. Бурдукова, в которой содержались ценные данные о состоянии и развитии русской торговли в конце XIX — начале XX в.⁷⁷ Статья, посвященная русско-монгольской торговле в конце XIX — начале XX в. была написана Ш. Б. Чимитдоржиевым⁷⁸. Важную роль для изучения русской торговли в Урянхайском крае сыграла фундаментальная монография В. И. Дулова, написанная на широком круге архивных источников, посвященная проблемам социально-экономического развития Тувы в досоветский период⁷⁹.

Отличительной чертой рассматриваемого этапа развития историографии русско-монгольских отношений являлось появление исследований, подготовленных монгольскими историками⁸⁰. В первые годы существования МНР перед ней стояла проблема ликвидации культурной отсталости страны и подготовки квалифицированных кадров для народного хозяйства. Подготовка специалистов, в том числе и историков с учеными степенями, осуществлялась в советских научных учреждениях и это не могло не сказаться на тематике и методологии исторических исследований⁸¹. В 1963 г. была

XX в. // Науч. конф. по истории Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1960. С. 9–12; Она же. Русская промышленность и наемный труд в дореволюционной Монголии // Труды Иркутского государственного университета. Серия историческая. Т. 31. Вып. 4. Иркутск, 1963. С. 120–149; Она же. Несколько дополнений к вопросу о добыче золота в дореволюционной Монголии. Труды Иркутского государственного университета. Серия историческая. Т. 55. Вып. 1. Иркутск, 1968. С. 107–129; Она же. Алексей Васильевич Бурдуков. (О роли русских поселенцев в изучении Монголии) // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. VI. М., 1963. С. 187–217.

⁷⁷ Бурдуков А. В. В старой и новой Монголии. Воспоминания, письма / сост., вступит. ст., комм. Е. М. Даревской. М., 1969.

⁷⁸ Чимит-Доржиев Ш. Из истории русско-монгольской торговли в начале XX века (1903–1910) // Труды Томского университета. Т. 167: Сб. научных работ исторических кафедр. Томск, 1964. С. 85–93.

⁷⁹ Дулов В. И. Социально-экономическая история Тувы (XIX — начало XX в.). М., 1956.

⁸⁰ Пунцук-Норбо Ц. Внешняя Монголия в период автономии (1911–1919 гг.) // Сборник научных статей. Улан-Батор, 1951. С. 111–135; Пунцагноров Ц. Об исторических связях монгольского и русского народов в прошлом // Современная Монголия. Улан-Батор. 1958. № 2. С. 9–20.

⁸¹ См.: Лигуу Б. Из истории русско-монгольских отношений в конце XIX — начале XX века: автореф.

опубликована обобщающая работа по истории Монголии конца XIX — начала XX в., написанная первым президентом Академии наук МНР Б. Ширендыбом, в которой затрагивались вопросы развития русской торговли до 1917 г., а также вышло 2-е издание «Истории Монгольской Народной Республики»⁸².

В соответствии со сложившейся концепцией, основанной на методологии исторического материализма, сущность политики царской России по отношению к Монголии определялась как империалистическая, но, вместе с тем указывалась, что это не могло «поколебать добрососедских, дружеских связей между широкими массами русского и монгольского народов»⁸³. Основываясь на высказывании Ф. Энгельса о том, что Россия играла прогрессивную роль на Востоке⁸⁴, авторы отмечали: «Несомненно, что такая роль России была особенно значительной в отношении непосредственного ее соседа — Внешней Монголии», а «определяющими моментами в русско-монгольских отношениях до победы Великой Октябрьской социалистической революции в России были влияние более высокой, чем в феодальной Монголии, культуры русского народа, прогрессивных идей и революционного движения народных масс России»⁸⁵.

Таким образом, в советской историографии постепенно утверждается концепция «двух России», с одной стороны, России «помещиков и капиталистов», а с другой — России «пролетариата и трудового крестьянства», которая стала определяющей в трудах по истории русско-монгольских отношений в 70–80-х гг. Именно в таком духе трактовались проблемы русско-монгольских отношений, нашедшие отражение в большом количестве публикаций, принадлежавших перу как столичных, так и сибирских исследователей А. Н. Хохлова⁸⁶,

дис. ... канд. ист. наук. М., 1960; Сандорж М. Проникновение китайского торгово-ростовщического капитала в Халха-Монголию и расширение его деятельности (XVIII в.): дис. ... канд. ист. наук. Л., 1961.

⁸² Ширендыб Б. Монголия на рубеже XIX–XX веков: (История социально-экономического развития). Улан-Батор, 1963. История Монгольской Народной Республики. 2-е изд. М., 1967.

⁸³ История Монгольской Народной Республики. М., 1967. С. 221.

⁸⁴ Энгельс — Марксу в Лондон, 23.V.1851 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 241.

⁸⁵ История Монгольской Нар. Республики. С. 221.

⁸⁶ Хохлов А. Н. Кяхтинская торговля и причины ее упадка (вторая половина XIX — начало XX в.) // Стра-

Л. П. Поповой⁸⁷, С. Г. Лузянина⁸⁸, Н. Е. Единарховой⁸⁹, Ш. Б. Чимитдоржиева⁹⁰ и других⁹¹, в

ны Востока: проблемы социально-экономического и политического развития. Иркутск, 1982. С. 3–6; Он же. В. П. Васильев о Кяхте и кяхтинской торговле (из эпистолярного наследия русского востоковеда) // XIII научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. II. М., 1982; С. 224–240; Он же. Кяхтинская торговля в 60–90-х гг. XIX в.: характер взаимоотношений российских купцов с местным населением Монголии и Китая // Народы Востока. Основные тенденции и противоречия социально-экономического и политического развития. Иркутск, 1986. С. 17–20.

⁸⁷ Попова Л. П. Общественная мысль Монголии в эпоху «пробуждения Азии». М., 1987.

⁸⁸ Лузянин С. Г. Проникновение иностранного капитала в экономику Внешней Монголии в начале XX в. и русско-монгольская торговля // Взаимоотношения России со странами Востока в середине XIX — начале XX вв. Иркутск, 1882. С. 55–65; Он же. Китайская экспансия в Монголии в 1906–1911 гг. // Страны Востока: проблемы социально-экономического и политического развития. Иркутск, 1982. С. 9–11; Он же. Русско-монгольские отношения 1911–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1984; Он же. Русско-монгольские торгово-экономические отношения в 1911–1917 гг. // Страны Востока в политике России в XIX — начале XX вв. Иркутск, 1986. С. 33–41; Он же. Русско-монгольские отношения накануне Октябрьской революции в России // Народы Востока. Основные тенденции и противоречия социально-экономического и политического развития. Иркутск, 1986. С. 32–33.

⁸⁹ Единархова Н. Е. Кяхтинская торговля в 40–60-е гг. XIX в. и ее влияние на экономическое развитие России, Монголии и Китая: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979; Она же. Торгово-экономические связи России с Китаем (70-е годы XIX века) // Экономические и политические связи народов России и стран Востока во второй половине XIX — начале XX вв. Иркутск, 1981. С. 36–48; Она же. Расширение деятельности китайского и русского капитала в Монголии во второй половине XIX века // Народы Востока. Основные тенденции и противоречия социально-экономического и политического развития. Иркутск, 1986. С. 20–22; Она же. Сибирская периодическая печать о торговле России с Монголией и Китаем в 60–70-х годах XIX века // Взаимоотношения России с афроазиатскими странами в XIX — начале XX веков. Иркутск, 1987. С. 129–140.

⁹⁰ Чимитдоржиев Ш. Б. Русско-монгольские торгово-экономические связи в конце XIX в. // Россия и страны Востока в середине XIX — начале XX в. Иркутск, 1984. С. 52–60; Он же. Россия и Монголия. М., 1987.

⁹¹ Табаев Д. И. Из истории строительства Чуйского тракта // Ученые записки Горно-Алтайского НИИИЯЛ. Вып. 8. Барнаул, 1969. С. 12–22; Он же. Чуйский тракт. Горно-Алтайск, 1975; Третьяков В. Н. Русско-монгольская торговля по Чуйскому тракту

которых рассматривались различные аспекты политических и торгово-экономических связей России и Монголии во второй половине XIX — начале XX в. Среди этих публикаций следует особенно выделить монографию Ш. Б. Чимитдоржиева, в которой автор рассмотрел историю русско-монгольских отношений за огромный хронологический период — с XIII в. до 1917 г. В этой работе значительное место было отведено рассмотрению социально-экономических связей между нашими странами и дан анализ экономической политики России по отношению к Монголии.

Сюжеты, касающиеся русско-монгольской торговли, нашли некоторое отражение в работах, посвященных вопросам сибирской торговли и обобщающих трудах по истории Сибири, хотя и не получили в них сколько-нибудь развернутой характеристики⁹².

В 60–70-х гг. в сибиреведческой литературе появляются исследования посвященные проблемам истории сибирской буржуазии, в которых нашли отражение некоторые вопросы, касающиеся деятельности сибирских предпринимателей в Монголии⁹³. Следует отметить, что наиболее авторитетный исследователь истории сибирской буржуазии Г. Х. Рабинович в своем анализе деятельности русских купцов в Монголии, на наш взгляд, не совсем верно характеризовал ее как «монополию феодального типа», объединяя в этом понятии и чайную торговлю кяхтинских купцов, и торговлю, которые вели по Чуйскому торговому пути бийские куп-

(1861–1914 гг.) // Вопросы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1980. Вып. I. С. 40–55.

⁹² Бородавкин А. П., Говорков А. А. К истории торговли и торгово-ростовщического капитала в Сибири (1861–1891 гг.) // Вопросы истории Сибири. Вып. 2. Томск, 1965. С. 37–60; История Сибири. Т. 3. Л., 1968; Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982.

⁹³ Колмаков Ю. П. Из истории фирмы «Торговый дом Коковин и Басов». К вопросу формирования торгово-промышленного капитала в Восточной Сибири // Вопросы истории и истории философии. Вып. IV. Иркутск, 1966. С. 24–40; Он же. Крупная торгово-промышленная буржуазия Восточной Сибири в период монополистического капитализма (1898–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1970; Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX — начала XX вв. Томск, 1975; Рабинович Г. Х., Солопий Л. А. Крупная буржуазия Забайкалья в конце XIX — начале XX вв. // Некоторые вопросы расстановки классовых сил накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Из истории Сибири. Томск, 1976. С. 137–170.

цы Ассанов, Васенев, Бодунов и т. д.⁹⁴ В свое время М. И. Боголепов и М. Н. Соболев, отмечая на Дальнем Востоке помощь капиталистам со стороны правительства в виде «концессий, привилегий, особых договоров», в то же время подчеркивали, что «только в Монголии Россия впервые вышла на внешний рынок без этого внушительного прикрытия. Здесь впервые можно было наблюдать чисто экономическое выступление России»⁹⁵. Тем не менее, вывод о русско-монгольской торговле, как о монополии феодального типа, был автоматически перенесен в коллективную монографию по истории рабочего класса Сибири до 1917 г.⁹⁶

Работа исследователей по поискам и введению в научный оборот новых сведений по истории русской торговли в Монголии выявила, в то же время, неудовлетворительность теоретического осмысления проблемы, которая скрывалась четко заданными рамками методологии исторического материализма. До конца 1980-х гг. как в российском (советском) так и в монгольском обществоведении безраздельно господствовала концепция неизбежной победы социализма над капитализмом, возможности некапиталистического развития ранее отсталых стран к социализму, доктрине пролетарского и социалистического интернационализма⁹⁷. В рамках такой теоретической конструкции, считалось, что русско-монгольские отношения постоянно развивались и совершенствовались на основе общей идеологии и общих классово-национальных интересов.

Обязательным элементом исследований, касавшихся русско-монгольских отношений в XX в. был акцент на роль народных масс Монголии и марксистской партии в социально-экономических и культурных преобразованиях, произошедших в стране после 1921 г. «Бесспорно, — говорилось в издании, посвященном 55-летию монгольской революции, — что творцом чуда является не кто иной как сам монгольский народ, проявивший подлинный героизм и самоотверженность в труде, народ, руководимый своим авангардом — Народно-

⁹⁴ Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал. С. 220.

⁹⁵ Боголепов М. И., Соболев М. Н. Очерки русско-монгольской торговли. С. 477.

⁹⁶ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 99.

⁹⁷ Об основных тенденциях развития монгольской историографии см.: Гольман М. И. Проблемы новой истории // Общественные науки в МНР. М., 1977. С. 65–106.

революционной партией. Именно эта партия, неуклонно следуя путем, указанным учением Маркса — Энгельса — Ленина, привела страну к сегодняшним, поражающим мир итогам»⁹⁸.

Такие концептуальные построения во взглядах на историю Монголии с точки зрения теории исторического материализма экстраполировались и на оценки русско-монгольских экономических отношений до 1917 г. Однако активная работа исследователей по введению в научный оборот новых, в том числе неопубликованных материалов, все более отдаляла эмпирику от теории. В этих условиях в исторических исследованиях наблюдался любопытный парадокс: во вводной части и выводах многих работ по-прежнему декларировалась приверженность марксистской методологии, а в изложении конкретных событий эти догмы не только не подтверждались, но и прямо им противоречили. Так, в монографии Г. Н. Романовой, посвященной экономической политике России на Дальнем Востоке, подчеркивалось, что анализ проблемы строится в соответствии с ленинской концепцией империализма, имеющей «непреходящее значение для исследователей международных отношений», а в тексте книги указывалось, что активность России на дальневосточных рубежах была обусловлена не столько агрессивностью ее внешней политики, имманентной военно-феодалной сущности царизма, сколько стремлением противодействовать растущей экспансии западных держав в регионе, т. е. интересами национальной безопасности⁹⁹. Аналогичные противоречия между теорией и фактами содержались в работе Ш. Б. Чимитдоржиева¹⁰⁰ и др.

Все это свидетельствовало о кризисе методологии советской исторической науки, которая не могла быть преодолена ссылками на «диалектику исторических явлений», или наличие «демократических, народных интересов», противоречивших агрессивным замыслам «помещиков и капиталистов». Как справедливо отмечали исследователи, анализирувавшие состояние советской историографии, «историческое творчество перестало быть творчеством ...теоретическая и методологическая скудость историографии стала причиной того, что в исторических исследованиях не до-

пускалась относительность, вариативность, вероятность»¹⁰¹.

Но, несмотря на существовавший идеологический диктат, некоторые исследователи предпринимали попытки выйти за рамки официальной методологии и преодолеть догматическое понимание теории общественно-экономических формаций. В. В. Грайворонский в своей монографии, говоря об эволюции монгольского хозяйства, использовал еще малоизвестный в советской историографии термин «модернизация», под которым понимал «исторический опыт социалистического преобразования хозяйства и быта масс кочевого населения»¹⁰². Монгольскую экономику в досоветский период автор характеризовал как «узкоспециализированный тип хозяйства — кочевое скотоводство», определяющей чертой которого была «...относительно целесообразная, но вместе с тем отсталая, архаичная система экстенсивного кочевого скотоводства», которая имела ограниченные возможности для роста на собственной основе, из чего вытекала «очевидная консервативность, устойчивость, переходящие в застойность»¹⁰³.

Говоря о причинах этой застойности, автор обращает особое внимание на полемику в советской историографии о роли географического фактора в социально-экономическом развитии. По его мнению, в этой полемике были допущены существенные «перегибы», «...выразившиеся в недооценке и принижении роли естественно-природных условий в развитии человеческого общества»¹⁰⁴. С его точки зрения, Монголия, напротив, «является яркой иллюстрацией марксистского положения о том, что природно-климатические условия могут оказывать сдерживающее влияние на рост производительных сил в стране»¹⁰⁵.

С 90-х гг. в российской исторической науке стали утверждаться иные методологические подходы, наблюдалось стремление преодолеть упрощенное представление об экономических и социальных процессах, трактовавшихся ранее с позиций радикального экономического детерминизма. В трудах ведущих российских ученых-обществоведов зазвучала мысль о необходимости обобщения и осмыс-

⁹⁸ Общественные науки в МНР. М., 1977. С. 4.

⁹⁹ См.: Романова Г. Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке. XIX — начало XX в. М., С. 5, 48.

¹⁰⁰ Чимитдоржиев Ш. Б. Россия и Монголия. С. 131, 138–139.

¹⁰¹ Советская историография. М., 1996. С. 35.

¹⁰² Грайворонский В. В. От кочевого образа жизни к оседлости (на опыте МНР). М., 1979. С. 13.

¹⁰³ Там же. С. 34–35, 37.

¹⁰⁴ Там же. С. 31.

¹⁰⁵ Там же. С. 33.

ления «огромного эмпирического материала, раскрывающего влияние социокультурных, национальных и религиозных факторов на характер и тенденции экономического развития российского общества» и содержалось признание в том, что «пока еще много необъяснимого с позиций рационализма, отвергающего с порога все, что не поддается строгой детерминации и логическому объяснению»¹⁰⁶.

Изменения, произошедшие в гуманитарных и обществоведческих исследованиях, благотворно сказались и на изучении русско-монгольских торгово-экономических связей. Наряду с известными, признанными специалистами стали появляться новые имена и новые, прежде неисследованные аспекты данной проблемы. Более объективную оценку получили факты русско-китайско-монгольских политических отношений¹⁰⁷, и, в частности, связанные с событиями, происходившими во Внешней Монголии с 1911 г., которые рассматривались в контексте общей политической ситуации на Дальнем Востоке и в Центральной Азии¹⁰⁸. Большее вни-

¹⁰⁶ Абалкин Л. И. Против односторонности, за целостное видение социально-экономических процессов // Вопросы экономики. 1993. № 8. С. 5.

¹⁰⁷ Воскресенский А. Д. «Илийский кризис» и русско-китайский Ливадийский договор // И не распалась связь времен... К 100-летию со дня рождения П. Е. Скачкова: сб. ст. М., 1993. С. 257–273; Единархова Н. Е. Сибирь и проблема пересмотра русско-китайского договора 1881 г. // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность: докл. Междунар. науч.-практ. конф. 12–15 окт. 1995 г. М.; Иркутск, 1995. С. 248–252; Дацышен В. Г. История российско-китайских отношений в конце XIX — начале XX вв. Красноярск, 2000.

¹⁰⁸ Ванина И. Ю., Кузьмин Ю. В. Ликвидация цинского господства в Монголии в 1911 г. и общественное мнение России (к постановке проблемы) // XXII научная конференция «Общество и государство в Китае»: тез. докл. Ч. 2. М., 1991. С. 109–112; Кузьмин Ю. В. Позиция демократической интеллигенции России в «монгольском вопросе» после Синьхайской революции // XXIII научная конференция «Общество и государство в Китае»: тез. докл. Ч. 2. М., 1991. С. 68–72; Кузьмин Ю. В. Русско-монгольские отношения в 1911–1912 годах и позиция общественных кругов России // *Mongolica-III*. СПб., 1994. С. 75–79; Белов Е. А. Царская Россия и Западная Монголия в 1912–1915 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 1. С. 96–105; Он же. Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М., 1999; Дэмбэрэл К. Монголия во внешней политике Японии в начале XX в. // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. С. 53–55; Лузянин С. Г. Россия — Монголия — Китай в 1911–1945 гг. Магнитогорск, 1996; Он же. Китай, Россия и Центральная Азия: раз-

мание стало уделяться проблемам экономической политики России на Дальнем Востоке и подчеркивалась необходимость учета исторического опыта в современных экономических контактах со странами АТР¹⁰⁹. Свое изучение получил так называемый Урянхайский вопрос, который в советское время относился к числу непопулярных тем¹¹⁰. Подробному анализу были подвергнуты технические характеристики русско-монгольского обмена (торговые обороты, ассортимент, направления товаропотоков), как в целом по русско-монгольской границе, так и по отдельным ее участкам, ее инфраструктура и кредитное обеспечение, изучены организационные формы русского капитала в Монголии и его влияние на модернизацию монгольского хозяйства¹¹¹. Особым сюжетом

граничение региональных интересов // Китай в мировой политике. М., 2001. С. 311–335; Моисеев В. А. Национально-освободительное движение в Западной Монголии в 1911–1913 гг. и политика России // Актуальные вопросы истории Сибири. Вторые научные чтения памяти проф. А. П. Бородавкина: материалы конф. Барнаул, 2000. С. 388–397.

¹⁰⁹ Горюшкин Л. М. Торговля восточных регионов России со странами Тихоокеанского бассейна: история и современность // Гуманитарные науки в Сибири. № 1. Новосибирск, 1995. С. 28–37; Хадонов Е. Е. Очерки из истории финансово-экономической политики пореформенной России (1861–1904). М., 1997; Старцев А. В. Экономическая политика России в Монголии во второй половине XIX — начале XX в. // Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей: сб. науч. ст. Вып. 2. Томск, 2000. С. 23–72; Он же. Экономическая политика России в Монголии после провозглашения независимости (1911–1917 гг.) // Актуальные вопросы истории Сибири. Вторые научные чтения памяти проф. А. П. Бородавкина. С. 397–405.

¹¹⁰ Дацышен В. Г. Начало торговли минусинских купцов с Урянхайским краем и ее характер // XXII научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М., 1991. С. 67–70; Белов Е. А. Проблема Урянхайского края в русско-китайско-монгольских отношениях // Восток. 1995. № 1. С. 56–67; Кузьмин Ю. В. Урянхай в системе русско-монголо-китайских отношений (1911–1916 гг. // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. С. 49–52; Шурхуу Д. Урянхайский вопрос в монголо-российских отношениях в первой четверти XX века // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке: сб. ст. М., 2001. С. 97–117.

¹¹¹ Старцев А. В. Торговые ворота в Монголию // Алтайский сборник. Вып. XVI. Барнаул, 1995. С. 44–54; Он же. Русская торговля в Монголии в 60–70 гг. XIX в. // Зарубежные экономические и культурные связи Сибири (XVIII — XX вв.) Новосибирск, 1995.

в изучении проблемы стал вопрос о деятельности русских предпринимателей за границей и их роли в развитии русско-монгольских экономических и социально-культурных связей¹¹².

С. 6–31; Он же. Статистика русско-монгольской торговли второй половины XIX — начала XX в. как исторический источник // Источник. Метод. Компьютер: сб. науч. тр. Барнаул, 1996. С. 73–84; Он же. Русская торговля в северо-западной Монголии во второй половине XIX — начале XX вв. // Россия, Сибирь и Центральная Азия (взаимодействие народов и культур): материалы II регион. конф. 26 окт. 1999 г. Барнаул, 1999. С. 58–62; Он же. Обороты и ассортимент русско-монгольской торговли во второй половине XIX — начале XX в. // Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей. XVIII–XX вв.: сб. ст. и материалов. Томск, 1999. С. 55–108; Он же. Алтайский округ в системе региональных русско-китайских торгово-экономических связей (вторая половина XIX в.) // Актуальные вопросы российско-китайских отношений: история и современность: материалы регион. науч.-практ. конф. Барнаул, 2000. С. 3–12; Он же. Российский кредит в русско-монгольской торговле (вторая половина XIX — начало XX в. // Восточный архив. М., 2000. № 4–5. С. 86–91; Он же. Инфраструктура русско-монгольской торговли во второй половине XIX — начале XX в. // Востоковедные исследования на Алтае: сб. науч. ст. Вып. II. Барнаул, 2000. С. 105–124; Он же. Организация русской торговли в Монголии во второй половине XIX — начале XX в. // Там же. Вып. III. Барнаул, 2002. С. 113–135; Он же. Влияние русской торговли на модернизационные процессы в Монголии во второй половине XIX — начале XX в. // Сибирь и Центральная Азия: актуальные вопросы политического и социокультурного развития: материалы междунар. науч. конф. 27 апр. 2012 г. Барнаул, 2012. С. 99–102; Югова С. А. Торговля России с Западной Монголией по материалам фонда П. Е. Семьянова (конец XIX — начало XX вв.) // Россия, Сибирь и государства Центральной Азии (взаимодействие народов и культур): материалы регион. конф. Барнаул, 1997. С. 74–79; Боронин О. В. Из истории Чуйской торговли в 60-е гг. XIX в. // Памяти Е. М. Залкинда: сб. науч. ст. Барнаул, 1998. С. 200–205; Бойко В. П. Внешняя торговля западносибирских купцов в Центральной Азии во второй половине XIX — начале XX в. // Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей. XVIII–XX вв.: сб. ст. и материалов. Томск, 1999. С. 46–55; Зиновьев В. П. Торговый обмен Сибири и Центральной Азии в начале XX в. // Там же. С. 108–120; Кожирова С. Б. Российско-китайская торговля в Центральной Азии (вторая половина XIX — начало XX вв.). Астана, 2000 и др.

¹¹² Старцев А. В. Сибирские предприниматели в Монголии во второй половине XIX — начале XX в. // История и общество в панораме веков: материалы Всесоюз. Байкальск. ист. школы. Иркутск, 1990. С. 79–81; Он же. «Чтобы поблагодарила Вас и Россия...» (К биографии А. Д. Васенева) // Алтайский сборник. Вып. XV. Барнаул, 1992. С. 56–74; Он же.

В этом смысле нельзя не отметить монографию одного из старейших сибирских монголоведов Е. М. Даревской, которая по словам автора, «объединяет большую часть... статей, посвященных наименее изученным сторонам русско-монгольских связей, преимущественно с Сибирью»¹¹³. В ней Е. М. Даревская рассмотрела широкий круг вопросов, касающихся состояния и развития русско-монгольских отношений на рубеже XIX–XX в., акцентировав особое внимание на взаимодействии русских колонистов, торговцев, консульских чинов с местным населением в области культуры, образования, изучения страны и т. д. Работа содержит большое количество малоизвестных фактов и хотя ее концептуально-теоретическая сторона уступает фактологической, ее следует признать крупным событием в исследовании русско-монгольских отношений. В этом же ключе написана монография иркутского историка Н. Е. Единарховой, в которой на широком круге источников и литературы исследована экономическая деятельность российских предпринимателей в Монголии в 1861–1921 гг.¹¹⁴ Кроме этого, Н. Е. Единарховой была подготовлена публикация отчета ургинского консула

Торговля предпринимателей Алтая с Монголией и Китаем во второй половине XIX — начале XX в. // Предпринимательство на Алтае XVIII в. — 1920-е годы. Барнаул, 1993. С. 93–112; Он же. Купцы-«чуйцы» и их роль в развитии русско-монгольских отношений во второй половине XIX — начале XX в. // Алтайский архивист. № 1 (5) 2003: Информ.-метод. бюллетень. Барнаул, 2003. С. 154–165; Он же. Численность и состав русских предпринимателей в Монголии во второй половине XIX — начале XX в. // Центральная Азия и Сибирь. Первые научные чтения памяти Е. М. Залкинда: материалы. конф. Барнаул, 2003. С. 142–148; Он же. Русские предприниматели в Монголии // Россия и Монголия на рубеже XIX–XX веков: экономика, дипломатия, культура: сб. науч. тр. Улан-Батор; Иркутск, 2013. С. 83–102; Он же. Бийские купцы-«чуйцы» // Бийск. Альманах «Тобольск и вся Сибирь. Т. XXIV. Тобольск, 2015. С. 343–362; Единархова Н. Е. Русские купцы в Монголии // Восток. 1996. № 1. С. 76–89; Она же. Из истории пребывания русских в Монголии (до 1917 г.) // Диаспоры. М., 1999. № 2–3. С. 81–99; Цыденова Н. В. Сибирские купцы в торговых отношениях России с Китаем и Монголией в XIX — начале XX вв. // Вестник БурГУ. Серия 18: Востоковедение. 2006. Вып. 3. С. 82–97.

¹¹³ Даревская Е. М. Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX веков. Иркутск, 1994. С. 5.

¹¹⁴ Единархова Н. Е. Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921 гг.). Иркутск, 2003.

Я. П. Шишмарева¹¹⁵ и написана монография, посвященная деятельности Ургинского консульства¹¹⁶.

История русских консульств в Монголии в досоветский период получила подробное освещение в трудах А. А. Сизовой, которая на основе архивных документов и литературы на русском, английском, китайском, монгольском языках воссоздала целостную картину формирования и функционирования сети консульских учреждений России в Монголии до 1917 г., их роли в защите интересов государства и русской диаспоры, регулировании и развитии политических, хозяйственных и социально-культурных связей России, Монголии и Китая¹¹⁷.

¹¹⁵ Русский консул в Монголии: Отчет Я. П. Шишмарева о 25-летней деятельности Ургинского консульства / сост., вступит. статья, примеч., библиограф. Н. Е. Единарховой. Иркутск, 2001.

¹¹⁶ Единархова Н. Е. Русское консульство в Урге и Я. П. Шишмарев. Иркутск, 2008.

¹¹⁷ Единархова Н. Е. Русские консульства в Монголии в российско-китайско-монгольских экономических отношениях второй половины XIX — начала XX вв. // Вестник Международного центра азиатских исследований: доклады междунар. науч. конф. «Страны Востока: история, культура, международные отношения» (г. Иркутск, 26 ноября 2008 г.). Вып. 15. Иркутск, 2008. С. 51–63; Она же. Русские консульства в Монголии в российско-китайско-монгольском политическом взаимодействии начала XX в. // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 6. С. 100–113; Она же. Социально-культурная деятельность русских консульств в Монголии во второй половине XIX — начале XX вв. // Востокведные исследования на Алтае. Вып. VI. Сб. ст. Барнаул: Азбука, 2009. С. 120–128; Она же. Российское консульство в Урге и жизнь русской диаспоры в Монголии (вторая половина XIX — начало XX в.) // Общество и государство в Китае. XI науч. конф. М., 2010. С. 212–221; Сизова А. А. Консульская служба России в Монголии (1861–1917): специфика и роль в российско-монгольско-китайских отношениях: дис. ... канд. ист. наук. М., 2011; Она же. Культурная дипломатия России в Монголии во второй половине XIX — начале XX вв.: задачи, особенности и роль заграничных учреждений МИД // Исторические события в жизни Китая и современность: информ. материалы. Серия Е: Проблемы новейшей истории Китая. Вып. 3. М., 2013. С. 286–303. Она же. Особенности и проблемы реализации консульской юрисдикции России в Монголии во второй половине XIX — начале XX века // Россия и Монголия на рубеже XIX–XX веков: экономика, дипломатия, культура. Улан-Батор; Иркутск, 2013. С. 134–142. Она же. Дипломатическая роль зарубежных представительств МИД России в событиях движения за национальное освобождение в Западной Монголии (1910-е гг.) //

В последние годы заметно оживилась научно-исследовательская работа в признанном центре сибирского монголоведения — Иркутске. В соответствии с Меморандумом, подписанным в октябре 2011 г. по итогам переговоров между Байкальским государственным университетом экономики и права и Академией наук Монголии, был создан научный коллектив из российских и монгольских исследователей, перед которым была поставлена задача подготовить обобщающую работу по истории российско-монгольских отношений в XX в. Ответственными исполнителями проекта с монгольской стороны стал профессор Б. Болдбаатар, с российской — профессор Ю. В. Кузьмин. Коллективом была проделана большая работа, результатом которого стал ряд научных изданий, в которых рассматривались различные (в том числе и торгово-экономические) аспекты российско-монгольских отношений, был опубликован целый ряд документов, значительная часть которых была введена в научный оборот впервые¹¹⁸.

Таким образом, мы можем констатировать, что проблема развития русско-монгольских торгово-экономических отношений во второй половине XIX — начале XX в. получила достаточно широкое отражение в работах дореволюционных, советских и постсоветских авторов. Эти труды не были равнозначными в плане источниковой базы, охвата всех аспектов темы, но тем не менее служат важной основой для комплексного исследования проблемы, позволяют исчерпывающе представить ее в общем контексте многолетних социально-экономических, политических, культурных связей России и Монголии и на их основе формировать стратегию развития обеих государств в XXI столетии.

Сотрудничество России с государствами Восточной Азии. М., 2015. С. 167–174.

¹¹⁸ Актуальные вопросы истории российско-монгольских отношений первой четверти XX века: сб. науч. тр. Иркутск, 2013. 232 с.; Россия и Монголия на рубеже XIX–XX веков: экономика, дипломатия, культура: сб. науч. тр. Улан-Батор; Иркутск, 2013. 402 с.; Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. Кн. 3. Ч. 1: Статьи участников 3-й Междунар. науч.-практ. конф.: сб. науч. трудов. Иркутск; Улан-Батор, 2014. 384 с.; Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. Кн. 3. Ч. 2: История отношений России и Монголии в документах: сб. арх. док. Иркутск; Улан-Батор, 2014. 218 с.

ЗАПАДНЫЕ АВТОРЫ ОБ ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И МОНГОЛИИ

Начало освещению на Западе российско-монгольских отношений в первом двадцатилетии XX в. положили труды, путевые очерки, дневники современников, проповедников, исследователей Центральной Азии, дипломатов, военных, журналистов, путешественников и прочих европейцев и американцев, специально посещавших, путешествовавших или проезжавших через территорию Монголии в эти годы. В качестве примера следует упомянуть публикации общего характера миссионеров — англичанина Дж. Хэдли¹, американца И. Куртина², двухтомный труд английского исследователя Центральной Азии Д. Каррутерса «Неведомая Монголия»³, воспоминания о путешествиях в Монголию в 1898, 1901, 1909 и 1913 гг. известного финского алтаиста и монголоведа Г. И. Рамстедта (1873–1950)⁴, заметки о впечатлениях от Монголии того времени корреспондента еженедельника «Иллюстрейтид Лондон ньюс» Дж. Прайса⁵, лейтенанта Его Величества Королевского полка в Эссексе (Англия) Г. Бинстеда⁶, лейбориста М. Прайса⁷, супружеской четы англичан Галл⁸ и т. п.

¹ Hedley J. On Tramps among the Mongols. Shanghai 1906; Hedley J. Tramps in Dark Mongolia. London, 1910. Это путевые очерки его путешествий по Монголии, первоначально опубликованные в газете «North China Daily».

² Curtin I. The Mongols: a History with a Foreword by Theodore Roosevelt. Boston, 1908; 2nd ed. Bloomington, 1932; Curtin I. The Mongols in Russia. Boston, 1908.

³ Carruthers D. A. Unknown Mongolia. A Record of Travel and Exploration in North-Western, Mongolia and Dzungaria with a Foreword by Earl Curzon of Kedleston. Vol. 1–2. L., 1913–1914 (1-й том на русском языке: Каррутерс Д. Неведомая Монголия. Т. 1: Урянхайский край. Пг., 1914); Carruthers D. A. Beyond the Caspian. A Naturalist in Central Asia. Edinburgh, 1919.

⁴ Ramstedt S. Seven Journeys Eastward. 1898–1912. Bloomington, 1978.

⁵ Price P. J. From the Arctic Ocean to the Sea. The Narrative of a Journey in 1890 and 1891 across Siberia, Mongolia, the Gobi Desert and N. China. New York, 1892.

⁶ Binsted G. Life in Khalkha Steppe Lamasery // Journal of the Royal Asiatic Society. 1914. Vol. 23. Pp. 847–900; Binsted G. Mongolia — China // Yearbook. 1914 Feb. Pp. 609–643.

⁷ Price M. Ph. A Journey through the Upper Yenisei Basin. Outer Mongolia and Chinese Turkestan in 1910 // The Geographical Journal. 1918. Vol. 134. June.

⁸ Gull E. M. A Visit to Mongolia // Journal of the Royal Central Asiatic Society. 1914. Vol. 1, no. 1. Pp. 3–13. См.

Замечания об отношениях России и Монголии во всех этих публикациях носят фрагментарный характер и не выходят, как правило, за рамки констатации роста русской торговли в стране, появления купеческих факторий, соперничества русского и китайского торговлоростовщического капитала и определенного российского культурного влияния.

Особый интерес представляют свидетельства очевидцев бурных событий 1911–1919 гг. Так, например, Г. И. Рамстедт еще в 1911 г. участвовал в качестве переводчика в тайных переговорах делегации монгольских князей с русскими властями в Санкт-Петербурге, в 1912 г. провел в Нийслэл-Хурэ несколько месяцев, где привлекался к участию в подготовке русско-монгольского соглашения 1912 г. Все это позволило ему в ряде статей, опубликованных в финских газетах, подробно описать общую позицию и разногласия, которые имели место в монгольской правящей верхушке, а также интриги и маневры России и Китая вокруг так называемого «монгольского вопроса», дать характеристику политических деятелей Монголии, со многими из которых он был лично хорошо знаком⁹.

Живым свидетелем отрицательной реакции в Монголии на подписание русско-китайской Декларации 1913 г. был известный американский исследователь Внутренней Азии и дипломат У. Рокхилл (1854–1914); это побудило его выступить со статьей «Вопрос о Внешней Монголии», в которой, с одной стороны, отмечалось укрепление влияния России в стране, в том числе и в культурной сфере, с другой — и определенный рост ксенофобии, связанный с провозглашенным в Декларации автономным статусом Монголии¹⁰.

Отдельные замечания и наблюдения за состоянием русско-монгольских отношений в период существования монархии богдо-гэгэна, а также оценки ее международно-правового положения в эти годы можно найти в содержа-

также книгу супруги Галла: Balstrode B. A. A Tour in Mongolia. London, 1920.

⁹ Helsingin Sanomat. 1912. 2 July; 1913. 20 Apr.; 1913. 4 May.

¹⁰ Rockhill W. W. The Question of Outer Mongolia // The Journal of the American Asiatic Association. 1914. Pp. 102–109.

тельных путевых очерках Х. Констан¹¹, Е. Кендала¹², А. Кента¹³, а также, более подробно, в редких обзорных и аналитических статьях ряда западных международных того времени¹⁴.

Начало научному изучению отношений России и Монголии в 1900–1920 гг. положили в 20–40-е гг., если не считать О. Латтимора, о котором речь впереди, работы не монголистов, а именно — бельгийского географа и путешественника Р. Вербрюгге, опубликовавшего в 1926 г. монографию «Монголия: миг автономии»¹⁵ и американского журналиста-международника Дж. Фритерса, в 1939 г. защитившего диссертацию «Международное положение Внешней Монголии: опыт изучения политики России и Японии на Дальнем Востоке»¹⁶.

Сюда же можно отнести работы и статьи русских эмигрантов: В. А. Яхонтова «Россия и Советский Союз на Дальнем Востоке»¹⁷ князя А. Лобанова-Ростовского «Россия и Азия» и «Россия и Монголия»¹⁸, известного царского дипломата и активного проводника политики России в Монголии И. Коростовца «От Чингисхана до Советской Республики»¹⁹ и, конечно,

М. Н. Павловского «Китайско-русские отношения», в которой дан обзор русско-монгольских политических и экономических связей с XVIII и до 30-х гг. XX вв.²⁰

От очерков путешественников и свидетельств очевидцев, упомянутых выше, эта литература отличается своим аналитическим характером, привлечением достаточно широкого круга документальных источников, в том числе договоров и соглашений по Монголии между Россией, Китаем и Японией²¹, стремлением авторов разобраться в хитросплетении интересов великих держав в Монголии, Центральной Азии и на Дальнем Востоке в целом, обосновать свои концепции.

Какова же квинтэссенция взглядов этих авторов на характер российско-монгольских отношений в этот период? Коротко их можно, при всех, естественно, индивидуальных отличиях и нюансах, свести к следующему. Активизация политики России по отношению к Монголии в первом десятилетии XX в. была вызвана, по мнению большинства авторов, поражением царизма в русско-японской войне и, соответственно, стремлением в какой-то степени компенсировать свои потери. А по Фритерсу, что, на наш взгляд, более правильно и точно — «угрозой возникновения непреодолимого барьера вдоль русской границы для экономических интересов России и прямой военной опасности для непосредственно русских территорий», связанных с так называемым «новым курсом» цинского Китая в отношении Монголии: начавшейся китайской колонизацией монгольских земель, переселением, ужесточением военно-административного контроля²².

В процессе активизации России в Монголии шло определенное противоборство

республики. Краткая история Монголии с особым учетом новейшего времени».

²⁰ Pavlowsky M. N. Chinese-Russian Relations. New York, 1949 (материалы о Монголии здесь занимают добрую половину книги); Pavlowsky M. N. La Mongolie dans les relations sinorusses // Bulletin de l'Universite l'Aurore. Ser. 3. T. 5. 1944; T. 6. 1945.

²¹ См. напр.: Outer Mongolia Treaties and Agreements — The Carneque Endowment for International Peace Division of International Law. Pamphlet No. 41. Washington, 1921; McMurrey J. Treaties and Agreements with and Concerning China. Vol. 1. 1894–1919. New York, 1921; Vol. 2. 1919–1929. Washington, 1929; Price E. B. The Russo-Japanese Treaties of 1907–1916 concerning Manchuria and Mongolia. Baltimore, 1933.

²² Friters G. Outer Mongolia and its International Position // ed. by Eleonore Lattimore with an Introduction by O. Lattimore. London, 1951. P. 19.

¹¹ Consten H. Weiderplätze der Mongolen im Reiche der Chalcha. Vol. 1–2. Berlin, 1919–1920.

¹² Kendall E. K. A Way Farer in China: Impressions of a Trip across West China and Mongolia. Boston, 1913.

¹³ Kent A. S. Old Tartar Trails. Travels in Mongolia. Shanghai, 1919.

¹⁴ См.: Williams E. The Relations Between China, Russia and Mongolia // The American Journal of International Law. 1916. Vol. 10; Anderson D. Z. The Desert Principality of Mongolia. Intrigue and Diplomacy of Uрга // Asia. 1918. Vol. 18.

¹⁵ Verbrugge R. La Mongolie: un instant autonome. Anvers, 1926.

¹⁶ Friters G. M. The International Position of Outer Mongolia. A Contribution to Russia's and Japan's Policies in the Far East. These presentee a l'Universite de Geneve pour l'obtention du grade de Doctour der sciences politiques. Dijon, 1939; Friters G. M. The Development of Outer Mongolian Independence // Pacific Affairs. 1937. Vol. 10. № 3; Friters G. M. The Prelude to Outer Mongolian Independence // Pacific Affairs. 1937. Vol. 10; Friters G. M. Outer Mongolia and its International Position. Baltimore, 1949; 2nd ed. London, 1951.

¹⁷ Yahontoff V. A. Russia and the Soviet Union in the Far East. New York, 1931.

¹⁸ Lobanov-Rostovsky A. Russia and the Asia. New York, 1933; Lobanov-Rostovsky A. Russia and Mongolia // Slavonic Review. 1927. № 5.

¹⁹ Korostovets I. Y. Von Cingis-Khan zur Sowjetrepublik. Eine Kurze Geschichte der Mongolei unter Besonderer Berücksichtigung der Neuesten Zeit. Berlin, 1926; Копостовец И. Ю. Россия на Дальнем Востоке. Пекин, 1922. См. также изд. от 2004 г. «от Чингисхана до советской

между двумя направлениями «монгольской политики» России: агрессивным, экспансионистским, продиктованным военно-стратегическими, торговыми и, отчасти, промышленными интересами соответствующих кругов российского общества, и умеренным, сдержанным, основывавшимся, главным образом, на политических интересах России на Дальнем Востоке, в Центральной Азии, да и в мире вообще. Победила и стала активно проводиться в жизнь вторая линия, которую олицетворяла правившая страной политическая верхушка в лице самого царя Николая II, его правительства и царских дипломатов. Все они озабочены были, прежде всего, сохранением сложившегося к концу первой декады XX в. баланса сил и статус-кво на Дальнем Востоке и противодействием мирными, дипломатическими средствами китаизации Монголии при обеспечении там торговой монополии и подавляющего политического влияния России. В канун и в ходе 1-ой мировой войны на большее у России не было ни сил, ни намерений. И потому «тайный» приезд делегации монгольских князей в Санкт-Петербург в 1911 г. и их обращение за помощью, инспирированные, как считают почти все авторы, русскими агентами в Урге, поверг МИД России в замешательство, ибо первоначально он собирался оказать монголам лишь моральную поддержку без непосредственного вмешательства во внутренние дела страны. И даже после провозглашения независимости и образования монархии богдо-гэгэна, что произошло исключительно по инициативе самих монголов, поставленная перед свершившимся фактом Россия, как это четко формулирует главный апологет царской дипломатии и непосредственный участник событий Иван Коростовец, а вслед за ним и Дж. Фритерс, «...не стремилась к аннексии или установлению своего господства и не хотела признавать независимость»²³, что и нашло отражение в русско-монгольском соглашении 1912 г.²⁴ Однако, дальнейший ход событий привел к росту царского экспансионизма, к тройственному договору в Кяхте, закрепившему международно-правовой статус Монголии как де-юре автономной части Китайской республики, а де-факто — протектората России.

Все авторы, названные нами выше, не прошли мимо определенной двойственности и

²³ Ibid. P. 69.

²⁴ Barkmann U. Zur Geschichte des russisch-mongolischen Abkommens von 1912 // Asien — Africa — Latin America. 1990. № 4. S. 620–622.

противоречивости во взаимоотношениях России и Монголии в этот период, что стало характерной чертой этих отношений и в будущем, на протяжении всего XX в.

С одной стороны, Россия содействовала восстановлению монгольской государственности, оказала монархии богдо-гэгэна существенную финансовую, военную и гуманитарную помощь, защитила ее от угрозы китайской интервенции. Но с другой стороны, она воспрепятствовала осуществлению общенациональных устремлений и усилий по объединению монголов в едином государстве, сама не признала и не допустила международного признания независимости страны, не пошла на открытие дипломатического представительства Монголии в России, отторгла 6 хошунов Урянхая и навязала ей вместе с Китаем автономный статус.

Монголия с первых лет XX в. все более дрейфовала в объятия России, искала у нее помощи и поддержки в борьбе за полное отделение от Китая, признание объявленной независимости Внешней Монголии и ее объединение с Внутренней Монголией и Баргой. И в то же время, правящая верхушка страны все более и более разочаровывалась действиями российского правительства и в итоге сползала в железные тиски Китая.

После падения самодержавия Временное правительство хотело сохранить в стране максимум влияния и позиций при минимуме усилий; оно фактически устранилось от активных действий, тем более что официальные российские представители в стране погрязли в междоусобной борьбе со своими соотечественниками.

В 1917–1919 гг. Советская Россия отказалась от царского наследия, денонсировала все империалистические договоры и соглашения; таким образом, она, по словам Д. Фритерса, «...предоставила монголов самим себе или скорее отдала их в руки китайцев»²⁵.

Эти взгляды исходили из фатальной зависимости Монголии от игры внешних сил, в первую очередь от взаимоотношений России с Китаем и Японией, которые и определяли характер, формы и содержание собственно русско-монгольских отношений в этот период и обрекали Монголию на роль разменной монеты и объекта политики великих держав

²⁵ Friters G. Outer Mongolia and its International Position. P. 119. См. также: Bruce A. Elleman. Diplomacy and Deception. The Secret History of Sino-Soviet Diplomatic Relations. 1917–1920. Armonk, 1997.

в регионе Восточной Азии и на Дальнем Востоке. Подобная точка зрения без какой-либо подробной аргументации постулирована и в опубликованных в 20-е гг. трудах западных историков Дальнего Востока и Китая — П. Трита, Г. Винэйка, К. Латуретта, П. Клайда, А. Кордые²⁶.

Что касается Оуэна Латтимора, то в своих первых книгах и статьях, опубликованных в период с конца 20-х до конца 40-х гг. и затрагивавших российско-монгольские отношения («Манчжурия — колыбель конфликта», «Центрально-азиатские границы Китая», «Становление современного Китая», «Ядро Азии: Синь-цзян и центрально-азиатские границы», «Китай и Россия», «Географический фактор в монгольской истории», «Границы Центральной Азии и пределы китайской и русской экспансии» и др.)²⁷ ученый в целом объективно освещает характер этих взаимоотношений до 1917–1920 гг., концентрируя внимание на положении в пограничной зоне между Россией и Китаем, а также на взаимодействии кочевой и оседлой цивилизаций.

Не столько собственно история русско-монгольских связей интересовала автора, сколько их воздействие на место Монголии в мире и в регионе Центральной Азии²⁸, на формирование границ в этом регионе; в этом вопросе, в отличие от многих западных ис-

²⁶ Treat P. J. *The Far East. A Political and Diplomatic History*. N. Y.; L., 1928; Vinacke H. M. *A History of the Far East in Modern Times*. N. Y., 1928; Latourette K. S. *The Chinese, Their History and Culture*. N. Y., 1928; Clyde P. H. *The History of the Modern and Contemporary Far East*. N. Y., 1937; Cordier H. *Histoire General de la pays e'trangers depuis les temps le plus an ciens jusque a la chute de le Dynastic manchue*. Vol. 1–4. Paris, 1920–1921.

²⁷ Lattimore O. *Manchuria. Cradle of confl ict*. N. Y., 1932; Lattimore O. *Inner Asian Frontiers of China*. N. Y., 1941; Lattimore O. *The Making of Modern China. A Short History*. N. Y., 1944; Lattimore O. *Pivot of Asia: Sinkiang and Inner Asian Frontiers of China and Russia*. Boston, 1950; Lattimore O. *Geographical Factor on Mongol History // Geographical Journal*. 1938. Vol. 4, № 1; Lattimore O. *Inner Asian Frontiers of Chinese and Russian Margins of Expansion // Journal of Economic History*. 1947. Vol. 7. May. Подробно об этих и других работах О. Латтимора см.: Златкин И. Я. Оуэн Латтимор как историк Востока // Против колониализма. М., 1960; Гольман М. И. Изучение истории Монголии на Западе (XIII — середина XX вв.). М., 1988.

²⁸ Свое предисловие к книге Дж. Фритерса, а, по сути, большую статью О. Латтимор так и озаглавил «Место Монголии в мире» (Lattimore O. *Mongolia's Place in the World*). См.: Friters G. *Outer Mongolia and its International Position*. P. I–XVIII.

следований, он отводил монголам достаточно самостоятельную и важную роль²⁹.

Концепция российско-монгольских взаимоотношений в первые два десятилетия XX в., сформировавшаяся в довоенной западной литературе, о которой шла речь выше, стала господствующей и в западной монголистике вплоть до 90-х гг. Вот, например, характерный вывод известного американского монголиста и политолога, профессора Р. Рупена, который закончил раздел «Внешняя Монголия до 1917 г.» в своей обобщающей монографии «Монголы XX века» такими словами: «Русский и китайский контрапункт часто заглушал монгольскую мелодию. Действия русских и китайцев манипулировали, лепили и формировали местные монгольские силы. Россия и Китай сортировали монгольскую территорию, не считаясь с желаниями монголов. Они вмешивались в государственные дела и экономику и даже в социальную структуру. Монголия как щепка болталась на волнах российско-китайских отношений»³⁰.

Прошло более 10 лет и Р. Рупен вновь формулирует расхожий тезис о приоритетном значении внешних факторов и, прежде всего, политики России в отношении Китая и Японии для русско-монгольских отношений и исторических судеб Монголии. В работе «Как управляют Монголией» он пишет: «В истории XX века Монголии суждено было быть неразрывной частью русско-японских и русско-китайских отношений. Для России не могло существовать монгольской политики, независимой от ее отношений с Японией и Китаем. Поскольку Япония и Китай постоянно имели несоизмеримо большее значение для России, чем Монголия, то ее неизбежно и неоднократно использовали лишь как разменную монету, и она имела очень незначительный контроль над собственной судьбой»³¹.

Насколько подобная точка зрения живуча до сих пор, свидетельствует монография американского монголиста Томаса Ивинга

²⁹ Lattimore O. *Studies in Frontier History. Collected Papers, 1928–1958*. Paris, 1959. В этот сборник вошли все работы О. Латтимора по проблемам пограничной зоны между Россией и Китаем, причем, в них различные аспекты российско-монгольских отношений как до, так и после 1921 г., занимают одно из центральных мест.

³⁰ Rupen R. *The Mongols of the Twentieth Century. Part 1*. Bloomington, 1964. P. 87.

³¹ Rupen R. *How Mongolia is Really Ruled. A Political History of the Mongolian People's Republic, 1900–1978*. Stanford, 1979. P. 2.

с характерным названием «Между молотом и наковальней? Китайская и русская политика: Внешняя Монголия 1911–1921»³², а также коллективная работа всех ведущих западногерманских монголоведов «Монголы. Очерки их истории и культуры»³³.

Признавая вслед за английским монголоведом, автором капитальной монографии «Современная история Монголии» Ч. Боуденом³⁴ формальный характер китайского сюзеренитета над страной даже после Кяхтинских соглашений и прогрессивный для того времени характер преобладающего российского влияния и воздействия на Монголию, как Т. Ивинг, так и авторы «Очерков» приходят, тем не менее, к выводу, что «короткая автономия 1911–1918 гг. с самого начала была обречена на исчезновение», ибо, во-первых, монголы в то время не обладали ни военными, ни финансовыми, ни политическими структурами, необходимыми для создания независимого, самостоятельного государства. А во-вторых, и это, в конце концов, сыграло решающую роль, «...судьба самостоятельного монгольского государства, даже если бы ему удалось возродить Единую Великую Монголию, определялась бы по-прежнему внешней политикой России и Китая»³⁵.

Красной нитью во всех этих произведениях проходит тезис о доминанте русско-китайских отношений и вообще внешней политики России на Дальнем Востоке и в формировании российской политики в отношении Монголии, а также в целом в исторических судьбах монголов в первые два десятилетия XX в. При этом собственно позиция Монголии и монголов отодвигалась на задний план или просто игнорировалась.

Лишь во второй половине 80-х гг. появляются работы, в которых на основании вновь открытых документальных данных главный акцент переносится на внутренние монгольские факторы, действия и политику монгольской стороны, их роль и значение. Так, американский монголист монгольского происхождения профессор Бригэм Янгского университета (г. Про-

во, штат Юта) С. Жагчид в своем «Сборнике работ по монголоведению» (1988) отдельную главу посвящает росту монгольского национализма как ответной реакции на политику великих держав и, в первую очередь, России и Китая по отношению к Монголии в 1911–1920 гг. и рассматривает его как важное средство сохранения монголами своей идентичности перед внешней экспансией³⁶.

Анализируя впервые публикуемые этими авторами на английском языке редкие документы дипломатической переписки вокруг т. н. «монгольского вопроса» в 1911–1915 гг., а также переписку между Юань Шикаем и Богдогэгэном, английские монголоведы Ургунге Питер Онон и Джерик Притчард в основной части своей работы о событиях в Монголии в 1911–1912 гг., которые они достаточно обоснованно квалифицируют как «первую демократическую революцию в Азии» (таково и само название их книги — «Монголия провозглашает свою независимость»), приходят к выводу, что решительная борьба монголов за признание своей независимости и объединение с Внутренней Монголией и составляла стержень российско-монгольских отношений и сущность т. н. «монгольского вопроса». В этой борьбе монголы потерпели формально поражение, но фактически добились восстановления и сохранения своей государственности.

«Мы не собираемся извиняться за то, что представляем монгольскую позицию», — пишут авторы. «Все документы кричат о том, что лидеры Северной (т. е. Халха или Внешней) Монголии стремились добиться полной независимости для себя и для всех монгольских людей, включая и население Южной (т. е. Внутренней) Монголии. Объединение всех монголов, конечно, было недостижимым, но национальная революция 1911 г. осуществила изгнание маньчжуро-китайских чиновников и торговцев из Северной Монголии и прямо привела к народной революции 1921 г., положившей начало коренным изменениям социальной структуры».

На этом справедливом заключении мы заканчиваем обзорное взглазие западных авторов на российско-монгольские взаимоотношения в первом двадцатилетии XX в.

³² Ewing Th. Between the Hammer and the Anvil. Chinese and Russian Policy: Outer Mongolia, 1911–1921. Bloomington, 1980.

³³ Die Mongolen Beitrage zu ihrer Geschichte und Kultur. Herausgegeben von Michael Weiers unter Mitwirkung von Veronica Veit und Walther Heissig. Darmstadt, 1986.

³⁴ Bawden Ch. The Modern History of Mongolia. London, 1968.

³⁵ Die Mongolen Beitrage zu ihrer Geschichte und Kultur. S. 177.

³⁶ Jagchid S. Essays in Mongolian Studies. Provo, 1988. P. 240–251.

Раздел второй

РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ФАКТОРОВ В РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

История экономического сотрудничества (а если точнее выразаться, экономического взаимодействия) между Монгольским и Российским государствами длится уже более семи веков. Отношения на первом этапе (1237–1480 гг.) весьма затруднительно охарактеризовать как отношения взаимовыгодного сотрудничества. Эти отношения проходили в контексте исторического периода известного как «монголо-татарское иго» и носили характер даннической зависимости русских княжеств от Монгольской империи до 60-х гг. XIII в., позже, после распада Монгольской империи, от Улуса Джучи (Золотой Орды), до конца XV в. После распада Монгольской империи связи между Монголией и Россией практически полностью прервались вплоть до конца XVII века, когда, после подписания Нерчинского договора 1689 г. (а особенно после подписания серии российско-китайских договоров 1858–1960 гг.), в Монголию стали проникать русские купцы. Российско-монгольские отношения перешли на абсолютно другой качественный уровень после подписания 25 мая 1915 г. в Кяхте трехстороннего российско-китайско-монгольского соглашения, провозгласившего автономию Монголии, и означавшего то, что Монголия фактически превратилась в суверенное государство и, в силу этого, в дальнейшем отношения между двумя странами строились как отношения между «*de jure*» равноправными партнерами.

Интересы России в Монголии носят важный стратегический характер. Исторический опыт говорит нам, что любые существенные изменения в Монголии, как и в Северо-Восточной Азии в целом, всегда требовали и требуют особого внимания и соответствующей реакции России. Вследствие этого, российско-монгольские отношения являются естественной и важной составной частью восточного вектора внешней политики России. Это отмечается в Концепции внешней политики Российской Федерации, ориентирующей на укрепление политико-эко-

номического развития страны с опорой на возможности и преимущества ее восточных регионов.

Страна обладает значительными запасами природно-сырьевых ресурсов. Так, залежи угля составляют 162,3 млрд т, меди — 45 млн т (с перспективой значительного увеличения), урана — 75 тыс. т, нефти — 119 млн т. Последние годы темпы экономического роста составляют около 10%. Так, в 2011 г. они равнялись 17,5%, а в 2014 г. — 9,1%. ВВП страны в 2014 г. (по данным www.infomongolia.com) составил 11,7 млрд дол. США. Имеющиеся планы разработки крупных месторождений полезных ископаемых при должной организации и обеспечении позволяют существенно увеличить объем валового продукта и нарастить темпы роста экономики страны.

Для периода 2000–2014 гг. характерна очень быстрая динамика роста внешнеторгового оборота Монголии. Общие объемы товарооборота выросли в 9,6 раз, при этом быстрее рос экспорт (в 10,8 раза), а импорт вырос только в 8,5 раза. Это привело к тому, что многолетний дефицит внешнеторгового оборота Монголии в 2014 г. сменился положительным сальдо в размере 537,9 млн дол. (4,9% от общего объема товарооборота). Структура товарооборота Монголии по странам характеризуется повышенной долей ряда ведущих стран, так на первую пятерку стран в 2010 г. приходилось 84,3% от общего объема товарооборота, в 2014 г. данный показатель даже несколько вырос (87,5%).

Следует заметить, что экспортные операции Монголии практически полностью монополизированы Китаем: в 2010 г. на КНР приходилось 84,8% от общего объема экспорта, а в 2014 г. уже 87,8%. На следующего по значению покупателя монгольских товаров — Великобританию в 2014 г. пришлось 6,9%, а на Российскую Федерацию только 1,1% от общего объема экспорта Монголии. Импорт же Монголии, по сравнению с экспортом более диверсифицирован:

доля Китая в 2014 г. составила лишь 33,8% от общего объема импорта, что примерно равно доле России (29,6%), но при этом Россия за последние 4 года уступила свое первое место среди партнеров Монголии по импорту Китаю.

Если говорить о структуре экспорта Монголии по основным товарным группам, то обращает на себя внимание увеличение доли экспорта товарной группы «Минеральные продукты» (медный, молибденовый и плавиковый концентраты) доля которой возросла с 81,0% в 2010 г. до 83,0% в 2014 г. Доля же остальных товарных групп (в том числе таких традиционных для Монголии как «сырые и обработанные шкуры, кожа, мех и изделия из него», «живые животные и продукты животного происхождения» «текстиль и текстильные изделия и др.) значительно сократилась.

Импорт Монголии как в страновом, так и в товарном разрезе значительно более диверсифицирован: на товарную группу «минеральные продукты» (среди которых основную часть составили различные виды жидкого топлива и смазочных материалов) в 2014 г. пришлось 28,0% от общего объема импорта, на товарную группу «машины, оборудование, электротовары, телевизионная и воспроизводящая аппаратура и запчасти к ним» — 18,8%, а на «транспортные средства и запчасти к ним» — 11,8%.

В 2014 г. оборот взаимной торговли России и Монголии увеличился по сравнению с 2000 г. в 5,4 раз и составил 1611,0 млн дол., при этом российский экспорт возрос в 7,5 раз (до уровня 1549,3,6 млн дол.), а импорт из Монголии увеличился за эти годы только на 36,6% (до 61,7 млн дол.). Положительное сальдо России в торговле с Монголией составило в 2012 г. 1487,6 млн дол. Резкое увеличение положительного сальдо во взаимной торговле за последние двадцать лет в пользу России объясняется резким прекращением экспорта в Россию медного и молибденового концентрата.

Возрастание доли Китая во внешнеэкономических связях Монголии, сопровождается одновременным снижением доли России. Это происходит, в первую очередь за счет снижения объемов импортных поставок из Монголии: прекращены поставки медного и молибденового концентратов с комбината «Эрдэнэт», еще раньше прекращены поставки скота на мясокомбинаты Сибири (правда в 2015 г. возобновлены поставки мяса крупного рогатого скота, что дает некоторый повод для оптимизма), в период 2010–2013 гг. объем поставок флюори-

того концентрата сократился в 10 раз. Учитывая, что 2/3 объема российского экспорта в Монголию приходится на экспорт нефтепродуктов, а в Монголии быстро растут объемы добычи нефти и рассматривается вопрос о строительстве на территории республики нефтеперерабатывающего предприятия, то на перспективу весьма возможен и обвальная спад также и экспортных поставок в Монголию, в случае реализации ряда проектов по нефтепереработке и электроэнергетике в Монголии.

Вышеупомянутые проблемы затронули и отношения между Монголией и Иркутской областью. В период 2010–2014 гг. внешнеторговый оборот между Иркутской областью и Монголией имел тенденцию к сокращению. При этом в товарообороте Иркутской области и Монголии сохраняется значительный дисбаланс. Так, в 2014 г. экспорт из Иркутской области в Монголию составил 140,5 млн дол., а импорт из Монголии в область — 2,7 млн дол. (табл.). При этом наибольший удельный вес в экспорте Иркутской области в Монголию традиционно занимают нефтепродукты 70,0% (98,3 млн дол.). Из Иркутской области в Монголию вывозились такие товары, как топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки, электрические машины и оборудование, удобрения, химические продукты, строительные материалы, широкий спектр продуктов питания (молочная продукция, жиры, масла, хлебобулочные изделия и зерно, алкогольная и безалкогольная продукция и прочее). Импортировались в Иркутскую область соль, камень, штукатурные материалы, известь и цемент, ковры и прочие текстильные напольные покрытия.

Для того, чтобы реанимировать торговлю между областью и Монголией (а поскольку товарооборот между областью и Монголией занимает ведущее место в российско-монгольской торговле, то и для российско-монгольских внешнеэкономических связей), необходимо принять срочные меры по диверсификации структуры экспорта из области в Монголию и по значительному увеличению импорта монгольских товаров в Иркутскую область, в первую очередь за счет продуктов питания, изделий легкой промышленности и других товаров народного потребления.

В настоящее время более благоприятные условия для значительного увеличения масштабов связей Иркутской области и Монголии создал действующий с 14 ноября 2014 г. безвизовый режим между Россией и Монголией. Этим уже воспользовалась Республика Бу-

**Динамика внешнеторгового оборота Иркутской области с Монголией
за 2000–2014 гг., млн дол.**

Год	Оборот	Экспорт	Импорт	Сальдо
2000	91,1	88,2	2,9	+85,3
2005	206,2	203,0	3,2	+199,8
2010	587,4	580,2	7,2	+573,0
2014	143,2	140,5	2,7	+137,8

рятия. Как следует из данных министерства экономики Бурятии, за девять месяцев 2015 г. в Бурятию въехали более 300 тыс. граждан Монголии — в 2,5 раза больше, чем год назад. Увеличение потока монгольских туристов позволило предприятиям розничной торговли, сферы обслуживания и туристического бизнеса развиваться. За время действия безвизового режима Бурятия вырвалась на первое место в Сибирском федеральном округе по темпам роста товарооборота за год (122 млрд р., рост 103,3%). В то время как в Иркутской области и Забайкальском крае отмечается снижение товарооборота (92,9 и 89,9% соответственно). Кроме того, эксперты отмечают 20-процентный рост количества занятых в оптовой и розничной торговле Бурятии. Объем платных услуг размещения за январь-сентябрь 2015 г. увеличился также на 20% и составил 862 млн р.

По нашему мнению, в настоящее время происходит процесс обратный тому процессу, который происходил сто лет назад — процессу обретения Монголией независимости от Китая. Происходит экономическая и политическая интеграция Монголии в китайское геополитическое пространство. Процесс рассчитан Китаем на многие десятилетия и, в настоящее время, не требует формальной утраты Монголией государственного суверенитета. России в этой китайской геополитической схеме, ввиду стремительно утрачиваемой роли важного для Монголии экономического партнера, скорее отведена роль «свадебного генерала» на чужой свадьбе.

Однобокая ориентация Монголии на сотрудничество с Китаем уже привела, ввиду существенного замедления роста китайской экономики, к значительным трудностям в развитии экономики Монголии.

Рост экономического развития Монголии составит 2,3% в конце 2015 г., говорится в отчете Всемирного банка (ВБ) об экономическом

положении страны. По прогнозам ВБ, спад экономического развития Монголии будет продолжен в 2016 г. из-за внутренних и внешних факторов, в частности, дисбаланса торговли, начала обслуживания крупных облигационных кредитов с 2017 г. Как полагает ВБ, пока рано прогнозировать, как будет содействовать экономике Монголии торговля с Китаем из-за неопределенности тенденции его экономического развития. Китай является главным покупателем экспортной продукции монгольских производителей.

Стремительный рост экономики Монголии в последние годы в значительной степени был обеспечен притоком иностранных инвестиций. А их объем в 2014 г. сократился в 7,5 раза (с 4,5 млрд дол. в 2011–2012 гг. до 600–845 млн дол). При этом курс национальной валюты — тугрика упал с 1320 тугриков за один долл. в начале 2014 г. до 1995 тугриков в конце года (примерно на 40%). Это вызвало значительное ухудшение финансового положения Монголии. Потребности государства за счет валютных запасов Монголбанка удовлетворяются только на период не более 18 недель. Сумма непогашенных кредитов выросла в 3,4 раза и достигла 550 млрд тугриков (по состоянию на конец 2014 г.). Внешнеэкономическая задолженность (на ту же дату) составила 19,8 млрд дол. До марта 2017 г. страна должна выплатить иностранным кредиторам 580 млн долл. Подсчитано, что для полного погашения иностранных займов стране придется в течение 16 лет отдавать не менее 10% бюджетных доходов ежегодно. О признаках сползания к кризису говорит и высокая инфляция — 11,5% в 2015 г. вместо запланированных 6–8%, рост цен на товары широкого потребления, в среднем от 10,6 до 177%, прекращение деятельности более половины (54,1%) хозяйственных единиц к середине 2014 г.

В контексте развития российско-монгольского сотрудничества исследовательский и

практический интерес для России безусловно представляет концепция «третьего соседа» Монголии, ее суть, содержание и перспективы реализации. Особенно в той ее части, где речь идет о позитивной оценке «ключевой роли США в регионе», а также мерах по осуществлению натовской «Программы индивидуального партнерства и сотрудничества с Монголией». В этом же плане следует рассматривать подписание «Соглашения об экономическом партнерстве» по итогам рабочего визита премьер-министра Монголии Ч. Сайханбилига в Японию 9–11 февраля 2015 г. Исходя из данного документа Япония становится стратегическим партнером Монголии. Соглашение открывает дорогу для увеличения прямых японских инвестиций, уровень которых на

2014 г. в 500 млн дол. по мнению монголов, являлся явно неудовлетворительным. Они выразят многократно, уже во время переговоров по просьбе монгольской стороны правительство Японии выделило дополнительно в виде льготного займа 46 800 млн йен (или 310,6 млн дол.) на завершение строительства нового международного аэропорта в долине Хошиг, вблизи Улан-Батора.

В свете всего сказанного, долгосрочные интересы Монголии будут в долгосрочной перспективе определять многовекторный характер ее внешней политики, когда все яйца не будут складываться в одну корзину. И в этих условиях России необходимо найти новую собственную роль во взаимоотношениях с нашим давним партнером — Монголией.

РОССИЙСКО-КИТАЙСКО-МОНГОЛЬСКИЕ ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Торговые отношения с сопредельными народами и территориями юго-восточной части России стали устанавливаться уже на первых этапах освоения обширной территории Сибири. По мере заселения края русскими и расширения их хозяйственной деятельности росла и торговля. Между городами, поселениями и сопредельными территориями возникали устойчивые торговые связи, развивались пути сообщения. Меновая на первых этапах торговля постепенно принимала товарную форму.

Общий торговый оборот Сибири вдоль всех ее границ в 1910 г. превышал 300 млн золотых рублей. При этом на долю тихоокеанских портов приходилось 15%; на долю Северного морского пути — менее 1%; грузооборот вдоль сухопутной азиатской границы оценивался примерно в 12%; остальное составляли грузоперевозки, осуществляемые вдоль европейской границы с Россией.

Что касается торгового оборота Сибири в начале XX в. с сопредельными государствами, то наибольшую значимость здесь представляла торговля вдоль границ с Китаем и Монголией. Экспорт сибирских товаров в этом направлении оценивался в 2–3% от общероссийского вывоза (22 млн из 1 422 млн р.), ввоз — в 14–15% общероссийского ввоза (131 млн из 920 млн р.). Основной торговый оборот на юго-востоке Сибири давали порты Тихого океана (табл. 2).

Торговля с Россией с Китаем и Монголией активно велась в нескольких районах. Из Усть-Каменогорска Семипалатинской области, через горный перевал сибирские купцы торго-

вали с Кобдо. Из Бийского уезда — по Чуйскому тракту. Минусинские купцы направлялись в Монголию и Китай через Усинский тракт. В восточных районах Сибири путь в Китай вел через Кяхту.

В начале торговых отношений с Китаем мануфактурные и железные изделия обменивались на скот и продукты скотоводства. В Европейскую Россию через Кяхту и Сибирь поступал чай, стоимость которого к началу века оценивалась в 18 млн р. Чай везли из Ханькоу, через Тянь-Цзинь в Пекин, затем он отправлялся в Ургу и Кяхту. Наконец, до прокладки Транссибирской железной дороги чай шел морским путем в Николаевск, затем вверх по Амуру до Сретенска. Наконец чай проникал в Сибирь через Бийск и Усть-Каменогорск. В 1900 г. через Урал проходило свыше 1,5 тыс. пудов китайского чая, более 90% от всего поступившего в Сибирь.

С прокладкой Транссибирской магистрали и особенно после открытия частных и коммерческих перевозок по Китайско-Восточной железной дороге (1903 г.) объемы и структура торговли с Китаем стали заметно меняться. В Северный Китай потянулась масса русских купцов и промышленников. Вскоре оттуда в восточные районы Сибири стали поступать хлебные грузы, вытеснившие западносибирскую пшеницу с дальневосточного и забайкальского рынков.

Появление в 1905 г. на Дальнем Востоке русской армии еще более оживило торговлю. Нужды армии и ближайшего тыла оказались настолько велики, что, несмотря на нехватку

Таблица 2

Торговый оборот Сибири в 1905 г.

Граница	Импорт		Экспорт	
	млн р.	млн пудов	млн р.	млн пудов
Западно-Китайская*	13,7	3,3	8,0	0,6
Восточно-Китайская	29,3	20,2	11,1	2,8
Тихоокеанские порты	56,5	16,7	2,9	2,9

* Главным образом в пределах границы современной Монголии.

транспорта в Восточную Сибирь и Маньчжурию были стянуты громадные объемы товаров. Однако после окончания войны спрос резко упал, и в приграничных районах остались склады, полные товаров. Разразился торговый кризис, который тянулся до 1909 г.

Русской торговле в Северном Китае способствовало расположение многих железнодорожных станций. Например, ст. Хайлар (в 705 км от Харбина) являлась одной из опорных в торговле с Монголией. Русский торговый поселок, примыкающий к станции, располагался недалеко от старинного монгольского города Амбань-Хото. Кроме того, Хайлар был связан гужевым трактом с Ургой и Забайкальем. К станции Хайлар из Монголии шли отары овец, табуны лошадей, крупный рогатый скот. Сюда подвозили скотопромышленное сырье.

Для ввоза в Китай русских товаров были введены поощрительные тарифы, как железнодорожные (для завоза через ст. Маньчжурия), так и для морских перевозок (главным образом из Одессы в Порт Дальний, а после 1905 г. — во Владивосток). Такая политика оказалась удачной и приносила прибыль, поскольку покупательная способность населения Маньчжурии быстро возрастала. В 1908–1914 гг. объем внутренней и внешней торговли здесь почти удвоился.

Что завозилось в Северный Китай из России и Сибири? Здесь основной грузопоток шел через станции Маньчжурия и Пограничная (табл. 3).

Таблица 3

Грузовой поток из России и Сибири в Северный Китай в 1910 г., тыс. пудов

Груз	Станция Маньчжурия	Станция Пограничная
Хлеб	194	8
Соль	0,2	2767
Уголь	11	11
Железо и изделия из него	113	169
Лесоматериалы	941	1
Спирт	101	—
Мануфактура	153	72
Прочие	477	1226
<i>Всего</i>	1990	4254

Если считать грузы, прибывшие через ст. Пограничную за товары русского происхождения (погрешность здесь не может быть большой), то вместе с товарами, ввозимыми из России через ст. Маньчжурия общий ввоз в Маньчжурию из Сибири составит 5,3 млн пудов, или 19% всего экспорта товаров в Северный Китай.

Перечень основных грузов, ввозимых в 1910 г. из Китая в Россию приведен в табл. 4.

Таблица 4

Перечень основных грузов, ввозимых в 1910 г. из Китая в Россию, тыс. пудов

Груз	Станция Маньчжурия	Станция Пограничная
Хлеб	186	26804
Лесоматериалы	0,1	345
Продукты питания	139	318
Сахар	223	1
Прочие	977	1178
<i>Всего</i>	1525	28655

Товарооборот вдоль границы России с Китаем и Монголией начал падать в 1917 г. и достиг минимума к 1922 г. Однако в годы гражданской войны некоторое оживление в торговле наблюдалось в районе Забайкалья, куда шли запасы товаров, скопившихся на складах Маньчжурии. Кроме Забайкалья активная торговля продолжалась и в Благовещенске, где в 1920 г. оказались запасы золота, вывезенного из Владивостокского отделения Госбанка. Но с ликвидацией белого движения в Сибири торговые пути были закрыты. Значительные остатки товаров, закупленных в 1919 г. для России, пришлось реализовывать на внутреннем рынке Китая почти до 1925 г., причем по низким ценам. Некоторые американские товары здесь можно было купить дешевле, чем в Америке. Торговля Северного Китая, представленная главным образом русским торговым капиталом, постепенно перешла в руки иностранцев, в основном американцев, японцев и англичан. Многие из русских предприятий, которым удалось сохранить свои капиталы и значение в экономике Северного Китая, перешли под крышу иностранных компаний.

Что касается торговли и товарообмена России с Монголией, то в начале XX в. Они осу-

ществлялись по нескольким сибирским трактам: Кяхтинскому, Тункинскому, Чуйскому и Усинскому.

Кяхтинский тракт начинался от Верхнеудинска (ныне Улан-Удэ) и шел к торговому поселку Кяхта. Он стал главной дорогой из Восточной Сибири на Ургу. До строительства Восточно-Китайской железной дороги по нему перевозили основной объем чая, поступающего в Россию из Китая. Чай был главным транзитным товаром, основной объем которого шел из Китая в Европу через Монголию и Сибирь. Хороший китайский чай как довольно дорогой и малообъемный продукт представлял весьма доходный объект торговли. Он шел обычно из юго-восточной части Китая, из Хань-Коу, через Тянь-Дзин, Пекин, территорию Монголии в Кяхту и Иркутск. С другой стороны, не менее важной доходной статьей транзитной торговли являлся завоз

фабрикатов из Европы в северный Китай через Монголию.

Объем грузооборота на указанных направлениях торговли распределялся в начале XX в. следующим образом: на долю Чуйского тракта (Бийск — Кош-Агач) приходилось около 40% русско-монгольской торговли, на долю Кяхтинского (Верхнеудинск — Кяхта — Урга) — 25%, на долю Тункинского тракта (Култук — Монды — Ханх) — около 20%, остальное приходилось на Усинский тракт (от Минусинска до границы с Монголией).

По всем этим трактам из Монголии в Сибирь доставлялось сырье, в основном шерсть и невыделанные кожи. Из Сибири в Монголию везли хлеб, железо, мануфактуры. Кроме того, по Тункинскому тракту из Монголии перегоняли скот, около 50 тыс. голов ежегодно. Это были овцы (60%), крупный рогатый скот (30%), лошади (10%).

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И МОНГОЛИЕЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ВЗГЛЯД С РОССИЙСКОЙ СТОРОНЫ

История человечества свидетельствует о том, что торгово-экономические отношения между народами и странами всегда были и остаются одним из краеугольных камней всей системы международных отношений и глобальной экономики. Это видно на примере таких стран-соседей, как Россия, Монголия и Китай, которые имеют протяженные общие границы и длительную историю политических, торгово-экономических, культурно-цивилизационных и гуманитарных взаимоотношений. Одним из естественных стимулов установления и развития торговых, культурных и иных отношений между народами России, Монголии и Китая является их принадлежность к различным культурно-хозяйственным типам, культурам и цивилизациям. История взаимоотношений между оседлыми земледельческими народами России и Китая и кочевыми тюркскими и монгольскими скотоводческими народами Центральной Азии насчитывает несколько тысячелетий. Как известно, история торгово-экономических отношений между Россией и Монголией берет свое начало в первой половине XVII в. и к настоящему моменту насчитывает более 400 лет. Поэтому 25-летний период истории начала XX в. представляет собой лишь относительно небольшой, но исключительно важный отрезок многовековой истории русско-монгольских отношений, насыщенный судьбоносными политическими и экономическими событиями.

Новый этап в истории русско-монгольских отношений наступил после 1860 г., когда в соответствии с Пекинским договором между царской Россией и Цинским Китаем, в состав которого входила Монголия, в 1861 г. в ее столице Урге было открыто первое русское консульство и русским купцам было разрешено вести беспоглодную торговлю в Монголии. Царское правительство, русские купцы и предприниматели, особенно сибирские и алтайские, были очень заинтересованы в развитии торгово-экономических отношений с Монголией для получения доступа к дешевым сырьевым, животноводческим, земельным, пушным и минеральным ресурсам Монголии, расширения рынка сбыта российских товаров, укрепления влияния России в Монголии и Китае.

История русско-монгольских торгово-экономических отношений в первой четверти XX в.

очень богата различными политическими и экономическими событиями, которые были зафиксированы и описаны многими русскими путешественниками, дипломатами, учеными и военными, посетившими Монголию во второй половине XIX — начале XX вв. Ценные наблюдения и оценки состояния и перспектив развития русско-монгольских отношений, в том числе торгово-экономических, в конце XIX — в первой половине XX в., содержатся в трудах известных российских путешественников и ученых Н. М. Пржевальского, Г. Н. Потанина, А. М. Позднеева, Г. Е. Грум-Гржимайло, П. К. Козлова и др. Особо следует отметить отчеты участников Московской и Сибирской торговых экспедиций в Монголию в 1910 г., М. И. Боголепова и М. Н. Соболева, отчет русского консула в Монголии Я. П. Шишмарева, а также работы А. П. Свечникова, А. П. Беннигсена, А. П. Болобана, И. М. Майского, А. В. Черных и др. Большой вклад в изучение истории торгово-экономических отношений двух стран в конце XIX — первой четверти XX в. внесли многие российские ученые, в т. ч. Е. М. Даревская, Ш. Б. Чимитдоржиев, А. Н. Хохлов, Е. А. Белов, С. Г. Лузянин, Ю. В. Кузьмин, Е. И. Лиштованный, А. В. Старцев, Н. Е. Единархова и др. Ценными источниками являются воспоминания А. В. Бурдукова, Д. П. Першина, дневники сибирского купца А. Д. Васенева и др. Среди монгольских авторов, следует назвать Н. Магсаржава, Ц. Пунцагнорова, Б. Ширендыба, Б. Лигуу, Т. Намжима, О. Батсайхана, Л. Очирхуяга и др. Торгово-экономические отношения двух стран в разные периоды истории всегда были и остаются одним из основных разделов обобщающих коллективных монографий, в т.ч. совместных трудов советских и монгольских историков «История Монгольской Народной Республики» (1954, 1966, 1983 гг.), «История советско-монгольских отношений» (1981) и др., коллективных трудов монгольских ученых — «История Монгольской Народной Республики» в 3-х томах, «История Монголии» в 5 томах и др. Вместе с тем, несмотря на большую исследовательскую работу, проделанную российскими и монгольскими учеными в XX — начале XXI в., следует признать, что объективная, обобщающая, систематизированная, хронологически последовательная, деидеологизированная, учитывающая все фак-

торы история российско-монгольских торгово-экономических отношений еще не написана и ждет своих исследователей.

Первая четверть XX в. занимает особое место в истории взаимоотношений России и Монголии в рамках «вечного» треугольника Россия — Монголия — Китай. В этот период в России произошли такие важнейшие события, как революция 1905–1907 гг., участие в первой мировой войне, Февральская и Октябрьская революции 1917 г., гражданская война 1918–1920 гг., а в Монголии — национально-освободительная революция 1911 г., восстановление национальной независимости и государственности, национально-демократическая революция в 1921 г., в Китае — «боксерское восстание» в 1900 г., Синьхайская революция в 1911 г., распад Цинской империи, ликвидация монархии, провозглашение Китайской республики и др.

В истории русско-монгольских политических, торгово-экономических, военных и культурно-гуманитарных отношений в первой четверти XX в. можно выделить следующие вехи: 1) 1900-декабрь 1911 г. — заключительная фаза русско-монгольских отношений в рамках пребывания Внешней Монголии в составе Цинской империи; 2) декабрь 1911–1915 гг. — изгнание монголами представителей маньчжурско-китайской администрации, китайских торговцев-ростовщиков с территории Внешней Монголии, провозглашение отделения Монголии от Китая, восстановление монгольской национальной государственности, возведение Джебдзундамба-хутухты на престол богдо-хана, главы теократического государства Монголия, введение нового летоисчисления, переговоры между представителями России, Монголии и Китая о правовом статусе и границах Монголии, подписание русско-монгольского Соглашения о дружбе и приложенного к нему протокола о правах русских подданных в Монголии в октябре 1912 г., укрепление политических и экономических позиций царской России в Монголии, Кяхтинское трехстороннее соглашение об автономном статусе Внешней Монголии в составе и под сюзеренитетом Китая; 3) 1915–1919 гг. — русско-монгольские отношения в период существования автономной богдоханской Монголии, Октябрьская революция в России в 1917 г. и ее влияние на Монголию, отказ Советской России от прежних неравноправных договоров царской России, попытки установления прямых равноправных отношений между Советской Россией и богдоханской Монголией; 4) 1919–1921 гг. — вторжение китайских войск и ликвидация автономии Монго-

лии, новая волна активизации национально-освободительной борьбы монгольского народа, вторжение Азиатской конной дивизии барона Унгерна из Забайкалья на территорию Халхи, разгром войсками Унгерна китайских войск, взятие Урги, восстановление Унгерном теократической монархии богдо-хана, образование в Урге первых двух революционных кружков, создание Монгольской народной партии, установление ею связей с представителями Советской власти и Коминтерна в Сибири, получение политической, военной и другой помощи от Советской России и Коминтерна в разгроме белогвардейских оккупантов на территории Внешней Монголии, разгром китайских войск частями монгольской народной армии в Алтанбулаке, победа национально-освободительной революции в 1921 г., провозглашение народной власти; 5) 1921–1925 гг. — подписание Соглашения об установлении дружественных отношений между правительством Советской России и народным правительством Монголии от 5.11.1921 г., расширение и укрепление политических, торгово-экономических и других связей с Советской Россией, подписание первого торгового соглашения между СССР и Монголией в 1923 г., советско-китайское соглашение от 31 мая 1924 г. о признании Монголии составной частью Китая, протест правительства Монголии, провозглашение Монгольской Народной Республики в 1924 г. Эти политические события оказывали свое противоречивое влияние на торгово-экономические отношения между Монголией и Россией. В зависимости от международной и внутренней ситуации в России, Монголии и Китае эти отношения переживали кратковременные периоды подъемов и спадов.

После 1860 г. и до начала XX в., несмотря на доминирующее положение и конкуренцию со стороны китайского торгово-ростовщического капитала, на препятствия, чинимые цинской администрацией, товарооборот русско-монгольской торговли вырос с 218,2 тыс. до 16,9 млн р. в 1900 г., или почти в 80 раз. Однако в следующие 10 лет до провозглашения независимости Монголии от Цинского Китая в 1911 г. наблюдалась тенденция к снижению.

В начале XX в. в Монголии насчитывалось около 70 русских торговых фирм. При этом в Монголии действовали около 500 китайских фирм. По данным И. М. Майского, в 1919 г. в Монголии насчитывалось около 75 тыс. китайских и около 5 тыс. русских торговцев. То есть, соотношение между численностью русских и китайских торговцев в Халхе было 1:15. По данным известного монгольского экономиста Т. Намжима, в начале XX в. доля России во

внешнеторговом обороте Монголии составляла около 25 %, в том числе в экспорте — 40 % и в импорте — всего 5 %.

Обращает на себя внимание, что спустя 100 лет, доля России во внешнеторговом обороте Монголии составила лишь 17,3 %, в том числе в импорте — 27,4 % и в экспорте — всего 1,8 %, а доля Китая соответственно — 56,3 % в общем товарообороте, в т. ч. в экспорте — 92,6 % и импорте — 27,6 %. На протяжении 70 лет (1921–1990 гг.) СССР имел доминирующие позиции во внешней торговле и экономике Монголии. Так, в 1990 г. доля СССР во внешней торговле МНР составляла 77,8 %, в т. ч. в экспорте — 78,3 % и в импорте — 77,5 %. В конце XX — начале XXI в. Россия утратила свои прежние позиции во внешней торговле и экономике Монголии и сейчас конкурирует с Китаем и другими державами за их сохранение. При этом позиции Китая и других стран — «третьих соседей» (США, Японии, Великобритании, Германии, Канады, Южной Кореи, Турции) Монголии продолжают укрепляться.

21.10.1912 г. после переговоров между полномочным представителем правительства России, дипломатом И. Я. Коростовцом и монгольским правительством было подписано русско-монгольское Соглашение о дружбе. В соответствии с ним Россия признала право Монголии на сохранение своего строя, самоуправления в рамках национальной автономии в составе Китая и обещала оказать помощь в создании собственной армии европейского образца, в недопущении ввода китайских войск на территорию Внешней Монголии и колонизации страны китайскими переселенцами. К Соглашению был приложен Протокол, где были прописаны права и привилегии русских подданных, торговцев и промышленников в Монголии. В 1912–1915 гг., после изгнания монголами китайской администрации, торговцев и ростовщиков с территории Внешней Монголии, провозглашения независимости Монголии и создания теократического государства во главе с богдо-ханом Джебдзундамба-хутухтой VIII для русских торговцев и промышленников в Монголии открылись исключительно благоприятные возможности для завоевания монгольского рынка, однако эти возможности не были использованы. В условиях начавшейся первой мировой войны русская торговля и промышленность оказались не в состоянии заменить китайскую в Монголии и удовлетворить потребности монгольского рынка. В 1912–1915 гг. импорт русских товаров из России удовлетворял лишь 30–35 % потребностей монгольского рынка. В 1913–1915 гг. объем русско-монгольской

торговли вырос с 11 млн р. до 13,9 млн р., или на 26,4 %. О масштабах русско-монгольской торговли дают представление некоторые статистические данные. Так, в 1912–1913 гг. русские торговцы перегнали из Монголии в Россию только на байкальском направлении более 132 тыс. крупного и более 190 тыс. мелкого рогатого скота, вывезли тарбаганы шкурки на сумму 448,5 тыс. р., шкуры крупного рогатого скота и лошадей — на 393,8 тыс. р., овчину — на 359,7 тыс. р., овечью шерсть — на 135,6 тыс. р., верблюжью шерсть — на 141,8 тыс. р. В первой четверти XX в. торгово-экономические отношения между двумя странами не ограничивались только одной торговлей. Они охватывали такие сферы деятельности, как внешние займы, создание регулярной национальной армии, сотрудничество в налаживании государственного управления финансами и экономикой Монголии, организация экономического обследования страны, попытка создания Монгольского национального банка, создание русских предпринимательских объединений, товариществ и акционерных обществ по разработке природных ресурсов Монголии и др. По просьбе правительства Внешней Монголии в 1913–1914 гг. Россия предоставила 3 беспроцентных кредита на общую сумму свыше 5 млн р. на организацию национальной армии и административного аппарата, на улучшение финансов, скотоводства, земледелия, горного дела и др. Для осуществления контроля за использованием предоставленных займов по назначению и оказания помощи в налаживании финансов и бюджета Монголии в 1914 г. был командирован чиновник министерства финансов России С. А. Козин. За время своей работы в Монголии (1914–1917 гг.) С. А. Козин осуществил ряд мероприятий по упорядочению государственных финансов, созданию единой бюджетной системы, выявлению и использованию новых источников доходов, также в 1914 г. был составлен первый бюджет монгольского государства, в 1916 г. было создано «Управление государственным имуществом» и др.

Русские промышленники создавали в Монголии предприятия по первичной обработке животноводческого сырья, шерстомойки, салотопенные, мыловаренные, кожевенные, лесопильные, золотодобывающие предприятия. В 1919 г. в Монголии насчитывалось около 100 русских шерстомоек, 20 кожевенных предприятий. В начале XX в. в Монголии действовали отделения Русско-Китайского и Русско-Азиатского банков. В 1915 г. был создан первый Монгольский национальный банк, который наметил широкие планы развития, но им

не было суждено осуществиться и вскоре банк прекратил свое существование. С участием российских специалистов были разработаны несколько вариантов строительства железных дорог из России в Китай через Монголию (которые не были реализованы). В 1900 г. было создано первое русское АО «Монголор» для разработки месторождений полезных ископаемых Монголии, прежде всего золота. За время своего существования АО «Монголор» (1900–1918 гг.) добыло 10 т золота на общую сумму 10,5 млн р. Общество «Монголор» платило правительству богдо-ханской Монголии рентную плату в размере 16,5% объема добытого золота. Общий объем российских капиталов во Внешней Монголии составлял 11 млн р., в том числе 5 млн р. государственных и 6 млн р. частных предприятий. Как отмечали русские путешественники, дипломаты, военные и гражданские исследователи, отношение монгольского населения к русским торговцам и предпринимателям было более лояльным и доброжелательным по сравнению с китайскими торговцами-ростовщиками. В 1915 г., в ходе первой мировой войны царское правительство с целью использования Монголии для обеспечения потребностей Сибири в мясе создало Монгольскую экспедицию (Монголэкс) во главе с известным путешественником, генералом П. К. Козловым. Экспедиция работала в Монголии в 1915–1918 гг. и перегнала из Монголии 237 тыс. голов крупного скота и 60 тыс. голов овец. После заключения Кяхтинского русско-китайско-монгольского соглашения от 25.05.1915 г., которое легализовало возвращение китайского торгового капитала в Монголию и уравнило его в правах с русскими купцами и промышленниками, позиции русского капитала ослабли, а китайский капитал вновь стал доминировать в поставках товаров на монгольский рынок и вывозе монгольского сырья.

Качественно новый этап в развитии торгово-экономических отношений между Россией и Монголией начался после победы Октябрьской революции в России в 1917 г., победы Монгольской национально-демократической революции в 1921 г., подписания Соглашения о дружественных отношениях между Россией и Монголией от 5.11.1921 г. и дополнительного протокола к нему об отказе правительства РСФСР от концессий и экономических привилегий царского правительства. В целях поддержки Народного правительства Монголии Советское правительство безвозмездно пере-

дало в дар монгольскому народу здания и оборудование русских телеграфных контор, находившихся на территории Монголии. Советская Россия аннулировала все старые долги Монголии (более 5 млн р.), отказалась от всех концессий и привилегий царской России и передала часть русской собственности и недвижимости на территории Монголии в собственность монгольского государства. Более того, с 1922 г., она начала предоставлять Монголии льготные кредиты (в 1922 г. — 1 млн р.). В 1924 г. был создан Монгольский торгово-промышленный банк, учредителями которого стали со стороны Монголии — Министерство финансов, со стороны СССР — Народный комиссариат финансов и Государственный банк. 31.05.1922 г. между РСФСР и Монголией был подписан Протокол по имущественным вопросам, которым были урегулированы вопросы, связанные с русской собственностью и недвижимостью на территории Монголии. В частности, в соответствии с ним все движимое и недвижимое имущество лиц, бежавших при освобождении Монголии а также имущество лиц, принимавших участие в действиях общих врагов РСФСР и Монголии, было передано монгольскому правительству. В середине 1923 г. в Урге было подписано первое советско-монгольское соглашение о торговле. В истории Монголии это было первое соглашение о равноправных торгово-экономических отношениях с иностранным государством. В соответствии с этим соглашением на территории Монголии стали действовать советские торговые организации — Центросоюз, «Сибгосторг», «Дальгосторг» и другие, которые тесно сотрудничали с Монценкоопом и другими монгольскими организациями на основе принципа наибольшего благоприятствования.

Таким образом, в 1921–1925 гг. были заложены основы для интенсивного развития торгово-экономических отношений между СССР и Монголией. В целом же первая четверть XX в. характеризовалась постепенным расширением торгово-экономических связей между Россией и Монголией, укреплением политического и экономического влияния сначала царской России (1900–1917), а затем и советской России в Монголии, существенными изменениями в характере, формах и объемах торгово-экономических отношений, становлением и развитием нового монгольского государства при всесторонней помощи СССР, постепенным усилением политической и экономической зависимости Монголии от России и ее помощи.

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И МОНГОЛИЕЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ВЗГЛЯД С МОНГОЛЬСКОЙ СТОРОНЫ

Российско-монгольские торговые отношения

Забайкалье в системе русско-восточных отношений выполняло важнейшую функцию плацдарма продвижения России в Монголию и Китай, способствуя улучшению межгосударственного общения. Центром русско-китайского монгольского товарообмена еще с XVIII в. был г. Кяхта, однако товары пусть в неизмеримо меньшем количестве проходили и через другие пункты, в частности через Акшу. Активизация приграничного сотрудничества способствовала введению в 1860 г. 50-верстной беспопышной зоны вглубь обеих территорий, что в некотором смысле размывало русско-монгольскую границу. Хотя следует помнить о том, что эта государственная преграда всегда была проницаемой для народов, проживающих вдоль нее. Тогда удельный вес Монголии в торговых отношениях с Россией был невелик и колебался от 0,84 до 15% от всего российского импорта. Поскольку в 1912 г. «в Монголии обрабатывающей промышленности почти не существует, и несложные нужды монголов в предметах промышленной продукции удовлетворяются привозными готовыми изделиями и товарами», и «так как кроме войлока и ремней монголы для себя ничего не умеют делать,.. им приходится покупать самые необходимые вещи для домашнего обихода». В Монголию ввозили сукна, бумажные и шерстяные изделия, плис, юфть, кораллы, медь, железо и различные предметы из них: от гвоздей, буравчиков, бритв и пуговиц до кухонной посуды и мелкой галантереи.

В связи со снижением вывоза чая на рубеже веков, г. Кяхта во все большей степени стал обращать внимание на Монголию, что выразилось в увеличении товарооборота. Более 80% монгольского экспорта составляли продукты животноводства и скот, достигая в отдельные годы 90% всего экспорта. На протяжении десятилетий в г. Троицкосавске бесперебойно работала скотобойня. Из Монголии перегонялся крупный рогатый скот, бараны и лошади, третья часть которых специально для г. Кяхты и Троицкосавска. Экспорт монгольского скота постоянно увеличивался: стоимость пропущенных через Кяхту животных в 1897 г. увеличилась в

3,1 раза (по отношению к 1865 г.), а в 1913 г. — еще в 2,9 раза. Как отмечал Троицкосавский полицеймейстер Н. Чайкин в рапорте № 2524 военному губернатору 20.04.1911 г., «монгольский скот всегда служит продуктом, продовольствующим» для г. Троицкосавска с его слободами. В большом количестве он угонялся в Троицкосавский, Селенгинский, Верхнеудинский уезды, а оттуда в зимнее время мясо вывозилось в разные местности Забайкалья и Приамурья. И добавлял: «без монгольского мяса Забайкальский и Приамурский край обходиться не могут».

В целях подготовки и покупки мяса в Монголии, необходимого для обеспечения мясом российской армии, воевавшей на фронтах Первой мировой войны в 1915 г., была отправлена первая «Монгольская экспедиция». Эта экспедиция в 1915–1918 гг. размещаясь на территории Монголии имела монопольное право для заготовки мяса и отправления живого скота в Россию. Заготовкой мяса и отправкой живого скота занимались купцы из гг. Иркутска, Верхнеудинска и Западной Сибири. И. М. Майский в своей заметке написал: «число скота, переправленного этой экспедицией, достигло 100 млн голов, за них русские заплатили 10 млн р.». В то время Монголия в российском импорте животноводческого сырья занимала второе место после Германии, первое — по живому скоту, а по конскому волосу, овчинной шерсти, рогам и копытам животных — второе, по необработанной коже — третье. Из продуктов скотоводства ежегодно ввозились сырые скотские кожи и шкурки (до 50 тыс.), коровье масло (до 3 тыс. пуд.) и сало (до 5 тыс. пуд.). С открытием вблизи г. Кяхты стеаринового завода «Георгия Осокина и К°» вывоз сала из Монголии доходил до 40 тыс. пуд. Спросом пользовались овечья и верблюжья шерсть, тарбаганы шкуры (для шитья рукавиц). Статями импорта России становились: монгольское сено, дрова и строевой лес. Жители Троицкосавска, расположенного в месте с довольно скудной природой, были крайне заинтересованы в них. За последнее десятилетие XIX в. доля этих товаров в кяхтинско-монгольской торговле увеличилась в 2,5 раза. Рубка леса в Монголии производилась по соглашению. Отмечалась дифферен-

циация в условиях оплаты: арендная плата за участки леса, вырубавшегося для строительства, устанавливалась в размере 20–60 р., лесины на балки оплачивались поштучно, дрова — 30–40 к. Вырубался исключительно сосновый лес. Для пограничных крестьян такие условия были более выгодными, чем в Забайкальском лесничестве. Довольно часто для вывозки леса крестьяне прибегали к услугам монголов. Как пишет в своих воспоминаниях Ю. Д. Талько-Грынцевич, плата за собственно лес даже самого высшего качества не взималась — монголы его «считали общим добром», поэтому оплачивалась только работа — рубка и перевозка, правда стоимость работ постепенно возрастала. Происходило это еще и потому, что по причине не прекращавшихся пожаров постоянно сокращались лесные площади не только вокруг Троицкосавска, но и Северной Монголии. По официальным данным из Монголии в Кяхту в 1890-х гг. в среднем ввозилось 24–25 тыс. возов дров и 8–9 тыс. ед. строевого леса на сумму около 76 тыс. р., в 1910-х гг. — 32–33 и 10–11 тыс. соответственно на сумму в 31 тыс. р. Сено и лес заготавливались для бытовых целей на продажу. Русские и буряты приобретали сенокосные участки в долинах р. Орхон, Селенга, Иро, Букулей и Киран. Сенокосный пай обходился русскому арендатору в 3–5 р., косили преимущественно сами покупатели. Почти две трети всего сена, накашиваемого в ближайшей полосе Монголии, использовалось в Троицкосавске и Кяхте. В 1890-х гг. из Монголии вывозилось до 28 тыс. возов сена (74,5 тыс. р.), в 1910-х гг. — 19–20 тыс. возов (43 тыс. р.).

Живя длительное время вблизи друг от друга русские хорошо изучали традиции монгольского народа и, «во избежание неприятностей и не желая обострений», старались по возможности не охотиться вблизи дацанов, в особенности в дни буддийских праздников. Торговля Забайкалья с монголами приграничной полосы имели не только экономическое, но и стратегическое и в определенной степени культурное значение.

Рыбопромышленники обыкновенно уплачивали монголам за право ловли 10–15 р. За каждый приезд, любители же, как и ружейные охотники, рыбачили бесплатно, одаривая изредка монголов или чаем, или чем-либо из съестного. Сами монголы рыбной ловлей не занимались и как буряты, очень редко употребляли рыбу в пищу. Близость к границе обширных угодий давала русскому и бурятскому насе-

лению подспорье в хозяйстве. Буряты нередко заходили со своими табунами на монгольские пастбища, а русские часто отдавали своих лошадей на прокорм монголам и в большинстве случаев бесплатно. Жившие на границе нередко вывозили из Монголии гуджир и самосадочную соль. Являясь основным консервантом, соль в Забайкалье вырабатывалась в количестве, не удовлетворявшем бытовые потребности населения. Так, в 1892 г. было выработано 25 763 пуд.; в то время как в Иркутской губернии — 383 383 пуд. При стоимости в полтора раза ниже, цена пуда соли в забайкальском казенных магазинах достигла 1 р. 40 к. (1892 г.). Поэтому монгольская бесплатная соль была незаменима.

В 1901 г. первый директор института Востоковедения (г. Владивосток) Д. М. Позднеев совершил поездку в китайский г. Калган для выполнения поручения «О собрании данных и подготовке материалов, необходимых для переговоров по делу об установлении нового тарифа китайских морских таможен», также ему надлежало установить маршрут предстоящей поездки по Китаю. Калган представлял собою пограничный пункт Китая с Монголией, посреди которого проходила Великая стена, разделяющая Калган на две части — китайскую «Шань-бу» и монгольскую «Ямбо-шань». В последней части проживали русские, имея в основном дела с монголами. Монголы всегда предпочитают оставаться за стеной вблизи русских, куда из-за коммерческих расчетов перешли китайцы, и образовали целый торговый пригород из лавок и складов. С именно этими китайцами и вели дела монголы и русские, причем «Ямбо-шань» в отношении к русской ввозной торговле подчиняется статье 12 Санкт-Петербургского договора 1881 г., на основании которого русским подданным предоставлялось право торговать беспошлинно в подвластной Китаю Монголии. Д. М. Позднеев указывает на взаимовыгодные отношения в деле чайной торговли между русскими и монголами: «В Калгане русские фирмы сохраняют полную уверенность, что в случае, если в Кяхте не будет налажено запретительных пошлин на чай, провозимый через Монголию, им удастся удержать в своих руках если не все количество, то весьма значительную часть чайных грузов, идущих этим путем. Уверенность эта проявляется у них на следующих двух направлениях: во-первых, в прежние годы в Монголии занимались перевозкой чая до 65 тыс. верблюдов, провозилось до 600 тыс. ящиков чая, за которые россий-

ские чайные фирмы выплачивали монголам до 3 млн лан». Когда из-за Боксёрских волнений произошли случаи прекращения движения грузов чая через Кяхту, в податях оказалась поголовная недоимка, никакого заработка не существует, распродавать хозяйство некому, да и такая распродажа грозит полнейшим разорением/ Необходимо при этом принять во внимание чрезвычайную задолженность монголов китайским банкирам, требующим уплаты процентов и погашения капитала. С возобновлением перевозок чайных грузов через Монголию наблюдалось снижение расценок за них: монголы взяли перевозку чая по 1,2–1,25 лан, а раньше они брали за то же расстояние 4,8–5 лан. «Через Калган прошло больше 200 тыс. ящиков и хотя, эта сумма почти втрое меньше прежней, когда-то через Монголию провозилось до 600 тыс. ящиков, но и она уже ясно доказывает, что без борьбы избитый чайный тракт заброшен не будет».

Формирование политики России в отношении Внешней Монголии происходило в ракурсе борьбы различных факторов. Россия была связана с Китаем и Японией рядом соглашений, и не могла признать независимость Монголии, однако убеждала монгольскую сторону, что выступит в качестве посредника между Китаем и Монголией, а также согласится оказать Монголии дипломатическую поддержку. В августе 1912 г. в Урге был подписан русско-монгольский договор, по которому царская Россия фактически признала монгольское феодально-теократическое государство. Этот договор предусматривал гарантии со стороны России автономии Халхи в составе Китая. Россия и Монголия сошлись на положении широкой автономии, хотя первоначально провозглашение Монголией независимости воспринималось со стороны китайских властей как акт сепаратизма и вызвало резкие протесты. Заключение Соглашения со стороны России — как вмешательство во внутренние дела Китая. Тем не менее, Россия свою позицию в отношении Монголии не только сформировала, но и оформила в указанном соглашении.

Таким образом, российско-монгольские торговые отношения имели взаимодополняемый характер, с российской стороны монгольской стороне поставлялись готовые товары широкого потребления, а с монгольской: мясо, пушнина, шерсть, кожа, козий пух, субпродукты животноводческого происхождения. При этом следует сделать вывод о том, что импорт монгольского мяса сыграл свою роль не только

в обеспечении продовольственной потребности приграничных районов, но и крупных регионов. Кроме того, монголы оказывали транспортные услуги (в современных терминах) по перевозке чая через территорию Монголии из Китая в Россию.

В 1920 г. китайский фактор играл важную роль в росте торгово-экономических отношений между Советской Россией и Монголией. Во-первых, события и преобразования, происходящие после Октябрьской революции, вызвали снижение влияния России в Монголии, что открывало возможность укрепления утерянных позиций Китая в Монголии. Благодаря чему Китай устранил в 1919 г. автономию Внешней Монголии. Об этом И. Майский написал: «В связи с Первой мировой войной, Октябрьской революцией, Гражданской войной ослабло российское влияние в Азии и укрепилось китайское влияние, что вызвало трудности в развитии российско-монгольских торговых отношений. Это принуждало Россию предпринять решительные внешнеполитические и экономические меры по отношению к Монголии. Во-вторых, в ходе длительных и сложных переговоров между Россией и Китаем по признанию независимости Внешней Монголии Китаем российская сторона большое значение уделяла в формировании своего союзника, находящегося вдоль границы с протяженностью 3,5 тыс. км». Об этом пишет С. Г. Лузянин: «Коминтерн считал, что Монголия является главным стратегическим коридором для проведения политики по отношению к Китаю». Таким образом, Монголия становилась одним из важных направлений внешнеполитической и внешнеэкономической политики Советской России, на что пристальное внимание обратились большевистские руководители этой страны. Следует отметить, что после победы Народной революции в Монголии «Договор дружбы и сотрудничества между Советской Россией и Монголией», заключенный в 1921 г., сыграл важную роль в достижении совершенно нового уровня развития торгово-экономических отношений между Советской Россией и Монголией. Торговые отношения были началом в развитии и расширении двухсторонних экономических отношений. Двухсторонняя торговля явилась одним из ключевых факторов социально-экономического развития страны и укрепления монгольского государства. Через взаимную торговлю осуществлялось сотрудничество экономик двух стран, что послужило укреплению межгосударственных отношений в целом.

Торгово-экономические отношения развивались на основе договора между Советской Россией и МНР, заключенного в 1923 г., согласно которому расширяли свою деятельность уже функционирующие предприятия такие как «Центросоюз», «Сибгосторг», «Дальгосторг» и совместные организации «Шерсть» «Представительство кожевенного завода». В тот момент, когда вновь созданное монгольское государство не справилось с задачей ведения внешней и внутренней торговли, русские предприятия, функционировавшие на территории Монголии, способствовали развитию двухсторонней взаимовыгодной торговли, созданию национальной и вытеснению ростовщической иностранной торговли. В результате этого Россия стала единственным покупателем монгольского мяса и животноводческого сырья. Советское торговое представительство в г. Улан-Баторе координировало не только торговую деятельность советских предприятий, но и управляло оказанием помощи и поддержки экономическому и культурному развитию Монголии. Они установили устойчивую цену на товар и сырья и согласовали свою деятельность с деятельностью Кооператива взаимопомощи Монголии, оказывая помощь доставке товаров в центр страны. В целях расширения двухсторонней торговли Советская власть в 1924 г. отменила лицензию на торговлю с Монголией. Народная власть Монголии всячески поддерживала сотрудничество советских торговых предприятий с монгольским Кооперативом взаимопомощи и предприняла меры, требующие от иностранных фирм установления цены на свои товары, ниже цены советских товаров. Монголии вложила 750 тыс. р. в качестве учредителя совместной организации «Шерсть». В 1925 г. Монголия открывала торговое представительство в Москве. В первые годы функционирования советских предприятий в Монголии они за короткий срок сумели укрепить свои позиции. Объем верблюжьей и овечьей шерсти, купленный в 1924 г. советскими торговыми фирмами в Монголии в 3 раза превысил объем закупок шерсти китайскими, американскими и английскими фирмами.

В результате всесторонних мер, предпринятых Центральным комитетом МНРП, Правительством Монголии по устранению всех препятствий, тормозящих развитие советско-монгольской торговли и расширению деятельности советских торговых фирм, в 1926 г. Доля Советского Союза достигла 22,4% в общем объеме импорта Монголии. По соглашению

«О развитии экономического сотрудничества» между Правительством Советской власти и Правительством МНР (1920 г.), страна получила право на транспортировку товаров по льготному тарифу на территории СССР. Советская сторона оказывала всестороннюю помощь монгольскому Кооперативу взаимопомощи, что было важно для расширения двухсторонней торговли.

Народная власть вела ожесточенную борьбу против иностранных ростовщических фирм, которые занимали в 1924 г. 86% внешнеторгового товарооборота Монголии. Например, объем товарооборота таких иностранных фирм как «Бидерман ба Роберт Шмидт», «Бренер Бросс», «Вильсон», англо-американская табачная фирма «ВАТ К°», «Содружество немецкой торговли в Монголии», «Джозеф-Ульман» за год составлял сотни тысяч долларов США. Иностранные фирмы оказывали сопротивление укреплению торгово-экономических отношений между Советским Союзом и МНР. Они распространяли клевету в адрес советских товаров, что они имеют низкое качество и не соответствуют образу жизни и буддийской религии монголов. Представители китайских ростовщических фирм неоднократно обращались к китайским военным, чтобы они выгнали советские фирмы из Монголии.

Таким образом, русско-монгольские торговые отношения прошли нелегкий путь своего развития, подвергаясь серьезным испытаниям. Кроме того, из-за экономической отсталости страны, социально-экономическое развитие МНР происходило очень непросто. Однако ежегодно рос объем товарооборота между СССР и МНР, ослаблялись позиции иностранных ростовщических фирм. Объем товарооборота между СССР и МНР в 1924 г. достиг 5,1 млн р. При этом в 1924 г. СССР занял 13,7% в монгольском экспорте, 13,4% в монгольском импорте.

Торгово-экономические отношения между СССР и МНР

Самыми важными отраслями для развития советско-монгольских торгово-экономических отношений были промышленность, строительство, транспорт и связь. В первые годы после революции в Монголии не было возможности создания и развития национальной промышленности. Новая Монголия преемствовала от прежнего общества только несколько малых предприятий. Поэтому вопрос создания на-

циональной промышленности являлся неотложной задачей. При этом в стране не было ни специалистов, ни финансовых средств для создания промышленной базы. Кроме того, животноводство, являвшееся основной отраслью экономики, было неэффективным и неспособным аккумулировать денежные накопления для развития экономики, а напротив само требовало немалых финансовых вложений.

В программе МНРП (1923 г.) была определена экономическая политика страны. В ней указывалось на необходимость всесторонней поддержки развития обработки животноводческого сырья, горнодобывающей отрасли, транспорта и связи. Промышленность стала приоритетной и перспективной отраслью для экономики страны. Задача промышленности заключалась в обработке сырья природных ресурсов и выполнении вспомогательной функции для развития животноводства. Таким образом, промышленная политика Монголии была направлена на огосударствление малых предприятий, принадлежащих иностранным фирмам и феодалам, создание малых и средних предприятий, а также формирование финансовых накоплений, необходимых для создания больших промышленных предприятий. В первой половине 1920-х гг. были национализированы кожевенный завод «Алтанбулаг», «Государственная типография», «Улан-Баторская электростанция малой мощности», угольная шахта «Налайх», в которых были осуществлены ремонтно-восстановительные работы.

В первые годы после революции для создания и восстановления малых предприятий возникла необходимость получить поддержку и помощь со стороны СССР. При создании национальной промышленности МНРП проводила политику на недопущение развития частной собственности. Эту политику провозгласил III съезд МНРП: национальная промышленность будет развиваться в совместной форме собственности государства и кооперативов.

В 1924 г. был создан совместный промышленный банк СССР и МНР. Создание совместных организаций способствовало переходу торгово-экономических отношений от сферы двухсторонней торговли к сфере совместного промышленного производства. При создании совместных хозяйственных организаций две стороны вложили свои доли, советская сторона вкладывала большую долю этих средств и поставляла машины, оборудование технику и технологии, необходимые для этих организаций. Кредит, предоставленный СССР Мон-

голии, стал важным средством для развития производительных сил МНР. Для выпуска национальной валюты в обращение в декабре 1925 г. Правительство МНР получило через Монголбанк кредит 750 тыс. р. из СССР. Выпуск национальной денежной единицы в обращение является одним из важных факторов вытеснения из обращения иностранных денежных единиц, которые усложняли экономическое состояние страны, имели ростовщическую цель и выводили национальное богатство за рубеж.

При финансовой помощи СССР МНР, опираясь на государственный банк и национальную денежную единицу, в первой половине 1920-х гг. провела налогово-бюджетную, таможенную и денежно-кредитную реформу, и создала единую финансовую систему страны. Эта система стала мощным оружием обеспечения некапиталистического пути развития, возрастания руководящей роли МНРП, повышения благосостояния населения. Опираясь на помощь СССР, в июле 1925 г. была создана первая транспортная организация «Монгол-транс». Эта организация управляла пассажирско-грузовым транспортом, строительством автодорог и мостов, развитием автомобильного транспорта в стране. СССР оказал большую помощь созданию и укреплению материально-технической базы транспортной организации «Монгол-транс». При этом советские транспортные организации «Совторгфлот», «Сэлэнгинский департамент тепловозов» обеспечивали техникой и оборудованием, горючесмазочными материалами, необходимыми для транспортной организации «Монгол транс». В 1926 г. в г. Улан-Баторе была создана автозаправочная станция и построена автодорога «Улан-Батор — Алтанбулаг». В 1924 г. заключен договор «О прямом обмене телеграфами». В результате этого в 1923–1926 гг. при помощи СССР построена линия связи «Улан-Батор — Улиастай — Улаангом — Ховд — Эндэрхаан». 1.09.1923 г. при Министерстве финансов МНР были созданы противочумная станция и санитарно-ветеринарная лаборатория. Благодаря финансовой, технической и организационной помощи СССР был создана санитарно-ветеринарная служба страны, которая начала борьбу против чумы и разных родов болезней животных.

Со середины 1920-х гг. с помощью советских специалистов на территории страны начались работы по поиску полезных ископаемых, источников воды, исследованию почвенного по-

крова, растительного и животного мира. Кроме того, СССР оказывал помощь развитию сельского хозяйства, в т. ч. земледелия, обеспечивал необходимой техникой и технологиями, готовил рабочие кадры. Более того, с конца 1920-х гг. началось интенсивное сотрудничество в сфере науки, образования и культуры, что способствовало подготовке рабочей силы и специалистов, улучшению уровня благосостояния монгольских граждан, а также социально-экономическому развитию МНР.

Таким образом, в первой четверти XX в. следует разделить российско-монгольские торговые отношения на два этапа: первый — (1900–1921 гг.), второй — (после 1921 .).

На первом этапе российско-монгольские торговые отношения имели приграничный характер, а не межстрановой. Они выполняли вспомогательную функцию для российско-китайских торговых отношений. Структура двухсторонней торговли ограничивалась незначительным количеством товаров и полуфабрикатов со стороны монголов. Монголы пере-

возили товары и чай из Калгана на российскую границу.

На втором этапе советско-монгольские торговые отношения расширялись и стали торгово-экономическими отношениями. Они направлялись на строительство фундамента промышленности, торговли и снабжения, что явилось основой создания экономики МНР. На этом этапе организована подготовка рабочих и специалистов, появились первичные обрабатывающие предприятия, перерабатывающие животноводческое сырье, образованы совместные банковско-финансовые организации, необходимые для вытеснения иностранных финансовых структур.

Особенность советско-монгольских торгово-экономических отношений заключалась в том, что они строились на принципах взаимной выгоды, взаимопомощи, соблюдения интересов обеих сторон. Эти отношения сыграли важную роль в создании производительных сил, социально-экономическом, научно-техническом и культурном развитии МНР.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХ В МОНГОЛИИ

В конце XIX — начале XX в. существенно меняется геополитическая ситуация на Дальнем Востоке. Это было связано, прежде всего, с дальнейшим ослаблением Цинской империи, которая становится объектом притязаний как европейских государств (Англия, Франция, Германия), так и Соединенных Штатов Америки. Идет борьба за сферы влияния в Китае, в которую включаются и ближайшие соседи Китая — Россия и Япония. Россия, воодушевленная экономическим подъемом 90-х гг. XIX в., переходит к активной наступательной политике на Дальнем Востоке, что приводит к ее столкновению с рвущейся на материк капиталистической Японией. Наиболее острые противоречия между Россией и Англией на Дальнем Востоке были урегулированы в ходе переговоров, и 28.04.1899 г. было подписано русско-английское соглашение о разделе районов железнодорожного строительства в Китае. Россия взяла на себя обязательство не требовать железнодорожных концессий в бассейне реки Янцзы (сфера влияния Англии), а Англия — к северу от Великой Китайской стены. Таким образом, Маньчжурия и Монголия, признавались сферой влияния России.

После поражения России в Русско-японской войне 1904–1905 гг. в течение 1907–1910 гг. между этими странами были подписаны соглашения, разграничившие их влияние на Дальнем Востоке. Приоритетными «зонами» России стали Северная Маньчжурия и Внешняя Монголия. Внутренняя Монголия, Южная Маньчжурия и Корея остались за Японией. Что же касается Цинского Китая, то он вовсе не собирался сдаваться на милость победителей и стремился закрепиться в тех районах, которые всегда считал своими, колонизируя эти земли.

Внешняя Монголия не была пассивным объектом политики России, Китая и Японии. Монгольская элита не только сумела противостоять давлению с юга и севера, но и сформировала адекватный эффективный курс в ответ на угрозу китайской ассимиляции. Эта политика базировалась на таких факторах, как умелое маневрирование в русско-китайских отношениях и использование противоречий между Россией и Китаем; традиционно-приоритетная ориентация на Россию; возрождение идеологии панмонголизма и превращение ее в действенное средство борьбы за монгольскую

государственность и суверенитет; использование в своих интересах таких внутривосточных осложнений в самом Китае, как; развал Цинской империи и начало Синьхайской революции 1911–1913 гг. Под влиянием этих событий 1.12.1911 г. была провозглашена независимость Внешней Монголии, а 29.12.1911 г. было создано монгольское теократическое государство. События в Монголии вызвали широкий отклик в России.

Начиная с 1911 г. во Внешней Монголии увеличивается число русских консульств, они открываются в Кобдо, Шарасумэ, кяхтинском Маймайчэне. В Хатхыле и Ульзунском карауле появляются консульские агенты. В 1912 г. учреждается должность агента Министерства торговли и промышленности. В 1913 г. Генеральный консул в Монголии становится еще и дипломатическим агентом. При правительстве Автономной Монголии появляются русские советники, переводчики и т. д. Первым на должность агента Министерства торговли и промышленности был назначен А. П. Болобан, активно включившийся в изучение торгово-экономического положения Монголии. Он изучил китайские банки и кредит, сравнил их с русскими кредитными учреждениями. Это позволило ему сделать вывод о том, что даже самый крупный китайский банк в этой стране представляет собой меняльную лавку. Совершив поездку в Северный Китай, он познакомился с Калганом и ролью этого китайского города в жизни монголов. Сравнение его с Кяхтой и Кош-Агачем, как уже отмечалось, было явно не в пользу последних.

Финансовым советником стал С. А. Козин. Спорным моментом в работе финансового советника была организация экспедиции по комплексному изучению Монголии, результаты которой могли помочь налаживанию хозяйства и организации бюджета страны. Ставить вопрос о комплексном изучении страны правомерно было в 1861 г., когда в Ургу прибыли первые русские. Комплексное изучение Монголии как одной из задач экспедиций было, вероятно, несвоевременным. А вот вторая составляющая этой экспедиции — обследование населения в статистико-экономическом отношении, выяснение имущественных состояний, определение количества скота, бюджета семьи, занятий монголов — имела смысл для улаживания хо-

зайства страны. Обследовав около 1/4 части страны, экспедиция констатировала «крайнюю малочисленность состава семей, малочисленность детей, относительно большое число лиц духовного сословия — лам, многочисленность шабинцев, которые мало участвовали в несении повинностей общегосударственного значения, преобладающее число бедных, мало-мощных хозяйств. Приходилось сталкиваться, как с обычным, широко распространенным явлением, с тем, что у хозяина-монгола нет своего скота или только ничтожное количество его. Скот, регистрируемый у семьи, оказывался принадлежащим или китайской фирме, или монастырю... из хозяина монгол превращался в батрака». Российская пресса явно переоценивала ситуацию, приводя данные о несметных богатствах страны. «Торгово-промышленная газета» в номере за 11.01.1912 г. сообщала о том, что в среднем каждая юрта монгола имеет 25 баранов, 25 лошадей и 20 коров, а всего в Монголии насчитывается 122 млн голов скота. При этом авторы статей забывали или вообще не представляли, что такое скот для монгола. Это и пища, и одежда, и средство платежа, уплаты налогов, предмет торговли с целью приобретения других, необходимых для жизни товаров. Поэтому приводимое количество скота у монгола никак нельзя считать признаком его богатого состояния. Ошибочными были расчеты и другой известной газеты — «Московские ведомости». В номере за 20.12.1913 г. газета писала, в свою очередь, что оборот русско-монгольской торговли можно увеличить с 10 до 29 млн р., т. е. почти в три раза, за счет вывоза мяса, которого в Монголии столько же, сколько в России. Отмечая обеднение населения страны в целом, экспедиция повсеместно наблюдала высокие налоги, взыскиваемые в самые неожиданные сроки скотом и деньгами. «Непомерные налоги усугубляют тяжесть и без того тяжелых условий существования монголов... На состояние скотоводства, делаю его совершенно упадочным, влияет сильным образом общая податная система Монголии. Подати собираются как натурой — скотом, так и деньгами, которые монгол может выручить только от продажи скота. Подати собираются в самые неожиданные сроки, размеры их населению неизвестны. Внезапные и необдуманные сборы податей вынуждают население брать суммы в долг у торговцев под будущие продукты своего промысла при самой низкой их оценке или выручать от продажи неподготовленного малоценного скота. Скотоводство в

Монголии быстро падает», — констатировала экспедиция. При непосредственном участии С. А. Козина в Урге была создана телефонная сеть, телеграфная линия Кяхта — Удэ, налажена работа электростанции, начата разработка угольных залежей в Налайхе, в Урге впервые была учреждена санитарная служба. Занимался он и проблемой снижения налогов, просвещения монголов и обучения их новым профессиям. Русские займы и помощь финансового советника способствовали преодолению крайне трудного финансового и экономического положения страны после получения независимости.

Русские предприниматели, привыкшие действовать здесь на свой страх и риск, явочным порядком продолжали усиливать свое проникновение на ее территорию. И, прежде всего, это касалось использования ее недр, в т. ч. и расширения районов поиска и добычи золота. В. Ф. Люба в секретной телеграмме из Урги доносил в МИД, что «здесь начинается золотая горячка». На это ему отвечали, что «не заинтересованы в создании в Халхе крупной русской промышленности». Но уже в октябре-ноябре 1912 г. при подписании русско-монгольского протокола Россия получила максимум возможного для дальнейшего экономического проникновения в эту страну. Так предприниматели своими практическими шагами заставили правительство определиться.

В начале 1912 г. Да-лама собственноручно выдал 5 свидетельств на право разведки в течение 3-4 месяцев в разных княжествах Сайн-Нойонского и Цзасакту-ханского аймаков. «Золотые концессии раздавались налево и направо. Монголию столбили, рыли и бурили во всех направлениях». Многие кяхтинские купцы, ранее относившиеся к «золотому делу» безразлично, считая добычу золота делом неблагоприятным, со временем увлеклись, и стали достаточно настойчиво заниматься «и золотишком». В 1913 г. Было создано «Кяхтинское золотопромышленное товарищество», просуществовавшее несколько лет. В 1915 г. Ф. М. Немчинов, кяхтинский купец и золотопромышленник, создал новое товарищество «Немчинов Ф. М. и К°». С помощью американских драг товарищество собиралось намыывать до 30 пудов золота в год. Что касается «Монголора», то ему было отказано в получении новой концессии в двух западных аймаках Монголии. Работая на старых месторождениях, «Монголор» дал в 1912 г. свыше 73 пудов золота 16,5% от добытого золота теперь передавалось правительству не-

зависимой Монголии, остальное вывозилось транзитом в Амстердам и Берлин. Кроме золота русские купцы в Монголии пытались добывать хрусталь, аквамарин, топазы и т. д. Имели место попытки добычи железной руды.

Продолжались работы и по созданию предприятий, перерабатывающих монгольское сырье. В Монголии всегда пользовались спросом кожи, обработанные в России, особенно юфть. Некоторые русские купцы предприняли попытки создания предприятий по обработке кожи на территории страны. Но наибольшее количество кожевенных заводов в Монголии было создано в годы Первой мировой войны, когда вывоз кож из России был запрещен в связи с возросшими внутренними потребностями. К 1919 г. во Внешней Монголии действовало 18 кожевенных предприятий. Сырье было местное, оборудование привозилось из России. Кишечно-очистительные фабрики, успешно экспортировавшие свою продукцию в Германию, в годы мировой войны, потеряв рынок сбыта, в большинстве своем закрылись. Тогда были предприняты попытки создания в Монголии русского колбасного производства.

С 1912 г. в Урге действовал мыловаренный завод купца Н. Н. Сулейменова. До того мыло в Монголию ввозилось из России и Китая, с открытием же производства в Урге импорт мыла прекратился. Дела шли у Сулейменова так славно, что он торговал мылом даже в Калгане, где собирался открыть свою контору. Стали появляться лесопильные предприятия, водочные заводы, пекарни, завод искусственных минеральных вод. Большое количество проектов освоения сырьевых ресурсов Монголии русскими купцами остались нереализованными в силу ряда причин: мировая война, революции и т. д.

Примером этой деятельности может служить попытка создания грандиозного «Сибирско-монгольского торгово-промышленного акционерного общества». Общество стремилось к осуществлению операций по покупке и продаже товаров, к выдаче подтоварных ссуд, к созданию и эксплуатации в Монголии фабрик и заводов по переработке монгольского сырья, к торговле продукцией этих заводов и фабрик. Кроме того, оно считало своей задачей разведку и добычу полезных ископаемых. Для связи рынка Монголии с Сибирью хотело взять на себя устройство грунтовых дорог, водного сообщения, а также почтовой связи. Общество просило оставить за ним право приобретать в собственность или срочное владение

в Монголии движимое и недвижимое имущество, концессионные права, право открывать фактории, пристани, склады и агентства, а по сути дела, брало на себя создание достаточно развитой инфраструктуры, без чего невозможно развитие капитализма. Основным капитал общества определялся в 200 000 р., разделенных на 2 000 акций по 100 р. каждая. Органами управления должны были стать правление (с местом пребывания в Иркутске), ревизионная комиссия и общее собрание акционеров. Министр торговли и промышленности России с проектом согласился, но Совет министров отложил слушание этого дела, направив его для изучения в МИД.

В 1914 г. в Министерство промышленности и торговли поступил утверждение проект устава еще одного общества, получившего название «Восточно-русское торгово-промышленное товарищество». Оно ставило перед собой более скромные цели: способствовать развитию внешней торговли России, главным образом, за счет вывоза в Северную и Южную Монголию изделий русской промышленности и покупки там готовых изделий, сырых продуктов и скота. Основным капиталом товарищества определялся в 500 000 р. Срок его действия, как и в первом случае, не определялся. Видимо, учредители были уверены в успехе и не устанавливали первоначального, как бы испытательного срока действия обществ. Это товарищество создавалось не сибиряками, так как правление его должно было находиться в Риге. Кстати сказать, его основатели собирались действовать как в Северной, так и в Южной Монголии. Таких примеров внедрения на монгольский рынок было великое множество.

Попытки аренды русскими земли в Монголии встречали серьезные затруднения. Монголы не хотели считаться с условиями протокола 1912 г. Под предлогом священных мест или собственных пастбищ русским отказывали в аренде. Русскими подданными высевались пшеница, ячмень, овес. Собранный урожай полностью потреблялся на месте. Но монголы даже с этим не хотели считаться и губили посевы, покосы и т. д. Объяснить такое поведение коренного поведения в районах, где раньше они частенько предоставляли уголья бесплатно, можно, вероятно, несколькими причинами. Во-первых, арендная плата устанавливалась по-прежнему произвольно, расширение аренды земли русскими могло помешать путям традиционных кочевий, то есть монголы начинали понимать экономическое значение земли,

на которой они жили. Во-вторых, в условиях существования китайской власти русские выступали в качестве противовеса ей, теперь же они сами воспринимались как нежеланные гости.

Что касается русско-монгольской торговли, то в этом вопросе мнения российской общест­венности и предпринимательских кругов разделились на диаметрально противоположные. Сибирская общественность считала, что во Внешнюю Монголию должны пойти диплома­ты и политики, которые подготовят почву для прихода русских торговцев и промышленников. Наиболее влиятельная часть российского пред­принимательства — московское купечество, однако, считало, что Монголия не может быть рынком сбыта для российской обрабатывающей промышленности в силу ее удаленности, бедности населения, конкуренции китайских и иностранных торговцев. Поэтому проблемы русско-монгольской торговли стали предметом оживленного обсуждения в различных инстан­циях и организациях.

Большое внимание проблемам русско-монгольской торговли уделяла Российская экспортная палата, организовавшая в 1911 г. Дальневосточный отдел, который и куриро­вал вопросы русской торговли в Монголии. На одном из заседаний отдела был заслушан до­клад А. Д. Васенева «Русские задачи в Монго­лии», в котором он проанализировал состояние русско-монгольской торговли и сформулиро­вал задачи, стоящие перед ней в новых поли­тических условиях: широкий и долгосрочный кредит, создание акционерного общества с участием московских фабрикантов, что могло бы сразу же поставить дело на широких нача­лах, создание в пограничных пунктах торговых школ с изучением монгольского языка для соз­дания широкого слоя образованных торговцев и т. д. Палата имела в Монголии своих пред­ставителей. Один из ее руководителей А. Н. Пе­тров в 1913 г. совершил поездку в Монголию с целью изучения ее экономического состояния.

В 1912 г. в Москве было учреждено так на­зываемое «Русское экспортное товарищество», во главе которого стоял известный фабрикант и купец П. П. Рябушинский. Товарищество от­крыло в Урге и Улясутае свои отделения. Была налажена доставка чая в страну из Китая через Владивосток морем. В 1913 г. правительство снизило железнодорожный тариф для провоза товаров на восток. В этом же году Особое со­общение при иркутском генерал-губернаторе высказалось «за полную необходимость в

целях развития русско-монгольской торговли отмены взимаемой пошлины со всего сырья, поступающего из Монголии». Совет министров это решение утвердил.

Деятельности русских купцов в Монголии пытались придать организованный характер. Для этого в 1915 г. было принято «Положение о торговых старшинах в Монголии». Везде, где проживало несколько человек русских, обяза­тельно избирался торговый старшина и канди­дат (помощник) к нему. Должность вводилась с целью поддержания порядка среди русских, проживающих в стране постоянно или времен­но пребывающих там. В обязанности торговых старшин входило: выполнение всех распоря­жений консульств, защита интересов русских подданных и поддержание порядка среди них, поддержка дружелюбных отношений с монго­лами, учет всех русских подданных, проживаю­щих в стране постоянно или пребывающих там временно, и предоставление таких списков кон­сульства, доведение до сведения русских тор­говцев всех изменений в правилах, тарифах, ценах и т. д.; учет всех фирм, как русских, так и иностранных (при закрытии их указывать при­чины) регулярно собирать собрания торговцев для решения всех насущных вопросов, пода­вать сведения о состоянии торговли и т. д. Как правило, на эту должность избирался самый опытный, знающий и уважаемый человек. За­тем его утверждало Генеральное консульство в Урге или консульства в Кобдо и Улясутае. Список всех торговых старшин передавался монгольским властям.

Некоторые представители русского ку­печества в Монголии предпринимали и соб­ственные усилия для сохранения и развития торговли. Так, чайная фирма «А. В. Швецов и сыновья» открыла свои отделения в Урге, Уля­сутае, Кобдо, Цзаинь-Шаби и пыталась изме­нить сезонный характер торговли, завозя това­ры на весь год. Н. И. Ассанов и К. Д. Кузнецов открыли свои отделения в Уланкоме. Другие, не видя перспектив для развития торговли, бросали торговую деятельность и начинали заниматься иными видами предприниматель­ства, а также пытались привлечь к развитию русско-монгольской торговли монголов, при­ступая к созданию совместных торговых пред­приятий. Первенство в этом вопросе принад­лежит А. В. Бурдукову, который в 1914 году он создал Русско-монгольское товарищество, куда вошли пайщиками 5 дурбетских князей и 9 русских подданных. Товарищество пыталось привнести культурные навыки в хозяйство и

быт монголов. Оно пропагандировало сенокосение, земледелие, применение сельскохозяйственных орудий, употребление монголами мучной пищи, простейшие знания в области ветеринарии и медицины. Усилиями семьи Бурдуковых в Кобдо был построен специальный дом для почты. Они же были инициаторами открытия нескольких русских школ в Уланкоме и Кобдо. В завещании А. В. Бурдуков 50 % своего состояния оставил на культурно-просветительные цели в Монголии.

Расстроенное финансовое хозяйство, отсутствие национальной денежной системы, как и денежной единицы, попытки расширения русско-монгольской торговли, которая теперь осуществлялась в основном на наличные деньги, настоятельно требовали создание банка в Монголии. 03.10.1912 г. в Урге между русским коммерсантом Д. В. Юферовым и ургинским правительством состоялось подписание концессии об учреждении частного банка. Было заявлено, что банк может быть открыт в течение трех месяцев. Однако русское правительство не хотело допустить открытия в интересующей его стране иностранного банка под русской вывеской. А между тем заявленный Юферовым банк не открывался. Поэтому в начале 1913 г. монгольский МИД обратился к российскому Генеральному консулу в Урге с запиской следующего содержания: «Изыскивая средства к улучшению своего финансового положения, монгольское правительство пришло к заключению, что выпуск бумажных денег и чеканка монеты могут принести в этом отношении громадную пользу. Хотя в настоящее время наше государственное казначейство слишком небогато наличными средствами, тем не менее, оно, в стремлении к поставленной цели, твердо решило принять все меры к накоплению необходимого капитала». 02.07.1914 г. было решено создать крупный банк в Монголии. Концессию у Юферова сначала хотел выкупить консорциум банков в составе Русско-Азиатского, Международного коммерческого банка и швейцарского подданного Ю. И. Рэмсэйра. В. Н. Коковцев предложил Д. В. Юферову уступить концессию русскому правительству за 200 000 р., на что он согласился. Инициатива по созданию Монгольского национального банка перешла к Сибирскому торговому банку. В 1914 г. члены правления Сибирского торгового банка, основывают Монгольский национальный банк (МНБ) на следующих условиях: первоначальный капитал — 1 000 000 р., который в дальнейшем может быть увеличен.

В оплату концессии они передают Министерству финансов России номинальные акции на 200 000 р., остальные принадлежат Сибирскому торговому банку. Условия создания банка и его права сохранялись по условиям концессии Юферова. Создаваемый банк имел право чеканить монету и выпускать банковские билеты, 15 % чистой прибыли передавать монгольскому правительству. День выпуска первых денежных знаков должен быть определен монгольским Министерством финансов. Ценность денежных знаков должна соответствовать русским. Образцы денежных знаков устанавливаются монгольским правительством. Процент по ссудам устанавливался в размере 6 %. Через 50 лет монгольское правительство могло банк выкупить, если же это не произойдет, то через 80 лет имущество банка безвозмездно переходит в пользу монгольского правительства. Все расходы по устройству банка ложились на плечи Сибирского торгового банка. Место для построек банковских помещений предоставляет монгольское правительство. Все вопросы деятельности банка должны обсуждаться министерствами — торговли и промышленности, финансов и иностранных дел. Правление МНБ размещалось в Петербурге, в Урге же создавалась центральная контора. В Кобдо и Улясутае — отделения. МНБ имел право производить учет и переучет векселей и других обязательств; выдавать ссуды, открывать кредиты под движимое и недвижимое имущество; принимать вклады; покупать и продавать за свой счет драгоценные металлы и ценные бумаги; приобретать концессии и финансировать торговые и промышленные предприятия; транспортировать товары, устраивать склады с выдачей гарантий; арендовать и приобретать для своих нужд недвижимое имущество. Банковских билетов можно было выпускать не больше, чем сумма основного и запасного капитала. Монгольское правительство назначает в банк двух чиновников, по совету с которыми и принимаются решения. Официальное открытие состоялось осенью 1914 г. в Петербурге. Открытие центральной конторы в Урге состоялось в 1915 г. Банк также имел свой штат сотрудников. Предполагаемая сфера деятельности банка была значительно расширена, ему предоставлялось право, с учетом особенностей Монголии, выступать и в качестве торговой фирмы. Управляющий Генеральным консульством в Монголии сообщал в монгольский МИД, что банк тотчас по открытии своих операций в Урге приступит к выпуску монгольских мед-

ных, серебряных и золотых монет и бумажных кредиток. В 1918 г. в ноте начальника главного управления МИД России на имя дипломатического агента в Монголии констатировалось, что и через три года после открытия банка в Урге он не выпустил ни бумажных денежных знаков, ни монет. Банк выдавал лишь ссуды под проценты аймакам, хошунам и частным лицам да открыл в некоторых хошунах и шабинских районах отделы для торговли, причем для поездок по торговым делам бесплатно пользовался уртонными лошадьми МИДа и за счет этого получал прибыль. За три года работы чистая прибыль банка составила всего 237 271 р., что свидетельствовало о весьма скромных успехах МНБ. Монгольское правительство также не получило процентов с прибыли. Банк ввез в Монголию следующие суммы: в 1915 г. — 2 377 813, в 1916 г. — 7 831 196, в 1917 г. — 9 204 919, в 1918 г. — 32 645 р. Ссуды аймакам и хошунам составили 500 000 р. Главной причиной неудачи русских попыток перенести на территорию Монголии деятельность банковских учреждений можно считать изменение статуса страны в 1915 г. с независимого на автономный, что позволило китайцам быстро восстановить свои позиции в Монголии.

Газета «Чжэнь-фу гунь-бао» («Правительственный вестник») опубликовала 25.06. и 8.07.1915 г. устав Хуа-фусского колониального банка, который собирались открыть в Монголии с весьма широкими правами. Появились и другие проекты, в т. ч. и «Bank of China» с правом открытия отделений в других регионах страны. Правда, денег не хватало на все проекты, но инициативу у русских пекинские круги перехватить сумели, чему помогла и революция 1917 г. в России. Монгольское правительство в начале 1918 г. отобрало концессию у Сибирского торгового банка, о чем руководство банка узнало только в октябре, когда управляющие отделениями съехались в Омск, для обсуждения общего положения дел банка и планов его дальнейшей деятельности. В Монголию был послан уполномоченный для проверки деятельности Монгольского национального банка. Но восстановить его деятельность не удалось, так как началась совсем другая история. Русское консульство в Улясутае, справедливо полагавшее, что воссоздание отделения Русско-Китайского (с 1910 г. — Русско-Азиатский) банка будет в интересах русско-монгольской торговли в этом регионе, подало здешним торговцам в 1913 г. идею просить об этом правление банка.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ИНФРАСТРУКТУРА РУССКОЙ ТОРГОВЛИ В МОНГОЛИИ

При изучении русской торговли в Монголии большой интерес представляют вопросы ее организации. Под организацией понимается система согласуемого порядка, складывавшегося в процессе русско-монгольского товарообмена, в рамках которого формировались приемы и способы торговли, ее инфраструктура, механизм функционирования торговых предприятий и его соответствие нормам и обычаям экономического поведения местного населения. К организации торговли также следует отнести вопросы типологии торговых заведений, характер взаимоотношений между предпринимателями, степень их подготовленности к деятельности в условиях Монголии и т. д.

Ведение торговых дел русскими предпринимателями в Монголии имело свою специфику, которая определялась рядом факторов. Прежде всего, организация торговли была обусловлена характером социально-политического строя и хозяйственной жизни местного населения. В рассматриваемый период Монголия являлась внутренней колонией Цинской империи или, по выражению одного из китайских чиновников, — «китайской Сибирью». Цинская администрация управляла монголами, опираясь на местных князей. Еще в конце XVII в. специально для Халхи были разработаны законы и установления, которые с последующими дополнениями были оформлены в виде кодекса законодательных актов под названием «Уложение Китайской палаты внешних сношений». Непосредственный контроль над Монголией осуществляли маньчжурские наместники — амбаны и цзянь-цзюни, находившиеся в Урге, Улясутае и Кобдо. У них были монгольские заместители по военным и гражданским делам. До середины XIX в. пекинское правительство проводило политику изоляции Монголии от внешнего влияния, причем это относилось как к иностранцам, так и к китайцам. Китайским торговцам запрещалось приезжать в Монголию без специального разрешения и оставаться там дольше положенного срока. Торговые отношения с Россией разрешалось вести только в определенных районах приграничной полосы, и они строго регламентировались китайскими властями.

Политика изоляции способствовала консервации патриархальных социально-полити-

ческих отношений и сохранению архаичной, моноотраслевой структуры монгольской экономики. Основной отраслью хозяйства являлось экстенсивное кочевое скотоводство, носившее натуральный характер. Поскольку «все основные экономические процессы в скотоводческом обществе осуществлялись в рамках отдельных домохозяйств», это ограничивало его возможности для внутреннего роста и способствовало его консервативной устойчивости, переходящей в застойность.

Другим фактором, оказывавшим большое влияние на методы хозяйствования и экономическое поведение жителей Монголии, являлся их мировоззренческий стереотип, в основе которого лежала буддийская религия в форме ламаизма. По оценке профессора А. М. Позднеева, буддизм руководил «не только всеми деяниями, но и суждениями, и намерениями монголов». Являясь мироотвергающей религией, буддизм выработал собственные хозяйственно-этические представления, которые отличались от христианских. Буддийский практицизм основывался на идеале срединности — избегании крайностей и чрезмерности. Умеренное благосостояние, отсутствие привязанности к собственности, страстной жажды богатства и азарта конкурентной борьбы, избегание нищеты, заставляющей сосредоточивать все силы на пропитании — все это входит в буддийское понятие «срединного пути».

До контактов с европейцами в Китае и Монголии господствующим являлся редистрибутивный тип экономики, с доминированием идеи пропитания. Тип и масштабы хозяйства определялись, по словам В. Зомбарта, «...формой и размером потребности, считающейся твердо данной. Вся цель хозяйствования есть удовлетворение этой потребности». Такой тип хозяйства М. Вебер называл «традиционалистским», подчеркивая, что в его основе «...лежало стремление сохранить традиционный образ жизни, традиционную прибыль, традиционный рабочий день, традиционное ведение дел...». Такая стратегия бытия создавала соответствующий ей культурный субъект — архаического человека, ориентированного на воспроизводство самые примитивные формы хозяйства. В монгольской экономике внутренние стимулы для товарообмена были выражены слабо, и

характер торговых сделок здесь отличался от целей и приемов «цивилизованной» торговли. Жившие в условиях натурального хозяйства монголы, вполне могли обойтись без привозных товаров, и это являлось серьезным препятствием для внедрения в их экономический быт не только «европейских», но даже самых примитивных форм торговли. «Небольшой спрос на какие бы то ни было товары обуславливается, простотой жизни и несложностью потребностей номада, — писал сотрудник Российской миссии в Пекине А. С. Вахович. — Ему не нужно не только никаких предметов роскоши, но даже и того, что у нас считается необходимым. Питаться он привык мясом, чаем и молоком, которые имеет в изобилии, живет в войлочной передвижной юрте, следовательно никакой обстановки ему не нужно, одевается весьма просто. Может купить какой-нибудь материи на халат — купит, требуя лишь от материала дешевизны и прочности; не в состоянии купить — ходит в овчинном тулупе собственно изделия».

В результате подписания Тяньцзиньского (1858) и Пекинского (1860) договоров между Россией и Китаем монгольская экономика получила серьезный толчок извне, который стимулировал развитие товарно-денежных отношений и способствовал вовлечению изолированного хозяйства региона в орбиту международных хозяйственных связей. С одной стороны, в Монголию стали поступать товары западноевропейского и российского производства, а с другой — продукция монгольского хозяйства (шерсть, пушнина, скот) получила выход на мировой рынок. Поскольку западноевропейский капитал проникал в Монголию опосредованно, через китайских коммерсантов, русские торговцы являлись в Монголии практически единственными представителями иностранного капитала, носителями «цивилизованных» форм торговли, и оказывали большое влияние на модернизационные процессы в монгольской экономике.

Типы и организационные формы торговых предприятий

Характеризуя организацию торговли и способы ведения дела русских предпринимателей в Монголии, большинство современников и исследователей подчеркивали их архаичность и несоответствие принципам «цивилизованной» торговли. «У местного русского купечества, — писал агент Министерства торговли и промыш-

ленности в Урге А. П. Болобан, — в громадном большинстве случаев отсутствуют даже правильные торговые принципы, оно торгует по старинке, по методам своих отцов». И. Майский в своем исследовании, напротив, полагал, что русские предприниматели в Монголии попали под влияние давно существующей китайской торговли и стали «...рабски копировать ее в методах, приемах и формах организации». Эти суждения можно принять лишь с известными оговорками. Во-первых, и способы ведения торговли, и ее организационные формы в течение рассматриваемого периода не оставались неизменными. Во-вторых, несовершенство торговой организации было обусловлено социально-экономической средой, в которой приходилось действовать русским коммерсантам. Так, А. С. Вахович считал, что существовавшая организация дела «вызывается многими, почти неустранимыми причинами». Управляющий Ургинским консульством М. Кузьминский в отчете за 1906 г., анализируя приемы и методы русской торговли, писал, что «самый опытный европейский коммерсант даже при риске большими капиталами не в силах изменить местных условий, быстро разоряясь в случае неудачи приспособиться... Если торговля в таких центрах Монголии, как Урга, приближается к европейской, — отмечал он, — то торговля по хошунам не имеет ничего с ней общего».

Факты свидетельствуют, что многие крупные фирмы, попадая в Монголию, быстро отказывались от «цивилизованных» методов ведения дел, хотя во главе их стояли опытные предприниматели, прекрасно владевшие «европейскими» приемами торговли. Те, кто не сумел приспособиться к реалиям местного хозяйства, терпели убытки и уходили с монгольского рынка. Ярким примером этого может служить деятельность торгового дома «П. А. Бадмаев и Ко», действовавшего в Забайкалье и Монголии в 90-х гг. XIX в. Эта компания была основана летом 1893 г., бывшим служащим Азиатского департамента Министерства иностранных дел России П. А. Бадмаевым, получившим для этой цели правительственный кредит на сумму 2 млн р. П. А. Бадмаев наладил промысловое скотоводческое хозяйство, закупил верблюдов для перевозки грузов, арендовал земли у бурят и монголов, открыл несколько лавок в Забайкалье, а в 1895 г. — отделение торгового дома в Урге. Компания начала закупки крупных партий скота в восточных хошунах Халхи, а на тракте Кяхта — Урга организовала почтовые станции. Однако, деятельность торгового дома оказа-

лась непродолжительной и вскоре произошло банкротство. Причиной краха стало полное невежество его учредителей, пытавшихся вести дело в соответствии с «европейскими» стандартами. Как отмечает Н. Е. Единархова, «это были лица, незнакомые с условиями торговли в Монголии и не имевшие желания ознакомиться с местными обычаями, порядками и т. д.»

В первые годы после подписания Пекинского договора русская торговля осуществлялась преимущественно караванным способом. В 1861 г. из Кяхты в Монголию был отправлен 21 караван, в 1862 г. — 65. В 1863 г. прошел первый караван через границу Енисейской губернии, в 1869 г. 11 караванов прошло через Тунку. В 1870 г. в северо-западную Монголию были отправлены караваны из Семипалатинска и Бийска в сопровождении кульджинского консула К. Павлинова. Одновременно с этим, за границей стали открываться и постоянные торговые заведения. Первые русские лавки были открыты в Урге в 1861 г. одновременно с учреждением консульства, а в начале 70-х гг. их насчитывалось уже 7. Отличительной особенностью русской торговли в Урге было то, что большинство купцов занимались отправкой чайных грузов из Калгана в Кяхту и лишь некоторые предприниматели направляли своих служащих в хошуны для обмена промышленных изделий на сырье, причем район их действия и размеры торговых операций были небольшими. Как отмечал Г. Н. Потанин, «ургинская колония почти исключительно существует для перевозки чаев, торговли русскими товарами она не производит. Лавка торгового дома «Басов и Коковин», хотя самая богатая русская лавка во всей Монголии, но товары из нее, главным образом, идут на расплату с возчиками-монголами, доставляющими чай из Калгана».

Ургинский консул в своем отчете за 1888 г. писал, что «меньше всего увеличивается торговля русских купцов в Урге», и указывал, что за 20 лет существования ее объемы практически не возросли. В отчете консульства за 1905 г. констатировалось, что «торговля наша, несмотря на громадный промежуток времени... осталась почти в тех же рамках, в которые она вылилась непосредственно вслед за открытием нашего консульства и появлением на ургинском рынке русских товаров». Гораздо больше русских товаров в Монголию поступало непосредственно из Кяхты, причем ими торговали не только русские, но и китайские купцы. По свидетельству Г. Н. Потанина, в Кяхте русские

изделия «закупаются китайскими торговцами и развозятся по монгольским кочевьям».

В Урянхайском крае особенности организации торговли заключались в том, что для русских она играла подчиненную роль по сравнению с другими хозяйственными занятиями. Приезжая первоначально в Урянхайский край с товарами, жители Минусинского округа и Усинского края вскоре стали основывать здесь постоянные фактории, где занимались сельским хозяйством, разведением скота, переработкой сельскохозяйственной продукции. По оценке ургинского консульства, «этот округ один из самых интересных по большому количеству основавшихся там на постоянное жительство русских». Как сообщал начальник Усинского пограничного округа штабс-капитан А. Х. Чакиров, «все русские без исключения занимаются сельским хозяйством, скотоводством, коневодством, мараловодством и торговлей. Кроме того, в Урянхае... разрабатываются золотые прииски Н. М. Черневича, Г. П. Сафьянова и К°, Губанова и К°, Чирковой и Кузнецова».

Свою специфику имела русская торговля в северо-западных областях Монголии — Кобдинском и Улясутайском округах, основателями и главными участниками которой являлись жители г. Бийска и Бийского округа Томской губернии. В 60-х — 80-х гг. XIX в. наиболее крупными среди них были фирмы И. П. Котельникова, Г. Г. Бодунова и братьев В. А. и М. В. Гилевых, которые помимо реализации российских товаров и скупки сырья занимались кредитованием мелких предпринимателей. Штаб-квартиры этих фирм располагались в Кобдо. «Помещение занимают они в одной ограде, — сообщал А. С. Вахович, — имея лишь каждый отдельные дома и лавки, выходящие на улицу и по устройству и наружному виду ничем не отличающиеся от улясутайских».

Особенностью организации дела здесь было то, что хозяева фирм приезжали в Монголию только в летние месяцы, а в остальное время года торговля отдавалась «на полный произвол приказчика безо всякого над ним контроля». Весной, по приезду из России хозяев, в лавках производился учет, который заключался в том, что «лавка запирается, сваливается с полка весь товар и начинается счет имеющемуся налицо имуществу». Поскольку торговые фактуры отсутствовали, главным документом при учете являлись книги приказчиков, в которых они записывали отпуск товаров в долг и сведения о приемке сырья. Эти записи велись в произвольной форме, и нередко в вы-

ручке обнаруживалась недостача. «Приказчик в большинстве случаев не умеет даже самому себе объяснить, откуда взялся этот недочет, — писал А. С. Вахович, — оправдываясь неизменным «а Бог его знает».

Некоторые предприниматели, прежде всего скотопромышленники, вообще не имели в Монголии постоянных заведений и торговали здесь только в течение весенне-летнего сезона. Такую организацию дела подробно описывал А. М. Позднеев на примере фирмы бийского купца 2-й гильдии Я. Е. Мокина. «В России он приобретает товары на Ирбитской ярмарке, кредитуясь прямо у московских купцов, — сообщал он. — С тремя своими приказчиками г. Мокин выезжал из пределов России ежегодно в апреле месяце, и до половины июня все они обыкновенно проводили время частью в сборе скота в уплату прежде сделанных монголами долгов, а частью — в продаже вновь ввезенных товаров исключительно на наличный скот. Во второй половине июня собранные животные отправляются в Иркутск под присмотром самого г. Мокина, приказчики же его остаются в это время в хошунах и продают остальные товары. Большая часть этих товаров раздается в эту пору в долг с условием уплатить соответствующую сумму скота в следующем году, а часть товаров, хотя и гораздо меньшая, продается на наличный скот, который обыкновенно сдается на пастьбу и хранение местным кочевникам также до наступления лета следующего года».

Наем служащих и приказчиков на работу осуществлялся на основе устного договора, без оформления каких-либо письменных условий или контрактов, причем это было характерно не только для Монголии или Сибири, но и даже для Европейской России. Исследователи отмечают, что в России «в XIX в. особая система торгово-промышленного права не сложилась, имелись лишь отдельные законы, разбросанные по разным частям общего Свода». В частности, взаимоотношения между хозяевами и приказчиками регулировались отдельными статьями Устава торгового и некоторыми другими законодательными актами.

Для русских торговых предприятий в Монголии письменные договоры составляли большую редкость и стали заключаться лишь в конце XIX — начале XX в. Такая организация торговли порождала множество злоупотреблений, как со стороны хозяев, так и со стороны их служащих. Регулярного жалования приказчики не получали, расчет производился лишь тогда,

когда они отходили от хозяев. Не зная размера своего заработка, служащие стремились обеспечить свое содержание за счет хозяйского кармана, а купцы при расчетах удерживали значительные суммы из жалования последних. «Некоторые даже хозяева, — сообщал А. С. Вахович, — и слышат тем, что никогда ничего не платят своим служащим при расчете с ними». Отсутствие в торговых предприятиях русских купцов правильно поставленного делопроизводства и бухгалтерии, а также юридическая неопределенность в отношениях между хозяевами и служащими свидетельствует о традиционном, в лучшем случае раннекапиталистическом характере организации русской торговли в Монголии в исследуемый период. Классики теории предпринимательства В. Зомбарт и М. Вебер неоднократно подчеркивали, что в основе капиталистического предпринимательства лежат принципы рациональности и калькуляции. В Монголии, по свидетельству А. М. Позднеева, «торговое дело наших коммерсантов ведется так, что они и сами никогда не могут дать себе точного отчета в своих операциях...», поскольку «...полного свода записей ввозимых товаров никогда не делалось и не имеет у себя ни один из купцов».

Негативную роль для торговли играло запрещение российским подданным возводить в Монголии постоянные лавки, складские и жилые помещения. В соответствии с русско-китайскими договорами, они могли иметь недвижимость только в тех населенных пунктах, где имелись российские консульства. «Люди ведут торговлю в Монголии десятки лет, живут там почти безвыездно, многие с семьями, — писал троицкосавский ветеринарный врач А. П. Свечников, — и не имеют других жилищ, кроме юрт или китайских фанз, и это не какие-нибудь бедняки, а люди со средствами, ведущие дела на десятки тысяч в год». Данное обстоятельство оказывало отрицательное влияние на инфраструктуру и размеры русской торговли и, по словам Г. Н. Потанина, тормозило внедрение в Монголии «комфорта европейской жизни». Описание русских торговых факторий в Кобдо дал в своем отчете А. С. Вахович: «Тип их во многом напоминает наши деревенские лавочки: в крошечной, грязноватой комнатке помещается весь товар купца. Всего понемножку: мануфактурный товар, сахар, свечи, гвозди, кожи, топоры, иголки, нитки, вакса, мыло и даже часы и лампы, в противоположность китайцам, держащим свой товар взаперти, разложены по полкам и привлекают любопытство номадов.

Сами купцы ютятся в маленьких клетушках, до половины занятых каном, до такой степени тесных, что с трудом можно повернуться в них».

Впоследствии русские предприниматели по договоренности с хошунными князьями получали право строить заимки, фактории, нередко представлявшие обширный комплекс жилых, торговых и хозяйственных помещений. Торговцы старались поселиться по берегам рек или озер, где строили дома, службы, складские помещения, которые обносились забором. Рядом разбивались огороды, определялись участки для сенокоса.

Окончательно вопрос о праве русских подданных возводить в Монголии постоянные постройки был решен только после подписания русско-монгольского соглашения 1912 г.

Благосостояние и эффективная деятельность русских торговых фирм в значительной степени зависела от профессиональных навыков и добросовестности приказчиков, непосредственно осуществлявших торговые операции в монгольских хошунах. «От хошунного торговца, — писал Г. Е. Грумм-Гржимайло, — требуется очень многое, кроме, конечно, удовлетворительного знания языка и народных обычаев; но прежде всего гибкий и ровный характер, так как порученное ему дело только тогда может пойти успешно, когда кроме торговой сметливости, он обнаружит и способность наладить добрые отношения с народом и туземной властью».

Насколько важны были для организации торгового дела в Монголии указанные качества приказчиков, можно судить по описанию операции закупки шерсти, которая являлась важнейшей статьей русского импорта. «Соответствующий и правильный подбор людей ...имеет огромное значение и служит залогом успеха той или иной закупки, — говорилось в этом документе. — Помимо расторопности и знания монгольского языка и китайского наречия, хороший закупщик должен обладать еще необходимыми и крайне ценными для успеха экспедиции знакомствами со всеми хошунами и аймаками, чиновниками и ламами монастырей и другими монголами, или служебным или моральным авторитетом. Это деловое знакомство в Монголии имеет огромное значение не только в смысле известного поручительства за обычно выдаваемые «на слово» задатки на сырье и шерсть, но и как показатель солидности фирмы. Солидность эта обуславливается тем, что раз в караване находятся известные Монголии люди, пользующиеся доверием мон-

голов по прежней работе, то такая фирма может свободно рассчитывать на всевозможные льготы и преимущества в пошлинных обрядностях, ценах, сдачах «на слово», сроках и т. п. привилегиях перед новыми в Монголии людьми». Именно этим М. И. Боголепов и М. Н. Соболев писали в своем исследовании, что «приказчиков, мало-мальски удовлетворяющих требованиям русских купцов, находят с большим трудом, дают им повышенное жалование, содержание их ничем не отличается от самих купцов; часто у них общий стол. Иногда приказчики получают и одежду». Часть своих служащих купцы направляли в т. н. разъездную торговлю. Получив от хозяина товар, приказчик открывал торговлю возле монастырей, в ставках монгольских князей или на пересечении дорог. В отличие от практики европейской торговли, которая не исключала участия служащих в прибылях фирмы, русские предприниматели в Монголии этого не делали. Вместо этого купцы оказывали содействие приказчикам в открытии собственного дела, отпуская в кредит товары и принимая от них скупленное сырье. Здесь сложилась своеобразная система патроната крупных фирм над мелкими самостоятельными торговцами. По установившемуся порядку каждая мелкая или средняя фирма получала денежные, а чаще товарные кредиты от крупных предпринимателей, выступая в роли своеобразного «младшего партнера» в процессе экспорта российских товаров в Монголию и вывозу оттуда местного сырья. Содействие со стороны крупных купцов процессу образования самостоятельных торговых предприятий не являлось актом благотворительности. Расчет заключалась в том, что мелкие торговцы, не обладая капиталами, не имели возможности выходить на такие крупные рынки как Ирбитская или Нижегородская ярмарки, и поневоле были вынуждены обращаться к купцам-оптовикам за кредитом и им же сдавать скупленное сырье. Благодаря этому, крупные фирмы получали возможность сократить издержки на содержание торгового аппарата при сохранении, а то и увеличении объемов получаемой прибыли. Увеличение численности предпринимателей оказало значительное влияние на ход и организацию русского торгового дела в Монголии, изменив, по выражению А. М. Позднеева, «...капитальным образом... весь строй здешней торговли, как в городе, так и в хошунах». Эти перемены, прежде всего, касались коммерческой стратегии, обусловленной целями, которые преследовали крупные фирмы,

с одной стороны, и мелкие предприниматели — с другой.

Крупные купцы, занимавшие доминирующее положение на монгольском рынке, к концу XIX в. основное внимание сосредоточили на вывозе местного сырья, прежде всего овечьей и верблюжьей шерсти. Ввод в действие западносибирского участка Сибирской железной дороги понизил транспортные расходы и сделал вывоз малоценных сырьевых продуктов выгодной операцией. Кроме того, крупные фирмы стали практиковать скупку шерсти, пушнины и других продуктов на наличные деньги и серебро, что подорвало монополию прежней меновой торговли. Стимулом к развитию такой системы торговли послужило появление в Монголии некоторых крупных торговых фирм из Сибири и Европейской России, которые покупали монгольское сырье исключительно на наличные. Эти обстоятельства повлекли за собой сокращение штата служащих и приказчиков, которые прежде занимались меновой торговлей с местным населением. Но полностью отказаться от меновой торговли в Монголии было невозможно в силу преобладания здесь натурального хозяйства и патриархального экономического поведения ее жителей. Поэтому крупные предприниматели по-прежнему должны были иметь большие товарные запасы, включавшие, прежде всего, предметы потребления скотоводов (хлопчатобумажные и шерстяные ткани, железные и чугунные изделия, выделанную кожу и пр.) Однако теперь крупные фирмы предпочитали вести оптовую торговлю, выдавая товарные кредиты средним и мелким предпринимателям, которые занимались розничной продажей русских товаров, непосредственно доводя промышленные изделия до монгольского потребителя. Следует отметить, что крупные купцы полностью не прекращали и розничную торговлю, но теперь их лавки располагались только в городах или предместьях крупных монгольских монастырей. Торговля в степи полностью перешла в руки средних и мелких коммерсантов. Такого рода специализация имела ощутимые последствия для продавцов и покупателей, а также изменила характер взаимоотношений в среде самих предпринимателей. Активная деятельность мелких коммерсантов объективно приводила к общему снижению цен на привозимые фабричные изделия.

Как правило, отношения по условиям кредитования между крупными фирмами и мелкими торговцами не оформлялись документально.

Сделки осуществлялись на основе устной договоренности, но, по свидетельству источников, факты недобросовестности или нечестности при выполнении принятых обязательств были крайне редки. Нарушение договоренности наносило ущерб репутации торговца, поэтому предприниматели скорее были готовы поступиться дополнительными прибылями, чем заработать дурную славу в торговом мире. Кроме того, невыполнение обязательств влекло за собой определенные санкции и негативно влияло на дальнейшую коммерческую деятельность нарушителя. Также на основе взаимного доверия строились отношения между русскими торговцами и покупателями-монголами. Часто не проданные во время летнего сезона товары купцы оставляли на хранение местным жителям. Указанные своеобразия торговой практики затрудняют более или менее четко классифицировать типы торговых предприятий русских купцов в Монголии и организацию их коммерческой деятельности. Бывший управляющий монгольскими отделениями Русско-Китайского банка С. Ф. Степанов подразделял всех торговцев и их предприятия на пять категорий:

— предприниматели, ведущие торговлю в одном месте в течение всего года, продавая товары только на серебро и наличные деньги. Эта категория торговцев располагалась преимущественно в Урге;

— незначительная часть ургинских торговцев, посылавших приказчиков в близлежащие местности для скупки сырья;

— крупные фирмы, располагавшиеся в основном в северо-западной Монголии, которые ввозили товары из России и обменивали их на монгольское сырье. Такие фирмы практически не имели служащих, снабжая русскими товарами мелких торговцев в обмен на монгольское сырье;

— мелкие самостоятельные хозяева, торговавшие в хошунах, и фактически являвшиеся агентами крупных фирм; — предприниматели, приезжавшие в Монголию периодически для покупки на наличные деньги определенного вида товара (скота, пушнины и пр.).

М. И. Боголепов и М. Н. Соболев делили все русские предприятия на два типа: оптово-розничные (крупные) и розничные (мелкие). Оптово-розничные фирмы имели свои постоянные отделения в Урге, Кобдо, Улясутае, Улангоме, а некоторые из них вообще не имели управленческих структур за границей, и их конторы располагались в Бийске, Минусинске, Иркутске и с. Усинском Иркутской губернии.

Такие предприятия устраивали в монгольских хошунах временные торговые точки, действовавшие в период «задач» русских товаров под сырье и в сезон сбора сырья.

Что касается системы ведения дела отделений крупных фирм в самой Монголии, то они разделялись на два типа: предприятия, принимавшие на себя все издержки ведение дела (в том числе и содержания персонала) и, фирмы, устанавливавшие для своих служащих предельные цены продажи и покупки русских товаров и монгольского сырья, но не бравшие на себя расходов по транспортировке грузов, содержанию лавок, и выплате жалованья. Эти расходы приказчики должны были покрывать за счет средств заработанных сверх контрольных расценок. По свидетельству исследователей, «это была наиболее часто практикуемая система».

Е. И. Омельченко все русские предприятия в Монголии делил на три группы:

- торговцы, занимающиеся только продажей русских товаров;
- торговцы, скупающие монгольское сырье;
- торговцы, привозящие товары из России и обменивающие их на монгольское сырье для последующего вывоза в Россию.

Первая группа, по мнению автора, представляла собой раннюю стадию русской торговли в Монголии, вторая — новейшую фазу русско-монгольского товарообмена. Наиболее многочисленной и типичной являлась третья группа. К ней относились преимущественно торговцы, действовавшие в северо-западной Монголии (Кобдинском и Улясутайском округах) и в Урянхайском крае. Важнейшей задачей этой группы торговцев была скупка монгольского сырья, продажа же русских товаров была не целью, а средством для этого.

В организационно-правовом отношении подавляющее большинство русских торговых фирм в Монголии представляли собой индивидуальные частные предприятия. Условия Монголии, особенно в первые десятилетия после разрешения свободной торговли за границей, позволяли начинать дело с минимальным капиталом, которое не требовало сложного делопроизводства, а беспопытный режим не предполагал твердо установленных форм отчетности. Эти обстоятельства являлись важной причиной для выбора формы организации капитала. Преобладание индивидуально-частновладельческих предприятий также были обусловлены возможностью хозяина быть безраздельным руководителем дела, распоряди-

телем всех имеющихся средств и владельцем всего получаемого дохода.

Но у такой организации были серьезные недостатки, касающиеся стабильности его существования. Здесь, говоря словами известного русского предпринимателя В. П. Рябушинского, все, или почти все зависело от «личной годности» его владельца. Кроме того, возможности расширения фирмы за счет привлечения заемных средств были значительно затруднены, поскольку банковские учреждения, сомневаясь в кредитоспособности таких клиентов, требовали дополнительных гарантий обеспечения ссуд. Особенно проблематичным было получение банковского кредита мелкими и средними торговцами, поскольку, по словам управляющего отделением Русско-Китайского банка в Монголии, «с банковской точки зрения, гораздо безопаснее кредитовать крупных коммерсантов, так как в этом случае риск неплатежа ссуд несравненно меньше».

Ассоциированная форма организации русского капитала в Монголии была представлена торговыми домами (товариществами полными и на вере). По сравнению с индивидуальными частновладельческими предприятиями, они обладали рядом преимуществ. Для них, как и для единоличных хозяйств, была установлена сравнительно несложная процедура учреждения. Они регистрировались в местных органах управления, ограничивались уплатой одного налога со своего дохода, а товарищества, не входившие в разряд обязанных публичной отчетностью, могли вести такое делопроизводство, какое считали нужным, или вообще обходиться без него. Вместе с тем, товарищества, объединявшие нескольких лиц и капиталов, представляли собой более мощную экономическую единицу. Они обладали более широкими финансовыми возможностями, так как их капиталы, как правило, превосходили ресурсы индивидуального частного хозяйства. В связи с этим, товарищества имели преимущества в получении кредитов, что увеличивало их оборотные средства, а, следовательно, и масштабы коммерческих операций.

Процесс образования товариществ, действовавших в Монголии, относится в основном к началу XX в. До этого времени здесь действовали некоторые торговые дома, преимущественно в Урге, но основной сферой их деятельности была чайная торговля («Коковин и Басов», «Батуев и К°», «Братья Н. и П. Шулынгини»). Что касается предприятий занятых торговлей собственно с монголами, то в организационно-

правовом отношении они являлись индивидуальными частными предприятиями. Отмечая это обстоятельство, большинство современников и исследователей считали, что процесс образования торговых домов тормозился невежеством предпринимателей, неумением и нежеланием их вести дело сообща. Нам представляется, что здесь мы сталкиваемся с попытками упрощения ситуации, сведению всех объяснений к корысти, некультурности и пр. Процесс становления более сложных форм организации капитала в Монголии, также как и в Сибири и Европейской России имел свою логику. «Чем выше был уровень развития промышленности и торговли в том или ином районе, — писал А. Н. Боханов, — тем выше была и степень ассоциирования капитала». В начале XX в. в Халхе действовало 15–20 торговых домов, осуществлявших экспортно-импортные операции. Капиталы и размеры их коммерческой деятельности были неодинаковы. Здесь действовали компании общесибирского и российского масштаба, а с ними вели торговлю небольшие торговые дома из городов приграничной полосы.

В 1913 г. была предпринята попытка создания крупнейшего в истории русско-монгольской торговли предприятия — «Сибирско-монгольского торгово-промышленного акционерного общества». Сфера и масштабы деятельности компании, по замыслу авторов проекта, должны были превзойти все имевшиеся в Монголии торговые и промышленные предприятия. Судя по проекту устава, общество намеревалось осуществлять операции по покупке и продаже товаров, выдачу подтоварных ссуд, открыть в Монголии ряд фабрик и заводов, организовать сбыт их продукции. Кроме того, компания предполагала осуществить разведку и добычу полезных ископаемых, устройство сухопутных и водных путей сообщения между Сибирью и Монголией, налаживание регулярной почтовой связи и т. д. Общество добивалось права приобретения в собственность движимого и недвижимого имущества, получения концессий, открытия факторий, складов и агентств. Основной капитал общества определялся в 200 тыс. р., разделенных на 2 тыс. акций номиналом в 100 р. и срок его действия не регламентировался. Этот проект получил поддержку Министерства торговли и промышленности, но был отложен Советом Министров и направлен в МИД для дополнительного изучения. В результате до 1917 г. акционерное общество так и не было создано.

Помимо индивидуальных частных предприятий и торговых домов, перед мировой войной в Монголии появился первый кооператив. В годовом отчете за 1914 г. агент Министерства промышленности и торговли А. П. Болобан сообщал, что в районе Улангома «...создалось небольшое русско-монгольское товарищество, куда вошли пайщиками 5 дурбетских князей и 9 русских подданных. Во главе этого дела стоит опытный хошунный торговец Бурдуков».

Перед революцией 1917 г. в Урге был создан потребительский кооператив, занимавшийся торговлей мясом, который даже имел свой печатный орган «Ургинское общество потребителей в Монголии».

Таким образом, русская торговля в Монголии в организационном отношении не являлась чем-то статичным, а в соответствии с изменявшейся экономической и политической конъюнктурой, меняла свою структуру и эволюционировала в сторону более совершенных форм организации капитала. Этот процесс был обусловлен как внешними, так и внутренними причинами (конкуренция, развитие товарно-денежных отношений, стремление Внешней Монголии обрести независимость и т. д.), но был еще далек от завершения. Становление новейших форм организации капитала, совершенствование структуры российских торговых предприятий во многом определялось хозяйственным строем Монголии и докапиталистическим сознанием ее населения. Эти обстоятельства способствовали формированию некоторых черт, отличавших ведение дел русскими купцами, как от европейских предпринимателей, так и китайских торговцев.

Кредитное обеспечение русской торговли

Размеры и динамика торговых оборотов русских предпринимателей в Монголии в значительной степени зависели от кредитного обеспечения торговли. Кредит, как известно, способствует мобилизации и перераспределению капиталов, снижает издержки денежного обращения и способствует выравниванию нормы прибыли. В исторической литературе данный вопрос не получил должного освещения, а некоторые его аспекты практически не изучены. Так, в частности, в исторических исследованиях слабо освещены сюжеты о кредитовании русских торговцев в Монголии до начала XX в., деятельности монгольских отделений Русско-Китайского банка и причинах их

закрытия, фрагментарно изучена история создания и функционирования Монгольского Национального банка и т. д.

Для русской торговли в Монголии вопрос о кредитной поддержке имел особую актуальность, т. к. большинство коммерсантов, работавших за границей, относилось к категории мелких и средних предпринимателей и не обладало свободными средствами. Из-за медленного обращения капитала (12–18 мес.) это приводило к монополизации экспортно-импортных операций крупными фирмами, что, в свою очередь тормозило рост товарооборота и снижало конкурентоспособность российской торговли в Монголии в условиях господствующей роли в ее экономике китайского торгово-ростовщического капитала. Проблема кредитного обеспечения русско-монгольского товарооборота неоднократно обсуждалась представителями деловых кругов и в правительственной администрации, но ее удовлетворительное решение тормозилось как общим направлением экономической политики в Монголии, так и уровнем развития кредитных учреждений в России и Сибири.

В 60–90-е гг. XIX в. предприниматели, работавшие в Монголии, добывали необходимые оборотные средства прежде всего за счет коммерческого кредита. Наиболее крупные купцы, выезжавшие для закупки товаров для Монголии на Ирбитскую ярмарку, получали текстильные, галантерейные и другие товары в кредит от фирм-производителей Европейской России и Урала с обязательством уплаты долга максимум через 12 месяцев. Что касается текущих нужд в денежных средствах, то торговцы вынуждены были изыскивать их на месте, что было непросто. Даже в самых крупных экономических центрах региона господствующее положение в этот период занимал ростовщический кредит, который задерживал процесс становления рыночных отношений и сохранял самые архаичные формы хозяйственной практики.

Открытие в сибирских городах отделений акционерных коммерческих банков изменило в лучшую сторону положение русских торговцев в Монголии, хотя и не решило всех проблем кредита. В начале XX в. бийское отделение Сибирского торгового банка, например, выдавало торговавшим в Монголии предпринимателям в виде ссуд 150 тыс. р. и учитывало векселей на 200 тыс. р. Но возможность получения банковского кредита имели далеко не все предприниматели. По справедливому замечанию

Ф. Броделя, «взаймы дают только богатым». Вексельные кредиты открывались прежде всего крупным торговцам, преимущественно из числа гильдейского купечества.

Для мелких предпринимателей получение ссуды было связано со значительными трудностями. М. Н. Боголепов и М. Н. Соболев сообщали, что для получения банковского кредита мелким и средним торговцам необходимо было получить особые бланки от крупной фирмы, которая выступала в роли поручителя и гаранта возврата кредита. Получение же такого бланка обуславливалось обязательством со стороны торговца передать скупленное в Монголии сырье в руки фирмы, выдавшей бланк на тех или иных условиях. Таким образом, крупные фирмы без особых хлопот получали шерсть и пушнину по низким ценам, удерживая в экономической зависимости мелких предпринимателей. Трудности в получении кредита заставляли торговцев, выезжавших за границу, брать с собой серебро или наличные деньги, причем с течением времени их доля в общем вывозе постоянно возрастала. Что касается кредитования русских торговцев, то банк шел на эту операцию неохотно и если выдавал ссуды, то только крупным предпринимателям. Определяя политику монгольских отделений, директор-распорядитель Русско-Китайского банка, известный финансист А. И. Путилов, подчеркивал, что «кредитовать следует только лиц действительно кредитоспособных и могущих целесообразно использовать кредит. Выдача же ссуд в виде денег мелким некредитоспособным торговцам кроме убытка ничего не дает». Разумеется, с точки зрения банковских интересов, кредитование крупных коммерсантов было более безопасной и прибыльной операцией. Однако, как признавал руководитель монгольских отделений С. Ф. Степанов, такая политика банка объективно ставило «преграду распространения в Монголии хороших русских товаров», поскольку именно мелкие и средние торговцы являлись «...наиболее деятельными распространителями русских товаров в Монголии».

В целях укрепления экономического влияния России в Монголии, о чем в начале XX в. постоянно велись разговоры в правительственных кругах, глава дипломатического представительства в Пекине Д. Д. Покотиллов в январе 1908 г. сделал попытку повлиять на монгольскую политику Русско-Китайского банка. В частности, он предложил руководству банка организовать торговлю монгольским сырьем за

свой счет, выдачу подтоварных ссуд русским торговцам и кредитование их промышленными товарами. Министерство торговли и промышленности, в свою очередь, рекомендовало банку прислушаться к советам Д. Д. Покотилова, однако встретило вежливый, но твердый отказ. Этот отказ А. И. Путилов мотивировал тем, что банк «по своей организации... совершенно не приспособлен к ведению торговли, да еще такой своеобразной, как торговля с кочевниками». Кроме того, по мнению руководства банка, организация собственной торговли нанесла бы ущерб русской торговле, поскольку он «...явится прямым конкурентом русским купцам». Причины неудач русской торговли в Монголии А. И. Путилов видел не столько в деятельности банка, сколько в незаинтересованности в монгольском рынке российских фабрикантов и обилии посредников, которые вздували цены на вывозимые за границу продукты российской промышленности.

Действительно, по сведениям, поступавшим из самых разных источников, текстильные фабриканты Европейской России не считали монгольский рынок заслуживавшим серьезного внимания и практически не учитывали его запросов. Это вело к тому, что привозимые в Монголию промышленные товары (прежде всего мануфактура) по своим потребительским свойствам и цене уступали английским и американским, которыми торговали китайские купцы. Поэтому купцы-оптовики, закупавшие товар для Монголии на Ирбитской ярмарке, имели «главной целью дешевизну товара, не обращая особого внимания на его качество». Они мирились с предлагаемым ассортиментом и качеством экспортных изделий потому, что реализовали привезенный из России товар не потребителям, а мелким и средним розничным торговцам, которые, не имея возможности совершать оптовые покупки у производителей, были вынуждены брать его по повышенной цене у крупных фирм.

Все эти обстоятельства, а также плохое знание местных условий привели к тому, что Русско-Китайский банк потерпел убытки, составившие 500 тыс. р., и в 1909 г. ликвидировал свои монгольские отделения. Одной из причин неудачных действий банка было то, что он сосредоточил свои усилия прежде всего на кредитовании хошунов и, практически не уделяя внимания русской торговле. Ссуды монголам выдавались серебром, и их возврат также предполагался серебром, которого у местного населения не было. Реально монголы могли

возвратить взятые ссуды сырьем или пушниной, а это требовало от банка организации собственного торгового аппарата, что вело к возрастанию накладных расходов. Плохо ориентируясь в специфике коммерческой деятельности в Монголии, банковские отделения выдавали ссуды тем хошунам, которые были некредитоспособны и решения о выдаче ссуды зачастую диктовались не экономической целесообразностью, а иными, прежде всего политическими соображениями. Другой причиной неудачи Русско-Китайского банка в Монголии было открытие в 1907 г. В Урге и Улясутае отделений китайского правительственного банка, который также направил свою деятельность на кредитование хошунов. Пользуясь поддержкой местной администрации, он постепенно вытеснил Русско-Китайский банк из этой сферы кредитной деятельности. Таким образом, начиная с 1909 г. Русская торговля в Монголии фактически оказалась без кредитной поддержки, что в условиях усиливавшейся китайской конкуренции ставило ее в заведомо невыгодные условия. После закрытия в Монголии отделений Русско-Китайского банка в Министерство торговли и промышленности стали поступать ходатайства предпринимателей об открытии в Монголии отделений какого-либо кредитного учреждения.

Данный вопрос был рассмотрен 3.02.1911 г. на заседании межведомственной комиссии по монгольскому вопросу. В рамках обсуждения общих проблем усиления российского влияния в Монголии комиссия должна была представить конкретные предложения о кредитной поддержке русско-монгольской торговли. С этой целью на ее заседание были приглашены представители Сибирского торгового, Русско-Азиатского и Волжско-Камского банков. Все попытки правительства оказать давление на банки с целью открытия монгольских отделений успеха не приносили. Так, правление Русско-Азиатского банка в ответ на запрос генерального консула в Урге отмечало, что «произведенный банком опыт отнюдь не говорит в пользу разрешения возбужденного Министерством иностранных дел вопроса в положительном смысле». В документе подчеркивалось, что если Министерство открытием банка преследует не финансовые, а политические интересы, то банк готов обсуждать этот вопрос, но только после подписания соответствующего соглашения между ним и правительством. Однако администрацию такой подход совершенно не устраивал, поскольку в условиях сложной внешнеполитической об-

становки на Дальнем Востоке она стремилась сохранить видимость нейтралитета в решении монгольского вопроса. Таким образом, вопрос о кредитовании русской торговли в Монголии остался открытым. Если крупные предприниматели еще как-то решали эту проблему, то мелкие торговцы по-прежнему оставались без финансовой поддержки, что, с одной стороны, обрекало их на экономическую зависимость от крупного капитала, а с другой — ограничивало размеры торговых операций.

Провозглашение Монголией независимости вновь поставило в повестку дня вопрос о кредитовании русской торговли. Юридической основой деятельности банков стал договор, подписанный 21 октября 1912 г. В соответствии с 3 статьей торгового протокола, русским кредитным учреждениям предоставлялось право открывать свои отделения в Монголии и вести различные финансовые операции, как с физическими лицами, так и с учреждениями и организациями. Но российские банки по-прежнему не выражали желания распространять свою деятельность на Монголию. Этим обстоятельством воспользовался русский подданный, находившийся на монгольской службе, бывший представитель Русско-Китайского банка в Урге Ф. Москвитин, который получил концессию на открытие в Монголии самостоятельного кредитного учреждения — Монгольского Национального банка. Министерства финансов и иностранных дел к проекту учреждения Монгольского Национального банка отнеслись в целом положительно. Уполномоченный по ведению переговоров с монгольским правительством И. Я. Коростовец полагал, что при сложившихся обстоятельствах учреждение банка в Монголии является неизбежным. «Отказ русских банков от операций в Монголии, — подчеркивал он в телеграмме на имя министра иностранных дел, — наконец возможность появления иностранных концессионеров, которых мы не могли бы устранить без явного нашего вмешательства, делают учреждение эмиссионного банка своевременным и абсолютно необходимым».

Наконец, после долгих проволочек, в 1915 г. Монгольский Национальный банк начал свою работу. Его главная контора была открыта 15 мая в Урге, а также были учреждены агентства в Улясутае, Кобдо, Улангоме, Тарятах, Дзаин-Шаби и Гоби-Тушету-ване. Судя по всему, его руководство помнило о причинах неудачной деятельности Русско-Китайского банка и стремилось вести финансовые операции

с учетом специфики монгольского хозяйства. Важнейшими финансовыми операциями стали переводы денежных сумм, учет векселей и кредитование частных лиц. Однако в условиях продолжавшейся войны банк не сумел развернуть свою деятельность в достаточно широких размерах. Денежные переводы из России в Монголию составили в 1915 г. — 2 378 тыс. р., в 1916 г. — 7 831 тыс. р., в 1917 г. 9 205 тыс. р. Годовой учет векселей составлял не более 500–600 тыс. р. для монголов и 150 тыс. р. для русских, причем размер кредита на одного русского торговца не превышал 20 тыс. р. Учет векселей производился из 12% годовых, сроком не менее, чем на 1 год. Отрицательную роль в кредитовании предпринимателей сыграло то, что окончательное решение о выдаче ссуды принималось правлением Сибирского торгового банка в Петербурге, что создавало чрезвычайную волокиту. Выдача ссуд монголам обуславливалась их политической ориентацией: кредиты предоставлялись только тем лицам, чье лояльное отношение к России не вызывало сомнений. Что касается чеканки монеты и выпуска кредитных билетов, то эта операция банком так и не была осуществлена, поскольку не удалось получить из России золотого обеспечения (ввиду войны вывоз благородных металлов из России был запрещен). Межведомственное совещание 17 июня 1916 г., обсуждавшее данный вопрос, пришло к выводу, «что таковая мера при обстоятельствах данного времени является вряд ли осуществимой и что целесообразнее было бы отсрочить ее впредь до окончания войны». В общем, широкие планы, связывавшиеся с открытием Монгольского Национального банка оказались нереализованными, и его деятельность вызвала разочарование, как в русских, так и в монгольских кругах. Воспользовавшись очередным отказом банка в выдаче ссуды монгольскому правительству и ввиду невыполнения условия о выплате монгольской казне 15% прибыли, последнее нотой от 18 сентября 1918 г. объявило концессионный договор недействительным и лишило банк всех предоставленных ему ранее привилегий.

Таким образом, в течение второй половины XIX — начале XX в. проблема кредитной поддержки русской торговли так и не получила удовлетворительного разрешения. Большая часть действовавших в Монголии российских торговцев постоянно испытывала острый дефицит в оборотных средствах. Невнимание отечественного финансового капитала к нуждам русско-монгольской торговли привело к тому, что

в условиях острой конкурентной борьбы с китайскими коммерсантами российские предприниматели были вынуждены уменьшить поставки фабрично-заводских изделий в Монголию и переключиться на скупку местного сырья. Постоянно увеличивавшийся пассивный баланс русско-монгольской торговли делал нереальными проекты и планы российского правительства, направленные на усиление экономического и политического влияния в Монголии.

Инфраструктура русско-монгольской торговли

Важнейшим условием успешного развития торговли является состояние путей сообщения, средств транспорта и связи. Способы доставки и скорость перевозки грузов, передача необходимой коммерческой информации оказывали и оказывают существенное, а порой и решающее влияние на объем товарных поставок, их ассортимент и стоимость. В конце XIX — начале XX в. значение экономической инфраструктуры для развития хозяйственной и социальной жизни России хорошо сознавалось современниками. «Фактическая свобода передвижения и быстрота передачи известий, — отмечалось в одном из обобщающих изданий начала XX столетия, — становятся все более ощутимым условием человеческого общения, без чего немислимо себе представить культурного развития человечества вообще».

Для русско-монгольской торговли транспортный вопрос был особенно актуален и приобрел особую остроту после подписания Пекинского договора 1860 г., разрешившего свободный въезд и торговлю русских подданных в пределах Монголии. Несмотря на огромную протяженность русско-монгольской границы, удобных дорог, по которым могло осуществляться торговое движение, фактически не было. Главной транспортной артерией, по которой шло торговое движение, был тракт Кяхта — Урга, однако трактом его можно было назвать весьма условно, поскольку, по словам И. Майского, «монгольские дороги не представляют собой непрерывной наезженной колеи, которая везде резко выделяется из рамки окружающего ландшафта, а является скорее просто определенными направлениями». В 1863 г. прошел первый караван в Монголию через границу с Енисейской губернией, предпринимались опыты караванной торговли через Тунку. В 1869 г. в этом направлении проследовало 11 торговых караванов. Торговля с

Западной Монголией осуществлялась по пути, шедшем из Усть-Каменогорска через Бухтарминскую долину до пикета Чингистай и далее вьючной тропой до пограничного караула Суок. В 30-х гг. XIX в. речь шла даже об устройстве здесь таможенного пункта, однако вскоре от этой мысли отказались, поскольку выяснилось, что «...с устройством таможни казна не только не приобретет никакой пользы, но даже не окупит тех издержек, какие нужно будет употребить на содержание оной». В 1870 г. неподалеку от границы была основана Зайсанская станция и караваны в Монголию стали проходить через нее, так как эта дорога была гораздо легче пути на Чингистай. Особое внимание и интерес в этот период вызывал Чуйский торговый путь, соединявший Западную Сибирь с северо-западными областями Монголии. Этот путь, шедший из Бийска в Чуйскую долину, расположенную на южной границе Томской губернии, был известен еще с конца XVIII в. В это время Чуйский тракт представлял собой горную тропу, перевозить товары по которой, возможно было только вьючным способом.

В связи с подписанием Пекинского договора и торговых правил 1862 и 1869 г. Торговля в Чуйской долине и ее условия вызвали большой интерес как местной администрации, так и центральных правительственных учреждений. Причина повышенного внимания к Чуйскому пути заключалась в том, что «...торговое сообщение с Китаем в этом пункте с лишком на две тысячи верст ближе, чем сообщение через Кяхту», и это открывало перспективу удешевления сухопутной доставки чая из Поднебесной империи.

Кяхтинские торговцы, пытаясь сохранить значение Кяхты как главного пункта русско-китайского и русско-монгольского обмена, стремились доказать, что перенесение центра тяжести торговли на запад пагубным образом отразится на всей сибирской экономике. Несмотря на это, Чуйская торговля вызвала серьезную заинтересованность в правительстве, которое после подписания в 50–60-е гг. XIX в. ряда договоров с Китаем, надеясь на укрепление своих экономических и политических позиций в Центральной Азии и на Дальнем Востоке. Первые предварительные обследования Чуйского пути были проведены в 1868 г. чиновником для особых поручений Министерства финансов К. Яцевичем и в 1869 г. бийским исправником Е. Замятиным. Эти материалы дали основание томскому губернатору обратиться в Государственное казначейство с хо-

датайством об ассигновании 100 тыс. р. для строительства тракта. В то же время семипалатинский губернатор предложил устроить колесную дорогу к караулу Суок через Бухтарминскую долину и просил для производства работ 25 тыс. р.

Следует отметить, что соперничество двух губернаторов было продиктовано скорее чиновными амбициями, чем трезвым расчетом. Как отмечал русский консул в Кульдже Н. Балкашин, «оба пути... техническому исследованию не подвергались, и судить о действительной стоимости их разработки не имелось положительных данных». Тем не менее, поскольку сумма, запрашиваемая на устройство Бухтарминской дороги, была в 4 раза меньше, Министерство финансов в целях экономии остановилось на этом проекте, и выделило в 1874 г. необходимые средства. Однако вскоре выяснилось, что торговля в этом направлении не получила большого развития. Как сообщалось в справке подготовленной департаментом торговли и мануфактур, «...семипалатинские и усть-каменогорские купцы, главную массу которых составляют татары, предпочитают вести торговлю с родственными им киргизами, нежели с китайцами и монголами через Кобдо и Улясутай». В этой связи, Н. Г. Казнаков, сменивший А. П. Хрущева на посту генерал-губернатора Западной Сибири, распорядился прекратить строительство. В своем докладе министру императорского двора от 5 февраля 1879 г. Он сообщал, что к этому времени большая часть денег оказалась истрачена, «а между тем, дорога была устроена на самом незначительном протяжении и притом в местах, наименее требовавших разработки».

Но в целом до конца столетия никаких серьезных мероприятий по улучшению путей сообщения между Россией и Монголией сделано не было. В Забайкалье грузы для Монголии перевозились по известным трактам Иркутск — Кяхта и Мысовая — Кяхта. Кяхтинское купечество на свои средства провело некоторые работы по улучшению дороги между Ургой и Кяхтой, а в 80-х гг. на этом пути были построены мосты через реки Толу и Дзагастай. Сообщение с Урянхайским краем осуществлялось вьючным способом, а зимой по льду Енисея. Такое невнимание к этой проблеме было вызвано, с одной стороны, недооценкой Монголии как рынка сбыта промышленной продукции России и важного источника сырья, а с другой — уверенностью в том, что никто не сможет составить реальную конкуренцию российским

предпринимателям в этом регионе. Немаловажной причиной было и то, что обороты русско-монгольской торговли были сравнительно невелики, а затраты средств на строительство удобных путей составляли немалые суммы.

В конце 80-х гг. XIX в. в дальневосточной политике России произошли изменения, которые основывались на идеях так называемого государственно-экономического направления. Его представители в своих трудах обосновывали необходимость активного освоения Дальнего Востока. «Там лежат колоссальные минеральные и земледельческие богатства, в которых нуждается Россия, там лежат естественные рынки для сбыта наших мануфактурных произведений и покупки дешевого сырья для наших фабрик, ...там спасение от малоземелья крестьян и место для колонизации будущего избытка нашего населения — словом, все будущее наше на Востоке, но никак ни на Западе, где нам ровно нечего делать», — писал Н. Шавров.

После назначения на пост министра финансов С. Ю. Витте идеи активного освоения дальневосточного региона начали проводиться в жизнь. Важнейшим элементом реализации этой политики стало строительство Сибирской железной дороги, которое должно было оказать влияние и на развитие торгово-экономических отношений с Китаем и Монголией. В связи с сооружением транссибирской железнодорожной магистрали возникла необходимость подвода к ней разветвленной сети подъездных путей, которые обеспечивали бы ее нужным количеством грузов, и тем самым способствовали ее скорейшей окупаемости. Одним из таких подъездных путей должен был стать Чуйский торговый путь. «С проведением Сибирской железной дороги, — говорилось в записке, подготовленной Министерством финансов, — значение пути через Бийск и Кобдо имеет все шансы увеличиться еще более, и с этой точки зрения улучшение бийской дороги, могущей стать одним из значительных подъездных путей по отношению к магистральной линии, представляется особенно желательным». В этой связи Комитет Сибирской железной дороги 18 ноября 1893 г. принял решение отпустить в распоряжение томского губернатора 3 тыс. р. на изыскательские работы и 45 тыс. р. На строительство колесной дороги до монгольской границы. Кроме этого, императорский Кабинет распорядился выделить на строительство из своих средств железо, инструмент, взрывчатые вещества на сумму 3 тыс. р. В сле-

дующем 1894 г. на имя начальника Алтайского округа из Петербурга было отправлено 35 пудов динамита, 200 кругов бикфордова шнура, 7 000 капсулей, 2 000 электрических запалов, а также приобретенная у фирмы «Людвиг Нобель» электрическая взрывная машина. В середине 1903 г. строительство тракта было завершено на всем протяжении от Онгудая до Кош-Агача, и перевозка грузов по нему могла осуществляться гужевым способом. Это в значительной степени повлияло на количество перевозимых грузов. Если в 1892–1901 гг. через Кош-Агач в среднем проходило 74,2 тыс. пудов грузов и прогонялось 2146 голов скота, то, начиная с 1902 г., когда перевозка товаров стала осуществляться на телегах, эти цифры значительно увеличились. В 1902–1907 гг. среднегодовой транзит грузов через Кош-Агач составил 169,3 тыс. пуд., а прогон скота — 12,2 тыс. голов. Недостаток отпущенных средств не мог не сказаться на качестве дорожно-строительных работ, и вскоре после завершения строительства его руководители подверглись серьезной критике в печати. Таким образом, построенный в 1901–1903 гг. Чуйский тракт не оправдал тех больших надежд, которые на него возлагались. После окончания строительных работ дорога фактически была брошена на произвол судьбы, никаких ремонтных работ здесь не проводилось, и это привело к тому, что «...всеразрушающее время, естественно, привело тракт в почти прежнее первобытное состояние».

Помимо сухопутных торговых путей, в начале XX в. большее внимание стало уделяться водному сообщению. Транспортные расходы по перевозке товаров по воде были значительно ниже, и, кроме того, верховья некоторых сибирских рек находились в Монголии. В правительственных и предпринимательских кругах вопрос об организации водных перевозок обсуждался неоднократно, но реальные действия в этом направлении были предприняты лишь в начале XX в. В 1903 г. были проведены гидрографические исследования на р. Енисее от Минусинска до границы и в Урянхайском крае, и подготовлены судоходные карты. Для производства работ по очистке верхнего русла Енисея от скал и порогов в 1911–1913 г. было ассигновано 328 тыс. р. После завершения работ, которое планировалось к 1915 г., стоимость провоза пуда груза от Красноярска до Кобдо и Улясутая должна была составить 58–69 к., что было в 2–2,5 раза меньше, чем доставка сухопутным способом. В 1902 г. было образовано Верхне-Иртышское пароходное товарищество,

которое совершало рейсы между г. Семипалатинском и озером Зайсан. В 1907 г. это товарищество, возглавляемое П. Плещеевым, было преобразовано в «Русско-китайское акционерное общество пароходства и торговли». Компания построила два мелкосидящих парохода «Г. Березницкий» и «П. Андреев». В начале XX в. активно обсуждался вопрос о возможностях использования сибирских рек и Северного морского пути для транзитных перевозок сырья и промышленных товаров между странами Западной Европы и Монголией. Одним из первых эту проблему поставил известный сибирский предприниматель и общественный деятель, депутат III и IV Государственной думы С. В. Востротин, который еще в 1894 г. организовал коммерческую экспедицию из Норвегии в устье р. Енисей. В 1905 г. в журнале «Сибирские вопросы» он опубликовал большую статью, в которой доказывал перспективность этого пути, как для сибирской экономики, так и для русско-монгольской торговли.

Постепенно в деловых кругах и государственных структурах формируется понимание необходимости комплексного решения проблемы развития путей сообщения между Россией и Монголией. К межведомственному совещанию по вопросу усиления русского влияния в Монголии, состоявшемуся в августе 1911 г., была подготовлена записка «О путях сообщения Азиатской России с Монголией», в которой были обозначены все сухопутные и водные пути, по которым могло осуществляться торговое движение и сделан примерный подсчет затрат необходимых для их эксплуатации. В соответствии с этим документом, затраты на прокладывание новых и совершенствование существующих путей были оценены в 2589,9 тыс. р. (водные пути — 1227,5 тыс. р., сухопутные — 1362,4 тыс. р.). Авторы записки подчеркивали, что расширение торговых связей с Монголией является общегосударственной задачей, а потому «...необходимым для успеха дела условием должно быть установлено, что все работы производились средствами казны, а не натуральною дорожною повинностью местных жителей». После провозглашения независимости Монголии в декабре 1911 г. вопрос о путях сообщения приобрел особую актуальность и активно обсуждался в 1912–1913 гг. на совещаниях по русско-монгольским делам в Иркутске и межведомственном совещании в Санкт-Петербурге. Главным инициатором этих собраний был иркутский генерал-губернатор Л. М. Князев, который подчеркивал

не только экономическую, но и политическую важность данной проблемы.

Поскольку главные направления грузоперевозок были уже определены и особых разногласий не вызывали, основным предметом обсуждения являлся вопрос об источниках финансирования и способах производства дорожно-строительных работ. Большинство участников совещаний высказывалось за государственное финансирование работ, подчеркивая, что «...проложение проектируемых путей сообщения в Монголию ...имеет не только коммерческое, но и важнейшее политическое значение, вследствие чего предоставление этого дела на полную случайность частной инициативы несовместимо с нашими безотложными государственными задачами в Монголии». Однако существовало и другое мнение, которого придерживалось Министерство финансов. Его представитель считал, что в виду больших затрат «...нельзя игнорировать частную инициативу там, где она проявляется и считать ее заранее несостоятельной». Министерство путей сообщения выступало против государственных ассигнований на строительство дорог в пределах Монголии. При обсуждении необходимости исправления тракта Кяхта — Урга, представитель этого министерства подчеркивал, что «в виду общего бездорожья, от которого страдает Россия, было бы несоответственно тратить деньги на устройство дорог за границей». Эти затраты могло взять на себя кяхтинское и ургинское купечество при содействии частных коммерческих банков. Помимо водных и гужевых путей, большие надежды возлагались на железные дороги. В практическую плоскость обсуждение перспектив прокладки железных дорог к русско-монгольской границе перешло после пуска в эксплуатацию транссибирской магистрали, приблизившей отдаленные сырьевые районы Зауралья к рынкам Европейской России.

При перевозке груза на верблюдах использовался вьюк, называвшийся в Монголии «ачан». Вес такого вьюка колебался от 10 до 14 пудов и зависел от характера перевозимого товара. Небольшой по объему, но тяжелый товар, например, серебро или металлические изделия, монголы грузили во вьюк весом 10 пуд. Текстильные товары, шерсть, сурковые шкурки упаковывались по 12–14 пуд. Караван представлял собой линию идущих друг за другом верблюдов, нередко растягивавшихся на несколько сотен метров. На 7–8 верблюдов полагался один погонщик. Монголы также пере-

возили грузы на быках, запряженных в телегу. На повозку обычно грузилось 15–18 пуд, но такой способ доставки использовался преимущественно на короткие расстояния. Русские ямщики в телегу запрягали лошадей и грузили на телегу до 25 пуд. Однако, русских ямщиков, перевозивших монгольские грузы, было сравнительно немного. По подсчетам А. П. Болобана, в начале XX в. на их долю приходилось не более 5% всего грузооборота. Он считал, что, отдав перевозку товаров в руки монголов, предприниматели значительно увеличивали транспортные расходы, поскольку монголы за свою работу запрашивали более высокую цену. Так сибирская транспортная контора «Горбонос, Ферштейн и Барахович» при доставке товаров из Улясутайского округа по Тункинскому тракту в Иркутск, устанавливали цену в 4 раза меньшую, чем монгольские ямщики. На Чуйском тракте доставкой грузов занимались преимущественно местные крестьяне, используя извоз в качестве дополнительного заработка. По некоторым подсчетам, перевозка товаров по Чуйскому тракту приносила ямщикам 700–800 р. годового дохода, и этим промыслом занималось до 500 крестьянских семей, представлявших для перевозок 2–3 тысячи подвод. Предназначавшиеся для Монголии грузы из Бийска доставлялись на телегах до Шебалино или Онгудая, там их упаковывали в конские или верблюжьи вьюки и далее он следовал до Кош-Агача. В Кош-Агаче товары принимали монгольские возчики и на своих верблюдах перевозили его до Кобдо или Улясутая, а оттуда он развозился по степи. Осенью происходила обратная операция, и монгольское сырье, достигнув Бийска, отправлялось на Ирбитскую или Нижегородскую ярмарки гужевым способом, а с пуском в эксплуатацию Транссибирской магистрали — железнодорожным транспортом. С середины 80-х гг. XIX в. шерсть и другое сырье монгольские ямщики стали доставлять до Шебалино, хотя из-за трудности пути делали это неохотно. В этом случае перегрузки товара в Кош-Агаче не требовалось, и доставка обходилась дешевле. Такая организация перевозки товаров требовала большого количества верблюдов и лошадей и крупных затрат. По свидетельству купца А. Д. Васенева, в 1894 г. для перевозки монгольской шерсти в Бийск из северо-западных округов Монголии необходимо было не менее 12 тыс. вьючных лошадей. Таким образом, отсутствие удобных торговых путей и использование самых примитивных способов перевозки товаров значитель-

но удорожало их цену. В условиях усилившейся в начале XX в. конкуренции со стороны китайских коммерсантов, торговавших западноевропейскими промышленными изделиями, это приводило к вытеснению российских товаров с монгольского рынка, и заставляло их переключаться преимущественно на закупку сырья.

Аналогичным образом обстояло дело со средствами связи. «Одним из самых больных мест русско-монгольской торговли, — писали М. И. Боголепов и М. Н. Соболев, — является недостаточное обслуживание ее почтово-телеграфными учреждениями». В начале 60-х гг. XIX в. после учреждения ургинского консульства и «открытия» Монголии для русского купечества, вопрос об установлении регулярного почтового сообщения между Монголией и Россией стал особенно актуален. В соответствии с Тяньцзиньским (1858) и Пекинским (1860) договорами, русское правительство получило право организовать за свой счет перевозку почты по маршруту Кяхта — Урга — Пекин. Начиная с 1862 г. почтовая связь была налажена, и стала носить регулярный характер: трижды в месяц ходила «легкая» почта и один раз в месяц — «тяжелая». В это же время кяхтинское купечество установило почтовое сообщение между Кяхтой и Калганом. Однако, если Ургинский округ, благодаря наличию консульства, имел почтовые связи с Россией, то в северо-западной Монголии дело обстояло значительно хуже. В 60–80-х гг. XIX в. регулярного почтового сообщения здесь вообще не существовало, а необходимая информация передавалась либо с попутным караваном, либо со специально посланным нарочным. Крайне неудовлетворительное состояние средств связи между Россией и Монголией сохранялось и в начале XX в. А. В. Бурдуков, описывая в своих воспоминаниях события 1911 г. в северо-западной Монголии, сообщал: «В те дни ни телеграфа, ни почты в Монголии не было; письма и газеты из Бийска и Кош-Агача попадали в Кобдо не чаще одного раза в месяц со специальным нарочным, случайной оказией или же с обратными ямщиками». Для предпринимателей такое положение затрудняло расчеты по сделкам, а нередко невозможность получения необходимой коммерческой информации приводило к прямым убыткам. Ярким примером этого был уже упоминавшийся «сурковый кризис» 1910 г., когда отсутствие информации о ценах на сурковые шкурки на Ирбитской ярмарке и на западноевропейском рынке привело бийских предпри-

нимателей к крупным убыткам. Отсутствовала в Монголии и более совершенная телеграфная связь. В 1897 г. одна из датских компаний заключила договор с китайским правительством и провела телеграфную линию между Калганом, Ургой и Кяхтой, однако услуги этого телеграфа стоили дорого и предприниматели им почти не пользовались. В 1904 г. было начато строительство телеграфной линии между Бийском и Кош-Агачем, с 1909 г. бийская телеграфная контора стала получать международные телеграммы. Однако все это не решало насущных проблем передачи коммерческой информации, поскольку прямой связи между российскими и монгольскими торговыми центрами не было. После объявления независимости Монголии вопрос о средствах связи приобрел особую актуальность и был признан «одним из важнейших мероприятий в целях нашего культурного проникновения в страну». Необходимость скорейшего решения этой проблемы признавалась и предпринимательскими организациями и правительственными органами. Совещание по русско-монгольским делам, состоявшееся в 1913 г. в Петербурге, разработало комплексную программу развития почтово-телеграфной связи между Россией и Монголией. Эта программа включала в себя ряд конкретных мероприятий по развитию почтово-телеграфной службы, причем подчеркивалось, что устройство средств связи должно находиться в руках государственных органов, а не частных лиц. Особо подчеркивалась необходимость участия в эксплуатации почты и телеграфа монгольского правительства.

Таким образом, в течение второй половины XIX — начала XX в. инфраструктура русско-монгольской торговли не претерпела существенных изменений. Несмотря на необходимость прокладки удобных путей сообщения, совершенствования средств транспорта и связи, в этом направлении было сделано гораздо меньше, чем требовалось для реализации масштабных задач по «экономической оккупации» Монголии, которые вынашивались в российских политических и деловых кругах. Это обуславливалось рядом причин. Одной из них была сравнительно успешная деятельность сибирских предпринимателей на монгольском рынке в 60–80-х гг. XIX в., которая породила иллюзию того, что никто не сможет составить реальной конкуренции русским капиталистам в этом регионе. Однако этот успех был обусловлен не столько достаточным количеством и приемлемым качеством товаров и умелой ор-

ганизацией русского дела в Монголии, сколько фактически монопольным положением русских коммерсантов.

По мере того, как на монгольский рынок стали поступать изделия английского и американского производства, географические преимущества русских предпринимателей стали быстро сходиться на нет. Поскольку себестоимость англо-американских товаров была существенно ниже русских, единственным средством борьбы с конкурентами стало снижение накладных и транспортных издержек. В этих условиях значение инфраструктуры резко возросло. Между тем, правительство надеялось на то, что предприниматели, как наиболее заинтересованная сторона, развернут работы по прокладыванию торговых путей и строительству дорог на свои деньги. Однако предприниматели, несмотря на прибыльность торговли в Монголии не имели достаточных средств для этого. Кроме того, в контексте правительственных заявлений о заинтересованности в монгольском рынке и важном политическом значении Монголии для России, они не спешили вкладывать

средства в весьма капиталоемкое дорожное строительство, рассчитывая на финансовую поддержку государства. Поэтому только в начале XX в. в этом направлении стали предприниматься некоторые меры, которые сводились преимущественно к разработке планов, проектов, изысканию средств для дорожного строительства и прокладывания телеграфных линий. Несмотря на очевидную необходимость создания инфраструктуры, работа продвигалась медленно. Правительство по-прежнему недооценивало экономический аспект русско-монгольских отношений, отдавая приоритет политическим вопросам. Даже в 1912 г., когда процесс вытеснения русских фабрично-заводских изделий иностранными был совершенно очевиден, министр финансов В. Н. Коковцов не усматривал в этом никакой угрозы для русского дела в Монголии. В результате формирование инфраструктуры началось с большим запозданием и осуществлялось крайне медленными темпами, что в конечном итоге привело к ослаблению позиций русских предпринимателей на монгольском рынке.

ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И МОНГОЛИИ В XVII — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

С конца XVII в. до начала XX в. (1911 г.) российско-монгольская торговля осуществлялась в рамках российско-китайских отношений и в общей системе международных контактов России и Китая, находившегося тогда под властью маньчжурской династии Цин. Данное обстоятельство связано с тем печально известным фактом, что Внешняя Монголия в этот период не была независимой и входила в состав Цинского Китая. Сохранившись как этнос и сохранив свое культурно-историческое единство, монголы тогда потеряли возможность решать как внутренние, так и внешние дела. Последнее особенно жестко контролировалось маньчжурским ведомством иностранных дел (Лифаньюанем), поскольку это касалось национальных окраин Китая и, следовательно, вопроса единства страны. Правда, независимое государство западных монголов — ойратов просуществовало до 1758 г. Но как фактор русско-монгольских отношений в сфере торговли, это государство, видимо, потеряло свое значение еще в конце XVII в., так как тогда Джунгария переориентировалась в своих торговых интересах на земельные оазисы Восточного Туркестана.

Русско-монгольские торговые отношения в XVIII–XIX вв. автоматически рассматривались и решались в контексте российско-китайских межгосударственных отношений, тем более, что линия разграничения Сибири и монгольских степей имела статус русско-китайской границы (с 1727 по 1911 гг.).

Следствием данного обстоятельства было то, что в ходе острейшей конкуренции русских и китайских торговцев в Монголии во второй половине XIX — начале XX вв., последние активно использовали административный ресурс.

Фактором, постоянно влиявшим на русско-монгольскую торговлю, был и очень не емкий внутренний рынок степной страны. Виной тому была небольшая численность населения и многоотраслевой характер экономики и экстенсивный характер кочевого скотоводства. Отсюда, натуральный характер производства и очень низкий уровень товарности хозяйства даже в начале XX в. К тому же колонизаторская политика Цинского Китая и хищничество китайских купцов подрывали возможности даже простого воспроизводства хозяйств аратов.

Можно выделить примерно шесть периодов истории полных превратностей торговых связей России и Монголии.

В первый период, в XVII в., торговля России и Монголии имела незначительные масштабы и носила эпизодический характер. Это было следствием низкой плотности населения как в Монголии, так и в Сибири, нестабильности караванной торговли, кочевого образа жизни монголов, политической раздробленности степи. И все же, это был относительно короткий период, когда русско-монгольская торговля осуществлялась на равноправных, никем не опосредованных условиях посольских соглашений России с княжествами Халхи.

В то же время активизации русско-монгольских связей стала способствовать транзитная (по территории монгольских кочевий) русско-китайская торговля, принявшая после заключения Нерчинского договора 1689 г. регулярный характер. Хотя конечной целью движения русских караванов через Монголию был Китай, часть товаров купцы имели право продавать монголам. Первоначально, в караванной торговле с Китаем участвовали и казна, и частные торговцы. Но со временем, она была монополизирована государством. Купцам было позволено торговать только на монгольской территории, прежде всего, в Урге, по трассе Селенгинск, Урга, Калган, в больших кочевьях, а также Науне (Цицикаре). Таким образом, даже после заключения российско-китайского Нерчинского договора сохранялась возможность легальной деятельности русского купечества на территории покоренной маньчжурами Внешней Монголии. Но данное обстоятельство, на наш взгляд, вскрывает интересный аспект взаимосвязи русско-китайских и русско-монгольских торговых отношений. Дело в том, что разрешение частной торговли в Монголии открывало дорогу для нелегальной контрабандной торговли русских купцов в Китае, сбывавших там, скажем, пушнину. Проконтролировать купцов было тем более сложно вследствие отсутствия официальной линии разграничения двух стран в конце XVII — начале XVIII вв.

Первые ограничения относительно свободы торговых контактов русского купечества с монголами начались в первой трети XVIII в. Полно-

масштабное выдвигание России на границу с Внешней Монголией, находившейся тогда уже под властью маньчжурского Китая, с одной стороны, и усиление изоляционистской политики Цинского правительства с другой, привели к подписанию в 1727 г. русско-китайских Буринского и Кяхтинского договоров. Во-первых, миссии С. В. Рагузинского удалось договориться с китайской стороной о проведении сухопутной границы между странами. Граница между Монголией и Россией, как подчеркивалось выше, почти на два столетия стала российско-китайской границей. Частная русско-китайская торговля согласно четвертому пункту Кяхтинского договора была разрешена только в пограничном пункте на речке Кяхта (Селенгинской Кяхте) и на реке Аргунь около Нерчинска в местечке Цурухайту. Следовательно, уже в первой трети XVIII в. возможность легальной торговли русских торговцев с монголами была утрачена, поскольку на границе в указанных пунктах единственным субъектом торговли с китайской стороны до середины XIX в. становится купечество этой страны (в основном сплоченная группа купцов из провинции Шаньси — саньсинцы). Но, в то время, до 60-х гг. XVIII в. пока сохранялась возможность нелегальной торговли в глубинных районах Монголии, поскольку Кяхтинский договор предусматривал посылку в Китай один раз в три года русских казенных караванов, с которыми, как показало время, нелегально следовали и частные торговцы. Последние вряд ли могли совершить поездку в Китай и вернуться обратно, не обращаясь к монголам с целью покупки продовольствия и найма гужевого транспорта. Была возможна и ситуация распродажи по пути через Монголию товаров, не реализованных на китайском рынке.

Впоследствии, именно контрабандная частная торговля на территории Цинской империи подорвали казенный караванный торг. В 1762 г. отправка в Китай русских казенных караванов была отменена правительственным указом. В результате этого дорога для русских торговцев в пределы Цинской империи была закрыта почти на столетие, хотя российские паломники к буддийским святыням, участники пекинской духовной миссии, конечно, в этот период имели возможность пересекать границу. Поэтому легальная торговля русских с монголами была надолго прекращена, сменившись нелегальным обменом по пограничной линии, который, видимо, существовал всегда. Превращение

Кяхты в единственный универсальный центр русско-китайской торговли оставило монголам лишь возможность (или повинность) обслуживания линии Кяхта — Урга — Калган, где они выполняли уртонную повинность или нанимались к китайцам в качестве перевозчиков товаров для Кяхты и обратной транспортировки русских товаров в Китай. К самому же Маймачену (ныне Алтан Булак), который находился напротив Кяхты, не допускались не только монголы, но и более широкий круг китайских торговцев. Монгольский рынок в течение многих десятилетий оставался закрытым для русской торговли, впрочем, как и для всего остального мира.

Только в начале 1860-х гг. вследствие известного изменения внешнеполитического положения Китая, его постепенного включения в орбиту мирового рынка, либерализации российско-китайской торговли, сложились условия для развития торговой деятельности русского (и кяхтинского, в частности) купечества в Монголии. Во-первых, потеря Кяхтой своего монопольного положения как единственного пункта торговли с Китаем активизировало поиск кяхтинскими купцами альтернативных сфер приложения капитала. Не случайно, на волне эйфории, вызванной новыми возможностями, в Монголию снаряжаются в начале 60-х гг. XIX в. торговые экспедиции, изучается конъюнктура местного рынка, обсуждаются перспективы русского предпринимательства в Центральной Азии. «Заменится ли когда в широкое и быстрое течение — ныне узкая, едва ползущая по пескам Гоби, струя нашей коммерческой деятельности, — писали кяхтинцы. Будет ли в нем достаточно сил, чтобы в своем движении с севера на юг прорвать гранитные кряжи Алтая, Тянь-Шаня и Гималаев? Где и когда она столкнется с глубоко врывшимся в почву и быстрым, нам встречным, течением европейской лихорадочной деятельности? — Вот вопрос, на который ответит нам будущее».

Во-вторых, договоры 1858–1860-х гг. коренным образом изменили условия торговли в регионе. Пекинский дополнительный договор 1860 г., в частности, разрешил свободную беспошлинную торговлю по всей русско-китайской границе (ст. 4); русским купцам по пути в Китай дозволялось вести розничную торговлю в Урге и Калгане (ст. 5).

Согласно правилам сухопутной торговли между Россией и Китаем, принятым 20 февраля 1862 г., купцам дозволялось беспошлинно торговать по всей Монголии с единственным

условием: иметь при себе торговое свидетельство. Проходя через Калган (юго-восточная Монголия), русские купцы могли оставлять там для продажи пятую часть всего количества товаров, отправляемых ими в Тяньцзинь.

Впоследствии, новые правила, принятые в 1869 г., разрешали оставлять для продажи в калгане произвольное количество товаров (4-й пункт).

Вследствие осуществления указанных реформ Кяхтинское направление вновь стало фактором русско-монгольской торговли. Но одновременно кяхтинское купечество потеряло роль монополиста и в этой торговле. В дальнейшем ввоз товаров через Кяхту перестал отражать весь объем русско-монгольской торговли, поскольку русское купечество стало активно внедряться на монгольский рынок по другим направлениям, в частности, через Бийск.

По данным отчетов торгующего на Кяхте купечества, через этот город монгольских товаров было ввезено в 1863 г. на сумму 197 тыс. р., в 1880 г. — на 178 тыс. р., в 1901 г. — на 68 тыс. р., т. е. ввоз даже сократился к началу XX в. Между тем, по данным монгольских историков, общий оборот русско-монгольской торговли в 1900 г. по сравнению с началом 1860-х гг. увеличился в 40 раз, достигнув 8 млн р. Если сопоставление импорта из Монголии и общего товарооборота покажется некорректным, то отметим, что в последней трети XIX в. русско-монгольская торговля, как и торговля с Китаем, была для русской стороны остро дефицитной. Следовательно, во второй половине XIX в., в силу отмеченных выше обстоятельств, русско-монгольская торговля выходит далеко за рамки традиционного кяхтинского направления, хотя такие кяхтинские купцы, как Н. Л. Молчанов, В. А. Швецов, И. И. Корнаков, А. М. Лушников, торговый дом «Коковин и Басов» продолжали наряду с операциями по закупке чая осваивать монгольский рынок. Но следует отметить деятельность не только кяхтинских, но и всех русских купцов, торговавших по всем направлениям с Монголией, осуществлялась с незначительным или, по крайней мере, с переменным успехом. Это было связано с ужесточением конкуренции на монгольском рынке: наряду с русскими купцами, большую активность стали проявлять китайские купцы, не связанные с кяхтинской торговлей. Русское купечество проигрывает по следующим позициям. Во-первых, россияне

намного дальше, чем китайцы, были удалены от промышленных центров своих стран. Во-вторых, купцы из России имели менее конкурентоспособные товары, в то время как китайцы превратились в компрадоров, торговавших конкурентоспособной европейской продукцией. В-третьих, китайская сторона использовала административный ресурс, затрудняя торговые операции русских торговцев. Это еще одна сторона политической независимости Монголии того периода.

Начало XX в. стало лебединой песней Кяхты как важнейшего фактора русско-монгольской торговли. Усилению роли кяхтинского направления способствовало то, что на протяжении многих десятилетий препятствовало, ил, вернее, оттесняло на задний план русско-монгольские контакты. Мы имеем в виду завершение строительства транссибирской железной дороги, нанесшей решающий удар по кяхтинской чайной торговле, остававшейся до конца XIX в. одним из двух основных каналов поступления китайского чая в Россию.

Этот товар стал морем доставляться во Владивосток и оттуда по железной дороге, минуя Кяхту, в центральные районы России. Кяхта окончательно перестает быть центром торговли с Китаем, приобретая новую роль главного направления русско-монгольской торговли. Подобному развитию событий способствовало и то, что Кяхта оказалась наиболее удобным пунктом, по которому проходил кратчайший путь к железной дороге. Не случайно уже в пору полного упадка русско-китайской кяхтинской торговли разрабатывались проекты соединения этого города с Верхнеудинском, расположенном на Транссибе.

Наконец, падение маньчжурской династии Цин и образование Автономной Монголии также способствовало дальнейшему развитию русско-монгольской торговли через Кяхту, поскольку Урга, всегда входившая в систему кяхтинской торговли, стала официально административно-религиозным центром Монголии. В структуре русско-монгольского товарооборота товарооборот через Кяхту занимает ведущие позиции. Косвенным свидетельством усиления роли Кяхты можно считать свидетельство С. Рыбакова, зафиксировавшего в 1912 г. почти полное предпочтение русских денег китайским по линии Кяхта — Урга. Следует отметить и активное участие кяхтинцев в совершенно новой для этой страны сфере деятельности, а именно участие М. А. и Г. А. Лушниковых в зо-

лотодобыче на реке Иро в составе известной компании «Монголор».

Таким образом, в истории рассматриваемой проблемы выделяются шесть относительно четко очерченных периодов. На первом этапе, со второй половины XVII в. до 1727 г. русско-монгольская торговля развивалась почти свободно, по крайней мере, не ограниченная местом проведения этой торговли. Русско-китайский Кяхтинский договор 1727 г. положил начало второму переходному периоду, когда русские купцы получили право заниматься частной торговлей с китайцами только в Кяхте. Двойственность положения заключалась в том, что купцы в контексте казенной караванной торговли сохранили, пусть и нелегальную, воз-

можность торговать с монголами. Третий, самый продолжительный период (1762–1860 гг.) ознаменовался полным прекращением постоянных торговых контактов России и Монголии в силу сосредоточения всей русско-китайской торговли в единственном пункте — Кяхте. Они фактически оказались заложниками кяхтинской торговли. На четвертом этапе сама Кяхта становится активным участником торговли с Монголией (1860–1900 гг.), хотя играла в общей русско-монгольской торговле незначительную роль. И, наконец, на пятом этапе, потеряв значение транзитного центра русско-китайской торговли, Кяхта на некоторое время становится главным субъектом русско-монгольской торговли.

РАЗВИТИЕ ТАМОЖЕННОЙ СЛУЖБЫ НА РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКОЙ ГРАНИЦЕ

Инструментом регулирования внешнеторговой деятельности и реализации государственной политики в данной сфере является таможня — государственное учреждение, контролирующее экспортно-импортные операции.

В рассматриваемый период в Иркутской губернии действовала таможня, созданная в XVII в. На нее были возложены три основные функции:

— контроль провозимых через границу товаров (включая багаж, почтовые отправления и транзитные грузы) и реализация посредством этого государственной политики в сфере внешней торговли;

— противодействие контрабанде — незаконному провозу через государственную границу товаров, валюты и других ценностей.

— взимание таможенных пошлин и других установленных сборов (марочного, санитарного, за сохранность и складирование товаров, за пломбирование и др.) и пополнение тем самым доходной части государственного бюджета.

В то время был подписан Нерчинский договор (1689 г.), нормализовавший отношения между Россией и Китаем и частично установившего их совместную государственную границу. При этом начала быстро развиваться караванная торговля с Китаем через Иркутск и монгольские степи. Этот путь был более коротким и удобным, чем путь из Нерчинска. Вскоре Иркутск и Кяхта стали центрами русско-китайской торговли, оказавшейся очень выгодной и для купцов, и для государства.

К началу XVIII в. через Иркутскую таможню проходили почти все направляемые в Европейскую Россию китайские товары. Важную роль Иркутская таможня играла и в торговых отношениях с Монголией и даже с Бухарой. Еще в 1680-х гг. в Иркутск через Тункинскую долину прибыло несколько караванов (по 150 верблюдов каждый) бухарских купцов с различными грузами. Иркутская таможня в то время входила в число главных сибирских таможен, что было обусловлено географическим положением Иркутска, через который шли торговые пути в Забайкалье, Китай и Монголию.

Период расцвета Иркутской таможни

Новый порядок сибирской внешней торговли установил Кяхтинский русско-китайский мирный договор 1727 г., в соответствии с которым вся русско-китайская и русско-монгольская торговля сосредоточивалась в Кяхте. Здесь же была открыта таможня, постепенно ставшая главной сибирской таможней. В конце XVIII в. доля этой торговли достигала 10% во внешнеторговом обороте России и 70% в торговле России с азиатскими странами.

Торговые пошлины в то время были установлены в размере всего 10% стоимости ввозимого и вывозимого товара. Это стимулировало торговлю. Однако таможни могли собирать до 30 мелких платежей (мытный, складской и др.), что приводило к злоупотреблениям со стороны таможенных служащих, вызывало недовольство и жалобы торговых людей. Поэтому с 1687 г. Правительство стало сокращать количество таможенных платежей в Сибири.

В середине XIX в. Кяхта являлась единственным центром русско-китайской и русско-монгольской торговли. Однако пропускная способность этого торгового центра была недостаточной, а караванный путь очень долгим. Все больше товаров стало попадать в Центральную Россию морским путем через Западную Европу. Перед русским правительством остро встала задача расширения русско-китайской торговли. Пекинский русско-китайский договор 1860 г. разрешил вести ее с минимальной пошлиной (10%) вдоль всей границы и предоставил русским купцам право свободного въезда в Китай и Монголию.

В это же время из-за крайне слабой охраны границы процветала контрабандная торговля, в которой широко участвовали местное население и даже охранявшие границу казаки в свободное от службы время. Таможенники тоже уличались в пособничестве контрабандистам. В этих условиях необходимо было усилить заслон на пути контрабандных товаров, повысить эффективность работы таможни на востоке России.

Реорганизация таможни состоялась в 1811 г. Она перешла в ведение Министерства

финансов (созданного в 1802 г.) и стала подчиняться Департаменту внешней торговли, который в 1864 г. преобразовали в Департамент таможенных сборов.

Все российские таможни в тот период объединили в таможенные округа. При этом Иркутская таможня из-за своей удаленности и важности возложенных на нее задач не вошла ни в один из них и напрямую подчинялась Департаменту таможенных сборов. К концу XIX в. таможенные сборы Иркутской таможни обеспечивали 15% доходной части российского бюджета.

Кроме фискальной задачи таможенная служба выполняла функцию учета внешне-торгового оборота, что было необходимо для выработки внешнеэкономической политики, а также для охраны экономических интересов на востоке России и создания благоприятных условий для формирующейся здесь промышленности. Эта задача в то время также успешно решалась путем повышения ввозных пошлин.

До постройки Транссибирской магистрали чай, поставляемый через Монголию, был основным товаром русско-китайской торговли и главным предметом таможенного обложения. Через Монголию и Иркутскую таможню в Российскую империю поступало до 40% всего ввозимого в страну чая. Так, например, в 1880 г. Было ввезено 16,5 тыс. т чая (в том числе около 500 т беспошлинно для нужд Туркестанского края), а также 29 т сахара, 18 т фруктов и разных фабричных товаров, кроме того, некоторые другие товары. С перечисленных товаров Иркутская таможня собрала пошлин в размере 2 982 тыс. р., из этой суммы 99% пришлось на долю чая.

Активизация русско-китайской торговли и постепенное повышение таможенных пошлин на чай вывели Иркутскую таможню в число ведущих российских таможен. В те годы по объемам таможенных сборов она занимала четвертое и затем пятое место в Российской империи

(после таможен Петербурга, Москвы, Варшавы и впоследствии Одессы). В Азиатской же России Иркутская таможня в тот период устойчиво занимала первое место.

Новый период в истории Иркутской таможни наступил с началом движения поездов по Транссибирской железнодорожной магистрали. К операциям по досмотру грузов, провозимых гужевым транспортом и судами через Байкал и по сибирским рекам, добавились операции по досмотру грузов и пассажирского багажа на железной дороге, а также личных вещей пассажиров и поездных бригад.

Значительно расширился и ассортимент импортируемых товаров. Помимо чая из Китая начали завозить в больших объемах шелковые ткани, обувь, вату в тюках, верблюжью шерсть, козий пух, фарфоровые изделия, серебро в слитках, сухофрукты, орехи, сахар-леденец, уксус и др. Все чаще через Иркутск в Европу провозили и японские товары: платки шелковые, галантерею, плетеные изделия из соломы, веера, изделия из бисера и стекла, тюль, бумажные зонтики, женские платья и халаты, ширмы деревянные, гребенки, портсигары, альбомы в перламутровых обложках, ананасы и другие фрукты в герметически запаянных жестяных банках, какао и т. д.

Начало XX в.

В этот период в состав Иркутской таможни входили семь участков таможенного надзора — Иркутский городской, Кяхтинский, Куретский, Лиственичный, Мысовой, Сретенский и Тункинский — и 30 таможенных постов. Зона действия этих подразделений простиралась от Амура на востоке до Енисея на западе, от золотых приисков Лены и Витима на севере до монгольской границы на юге.

После окончания строительства Китайско-Восточной железной дороги свободная приграничная торговля на юге Дальнего Востока была отменена. При этом в Забайкалье была создана самостоятельная таможенная служба,

Таблица 5

Доля Иркутской таможни в таможенных сборах в начале XIX в.

Таможня	Доля в общероссийских таможенных сборах, %	Доля в таможенных сборах всей Азиатской России, %
Иркутская	8	73
Все остальные таможни Российской империи	92	27

и зона ответственности иркутских таможенников сократилась. Изменилась и структура Иркутской таможни. В 1903 г. из ее состава был исключен Сретенский участок таможенного надзора, а также перераспределена зона ответственности ряда других таможенных постов.

В 1907 г., после открытия регулярного движения по Кругобайкальской объездной железной дороге, был создан таможенный участок на железнодорожной станции Слюдянка (затем его перенесли на станцию Выдрино).

К 1912 г. в структуре Иркутской таможни произошли новые изменения. В ее состав в то время входили шесть таможенных застав — Бодайбинская, Гужирская, Лиственичная, Нохтуйская, Танхойская, Ханхинская — и три таможенных поста — Байкальский, Выдринский и Куретский. Столь частые изменения были обусловлены поисками оптимальной структуры таможни и эффективных форм контроля внутренней таможенной линии, а также необходимостью борьбы с контрабандой.

После открытия транзитного железнодорожного сообщения по Транссибирской магистрали между Европой и азиатскими странами Иркутская таможня стала осуществлять все таможенные операции с транзитными грузами.

Послереволюционный период

Характеризуется многочисленными организационными и структурными изменениями всей таможенной системы страны. За этот период Иркутская таможня несколько раз реформировалась и передавалась в ведение различных вновь создаваемых вышестоящих инстанций, находящихся сначала в Омске, затем в Новосибирске (Новосибирске).

В декабре 1928 г. постановлением ЦИК и СНК СССР был утвержден первый Таможенный кодекс СССР, завершивший череду изменений управления таможенной системой. В связи с монополизацией внешней торговли все таможенные операции были вынесены на линию государственной границы. При этом деятельность Иркутской таможни была признана нецелесообразной. В январе 1929 г. она была перенесена в Новосибирск и переименована в Новосибирскую. Основная масса служащих была уволена или откомандирована в распоряжение партийных организаций с выдачей пособия в размере месячного оклада.

В 1949 г. в Иркутске был организован постоянно действующий таможенный пост, находившийся в подчинении Наушкинской таможни. В это время на монгольской границе в Восточной Сибири действовали также Кяхтинская и Мондинская (Ханхинская) таможни.

В начале 1950-х гг. штатная численность Иркутского таможенного поста, располагавшегося в иркутском аэропорту, была увеличена до 3 чел., а пост переподчинили непосредственно Главному таможенному управлению Министерства внешней торговли СССР. Данный пост осуществлял оформление полетов через государственную границу СССР в Китай, Монголию и Корею. Особое внимание уделялось борьбе с контрабандой, которая в те годы была типичной для всех таможенных постов СССР. Основное место среди предметов ввозной контрабанды занимали иностранная валюта, золото в изделиях и монетах, некоторые потребительские товары. Вывозную контрабанду составляли советские рубли, драгоценные камни, предметы искусства и старины, иконы.

В октябре 1952 г. Иркутский таможенный пост преобразовали в таможню III класса. В это время Иркутск становится крупным транспортным узлом, воздушными воротами в страны Восточной и Юго-Восточной Азии. Он связан прямыми воздушными сообщениями с Улан-Батором и Пекином.

В последующие годы с экономическим развитием страны и ростом потока иностранных туристов объем работы Иркутской таможни стал больше. В 1980-е гг. в ее составе были созданы пассажирский и грузовой отделы, увеличен штат старших инспекторов.

В конце 1980-х гг. зона ответственности Иркутской таможни, штатная численность которой составляла 23 чел., распространялась на Омскую, Томскую, Новосибирскую, Кемеровскую области, Красноярский и Алтайский края, Тувинскую АССР, где постепенно активизировалась внешнеэкономическая деятельность предприятий.

Реформа таможенной системы в 1990-х гг.

После распада СССР произошла реорганизация всей системы государственной власти. 25.10.1991 г. указом Президента России был образован Государственный таможенный комитет Российской Федерации. Практически заново была создана законодательная и нормативно-правовая база таможенного дела. Таможенное

оформление с границ государства вновь переместилось внутрь его территории, ближе к экспортерам и импортерам продукции.

Что касается Иркутской таможни, то в этот период она тоже претерпела существенные преобразования. В начале 1990-х гг., после либерализации внешней торговли, многие предприятия и организации региона начали самостоятельно проводить экспортно-импортные операции. Руководство этих предприятий, а также главы муниципальных образований, где расположены эти предприятия, выступили с инициативой создания территориальных таможенных постов.

Процессы реформирования таможенной службы происходили во всех субъектах Восточно-Сибирского региона (ранее эта территория входила в зону ответственности Иркутской таможни). Для координации данной работы и обеспечения эффективного таможенного контроля летом 1993 г. было создано

Восточно-Сибирское таможенное управление. В его подчинении стали находиться таможенные учреждения Иркутской и Читинской областей, Красноярского края, республик Бурятия, Тыва, Хакасия. При этом Иркутская таможня, войдя в состав нового управления, сохранила свои функции и подчинение ГТК Российской Федерации. После создания в России в 2000 г. федеральных округов, в частности Сибирского федерального округа, было сформировано Сибирское таможенное управление, зоной ответственности которого определена вся территория федерального округа, и Восточно-Сибирское таможенное управление стало его структурным подразделением с названием «Восточно-Сибирский регион Сибирского таможенного управления» (ВСР СТУ). В настоящее время в состав ВСР СТУ входят семь таможен региона: Иркутская, Братская, Бурятская, Читинская, Забайкальская, Наушкинская и Тункинская таможни.

ЭТАПЫ СООРУЖЕНИЯ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ В МОНГОЛИИ

Важно проследить, как совершенствовался комплекс работы железнодорожного транспорта Монголии. В 2014 г. Акционерное общество «Улан-Баторская железная дорога» отмечает свое 65-летие. Железнодорожный транспорт в своем развитии переживал периоды бурного взлета и застоя. Как и любая вновь появившаяся сфера деятельности, железнодорожный транспорт имеет объективные закономерности своего развития, но оказываются действенными и субъективные решения. Изучение истории железных дорог мира, России и УБЖД убедительно свидетельствует о том, что только этот новый вид транспорта — железнодорожный — смог обеспечить быстрое экономическое развитие всех государств. Именно развитие железнодорожного строительства в Монголии во многом определяло темпы промышленного, социально-экономического и торгового развития страны.

В истории строительства железных дорог просматриваются периоды, резко отличающиеся друг от друга темпами строительства, источниками финансирования, методами управления, формами собственности, выбором стратегических направлений. Как и все новое, железнодорожное строительство пробивало себе дорогу в серьезной конкурентной борьбе, и в его развитии можно выделить крупные в стратегическом плане периоды. В свою очередь каждый из этих периодов делится на более мелкие. Мы предлагаем периодизацию истории УБЖД исходя из значимости конкретных событий в жизни дороги.

1837 г. — появляются первые планы соединения России с Китаем железной дорогой через Кяхту на Ургу. Инициатором этого проекта был инженер путей сообщения Н. И. Богданов, который проводил проектно-изыскательские работы для сооружения Кругобайкальской грунтовой дороги от Иркутска до Кяхты. Он предлагал тогда построить пробный железнодорожный участок в этом районе, и если опыт будет положительный, тогда можно будет развернуть широкое железнодорожное строительство до границы с Китаем.

1890–1916 гг. — создаются несколько общих проектов строительства железной дороги до Монголии и в самой Монголии. Были проведены изыскательские и проектные работы по нескольким возможным направлениям желез-

нодорожной линии через Кяхту на Ургу. В это время в основном конкурировали два направления. Кяхтинское и иркутское купечество настаивало на строительстве железной дороги по маршруту Мысовая — Кяхта — Урга. Такой маршрут позволял обеспечивать все прибайкальские регионы монгольскими и китайскими товарами. Они предлагали построить эту дорогу за счет своих средств.

Однако администрация купечества Верхнеудинска доказывала, что железнодорожный путь от Верхнеудинска до Кяхты имеет ряд преимуществ перед мысовским. В спор вмешалось государство. По решению Государственной Думы были проведены изыскательские работы за счет государственных средств. Выбор был сделан в пользу верхнеудинского варианта. Более того, Государственная Дума приняла решение о строительстве железной дороги до Монголии и до Урги за счет государства. Однако начавшаяся Первая мировая война и последующие революции 1917 г. сорвали все планы.

1925–1938 гг. — обозначилась острая потребность в новом виде транспорта в Монголии, гужевой уже не справлялся с объемом транспортных перевозок. Возникающие автомобильный и воздушный виды транспорта также не решали всех проблем грузовых и пассажирских перевозок. Появившиеся крупные предприятия требовали много топлива, а топливом для них в то время мог быть только уголь; выгодно доставлять уголь к предприятиям, как подсказывал мировой опыт, можно было по железной дороге и на паровой тяге. И тогда по просьбе руководства МНР Советский Союз своими силами построил первую в Монголии узкоколейную железную дорогу, которая связала угольные копи Налайха со столицей страны.

Переговоры по сооружению этого железнодорожного участка начались в январе 1937 г. Они стали возможны в результате подписания 12 марта 1936 г. протокола о взаимной помощи между СССР и МНР. Правительство СССР согласилось принять на себя выполнение заказа правительства МНР на строительство этого железнодорожного участка. Сооружение участка Налайха — Улан-Батор поручалось НКПС СССР, которое должно было приступить к сооружению дороги в 1937 г.

В эти же годы на территории СССР шли изыскательские и проектные работы для сооружения железной дороги по линии Улан-Удэ — Кяхта.

1939–1950 гг. — строится первая ширококолейная железная дорога. Первой такой магистралью был участок от ст. Соловьевск ЗабЖД (СССР) до ст. Баян-Тумэн (пригород Чойбалсана, МНР) протяженностью 238 км. Эта дорога соединила Монголию с СССР. Она способствовала укреплению экономических связей между нашими странами. Была построена так же узкоколейная линия Эрэнцав — Баян-Тумэн. В эти годы в СССР была построена железная дорога Улан-Удэ — Наушки, т. е. до границы с МНР оставалось всего 6–7 км, а следовательно, сложилась возможность начать строительство стального пути, соединяющего Транссиб с Улан-Батором. Быстрыми темпами велись проектно-изыскательские работы, однако их пришлось свернуть в связи с нападением Японии на МНР и Германии на СССР. После окончания Второй мировой войны на основе договора о дружбе и взаимопомощи СССР и МНР началось строительство железнодорожной линии Наушки — Улан-Батор. 20 декабря 1950 г. эта магистраль была сдана в постоянную эксплуатацию.

1950–1955 гг. — завершено строительство Трансмонгольской магистрали от ст. Наушки (СССР) через Улан-Батор (МНР) до границы с КНР (Дзамын-Удэ). Теперь большинство грузов, идущих из СССР в КНР и обратно, проходило через Монголию. Сама Монголия получила надежный и выгодный путь сообщения с двумя крупнейшими государствами мира. Это открывало огромные перспективы для научно-технического и экономического сотрудничества.

1955–1965 гг. — УБЖД становится одним из крупнейших предприятий МНР. Нарастал объем транзитных перевозок, велась подготовка инженеров-железнодорожников в вузах СССР. Был подписан новый долговременный договор между СССР и МНР о развитии торговли. Началось движение поезда Москва — Пекин через МНР. Шла напряженная работа по переводу Улан-Баторской железной дороги с паровозной тяги на тепловозную. На дороге возникает новая форма социалистического соревнования — борьба за звание «Бригада социалистического труда». По результатам работы в 1962 г. впервые в МНР 4-я дистанция пути была удостоена звания «Предприятие социалистического труда», а в 1965 г. УБЖД

постановлением Великого Народного Хурала было присвоено звание «Дорога социалистического труда». После вступления в 1962 г. МНР в СЭВ монгольские железнодорожники принимают активное участие в работе международных транспортных организаций. Происходит заметное развитие энергетики; укрепляется сотрудничество между СССР и МНР, что подтверждает договор между двумя странами о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанный в январе 1966 г. Кроме того, Монголия в эти годы вводит 5-летние планы экономического развития страны по аналогии и в соответствии с 5-летними планами экономического и социального развития СССР.

1965–1975 гг. — годы успешного развития взаимоотношений УБЖД и ВСЖД. Обе дороги были коллективными членами Общества советско-монгольской дружбы. В результате совместных действий было достигнуто соглашение о введении пассажирских вагонов прямого сообщения Улан-Батор — Иркутск. Как и на предприятиях СССР, на УБЖД шло внедрение новой системы управления, планирования и экономического стимулирования. По итогам IV пятилетки в 1970 г. УБЖД была награждена орденом Трудового Красного Знамени, а в 1974 г. — бронзовой медалью за достижения в изобретательстве и рационализаторстве. На УБЖД был разработан 5-летний план развития дороги на 1971–1975 гг., который учитывал углубление в экономической интеграции социалистических стран. В связи с этим было подписано соглашение между СССР и МНР о дальнейшем развитии экономического сотрудничества.

1975–1990 гг. Событием в жизни УБЖД стало формирование монгольского поезда Улан-Батор — Москва, а в летнее время начали ходить поезда Улан-Батор — Пекин. Между УБЖД и ВСЖД установлены прочные прямые связи; между дорогами совершенствовались разные формы сотрудничества, в том числе — соревнование. На УБЖД начали эксплуатироваться новые локомотивы; вводились в эксплуатацию новые линии: Бага-Хангай — Баганур, Айраг — Бар-Ондор, Сайн-Шанд — Зуунбаян, Онгино — Толгойт. На основе долгосрочной программы развития экономического и научно-технического сотрудничества между СССР и МНР на период до 2000 г. разрабатывались планы перспективного развития УБЖД. Возрастала численность инженерно-технических работников; подготовка инженерных кадров для монгольских дорог началась в ИРИИТе.

Торжественно было отпраздновано 50-летие монгольских железных дорог и 40-летие акционерного общества «Улан-Баторская железная дорога».

1990–2015 гг. Предшествовавшие социально-экономический кризис и перестроечные процессы в СССР не могли не отразиться на положении в Монголии; резкое снижение грузопотока поставило в трудное положение все железные дороги. В начале этого периода очевидно ухудшение отношений между СССР и МНР; в обеих странах все чаще звучат предложения о ликвидации АО «УБЖД». Однако на межгосударственном уровне начинается совместная работа по подготовке проектов нового Соглашения и устава АО. Начальником дороги впервые назначается гражданин Монголии Р. Раш, который начал трудовой путь на УБЖД простым рабочим. УБЖД начинает приспосабливаться к новым экономическим отношениям. Благодаря тому, что УБЖД соединяет Россию, Монголию и Китай, ей удается сравнительно легко и быстрее выйти из кризиса; большую помощь в этом оказывают кредиты, предо-

ставленные заинтересованными партнерами. К концу XX в. между Россией и МНР начинает складываться новый тип отношений, обусловленный экономическими реалиями рыночного хозяйства. Появляются новые аспекты во взаимоотношениях УБЖД и ВСЖД, связи между которыми всегда носили деловой характер.

В настоящий период Монгольские железные дороги находятся накануне бурного периода развития, что будет способствовать новому этапу промышленного развития страны. Понятно, что при любом новом шаге в развитии железнодорожного транспорта возникает много вопросов. В связи с необходимостью значительного наращивания грузовых и пассажирских перевозок возникает потребность в сооружении второго пути и новых железнодорожных линий. Важнейшими являются такие вопросы: кто и за чей счет будет строить эти новые линии, какой будет ширина железнодорожной колеи и т. д. Эти и другие вопросы обязательно будут успешно решены с учетом интересов прежде всего Монгольского государства и его надежных партнеров.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МОНГОЛИИ И СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИХ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Характерной особенностью Монголии, является географическое расположение между Россией и Китаем, двумя великими державами, исторически оказывавшими определяющее влияние на развитие экономических и политических процессов в нашей стране.

Недостаточная развитость инфраструктуры; сравнительно большая территория в сочетании с низкой плотностью населения; суровый резко-континентальный климат, оказывающий неблагоприятное влияние на развитие сельскохозяйственного производства; зависимость одной из ключевых отраслей экономики — животноводства от природной стихии; технологическое отставание перерабатывающих отраслей — все эти факторы негативно влияли на общий ход рыночных реформ, усиливая напряжение в национальной экономике. Определенная специфика проведения рыночных реформ связана с монокультурностью экономики и экспорта, довольно высокой энергоемкостью и материалоемкостью производства, относительно низкой конкурентоспособностью готовой продукции на мировом рынке. В ходе проведения рыночных реформ правительство Монголии в качестве мер по стабилизации экономики вы-

брало такие методы макроэкономического регулирования, как приватизация, либерализация внешней торговли, девальвация национальной валюты — тугрика и поощрение иностранных инвестиций.

По данным Всемирного банка, который проводит сравнение уровня экономического развития по 150 странам средний рост реального производства ВВП Монголии за 1990–2000 гг. составил 1,0%, за 2000–2009 гг. — 7,5%, а за 2009–2013 гг. — 12,5%. За 2013 г. ВВП на душу населения Монголии при исчислении по методу Всемирного банка составил 3 770 долларов США (по ППС 8 810 долларов США), а ИЧР составляет 0,727 [1, с. 28–29] и наша страна находится на 90-м месте вместе с Китаем и Фиджи из 188 стран. А Россия находится на 50-м месте вместе с Беларусью с ИЧР — 0,798 т. е. Монголия впервые попала в группу стран с высоким уровнем человеческого развития.

В начале 90-х гг. значительно сократился валовой внутренний продукт (ВВП). С конца 90-х гг. динамика ВВП в сопоставимых ценах постепенно увеличивается и характеризуется следующими цифрами (табл. 6).

Таблица 6

Динамика ВВП Монголии

Показатель	2011	2012	2013	2014	2014/2011
ВВП (в ценах данного года, млрд тугр.)	13173,8	16688,4	19174,2	21937,2	166,5
Рост, %		26,7	14,9	14,4	
ВВП (в ценах 2010 года, млрд тугр.)	11443,6	12853,4	14350,7	15464,8	135,1
Реальный экономический рост, %	17,3	12,3	11,6	7,8	–55,0
сельское хозяйство	–0,3	21,1	19,2	14,5	
обрабатывающая промышленность	7,9	8,7	10,3	3,6	–54,4
торговля	46,4	12,0	8,9	–6,9	
ВВП на душу населения, тыс. тугр.	4728,0	5876,8	6614,1	7403,4	156,6
ВВП на душу населения, долл. США (по методу Атласа Всемирного банка)	3 031	3 939	4 563	4 512	148,9
Структура ВВП, %	100,0	100,0	100,0	100,0	
сельское хозяйство	10,2	11,2	13,4	14,0	137,2
обрабатывающая промышленность	8,6	9,0	10,7	10,6	123,2
торговля	22,1	19,9	18,4	16,4	–25,7

Источник: Mongolian economy and society in 2014 / Statistical Office of Mongolia. Ulaanbaatar, 2015. P. 15–218.

В период трансформации, перехода от централизованной плановой экономики к рыночному хозяйству, экономика Монголии, как и других постсоциалистических стран, серьезно сократилась. Но в отличие от стран СНГ это сокращение продолжалось только четыре года — с 1990 до 1993 г. Валовой внутренний продукт Монголии при этом сократился, примерно на 25%, в то время как в странах СНГ он сократился на 40–60%. В России, например, валовой внутренний продукт сокращался 9 лет — с 1990 до 1998 г. С 1994 г. в Монголии начался экономический рост и к 2002 г. докризисный уровень валового внутреннего продукта был восстановлен. С этой точки зрения, экономическое развитие Монголии в последнее десятилетие можно было бы считать вполне удовлетворительным. И в 2010–2013 гг. Монголия входила в пятерку наиболее динамично развивающихся экономик мира. В промышленности впервые в 2004 г. был достигнут реальный рост производства на 20,5%. Рост ВВП был достигнут в результате увеличения добычи цветных металлов, благодаря успешной деятельности монголо-российского совместного предприятия «Эрдэнэт», и вследствие благоприятных погодных условий, не вызвавших массового падения скота, как это случилось зимой 2010–2011 гг.

Структура экономики оставляет желать лучшего. Например, сельское хозяйство производит около 15% ВВП и более 10% экспортных доходов, хотя в сельском хозяйстве работает более 30% занятых. В валовом внутреннем продукте удельный вес обрабатывающей промышленности составляет около 10%, а удельный вес сферы торговли находится колеблется в пределах 16–22%.

Происшедший экономический рост во многом происходил за счет экстенсивных факторов. В связи с увеличением численности населения, увеличилась численность занятых с 1037,7 до 1110,7 тыс. человек, хотя доля занятых в трудоспособном населении сократилась с 71,0% в 1989 г. до 62,1% в настоящее время. Так что производительность общественного труда за прошлые годы почти не увеличилась. Если рассмотреть изменения в структуре производства, то видно, что экономический рост в значительной мере был обусловлен увеличением объемов добываемого сырья в горнорудной промышленности. Отсюда можно сделать вывод о том, что в последние годы человеческий капитал Монголии не выступал в качестве катализатора экономического роста.

Другим источником экономического роста явился форсированный рост сферы торговли и услуг, вклад которой в валовой внутренний продукт увеличился за прошлые 4 года с 1 973,2 млрд тугриков до 2 362,5 млрд тугриков.

В последние годы экономическое развитие не сопровождается адекватным ростом реальных доходов на душу населения. Например, ВВП на душу населения, рассчитанный по методу Всемирного банка, в 2014 г. составил 3218 дол. США, и уменьшился по сравнению с 2013 г. на 207 дол. США, или на 6%.

Главная социальная проблема Монголии — бедность населения. С ростом средних доходов населения в последние годы уровень бедности не сокращается. К беднейшим слоям населения относятся семьи с низкой зарплатой (доходом) кормильца, пенсионеры и безработные. Самая многочисленная группа бедных — многодетные семьи. В определенной мере бедность порождается низким процентом занятого населения. Из 1,9 млн населения в трудоспособном возрасте работают только 1,1 млн человек. Хотя официально зарегистрировано только 37 тысяч безработных, существует большая скрытая незанятость, а также многие заняты в неофициальном секторе. Проблема снижения жизненного уровня населения обостряется и под влиянием последствий демографического взрыва 60–80 х гг. прошлого века.

Другим важным показателем уровня жизни является показатель средней продолжительности жизни. Этот показатель в 2014 г. составлял 69,57 лет, в том числе среди мужчин — 65,91, а среди женщин — 75,49 лет. На 1000 родившихся живыми детей в Монголии в возрасте до 1 года умирает 15,1, т. е. в два-три раза выше, чем в развитых странах. Но смертность младенцев сильно различается среди регионов, например, в Центральном регионе составляет 9,5, в Западном регионе 20,6, а в столице — 16,6.

Наблюдается позитивная тенденция в динамике смертности Монголии. Норма смертности сокращается во всех возрастных группах. Отсюда следует вывод о том, что здоровье населения трудоспособного возраста в целом остается на одном и том же уровне, что способствует формированию качественного человеческого капитала.

В Монголии сохраняется относительно высокая рождаемость населения, и поэтому в численности населения все больший удельный вес занимают люди молодого возраста со снижающейся смертностью, и в силу этого

общая смертность населения сокращается. На 1000 человек населения смертность снизилась с 8,2 в 1989 г. до 5,5 в 2015 г. Коэффициент рождаемости уменьшился более существенно: с 35,5 до 25,1 в 2011 г., но возрос до 27,3 в 2015 г. При этом, коэффициент рождаемости в 5 раз опережает коэффициент смертности, и благодаря этому население Монголии растет ежегодно на 80 и более тысяч человек за счет собственного прироста. Если в 1989 г. население страны составляло 2,1 млн человек, то сейчас оно достигло 3,1 млн человек.

Животноводство. Сельское хозяйство играет ключевую роль в обеспечении питанием населения Монголии и выступает основным источником дохода для сельского населения. Значительные колебания экономического развития отрасли вызывают крайне негативные процессы в социальной сфере жизни населения, особенно в сельской местности.

В сельском хозяйстве Монголии преобладает животноводство и его доля составляет около 80% и поэтому все взлеты и падения во многом связаны с развитием этой отрасли. Например, с 1993 до 1999 г. шло резкое наращивание животноводства и его объем в неизменных ценах 1995 г. увеличился в полтора раза — с 192 млрд тугриков до 282 млрд тугриков. В 2014 г. объем производства животноводства достиг 3126,9 млрд тугриков, т. е. возрос почти в 2 раза по сравнению с 2011 г.

В 1999 г. численность скота достигла максимального уровня 33,6 млн голов, затем в силу

огромного падежа сократилась до 23,9 млн в 2002 г. После 2011 г. поголовье скота постоянно увеличивалось и достигло 56 млн на конец 2015 г.

Из анализа структуры владения скотом в Монголии следует, что почти половина скотоводческих семей имеет от 101 до 500 голов, что не хватает для нормального воспроизводства. При этом только 3,2% скотоводческих семей владеют более 1000 голов скота или же почти 20% от общего поголовья скота.

В табл. 8 показана динамика изменения индекса цен на потребительские товары и услуги за 1991–2014 гг.

Из табл. 3 видно, что за последние 23 года общий индекс цен возрос в 40 раз, но после 2000 года инфляция оставалась более или менее стабильной, что видно на рисунке 1.

Инфляция, которую в последние годы удавалось удерживать ниже двухзначной цифры в начале 2000-х гг., в 2004 г. достигла 11% и с 2012 г. имеет тенденцию к уменьшению (рис.1).

Довольно стабильной остается финансовая помощь и предоставление долгосрочных льготных кредитов Монголии со стороны промышленно развитых стран и международных валютно-кредитных организаций. Основными финансовыми донорами и кредиторами Монголии являются Всемирный банк, Азиатский банк развития (АБР), Япония, США, Германия и Китай. Финансовая помощь и долгосрочные льготные кредиты международных организа-

Таблица 7

Структура семейного владения скотом в Монголии (на конец 2015 г.)

Группы по числу скота	Численность семей со скотом		Доля в общей численности, %		Число скота, тыс. голов	
	2014	2015	2014	2015	2014	2015
<i>Всего</i>	213 363	216 734	100,0	100,0	51 611,9	55 607,3
До 10 голов	14 980	14 226	7,0	6,6	84,0	80,8
11–30	20 343	19 933	9,5	9,2	408,6	401,8
31–50	15 770	15 478	7,4	7,1	637,2	628,3
51–100	29 392	29 266	13,8	13,5	2 174,5	2 167,1
101–200	46 847	46 250	22,0	21,3	6 860,5	6 800,8
201–500	58 131	60 075	27,2	27,7	18 444,6	19 093,6
501–999	21 092	23 070	9,9	10,6	14 179,4	15 496,7
1000–1499	5 620	6 950	2,6	3,2	6 504,6	8 015,6
1500–2000	816	993	0,4	0,5	1 373,4	1 679,5
Более 2001 голов	372	493	0,2	0,2	945,0	1 243,1

Источник: Mongolian economy and society in 2015, Statistical Office of Mongolia, Ulaanbaatar. 2015. P. 115.

**Динамика общего индекса цен на потребительские товары и услуги
в Монголии (1991–100%)**

Год	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
ОИЦ	152,7	649,8	1838,8	3057,8	4681,8	6768,7	8156,9	8646,0
Год	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
ОИЦ	9507,6	10279,4	11099,2	11291,5	11821,9	13120,4	14361,7	15246,5
Год	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
ОИЦ	17955,5	21920,5	22850,6	25821,2	28119,3	32056,0	36063,0	40029,9

Источник: Статистический сборник. 2014 / Госкомстат Монголии. Улан-Батор, 2015. С. 342.

ций направляются на развитие инфраструктуры производства и решение насущных проблем социальной защиты и модернизацию тех капиталоемких и вместе с тем пока низкоэффективных отраслей и сфер экономики, которые являются непривлекательными для частных инвесторов, но необходимы для жизнеобеспечения экономики в целом. Значительная доля внешней финансово-экономической поддержки приходится на развитие инфраструктуры (например, автомобильные дороги, ТЭЦ и т. д.), являющейся в условиях нашей страны наиболее капиталоемкой и одновременно одной из наименее прибыльных отраслей экономики.

Поступление безвозмездной помощи и предоставление долгосрочных льготных кредитов извне приучает правительство страны рассчитывать на иностранные льготные кредиты и помощь, как на наиболее доступный и сравнительно легкий способ решения внутренних проблем. Привычка ориентироваться преиму-

щественно на внешние источники финансовых средств в решении внутренних проблем является одним из существенных негативных последствий предоставляемой финансовой помощи и льготных кредитов. Одно из главных мест в структуре льготных кредитов и финансовой помощи Монголии со стороны группы доноров занимает содействие развитию малого и среднего частного бизнеса.

Проблемы здравоохранения. По данным экспертов Всемирной организации здравоохранения здоровье населения на 60,0% зависит от социально-экономических условий и качества здравоохранения, на 20,0% — от состояния окружающей среды и на 20,0% — от наследственности и других биологических свойств организма.

В Монголии весьма высок уровень младенческой смертности — 15 младенцев на тысячу родившихся живыми детей в 2015 г. Даже в столице страны в г. Улаанбаатар детская смертность находится на этом же уровне. В то

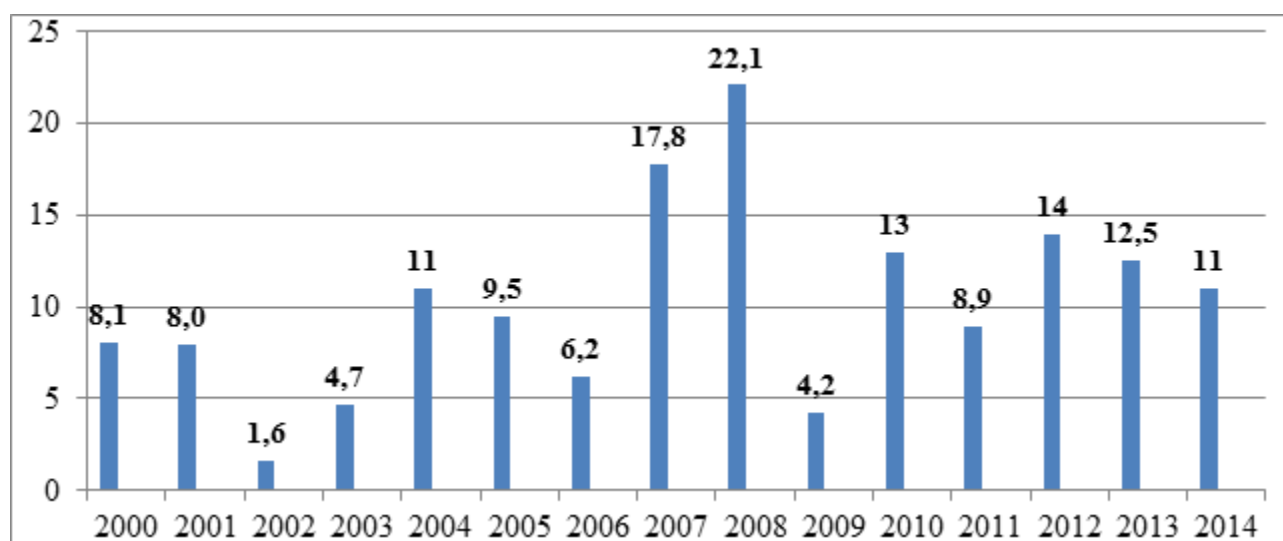

Рис. 1. Среднегодовой уровень инфляции за 2000–2014 гг.

же время в столицах других бедных стран младенческая смертность обычно не выше 10.

Тот факт, что за последние 20 лет младенческая смертность сократилась в 6 раз, показывает, насколько она была высокой раньше вследствие низкого уровня качества жизни населения. В некоторых аймаках младенческая смертность столь же высока, как в самых бедных странах. Например, в аймаке Завхан младенческая смертность составляет 26 на тысячу родившихся живыми детей, в аймаке Баян-Ульгий — 25, а в аймаке Хувсугул — 22 и т. д. Единственный аймак Монголии Дундговь, где детскую смертность снизили почти в 12 раз, и довели ее до 7 (в 2 раза ниже, чем в столице).

В связи со снижающейся детской смертностью и смертностью взрослого населения от сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний, средняя продолжительность жизни в Монголии продолжает расти.

В 2014 г. государство израсходовало на здравоохранение в расчете на душу населения 203,4 тыс. тугриков, или около 113 долларов США, т. е. около 9,4 доллара в месяц. При этом доля расходов на здравоохранение в валовом внутреннем продукте составляла 6,6 % в 2011 г. и возросла до 8,3 % в 2014 г. В США, к примеру, она составляет 14 %, в Англии — 10 %.

Поскольку государственные медицинские услуги зачастую недостаточно качественны, то граждане вынуждены из своих небольших доходов все большую часть средств расходовать на поддержание здоровья. На медицину, гигиену, платное лечение люди расходуют более 4,0 % всех доходов и все больше едут за границу в поиске качественных медицинских услуг. Некоторые исследователи считают, что суммарно это равняется примерно всем расходам государства на здравоохранение.

За последние 4 года число больничных коек увеличилось на 1608 человек. Число врачей на 10 000 человек возросло с 30 до 32, а средний медицинский персонал увеличился с 35 до 38. За последние годы увеличилась смертность от сердечно-сосудистых заболеваний, возросло число инфарктов и инсультов. Еще в большей мере увеличилась смертность от травм и отравлений, и смертность от рака выросла на 20 %. Нужно заметить, что эта тенденция не свойственна развитым и многим развивающимся странам, где происходит сокращение смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, от травм и отравлений, а в последнее время начала сокращаться смертность и от рака.

Для формирования качественного человеческого капитала необходимо провести коренную реформу здравоохранения, перевесть планирование, оценку и финансирование здравоохранения по конечному результату, как это принято почти во всех странах мира (метод диагностики связанных групп). В ближайшее время необходимо довести долю здравоохранения в валовом внутреннем продукте как минимум до 10 %.

Образование. Удельный вес расходов на образование в валовом внутреннем продукте Монголии относительно большой. В целом эти расходы составляют в 2014 г. 399,3 тыс. тугриков, или 222 дол. США в год или 18,5 дол. США в месяц в расчете на душу населения, при этом общее число учащихся по всем видам образования — 730 тыс. человек. Поскольку в Монголии высокая норма рождаемости и поэтому удельный вес детей и молодых людей, нуждающихся в учебе, является повышенной, и поэтому эти расходы на образование являются недостаточными. Существует достаточно большое количество частных средних школ с сравнительно высокой для Монголии платой за обучение. При этом государственные школы финансируются в расчете на одного ученика в 5–10 раз меньше, чем платят родители в частную школу. Поэтому расходы на образование, которые раньше в бюджетах монгольских семей практически были равны нулю, в настоящее время превысили 10 %. Частные школы доступны небольшой части населения. Подавляющая часть направляет своих детей в государственные общеобразовательные школы, которые имеют недостаточное финансирование, в результате чего страдает качество обучения, что влечет за собой формирование некачественного человеческого капитала. При переходе к рыночным отношениям система профессионально-технического образования в значительной степени деградировала, и поэтому в ближайшее время необходимо восстановить данное направление образования для подготовки высококвалифицированных кадров.

Интенсивные факторы экономического роста определяются совершенствованием и повышением качества систем управления, технологий, использованием инноваций, модернизацией производств и повышением качества человеческого капитала. Главным интенсивным фактором роста и развития современной экономики, как индустриальной, так и инновационной является высококачественный человеческий капитал.

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ МОНГОЛИИ И РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

До 1990 г. во внешнеторговом обороте Монголии СССР традиционно занимал ведущее положение (около 80 %).

На рис. 2 видно, что доля России во внешнеторговом обороте Монголии в 1990–1997 гг. сократилась в четыре раза и в 1998–2013 гг.

находится почти на одном и том же уровне в пределах 15,1–23,5%. Но в целом виден нисходящий тренд линии.

Как видим в табл. 9, в 2010–2013 гг. доля России в общем обороте внешней торговли Монголии колеблется от 15,1 до 18,5%, в том

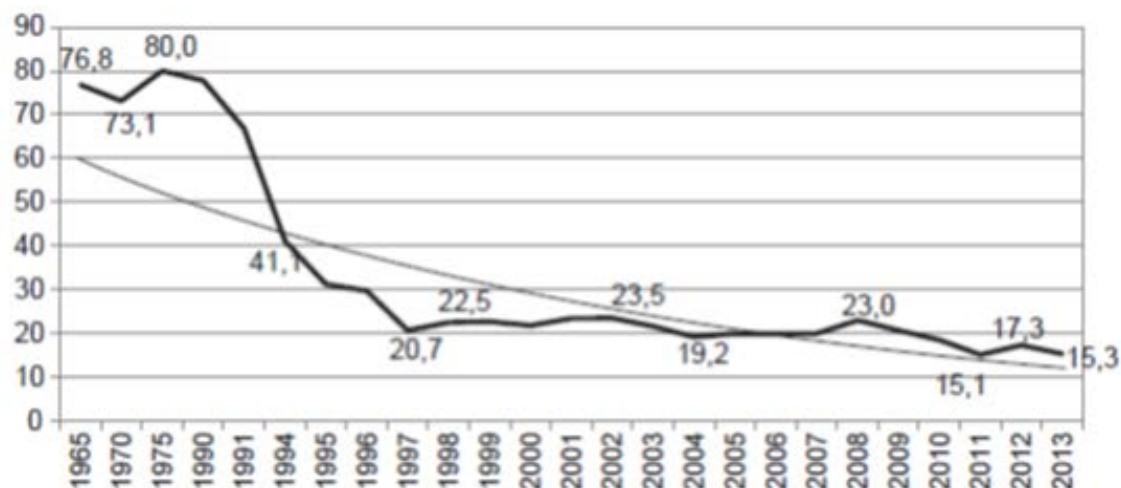

Рис. 2. Доля России в общем обороте внешней торговли Монголии, %

Источники: Госкомстат. Статистические сборники Монголии за 1990–2009 гг.;
Госкомстат. Статистический сборник Монголии 2013, 2014. С. 274-282

Таблица 9

Общий оборот внешней торговли Монголии, млн дол. США

Показатель	1997	2010	2011	2012	2013	2014 I-VII
Общий оборот	919,8	6108,6	11415,9	11123,0	10626,9	6088,6
в т.ч. Россия		1129,4	1721,0	1927,0	1623,6	...
доля в общем обороте, %	20,7	18,5	15,1	17,3	15,3	...
Китай		3442,7	6472,8	5933,1	5528,9	...
доля в общем обороте, %		56,4	56,7	53,3	52,0	...
Экспорт	451,5	2908,5	4817,5	4384,7	4269,1	2940,5
в т.ч. Россия		82,7	96,3	79,6	61,8	...
доля в экспорте, %		2,8	2,0	1,8	1,5	...
Китай		2466,3	4439,9	4059,7	3706,3	...
доля в экспорте, %		84,8	92,2	92,6	86,8	...
Импорт	468,3	3200,1	6598,4	6738,4	6357,8	3148,1
в т.ч. Россия		1046,7	1624,7	1847,4	1561,9	...
доля в импорте, %		32,7	24,6	27,4	24,6	...
Китай		976,2	2032,9	1873,5	1822,6	...
доля в импорте, %		30,5	30,8	27,8	28,7	...
Торговый баланс	-16,8	-291,6	-1780,9	-2353,7	-2088,7	-207,6

Источники: Госкомстат. Статистический сборник Монголии. 2013–2014. С. 274-282.

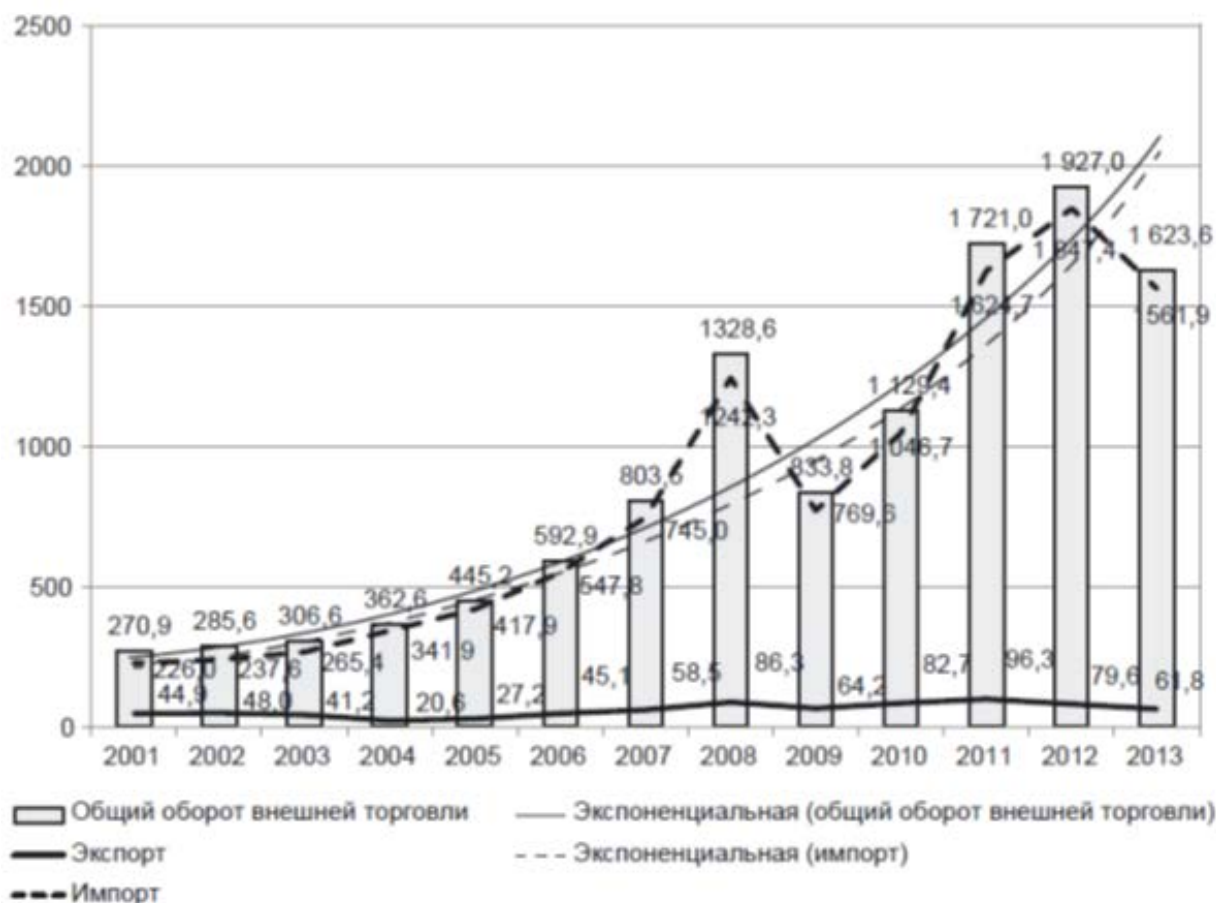

Рис. 3. Общий оборот внешней торговли между Монголией и Россией, млн дол. США

Источники: Госкомстат. Статистические сборники Монголии за 1990–2009 гг.; Госкомстат. Статистический сборник Монголии. 2013–2014. С. 274–282

числе в экспорте — от 1,5 до 2,8%, в импорте — от 24,6 до 32,7%.

В 2013 г. в общем объеме экспорта Монголии впереди идет Китай (86,8%), следом Великобритания — 4,7%, Канада — 3,2% и остальные страны — 5,3% (в том числе Россия — 1,5%).

В структуре импорта Монголии Китай занимает 1-е место (28,7%), следом Россия — 24,6%, США — 8,1%, Южная Корея — 8,0%, Япония — 7,0%, ФРГ — 4,0%, Беларусь — 2,4% и остальные страны — 17,2%.

Как видим на рис. 3. в 2001–2013 гг. общий объем экспорта Монголии из Монголии в Россию находится на сравнительно стабильном уровне, и общий оборот внешней торговли между Монголией и Россией находится в прямой зависимости от объема импорта из России в Монголию, что подтверждается трендами линий.

Рассмотрим структуру экспорта из Монголии в Россию по видам продукции (табл. 10).

Как видим из табл. 10 с 2008 г. объем экспорта шпатовых руд и мяса занимает основную долю всего объема экспорта Монголии в Россию в пределах от 51 до 89,4%.

Рассмотрим общий объем мяса, экспортированного из Монголии в Россию в 1990–2011 гг. на рис. 4.

Как видим из рис. 4 объем мяса, экспортированного в Россию, в последние три года сократился более чем в двадцать раз и средневзвешенная величина в последние 23 года неуклонно снижалась. На рисунке отчетливо виден нисходящий тренд линии (тонкая линия).

По официальным статистическим данным, в 2012 г. доля продукции сельского хозяйства в ВВП страны составляла 21,3%, животноводства — 75% всей валовой продукции сельского хозяйства. В 2012 г. в животноводстве было занято 317,2 тыс. чел., 207,8 тыс. семей имеют личный скот, из них 146,1 тыс. семей занимаются животноводством как основным видом деятельности¹. Тут необходимо отметить, что

Экспорт из Монголии в Россию по видам продукции

Годы	Общий экспорт		Шпатовые руды		Мясо		Сумма шпатовых руд и мяса	
	млн дол США	%	млн дол США	%	млн дол США	%	млн дол США	%
1999	48,2	100,0	16,8	34,9	12,9	28,7	29,7	61,6
2000	45,1	100,0	12,8	28,4	11,5	25,5	24,3	53,9
2001	44,9	100,0	19,7	43,8	12,2	27,1	31,9	71,1
2002	48,0	100,0	11,7	24,4	12,8	26,6	24,5	51,0
2003	41,2	100,0	11,4	27,7	8,8	21,3	20,2	49,0
2004	20,6	100,0	18,4	89,3	7,5	36,4	-	-
2005	27,2	100,0	23,8	87,5	7,6	27,9	-	-
2006	45,1	100,0	18,7	41,5	14,4	31,9	33,1	73,4
2007	58,4	100,0	27,8	47,6	15,8	27,1	43,6	74,7
2008	86,3	100,0	45,1	52,3	19,1	22,1	64,2	74,4
2009	68,2	100,0	27,9	40,9	31,1	45,6	59,0	86,5
2010	82,7	100,0	48,0	58,0	25,9	31,3	73,9	89,4
2011	96,3	100,0	63,7	66,1	21,2	22,0	84,9	88,1
2012	79,6	100,0	54,7	68,7	6,2	7,8	60,9	76,5
2013	61,8	100,0	30,7	49,7	1,2	1,9	31,9	51,6

Источники: Госкомстат. Статистические сборники Монголии за 1990-2009 гг.; Госкомстат. Статистический сборник Монголии. 2013-2014. С. 274-282; Данные Главного таможенного управления Монголии за 1999-2013 гг.

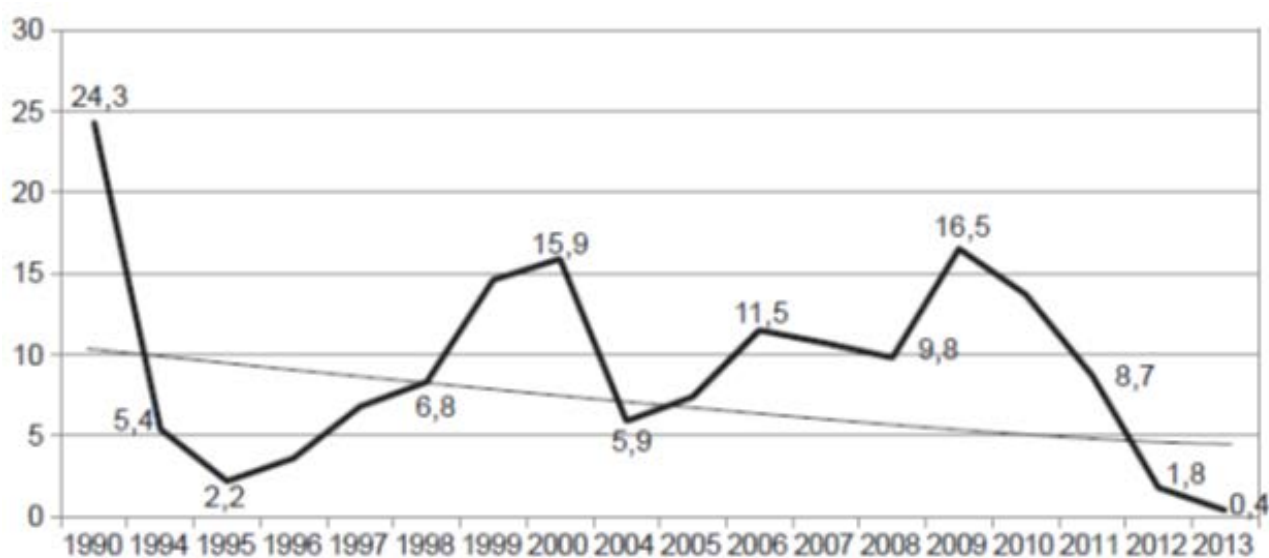

Рис. 4. Объем мяса, экспортированного из Монголии в Россию, тыс. т

Источники: Госкомстат. Статистические сборники Монголии за 1990-2012 гг.; Госкомстат. Статистический сборник Монголии. 2013-2014. С. 274-282

Структура семейного владения скотом в Монголии

Показатель	Количество скота на семью, голов									
	до 10	11–30	31–50	51–100	101–200	201–500	501–999	1000–1499	1500–2000	более 2001
Количество семей	3729	9408	8690	19149	35705	47467	16372	3983	555	253
Доля семей, %	2,6	6,5	6,0	13,1	24,5	32,7	11,3	2,7	0,4	0,2

Источник: Mongolian Statistical Yearbook 2013, National Statistical Office of Mongolia, Ulaanbaatar. 2014. P. 324.

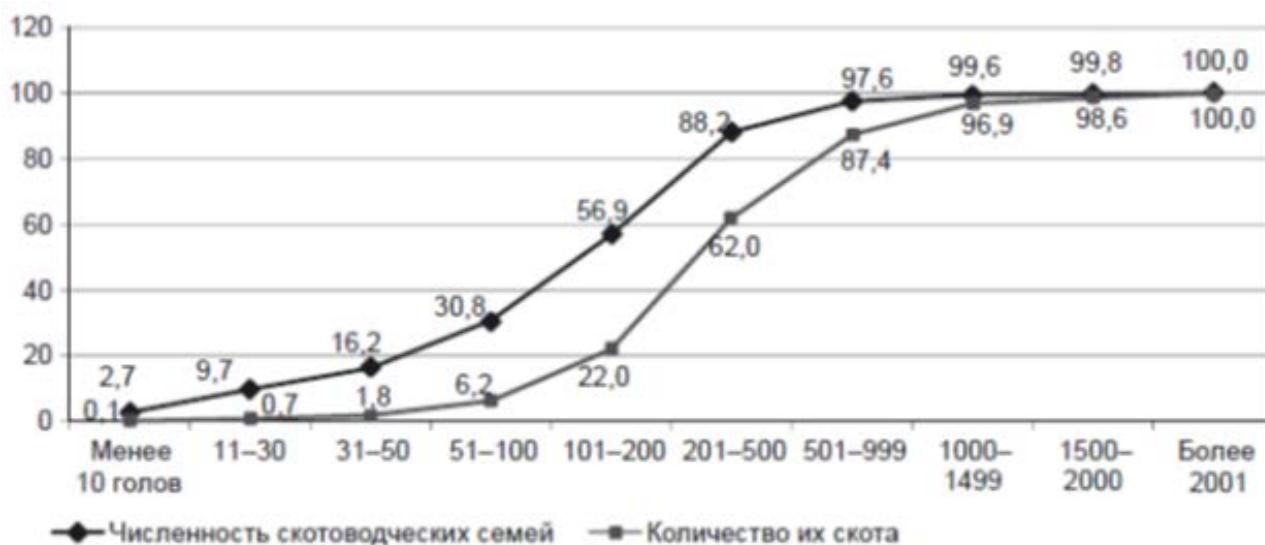

Рис. 5. Доля скотоводческих семей по количеству их скота в 2012 г., %

Источник: Правительство Монголии. Национальный 5-й доклад о реализации ЦРТ, Улан-Батор, 2013. С. 38

впервые в 1995 г. количество скота страны достигла 28,6 млн голов и в 1999 г. достигло максимального уровня 33,6 млн голов, затем в силу огромного падежа сократилась до 23,9 млн в 2002 г. или почти на 25,0%. После 2002 г. поголовье скота постоянно увеличивалось и достигло в 2007 г. 40,3 млн. Но в 2009–2010 гг. опять случился падеж скота, в результате которого поголовье скота снизилось до 32,7 млн в 2010 г. и постепенно увеличиваясь через три года в 2013 г. достигло уже 45,1 млн голов. Как видно из рис. 5 скотоводческие семьи, владеющие скотом менее 100 голов, хотя составляют

30,8% от общей численности, но они владеют всего лишь 6,8% от общего поголовья. Для сравнения отметим, что скотоводческие семьи, владеющие скотом более 500 голов, составляют 11,8% от общей численности, но они владеют 38% от общего поголовья. Также скотоводческие семьи, владеющие скотом 501–999 голов, составляют 9,4% от общей численности, но они владеют четвертью (25,4%) общего поголовья. Например, скотоводческие семьи, владеющие скотом менее 100 голов, составляли 36% от общей численности, но они владели всего 8,3% от общего поголовья.

Раздел третий

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И МОНГОЛИИ 1900–1945 гг.

РОССИЙСКОЕ КОНСУЛЬСТВО В УРГЕ И ЖИЗНЬ РУССКОЙ ДИАСПОРЫ В МОНГОЛИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА)

Деятельность российских подданных на окраинах Китая (Монголия, Маньчжурия, Синьцзян) во второй половине XIX — начале XX вв. осуществлялась под перманентным контролем российских императорских консульств, учрежденных на территории империи, в соответствии с российско-китайскими трактатами 1851, 1860, 1881 гг. Первые консульства появились в Западном Китае (Чугучак, Кульджа — 1851 г.), а уже в 1861 г. было открыто консульство в центре Монголии — Урге. По мере интенсификации российско-монгольских торговых операций и сосредоточения стратегических интересов России в Монголии, возникла необходимость консульского надзора в Западной Монголии (Улясутай — 1906 г., Шара-Сумэ и Кобдо — 1911 г.).

Формирование относительно упорядоченного русского поселения в Урге началось после 1860 г., однако первое русское подворье было построено в 1786 г. Статья 13 Пекинского договора разрешала русским строить свои дома, лавки, амбары в местах пребывания консулов, благодаря чему рост русской колонии укрепился. Основной контингент колонии составляли сибирские (кяхтинские, троицкосавские, иркутские, бийские, верхнеудинские) коммерсанты, преимущественно, крестьянского и мещанского происхождения¹. В 1913 г. в Урге проживало около 1500 русских².

Русская диаспора в Монголии, невзирая на крепнущие экономические позиции, являлась довольно разобщенной и пестрой по составу³.

¹ О структуре купеческого сообщества см.: Старцев А. В. Численность и состав русских предпринимателей в Монголии во второй половине XIX — начале XX в. // Центральная Азия и Сибирь. Первые научные чтения памяти Е. М. Залкинда: материалы конф. Барнаул, 2003. С. 142–148.

² Выходцы из России в Урге, преимущественно, были представлены предпринимателями, служащими консульства, военным отрядом с инструктором.

³ Под «русской диаспорой» понимается все русско-подданное население Монголии, проживавшее по-

Жизнь колонистов 1860–1880-х гг. была сосредоточена на устройении торгового дела, быт носил отпечаток «временности», общественная жизнь была пассивной⁴. Для многих торговцев Монголия стала вторым домом, но не все они стремились к формированию в кочевой стране сплоченного «русского мира» с четкими культурными и духовными ориентирами. Большинство предпринимателей придавало «делу» не только материальное, но и духовно-нравственное значение, реализуя в нем и патриотические устремления, однако высокий статус «русского флага», в особенности на этапе становления российскомонгольской торговли, не всегда был первым приоритетом всех членов сообщества выходцев из России. Его повседневная жизнь, включавшая и суровые развлечения, и споры, требовала неусыпного контроля российских властей, стоявших на страже престижа империи. Консолидацию диаспоры, сохранение ею «лица» в глазах китайско-подданных, создание делового и бытового комфорта для соотечественников консульства считали одной из своих первостепенных задач.

Значение консульского института для организации жизни русских поселений и факторий в Монголии трудно переоценить. До 1909 г.

стоянно либо занимавшееся сезонной работой на территории страны. Понятие «диаспора» используется наряду с принятым в дореволюционном обиходе термином «колония», одно из значений которого — «сообщество... людей какой-нибудь страны, земляков, живущих в чужом городе, в чужой стране» (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1991). Ср.: «диаспора» (от греч. *diaspora* — рассеяние), постоянное пребывание (добровольное или вынужденное) части народа на территории другого государства (т. е. вне страны происхождения народа) (Современный энциклопедический словарь. М., 1997).

⁴ Старцев А. В. Русские предприниматели в Монголии: социальный облик и общественно-культурная деятельность / Востокведные исследования на Алтае. Вып. IV. Барнаул, 2004. С. 74.

единственным законным представителем российских интересов был консул в Урге. Его полномочия и диапазон функций были более объемными, нежели у коллег в других городах Китая (ключевые направления работы: политическое представительство, защита экономических интересов России⁵, разведывательная деятельность, содействие исследованию Монголии и Западного Китая, обустройство жизни русской диаспоры и консолидация российско-подданных в Монголии). По статусу он приравнивался к маньчжурскому и монгольскому амбаням и сносился с ними лично. Поддерживая контакты с местными властями всех уровней, консульство в Урге стало эффективным и оперативным инструментом разрешения проблем в отношениях народов Китая и России внутри Монголии и на границе от истоков р. Амур до Тарбагатайского хребта⁶.

Деятельность консульств была сопряжена с необходимостью устранения препон местных властей и подтверждения равенства статусов «посланцев Белого царя» и наместников богдыхана. Осложнявшими службу факторами также являлись китайская торговая конкуренция, суровые климатические условия, специфические законы мира кочевников, недооценка царским правительством важности Монголии как стратегического региона и самой работы консульства до начала XX в., скудость финансирования учреждения и проч. Все это требовало от дипломатов энергии и энтузиазма, истинным примером проявления которых стала 50-летняя работа второго консула в Урге Я. П. Шишмарева (1861–1911 гг.), труды и дни которого широко освещены в историографии⁷. В 1911 г. на посту генерального консула в Урге Я. П. Шишмарева сменил В. Ф. Люба. С 1913 г.

⁵ Сизова А. А. Русские консульства в Монголии в российско-китайско-монгольских экономических отношениях второй половины XIX — начала XX вв. // Вестник Международного центра азиатских исследований. Вып. 15. Иркутск, 2008. С. 51–63.

⁶ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 421.

⁷ Андреев А. И. Я. П. Шишмарев — дипломат, путешественник, исследователь Монголии // *Mongolica*. 2003. Вып. VI. С. 118–121; Единархова Н. Е. Русское консульство в Урге и Я. П. Шишмарев. Иркутск, 2008; Кузьмин Ю. В. Монголоведческие исследования Я. П. Шишмарева // Основные направления функционирования внешнеэкономического комплекса России в условиях глобализации и регионализации мирового хозяйства. Иркутск, 2006. С. 69–75; Русский консул в Монголии: Отчет Я. П. Шишмарева о 25-летней деятельности Ургинского консульства / сост., вступит. ст., примеч., библиогр. Н. Е. Единарховой. Иркутск, 2001.

генконсулом в Урге являлся А. Я. Миллер, в 1916–1919 гг. — А. А. Орлов⁸.

Настоящая статья нацелена на формирование общей картины деятельности ургинского консульства по содействию социальной и бытовой адаптации русских поселенцев в Урге во второй половине XIX — начале XX вв. в контексте повседневной жизни⁹ русской колонии в инокультурной, иноконфессиональной, иноязычной среде. За пределами анализа остается роль консульства в организации досуга русских поселенцев.

Общественная и культурная жизнь русских в Монголии и участие консулов в ее организации в той или иной степени освещались в работах Е. М. Даревской, Н. Е. Единарховой, А. В. Старцева, А. Н. Хохлова¹⁰. Тем не менее, многие архивные данные еще ожидают введения в научный оборот для оценки интегрального значения деятельности консульских учреждений для консолидации русской колонии и создания благоприятного климата ее проживания в непривычных условиях, развития российско-монгольско-китайского взаимодействия.

В работе консульств по содействию социально-бытовому развитию русской колонии можно выделить следующие векторы:

⁸ В отсутствие консулов в Урге их функции выполнялись секретарями или драгоманами. В разное время эти обязанности отправлялись В. В. Долбежеевым, В. Ф. Любой, М. Н. Кузьминским, В. Н. Лавдовским.

⁹ Повседневность — сложный философско-культурно-психологический феномен, получивший различные трактовки в социальной феноменологии («интерсубъективно-трансцендентальная социальность»), социальной философии, культурологии, иных общественных науках. В данной работе термин трактуется как некая бытовая реальность группы индивидов, существующая изо дня в день, в привычных ситуациях, предполагающая единообразие восприятия ситуаций взаимодействия всеми его участниками.

¹⁰ Даревская Е. М. Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX веков. Иркутск, 1994; Единархова Н. Е. Из истории пребывания русских в Монголии (до 1917 г.) // Диаспоры. 1999. № 2–3. С. 81–99; Она же. Русские купцы в Монголии // Восток. 1996. № 1. С. 76–89; 20. Старцев А. В. Основа благосостояния купцов-«чуйцев» // Наследие народов Российской Федерации. Вып. 8. Алтайский благодатный край. М., 2007. С. 208–213; Он же. Русская торговля в Монголии. Барнаул, 2003; Он же. Русские предприниматели в Монголии: социальный облик и общественно-культурная деятельность / Востоковедные исследования на Алтае. Вып. IV. Барнаул, 2004. С. 63–85; Хохлов А. Н. Российские купцы в Китае 60-х — 80-х гг. XIX.: трудные будни и редкие праздники // XIX науч. конф. «Общество и государство в Китае»: тезисы докл. Ч. II. М., 1988. С. 210–222.

1. Благоустройство поселения, коммуникации, общественное управление. Основным вопросом, решаемым консульством в этой области, было получение разрешений на отвод земли для русских жилых и торговых построек. На заре своей деятельности, консульство не уделяло особого внимания формированию комплексного русского поселения, и купцы, выбиравшие лучшие участки, расселились в городе спорадически. Само же здание консульства, отстроенное в 1865 г., находилось в 4 верстах от жизненного центра Урги, что вызывало неудобства в его сообщении с колонией и, по мнению современников, препятствовало ее консолидации во имя «общего русского дела»¹¹. Лишь в начале XX в. колонистам удалось «замкнуть» русский квартал¹². Описания фактории, облик и повседневная жизнь которой стремились сохранить русские черты, приводятся И. М. Майским¹³, П. А. Бобриком¹⁴.

Пекинский договор 1860 г. не закрепил торговые условия, порядок строительства русскими домов и складов в Урге и выделения участков для этих нужд. Уточнение деталей ложилось на плечи местных администраций и консула. Ургинский амбань Сектунга, с которым имели дело первый российский консул К. Н. Боборыкин и сменивший его Я. П. Шишмарев, не выработал твердой позиции по данному вопросу, то разрешая русским торговать в Курене (Ламском городе), то отправляя их в Маймачен (китайский торговый район в 6 верстах от Урги). Общий негативный настрой цинских властей по отношению к российскому присутствию в Монголии проявлялся в создании всевозможных препон деятельности и бытовому устройству подданных России¹⁵. Твердая позиция консульства по вопросу поселения способствовала началу строительства складов и домов в Курене

в указанных консулом местах. Впоследствии эти действия были легализованы амбаниями, но вопрос о выделении земли растущей русской колонии периодически обострялся.

В 1879 г. Я. П. Шишмарев смог оспорить решение амбаней о перенесении русских построек ближе к консульству¹⁶. В 1888 г. консул выиграл «битву» за сохранение русского городка в Курене, начатую Хухухтой и Шабинским ведомством. В середине 1890-х гг. консульство настояло на отозвании в Пекин амбана Гуйбина, инициировавшего новый виток притеснений русской колонии, привлекавшей в Монголию все более солидные капиталы¹⁷. При новом наместнике Лянь-Шуне управляющий консульством (1896–1898 гг.) В. Ф. Люба к весне 1897 г. добился выделения участка для дома переводчика консульства, а затем и для других лиц¹⁸.

С конца XIX — начала XX в. рост диаспоры заставил консульство обратить внимание на упорядочение застройки русского квартала, предотвращение скученности зданий, вопросы пожарной и санитарной безопасности. В 1903 г. оно обязало поселенцев руководствоваться положениями Российского строительного устава и до начала строительства представлять планы построек на утверждение консула¹⁹. В. Ф. Люба также убедил местные власти в опасности неосторожного пользования огнем туземного населения, в особенности, бедного, ставившего юрты вблизи русских чайных складов. В то же время он поставил вопрос о необходимости вложений купеческих средств в хранение товаров, ибо к тому моменту в Урге так и не выстроили каменный гостиный двор²⁰.

При отсутствии в Урге дорожной инфраструктуры для русских поселенцев актуализировалась проблема переправы через местные реки. На средства русских купцов консульство организовало мостостроение и создание переправ под Ургой и между Кяхтой и Ургой. В 1887 г. было построено два моста — через р. Толу и ее протоку, которые ремонтировались за счет взносов чаеоторговцев²¹. Монголы пользовались мостами и переправами безвозмездно²². За исправностью объектов сле-

¹¹ Боголепов М. И., Соболев М. Н. Очерки русско-монгольской торговли. Экспедиция 1910 г. Томск, 1911. С. 395

¹² Бобрик П. А. Монголия: очерк торгово-промышленного и административного быта. (Поездка в Монголию 1913 г.). Владивосток, 1914. С. 49.

¹³ Майский И. М. Монголия накануне революции. М., 1960. С. 71–72.

¹⁴ Бобрик П. А. Монголия: очерк торгово-промышленного и административного быта. (Поездка в Монголию 1913 г.). Владивосток, 1914. С. 50.

¹⁵ Единархова Н. Е. Взаимоотношения русского консула с ургинскими правителями (60-е годы XIX в.) // Четвертые востоковедные чтения. БГУЭП: материалы Междунар. науч. конф. (Иркутск, март 2005 г.). Иркутск, 2005. С. 70–75.

¹⁶ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 484.

¹⁷ Там же. Л. 484 об.

¹⁸ Там же. Л. 503.

¹⁹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 179.

²⁰ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 470.

²¹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 4.

²² АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 431.

дид откомандированный Приамурским Генерал-губернатором казачий полковник Петров. В 1897 г. консул предложил китайской стороне объединить усилия для строительства мостов через новые русла р. Толы, образовавшиеся в результате изменения направления реки (5000 лан серебра — с торгующих в Урге и кяхтинском Маймачене китайских лавок, 3000 лан серебра — от русского купечества в Кяхте)²³. К апрелю 1898 г. в Урге было выстроено и передано в общее пользование 3 моста. Переправы через р. Толу, а затем и по рекам Иро и Харе²⁴, а также хозяйство для их нужд, были устроены по просьбе монгольских ханов и князей в 1884 г. и содержались на средства от взносов монголов и русских²⁵.

С последней трети XIX в., консульство способствовало развитию в Урге общественного управления. Значительную помощь в его организации оказали русские торговые старшины, избираемые из круга предпринимателей. Это были наиболее уважаемые и опытные купцы, посредничавшие в отношениях консула с колонией, способные находить взаимопонимание с монгольскими и маньчжурскими властями, улаживать споры между русскими. Кандидаты в старшины одобрялись консулом, и после избрания снабжались особым документом и печатью²⁶. За счет своего авторитета среди поселенцев и туземных властей старшины служили опорой консульства в деле содействия российской торговле и сплочению соотечественников в Монголии.

Преемники Я. П. Шишмарева обратили все силы на организацию управления русской колонией. Провозглашение независимости Монголии 1 декабря 1911 г. актуализировало необходимость объединению русских для «служения общему делу» и ускорило создание общественного самоуправления русской колонии. С приездом А. Я. Миллера общественный порядок стала оберегать русская полиция.

2. Медицина и ветеринария. Эпидемии чумы и других заболеваний (тифа, оспы) являлись серьезной проблемой Монголии. Они уносили жизни тысяч людей, домашних животных, подвергая риску торговлю скотом, и служили дополнительной причиной нежелания многих русских начинать свое дело в «дикой» стране. Негативное влияние на здоровье по-

селенцев имел и суровый климат Урги. Именно поэтому развитие медицины и ветеринарии являлось критически необходимым для российских подданных, став также одним из приоритетных мер царского правительства по укреплению позиций в Монголии²⁷. Однако относительно регулярную медицинскую помощь удалось организовать только в первые годы XX в.

Консул в Урге К. Н. Боборыкин сразу оценил необходимость учреждения должности постоянного врача, но на тот момент возможным было только приглашение фельдшера. Фельдшер И. Осипов оказывал помощь и русским поселенцам и монголам, инициировал вакцинацию против оспы, готовил детрит (вакцину) и учил этому местное население, передавал опыт буддийским ламам, чьи методы были бесцельны против жестоких эпидемий²⁸. В 1863 г. И. Осипова сменил фельдшер Абрамов, но единственный медицинский работник не мог оказать помощь всем нуждавшимся в ней. Периодически Я. П. Шишмарев и В. Ф. Люба вызывали из России врачей и серьезно ставили вопрос об открытии больницы²⁹, но правительство долго не откликалось на данные призывы.

Первые постоянные доктора прибыли в Ургу вместе с военными отрядами, направленными царским кабинетом в ходе подавления «боксерского» восстания и русско-японской войны, но и их пребывание не было продолжительным. В 1903 г. за четыре месяца в городе умерло более 1500 монголов и около 300 китайцев, имелось множество заболевших среди российских подданных, 7 из которых скончались, и в результате очередного ходатайства консула, постоянный врач был назначен³⁰. Медицинская помощь оказывалась русской колонии, местным властям, китайским солдатам, простым монголам. При содействии консулов врачи вели санитарно-просветительную работу, способствовали уборке нечистот в го-

²⁷ Журнал Особого Междуведомственного Сопровождения, бывшего в С.-Петербурге под председательством Иркутского Генерал-Губернатора, Еггерра Л. М. Князева, по русско-монгольским делам. Иркутск, 1913. С. 32–33.

²⁸ Единархова Н. Е. Русское консульство в Урге и Я. П. Шишмарев. Иркутск, 2008. С. 59.

²⁹ Журнал Особого Междуведомственного Сопровождения, бывшего в С.-Петербурге под председательством Иркутского Генерал-Губернатора, Еггерра Л. М. Князева... С. 32–39.

³⁰ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 181

²³ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 5.

²⁴ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 500.

²⁵ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 499 об.

²⁶ АВПРИ. Ф. 292. Оп. 732. Д. 23. Л. 3.

родах, вовлекая в эти мероприятия русских поселенцев³¹.

Ситуация с ветеринарной помощью улучшилась также только в начале XX в. В 1901 г. правительство командировало в Ургу ветеринарного врача А. П. Свечникова для прививания от чумы скота русских поселенцев. Я. П. Шишмарев предложил прививать и монгольский скот³². В 1903 г. консул одобрил реализацию врачом А. А. Дудукаловым проекта ветеринарно-противочумной станции. Консул в Урге, а с 1909 г. и в Улясутае, контролировали работу российских экспедиций, прививающих животных. Консулы В. Ф. Люба и А. Я. Миллер, состоявшие на службе в 1911–1916 гг., также внесли свой вклад в улучшение условий больницы в Урге и решение ветеринарного и санитарного вопросов.

3. Образование и просвещение. Серьезную проблему для расширения русско-монгольских связей представлял языковой барьер, что осознавалось консулом и властями приграничных регионов. В 1864 г. генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Карсаков одобрил доклад Я. П. Шишмарева о необходимости подготовки переводчиков в Урге. В 1865 г. был создан устав ургинской школы переводчиков³³. Учителями в школе служили маньчжурские и монгольские чиновники, а также сам Я. П. Шишмарев, инспектором — секретарь консульства в Урге В. Ф. Люба. Только по прошествии 20 лет школа получила официальный статус (1884 г.), и ее содержание стало статьей бюджета Казначейства. Первоначально ургинская школа должна была обеспечивать региональные и пограничные учреждения специалистами в области китайского, маньчжурского и редкого монгольского языков. Но в августе 1894 г. Я. П. Шишмарев в отношении помощнику Приамурского Генерал-губернатора сообщил о желательности приглашения в школу и преподавателей тюркских языков с целью подготовки переводчиков для Степного края и Туркестана³⁴.

За 56 лет работы выпускниками стало более 100 переводчиков маньчжурского, китайского, монгольского и тюркских языков. Строгие

выпускные экзамены по всем аспектам языкознания и перевода проходили в присутствии консула, Кяхтинского пограничного комиссара, а иногда и маньчжурского амбана³⁵. Выпускники школы профессионально выполняли функции перевода на службе в пограничных администрациях на всех участках русско-китайской границы³⁶, а также при российских консульствах в Китае. Последние сведения о работе школы в Урге относятся к 1914 г.³⁷

В мае 1894 г. Я. П. Шишмарев ходатайствовал об учреждении в монгольской столице школы для молодых монголов для обучения русскому и китайскому языкам³⁸ и заручился согласием ургинских амбаней по данному вопросу. Несмотря на то, что Я. П. Шишмареву была обещана поддержка высоких китайских чиновников, школа для монгольских молодых людей так и не была создана.

С ростом русской колонии в Урге был реализован и проект школы для русских детей. Одновременно в ней обучалось около 20 чел. С прибытием в Ургу нового консула А. Я. Миллера в русской школе смогли обучаться и монгольские дети. При его содействии в городе открылось 8-классное коммерческое училище³⁹.

В 1910-х гг. консульство развернуло широкую просветительскую деятельность в Урге, включавшую, также, увеличение объемов доставляемой периодики и литературы на русском языке, показ кинематографа, организацию поездок монголов на учебу в России.

Новые направления образовательной и культурной деятельности стал осуществлять и русский клуб в Урге (открыт в 1903 г.)⁴⁰. С созданием отдельной почтовой конторы доставка периодической печати вышла на новый уровень. Урга получала около 20 журналов и

³⁵ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 23.

³⁶ Дацышен В. Г. Очерки истории русско-китайской границы во второй половине XIX — начале XX вв. Кызыл, 2000. С. 66.

³⁷ Подробнее о школе переводчиков и толмачей см.: Даревская Е. М. Ургинская школа переводчиков и толмачей (Из истории русско-монгольских связей) // Свет над Байкалом. 1958. № 1; Дацышен В. Г. История изучения китайского языка в Российской империи. Красноярск, 2002.

³⁸ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 267 об.

³⁹ Даревская Е. М. Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX вв. Иркутск, 1994. С. 151.

⁴⁰ Майский И. М. Современная Монголия. Иркутск, 1921. С. 92.

³¹ Даревская Е. М. Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX вв. Иркутск, 1994. С. 128.

³² Там же. С. 100.

³³ Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. С. 242.

³⁴ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 285–286.

газет, консульство и почтовая контора помогали пересылке их торговцам Северо-Западной Монголии⁴¹. В период работы А. Я. Миллера при консульстве имела типография, издававшая популярные журналы на монгольском языке, в том числе, журнал «Шинэ-толи» («Новое зеркало»), посредством которых не только популяризировался монгольский язык, но и оказывалось «нравственное воздействие» на монголов.

В июле 1914 г. консульство поддержало инициативу священника Ф. А. Парнякова о создании ургинского приходского попечительства, преследовавшего религиозно-нравственные, образовательные, культурные и научные цели, призванное стать центром русской колонии в Монголии, каким до 1911 г. было консульство в Урге⁴².

4. Вопросы религии и ритуала. Подавляющее большинство членов русской колонии в Урге составляли этнические русские, исповедовавшие православие. Вопрос о строительстве в городе православной церкви был поставлен Я. П. Шишмаревым уже в 1863 г., поскольку наличие символа православной веры в крупнейшем центре ламаизма было значимо и с точки зрения престижа российского государства. С разрешения генерал-губернатора Восточной Сибири и при финансовой поддержке кяхтинского купечества в Урге был возведен Свято-Троицкий храм (1875 г.)⁴³. До 1893 г. в отсутствие постоянного причта⁴⁴ регулярных богослужений в нем не проводилось, и религиозные нужды отправлялись в специально отведенной комнате консульского дома. К православным прихожанам в Урге периодически (в среднем 2 раза в год) приезжал священник из Верхнеудинска, затем из Пекинской Духовной миссии, а с 1868 г. — из Иркутска. Переписка консула отражает глубокое понимание им деловых и бытовых нужд купечества, желание содействовать созданию духовного комфорта православных Урги, однако решение церков-

ного вопроса оказалось одним из наиболее бюрократически сложных.

В целях поддержания храма в «благолепии» в ноябре 1889 г. консульство выпустило постановление о взимании сбора в пользу церкви и причта по 1 к. с ящика для всех следующих через Монголию русских чаев⁴⁵. Консул поставил вопрос о законодательном закреплении сбора, и проблема взимания столь незначительной суммы стала предметом переписки высших органов государственной и церковной власти в течение целого года⁴⁶. В итоге установление сбора законодательным порядком не было признано необходимым⁴⁷, средства собирались и расходовались консулом, и уход за церковью стал общей заботой прихожан. С 1888 по 1898 гг. чаеоторговцы жертвовали на нужды храма 14 112 р.⁴⁸ Приглашение постоянного священнослужителя и оплату его жалованья с 1893 г. взяло на себя государство. На эти цели из казны ежегодно отпускалось по 1900 р. серебром (1200 р. — священнику, 700 р. — псаломщику)⁴⁹. Сохранение православной церкви как символа российского присутствия в Урге в хорошем состоянии приобрело еще большую значимость с проникновением в 1894 г. в Монголию протестантских миссионеров, развернувших в монгольской среде бурную гуманитарную деятельность⁵⁰.

Другим объектом внимания консульства было русское кладбище в Урге. С 1866 г. консул не раз обращался к православной колонии с настояниями поддерживать кладбище в порядке, однако до конца 1890-х гг. они не встречали сочувствия. В результате православное кладбище оставалось в печальном состоянии — не было огорожено, деревянные кресты расхищались монголами на топливо, а каменные разрушались от времени и от рук вандалов⁵¹. Беспочася о том, что неуважительное отношение к своим покойным создаст православным негативный имидж в глазах ламаистов, в 1897 г.

⁴⁵ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 148.

⁴⁶ Там же. Л. 149, 166–168 об., 172–178, 182–191.

В переписку были вовлечены Посланник в Пекине, Директор Азиатского департамента, Министр иностранных дел, Министр финансов и глава Департамента торговли и мануфактур, Обер-Прокурор Священного Синода, Государственный контролер, Государственный Секретарь.

⁴⁷ Там же. Л. 188.

⁴⁸ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 49.

⁴⁹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 146 об.

⁵⁰ Там же. Л. 457–457 об., 494 об..

⁵¹ Там же. Л. 478 об.

⁴¹ Даревская Е. М. Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX веков. Иркутск, 1994. С. 158–159.

⁴² О деятельности попечительства см.: Даревская Е. М. Три портрета — три судьбы. Улан-Батор, 1997. С. 132; Старцев А. В. Русские предприниматели в Монголии: социальный облик и общественно-культурная деятельность // Востокведные исследования на Алтае. Вып. IV. Барнаул, 2004. С. 75.

⁴³ Единыхарова Н. Е. Русское консульство в Урге и Я. П. Шишмарев. Иркутск, 2008. С. 61.

⁴⁴ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 69.

консул обратился за выделением из Государственного Казначейства 1000 р. на возведение каменной ограды вокруг русского кладбища⁵².

В конце 1890-х гг. между причтом о. Всеволодом Ивановым и управляющим консульством В. Ф. Любой, а соответственно, Иркутской Епархией, Священным Синодом и МИДом, возникло противоречие относительно права на распоряжение средствами от сборов на общественные нужды⁵³. Духовное ведомство пыталось доказать, что между консульством и священником существует личная неприязнь, а также, что русская колония не доверяет консулу в деле распоряжения собранными средствами⁵⁴. В ходе длительных пререканий выяснилось, что ургинская церковь не относится к заграничным церковным учреждениям МИД и подчиняется епархиальному начальству. Я. П. Шишмарев предложил найти компромиссный и законный выход из затруднения, настаивая на том, чтобы суммой от сборов распорядилась вся русская колония с помощью института попечительства (церковного комитета) с согласия Архиепископа Иркутского и Верхотурского. В мае 1899 г. священник Иванов, предположительно, за нечистоплотную деятельность, был освобожден от должности и заменен другим причтом. Сформированный к 1900 г. церковный комитет состоял из генконсула, секретаря и драгомана консульства, священника, директора Общества Рудного дела в Монголии, управляющего почтовой конторой и представителей двух миссионерских домов⁵⁵.

Повседневная жизнь русской диаспоры в Урге наблюдала тесную связь с консульством, игравшим значительную роль в ее упорядочении. Работу консульства на монгольской окраине Китая в данный период нельзя назвать безупречной. Недооценка правительством важности Урги как стратегического пункта и роли консульского надзора над деятельностью

российских подданных до начала XX в., финансовые проблемы в связи с местными экономическими условиями (инфляция и проч.), противодействие маньчжурских властей и жесткая конкуренция китайской торговли, большие объемы текущей работы при ограниченном штате (2–3 чел.) до 1909 г., отсутствие удобных путей сообщения и современных средств связи, низкая культура купцов-соотечественников и другие факторы затрудняли работу консулов по консолидации диаспоры и созданию более благоприятных условий ее существования. Однако употребленные усилия по улучшению климата как деловой, так и бытовой жизни подданных России, запечатленные в ведомственной переписке, статистике, воспоминаниях современников, заслуживают высокой оценки. Консульству в Урге удалось стать центром «русского мира» и мобилизовать объединительные силы диаспоры благодаря личному энтузиазму и профессионализму работников. Этому способствовали объективная оценка состояния и перспектив русского дела в кочевой стране, нужд соотечественников, глубокое чувство долга и преданности службе, а также широта полномочий, предоставленных им МИДом.

Опыт российской консульской службы в Урге и других монгольских городах особо важно учесть в процессе реанимации российско-монгольских контактов на современном этапе и выработки политики в отношении диаспоры соотечественников в данной стране. При выстраивании наметившейся линии «возвращения» в Монголию не следует пренебрегать внимательным изучением истории царского консульского института в Урге, сыгравшего столь значительную роль в успехе «русского дела» в Монголии на самой активной и сложной стадии взаимодействия двух народов. Некоторые проблемы, с которыми столкнулись первые российские дипломаты в Монголии, методы их разрешения, а также мероприятия по консолидации и развитию общественной жизни русских поселенцев, не утратили своей актуальности и по сей день.

⁵² АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 47.

⁵³ Там же. Л. 557–557 об.

⁵⁴ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 45–46 об..

⁵⁵ Там же. Л. 80 об.

МОНГОЛЬСКО-РОССИЙСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ 1912 ГОДА И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ О ПОЗИЦИИ ЮАНЬ ШИКАЯ

Юань Шикай с самого первого дня своего президентства, с 10 марта 1912 г. когда он вступил на должность Временного Президента или Дазунтун Республики Китая, начал устанавливать диктатуру вонных чинов Северного Китая. Он также встретился с сильнейшим вызовом в лице периферийных монгольских территорий бывшей Цинской династии которые стремились отделиться от центра, стать самостоятельными и создавать независимые государства. Халхинские князья возвели на престол своего духовного лидера Жибзундамба Хутукту и объявили о независимости Великого Монгольского государства в конце 1911 г. Хулунбуйрский край также заявил о независимости в начале 1912 г. и вошел в административное управление Монгольского государства и стал вести свои государственные дела в рамках законов и постановлений Ургинской власти. На восточной части Внутренней Монголии очень сильны были про-Халхаские настроения и движений за отделение от Китая. В этой статье автор попытается выяснить отношения между Юань Шикаем и Жибзундамба Хутукту, установление господства Юань Шикаем во Внутренней Монголии методами обещаний и вознаграждений а также прямыми силовыми давлениями. Автор также проанализирует ход монгольско-российских переговоров 1912 г., позиции Правительства Юань Шикая по поводу Монгольско-Российского соглашения, постарается выяснить истинные причины отказа Юань Шикая от посреднических услуг со стороны царской России в нормализации Монголо-Китайских отношений.

1912 ОНЫ МОНГОЛ-ОРОСЫН ХЭЛЭЛЦЭЭР БАЮАНЬ ШИКАЙН БАЙР СУУРЬТАЙ ХОЛБООТОЙ ЗАРИМ АСУУДАЛ

1912 оны 3 дугаар сарын 10-ны өдөр Дундад Иргэн Улсын түр Ерөнхийлөгч болсон Юань Шикай Дажунтун буюу Ерөнхийлөгч болсон өдрөөс эхлэн Умардын цэргийн эрхтэнүүдийн дарангуйлал тогтоох эхлэлийг тавьжээ. Тэрээр мөн манж Чин улсын хил хязгаар газрын Монгол нутгууд тусгаар тогтнох, төвөөс зугатан бие даах гэсэн бодит байдалтай тулгарсан юм. Халхын ноёд Их Хүрээнд Жавзандамба хутагтаа хаан ширээнд залж, Их Монгол улсыг 1911 оны эцсээр тунхаглан зарлаад байв. 1912 оны эхээр Хөлөнбуйр тусгаар тогтнолоо зарлаж, Монгол улсын захиргаанд багтах болж, бүхий л хэрэг явдлыг Их Монгол улсын төрийн зааврын дагуу хөтлөн явуулдаг болов. Өвөр Монголын зүүн хэсэгт мөн Халхыг дагах, тусгаар тогтнох хөдөлгөөн хүчтэй өрнөж байв. Энэхүү илтгэлд Юань Шикай ба Жавзандамба хутагтын харилцаа, Юань Шикай Өвөр Монголын ноёдыг илбэн аргадах, харгислан дарах аргыг хослон хэрэглэж ноерхлоо тогтоосон, 1912 оны Монгол-Оросын яриа хэлэлцээ, Монгол-Оросын хэлэлцээрийн талаарх түүний Засгийн газрын байр суурь зэргийг нягтлан үзэж, Юань Шикай юуны учир Монгол улстай харилцахдаа хаант Оросоор зуучлуулахыг эрс эсэргүүцэж байсан учир шалтгааныг тодруулах оролдлого хийсэн болно.

Юань Шикай ба Бээжин дэх Монголын ван гүн нарын харилцаа

Юань Шикай 1901 оноос Чжили мужийн ерөнхий захирагч болж, Чингийн ноерхогч ангийн бүлэгт багтаж, Цин цинван зэрэг манжийн язгуур-

тнуудтай холбоо тогтоон хэсэг хугацаанд их эрх мэдлийг олжээ. Гэвч түүний албан тушаал Лифаньюань буюу Гадаад Монголын төрийг засах яамтай ямар нэгэн хамаарал байхгүй байсан учир Юань Шикай тэр үед Монголын ван гүн нартай харьцаатай байсан эсэхийг гэрчлэх баримт сэлт хомс байна.

1908 онд Гуаньсюй хаан, Цыси хатан хаан ар араас нас нөгчиж, хоёрдугаар Чун ван засгийг явуулж, Юань Шикайг тушаалаас нь огцруулж, нутагт нь буцаажээ. Түр зуур Манжийн хааны ураг төрөл манж, монгол язгууртнууд төрийн эрхийг авчээ. Тэр үес Бээжинд суугаа хэсэг монгол ван гүн нар итгэлийг олж, манж монголын язгууртны бүлгэм засгийн эрхийг барьж байна гэсэн ойлголтыг хүмүүст өгч байв. Чингийн ордны хааны дэргэдэх их сайдын тушаалыг хашиж байсан Халхын чинван Наянт, Хорчины туслагч гүн Бодису, Хорчин чинван Амирлингуй (Бодисугийн ач), Шинжааны торгууд жүнван Палт, Харчин жүнван Гүнсэнноров нар тухайн үед Бээжинд сууж байсан Гадаад, Дооод Монголын ван гүн нарыг төлөөлж байв¹.

1911 оны «Дунфан зажи» (Дорнодын сэтгүүл) ийн зургийн буланд цэргийг засах их сайд нарын хамт авахуулсан гэрэл зургийг хоер хувь нийтэлжээ. Эхний зурагт «Ван гүн их сайд нарын хамтын зураг» гэх гарчиг хаджээ. Зурагт нийт 26 хүн

¹ Байлдагч. Чин төр мөхөх үед Бээжинд байсан Монгол ван, гүнгүүдийн улс төрийн үйл ажиллагаа. «Чэнжису хан де Ичан», Монгол судлалын цуврал, 4-р дэвтэр, Хөххот, Өвөр Монголын ардын хэвлэлийн хороо (хятад хэлээр), 2009, 141–142-р тал.

багтсанаас үүн дотор Наянт чинван, Гүнсээноров жүнван, Палт жүнван, жич Наянтын хөвгүүн Хөвөөт цагаан хошууны дэд захирагч байсан Ци Чэн У нар багтжээ. Хоердахь зурагт «Далай, хуурай замын цэргийн чухал хүмүүс» хэмээх 8 хүн дотор Палт ван багтжээ. Үүнээс өмнө Гүнсээноров ван өөрийн Зост аймгийн Харчин баруун хошуунд шинэ төрийн бодлогыг явуулснаар алдаршиж, «Дунфан зажи» сэтгүүлд түүний бүтэн нүүр зураг гарч байжээ.

1911 оны 10 дугаар сард Учаны бослого дэгдэв. 11 дүгээр сард Чингийн засгийн ордон Юань Шикайг Дотоод ордны Ерөнхий сайдын тушаалд томилжээ. Юань Шикай дотоод ордон буюу танхимыг зохион байгуулж, Чингийн засаг, цэргийн эрхийг аажим аажмаар өөрийн гарт бүрэн оруулж, Бээжинд суугаа Монгол ван гүн нартай шууд харьцах болсон байна. Юуны өмнө Зүүн гурван мужийг Ерөнхийлөн захирагч Чжао Эрсяний өргөдлөөр чинван Амирлингуйг «Зарлигаар аль аймгийн монгол хошууны хэргийг шийтгэх» их сайдын тушаалд томилж, Зүүн Хойд Хятадад очин Чжао Эрсяний хамт Дотоод Монголын байдлыг тогтоон тогтворжуулахыг даалгажээ. Халхын ноёд Их Хүрээнд тусгаар тогтнолоо тунхагласны дараа Хүрээний амбаны их сайд Пунцагцэрэнг манж амбан Сандог орлох тамга барих сайд болгохын хамт Бээжинд суугаа Гадаад Монголын жүнван Доржпалам зэрэг хүнийг хэрэг шийтгэх их сайдаар томилон Хүрээнд очуулахаар томилсон боловч Доржпалам нар Хүрээнд очих боломжгүй байв. 1913 оны 1 дүгээр сард Палт ванг томилон Алтайд суугаа Ховдын хэрэг шийтгэх их сайдаар томилжээ.

Хятад улсад дотоод засаг хямран, Чингийн төр мөхлийн ирмэг дээр тулаад байсан үед Наянт, Гүнсээноров нарын Бээжин суугаа монгол ван гүн нар өөрсдийн тусгай эрх дархыг хамгаалах үүднээс 1911 оны 12 дугаар сарын 24-нд Монгол ван гүн нарын холбоот хурлыг (Мэнгу вангүн лянхэхуй) байгуулжээ. Тэд 12 дугаар сарын 26-нд Юань Шикайд «бүх Монголын төлөөлөгчдийн» нэрээр бодлогын албан захидал өргөн барив. Захидалдаа Юань Шикайг монгол ван гүн нарын онцгой эрх дархыг хамгаалах, манж Чинг хамгаалж, бүгд найрамдах засаглалыг эсэргүүцэх, өмнөд Хятадын хувьсгалт хүчтэй эвсэхгүй байхыг шаарджээ². 1912 оны 1 дүгээр сарын 17-23-нд Лян Үй хатан хаан манж, монгол язгууртан болон Юань Шикайн засгийн ордны гишүүдийг цуглуулан Чин төрийн эцсийн хувь заяаг хэлэлцжээ. Юань Шикайд дагалдан орсон манжийн Чин ван нар нөхцлийг хүлээн авч Манж Чин гүрний сүүлчийн хааныг сууринаас буулгахыг хүлээн авахыг илэрхийлсэнд Пу Вэй ван, Су чинван нар болон Наянт, Гүнсээноров, Палт нарын монгол ван гүн нар эрс эсэргүүцэж байв.

Гэвч Юань Шикай хэрхэн Монгол ван гүн нарыг түргэн хугацаанд өөртөө татаж авсныг дара-

ах үйл явдлууд гэрчилж байна. 1912 оны 2 дугаар сарын 1-нд Наянт ван болон Зүүн хойд Хятадаас буцаж ирсэн Амирлингуй ван нар Монгол ван гүн нарын холбоот хурлын нэрээр Наньжинд Сунь Ятсэн нарт цахилгаан явуулж, таван үндэстний БНУ гэсэн төслийг эсэргүүцнэ, Монгол болон дотор газрын дүрэм журам, зан заншил, хэл адилгүй болох тул тэдний онцгой эрх дархыг хүндэтгэхийг шаардаж байв. Гэтэл 8-хан хоногийн дараа 2 дугаар сарын 9-нд тэд дахин Наньжинд цахилгаан илгээж, Юань Шикайг Хятадын шинэ засгийн газрын Түр Ерөнхийлөгч болохыг дэмжиж буйгаа илэрхийлсэн байдаг. 1912 оны 2 дугаар сарын 12-нд Чингийн хаан сууринаас буусан гэрээ бичиг байгуулагдаж, түүнд манж, монгол, хотон, төвд үндэстний тусгай эрх ашиг, тэдний хувийн өмч, ван гүн нарын угсаа залгамжлах эрхийг хамгаалах заалтууд багтжээ³.

Юань Шикай илбэн тохинуулж, аргадан татсан нь

Юань Шикай засаг барьсан эхний үед Монголын байдал туйлын төвөгтэй байсан тул юуны урьд Чин улсын илбэн тохинуулах төрийн бодлогыг залгамжлан авч монгол ван гүн давхаргыг дээд зэргээр аргадан татав. 1912 оны эхээр цаг төрийн үймээнээс эмээн нэг хэсэг монгол ван гүн нар Бээжингээс дайжин явжээ. Тухайлбал, Гүнсээноров ван, бинт ван Гончигсүрэн нар Бээжингээс явж тус тусын хошуунд буцжээ. Гүнсээноров ван 1912 оны эхээр Улаан хадад очиж, Зост, Зуу-Уд хоер чуулганы ноёдыг хуралдуулж, Өвөр Монголыг цаашид хэрхэх асуудлыг хэлэлцүүлж байв. 3 дугаар сарын 10-нд Ерөнхийлөгчийн тушаалд дэвшсэн өдрөө Юань Шикай Монгол ван гүн нарын холбоот хуралд бичиг явуулж, ван гүн нарыг Бээжинд амар тайван суухыг ятгаж, 1 түмэн лан мөнгө тэдэнд зориулахаа илэрхийлсэн байна⁴.

Мөн оны 4 дүгээр сард Наянт, Амирлингуй нарын Монгол ван гүнгийн холбоот хурал нь Юань Шикайн засгийн ордонд Монголын ван гүн нарт эдлүүлэх «онцгой харгалзал» гэсэн 11 зүйлийн шаардлагыг хүргүүлжээ. Юань Шикай тэрхүү шаардлагаас Хятад нийт улсын ноёдын дүрэмд хамарах нэг зүйлийг хасаад бусдыг тэр хэвээр нь Хятадын парламентын Зөвлөлдөх хороонд \Цаньюань\ өргөн мэдүүлжээ. 8 дугаар сарын 19-нд тэрхүү дүрмийг батлан зарлав. Энэхүү «Монголыг харгалзах дүрэм тогтоол»-д «аль монгол ван гүнгийн уулын байсан харьяаны засан захирах эрх дархыг хэвээр байлгах», «Дотоод, Гадаад Монголын хан, ван, гүн, тайж хэргэмтний цолыг уул мая-

³ Pu Yi, From Emperor to Citizen: The Autobiography of Aisin-Gioro Pu Yi. Foreign Languages Press, 8th printing, Beijing, 2007, pp. 31–38.

⁴ «Мингуо Нэймэнгуши»(ДИУ-ын үеийн Өвөр Монгол), Хөххот, Өвөр Монголын Их Сургуулийн хэвлэлийн хороо, 2007, 31-р тал.

² Мөн тэнд, 145–146-р тал.

гаар залгамжилж, тэдний уг хошуундаа эдлэх эрх дархыг нь тэр хэвээр нь хадгалах», «монгол ван, гүнгийн цалин мөнгийг урьдаар харгалзаж бүрэн бүтнээр олгох», «монгол аль газрын хутагт лам нарын угийн цол хэргэмийг» тэр хэвээр мөрдөн, угтаа ерөнхийлөн хамаарах дүрэмтэй байсан Гадаад Монголын баруун хойд хэсгийн Тагна Урианхай, Алтайн Урианхайн хошууг ч өөрчлөн «угсаа залгамжлах» дүрэмтэй болгосон байна⁵.

9 дүгээр сарын 20-нд Юань Шикай «Бүгд найрамдах засгийг тойрон хүрээлсэн монгол ван гүн нарыг хөхүүлэн урамшуулах зарлиг» баталжээ. Монгол хошуудыг «тусгаар тогтнох» хөдөлгөөнд ил тодоор нийлээгүй бараг бүх ван гүн засаг нарыг тушаал дэвшүүлэв. Жирим аймгийн дарга, Горлос өмнөд хошууны засаг Чимидцэмпэл туслагч гүнгээс дэвшиж чин ван болжээ. Нэг хэсэг засаг бус ван гүн нарыг үе залгамжлах засаг цолоор шагнав. Жишээлбэл: Дотоод Монголын Хорчин баруун гарын өмнөд хошууны уулын туслагч тайж Пунцагбалжир Удай вангийн «тусгаарлах» хөдөлгөөнийг дагаагүй учир улсыг тогтноулах гүн болж, хошуу засгийг оролжээ. 1913 оны 1 дүгээр сард Суйюаны жанжин баруун Монголын ван гүн нарын хурлыг зарлан хийж, тэд зэвсэгт цэргийн сүр хүчин доор албадлагаар хуралд оролцож, хуралд оролцсон ноед нэг бүрийг тушаал дэвшүүлэхээр Бээжинд мэдэгдэв. Хурлын дараа Улаанцав, Их Зуу зэрэг хоер аймгийн дарга гол гол ван гүн нар Юань Шикайд залагдан Бээжинд очиж, дайлж цайлуулан шагнуулсан бөгөөд буцахад нь цэргийн хөгжмийн анги томилон галт тэрэгний буудалд онц хүндэтгэлтэй гаргаж өгчээ.

ДИУ-ын улс орны дотоод улс төрийн амьдралд ч Монгол ван гүн нарт онцгой анхаарал үзүүлэв. 1912 оны 3 дугаар сард Наньжинд «ДИУ-ын түр цагийн явуулах (мөрдөх) үндсэн хууль»-ийг батлан, муж бүр, Дотоод Монгол, Гадаад Монгол, Төвд тус бүр 5 төлөөлөгчийг сонгон Зөвлөлдөх хорооны (Цаньиюань) бүрэлдэхүүнд оруулахаар тогтжээ. Мөн оны 8 дугаар сард Бээжингийн засгийн газраас «Улсын хурлыг зохион байгуулах хууль» (Гуохуй жуифа) баталж, муж тус бүрээс, Төвдөөс 10 хүртэл, Монголоос 27 хүртэл төлөөлөгч Цаньиюаньд суулгахаар болов.

1912 оны 4 дүгээр сард Юань Шикай зарлиг гаргаж, Гадаад Монголын төрийн явдлыг засах яамыг (Лифаньбу) татан буулгаж, Монгол, Төвд зэрэг хил хязгаарын орны хэрэг явдлыг Дотоод явдлын яаманд хамааруулах, ДЯЯ-ны дэд сайдаар тусгайлан захируулав. Мөн оны 7 дугаар сард Төрийн Зөвлөлийн Ерөнхий сайдад шууд захирагдах Монгол-Төвдийн хэрэг явдлын товчоо болгон өөрчлөв. 9 дүгээр сард «өнгөрсөн алдааг нэхэмжлэхгүй» гэсэн үүднээс Монгол хошууд болон Хятад улсад нөлөө бүхий Гүнсээноров ванг Монгол-Төвдийн хэрэг явдлын товчооны Ерөнхий

захирлаар тохоон томилов. 1914 оны 5 дугаар сард тус товчоог ДИУ-ын Ерөнхийлөгчид шууд захирагдах яамны дэсний Монгол-Төвдийн Хороо (МэнЗанюань) болгон өөрчилж, мөн Гүнсээноров ванг Ерөнхий захирлаар дахин томилжээ.

Юань Шикай Чин улсын үед хэрэгжүүлж байсан Монгол ван гүн нарыг жил бүр Бээжинд ирж ордонд бараалхан суух, хурим найрт оролцох дүрмийг хэвээр үргэлжлүүлэн, Ерөнхийлөгчийн ордны шадар торгон цэрэгт монгол ван гүн, тэдний хөвгүүд алба хаах дүрмийг сэргээн, Амирлингуй ванг торгон цэргийн захирагч, Наянт ванг дэд захирагчаар томилж, тэдэнд онцгой итгэл үзүүлсэн дүр үзүүлж, үнэндээ хэдэн зоосны цалин пүнлүү өгч байжээ.

Юань Шикай мөн Чин улсын сүүлчээр албадан хэрэгжүүлж байсан «атар хагалбарлах» бодлогыг өөрчилж, монгол хошуудад нэгэнт хагалсан газрыг хэвээр үлдээж, шинээр атар хагалбарлахыг зогсоох, хошуудыг өөрчилж мужийн засаг захиргаанд шилжүүлэхийг хоригложээ. 1912 оны 10 дугаар сард Чанчуньд болсон Зүүн Монголын Жирим аймгийн 10 хошууны төлөөлөгчдийн хурлаар «атар хагалбарлах»-ыг зогсоох шаардлагыг гаргаж, Жирим аймгийн чуулган дарга Бээжин хотод ирж Юань Шикайд өргөн барьжээ. Юань Шикай «ДИУ таван үндэстний нэг гэр бүл учраас тухайн нутаг орны ард олны сэтгэл санааг хүндэтгэн, тэдний хүсэхгүй байгаа зүйлийг албадан явуулахгүй» гэж амалж байв⁶.

Өвөр Монголын зүүн хэсгийн тусгаар тогтнох гэсэн оролдлогыг цэргийн хүчээр дарж, эрх мэдлээ эргүүлэн тогтоосон нь Юань Шикай Дундад Иргэн улсын эхэн үес Дотоод Монголын байдал үймээн самуунтай үед Монгол ван гүн дээд давхаргаатныг эе эвээр татах бодлого явуулахын хамт цэргийн хүчээр дарангуйлах арга хэмжээ авч байв. 1912 оны 3 дугаар сараас Жирим аймгийн Хорчин баруун гарын өмнөд хошууны (Засагт хошуу ч гэдэг) засаг жүн ван Удай нар цэрэг байгуулан, Гадаад Монголын «тусгаар тогтнолын» хөдөлгөөнд нэгдэхээр зэхэж байгаа тухай Дунбэй болон Бээжингийн засгийн ордон янз бүрийн тагнуул туршуулын мэдээ авч байжээ. 7 дугаар сард Удай нарын бослого илэрхий болмогц Юань Шикай Дунбэй 3 мужийн захирагч, Жэхэ мужийн захирагч нарт нууц цахилгаан явуулж, Монгол хошуутай хил залгаа нутагт цэрэг оруулж, дарангуйлан дарахыг далгажээ. Фэнтянь, Гирин, Хармөрөн болон Жэхэ мужийн захирагч нар тус тусдаа цэрэг оруулах төлөвлөгөө боловсруулав. Фэнтяний түрүүч анги 8 дугаар сарын 17-нд Таонань хүрчээ.

8 дугаар сарын 20-нд Удай ван «Зүүн Монголын тусгаар тогтнол»-ыг зарлан тунхаглаж, цэрэг хөдөлгөн Таонань, Жэндун (одоогийн Жэнлай) зэрэг газрыг дайрчээ. Тэр өдөр Бээжингийн засгийн газар Зүүн гурван мужийн захирагчид цахилгаан

⁵ Мөн тэнд, 32–33-р тал.

⁶ Мөн тэнд, 34–35-р тал.

явуулж, Удай вангийн бослогыг «цэргийн хүчээр дарах» зарлиг буулгав. Фэнтян, Бэйян, Гирины хамтарсан морьт, явган, их бууны холимог 10 гаруй батальоноос доошгүй цэрэг Хорчин баруун гарын өмнөд болон хойд хошууны монгол цэргийн эсрэг хүчтэй давшилт хийв. Нэг сар орчим байлдсаны эцэст хятад цэрэг Жэндун, Гэгээн сүм, хоер хошууны вангийн ордон зэргийг эзэлж, Удай ван Их Хүрээний зүг зугатаан гарчээ. Энэ хооронд Гиринд сууж байсан Бэйян цэргийн нэг анги Горлос өмнөд хошуунд дайран орж, Засаг вангийн ордонг бүсэлжээ. Мөн Хармөрөн дэх Бэйян цэргийн анги Горлос хойд хошуу, Дөрвөд хошуу, Жалайт хошууны нутагт дайран орж, Жалайт вангийн ордонг бүсэлжээ. Тэгээд Удай вантай хамтарч «тусгаар тогтнох»-оо илэрхийлж байсан Горлос өмнөд хошууны засаг (аймгийн дарга Чимидсэмпэл), Жалайт хошууны засаг нарыг буулган авч, «Их Хүрээг дагахгүй, Бүгд найрамдахыг хүрээлнэ» гэсэн амлалтыг тэднээс гаргуулж авсан байна⁷.

1912 оны 9 дүгээр сарын сүүл хүртэл нийт Жирим аймгийн хойд хэсэгт гарч байсан бослого хөдөлгөөнийг Бээжин цэргийн хүчээр номхотгон дарав. Үүний дүнд мөн оны 10 дугаар сард болсон Жирим аймгийн 10 хошууны ван гүнгийн хурал, 1913 оны эхээр болсон баруун Монголын ван гүнгийн хурал зэргээс «Дундад Иргэн улсыг дэмжих, Гадаад Монголын тусгаар тогтнолыг эсэргүүцэх» мэдэгдэл гаргуулж, Юань Шикайн засгийн газар Дотоод Монголын ихэнх хэсэгт өөрийн хяналт, ноёрхолыг цэрэг зэвсгийн хүчээр тогтоож чадсан байна.

Монгол-Оросын яриа хэлэлцээ ба Юань Шикайн засгийн газрын байр суурь

Юань Шикайн засгийн газар эхний үед Их Хүрээнд нэгэнт тогтсон Их Монгол улсын засгийн газартай эвлэрэн нийцэхээс өөр аргагүй байсан бөгөөд Жавзандамба хутагтыг эв зээр өөртөө татах, ДИУ-ын бүрэн эрх барих төлөөлөгчийг Их Хүрээнд томилон очуулж, яриа хэлэлцээ хийх замаар «тусгаар тогтнолыг» нь цуцлуулах арга замыг сүвэгчилж байв. 1912 оны 3 дугаар сард Юань Шикайгаас Жавзандамба хутагттай харилцсан захидлуудаас түүний энэхүү санаа ил тодорхой харгагддаг.

Юань Шикай 1912 оны 3 дугаар сарын 15-нд Жавзандамба хутагтад илгээсэн цахилгаандаа: хүний тоо даан ч цөөн, дотоод газрын нэгэн бага мужийн тоонд үл хүрэх, монголчуудын аж ахуй ядуу зүдүү хэмээн басамжлаад «нийлэлцвээс хоер этгээдэд ашиг бий, салалцваас хоер этгээдэд хохирол буй» хэмээн ятгаж, тусгаар тогтнолоо сайн дураар цуцлахыг шаардсан байна. Жавзандамба хутагт хариу цахилгаандаа тусгаар тогтно-

сон учир нь язгуураас улс үндсээ бататгах, шашин суртахуунаа батлах, харьяат газар нутгаа бүрэн бүтэн болгох гэсэн болохоо дурьджээ. Мөн тэрээр Монгол улс хүчирхэг орны завсарт оршиж буй газар зүйн онцлогийг дурьдаад нэгэнт манж Чин улсын эзэн хаан хуандийг огцрохоос өмнө тусгаар тогтнолоо Дундад улс болон гадаад улсад зарлан тунхагласан учир үүсгэсэн их хэргээс тийм ч амар хялбараар ухрахгүй гэдгийг мэдэгджээ. Хэрэв Хятад энэ үүсгэсэн хэргийг хүсэхгүй байгаа аваас ойр айл Орос улс лугаа зөвлөлдөн хандах нь зүйтэй гэсэн саналыг сөргүүлэн тавьсан байна. Үүнээс үзвэл Богд хаант Монгол улсын засгийн газар Юань Шикайн засгийн газартай хоер талаар шууд яриа хэлэлцээ хийх сонирхол үгүй, харин хаант Орос улсаар зуучлуулан Дундад улсаар тусгаар тогтнолоо зөвшөөрүүлэх бодлогыг барьж байсан нь илэрхий байна⁸.

Юань Шикай 1912 оны 4 дүгээр сарын 10-д илгээсэн цахилгаандаа гуравдагч орны төлөөлөлгүй Хятадтай шууд яриа хэлэлцээ хийхийг уриалжээ. Тэрээр тусгаар тогтнолоо цуцалбал Жавзандамба хутагт болон олон ван гүн, тайж нарт маш их хүндэтгэлтэй хандахаа амалсан байна. Эцэст нь Бээжингээс тусгай элч томилон илгээж тухайн асуудлыг хэлэлцэхийг санал болгожээ. Жавзандамба хутагт хариу цахилгаанд Оросыг зуучлагчын хувьд оролцуулах, үүний тул Хүрээнд элч түшмэл томилон ирүүлэх шаардлагагүй, харин Бээжинд суух айл Орос улсын элчин сайдаар дамжуулан хэлэлцвээс зохилтой гэдгийг дахин батлан мэдэгдсэн байдаг⁹.

Тайваны судлаач Лан Мэйхуа Наянт вангийн тухай нэгэн сонирхолтой мэдээг номондоо дурьджээ. Юань Шикайн засгийн газар Бээжинд сууж байсан Наянт ванг Улиастайн жанжнаар томилж Их Хүрээнд очуулахыг оролдож байсан боловч Оросын талын эсэргүүцсэнээр Их Хүрээний засгийн газар түүнийг хүлээн авахаас татгалзжээ. Наянт ван ийнхүү Бээжинд сууж элдэв бичиг боловсруулахаас өөр ажилгүй байсныг тухайн үеийн хятадын хэвлэлд хурцаар шүүмжилж байсан гэжээ. Иймд Наянт ван Монгол-Хятадын хооронд явж наймаа бизнес эрхэлж байсан швед гаралтай Ларсоныг Монгол-ДИУ-ын хооронд хэлэлцээ эхлүүлэх явдалд туслуулахаар Хүрээнд илгээх саналыг 1912 оны 10 дугаар сард гаргав гэж Лан Мэйхуа бичжээ¹⁰.

Хүрээнд ирсэн Оросын бүрэн эрх барих элчин сайд Коростовецтай хэлэлцээ хийж байсан Монголын сайд нар Бээжингийн Засгийн газар Наянт ванг томилон Их хүрээнд ирүүлэх хүсэлт тавьж

⁸ Монголын түүхийн эх сурвалж (1911–1921). Эмхтгэж, хэвлэлд бэлтгэсэн О. Батсайхан. УБ., 2010, 141–144-р тал.

⁹ Мөн тэнд. 145–147-р тал.

¹⁰ Лан Мэйхуа. Монголын тусгаар тогтнолын төлөө 1911 оны хөдөлгөөн: Нэгдсэн Монгол Улс байгуулах эрмэлзэл. УБ., 2011. 118-р тал.

⁷ Ц. Батбаяр. Богд хаант Монгол Улс гуравдахь хөршийн эрэлд. УБ., 2011, 36–37-р тал.

байсныг сайтар мэдэж байсан байна. Түүхч Л. Дэндэвийн бичсэнээр нэгэн удаагийн хуралдаанд даа лам Цэрэнчимэдээс «Манж Хятадын захиргаанаас гарч Орос улсын боол албат болохыг үл хүсэх бөгөөд гэрээ хурлыг алгуурлаж Бээжингийн засгийн газраас өөрийн төлөөлөгч ван Няныг ирүүлбээс болмуй» хэмээсэнд Коростовец ихэд хилэгнэн Монголын талын төслийг шалан дээр хаяж, «тус төлөөлөгч би даа ламын хүчир үгнүүдийг хүлээж үл чадах учрыг тус улсын хаан эзэн ба засгийн газарт мэдэгдмүй» хэмээн хурлыг хаяж явж байжээ.

Түүнчлэн Бээжинд сууж байсан «Лондон Таймс» сонины сурвалжлагч Жорж Эрнест Моррисон Юань Шикайн урилгаар ДИУ-ын засгийн газрын улс төрийн зөвлөхөөр 1912 оны 8 дугаар сард томилогдож, найман жил ажилласан билээ. Моррисон хятадын газар нутгийн бүрэн бүтэн байдлыг хадгалан үлдэхийг чухалчлан үзэж байсан бөгөөд Орос, Хятадын харилцааны олон эмзэг асуудлаар Хятадын засгийн газарт зөвлөгөө өгч байв. Монгол, Оросын 1912 оны хэлэлцээрийг эсэргүүцэх үг үсгийг Моррисон томьёолж, Орос, Хятадын 1913 оны тунхаглал байгуулах яриа хэлэлцээ хийж байсан хятадын төлөөлөгчдийн ард байв гэж судлаач Р. Болд бичжээ¹¹.

Юань Шикайн засгийн газарт түүний Их гүрнүүдтэй харилцах харилцаа, ялангуяа Хятад-Оросын харилцааг Лу Жэнсян, Лян Жухао, Сунь Баоци нарын түшмэдүүд хариуцаж ажиллаж байжээ. Лу Жэнсян (1871–1949) орос хэлтэй, Чин улсаас Орос, Голланд улсад суух ЭСЯ-нд ажиллаж байгаад 1912 оны 6 дугаар сараас 9 дүгээр сард Юань Шикайн засгийн газарт Ерөнхий сайд бөгөөд Гадаад хэргийн сайдыг хашиж байв. Лу Жэнсян нь 1915 онд ДИУ-ын ГЯЯ-ын сайдыг хашиж байхдаа Японы 21 зүйлийн тулган шаардах бичгийн талаар Японтой хэлэлцээ хийсэн Хятадын багийг тэргүүлж байснаараа алдартай. Өмнө өгүүлсэн Моррисон Монголын асуудлаар меморандум бичиг зохиолгож, Юань Шикайн засгийн газрын сайд нар Лу Жэнсян болон Цай Тинкан нарт илгээж ДИУ-ын Засгийн газрын Монголын талаарх бодлогод тодорхой нөлөө үзүүлж байжээ. Лян Жухао (1861–1941) Чин улсын үед Америкт сурч байсан, Чин улсын үед төмөр замын чиглэлээр ажиллаж байгаад 1908 оноос Гадаад яаманд ажиллах болж, 1912 оны 9 дүгээр сард Лу Жэнсяний дараа ГЯЯ-ны сайд болсон боловч Монгол-Оросын хэлэлцээрээс болж огцорсон байна. ДИУ-ын гадаад харилцааны өөр нэг түшмэл Сун Баоци (1867–1931) нь Чин улсын үед Франц, Германд суух элчин сайдаар ажиллаж байсан бөгөөд 1913 оны 9 дүгээр сараас Юань Шикайн засгийн газрын Гадаад хэргийн сайдын албыг хашиж, Монголын асуудлаарх Хятад-Оросын яриа хэлэлцээг удир-

даж байсан бөгөөд бөгөөд 1913 оны 11 дүгээр сард байгуулсан Монголын асуудлаарх Хятад-Оросын тунхаг бичгийг боловсруулан, тохиролцох явдалд үүрэгтэй оролцсон байна.

Монгол-Оросын хэлэлцээрт гарын үсэг зураад дөнгөж 4–5 хонож байхад ДИУ-ын ГЯЯ 1912 оны 11 дүгээр сарын 7-нд Бээжин дэх Оросын элчин сайд Крупенскийд хандаж «Монгол бол Хятадын салшгүй хэсэг бөгөөд бие даан гадаад улстай гэрээ хэлэлцээр байгуулах эрхгүй тул Хятадын засгийн газар Орос-Монголын хооронд байгуулсан аливаа гэрээг хүлээн зөвшөөрөхгүй» гэж мэдэгджээ. Тухай үед ГЯЯ-ны сайд болоод удаагүй байсан Лян Жухао энэхүү эсэргүүцлийн ноот бичгийн агуулгыг Оросын Гадаад яаманд хүргэхийг Крупенскийгээс шаардсан байна.

Тайваны түүхч Лан Мэйхуагийн бичсэнээр «Гэрээ олон нийтийн хүртээл болсон даруй цэргийн жанжин, сэхээтэн болон олон нийтийн байгууллагууд Бээжинг захидал цахилгаанаар бөмбөгдөж эл байдлаас гарах олон санал, төлөвлөгөө дэвшүүлж байв. Хятадууд Монголын тусгаар тогтнолыг Орос санаачлан хөхүүлэн дэмжиж, хятадын нутаг дэвсгэрийн нэгэн хэсгийг таслаж авах гэж байна хэмээн үзэж, энгийн болон цэргийн этгээдийн олонхийн тэсвэр тэвчээр алдарч байгаа тухай дурьдаад Хүрээний эсрэг цэргийн хүч ашиглах хэрэгтэй гэжээ. Мөн түүнчлэн яриа хэлэлцээний замаар явах нь зүйтэй гэсэн хэсэг ч байлаа.

Засгийн газар энэхүү Орос-Монголын гэрээг Хятад улс хүлээн зөвшөөрөхгүй тухай мэдэгдэл хийгээд, улмаар гадаад улсууд болон мужуудад цахилгаан илгээжээ»¹².

Японы судлаач Тачибана Макото ч зохиолдоо Хятадад Орос-Монголын найрамдлын гэрээ байгуулагдсан явдал ихээхэн шуугиан тарьсныг Японы эх сурвалжаас ишлэн бичжээ. Өмнө нь Орост элчингээр сууж байсан Лу Жэнсян нь «Монгол бол Хятадын нутагт хамаарагдах учир ямар нэг улс лугаа гэрээ байгуулахдаа Хятадын засгийн газрын зөвшөөрөлгүйгээр хүчин төгөлдөр болохгүй», «энэ удаагийн хэрэг байдлыг албан бичигтээ тэмдэглэж олон улсын засгийн газарт мэдэгдэж, түүний саналыг авах естой», «Оросын хууль бус үйл ажиллагаа хэмээн үзэж «Хааг»-ийн олон улсын хурлын шийдвэрийг хүснэ» гэх зэрэг саналуудыг хэлж байжээ. Мөн Ерөнхий сайд Чжао Бинцзюнь «Гадаад яамнаас Оросын элчинтэй хэлэлцэнэ», «тусгай элч төлөөлөгчдийг томилон Оросын засгийн газартай хэлэлцээ хийнэ», «Хааг-ийн олон улсын энх тайвны шийдвэрийг хүснэ» хэмээсэн ба улмаар догшин омог бардам дүр эсгэж, «Орост суугаа Төлөөлөгчийн газрыг татаж авна», «Оросын барааны талаар бойкот зарлана», «Хүрээг байлдан дагуулна» гэх зэрэг саналуудыг хэлж байсныг

¹¹ Ц. Батбаяр. Богд хаант Монгол Улс гуравдахь хөршийн эрэлд. УБ., 2011, 107-р тал.

¹² Лан Мэйхуа. Монголын тусгаар тогтнолын төлөө 1911 оны хөдөлгөөн: Нэгдсэн Монгол Улс байгуулах эрмэлзэл. УБ., 2011. 118–119-р тал.

тухайн үед Бээжинд сууж байсан Японы элчин Ижюин Токиод мэдээлж байв¹³.

Дүгнэлт

Юань Шикай тэгвэл яагаад Монгол, Хятадын хооронд зуучлах хаант Оросын саналыг хүлээж авахгүй байв гэсэн асуулт хариулт нэхэж байна. Тайваны түүхч Лан Мэйхуа: «...Хятадын засгийн газар Ар Монголтой хэлэлцээр хийж цаг алдахад оронд Өвөр Монголд өөрийн байр сууриа бэхжүүлэхийг тэргүүн зэргийн зорилт болгон Орос, Ар Монгол гэхээс илүү Өвөр Монголтой харилцахад гол хүч анхаарлаа төвлөрүүлжээ» гэж үзсэн байна¹⁴. Хятадын түүхч Жан Жунфугийн бичсэнээр «Хятадын Засгийн газар бусад улсуудаар өөрийгөө хүлээн зөвшөөрүүлэх хүчин чармайлт гаргаж байсан, дотооддоо үймээн самуунтай, гадаадад зөрчил будлиан үүсгэхээс эмээж, Монголыг цэргийн хүчээр эргүүлэн авах боломжгүй байлаа. Юань Шикай нэг талаар Өвөр Монголыг илбэдэн татах, нөгөө талаар Орост суугаа Элчиндээ байн байн цахилгаан илгээж, ..., элч илгээн

¹³ Тачибана Макото. Монголын мартагдсан түүх: Богд хаант Засгийн газар (1911–1921). УБ., 2011. 105-р тал.

¹⁴ Лан Мэйхуа. Монголын тусгаар тогтнолын төлөө 1911 оны хөдөлгөөн: Нэгдсэн Монгол Улс байгуулах эрмэлзэл. УБ., 2011. 123-р тал.

Гадаад Монголыг тусгаар тогтнолоос татгалзахыг ятгахаас өөр ямарваа нэг үр ашигтай арга хэмжээ авах боломжгүй байлаа» гэсэн нь үнэнд ойрхон дүгнэлт болжээ¹⁵.

Үнэхээр ч Юань Шикай дотооддоо Гоминьдан намынхантай тэмцэж, Үндэсний хуралд хүчээ зузаатгах, Засгийн газрыг Ерөнхийлөгчийн мэдэлд авах, гадааддаа АНУ, Англи, Орос, Япон улсаар өөрийн Засгийн газрыг хүлээн зөвшөөрүүлэх, их гүрнүүдийн банкийн консорциумтай гэрээ хийж олон сая фунт стерлингийн зээл авч цэргийн хүчээ зузаатгах бодлого түүний Засгийн газрын тэргүүн зэргийн зорилтууд байв. ДИУ-ын засгийн газрыг АНУ түрүүлж 1913 оны 5 дугаар сард, дараа нь Англи, Орос, Япон улс ээлж дараалан албан ёсоор хүлээн зөвшөөрөв. Ийм нөхцөлд Юань Шикай Өвөр Монголын чуулган хошуудад юуны өмнө ДИУ-ын дарангуйллыг ямар ч үнээр хамаагүй зөөлөн хатуу аргыг хослуулан тогтоож авах, үүний зэрэгцээ Богд хаант Монгол улсын Засгийн газартай шууд яриа хэлэлцээ хийх замаар өөрийн талд татаж, «тусгаар тогтнолыг» нь өөрсдөөр нь цуцлуулах бодлого баримталж байсан нь нэгэнт тодорхой байна.

¹⁵ Жан Жунфу. Жунхуа Миньго Вайзюоши (1911–1921). (Дундад Иргэн Улсын гадаад харилцааны түүх) Бээжин, Хуавэн чубаньшэ, 2012. 73-р тал.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ИМПЕРАТОРСКОГО РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В МОНГОЛИИ В АВГУСТЕ 1912 — МАЕ 1913 ГОДА ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ КОРОСТОВЕЦ

В личном деле, хранившемся в архиве внешней политики Российской империи написана так: «Тайный советник Иван Яковлевич Коростовец родился 25 августа 1862 г., вероисповедания православного. Происхождение — из дворян Полтавской губернии». Как мы видим он знатный выходец из дворян.

Признанный авторитет по вопросам Востока, тайный советник Российской империи, дипломат И. Я. Коростовец, начал свою дипломатическую карьеру сразу же после окончания Александровского Лицея в 1884 г. с незначительных должностей в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел России получая награду 400 р. с 13 июня того же года. Вскоре он был назначен вторым секретарем Посольства России в Пекине с 1890 по 1894 г. А в 1894–1899 гг. Секретарь Миссии Российской империи в Лиссабоне, с 1899 по 1902 г. — заведующим дипломатической канцелярией Русского верховного главнокомандующего, адмирала Алексеева в Порт-Артуре, с 1902 г. генеральный консул в Бушире, вице-директор Первого Департамента Министра иностранных дел России. В 1907–1912 гг. И. Я. Коростовец — чрезвычайный посланник и Полномочный министр России в Пекине. В 1905 г. Коростовец был назначен секретарем графа Витте, уполномоченного участвовать в мирной конференции в Портсмуте а в августе 1912 г. получил назначение в Ургу уполномоченным в русско-монгольских переговорах.

С октября 1913 г. И. Коростовец был назначен Чрезвычайным посланником и полномочным министром Российской империи при Персидском дворе, с 1916 г. председателем Правления учетно-судного банка Персии.

Иван Яковлевич Коростовец был уполномочен правительством России для ведения переговоров с Монгольским правительством и прибыл в сентябре 1912 г. в Нийслэл Хурээ. После участия в трехмесячных переговорах 3 ноября 1912 г. был подписан монголо-российский договор о дружбе с приложением Торгового протокола.

Договор о дружбе, заключенный 3 ноября 1912 г., и проведенные переговоры в дальнейшем имели огромное политическое значение для Монголии. Данным договором Российская империя не только официально признала Мон-

голию и ее правительство, но и в дальнейшем договор был принят за правовую основу в закреплении государственного суверенитета. Факт заключения договора Монголии с Императорской Россией стал ударом для китайской экспансионистской политики, проводимой в то время Пекином в отношении Монголии, и привел к необходимости ведения переговоров китайского правительства с Россией специально по монгольскому вопросу.

Хотя Договор о дружбе и Торговый протокол 1912 г. традиционно причисляют к экономическому документу, фактически же они имели огромное политическое значение. Факт заключения договора не только привел к концу характер прежних отношений между Монголией и Китаем и поставил на них точку, но и открыл возможность для новообразованного Монгольского государства иметь равные отношения со всеми государствами мира.

После провозглашения Монголией своей независимости данный договор стал первым официальным правовым документом для определения статуса Монголии на международной арене¹. Именно:

1. Монголия — это государство, имеющее собственного правителя и свое правительство.
2. Монголия имеет право образования своих войск.
3. Монголия начала существовать по принципу суверенного существования.
4. Из Монголии были выведены китайские войска и эксплуататоры, а также в дальнейшем, Монголия имеет право не допускать на свою территорию китайские войска и китайских переселенцев.

5. Монголия является юридически правомочным субъектом, имеющим полное право на заключение любых договоров с иностранными государствами; это право было признано правительством России и Россия обязалась оказывать всемерное содействие для «их неукоснительного соблюдения». Также необходимо отметить, что в существовавших в то время условиях факт подписания данного договора являлся, в сущности, весьма прогрессивным шагом. Хотя в ходе переговоров монголами

¹ Батсайхан О. Монголын тусгаар тогтнол ба Хятад, Орос, Монголын 1915 оны Хиагтын гэрээ. УБ, 2002. 116-р тал.

был поставлен вопрос о включении Внутренней Монголии и Барги в состав Монголии, русские наотрез отказали в данном требовании, а также был получен отрицательный ответ на вопрос о пребывании монгольского посла в Петербурге. Судьба Внутренней Монголии к тому времени уже была предрешена секретным договором, заключенным между Россией и Японией, и поэтому вопрос об аккредитации монгольского посла в Российской столице явился щекотливым моментом в устремлениях России к ограничению монгольской независимости формой китайской автономии.

Министр иностранных дел Российской империи Сазонов в инструкции, направленной уполномоченному Российским правительством И. Я. Коростовцу 23 августа 1912 г., отметил, что при проведении царской политики в Монголии в целях достижения намеченных задач необходимо стремиться к образованию пограничного с Россией государства, слабого в военном отношении, как-то:

1. Предоставить Халхе право на национальное самоопределение.
2. Запретить ввод китайских войск.
3. Не допустить китайской колонизации Халхи².

Вышеуказанные условия необходимо было реализовать. Можно сказать, что эти условия были созвучны стремлениям Монголии отделиться от Китая и, в свою очередь, И. Я. Коростовец по праву является выдающимся дипломатом, сумевшим внести огромный вклад в развитие Монголии.

Нами был найден новый исторический факт, свидетельствующий о политике Российской империи в отношении Монголии, которая в данное время находится в архиве Внешней политики Российской империи. Это материалы, касающиеся «совещания министров по монгольскому вопросу», проведенного 14–18 апреля 1912 г. На данном особом совещании присутствовали: замминистра иностранных дел А. А. Нератов, один представитель из Военного министерства, а также по двое представителей из Центра управления по развитию торговли и промышленности, Министерства транспорта, Министерства финансов и, наконец, МИДа (Коростовец и Казаков). На этом совещании была выработана основа политики России в отношении Монголии, в которой главную роль сыграли Нератов, Коростовец и Казаков.

² Архив внешней политики Российской империи. Ф. Департамента личного состава и хозяйственных дел. Оп. 464. Д. 1794.

В период пребывания И. Я. Коростовца в Монголии находился и здесь знаменитый монголовед В. Котвич, исследователь монгольского и алтайского языков, проводивший археологические раскопки в бассейне реки Орхон.

Впоследствии И. Коростовец и В. Котвич, сотрудничая в научно-исследовательской области, разработали и издали географическую карту Монголии, которую затем ученый-исследователь И. Майский внес в свою книгу, а также они имеются в книгах И. Коростовца, изданных в Германии. И. Коростовец пробыл в Монголии до мая 1913 г., а затем был назначен послом Российской империи в Персии, где и встретил Октябрьскую революцию. Ранг Действительного статского советника Коростовца тогда приравнивался к генеральскому чину. Такого высокого ранга удостаивались лишь компетентные и многоопытные государственные деятели того времени, искусно проявившие себя на дипломатическом поприще. Нужно сказать о том что И. Я. Коростовец стал и тайным советником, который был самым высшим рангом дипломатической службы Российской империи. С 1915 г. он был членом Совета Министерства иностранных дел России. То есть его опыт и знание был признан на высоком уровне.

Его пребывание и служба в Монголии легли в основу обширной книги, вышедшей в 1926 г. в Берлине на немецком языке, «Von Cinggis Khan zur Sowjetrepublik. Eine Kurze Geschichte der Mongolei unter Besonderer Berucksichtigung der Neuesten Zeit» (От Чингисхана до Советской республики. Краткая история Монголии с особым обозрением нового времени). И. Я. Коростовец, глубоко изучил историю Монголии, начиная с XIII в. до середины 20-х гг. XX в., и включая период своего пребывания в столице Монголии Хурээ и, подробно описал заключение российско-монгольского соглашения 1912 г. Эта книга в 1930 г. была переведена и издана на японском языке в Японии. В Монгольском Национальном архиве также хранятся материалы, свидетельствующие о том, как в 1931 г. монгольский писатель Д. Нацагдорж по заказу Академии наук Монголии намеревался перевести с немецкого на монгольский язык книгу, состоящую из одного тома об историческом положении Монголии от периода Чингисхана до образования народовластия и его политических отношениях. В то время Нацагдорж, обучавшийся в Германии, даже привез эту книгу на родину и, согласно принятому решению, в свое время приступил к переводу на монголь-

ский язык. Но, к сожалению, он не смог завершить начатый уже перевод, так как в архивных документах содержатся сведения о том, что он лишь собирался завершить перевод книги³.

Мы опубликовали первоначальную рукопись на русском языке книги «От Чингисхана до Советской республики»⁴ в Монголии в 2004 г. благодаря инициативе и поддержке тогдашнего чрезвычайного и полномочного посла Российской Федерации в Монголии г-на О. М. Дерковского и дипломатического сотрудника Посольства России в Монголии, доктора исторических наук В. Ц. Ганжурова.

Дипломатическая карьера Ивана Яковлевича Коростовца сделала его и участником и свидетелем многих важных событий начала XX в., связанных с русско-китайскими и русско-монгольскими отношениями, и, сознавая это, он оставил ценные и интересные статьи, книги и воспоминания.

Когда он работал вторым секретарем Российской дипломатической миссии в Пекине в 1890–1894 гг., опубликовал в русских журналах целый ряд статей о китайском образовании, религии, экономике, администрации, суде, театре, философии, а также об иностранных миссионерах и о Российской духовной миссии. В 1898 г. вышла его книга «Китайцы и их цивилизация» — результат исследований и наблюдений во время службы в Пекине. Видимо, ему было не так уже легко в Пекине. Вот как пишет Белченко в 1933 г. в журнале «Парус»: «Иван Яковлевич вынужден был покинуть Пекин, разойдясь с тогдашним российским посланником графом А. П. Кассини, еще до того, как переговоры о сказанном выше только-что намечались. Время пребывания И. Я. Коростовца в Пекине было, напротив, очень тяжелое. Недаром он написал в одной из комнат, в которых он жил со своею семьею в Пекине, «тут жил и страдал И. Я. Коростовец». Ему было даже предложено временное пребывание в Чжифу».

В 1896–1898 гг. Россия заключила ряд договоров с Маньчжурской империей, в результате которых началась постройка Китайской Восточной железной дороги, была арендована часть Гуандунской провинции с Порт-Артуром и Дальним и проведена к ним Южно-Маньчжурская ветка КВЖД. Адмирал Е. И. Алексеев был

³ Очир А., Дашням Г., Нацагдорж Д. Нийгэм, улс төр, эрдэм судлалын ййлс, амьдрал. УБ, 1996.118-р тал.

⁴ Коростовец И. Я. От Чингис хана до Советской республики / отв. ред. О. Батсайхан; ред. Б. В. Базаров, В. Ц. Ганжуров. Улан-Батор, 2004.

назначен главным начальником Гуандунской, или как тогда писали Квантунской, области и командующим военными и морскими силами на Дальнем Востоке. В 1899 г. И. Я. Коростовец получил пост дипломатического комиссара в Квантунской администрации адмирала Алексеева и оказался свидетелем восстания Ихетуаней (так называемых боксеров) против иностранцев. Эти события и впечатления он описал в книге «Россия на Дальнем Востоке», опубликованной в Пекине в 1922 г., когда ее автор стал эмигрантом. Эпиграфом к книге служат слова Вольтера: «История есть лишь картина преступлений и несчастий».

В 1903 г. он получил пост начальника отделения по Дальнему Востоку в Министерстве иностранных дел, а затем сопровождал С. Ю. Витте в качестве секретаря при заключении Портсмутского мира после русско-японской войны.

Дневник, который он вел по просьбе Витте во время этих переговоров, был опубликован в 1918 г. в нескольких номерах журнала «Былое». Английский перевод вышел в 1920 г. под заглавием «Pre- War Diplomacy, the Russo — Japanese Problem. Treaty Signed at Portsmouth, USA, 1905. Diary of J. J. Korostovetz». В 1923 г. эта книга вышла и на русском языке в Пекине — «Страница из истории русской дипломатии. Русско-японские переговоры в Портсмуте в 1905 г. Дневник И. Я. Коростовца, секретаря графа Витте». «По пути Портсмута в 1905 г. И. Я. Коростовец выпивал шампанское с генералом Витте, Президентом США Т. Рузвельт и Японскими совещателями в шикарном яхте Президента»⁵ так писала профессор Ольга Бакич.

Как мы видим И. Я. Коростовец был очень творческим человеком, где бы не был он писал, вел дневник.

Он был большим знатоком Востока. В период пребывания в Монголии он вел дневник, где очень подробно описана не только политическая жизнь Монголии, но и все стороны монголов начала XX в. Кем был Богд гэгээн и монгольские ханы, что они думали и хотели. Он не только официально встречался с Богд хааном и министрами Монгольского правительства, но и бывал у них в гостях.

⁵ Olga Bakich Diary of Ivan Iakovlevich Korostovets, Russian Plenipotentiary in the Russo-Mongolian Negotiations in Urga in 1912–1913. Cultural contact, history and Ethnicity in Inner Asia. Paper presented at the Central and Inner Asian Seminar, University of Toronto, 1994–1995 / Ed. by Michael Geruers and Wayne Schleppe. Joint center for Asia Pacific studies, 1996

Вот например, что он пишет о встрече с Богдо хааном.

28 сентября. Сегодня состоялась моя аудиенция у Хутухты. Около пяти часов монголы прислали носилки и приехал Хандаван со свитой. Носилки обыкновенного китайского типа, причем к носилочным брусьям прикреплены толстые шести. Когда я сел в носилки (Люба отказался от носилок и предпочел ехать в экипаже), под брусья подъехали четыре всадника, взявшие концы на луку седла (как при езде в экипаже) и двинулись сначала шагом, а затем крупной рысью. Хандаван ехал за мною в таких же носилках, персонал консульства и Эльтеков в экипаже... Нас сопровождал казачий конвой и многочисленные монгольские всадники. По пути были расставлены конные монгольские церики, вооруженные берданками, одетые в разнообразные формы нового монгольского образца — широкие халаты синего и серого цвета и чалмы, очень похожие на прежний наряд китайских солдат. Около дворца Хутухты стояли толпы монголов и русских, пришедших взглянуть на редкое зрелище приезда первого русского посланника.

У деревянных позолоченных юрт нас встретили министры и ввели во двор, а затем в большую юрту, обитую сукном, посредине коей горела большая жаровня. Здесь мы сняли пальто и, пройдя через группу хамб (архиерей), цорджи и сойбонов (высшее духовенство), лам и даниров (придворные), а затем через вторую юрту и крытый проход, вошли в третью значительно большую юрту, также обитую красным. Посредине пылала большая жаровня, труба от которой проходит через центральное круглое отверстие кверху юрты. В углу на возвышении вроде трона под балдахином на пяти тонких разноцветных подушках сидел, поджавши ноги, Хутухта, или как его титулуют теперь «Эцзен-хан», в желтой расшитой [монгольской] курме и в меховой шапке, украшенной блестящим шариком, [на голове]. [По сторонам] Седалище окружали Саин-Ноин-хан, Далама и несколько князей. Остальные министры и многочисленные бритые ламы в темно-красных желтых плащах стояли в некотором отдалении... У Хутухты глухой голос, и говорит он очень медленно. Вслед за сим министр иностранных дел указал мне на возвышение, покрытое подушками, шагах в десяти от трона, на которое я сел, рядом со мной на таких же возвышениях пониже сел Люба и остальные лица, меня сопровождавшие. У Хутухты довольно полное [круглое] смуглое лицо, не лишенное приятности. [К сожалению] Глаза

закрыты большими темными очками, которые он носит из-за слабости зрения, говорят, что у него бельма. В это время у входа юрты произошло движение, и ламы внесли низкие столики, на которые поставили китайские и монгольские сласти — орехи, паточные леденцы, финики и русский сахар, а также серебряные чашечки с кирпичным чаем.

Хутухта тихим голосом ответил, что благодарит за приветствие Белого царя (Цаган Батырь) и за выражаемые мною от его имени чувства, что он вполне сознает необходимость для Монголии поддерживать добрые отношения с Россией, что он верит благожелательности русского правительства и желает вступить с ним в договорные отношения, которые были бы одинаково выгодны обеим сторонам и оградили бы самостоятельность Монголии и монгольского народа от внешних покушений. Он предпишет князьям и министрам без промедления приступить к обсуждению условий соглашения.

После этой речи ко мне подошли несколько лам, которые положили на столик две собольи шкурки и несколько кусков шелку, монгольское печенье в виде руки (пальцы Будды), пачки курительных палочек и футляр с янтарными и агатовыми бусами. Такие же подарки были положены перед моими спутниками. Сделав [глубокий] поклон, на который Хутухта ответил наклоном головы, мы вышли из юрты.

Мы можем узнать о деятельности русских, которые тогда жили в Монголии и иностранцев, приезжавших в Монголию как Ларсон, Периэскую, Констен и других. Очень живо и подробно описана жизнь монголов, чем питаются, какое хозяйство ведут, какие отличительные черты монголов, чем хуже и лучше они от русских, погода, природа в Монголии. Например о монгольских государственных деятелях он писал таким образом: «Наш главный и самый умный противник — Далама — неподкупен, упрям и подозрителен. Саин-Ноин умен, но осторожен и нерешителен. Тушетухан недалек, но честен и добросовестен. Намсарай — оппортунист, большой приятель Хутухты. Далайван — ничтожество, но наш открытый сторонник». Влиянием пользуются также Бинтуван, Шандзотьба и [наш протеже] Тохтохо.

«Учесть результаты нашего Соглашения пока трудно, но продолжаю думать, что мы были правы, сделав этот шаг, т. е. провозгласив и поддержав монгольское государство, иначе Монголия была бы для нас потеряна и нас оттуда бы выжили».

Одним словом он живо описал то что видел и чувствовал в Монголии. Этот дневник является богатейшим источником истории монголов начала XX в., политических деятелей Монголии⁶.

Мы можем найти здесь описание официальной политики Российского правительства по отношению к Монголии и Дальнему Востоку. Здесь отражены также точки зрения политиков и дипломатов России по отношению к Монголии, Китаю и Тибету.

Дневник интересен тем что жизнь монголов описана реально. Приведено много фактов. Монголы передавали большое значение этому соглашению, так как это был первый международный акт монголов после провозглашения независимости Монголии в 1911 г. Потому соглашение с Россией имело большое значение для монголов. Конечно оно имело немало важное значение и для России.

Дневник Коростовца особенно интересен тем, что он раскрывает, хотя бы частично, жизнь этого крупнейшего российского дипломата в Азии, его понимание своей роли и ответственности в событиях, его идеи о российской политике, его чувства и стремления, его восприятия событий и людей, а также рисует яркую картину жизни в Урге и знакомит с монгольскими государственными деятелями в первый год независимости Монголии.

Нужно сказать о том что И. Я. Коростовец собирался издать свой дневник. Это видно из того что дневник приведен в порядок и материалы изложены последовательно. Сам «монгольский» дипломатический дневник опубликован не был, хотя И. Я. Коростовец и готовил его к печати на русском языке. После его смерти в 1930 г. машинопись дневника с рукописными поправками и добавлениями осталась у его сына, Флавия Ивановича, переехав в начале 1950-х гг. в Австралию, Ф. И. Коростовец хотел опубликовать дневник отца или хотя бы его переработку на английском языке, но его попытки не увенчались успехом. Дневник этот был затем передан сыном своему другу, одному известному русскому старожилу Китая в надежде, что тот найдет возможность его опубликовать. Хотя старожил тоже мечтал осуществить это с помощью редактора журнала «Русские в Азии», издания Торонтского Уни-

верситета Ольга Бакич, его болезнь и смерть положили конец этим планам. Личный дневник под названием «Девять месяцев в Монголии: Дневник русского уполномоченного в Урге И. Я. Коростовца. август 1912 — май 1913 гг.» был издан в следующих номерах вышеназванного журнала: № 1 за 1994 г., № 2 и 3 за 1995 г. профессором Ольгой Бакич.

И вот только теперь мы с чувством глубокой признательности покойному Ф. И. Коростовцу, и старожилу, сохранившим этот дневник через все переезды и невзгоды эмиграции, выполняем их завещание и волю самого И. Я. Коростовца.

Дневник Коростовца состоит из 683 страниц, написанных на машинке крупным шрифтом со многими поправками, добавлениями и исправлениями мелким, но четким и красивым почерком Коростовца. Нужно сказать мы издаем впервые полный вариант дневника. В конце дневника стоит дата: «1915 г., Царское село», но поправки и добавления от руки сделаны позднее, скорее всего в двадцатые годы.

Когда я готовился издать рукопись книги И. Я. Коростовца «От Чингис хана до Советской республики» на русском языке, узнал о том что дневник находится у профессора Ольга Бакич. Благодаря Ольге Бакич, и по моей просьбе она с любезностью передала мне копию полного дневника И. Я. Коростовца, веденного им в Монголии с сентября 1912 по май 1913 г. К столетию национально-освободительной революции Монголии 1911 г. автор издал этот интересный дневник на русском языке в 2009 г. и на монгольском языке в 2010 г. в Монголии, благодаря профессору Ольге Бакич и Наками Татсуо.

Профессор Ольга Бакич, получив известие о издании дневника И. Я. Коростовца в Монголии, писала в марте 2010 г.: «Многоуважаемый профессор Батсайхан! Большое, большое спасибо за два экземпляра книги «Девять месяцев в Монголии», отредактированной и изданной Вашими трудами. Поздравляю и радуюсь! Честь Вам и хвала! Думаю, что Иван Яковлевич был бы рад Вашему изданию и тому, что дневник скоро выйдет и на монгольском. Ваша книга издана очень хорошо, с любовью к делу, с важными и ценными фотографиями и примечаниями. Я многое перечитала.

Один экземпляр я оставляю себе, а второй передам в библиотеку нашего Торонтского университета, где она несомненно заинтересует многих исследователей. Над чем Вы теперь работаете? Желаю дальнейших успехов в будущем! Ольга Бакич».

⁶ Коростовец И. Я. Девять месяцев в Монголии Дневник Русского уполномоченного в Монголии, август 1912 — май 1913 г. / сост. О. Батсайхан; ред. О. Батсайхан, О. Бакич, Наками Татсуо. Улан-Батор, 2009.

Большой поклон самому Коростовцу Ивану Яковлевичу и его сыну а также тем кто бережно хранил и передавал из рук в руки этот дневник. Этот дневник является богатейшим источником истории монголов начала XX в., политических деятелей Монголии. Мы можем найти здесь описание официальной политики Российского правительства по отношению к Монголии и Дальнему Востоку. Здесь отражены также точки зрения политиков и дипломатов России по отношению к Монголии, Китаю и Тибету. Дневник интересен тем что жизнь монголов описана реально. Приведено много фактов. Монголы передавали большое значение соглашению 1912 г., так как это был первый международный акт монголов после провозглашения независимости Монголии в 1911 г. Потому соглашение с Россией имело большое значение для монголов. Конечно оно имело немало важное значение и для России.

Дневник Коростовца особенно интересен тем, что он раскрывает, хотя бы частично, жизнь этого крупнейшего российского дипломата в Азии, его понимание своей роли и ответственности в событиях, его идеи о российской политике, его чувства и стремления, его восприятия событий и людей, а также рисует яркую картину жизни в Монголии и знакомит с монгольскими государственными деятелями в первый год независимости Монголии.

Многочисленные ноты, заявления, депеша о Монголии и значении Монголии для России, переданные И. Я. Коростовцом открыла глаза Российских государственных деятелей, таких как Министр иностранных дел Сазонов, замминистра иностранных дел А. Нератов, включая самого Императора России на Монголию и монголов, и в этом его неоспоримая заслуга. Недаром после заключения соглашения между Россией и Монголией в 1912 г. министр иностранных дел Сазонов повернул свой взгляд в сторону Монголии. В этом большая заслуга Ивана Яковлевича Коростовца, одного из первых дипломатов Российской империи, осознавшего значение Монголии для геополитических интересов России.

После подписания Монголо-русского договора И. Я. Коростовец получил от самого императора России благодарность в виде следующей телеграммы через министра иностранных дел Сазонова: «На всеподданнейшем докладе об обстоятельствах, при каких Вами заключено Соглашение 21 октября с монгольским правительством, Государю Императору благоугодно было начертать: «Выражаю мою благодарность

Коростовцу». Поздравляю Вас с этим знаком Монаршей милости». А 21 февраля 1913 г. ему присвоено было светлобронзовую медаль в память 300-летия Царствования Дома Романовых. По засвидетельствованию Министра иностранных дел об отлично-усердной службе и особых трудах, высочайшим указом, данным Капитулу орденов Император России пожалован И. Я. Коростовцу кавалером ордена Св. Анны первой степени 14 апреля 1913 г. Так была оценена заслуга И. Я. Коростовца в осуществлении политики и интересов императорской России в Азии, в том числе в Монголии. И. Я. Коростовец являлся Кавалером орденов Св. Анны, Св. Станислава, Св. Владимира а также иностранных государств таких как, Персидского, Румынского, Японского, Черногорского, Португальского, Бухарского, Французского, Турецкого, Китайского, Сербского, Шведского, Датского и Монгольского. Пожалуй эти награды говорят с каким широким размахом работал дипломат И. Я. Коростовец.

Значение Монголо-русского договора 1912 г., подписанного И. Я. Коростовцем было оценено высоко Российским дипломатом Барон Нольде⁷ в историческом очерке «Далекое и близкое» под заглавием «И. Я. Коростовец в Монголии» в 1930 г.: «Создание Монголии — одно из крупных дипломатических достижений императорской России ... в первых рядах этой школы стояли перед войной И. Я. Коростовец и покойный начальник дальневосточного отдела Г. А. Козаков. Им вместе принадлежит честь осуществления того крупного исторического дела... Договор И. Я. Коростовца сыграл решающую роль в процессе образования Монголии»⁷.

⁷ Барон Нольде. Далекое и близкое: исторические очерки. Париж, 1930.

Барон Нольде Борис Эммануилович — российский юрист, ученый и дипломат. Родился в 1876 г. Окончил Санкт-Петербургский университет, работал профессором Александровского лицея, Политехнического института, директором второго департамента Министерства иностранных дел России. Автор «Очерков русского государственного права» (Санкт-Петербург, 1911), «Очерков международного частного права» и др. Как дипломат барон Б. Э. Нольде принимал участие во Второй конференции мира в Гааге в 1907 г., в Лондонской мирной конференции в 1908–1909 гг., в конференции трех северных держав по Шпицбергенскому вопросу в 1910–1911 гг., в Парижской балканской финансовой комиссии в 1913 г. и др. Барон Б. Э. Нольде — современник И. Я. Коростовца, автор статьи «Международное положение Монголии» (Газета «Право», Петроград, 23 августа 1915 г.). Эта статья неоднократно используется в трудах И. Я. Коростовца.

Богд хаан сразу же прислал поздравление И. Я. Коростовцу по случаю подписания договора через Министра иностранных дел Ханддоржи. А 15 мая 1913 г. по указу Богд хаана Монголии И. Я. Коростовец был удостоен званием Цин вана, т. е. князь первой степени и орден Вачира.

Так как в начальной стадии восстановления Монголии И. Я. Коростовец сделал действительно очень многое для Монголии на мой взгляд монголы должны были бы воздвигнуть памятник И. Я. Коростовцу нежели В. И. Ленину. Это было бы справедливо перед историей.

От себя выражаю благодарность Коростовцу, за все что сделал Иван Яковлевич для Монголии. Я убежден в том что И. Я. Коростовец представлял интересы Российской империи, но эти интересы сыграли многое для сохранения и совершенствования самостоятельности Монголии.

И. Я. Коростовец в июле 1910 г. выдвигал идею о продлении «соглашения 1881 года» и о «параллельной железной дороге Сибири» с целью расширения влияния России на Дальнем Востоке⁸. Он предлагал начать реализацию данной идеи с Монголии. Он писал Извольскому 3 ноября 1910 г. о необходимости сопротивляться деятельности Чинского правительства направленного на принижение статуса Монголии и ввод воинских частей на монгольскую территорию, а также добиться обещания Пекина о неизменности статус кво Монголии, и заручиться в этом деле поддержкой со стороны Великобритании и Японии.

Во время Монгольской национальной революции 1911 г. Чрезвычайный посланник Российской империи в Пекине И. Я. Коростовец и Российский консул в Их Хурээ Лавдовский обменивались следующими идеями: «Если мы откажем монголам в оказании помощи, то какая-нибудь другая сторона (Япония) непременно займет наше место». Также Коростовец в телефонограмме, направленной министру иностранных дел царской России Сазонову в ноябре 1910 г. отметил следующее: «Россия стремится вести достаточно свободную деятельность во Внешней Монголии, пользуясь своими правами согласно российско-японскому договору», а в телеграмме, отправленной немного позднее 30 июля 1911 г. тому же Сазонову, он акцентировал внимание на то, что «если мы откажемся от исполнения ведущей роли в Халхе, то это вдохновит Японию, кото-

рая, без малейшего сомнения, займет наше место».

После заключения Российско-монгольского договора о дружбе уполномоченный Российской империи в Монголии И. Я. Коростовец, обращаясь в Министерство Иностранных Дел Российской империи, в своей телефонограмме писал, что Китай вынужден смириться не только с отторжением Внешней Монголии, но, что теперь китайские граждане тайно переходят на монгольскую территорию. Китаю следовало бы сосредоточить силы на то, чтобы удержать в своих руках Внутреннюю Монголию, готовую по первому сигналу Халхи присоединиться к ней; и что он неоднократно напоминал и советовал монголам о несбыточности объединения только по признаку единого хозяйственного уклада, национальных традиций и культуры, а для политического же объединения важно достижение душевного удовлетворения⁹.

Хотя он уехал из Нийслэл Хурээ в 1913 г., он постоянно проявлял беспокойство о судьбе Монголии, и отправил Богдыхану письмо с личной фотографией, где писал: «Наше правительство незамедлительно окажет своевременную помощь согласно просьбе монгольского правительства об оказании финансовой и военной помощи. Если хотите узнать мое личное мнение, то монгольскому правительству необходимо иметь дружественные и доверительные отношения с Россией и ее правительством, а также с посланником России в Хурээ Миллером и развивать их в дальнейшем». Также он отметил важность незамедлительного заключения договора с Китаем, причем при непосредственном участии России. Коростовец также напомнил о том, что любая попытка самостоятельного заключения договора Монголии с Китаем или же любая попытка сближения с ней может иметь для Монголии пагубные последствия. Поэтому при проведении переговоров с китайской стороной обязательно соучастие России в них, которое отвечает интересам Монголии и что эти его советы имеют целью принесения блага монголам. Излишне говорить, что такие слова, принадлежащие этому удивительному человеку, свидетельствуют об искренности его намерений, проявлявшего подлинное беспокойство о судьбе Монголии¹⁰.

Также 3 февраля 1913 г. Премьер-министр Монголии Сайн-нойон-хан Намнансурэн и во-

⁹ РВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 736. Л. 28.

¹⁰ Некоторые документы, связанные с историей Монголии, из частного архива В. Котвича. Улан-Батор, 1972. С. 159.

⁸ Russia, Japan, and United States in China «Entente Diplomacy and the World». Pp. 19–20.

енный министр Эрдэнэ ван Гомбосурэн совместно с уполномоченным российским правительством Д. С. С. Коростовцом подписали «Монголо-российское соглашение о военной подготовке монгольских цериков». Этот договор некоторые иностранные исследователи рассматривают как факт заключения сверхсекретного военного договора. Согласно этому договору в Нийслэл Хурээ должны были быть командированы российские офицеры высшего, среднего и младшего ранга для военной подготовки монгольских цериков.

По указу Богдо Джэбцзун-дамба-хана¹¹ было организовано Правительство Монголии в составе пяти министерств. В связи с чем после провозглашения суверенитета Монголии обязанность объявления другим, в первую очередь, влиятельным иностранным государствам и установления с ними контактов была возложена на Министерство по управлению иностранными делами и, проявляя уважение к договору, заключенному с Россией, самая первая дипломатическая нота была отправлена Российскому уполномоченному в Хурээ Коростовцу.

Исследователь Дж. Фритерс, давая личную оценку этому человеку, написал следующее: «Он являлся одним из самых способных дипломатов Российской империи и стоял у истоков активизации российской политики во Внешней Монголии.» Японский исследователь Т. Наками писал: «Если характеризовать российскую политику в Монголии в начале XX в., то необходимо особо отметить большой вклад российских талантливых дипломатов, таких как Коростовец, Люба, Щекин и Крупенский»¹². Между тем, Дмитрий Абрикосов, отметив его большой дипломатический опыт, приобретенный им за долгие годы службы в Китае, сказал, что, «посол (подразумевается И. Коростовец. — О. Б.) является особенным человеком и имеет редкий авторитет сродни бриллианту»¹³. Эти слова точнее всего, представляется, свидетельствуют о его человеческой сущности.

¹¹ Батсайхан О. 1911 оны үндэсний хувьсгал ба Монголын сүүлчийн эзэн хаан Богд Жавзандамба хутагт. УБ, 2011 он, хоёр дахь хэвлэл.

¹² Nakami Tatsuo I. Y. Korostovets and The Mongol problem of Independence in the early 1910s. Essays on Mongol studies, UB, 1998. P. 178.

¹³ Lensen, George Alexander ed., Relations of a Russian Diplomat, the Memoirs of Dmitrii I. Abrokossow. Seattle: University of Washington Press, 1964. Pp. 158–174.

Несомненно, И. Я. Коростовец является одним из инициаторов заключения российско-монгольского договора о дружбе 1912 г., а также, на наш взгляд, является дипломатом, внесшим достойный вклад в укрепление российско-монгольских отношений и их развитие в XX в. Решение замминистра иностранных дел России Нератова и начальника Департамента Востоковедения Казакова направить в Монголию профессионального дипломата, компетентного в вопросах Востока, было, без всякого сомнения, верным и мудрым шагом. Исследователь-востоковед И. Коростовец хотя и был проводником российской государственной политики, но в то же время проявлял огромный интерес к судьбе Монголии и, обратно возвратившись в Хурээ в 1919 г., самолично явился свидетелем исторических событий 1920-х гг.

После социалистической революции в России И. Я. Коростовец, временно находившийся сначала в России, а затем в Китае, позже эмигрировал в Европу. В Германии он издал свою книгу о Монголии и, в конце жизни, живя один во Франции, И. Я. Коростовец скончался 1 января 1933 г. в Париже. Газета «Иллюстрированная Россия» (Париж, № 3 (40)) 14-го января 1933 г. сообщала под заглавием заметку «Кончина русского дипломата» о том что «1 января в Париже скончался И. Я. Коростовец — выдающийся русский дипломат, известный своими большими способностями и блестящим знанием иностранных языков. По окончании Императорского Александровского лицея, Иван Яковлевич посвятил себя дипломатической службе на Дальнем Востоке. Глубокое знание дальневосточной политики выдвинуло его на ряд ответственных постов. И. Я. был секретарем русской мирной делегации в Портсмуте, русском посланником в Пекине, в Монголии и в Тегеране, где с неизменным искусством и блеском представлял русские интересы. Перу И. Я. принадлежит несколько замечательных книг, из которых: «От Чингис Хана до Советской России» вышла в годы эмиграции на немецком языке и имела большой успех»¹⁴.

В заметке в газете «Харбинское время» (№ 48, 21 февраля 1933 г., с. 7) также сообщается, что скончался посол украинской державы в Яссах в 1918 г. для переговоров с Антантой Иван Яковлевич Коростовец¹⁵. Это подтверждает то, что после революции Коростовец был

¹⁴ Иллюстрированная Россия. Париж. 1933. 14 янв.

¹⁵ Харбинское время. 1933. 21 февр. С. 7.

послом Украины для переговоров с Антантой в Яссах в 1918 г. и принимал активное участие в воссоздании украинской державы. Он за несколько недель до смерти опубликовал интересные воспоминания «Переговоры в Яссах». Во втором томе Энциклопедии Украины, выпущенной Канадским институтом исследования Украины отмечено о том что «Коростовец Иван назначен уполномоченным послом Украины для переговоров с Антантой в Яссах в 1918 году»¹⁶. Это означало то, что он в последние годы принимал активное участие в воссоздании украинской державы.

Лично я был очень рад открывшейся для меня возможности издания этого интересного дневника талантливого востоковеда, выдающегося дипломата, посла И. Я. Коростовца, посвященного истории и судьбе Монголии и приложил все силы для реализации этой возможности. В конце дневника И. Я. Коростовца по своей возможности сделал некоторые комментарии,

¹⁶ Encyclopedia of Ukraine Volume 2, G-K, Edited by Volodymyr Kubijovyc, University of Toronto press, 1988. P. 616.

чтобы читателю было все понятно. Также некоторые названия и термины были написаны на немецком, английском и латинском языках и находятся в том же виде. Также факт включения фотоснимков, выполненных Г. Констеном с участием лично И. Я. Коростовца в период пребывания в Монголии, свидетельствующие о реальной обстановке того времени, является еще одним новым историческим фактом.

В ноябре 2012 г. Институт международных исследований Академии наук Монголии, Министерство иностранных дел Монголии вместе с Посольством Российской Федерации в Монголии организовали международную научную конференцию, посвященную к 100-летию подписания Монголо-Российского соглашения 1912 г. и 150 летию со дня рождения известного дипломата России Коростовца Ивана Яковлевича под названием «Соглашение России и Монголии 1912 года и И. Я. Коростовец», где принимали участие сама Профессор Ольга Бакич, племянница русского генерала Бакич, а также профессор, видный монголист Наками Татсуо, доктор Тачибана Макото, профессор Лиштованный Евгений Иванович и другие гости.

ПОЛИТИКА ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ В ОТНОШЕНИИ АЗИАТСКОГО КОНТИНЕНТА И МОНГОЛЬСКИЙ ВОПРОС

В 1896 г. в Санкт-Петербурге состоялась коронация русского царя Николая II. В церемонии приняли участие такие видные политические деятели того времени как Ли Хунчжан, представлявший Циньскую династию, Аритомо Ямагата из Японии. В дни торжеств министр иностранных дел России Лобанов-Ростовский и его маньчжурский партнер Ли Хунчжан заключили Русско-Циньское тайное соглашение, сыгравшее в дальнейшем значительную роль в судьбах Восточной Азии. Тем самым они сформировали альянс, рассчитанный на противодействие расширению японского присутствия в Восточной Азии. А спустя неделю тот же Лобанов и японский посланник Ямагата достигли конкретной договоренности по корейскому вопросу и подписали соответствующий протокол¹.

Во второй половине XIX в. Россия сделала существенный шаг вперед в деле закрепления своих уже завоеванных позиций в Азии и на Дальнем Востоке. В частности, она добилась от Ли Хунчжана право на строительство и владение Восточно-Китайской железной дорогой в Маньчжурии. Десятью годами позже, чем Россия, в 1906 г., Япония получила от Циньской династии право на строительство железной дороги в Южной Маньчжурии.

Государственный деятель и видный дипломат Циньской империи Ли Хунчжан (1823–1901) стал губернатором провинции Цзянсу в 1862 г., когда ему было 39 лет. Ему как крупному государственному деятелю Циньской династии, сыгравшему значительную роль в подавлении Тайпинского восстания, было поручено вести дипломатические переговоры и устанавливать соглашения с такими державами как Великобритания, Япония и Россия. Однажды его возненавидели в Китае за то, что он провел и подписал Симоносекское мирное соглашение с Японией после Китайско-Японской войны 1894–1895 гг. В соответствии с договоренностью между Ли и Лобановым в Петербурге русско-китайские соглашения об учреждении китайско-русской железнодорожной компании и о создании китайско-русского банка «Даошен»

с долей Китайского правительства в 5 млн лан были подписаны 2 сентября 1896 г.²

Соперничество между великими державами за строительство железной дороги на территории Циньской империи

Более четко выраженный характер соперничества придало русско-японским отношениям строительство Транссибирской железной дороги, которое царская Россия начала с 1891 г. Российский император Александр III и его министр финансов Сергей Витте ставили целью посредством Транссибирской дороги присоединить Сибирь крепче к России, превратить Россию в тихоокеанскую державу, и предотвратить массовое переселение китайских мигрантов в Сибирь. Однако японские деятели тех времен считали этот шаг России проявлением ее стратегического курса, направленного на вытеснение Японии постепенно из континентальной Азии. Японский премьер-министр Аритомо Ямагата в марте 1890 г. писал, что поскольку данный шаг России непосредственно затрагивает Корейский полуостров Япония решила, наряду с укреплением своей военной мощи, искать пути развития сотрудничества с Великобританией с целью ограничить расширение российского влияния в Азии³.

Россия заключила с циньским правительством вышеупомянутый секретный пакт в 1896 г., активизировав свою деятельность в Северо-Восточном Китае и Маньчжурии. С помощью подкупа циньских чиновников и другими способами русские дипломаты сумели получить в 1896 году право на строительство Китайско-Восточной железной дороги. Эта дорога проходила через всю северную часть Маньчжурии, и занимая 250 тыс. акров земли, являлась крупнейшим иностранным владением в Китае⁴. Для создания постоянно

² Орос-Хятадын гэрээ, хэлэлцээрүүдийн эмхтгэл. Нэгдүгээр хэсэг. (1689–1949). Эмхтгэсэн М. Батчимэг. Улаанбаатар, 2001. 100–106-р тал.

³ Японцы о Японии: сб. ст. собранных и отредактированных А. Стэдом. СПб., 1906. С. 78–79.

⁴ Францын хөрөнгөнд түшиглэн байгуулсан Орос-Хятадын банк (Русско-Китайский банк) нь Дорнод Хятадын төмөр замын 5 сая рублийн хувьцааг гар-

¹ Jian Bozan, Shao Xunzheng and Hu Hua. A Concise History of China. Foreign Languages Press. 2nd ed. Beijing, 1981. P. 114–115.

действующего порта на берегу Тихого океана Россия направила в конце 1897 г. свои корабли в Порт-Артур и в начале 1898 г. потребовала от Пекина долгосрочную аренду на порты Дайрен и Порт-Артур.

В разное время идейными проводниками проекта строительства железных дорог по территории Маньчжурии и Монголии были Николай Муравьев, Сергей Витте и Петр Бадмаев. Николай Муравьев Амурский, ставший Генерал-губернатором Восточной Сибири в 1847 г. в возрасте 38 лет, был сторонником заселения берегов Амурской реки российскими подданными и строительства морских портов по устью Амура. Муравьев предлагал идею строительства железной дороги в Сибири. Он три раза подавал проекты о строительстве Сибирской железной дороги. В 1856 г. император Александр II на докладную записку адмирала Геннадия Невельского «О деятельности Амурской экспедиции», где он писал о необходимости строительства железной дороги, ответил: «С данной просьбой граф Н. Н. Муравьев-Амурский обращался к покойному батюшке Николаю Павловичу. Но сенат отклонил данное предложение. И мы отклоняем этот дорогостоящий проект». 16 мая 1858 г. Муравьев заключил с Китаем Айгунский трактат, по которому Амур до самого устья стал границей России с Китаем. Айгунский трактат был дополнен Пекинским договором 1860 г., по которому Россия приобрела не только Уссурийский край, но и южные порты. Однако Муравьев-Амурский настаивал не ограничиваться данными приобретениями, а продолжать присоединять к России северные и западные территории Китайской империи, включая и соседние страны — Монголию и Корею. В связи с восстанием тайпинов в 1854 г. Н. Н. Муравьев предлагал воспользоваться внутренними трудностями Китая и освободить Монголию, которая, по его мнению, должна находиться под покровительством России⁵.

В конце XIX в. произошло усиление позиций России на Дальнем Востоке. Активизация дальневосточного направления внешней политики находила поддержку у российских императоров Александра III и Николая II. Значительную роль в определении стратегии и тактики проникнове-

гаж түүнийг бүгдийг нь Оросын засгийн газар худалдан авчээ. Оросын засгийн газар 1905 он хүртэл нийт 400 сая рублийн хөрөнгө оруулалтыг Дорнод Хятадын төмөр замд хийсэн байна.

⁵ Гурьев Б. Политические отношения России к Монголии. СПб., 1911. С. 14.

ния в этот регион, завоевания экономического рынка Северного Китая, Кореи и Монголии сыграл С. Ю. Витте — министр финансов, а затем премьер министр России. В 1892 г. С. Витте был назначен на пост министра финансов, который он занимал 11 лет. Вскоре после назначения поднял вопрос о форсировании строительства Транссибирской магистрали. С. Витте считал быстрое проведение магистрали настолько важным, что даже допускал возможность финансирования строительства за счет денежной эмиссии. С. Витте в докладной записке, поданной в ноябре 1892 г. императору Александру II, подчеркивал, что Транссибирская магистраль являвшаяся главным торговым путем к Китаю важнее чем Суэцкий канал. Витте ратовал за Российско-Китайский союз так как Россия является мостом соединяющим Азию и Европу. С. Витте также говорил, что компания «Монголор» созданная в 1900 г. для эксплуатации золотоносных месторождений Монголии станет важным шагом к построению в будущем железной дороги Кяхта — Курень — Калган — Пекин⁶.

В связи со строительством Транссибирской железной дороги в конце XIX в., в русском обществе проявляется большой интерес к освоению Сибири и Дальнего Востока, а также к Китаю, Корею и Монголии. 13 февраля 1893 г. видный деятель Бурятии П. А. Бадмаев представил царю Александру III развернутую записку «О задачах русской политики на Азиатском Востоке». Одновременно Бадмаев представил записку с аналогичными идеями министру финансов С. Ю. Витте — главному «конструктору» внешней политики России на Дальнем Востоке. Именно С. Витте, как пишет историк Ю. В. Кузьмин, и представил «Записку» Бадмаева русскому царю, который прочитав ее, наложил 27 февраля 1893 г. такую резолюцию: «Все это так ново, необыкновенно и фантастично, что с трудом верится в возможность успеха»⁷.

П. А. Бадмаев предлагает продолжить сооружение железной дороги от Байкала в глубь Китая к городу Ланчжоу-фу. Этот вариант не был поддержан и избран другой вариант — через Маньчжурию. Сторонник строительства железной дороги напрямик на Владивосток через Северную Маньчжурию, С. Витте считал план Бадмаева неприемлемым. Строитель-

⁶ Сандаг Ш. Монголын улс төрийн гадаад харилцаа. 1850–1919. Улаанбаатар, 1971. 136, 156-р тал.

⁷ Кузьмин Ю. В. Восточные проекты доктора П. А. Бадмаева. Иркутск, 2006. С. 83.

ство железной дороги через Монголию и Китай П. А. Бадмаев рассматривал как удобный путь, хороший предлог для постепенного освоения и присоединения к России этих стран.

Интерес Бадмаева к проектированию строительства железных дорог особенно активизировался после получения Монголией национальной независимости в 1911 г. Бадмаев предлагает вариант строительства железной дороги от Семипалатинска до границы с Монголией, а также далее трансмонгольскую линию (Семипалатинск — Кобдо — Улясутай, Урга — Хайлар), а также линию Мысовая — Кяхта — Урга — Сайр Усу — Нинсяфу — Ланчжоу-фу⁸.

Используя в качестве повода Боксерское восстание в Циньском государстве царская Россия в 1900 г. в основном полностью захватила Маньчжурию и с июня 1900 г. до марта 1902 г. безраздельно владела ею. Япония же в поиске союзника в борьбе против царской России начала проводить политику сближения с Великобританией. В японском правительстве мнения на этот счет разделились. Японский государственный деятель Хиробуми Ито по пути в Европу в декабре 1901 г. посетил Санкт-Петербург и провел там переговоры с министром иностранных дел В. Н. Ламсдорфом и министром финансов Сергеем Витте. Однако он не сумел добиться сближения русско-японских противоборствующих позиций по маньчжурскому вопросу. Убедившись, что с Россией невозможно договориться, японское правительство решило пойти на союз с Великобританией, и в январе 1902 г. англо-японский союз был заключен⁹.

В соответствии с договоренностью с циньским правительством, достигнутой в апреле 1902 г., правительство Царской России обязалось вывести все свои войска из Маньчжурии в три срока в течение двух лет. Однако в апреле 1903 г., когда должен был состояться вывод войск второго срока, Россия не только не стала выводить свои войска, но и предъявила циньскому правительству 8 новых требований. Россия требовала от Пекина не давать особые права иностранным державам в Маньчжурии и сохранить статус-кво тогдашней Монголии. В результате для защиты своих интересов в Китае Япония была вынуждена предпринять какие-либо конкретные шаги в этом отношении.

⁸ Кузьмин Ю. В. Восточные проекты доктора П. А. Бадмаева. Иркутск, 2006. С. 126–127.

⁹ Гальперин А. Л. Англо-Японский союз. 1902–1921 гг. М., 1947.

Внутри самой Японии стали все сильнее раздаваться голоса с требованием начать войну с Россией. В мае 1903 г. офицеры среднего звена из сухопутных и военно-морских сил, чиновники из МИД создали организацию Когэцукай и предъявили высшим кругам требование разговаривать с Россией силой оружия. В июне начальник Генштаба японской армии генерал Ивао Ояма обратился к императору с посланием, в котором предлагалось срочно разрешить корейский вопрос, используя тогдашнее выгодное стратегическое положение Японии, имея в виду, что промедление чревато дальнейшим укреплением тех преимуществ, которые имеет Россия.

Русско-японская война, в которой участвовало по миллиону войск с каждой стороны и русский военно-морской флот с общим водоизмещением в 260 тыс. т, была военным столкновением двух держав, не сумевших достичь договоренности по вопросам раздела корейского полуострова и Северо-Восточного Китая (Маньчжурии). Несмотря на ряд крупных побед, одержанных японской стороной как на море, так и на суше на начальном этапе войны, было весьма неясно, в чью пользу закончится война в случае, если она затянется. Командующий японскими войсками в Маньчжурии Кодама говорил по этому поводу, что «Япония имеет возможность одержать победу в шести из десяти битв на полях сражений» и что «однако после этого нельзя допустить, чтобы бои не были прекращены через посредничество какой-либо страны». Обе стороны начали вести переговоры в г. Портсмуте, штат Нью-Хемпшир, по посредническим усилиям американского президента Т. Рузвельта, и подписали мирный договор в сентябре 1905 г.

По поводу Портсмутского мирного договора русский историк Б. А. Романов писал: «Помимо уступки южной половины Сахалина другие уступки в пользу Японии, по Портсмутскому договору, сводились к тому, на что претендовал японский империализм еще до войны. Корея поступала под безраздельный контроль Японии, который имел выразиться во всех тех «мерах руководства, покровительства и надзора», какие японское правительство «могло бы почести необходимым принять в Корею» — на основе совершенного невмешательства России (ст. 2), в Маньчжурии к Японии переходили права России на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним и Южноманьчжурская ветвь КВЖД от Порт-Артура до станции

Куаньчензы (между Харбином и Мукденом на широте Гирина, ст. 5 и 6)...»¹⁰.

В таких условиях русско-японское соотношение сил в Маньчжурии вернулось в территориальном отношении в исходное положение периода 1896–1898 гг., т. е. периода, предшествовавшего русско-японской войне. Более того, маньчжурская проблема приобрела с тех пор совершенно новый политический и экономический аспект. Узловым звеном маньчжурской проблемы по-прежнему оставалась Китайско-Восточная железная дорога. Однако маньчжурская проблема приобрела по другим параметрам иной смысл. Если до русско-японской войны эта дорога служила объединяющим звеном русско-циньского антияпонского союза, то с заключением Портсмутского договора данный союз потерял свой смысл, а китайская сторона, воспользовавшись ослаблением мощи России, стала всячески стремиться к устранению русского влияния в Маньчжурии. Япония же тем временем приобрела Южно-Маньчжурский плацдарм в качестве, как писал Романов, ключа для проникновения на территорию всей Маньчжурии и более того — весь Китай.

Раздел сфер влияния в Восточной Азии Японией и царской Россией (1907–1916)

В войне с Россией в 1904–1905 гг. Япония потеряла 120 тыс. чел. и потерпела ущерб в 1500 млн иен. Несмотря на это, победа над Россией позволила ей значительно поднять свой престиж и пройти «курс великой державы» наравне с западными державами. Главное, Япония в полном масштабе получила в свое владение южноманьчжурский плацдарм и, более того, в соответствии с Портсмутским договором 1905 г. добилась признания со стороны России своих особых приоритетных прав на Корейском полуострове.

В мае 1906 г. правящие круги Японии провели совершенно секретное совещание с участием представителей главных министерств, государственных деятелей-ветеранов, чтобы обсудить дальнейшую политику в отношении России. На совещании было принято решение в срочном порядке осуществить, с одной стороны, меры по дальнейшему укреплению позиций Японии в Маньчжурии и, с другой стороны,

притянуть Россию на свою сторону путем проведения политики примирения с ней, «залечивая раны» недавней войны. В соответствии с решением совещания военная администрация Японии в Южной Маньчжурии была преобразована в гражданскую администрацию. Кроме того, там было учреждено генеральное консульство, непосредственно подчиняющееся министерству иностранных дел Японии. Крупной мерой по укреплению экономических позиций Японии в Южной Маньчжурии явилось создание так называемой Южно-Маньчжурской железнодорожной компании (МАНТЭЦУ)¹¹.

В апреле 1906 г. японский премьер-министр Сайонжи совершил ознакомительную поездку по Северо-Восточному Китаю (Маньчжурии). По возвращении в Токио Сайонжи провел целый ряд совещаний в целях обсуждения вопроса о дальнейшем укреплении позиций Японии в Маньчжурии. Тайваньский губернатор Гото Шимпэй и Кодама Гэнтаро, другие лица предложили тогда создать в Маньчжурии не колониальную администрацию, а некую отдельную государственную компанию наподобие английской East Indian Company. Южно-Маньчжурская железнодорожная компания была создана в августе 1906 г. с основным капиталом в 200 млн иен, половину из которых выделило японское правительство. В ноябре того же года первым президентом МАНТЭЦУ был назначен бывший Тайваньский губернатор Гото Шимпэй.

В соответствии с решением совещания, созванного в мае 1906 г., генштаб Японской армии получил задание разработать план национальной обороны Японии. Текст этого плана составил офицер генштаба Танака Гиичи, редактировал его госсекретарь Ямагата. Так в 1907 г. была завершена разработка так называемой «Императорской политики национальной обороны». Согласно этому плану своего стратегического противника японские сухопутные силы видели в России, военно-морские силы — в США. Их цель заключалась в защите целостности тех территорий, которые получила Япония в период между 1894 и 1905 гг.

Можно утверждать, что Портсмутский договор только положил начало взаимопониманию и взаимодоговоренности Японии и России в континентальной Азии, в том числе в Китае. Обе державы вступили на путь избежания постоянного противоборства и конфликтов, продолжавшихся в течение 15 лет после 1890 г., на

¹⁰ Романов Б. А. Очерки дипломатической истории Русско-Японской войны. 1895–1907. Изд. второе. М.; Л., 1955. С. 572.

¹¹ Фурукава Мантаро. Киндай Ниппон но Тайрику сэйсаку = Орчин үеийн Японы эх газрын бодлого. Токио, 1991. 333–336-р тал.

путь взаимного признания интересов друг друга, иными словами — раздела сфер влияния в Северо-Восточной Азии. В период между 1907 и 1916 гг. обе стороны заключили между собой целый ряд договоров и соглашений.

В декабре 1906 г. министр иностранных дел России А. П. Извольский на встрече с японским послом Ичиро Мотоно предложил заключить договор, определяющий сферы влияния двух стран. Японская сторона доброжелательно отнеслась к данному предложению. Как утверждает историк Я. А. Шулатов, не Россия, а Япония выступила инициатором начала переговоров. Шулатов ссылается на то, что сам Извольский, выступая через несколько лет после заключения конвенции на особом совещании 11 декабря 1909 г., подчеркивал, что инициатива заключения соглашения между двумя странами исходила от японской стороны. Однако вне всякого сомнения — вопрос о сближении рассматривался как в Петербурге, так и Токио, поэтому предложение одной стороны начать консультации по достижению всеобъемлющего соглашения было встречено другой стороной с пониманием и одобрением¹².

Однако внутри самой Японии между МИД и японским генерал-губернатором в Корее Хиробуми Ито возникли разногласия. Они касались вопроса о том, считать ли Внешнюю Монголию сферой влияния России, и некоторых вопросов, затрагивающих статус Корейского полуострова. Тем временем в Российском МИДе проводилась энергичная работа по подготовке соглашения между Россией и Японией. В разработке этого документа, как пишет историк Шулатов, существенную роль играл посланник в Пекине Д. Д. Покотилов. Представитель Петербурга в Китае курировал вопросы о прохождении линии разграничения, предлагал конкретные меры по закреплению Монголии в сфере влияния России и т. д. К концу февраля — началу марта 1907 г. общий формат соглашения был согласован. Россия отказалась от какой-либо конкуренции с Японией на 2/3 территории Маньчжурии, но добилась вовлечения Монголии в сферу своих интересов. Как писал Покотилов в секретной телеграмме от 15 марта 1907 г., в связи с «благоприятным разрешением» монгольского вопроса соглашение о Маньчжурии «вполне приемлемо» для России¹³.

¹² Шулатов Я. А. На пути к сотрудничеству: Российско-Японские отношения в 1905–1914 гг. Хабаровск: М., 2008. С. 127.

¹³ Там же. С. 130.

В конечном счете победили сторонники заключения договора как и в Петербурге, так и в Токио, и договор был подписан 30 июля 1907 г. В соответствии с этим договором обе стороны признавали сферы интересов друг друга в Маньчжурии: Россия — особые интересы Японии на Корейском полуострове, Япония — особые интересы России во Внешней Монголии. Как писал историк Е. А. Белов, тайный русско-японский договор 1907 г. давал возможность царской России продолжать упрочение своих позиций в Северной и Западной Монголии. Япония — основной соперник России на Дальнем Востоке — отказывалась вмешиваться во внутренние дела этих частей Монголии и предоставляла свободу действий там царскому правительству¹⁴.

Толчком к дальнейшему сближению Японии с Россией послужило то обстоятельство, что США, провозгласившие политику «открытых дверей и свободной конкуренции» в отношении Китая и в особенности Маньчжурии, выдвигали предложения придать Маньчжурской железной дороге межгосударственный статус и создать транснациональный синдикат с целью привлечения капитала и предоставления кредитов Китаю (предложение госсекретаря США Фрэнка Нокса). В случае если оба Россия и Япония будут сопротивляться планам США, Вашингтон планировал построить железнодорожную линию Цзиньчжоу — Айгунь. Правящие круги России предложили Вашингтону совместными усилиями построить железнодорожную линию Калган — Курень — Кяхта. Россия взяла бы на себя обязательство построить ветку Кяхта — Курень, а США — ветку Калган — Курень¹⁵.

Токио стал зондировать идею заключения второго договора с Россией. Сторонником такого договора был никто иной как генерал-губернатор Кореи Хиробуми Ито, который как государственный советник пользовался большим влиянием. В 1909 г. Ито отправился в Харбин на встречу находившимся там министром финансов России В. Н. Коковцовым. Однако он не смог осуществить задуманное, став жертвой нападения террористов.

Тогда инициативу взял в свои руки министр иностранных дел Комура, который вступил в прямые переговоры с русской стороной с целью еще более укрепить позиций Японии в Южной Маньчжурии, и в июле 1910 г. был

¹⁴ Белов Е. А. Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М., 1999. С. 28.

¹⁵ Сандаг Ш. Дурдсан зохиол. 146–147-р тал.

подписан второй японо-русский договор. К договору опять был приложен секретный протокол, согласно которому обе стороны в случае возникновения внешней угрозы их сферам влияния взяли на себя обязательство принять совместные ответные меры на основе взаимных консультации и твердо защищать свои интересы. Это была мера, направленная против провозглашенной США политики «открытых дверей» в Маньчжурии.

С распадом Циньской династии в октябре 1911 г. усилилась национально-освободительная борьба на таких ее окраинах, как Монголия и Тибет, активизировались центробежные силы, в частности власти Урги в декабре 1911 г. провозгласили независимость страны. В этой связи министр иностранных дел Японии Учида выступил с инициативой, направленной на конкретизацию сферы влияния Японии и России в отношении Монголии, непосредственно граничащей с Маньчжурией, на реальное осуществление этой идеи. В июле 1912 г. был подписан третий японо-русский договор, в соответствии с которым обе стороны договорились разделить Внутреннюю Монголию на две части по Пекинскому меридиану и включить восточную часть в сферу влияния Японии, западную часть — России, признать и уважать «особые интересы» друг друга¹⁶.

Результатом революции 1911 г. в Китае стала нестабильность, ослабло единовластие и стали независимыми местные военные власти. Япония же пыталась использовать это обстоятельство для укрепления своих позиций в Китае. В частности, в 1913 г. генштаб японской армии выступил инициатором и активным сторонником так называемого маньчжурско-монгольского движения за независимость на северо-востоке Китая (Манмо докуруцу ундо), как об этом пишет японский историк Кэн Курихара. История свидетельствует также о том, что японский военный атташе в Пекине добивался формирования прояпонского центрального правительства путем оказания военной помощи пекинскому правительству.

На соотношение сил великих держав на Дальнем Востоке значительное влияние оказало начало первой мировой войны в 1914 г. В войну в Европе были вовлечены в полной мере Великобритания, Франция и Россия. Перед Японией как единственной великой державой в Азии, оставшейся с развязанными ру-

ками, если не считать США, открылись самые благоприятные возможности для осуществления своих далеко идущих замыслов, вынашиваемых в отношении Китая со времен войны 1894–1895 гг. Сюда входили захват принадлежавших Германии Тихоокеанских островов, утверждение своей политической и экономической гегемонии в Китае и установление своего господства на китайских территориях, расположенных вблизи Тайваня и Кореи. Конечно, Япония не забывала о своих «особых интересах» в Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии.

Все требования Японии в отношении Китая, зафиксированные в истории как «Двадцать одно требование», Японское правительство предъявило китайской стороне в ультимативном порядке в январе 1915 г. В территориальном плане «21 требование» включало в себя Шаньдун, Гуандун, Южную Маньчжурию, Внутреннюю Монголию, а также Фудзянь. Пекинскому правительству не оставалось ничего другого, как принять эти требования. В мае 1915 г., подписав целый ряд договоров, китайская сторона передала Японии Германские права на Шаньдун и признала японские интересы в Фудзяне, на 99 лет продлила японскую аренду в Южной Маньчжурии и Порт-Артуре. Японцы получили право на аренду земли и ведение хозяйства по своему усмотрению в Южной Маньчжурии и консульское право на свободное передвижение японских подданных во Внутренней Монголии¹⁷.

Эти договоры и соглашения с Китаем, заключенные в 1915 г., еще больше укрепили японское военное господство на Корейском полуострове и Тайване, создали исключительно благоприятные предпосылки для активизации экономического проникновения в Южную Маньчжурию и восточную часть Внутренней Монголии. В этом смысле армия, правительство, парламент и крупный бизнес Японии, признавая огромный экономический и торговый потенциал в континентальной Азии, поддерживали «21 требование». С другой стороны, некоторые из государственных деятелей-ветеранов выступали с предоостережениями, предсказывая, что «21 требование» в дальнейшем усилит противодействие со стороны Китая и постепенно приведет Японию к конфронтации с англосаксонскими странами. В частности, Ямагата в феврале 1915 г. выступил со специальным меморандумом и разослал его заинтересованным влиятельным лицам. В своем меморанду-

¹⁶ Гримм Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1812–1925). М., 1927.

¹⁷ Сладковский М. И. Китай и Япония. М., 1971. С. 108–109.

ме Ямагата обрисовал внешнюю обстановку Японии, прогнозировал последствия Европейской войны, ее влияние на Японию и призывал еще больше укрепить отношения с Россией и заключить русско-японский союз.

После неоднократных переговоров между двумя странами в июле 1916 г. был заключен русско-японский союз, и соответствующий договор подписали министр иностранных дел России С. Д. Сазонов и японский посол в Москве Ичиро Мотоно. Таким образом, отношения между двумя странами, вступившими после русско-японской войны 1905 г. на путь взаимопонимания, к 1916 г. превратились в союзнические. В соответствии с соглашениями 1907, 1910 и 1912 гг. Япония и Россия провели раздел своих сфер влияния в Китае, Корее, Маньджу-

рии и Монголии, взаимно признав особые интересы друг друга¹⁸. Кроме того, двусторонние соглашения России с Китаем 1913–1915 гг. и Японии с Китаем 1915 г. еще больше укрепили позиций обеих стран в Китае. К 1916 г. в сферу влияния России вошли Северная Маньчжурия, Внешняя Монголия и западная часть Внутренней Монголии, в сферу влияния Японии — Южная Маньчжурия, Корейский полуостров и восточная часть Внутренней Монголии. Это был русско-японский дипломатический статус-кво. Октябрьская революция 1917 г. в России стала поворотным событием, сломавшим этот статус-кво.

¹⁸ Маринов В. А. Россия и Япония перед первой мировой войной (1905–1914 годы). М., 1974. С. 120–121.

КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В МОНГОЛИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА): ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

С самых ранних этапов российско-монгольских отношений одним из важнейших их составляющих является межкультурное взаимодействие. Благодаря интенсификации торговых связей между двумя странами во второй половине XIX — начале XX в., диалог монгольской и российской культур вышел на новый уровень. Учреждение императорских консульств и формирование российских факторий в монгольских городах значительно способствовало расширению и углублению социально-культурных и прочих контактов двух народов. Одновременно культурный фактор играл значимую роль в продвижении торгово-экономических и политических интересов России в Монголии, которая в указанный период входила в состав Китая.

Инструментом, способствовавшим реализации интересов России в соседней стране, в том числе выстраиванию и поддержанию дружественных отношений с китайской и монгольской администрацией, созданию благоприятных условий для российской торговли и жизнедеятельности колонии соотечественников и т. д., являлись мероприятия, которые собирательно могут быть названы современным термином «культурная дипломатия»¹. В настоящее время, по мере возрастания значимости категории т. н. «мягкой силы» (softpower) в практике международных взаимодействий, изучение исторического опыта культурной дипломатии различных государств актуализируется. Механизмы и инструменты дипломатии «второй дорожки», получившие всестороннее развитие в международной деятельности государств Европы и Америки, привлекают все большее внимание как лиц, принимающих политические решения, так и исследователей по всему миру.

В изучаемый период, характеризуемый, в основном, геополитическим подходом к рассмотрению международных взаимодействий, термины «культурная политика» и «культурная дипломатия» в их современном понимании от-

существовали в лексиконе кругов, занятых в выработке и осуществлении государственной политики. Действия, направленные на популяризацию культуры одного государства среди населения другого, находились в неразрывной связи с мерами укрепления политического и экономического влияния и объединялись в рамках собирательного понятия «политика». Первоначально «культурная политика» относилась исключительно к внутригосударственной сфере. Однако в XX в. данный термин получил широкое распространение и применительно к международным контактам, в результате чего, появились понятия «внешняя культурная политика» и «международная культурная политика» государства. Понятие «внешней культурной политики» тесно связано с использованием «мягкой силы»², характеризующей способность государства добиваться желаемых внешнеполитических и экономических результатов на основе несилового взаимодействия с партнерами, в большей степени, обусловленного привлекательностью образа данного государства. Касательно термина «культурная дипломатия», в современной политической науке существует множество подходов к его пониманию. В настоящей работе, с учетом исторического контекста, под ним будет подразумеваться презентация национальной культуры, непосредственная деятельность уполномоченных государственных и негосударственных органов и организаций по реализации «культурной политики» государства в отношении других акторов международных взаимодействий.

Базовыми институтами культурной дипломатии в международной практике XIX — начала XX в. были официальные заграничные представительства — посольства, миссии и консульства. Таковыми институтами России в Монголии являлись императорские консульства. Российские консульские учреждения совместно с русскими поселенцами в разных городах кочевой страны в период с 1861 г. до 1917 г. смогли претворить в жизнь значительное количество проектов, направленных на привлечение симпатий монгольского народа

¹ Под «культурной дипломатией» в данной работе понимается презентация национальной культуры силами дипломатического ведомства и/или другого полномочного органа, ориентированная на решение внешнеполитических задач.

² Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N. Y., 2004.

к России. Гуманитарные инициативы России в Монголии приносили пользу не только российским подданным, но и местному населению, которое получало доступ к современной медицине, образованию, социальной инфраструктуре и другим повышавшим качество его жизни достижениям цивилизованного мира. В свою очередь, это во многом обусловило формирование дружеского отношения населения Монголии к «северному соседу» и оказало положительное влияние на политическую судьбу этой страны в начале XX в.

Особое внимание к идее «окультуривания» соседних азиатских народов, высокой культурно-нравственной миссии России в Азии российское правительство и общественность обратили на фоне системного кризиса в Цинской империи середины 1890-х гг. Популяризации идеологии укрепления культурного и прочего влияния России на окраинах Китая способствовали публикации «востокофилов», в первую очередь, князя Э. Э. Ухтомского³, а также иных политических, общественных деятелей и предпринимателей. Таким образом, культурная политика России в Монголии была тесно связана с представлениями властных кругов о возможности использовать культурные инструменты не только для решения конкретных политических и экономических задач в Азии, но и с более широкой гуманитарной целью — ознакомления «менее цивилизованных», с точки зрения европейского человека, народов с современным прогрессивным миром.

В этом контексте целью приобретаемой с конца XIX в. более четкие очертания культурной политики Российской империи в Монголии как инструмента «монгольской» политики до 1917 г., было укрепление культурного влияния России и обеспечение благоприятных условий для российской торговли и жизнедеятельности колонии соотечественников в регионе. Основными же ее задачами являлись формирование позитивного имиджа России в глазах местного населения и стимулирование приобщения последнего к российским (в более широком смысле — европейским) культурно-духовным ценностям.

Основная задача консулов в Монголии в области культурной дипломатии формулировалась МИД в должностной инструкции и сводилась, преимущественно, к привлечению симпатий монголов, содействию установлению добрых отношений российских и китайских

подданных на благо двусторонней торговли⁴. Данная задача могла решаться любыми способами на усмотрение консулов, следовательно, возможность их проведения в жизнь во многом зависела от инициативы самих дипломатов.

На практике деятельность официальных представителей России на «культурном» направлении включала мероприятия по приобщению монгольской духовной, светской аристократии и рядовых скотоводов-аратов к «благам цивилизации»⁵, в том числе к европейской медицине, ветеринарии, образованию, литературе и периодической печати, использованию городской инфраструктуры, а также ознакомление с элементами европейской политической культуры и военного дела. В период автономии Монголии (после 1911 г.) содержание «культурной миссии» обогатилось такими формами, как помощь в развитии книгопечатания, организация обучения монгольской молодежи в России, привлечение монгольской интеллигенции к совместным научным исследованиям. В данной статье рассмотрены лишь некоторые аспекты деятельности российских консульств в рамках этого направления.

Консульства России в Монголии были учреждены в соответствии с российско-китайскими договорами 1851–1881 гг. Консульство в центральном городе Урге начало функционировать в 1861 г. Представительства в Западной Монголии были открыты лишь в начале XX в.: в 1906 г. в Улясутае, в 1911 г. в Кобдо и Шарасумэ (в сентябре 1913 г. заработало отдельное консульство в Кобдо), в 1916 г. было создано вице-консульство в Маймачэне⁶. Перед консульской службой России в Монголии стояли задачи, проистекавшие из ключевых целей российской политики на Дальнем Востоке во второй половине XIX — начале XX в., которые включали охрану *status quo* в региональной подсистеме международных отношений и стимулирование экономических контактов с государствами региона (в первую очередь, с Китаем). Стоит отметить, что до начала XX в. консулы,

⁴ Русский консул в Монголии: Отчет Я. П. Шишмарева о 25-летней деятельности Ургинского консульства / сост., вступит. статья, примеч., библиогр. Н. Е. Единарховой. Иркутск, 2001. С. 14.

⁵ В документах изучаемого периода термины «культурный», «цивилизованный» и «европейский» часто используются как синонимы, передающие смысл «относящийся к ценностям западноевропейской культуры», «руководствующийся европейскими ценностями в повседневной практике».

⁶ Монголия // Вестник Азии. 1916. № 37. С. 125.

³ Ухтомский Э. Э. Из китайских писем. СПб., 1901. С. 27.

наряду с посланником в Пекине, были единственными официальными представителями России в Цинской империи, принимая активное участие в решении самых разнообразных вопросов российско-китайских отношений.

До начала 1910-х гг. правительство России не имело планомерной стратегии поддержки русской колонии и распространения культурного влияния в Монголии, и общественная жизнь в пунктах концентрации русских — Урге, Улясутае, Кобдо — не отличалась активностью⁷. По мнению консула в Урге В. Ф. Люба, консульство за 35 лет существования реализовало слишком мало культурных инициатив, что не способствовало созданию комфортных условий пребывания русских в Монголии и «успеху цивилизаторского значения» среди местного населения⁸. Несмотря на то, что Монголия приобрела для России стратегическую значимость уже во время русско-японской войны, до 1913 г. в отношении нее российским правительством не было выработано специальной политики. Свременным уходом китайских конкурентов с монгольского рынка после переворота в Урге (в декабре 1911 г.), консульства активно призывали царское правительство к укреплению торгово-экономических позиций в данном регионе, в том числе, посредством улучшения инфраструктуры российской торговли и обеспечения широкого доступа монголов к благам цивилизации. В 1913 г. Особое Межведомственное совещание под председательством Иркутского генерал-губернатора Л. М. Князева 11–24 июня 1913 г. приняло программу мер содействия развитию российской торговли, которая предполагала значительные экономические и гуманитарные выгоды и для населения Монголии⁹. Наиболее интенсивная деятельность правительства России по преобразованию инфраструктуры российской торговли и ее культурного облика пришлась на начало 1912–1915 гг. Однако неблагоприятные внешние условия с конца 1914 г. привели к существенному снижению оборотов российской торговли в Монголии и ее глубокому кризису.

⁷ Боголепов М. И., Соболев М. Н. Очерки русско-монгольской торговли. Экспедиция 1910 г. Томск, 1911. С. 104–113.

⁸ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 495.

⁹ Журнал Особого Межведомственного Совещания, бывшего в С.-Петербурге под председательством Иркутского Генерал-Губернатора, Егермейстера Л. М. Князева, по русско-монгольским делам. Иркутск, 1913. С. 28–39, 45–50.

Следует отметить, что еще задолго до выработки правительством программы экономико-гуманитарного проникновения в Монголию (1911–1913), российские дипломаты прилагали усилия по «собираанию» российской колонии¹⁰, инициировали множество общественно-культурных проектов и участвовали в руководстве большинства из них, разъясняли коммерсантам важность культуртрегерства, внося заметный вклад в развитие социально-культурных связей России и Монголии. Выполнение «цивилизаторской» миссии консульствами в Монголии и создание положительного имиджа России как государства и очага великой культуры среди местного населения было неразрывно связано с их деятельностью по организации общественной жизни российской колонии (большую часть которой представляли русские торговцы) и созданию элементов инфраструктуры, необходимых для привычного быта соотечественников. По мере развития торговли через границу и роста русской колонии, «островки» русской культуры появились не только в Урге, но и в Северо-Западной Монголии, и в начале XX в. получили посильное содействие новых консульств в Улясутае, Кобдо и Шара-Сумэ.

Значительные усилия дипломаты приложили в области развития в Монголии медицины и ветеринарии, что являлось чрезвычайно важным для поселенцев и местного скотоводческого населения¹¹. Эпидемии чумы и других заболеваний (тифа, оспы) уносили жизни тысяч людей и домашних животных, подвергая риску торговлю скотом. С учреждением консульства в 1861 г. Урга стала знакомиться с западной медициной. Одним из первых мероприятий консула К. Н. Боборыкина в этой области было приглашение фельдшера из России. Фельдшер И. Осипов оказывал помощь и русским поселенцам и монголам, инициировал вакцинацию против оспы, готовил детрит и обучал этому местное население, проводил занятия по европейской медицине для лам¹², получив широкое признание местного населения.

Последующие консулы, по мере роста колонии в Урге, стремились организовать посто-

¹⁰ Лиштованный Е. И. Монголия в истории Восточной Сибири (XVII–XX вв.). Иркутск, 2001. С. 85.

¹¹ Журнал Особого Межведомственного Совещания, бывшего в С.-Петербурге под председательством Иркутского Генерал-Губернатора, Егермейстера Л. М. Князева, по русско-монгольским делам. С. 32–33.

¹² Единачова Н. Е. Русское консульство в Урге и Я. П. Шишмарев. Иркутск, 2008. С. 59.

янную медицинскую помощь и периодически ходатайствовали перед МИД об открытии больницы¹³. Первые доктора, работавшие в городе на постоянной основе, прибывали в столицу Монголии вместе с военными отрядами, направленными в Китай в ходе подавления «боксерского» восстания и русско-японской войны, но оставались в Урге недолго. Только в 1903 г., когда за четыре месяца в городе умерло более 1500 монголов и около 300 китайцев, заболело множество российских подданных, 7 из которых скончалось, российское правительство удовлетворило очередное ходатайство консула об учреждении должности врача¹⁴. Прием велся как для русских колонистов, так и для местных властей, китайских солдат, простых монголов. Кроме лечебной, врачи, в разное время прибывавшие в страну, вели санитарно-просветительную работу, способствовали уборке нечистот в городах, привлекая к этому русских поселенцев¹⁵. Примером отклика на призыв присоединиться к оспопрививанию монголов является деятельность семьи торговца А. В. Бурдукова в Западной Монголии¹⁶.

С организацией новых консульств в середине 1900 — начале 1910-х гг. для проблемы здравоохранения в Монголии появлялись новые решения. Консульские фельдшеры в Улясутае и Кобдо, как и их коллеги в Урге, оказывали помощь и русскому и монгольскому населению. В 1906 г. ургинский консул В. Ф. Люба смог добиться одобрения идеи лечения монголов на безвозмездной основе и выделения из казны 4 тыс. р. на постройку лазарета, медикаменты, наем фельдшера¹⁷. Дипломат подчеркивал важность этой меры для «сближения нашего со страной и ее населением и привлечения на нашу сторону народных симпатий»¹⁸.

Постоянный врач у консульства в Урге (С. Цыбыктаров) появился только весной 1909 г. (проработал до 1921 г.)¹⁹. К консульскому врачу обращались больные из всех айма-

ков и округов Монголии и прилежащих к ней регионов, даже Тибета, что укрепило в сознании аратов и знати благоговение перед российской медициной. Доктор С. Цыбыктаров был приглашен для прививания оспы при ямыне маньчжурского амбана²⁰. При финансовой поддержке Русско-Китайского банка и фирмы «Коковин и Басов», С. Цыбыктаров открыл клинику с несколькими отделениями и аптеку с профессиональным провизором. С 1910 г. в медицинском учреждении на деньги Дипломатической миссии в Пекине (2000 р. в год) существовала и бесплатная амбулатория для монголов²¹. Консульство в Урге в 1910 г. предлагало создать казенные амбулатории не только в столице, но и Заин-гэгэн-курене и Цзянь-цзюнь-ван-курене, где проживало большое количество русских²². В Западной Монголии ситуация со здравоохранением была еще более сложной, чем в Урге. Несмотря на то, что консульство в этом регионе было открыто уже в 1909 г., постоянный врач в Улясутае появился лишь в 1913 г.

Учитывая затруднения с государственным финансированием медицинской помощи русским за рубежом, дипломаты в Монголии поддерживали устройство частных больниц (лазареты на Иринских приисках в 1906 г., в Тологойты в 1908 г., в Кударе и Могое в 1913 г.). В 1913 г. Общественное управление в Урге организовало больницу и аптечку. В начале 1910-х гг. фельдшеры и аптечки содержались в Кобдо, Улясутае, Цзаин-Шаби, Хатхыле²³.

После подписания 21 октября 1912 г. соглашения об автономии Монголии правительством России был предпринят ряд мер по улучшению медицинской помощи в разных регионах страны, организацией которой занимались чиновники МИД. В 1913 г. в Ургу и Улясутай отправлены два отряда окулистов²⁴. В 1913–1915 гг. в консульства в Улясутае и Кобдо, военный отряд в Кобдо были назначены врачи и фельдшеры. В то же время, в 1916 г. правительство отказало в выделении недостающей суммы (4,0–4,5 тыс. р.) на постройку больницы, которую под руководством консульства строила

¹³ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 589. Л. 4–5.

¹⁴ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 181.

¹⁵ Даревская Е. М. Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX веков. Иркутск, 1994. С. 128.

¹⁶ Бурдуков А. В. В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма. М., 1969. С. 374.

¹⁷ Свечников А. П. Русские в Монголии. СПб., 1909. С. 26–27.

¹⁸ Даревская Е. М. Сибирь и Монголия. С. 121.

¹⁹ Сибирский торгово-промышленный ежегодник. СПб., 1913. Отд. IV. С. 491.

²⁰ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 599. Л. 35.

²¹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 13–19. Л. 19.

²² АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 133.

²³ Даревская Е. М. Сибирь и Монголия. С. 128.

²⁴ Труды совещания по вопросам о развитии торговых сношений с Монголией, созванного иркутским генерал-губернатором егермейстером Л. М. Князевым в декабре 1912 — январе-феврале 1913 г. Иркутск, 1913. С. 80.

колония в Улясутае²⁵. В отсутствие надлежащего медицинского обслуживания, население Северо-Западной Монголии вновь оказалось беспомощным перед эпидемией оспы в январе 1916 г.²⁶ Таким образом, российская медицина, доказав свою продуктивность в привлечении симпатий кочевого населения, не была использована правительством для укрепления позиции «русского имени» в этой стране в полной мере.

Оказание ветеринарной помощи стало одним из наиболее значимых направлений российской политики по укреплению позиций в Монголии²⁷. Начало этой деятельности было положено в 1901 г., когда российское правительство отправило в Ургу ветеринара А. П. Свечникова для произведения прививок от очередной эпидемии чумы, свирепствовавшей в степи. Благодаря ургинскому консулу Я. П. Шишмареву появилась идея производить прививки монголам и их скоту, а в 1903 г. с помощью консула врач А. А. Дудукалов открыл первую в Монголии ветеринарно-противочумную станцию²⁸. После первого опыта массового прививания монгольского скота весной-осенью 1910 г. Я. П. Шишмарев призвал правительство взять на себя расходы по организации противочумной станции в Монголии для снижения издержек в торговле сырьем и скотом²⁹. Консул поддержал идею ветврачей о пользе приготовления противочумной сыворотки в Урге, и осенью 1910 г. выделил участок в 9600 кв. м между консульством и Маймаченом для скотного двора и лаборатории филиала Читинской противочумной станции³⁰, которая оказалась очень востребованной³¹. Наряду с этим, консулы в Урге, Улясутае контролировали работу российских экспедиций, прививавших животных. После подписания российско-монгольского соглашения 1912 г. обсуждалась идея прикрепления к каждому консульству в Монголии по ветеринарному врачу, а также учреждения

на российские средства сети ветпунктов по всей стране. Ургинское правительство отказалось от данного предложения, расценивая его как угрозу экономической безопасности Монголии. В 1913 г. генконсул А. Я. Миллер поддержал ходатайство врачей Читинской станции о создании в Урге постоянного ветеринарного пункта с лабораторией и квартирами³² и способствовал распространению информации о заразных болезнях скота через столичный журнал «Шинэ-толи». А. Я. Миллер также принимал попытки объединения ветеринарных служб Восточной Сибири и Монголии, но и этот проект не был реализован³³, и прививание продолжалось отдельными экспедициями.

Несмотря на то, что не все проекты в области медицины и ветеринарии, предложенные консульствами и русскими поселенцами, были реализованы, результатом мероприятий в этой сфере стало значительное снижение падежей скота и углубление симпатий монгольских аратов и аристократии к русским. Одним из важнейших эффектов от популяризации российской медицинской помощи с точки зрения культурной дипломатии было то, что, как писал генконсул А. А. Орлов, она способствовала эмансипации монголов от суеверий, внушаемых ламством, и отказу от «стремления населения обеспечить своим детям безбедное тунеядческое существование»³⁴.

Особое значение в ходе реализации «культурной миссии» в Монголии консульства придавали просвещению, ознакомлению с достижениями русской культуры не только соотечественников, но и местного населения. По согласованию с маньчжурскими властями в 1864 г. консулом Я. П. Шишмаревым была открыта школа переводчиков, которая в 1884 г. получила официальный статус. Подготовка переводчиков восточных языков была важным шагом на пути преодоления языкового барьера в коммуникации российских подданных с монгольским, китайским, тюркским населением городов китайского приграничья, развитию «зон конвергенции» во взаимодействии двух империй.

Вторым серьезным образовательным проектом консульства в Урге было создание в 1908 г. трехклассной русской школы с программой Министерства народного просвещения, в которой обучалось 20 детей. В целях по-

²⁵ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623. Л. 183–184, 190.

²⁶ Сибирская жизнь. 15 января 1916. № 22. С. 1.

²⁷ Журнал Особого Межведомственного Сопределения, бывшего в С.-Петербурге под председательством Иркутского Генерал-Губернатора, Егермейстера Л. М. Князева, по русско-монгольским делам. С. 32–33.

²⁸ Даревская Е. М. Сибирь и Монголия. С. 100.

²⁹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 119.

³⁰ Там же. Л. 117 об.

³¹ Там же. Л. 118.

³² Даревская Е. М. Сибирь и Монголия. С. 106.

³³ Там же. С. 111.

³⁴ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623. Л. 181 об.

пуляризации российского образования, консул предлагал принимать на учебу детей влиятельных монголов³⁵, чего удалось добиться только в 1913 г. консулу А. Я. Миллеру.

В целях развития торговых контактов и дела просвещения в Монголии, консульства предлагали государству инвестировать в обучение монгольской молодежи. Незнание монголами русского языка являлось причиной многих недоразумений в торговых отношениях³⁶. Несмотря на сопротивление ламаистской церкви светскому просвещению, еще в мае 1894 г. Я. П. Шишмарев, заручившись поддержкой ургинских амбаней, ходатайствовал через посланника перед Цзунли-ямынем об учреждении в Урге языковой школы для молодых монголов³⁷. Проект Я. П. Шишмарева был одобрен пекинскими чиновниками, в том числе, Ли Хунчжаном, но не получил финансирования амбаней³⁸. После переворота 1911 г. деятельность по созданию школы русского языка и перевода возобновилась с подачи МИД Монголии. Консульство в краткие сроки предложило Поверенному в делах в Пекине смету расходов по школе (3 тыс. р. на 6 учеников в год)³⁹. Реализация проекта школы началась В. Ф. Любой и специально уполномоченным И. Я. Коростовцом⁴⁰. Летом 1912 г. интернат для шести монгольских стипендиатов и приходящих учеников был открыт. В условиях недостатка финансов МИД Монголии не раз обращался к специалистам консульской школы для организации работы первой монгольской общеобразовательной школы (основана 24 марта 1912 г.). Консульством в Урге и известным монгольским просветителем Ц. Ж. Жамцарано также предпринималась попытка отправить группу монголов в учебные заведения Иркутска, но ургинское правительство не смогло оплачивать их учебу⁴¹.

³⁵ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 53 об.

³⁶ Ровинский П. А. Мои странствования по Монголии // Вестник Европы. № 7. 1874. С. 286–287.

³⁷ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 267 об.

³⁸ Даревская Е. М. Сибирь и Монголия. С. 146–147.

³⁹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 57–57 об.

⁴⁰ Директором школы был интеллигентный бурят Ц. Ж. Жамцарано, бывший преподаватель Петербургского университета, редактор первой монгольской газеты. Учителем школы также был бурят Н. Т. Данчинов. Консульскую школу оканчивал будущий лидер революции Чойбалсан.

⁴¹ Коростовец И. Я. От Чингисхана до Советской Республики. Улан-Батор, 2004. С. 218.

Императорские консульства служили важными центрами российско-монгольского информационного обмена. Получая газеты, журналы, агентские телеграммы из России, дипломаты и предприниматели знакомили с ними власти и население Монголии. Книги, журналы, альбомы, в том числе, по медицине, географии, истории, карты консул в Урге выписывал из России для самого богдо-гэгэна и других лам. До 1910-х гг. администрация и население страны в информационном отношении существенно зависели от российских подданных. Например, большую часть оперативных сводок с фронтов китайско-японской войны 1894–1895 гг. амбани в Урге получали из российского консульства. Обмен информацией между русскими и монголами усилился в период освободительного движения в Монголии (1911–1915). Возрос интерес монголов к образованию, углублению знаний о соседних странах. Монгольская интеллигенция стала активно использовать прессу приграничных регионов России в целях общения с «северным соседом» — предупреждения сибирского населения об эпидемиях и природных бедствиях в пограничной зоне, рекламы товаров.

В период автономии Монголии, благодаря стараниям консульств и русского купечества, в городах оживилась культурная жизнь, в которую интегрировались и монголы. В Урге и Улясутае на средства торговцев и при поддержке консулов А. Я. Миллера и А. А. Вальтера были организованы библиотеки-читальни⁴², которые посещало и местное население. Усовершенствовалась система доставки российской литературы и периодики в монгольские города (выписывалось более 20 наименований журналов и газет)⁴³. В это время русский клуб в Урге, открытый в 1903 г., освоил новые направления просветительской и рекреационной деятельности⁴⁴. В 1915 г. в Урге были созданы хор певчих и оркестр струнных инструментов, проводились публичные лекции с участием

⁴² Даревская Е. М. Сибирь и Монголия. С. 163–164. По данным А. В. Бурдукова, в Улясутае библиотека насчитывала до 1000 томов, оформлена подписка на 30 периодических изданий (Бурдуков А. В. В старой и новой Монголии. С. 378).

⁴³ Майский И. М. Современная Монголия. Иркутск, 1921. С. 92; Даревская Е. М. Сибирь и Монголия. С. 158–159.

⁴⁴ В клубе имелась сцена, бильярд, казачий оркестр балалаечников, устраивались танцы под граммофон и любительские спектакли (АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 868. Л. 3.).

чинов консульства, врачей, учителей, есаула консульского конвоя⁴⁵. Предпринималась даже попытка создать монгольский оркестр под управлением русского капельмейстера, однако проект реализовать не удалось. К 1919 г. у клуба появилось собственное двухэтажное здание⁴⁶. Управляющий консульством В. Н. Лавдовский летом 1911 г. добился разрешения на открытие в Урге кинематографа, ставшего одним из любимых развлечений русских, монголов и китайцев⁴⁷. В период работы А. Я. Миллера в Урге при консульстве имелась типография, издававшая популярные журналы на монгольском языке, в том числе, журнал «Шинэ-толи» («Новое зеркало»), посредством которых не только популяризировался монгольский язык, но и оказывалось «нравственное воздействие» на монголов. Вышеописанная деятельность русского сообщества в Монголии имела большое культурное значение для местного населения, которое, невзирая на неодобрение ламством получения «светских» знаний, проявляло все больший интерес к достижениям европейской цивилизации.

Эффективным средством привлечения симпатий монгольского населения к России и христианским ценностям была организация консульствами благотворительной деятельности. Для помощи беднякам, старикам и больным консульство использовало как частные, так и государственные источники. Так, в 1896–1898 гг., отмеченные затяжными зимами и бескормицей, в Урге был организован сбор средств для покупки шуб для детей из неимущих семей, раздачи мяса и кирпичного чая в первые дни монгольского Нового года. К «благому делу» консульство привлекало всех возможных спонсоров⁴⁸. В 1897–1898 гг. консульство устроило бесплатную столовую для 40 бедняков и больных на сумму 1200 р.⁴⁹ Финансовая поддержка монголов правительством России заключалась в оплате медицинской помощи врачом консульства, а также периодической выдаче пособий особо нуждавшимся. При консуле Я. П. Шишмареве была заведена традиция финансо-

вой помощи монгольским казенным почтовым станциям⁵⁰, несмотря на то, что по трактатам российские чиновники могли пользоваться ими бесплатно. С 1869 г. по ходатайству консульства в Урге генерал-губернатор Восточной Сибири периодически испрашивал в Министерстве внутренних дел по 1500–1800 р. для дополнительного вознаграждения монгольских станций (примерно по 150 р. на каждую), что расценивалось как добродетельный поступок со стороны российского правительства⁵¹. В 1908 г. по ходатайству консульства в Урге Россия выделила крупную сумму на помощь монгольским станциям, пострадавшим от стихийных бедствий⁵².

Формированию положительного образа России и «русского» в глазах монголов способствовала и работа по контролю за нравственным обликом русской колонии, воспитанию у поселенцев уважения и интереса к истории, природе, традициям и обычаям страны пребывания. Дипломатические сотрудники, в меру сил, следили за чистоплотностью купечества, выявляя случаи обманов монгольских покупателей, боролись с «суровыми» развлечениями, характерными для некоторых торговцев⁵³. С подачи консульских служащих многие русские торговцы увлеклись изучением Монголии, собирали коллекции древностей, поддерживали русских путешественников, знакомили монголов с русской культурой. Представители факторий в Урге, Улясутае, Кобдо, Шара-Сумэ, а также других центров русской торговли (Уланком, Ван-Хуре, Цзаин-Шаби) проявляли заботу о монголах, не только помогая в прививании населения и скота во время эпидемий, но и способствуя их трудоустройству и получению дополнительного заработка посредством найма для перевозки чая, работ на заимках и приисках. Доверительные отношения монголов и русских, сложившиеся со временем, укрепляли российское влияние в степной стране. Содержание, положительный характер этого взаимодействия и его очевидный контраст с монголо-маньчжурскими отношениями, во многом, повлияли на решение монголов искать содействия «северного соседа» в реше-

⁴⁵ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623. Л. 186.

⁴⁶ Даревская Е. М. Сибирь и Монголия. С. 170.

⁴⁷ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 23.

⁴⁸ Проезжавший в июне 1897 г. по Монголии князь Э. Э. Ухтомский передал для этих целей консульству более 1000 р. (АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 561).

⁴⁹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 561 об. — 562.

⁵⁰ Уртонная служба являлась формой государственной повинности монголов.

⁵¹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 425 об.

⁵² АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 69.

⁵³ Единачова Н. Е. Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921 гг.). Иркутск, 2003. С. 196–197.

нии вопроса о получении автономии в начале 1910-х гг.

Таким образом, во второй половине XIX — начале XX вв., культурная дипломатия имела существенное значение для создания положительного образа России в Монголии и многовекторного развития российско-монгольских связей на официальном, региональном и локальном уровнях. В изучаемый период ключевую роль в формировании привлекательного имиджа государства и российской культуры в степной стране сыграли заграничные представительства России, работавшие на данном направлении в тесном сотрудничестве с российскими предпринимателями, приграничным населением и местными администрациями.

Деятельность российских дипломатов, невзирая на многочисленные трудности, сопряженные с ее реализацией (препоны маньчжурских и республиканских властей Китая, скудное финансирование и недооценка правительством важности гуманитарных инициа-

тив, экзотические климатические и культурные условия службы и пр.), существенно способствовала установлению прочных политических контактов России с Монголией, преобразованию простого товарного обмена через границу во вполне цивилизованные экономические связи, а также проецированию на Монголию российского культурно-духовного влияния. Положительными эффектами ее также стали социально-культурная конвергенция приграничных регионов двух стран, популяризация знаний о «южном соседе» в России, рост производительных сил Монголии страны и «открытие» последней окружающему миру.

Достижения российской культурной дипломатии оказались весьма значимыми для формирования «особых» отношений России и Монголии на долгосрочную перспективу, и, как показал опыт последующих периодов, инструменты и принципы дипломатии «второй дорожки» обладают значительным потенциалом для укрепления взаимодействия и взаимопонимания двух стран и культур.

МОНГОЛИЯ В РУССКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ 1905–1917 ГОДОВ

Современные историки придерживаются двух точек зрения на приоритеты дальневосточной политики Российской империи после русско-японской войны. Одни авторы склонны считать, что Россия была заинтересована в сохранении статус-кво в международных отношениях, сложившихся после подписания Портсмутского мира, для того, чтобы как можно меньше «отвлекаться» от дел европейских¹. Другими высказывается мнение, что Российская империя после поражения в войне активизировала дальневосточное направление внешней политики и «стремилась усилить свои позиции на Дальнем Востоке за счет переориентации Японии на дальнейшее нарастание конфликта с США»². В любом случае, объективно история дальневосточного направления внешней политики Российской империи в указанный период неразрывно связана с историей развития международных отношений (прежде всего, японо-американских, японо-китайских) в этом регионе.

Анализ поставленной в заглавии статьи проблематики следует начать с того, что в историографии круг проблем, связанных с исследованием роли и места Монголии в русско-японских отношениях в рассматриваемый период, как правило, несколько упрощается и схематизируется. Прежде всего, стоит обратить внимание на то, что обозначение территориальных рамок исследования понятием «Монголия» весьма условно и включает в себя Внешнюю Монголию, Внутреннюю Монголию, Баргу, Урянхайский край и Кобдосский округ, за весь рассматриваемый период так ни разу и не собранные воедино. Хотя в историографии встречается мнение о том, что русско-монгольские отношения возникли именно в период первых лет после русско-японской войны 1904–1905 гг.³, фактически же до 1912 г.⁴ Мон-

голию мы можем рассматривать лишь как объект русско-японских и отчасти русско-китайских отношений.

В этом качестве в указанный период Монголия, входившая до 1911 г. полностью в состав Цинской империи, рассматривалась в комплексе с Маньчжурией. Так, например, в Русско-японском общеполитическом соглашении, подписанном в Петербурге 17 (30) июля 1907 г., ключевое место занимала именно Маньчжурия⁵. Однако в этом же дипломатическом документе Японское правительство признавало «во Внешней Монголии специальные интересы России»⁶. Таким образом, после подписания секретной части соглашения 1907 г., фактически не разграниченными оставались только «интересы» России и Японии во Внутренней Монголии. Однако в японоведческой исторической литературе встречается мнение, что «обособившаяся в ходе революции от Китая Внешняя Монголия (современная МР) оказалась под контролем России, что создавало новый источник трений с Японией, стремившейся закрепиться там. В итоге Токио отказался от претензий на Внешнюю Монголию, а разграничение сфер влияния во Внутренней Монголии было закреплено секретной конвенцией, подписанной Сазоновым и Мотоно 8 июля 1912 г.»⁷. Это утверждение противоречит данным дипломатических документов (русско-японских соглашений 1907, 1910 и 1912 гг.), однако можно предположить, что авторы «Истории Японии» в своих суждениях опирались не только на тексты опубликованных и секретных русско-японских дипломатических актов, но и на документы, отражавшие преваляровавшие в то время течения в японской общественной мысли. Многие милитаристски настроенные японские политические деятели были склонны считать не только Южную Маньчжурию и Восточную Внутреннюю Монголию сферой своих

истории межправительственное русско-монгольское соглашение (История Монголии. XX век / отв. ред. Г. С. Яскина. М., 2007. С. 38).

⁵ См: Договор секретный. Ст. 1. URL: <http://state-history.ru/1952/Drugie-sekretnye-protokoly-Sekretnye-prilozheniya-k-russko-yaponskim-konventsiam-1907-1916-godov/>.

⁶ См.: Там же. Ст. 3.

⁷ Молодяков В. Э., Молодякова Э. В., Макарян С. Б. История Японии. XX век. М., 2007. С. 42.

¹ Макаруч О. И. Американско-японское соперничество на Дальнем Востоке в контексте международных отношений начала XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.15. М., 2010. С. 45.

² Мартышкин С. А. Россия и американско-японский конфликт начала XX в. // Вестник СамГУ. 2012. № 5. С. 148.

³ Дорждэрэм А. Этапы и правовое содержание реформирования государственной службы Монголии. URL: law-n-life.ru/arch/152/152-13.doc.

⁴ 3 ноября 1912 г. в Урге было подписано первое в

специальных интересов, но и Внешнюю Монголию тоже. Этот вопрос достаточно широко освещен в советской исторической литературе. Как только Внешняя Монголия заявила о своей независимости, японские «империалисты» (именно так правящие круги Японии назывались в советской историографии) тут же предложили царскому правительству пересмотреть условия русско-японского соглашения 1910 г. и определить сферы влияния и во Внешней Монголии тоже. Однако царское правительство отказалось от такого варианта разграничения⁸ и, в итоге, секретная русско-японская конвенция, подписанная в Санкт-Петербурге 25 июня 1912 г., коснулась лишь Внутренней Монголии⁹ — Внешняя Монголия формально осталась сферой специальных интересов Российской империи. Однако японских предпринимателей вовсе не останавливали дипломатические соглашения и конвенции: в частности, в исследуемый период «японский капитал активно проникал в Северную Маньчжурию, где японские монополии открыли свои офисы и отделения банков»¹⁰.

В целом ряде работ по истории русско-японских отношений рассматриваемого периода, а также по истории Японии и истории России, о событиях, происходивших на территории Монголии, либо не упоминается вообще, либо говорится вскользь. Как правило, история дипломатического взаимодействия России и Японии в Восточной Азии исследуется без привязки к историческим событиям, имевшим место на территориях, включаемых в сферы специальных интересов двух Империй. Потому специалисты-японоведы, зачастую, не обращаются к истории национально-освободительного движения монголов и попыткам Китая удержать в составе своей империи монгольские территории. Между тем, дополнение «сухой» истории русско-японских отношений фактами из истории налаживания русско-монгольских и китайско-монгольских отношений, из истории борьбы монгольского народа за самоопределение, за место в мировой политике, за право участия

в международных отношениях, помогает прояснить и иначе переоценить целый ряд моментов из истории международных отношений на Дальнем Востоке. Так, например, весьма показательным представляется следующий факт. Когда в августе 1911 г. борющаяся за самостоятельность и пытавшаяся занять свою нишу в системе международных отношений Внешняя Монголия тайно направила в Петербург делегацию с цинь-ваном Ханддоржем во главе, Российской империи были выдвинуты весьма заманчивые предложения, от которых она, казалось бы, не должна была отказаться. России предлагалось «стать куратором» объединения Внешней, Внутренней Монголии и Барги. Таким образом, Российская империя формально получала «легитимную возможность отреагировать на обращение Урги, но в строго очерченных пределах своей компетенции, определенной соглашениями с Японией и Великобританией. Согласно этим соглашениям, Россия включала в сферу своего влияния из монголоязычных и ламаистских регионов Китая только Внешнюю Монголию, Баргу и Урянхайский край и была ограничена обязательством не нарушать целостность Китая»¹¹. Как следствие из выше изложенного, царское правительство не смогло взять на себя ответственность и нарушить достигнутые ранее договоренности с мировыми державами по разделу сфер влияния в Китае, поэтому монголам было рекомендовано вести себя более умеренно и постараться достичь консенсуса с Китаем. И хотя в правящих кругах Российской империи находились лица, призывавшие воспользоваться ситуацией и активизировать свою внешнюю политику в отношении Монголии вплоть до включения Монголии в состав российской империи¹², царское правительство твердо придерживалось обозначенных выше позиций, пытаясь выступать посредником в переговорах между Ургой и Пекином даже после провозглашения независимости Монголии.

Исходя из того, что к началу XX в. Монголия уже более трех веков (пусть и на особых правах) входила в состав Цинской империи, ослабленные внутренними и внешними противоречиями официальные власти Китая вовсе не собирались сложить руки наблюдать за тем, как Россия и Япония делят на сферы влияния то, что, как считали Китайские власти, принадлежало им

⁸ Очерки новой истории Японии (1640–1917) / под ред. А. Л. Гальперина. М., 1958. С. 460.

⁹ См.: Секретная русско-японская конвенция. Ст. 1–2. URL: <http://statehistory.ru/1952/Drugie-sekretnyeprotokoly-Sekretnye-prilozheniya-k-russko-yaponskim-konventsiam-1907-1916-godov/>.

¹⁰ Макачук О. И. Японская агрессия в Южной Маньчжурии: причины и следствия // Право и жизнь: независимый научно-правовой журнал. 2008. Вып. 120. С. 292.

¹¹ История Монголии. XX век / отв. ред. Г. С. Яскина. С. 30.

¹² Брацун Е. Монголия в политике России на Дальнем Востоке. URL: <http://www.proza.ru/2010/04/27/526>.

по праву. Китай, насколько мог, проводил этнографическую, культурную и экономическую оккупацию Монголии путем организации массового переселения китайцев на монгольские земли: «...численность наезжавших на сезонные промыслы [китайских. — А. Г.] торговцев, рабочих и ремесленников была внушительной и составляла вместе с осевшими в стране земледельцами приблизительно 100 тыс. человек... Если земледельцы довольно мирно вписывались в ландшафт вместе с монгольскими кочевниками-скотоводами, то остальная часть колонистов по своей функции и структуре представляла собой массу временщиков, призванную расчистить путь для тотального заселения страны китайцами»¹³. Таким образом, Цинское правительство, не допущенное Россией и Японией на дипломатическом уровне к участию в решении судеб Монголии и Маньчжурии, проводило активную политику по удержанию этих территорий экономическими и культурно-этнографическими способами и средствами. Только правительство Юань Шикая смогло убедить Россию при проведении своего политического курса в Северо-Восточной Азии считаться с мнением Китая на уровне международной дипломатии. Ярким свидетельством тому являются Русско-китайская декларация 1913 г., провозглашавшая автономию (а фактически ограничивавшая независимость) Монголии и признававшая сюзеренитет Китая над Монголией, и подтвердившее автономный статус Монголии тройственное русско-китайско-монгольское Кяхтинское соглашение 1915 г.¹⁴ Что же касается Японского правительства, то оно до конца мировой войны отказывалось признавать Китай в качестве субъекта международных отношений.

Однако, как показало дальнейшее развитие исторических событий, царская дипломатия оказалась сложнее, чем могло показаться китайскому республиканскому правительству. Уже на следующий год между Россией и Японией был заключен секретный союзный дого-

вор, который по праву можно считать венцом развития русско-японских отношений в исследуемый период. Во вступительной части акта говорится о том, что его статьи «предназначены дополнить» русско-японские соглашения и конвенции 1907, 1910 и 1912 гг. В то же время в тексте договора речь уже идет не о Монголии, Маньчжурии и или других отдельных территориях — условия договора распространяются на Китай в целом, мыслимый в качестве объекта русско-японских отношений¹⁵. Хотя, в отличие от предыдущих дипломатических актов, в союзном договоре не прописаны границы сфер влияния или специальных интересов России и Японии в Китае, но из контекста первой же статьи договора вытекает то, что не только северо-восточные районы, но и весь остальной Китай признается сферой только русских и японских «жизненных интересов», требующих, «чтобы Китай не подпал владычеству какой-либо третьей державы»¹⁶. Договор был направлен, прежде всего, против Соединенных штатов, активно покушавшихся на «жизненные интересы» Японии и России в Китае.

Русско-японские отношения в плане раздела сфер влияния и соблюдения специальных интересов в Маньчжурии и Монголии в исследуемый период не могли складываться и развиваться обособленно от совокупной системы международных отношений на Дальнем Востоке, в которых принимали активное участие все мировые державы, имевшие интересы в этом регионе и, в частности в Китае. В Монголии же в исследуемый период шла борьба за независимость и национальное самоопределение. На фоне становления государственности только начиналась дипломатическая деятельность ургинского двора по включению страны в систему международных отношений не как объекта, но в качестве субъекта, пытавшегося определять свои приоритеты во внешней политике и, придерживаясь их, выстраивать линию поведения в отношении мировых держав и Китая.

¹⁵ См.: Секретный русско-японский (союзный) договор. URL: <http://statehistory.ru/1952/Drugie-sekretnye-protokoly-Sekretnye-prilozheniya-k-russko-yaponskim-konventsijam-1907-1916-godov/>.

¹⁶ Там же. Ст. 1.

¹³ История Монголии. XX век / отв. ред. Г. С. Яскина. С. 24.

¹⁴ Там же. С. 40–43.

П. А. БАДМАЕВ И «ТИБЕТСКИЙ ВОПРОС»: ХАРАКТЕР ОТНОШЕНИЙ С АГВАНОМ ДОРЖИЕВЫМ И ГОМБОЖАБОМ ЦЫБИКОВЫМ

Петр Александрович Бадмаев (1851–1920) — известный врач тибетской медицины, общественный и политический деятель Забайкалья и России.

Жамсран (Жамцаран) или Петр Александрович Бадмаев родился в 1851 г. в местности Таптанай в Забайкалье. Благодаря заслугам старшего брата ламы-эмчи Сультама (А. А. Бадмаева), он получил возможность обучения в Иркутской гимназии (1864–1870), которую он окончил с золотой медалью. В Санкт-Петербурге он получил два высших образования: востоковедное (восточный факультет Санкт-Петербургского университета) и медицинское (Медико-хирургическую академию), 17 лет служил в Азиатском Департаменте МИД России и получает высокий титул действительного статского советника. В 1893 г. пишет Записку на имя императора Александра III с известным Азиатским проектом и получает после сложных переговоров 2 млн р. на его реализацию. Позднее его поддерживает и российский император Николай Второй, но в 1896 г. произошло прекращение финансирования Проекта и завершение деятельности Азиатского проекта. Строительство КВЖД пришло в противоречие с проектом П. А. Бадмаева и его финансирование и реализация. П. А. Бадмаев играл большую роль в формировании восточной политики России, защите национальных интересов бурятского этноса в Забайкалье. Его политическое влияние в Петербурге приводило к формированию своеобразного политического кружка П. А. Бадмаева, его влиянию на назначение министров и других политических и государственных назначений. Его влияние усиливалось и лечением методами тибетской медицины, особенно лечением наследника Алексея и влиятельных сановников.

Вклад П. А. Бадмаева в российскую науку, культуру, общественную жизнь России очень весом и значителен:

1. П. А. Бадмаев основал и издавал первую в России газету на монгольском языке в Чите «Жизнь на восточной окраине» (газета издавалась параллельно на двух языках: русском и монгольском).

2. Он первым в мире и России перевел на русский язык и издал трактат тибетской медицины «Жуд-ши».

3. Оказал серьезную материальную и организационную поддержку строительству буддийского храма в Петербурге в начале XX в.

4. Первым разработал проект трансмонгольской железной дороги, построенной только полвека спустя.

5. Первым из бурят стал членом масонского общества «Маяк», играл в Петербурге важную роль защиты интересов бурят в России и Забайкалье.

6. Первым из бурят получил два высших элитных образования в Петербурге, публиковал книги по геополитике России на Востоке, в Китае и Тибете, публиковал публицистические работы на важные политические события.

7. П. А. Бадмаев пользовался большим политическим влиянием в столичном Петербурге, влиял на политические и государственные назначения.

В изучении творческой биографии П. А. Бадмаева и его многогранной деятельности в российской историографии существует три основных линии.

Первая линия в российской историографии — негативная, очернительская и клеветническая. Она возникла при его жизни и существовала до начала 90-х гг. XX в., сохранилась в незначительном виде и в современной литературе и культуре. Критика его медицинской практики в начале XX в., конкуренция с европейской медициной вызвали первую волну критики, которая нашла отражение в российской периодической печати, центральной и региональной. Его критиковали не только представители медики, но и православные священники, видя в нем защитника буддизма и шаманизма. В советской исторической и художественной литературе длительное время тиражировался образ П. А. Бадмаева, как политического авантюриста и дилетанта. По нашему мнению, она не соответствует действительности и постепенно сходит почти на нет.

Второе направление в российской историографии — идеализация жизни и деятельности Петра Бадмаева. Невероятно большая заслуга бурятских ученых: профессоров Ш. Б. Чимитдоржиева, Р. Е. Пубаева, писателя и родственника П. А. Бадмаева Бориса Сергеевича Гусева в 1990-е — 2000-е гг. восстановили доброе имя врача тибетской медицины П. А. Бадмаева, его

вклад в образование и науку, внешнюю политику России в Северо-Восточной Азии.

К сожалению, на определенном этапе исследования его деятельности начался не критический подход в оценке событий жизни изучаемого известного бурятского деятеля и его идеализация, и даже создание определенного культа Петра Бадмаева в общественной мысли Бурятии и периодической печати, Интернете.

Третье направление в современной историографии наименее малочисленное. Оно началось формироваться еще в 20-е гг. XX в., известной работой В. П. Семенникова, опубликовавшим очерк о П. А. Бадмаеве и сборник документов «За кулисами царизма». В современной российской историографии опубликовано незначительное число научных статей, основанных на документах и исторических источниках, серьезном и критическом анализе исторических источников (Ж. Т. Тумунов, И. В. Лукоянов, Ю. В. Кузьмин).

Интерес П. А. Бадмаева к Тибету определялся изучением тибетской медицины, поиском новых медицинских источников и уточнением состава медицинских препаратов. Его внешнеполитическая концепция значительное место уделяла «тибетскому вопросу», как своеобразному ключу к центру буддийского мира¹. В проблеме отношения П. А. Бадмаева к «тибетскому вопросу» пока много неясного и неизвестного. Его биография плотно пересекается с ключевыми фигурами русско-тибетских связей: А. Доржиевым, Г. Цыбиковым, Б. Рабдановым, Э. Э. Ухтомским.

П. А. Бадмаев и А. Доржиев, как это ни странно покажется на первый взгляд, некоторым образом внешне их биографии схожи. Они земляки — забайкальские буряты, А. Доржиев — галзутского рода (родился в 1854 г.), другой — рода хаоцай (1851). П. А. Бадмаев достиг блестящей карьеры в столице Российской империи, стал действительным статским советником и влиятельным политиком, А. Доржиев — Тибете, в Лхасе. Оба стремились установить более тесные отношения между Россией и Тибетом, подходы их в данной проблеме существенно различались. Многие их отличает: А. Доржиев стремился к моральному и нравственному совершенствованию, П. А. Бадмаев — к материальному успеху и служебной карьере.

¹ Кузьмин Ю. В. Доктор П. А. Бадмаев: ученый, дипломат, предприниматель. М., 2014. 183 с.; Кузьмин Ю. В. Восточные проекты П. А. Бадмаева. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006. С. 73.

Во второй половине XIX — начале XX вв. Тибет манил к себе буддистов, путешественников и военных разведчиков. Закрытость Тибета, его неизученность и неизвестность еще больше разжигали интерес к этой таинственной стране, ее народу, культуре и обычаям. Буддийские монастыри Тибета и Лхасы — резиденцию Далай-ламы ежегодно посещали тысячи религиозных паломников, часть из них подолгу задерживались здесь, получая религиозное образование и совершая различные обряды. Среди них были и паломники из России — бурятские и калмыцкие ламаисты. Здесь они не только присутствовали на религиозных праздниках, но и приобретали священные буддийские книги, трактаты по философии и медицине.

Привлекал к себе Тибет и географов и путешественников, манил своей неизведанностью и «белыми пятнами» географии и геологии страны. Их не пугали трудности пути, многомесячные преодоления горных хребтов и пустынь. Известные русские путешественники Н. М. Пржевальский, М. В. Певцов, П. К. Козлов основательно исследовали северный Тибет, мечтали побывать в Лхасе, особенно Пржевальский и Козлов. Успешное путешествие в Тибет совершил известный бурятский ученый Г. Ц. Цыбиков.

П. А. Бадмаев был сторонником расширения влияния России в Восточной Азии, он работал и пытался реализовать невероятный план по включению Китая, Тибета и Монголии в сферу влияния России, вплоть до полного включения этих стран в состав Российской империи. Бадмаев обращает особое внимание на Тибет, называя его ключом к Азии со стороны Индии: «Кто будет господствовать над Тибетом, тот будет господствовать и над Кукуном — господствует над всем буддийским миром, не исключая и русских буддистов, а господствуя над Сы-чу-анью — господствует над всем Китаем»².

П. А. Бадмаев выступал за более активную роль России в «тибетском вопросе», чем занимала официальная позиция МИДа. Он считал, что Великобритания стремится овладеть Тибетом и Китаем, поэтому Россия должна не допустить этого и упредить действия конкурирующей стороны.

Российские дипломаты внимательно следили за сообщениями в Тибете и вокруг него. Ценную информацию о «тибетском вопросе» представили Агван Доржиев, Г. Ц. Цыбиков,

² Бадмаев П. А. За кулисами царизма. М., 2001. С. 132.

Б. Барадин, калмык О. Норзунов, побывавшие в Тибете. Великобритания подозревала Россию в намерении в той или иной форме распространить свое влияние на Тибет. Тем более, что в самом Тибете существовала прорусская партия, связывавшая национальное возрождение страны с внешнеполитической поддержкой России. Однако эти надежды не оправдались. Особенно это ярко проявилось в 1904 г., когда Далай-лама бежал в Монголию и искал реальной поддержки со стороны России. Российская дипломатия заняла выжидательную позицию в «тибетском вопросе».

В России были влиятельные политики, заинтересованные в усилении влияния России в Тибете (С. Ю. Витте, Э. Э. Ухтомский, представители военного ведомства). К ним примыкал и П. А. Бадмаев. Агван Доржиев четыре раза (в 1898, 1900, 1901, 1906)³, встречался с царем Николаем II и передавал ему послания Далай-ламы. По мнению А. Д. Цендиной, «в серьезном, практическом смысле основательного присутствия России в Тибете, тем более, военного, не прорабатывались, а в 1905 г. и вовсе были оставлены»⁴.

Позиция П. А. Бадмаева принципиально отличалась от официальной линии МИДа. В одной из записок 1893 г. он писал: «Тибет надо присоединить к России вместе с Китаем и Монголией»⁵. Он считал, что Тибет, как самое высокое плоскогорье в Азии, господствующее над азиатским материком, непременно должно находиться в руках России.

Доктор исторических наук, современный специалист по истории русско-тибетских отношений Н. С. Кулешов утверждает, что в исторической литературе утвердился ошибочный тезис об англо-русском соперничестве в Тибете. По его мнению, нет ни одного свидетельства об экспансии, агрессии или хотя бы заинтересованности России в Тибете. Интерес к Тибету в России, разумеется, имелся.

Постоянный и глубокий интерес Бадмаева к тибетской медицине объективно толкал его в Тибет, в знаменитые тибетские монастыри — хранилища древних медицинских трактатов и прежде всего полного текста «Чжуд-ши».

Перевод медицинских сочинений с тибетского языка на русский осуществлялся, по сви-

детельству современников, многоступенчатым путем: с тибетского на монгольский, с последнего на бурятский и только затем на русский. Возникает естественный вопрос, почему Бадмаев сам не переводил с тибетского и монгольского языков. Как выпускник восточного факультета, Бадмаев должен был хорошо владеть китайским, тибетским, монгольским языками. Однако на практике он обращался к переводчикам.

Известно, что подавляющее большинство известных общественных деятелей и ученых, изучающих Тибет, так или иначе, было связано с П. А. Бадмаевым. Это А. Доржиев, Г. Ц. Цыбиков, Б. Барадин, Б. Рабданов.

Бадмаев определил востоковедную специализацию Г. Цыбикова и нацелил его на изучение Монголии, Китая и Тибета и в какой-то мере определил знаменитую тибетскую экспедицию. П. А. Бадмаев встретил своего молодого земляка Г. Цыбикова уже студентом Томского университета, изучающим медицину. Это был 1893 г. — начало нового этапа в деятельности П. Бадмаева. Время активного освоения и проникновения в соседние с Россией восточные страны, формирования собственного Торгового дома, ориентированного на Китай, Монголию и Тибет. Бадмаев остро нуждался в профессионалах, знающих эти страны. Ему были нужны не просто профессионалы высокого класса, но и люди, которым он мог бы полностью доверять важную информацию и свои практические дела.

Мотивы смены Г. Цыбиковым будущей профессии врача на востоковеда в разных изданиях объясняются по-разному. Одни считают, что Г. Цыбиков разочаровался в медицине, согласно другим данным, он был вынужден отказаться от учебы на медицинском факультете Томского университета по желанию отца и родственников. Автор биографического очерка в двухтомнике сочинений Г. Цыбикова Ц. Б. Цыдендамбаев пишет, что «в этом немаловажную роль сыграл и известный царедворец П. А. Бадмаев, который, будучи проездом в Томске, посоветовал Г. Ц. Цыбикову расстаться с медицинским факультетом, что отвечало желанию самого юного Цыбикова, и посвятить себя востоковедению и дипломатической деятельности на Востоке»⁶.

По нашему мнению, представляется, что предложения Бадмаева сыграли решающую роль в смене профессии. С одной стороны, Бадмаев был чрезвычайно заинтересован в подго-

³ Цендина А. Д. И страна зовется Тибетом. М.: Вост. лит., 2002. С. 199.

⁴ Там же. С. 200.

⁵ Бадмаев П. А. За кулисами царизма. М., 2001. С. 123.

⁶ Кулешов Н. С. Россия и тибетский кризис начала XX в. // Вопросы истории. 1990. № 11. С. 152.

товленных специалистов по Востоку и людей, которым можно доверить информацию не для всех. Ведь не случайно Бадмаев специально заехал в Томск, чтобы переговорить с земляком. С другой стороны, перед Г. Цыбиковым предстал преуспевающий П. А. Бадмаев, как пример возможного успеха в Петербурге. Для молодого человека, избравшего жизненный путь и обучение, блистательная карьера Бадмаева в Петербурге являлись убедительным аргументом.

В дальнейшем их сотрудничество продолжается и укрепляется. После ухода из Томского университета Г. Цыбиков около года проводит в Урге, где занимается изучением монгольского и тибетского языков, бытовой и религиозной культуры ламаистского духовенства. Он совершает путешествие в Западную Монголию, исследовал все имеющиеся в регионе древности и монастыри, сохранился дневник описания этого путешествия. Видимо, деньги на годичное пребывание в Монголии были получены от П. А. Бадмаева. Писатель Б. Гусев называет сумму в 100 р., выделенную для поездки. Это была своеобразная стажировка перед поступлением в университет, полезная и необходимая для более глубокого познания восточного общества. Опубликован дневник этой поездки, к сожалению, не сохранились первые страницы дневника, в которых объяснялись цели поездки.

В дальнейшем их отношения продолжались самым непосредственным образом. В 1895 г. Г. Цыбиков поступает на китайско-монголо-маньчжурское отделение Петербургского университета, и не просто становится студентом этого престижного университета, а получает стипендию П. А. Бадмаева. Сам переживший трудности в начальный период получения высшего образования в Петербурге, П. А. Бадмаев оказал в нужное время необходимую поддержку. К сожалению, неизвестно, сколько всего стипендий выделил Бадмаев и кто еще пользовался ими. Позднее, за отказ принять христианство, Г. Цыбикову было отказано в материальной поддержке, и он был вынужден обратиться за финансовой помощью к родственникам. Открытым остается вопрос, как разрешался этот конфликт. Легко или тяжело разрешалась данная ситуация? Был ли это разрыв навсегда, или постепенно испорченные отношения возобновились позднее снова. Положение складывалось очень неоднозначное.

П. А. Бадмаев очень удачно определил творческую судьбу своего земляка, нацелив его на серьезное изучение Монголии, Китая и

Тибета. Это направление, этот толчок привели его к знаменитой тибетской экспедиции 1899–1902 гг., результаты которой навсегда обессмертили его имя. Даже разойдясь с П. А. Бадмаевым, Г. Цыбиков объективно выполнил задачу — изучение Тибета, в которой доктор тибетской медицины был чрезвычайно заинтересован. Было бы интересно знать, как П. Бадмаев воспринял результаты экспедиции Г. Цыбикова, встречались ли они друг с другом и что обсуждали. Не исключается, что экспедиция Г. Ц. Цыбикова — часть проекта П. А. Бадмаева. Этот вопрос нуждается, по нашему мнению, в специальном изучении.

Отказ Г. Цыбикова от принятия христианства во всех отношениях оказался разумным и перспективно оправданным. Путешествие, принявшего православное крещение Г. Цыбикова, в закрытую Лхасу было бы невозможным и опасным. Нам представляется, что здесь кроется еще одна тайна, загадка в жизни П. А. Бадмаева. Возможно, отказ от принятия крещения был глубоко продуманный шаг Г. Цыбикова и П. А. Бадмаева (?). Возможно, это только наши предположения, не имеющие реального подтверждения.

По данным профессора Ж. Т. Тумунова из Агинского, П. А. Бадмаев и Г. Ц. Цыбиков были близкими родственниками. Мать П. А. Бадмаева — Монтуханова Пагма была сестрой Монтуева Цыбик, отца профессора Г. Ц. Цыбикова. Поэтому не случайно, в Иркутск молодого Жамсрана сопровождал отец Цыбикова, а П. А. Бадмаев оказал помощь и поддержку студенту Г. Ц. Цыбикову.

Другой ученик гимназии Бадмаева на Поклонной — Б. Барадин совершил путешествие в северный Тибет и составил подробное его описание. Редактор его газеты Б. Рабданов также совершил путешествие в монастыри северного Тибета.

Деятельность Торгового Дома П. А. Бадмаева распространилась и на Тибет. Опорными географическими точками Торгового Дома являлись, наряду с другими восточными городами, Лхаса, буддийские монастыри Лабран и Гумбум. Именно туда Бадмаевым направлялись его бурятские посланцы. Агенты П. А. Бадмаева в 1895 г. побывали в Тибете, встречались с А. Доржиевым. Похоже, что П. А. Бадмаев неплохо был осведомлен о внутренних и международных делах Тибета. Ведь именно в этом году Далай-лама становится правителем Тибета и позиции А. Доржиева довольно серьезно укрепляются.

Возникает естественный вопрос, насколько инициатива П. Бадмаева была самостоятельной. Скорее всего, она была согласована на самом высоком уровне и возможно когда-нибудь будут обнаружены и документы, подтверждающие это.

Как известно, наибольшим влиянием в Монголии, Китае и Тибете пользовались известные ламы: настоятели крупных буддийских монастырей, гегены, хубилганы. Их влияние на местное население, значение в политической и общественной жизни трудно переоценить.

В Забайкалье к П. А. Бадмаеву прибыли известные в буддийском мире гегены: гумбумский — Сертун и лабранский — Жамбасен, сопровождаемые свитой. Они прожили у него 10 дней, высказали свои взгляды на маньчжурскую династию, исламское движение близ Кукунора. Бадмаев пишет: «Я отнесся к ним с доверием и решился воспользоваться их знанием для выполнения своего плана. Сделал им подарки, наградил их слуг, дал в полное их распоряжение верблюдов, лошадей, оружия, патронов и сумму денег для приобретения небольшого недвижимого имущества в Гумбуме и Лабране, которые должны сделаться складными местами для оружия и местонахождения моих посланных»⁷.

Гумбум и Лабран — это не только известные монастыри, но и ближайшие и удобные пункты влияния на Ланчжоуфу.

Среди знаменитых лам выделялся геген Лабрана Няндоксен, который пользуется известностью по всей Монголии, а также у пекинских буддистов. Он пробыл в Забайкалье полгода, дал ценные сведения о положении дел в Кукуноре и Ланчжоуфу, обещал в будущем поддержку влиятельных лам из Лабрана и Гумбума.

В Записке П. А. Бадмаева отмечается и успешная деятельность в Тибете Агвана Доржиева: «В Лхасе у Далай-ламы продолжает иметь влияние бурятский лама Агван, благодаря чему бурятам дозволено проживать там и ездить в Тибет, именуясь подданными белого царя, а ранее они приезжали туда под именем монголов, подданных богдохана»⁸. Историк И. В. Лукоянов на основе архивных материалов (РГИА, ф. 560) пишет: «Доржиев опекал представителя Бадмаева буряты Очира Жигмитова, когда тот нелегально прибыл в Лхасу. Доржи-

ев не был агентом Бадмаева, но поддерживал с ним контакты»⁹.

В. П. Семенников во вступительной статье «Тибетский врач и русская монархия» сборника «За кулисами царизма» писал по этому поводу следующее: «22 апреля 1896 г. Бадмаев сообщил Витте о возвращении из Лхасы посланных туда бурят Жигмитова, Ванчинова и других. Основываясь на словах этих лиц, Бадмаев писал Витте о военных действиях в Тибете англичан, при чем, высказывал мнение, что «очевидно, Англия желает взять Тибет»... Вместе с тем Бадмаев подчеркивал, что — по словам Жигмитова, — «в Тибете на каждом шагу золотые россыпи». Отсюда вытекал и вывод, что «следует теперь же послать туда (в Тибет) 2 тыс. чел., хорошо вооруженных, и помочь тибетцам удержаться. Представляя об этом Николаю, Витте писал: «Приемлю долг всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству, что установлению через посредство торгового дома «П. А. Бадмаев и К°» сношений с столицей Тибета Лхасой я, с своей стороны придаю огромное политическое значение. До сих пор в Лхасу, насколько мне известно, еще не проникала нога европейцев. Смелый и мужественный Пржевальский, пересекший Китай по всевозможным направлениям и не знавший никаких преград своей энергии, должен был отказаться от давно лелеянной им мысли проникнуть в Лхасу, так как встретил настойчивое противодействие со стороны местных властей. Ныне же посланные Бадмаевым буряты, хотя открыто именовали себя русскими подданными, проникли в Лхасу и были там очень ласково приняты»¹⁰. С. Ю. Витте исторически не точен относительно первых европейцев, а также нам кажется сомнительным, чтобы буряты открыто заявляли о российском происхождении и целях своего путешествия. Миссия эта была явно тайной и проходила широкой без огласки.

П. А. Бадмаев обращался к официальным представителям России о награждении А. Доржиева. История взаимоотношений Петра Бадмаева и Агвана Доржиева почти неизвестна, не подтверждается пока документальными материалами. Но заслуживает специального изучения и позволит по-новому осветить историю русско-тибетских отношений. Их биографии несколько схожи, они цельны и целеустремленны, последовательны в своих действиях и по-

⁷ Цыдендамбаев Ц. Б. Вступление // Цыбиков Г. Ц. Избранные труды в двух томах. Новосибирск: Наука, 1991. С. 7.

⁸ Семенников В. П. За кулисами царизма. Л., 1925. С. 105.

⁹ Семенников В. П. За кулисами царизма. Л., 1925. С. 105.

¹⁰ Лукоянов И. В. Восточная политика России и П. А. Бадмаев // Вопросы истории. 2001. № 4. С. 125.

ступках, для них характерно стремление к совершенствованию. Правда, А. Доржиев делал карьеру в религиозной иерархии, а П. А. Бадмаев — в светской.

Сохранилась фотография, сделанная в Петербурге, на которой изображена группа известных бурятских деятелей. В центре фото изображен Агван Доржиев, а рядом с ним, с одной стороны, П. А. Бадмаев, с другой стороны, Ц. Жамцарано. Представляется, что это не случайно, а свидетельство определенной близости отношений и взаимной симпатии.

В автобиографическом повествовании Агвана Доржиева «Предание о кругосветном путешествии» или повествование о жизни Агвана Доржиева» перед его поездкой в Петербург отмечается: «Я получил известия от одного бурятского высокопоставленного лица о том, что я должен ехать в Санкт-Петербург, в связи с чем, я подумал: «Цели, к которым я стремился ранее, могут быть достигнуты сейчас»¹¹. По нашему мнению, речь в данном случае идет именно о П. А. Бадмаеве («одно бурятское высокопоставленное лицо»).

С другой стороны, опубликованный сборник архивных документов в 2005 г. «Россия и Тибет. 1900–1914» не подтверждает участия П. А. Бадмаева в тибетских делах. Ни в одном из опубликованных документах имя Бадмаева не упоминается. Правда, пик его деятельности по тибетскому вопросу относится к более раннему периоду, к концу XX в. Тем не менее, составители сборника документов во введении подробно останавливаются на роли П. А. Бадмаева в тибетском вопросе, описывая на двух страницах его деятельность¹². Некоторые оценки составителей представляют для нас несомненный интерес: «Из этого доклада видно, что Витте не ставил вопроса о присоединении Тибета к России (чего добивался Бадмаев), а лишь стремился противостоять усилию британских позиций в Лхасе. После подписания в 1896 г. по инициативе С. Ю. Витте контракта на строительство КВЖД, предприятие Бадмаева стало мешать планам министра финансов, так как могло обострить русско-китайские отношения и создать конкуренцию. Бадмаев был фактически отстранен от участия в дальневосточных предприятиях Витте. В начале 1898 г. в российской правящей элите оформляется уже новая группировка — так называемая

«безобразовская клика», по имени А. М. Безобразова, дослужившего впоследствии до должности статс-секретаря Николая II. В нее входили князь Александр Михайлович, контр-адмирал Абаза, и др. К этой группе примкнул и П. А. Бадмаев»¹³.

В поездке А. Доржиева в Петербург и Западную Европу сопровождал «человек Бадмаева» Б. Рабданов, что тоже не является случайным. В 1903 г. именно Б. Рабданов был назначен представителем российского консульства в Дацзянлу в Восточном Тибете. Сохранились дневники и письма Б. Рабданова об этом периоде: «Год в Дацзянлу», «Путевые заметки богомольца». По мнению А. В. Дамдинова, он выполнял чисто наблюдательные функции, регулярно снабжая информацией Русский МИД»¹⁴. Он являлся связующим звеном между Агваном Доржиевым и российскими дипломатическими структурами.

Отношения между П. А. Бадмаевым, Б. Рабдановым и А. Доржиевым не всегда складывались гладко и ровно, в определенные периоды возникали и противоречия. В январе 1904 г. П. А. Бадмаев писал в письме к В. Н. Коковцеву (министру финансов): «посредничество Агвана (Агвана Доржиева) и Будды Рабданова между Вами и Тибетом меня очень тревожит. Будда Рабданов служил у меня 2,5 года, делал долги, доставлял неверные сведения, выгодные для его личных интересов»¹⁵.

В 1904 г. П. А. Бадмаев пишет министру иностранных дел России записку о Тибете. Пишет ее в январе месяце, буквально накануне серьезных событий в Тибете. Что свидетельствовало о глубоком внимании доктора к событиям в далекой от России стране.

Его беспокоит активизация в Тибете Великобритании, и он настаивает на усилении роли России в регионе. Он рассчитывал на прием министра иностранных дел России, но это ему не удастся. В «тибетском вопросе» Россия заняла пассивную и выжидательную позицию, а авторитет и влияние П. А. Бадмаева были тогда не на высоком уровне, ввиду неудач его восточного проекта (резолюция Николая II: «К сожалению, я больше не доверяю словам Бадмаева»)¹⁶. Начало неудачной для России

¹³ Россия и Тибет: сборник русских архивных документов. 1900–1914. М.: Вост. лит., 2005. С. 14.

¹⁴ Дамдинов А. Агван Доржиев: дипломат, политический и общественный и религиозный деятель. Улан-Удэ, 1999. С. 37.

¹⁵ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 12.

¹⁶ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 581. Л. 51.

¹¹ Семенников В. П. Тибетский врач и русская монархия // За кулисами царизма. Л., 1925. С. XXIII.

¹² Россия и Тибет: сборник русских архивных документов. 1900–1914. М.: Вост. лит., 2005. С. 14–15.

русско-японской войны 1904–1905 гг. делало интерес российского правительства к Тибету минимальным.

Таким образом, П. А. Бадмаев проявлял большой интерес к Тибету и «тибетский вопрос» являлся составной частью его внешнеполитической концепции. Остается открытым вопрос о пребывании самого П. А. Бадмаева в Тибете. Писатель Б. С. Гусев считает, что Бадмаев побывал в Тибете и Лхасе, встречался с Далай-ламой. Известные нам публикации и архивные материалы не подтверждают версии о путешествиях доктора тибетской медицины в эту труднодоступную страну. В письме П. А. Бадмаева к Николаю II от 15 января 1897 г. сообщается о намерении совершить путешествие в Тибет: «Ныне должен был бы ехать в Пекин, а оттуда чрез Кукунор в Тибет»¹⁷. Он направлял туда специальных гонцов и принимал известных буддийских деятелей в Забайкалье. В любом случае, П. А. Бадмаев первым попытался в 1895 г. установить отношения России

с Тибетом, его агенты встречались с Агваном Доржиевым и согласовывали с ним совместные действия.

Итак, на раннем этапе отношений, П. Бадмаев и А. Доржиев действовали согласованно в решении «тибетского вопроса», затем различие подходов к нему привели к некоторой конкуренции за первенство в его разрешении. На начальном этапе так называемой «азиатской авантюры» П. А. Бадмаев пользовался серьезным влиянием на формирование дальневосточной политики России, получал миллионные кредиты под реальные проекты. В начале XX в. влияние и позиции Бадмаева серьезно ослабли, и эта ниша стала заполняться другими политиками.

Роль П. А. Бадмаева в «тибетском вопросе» представляется нам чрезвычайно важной, особенно на начальном этапе. Этот исторический факт известен очень узкому кругу специалистов-востоковедов. Это событие позволяет по-новому подойти к характеристике русско-тибетских связей и уточнить историю этих событий.

¹⁷ За кулисами царизма. М., 2001. С. 107.

ПРИЗНАНИЕ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ СО СТОРОНЫ ЧАН КАЙШИ И ГОМИНЬДАНОВСКОГО КИТАЯ

Статья доктора исторических наук Цэдэндамбын Батбаяра, Монгольского дипломата и ученого, посвящена последнему этапу истории признания Монгольской Народной Республики на международной арене в конце Второй мировой войны. Советский руководитель Иосиф Сталин, используя огромный авторитет СССР в конце войны, провел трудные переговоры с Сун Цзывэнь, потом с Ван Шизе, министрами иностранных дел Гоминьдановского Китая, в июле-августе 1945 г. в Москве по вопросу заключения советско-китайского договора. Основным камнем преткновения переговоров был вопрос о статусе МНР, т. е. как понимать статус-кво МНР, который был зафиксирован в документах Ялтинской конференции. Советская сторона настойчиво добивалась признания Китаем независимости Монголии, превращения Монголии в самостоятельный субъект международного права и заключения договора о взаимопомощи между МНР и СССР. Китайская сторона, в лице Чан Кайши, упорно сопротивлялась к этому, боясь цепной реакции этнических районов Китая, если Китай даст возможность Монголии отделиться от Китая и стать суверенной страной. Наступающая война стран союзников с Японией и необходимость Китая заручиться поддержкой СССР в этой войне, особенно в грядущей гражданской войне с КПК, была решающим фактором склонившим Чан Кайши принять «унизительный» для судьбы Китая решение признать Внешнюю Монголию, т.е. МНР, суверенным государством. Сталин, таким образом, добился цели своей многолетней геостратегической игры, как сделать Монголию отдельной от Китая страной, субъектом международного права и связать ее с СССР с договором о взаимопомощи, наконец, как обезопасить Советский Дальний Восток и Сибирь от постоянной военной угрозы со стороны Японии.

ЧАН КАЙШИ, ГОМИНЬДАНЫ ХЯТАД БНМАУ-ЫГ ХҮЛЭЭН ЗӨВШӨӨРСӨН НЬ

Сталин-Сүн Зывэнь нарын хэлэлцээ

1945 оны 6 дугаар сарын сүүлээр Зөвлөлт засгийн газар Дундад Иргэн улсын Үндэсний Гүйцэтгэх Юаны дарга, ГЯЯ-ны сайд Сүн Зывэнь, Ван Шизе, Зян Зинго зэрэг өндөр тушаалын бүрэлдэхүүнтэй төлөөлөгчдийг урьж ЗХУ, ДИУ-ын хооронд холбоо, найрамдлын тухай гэрээ байгуулах болон Крымын бага хурлын шийдвэрт тусгагдсан бусад асуудлаар Москвад хэлэлцээ хийсэн байна. Хэлэлцээний үндсэн асуудлын нэг нь БНМАУ-ын статус-квогийн асуудал болж хувирчээ. Өөрөөр хэлбэл Ялтын бага хурлын шийдвэрт тусгагдсан БНМАУ-ын статус-кво гэдгийг юу гэж ойлгох вэ гэдэг асуудлаар хоёр тал тун ширүүн маргалдаж, хэлэлцээ байн байн тасалдахад хүрч байв.

Зөвлөлт-Хятадын хэлэлцээ 1945 оны 6 дугаар сарын 30-нд эхэлж эхний үе шат нь 7 дугаар сарын 13 хүртэл явагдаж, түр завсарласны дараа 8 дугаар сарын 7 -наас 8 дугаар сарын 14-нд 2 дахь шатны хэлэлцээ явагджээ. Хятадын төлөөлөгчдийг Сүн Зывэнь даргалж, төлөөлөгчдийн бүрэлдэхүүнд Ван Шизе (хэлэлцээний 2 дахь ээлжинд Хятадын төлөөлөгчдийг тэргүүлэх болсон), Зян Зинго (Чан Кайши-гийн хүү), Москвад суугаа элчин сайд Фу Бинчан нар

орж байв. Зөвлөлтийн төлөөлөгчдийг Сталин өөрөө тэргүүлж Молотов, Чунцинд суугаа элчин сайд Петров нар хэлэлцээнд оролцсон байна¹.

Сталин, Молотов нар Сүн Зывэнийг анх удаа 1945 оны 6 дугаар сарын 30-нд хүлээн авч уулзсан байна. Энэ уулзалтаар Сүн Зывэнь Чан Кайши-гийн хувийн илгээлтийг Сталинд гардуулж Чан Кайши түүнд Сталинтай элдэв дипломат зангүй хамгийн илэн далангүй ярьж ирэхийг даалгасан гэж мэдэгджээ. Сталин үүний хариуд өмнө нь Орос улс Японтой холбоо тогтоон Хятадыг хувааж эзэгнэхийг оролдож байсан үе түүхэнд бий. Одоо бид Хятадтай холбоо тогтоон Японыг хазаарлан барихыг хүсч байна. Бидний энэ байр суурь хэд хэдэн бодит шалтгаантай юм. Эдгээр асуудлаар бид хэлэлцэн тохиролцож чадна гэж найдаж байна гэжээ².

¹ Советско-Китайские отношения. Т. 4. 1937–1945. Кн. 2: 1945. М., 2000. С. 65–68.

² Зохиогч АНУ-ын Стэнфордын Их сургуулийн Гуверын институтын архивт хадгалагдаж байгаа хэлэлцээрийн протоколын англи эх болон 2000 онд Москвад хэвлэгдсэн орос эх хоёрыг харьцуулан ашигласан болно. Хоёр эх үндсэндээ адил боловч зарим нэг ялгаа байгааг хэлэх нь зүйтэй. Эхний уулзал-

1945 оны 7 дугаар сарын 2-нд болсон Сталин-Сун Зывэнь нарын 2 дахь уулзалтын үеэр БНМАУ-ын талаар хоёр тал зарчмын ялгаатай байр суурьтай болох нь тодорхой болсон байна. Уг хэлэлцээний АНУ-ын Гуверын архивт хадгалагдаж буй англи хэл дээр орчуулсан протоколоос үзвэл Сталин-Сун Зывэнь нарын яриа хэлэлцээ дараах байдлаар эхэлжээ³.

Сталин хэлэлцээ эхлэнгүүт Сун Зывэньд нэгэн бичиг баримтыг түлхэн ойртуулж «Үүнтэй танилцсан уу?» гэж асуусан байна. Сун түүнийг Ялтын гэрээ болохыг ойлгож «Бид хүлээж авсан. АНУ-ын тал бидэнд танилцуулсан юм» гэж хариулжээ. Сталин үүнд «Энэ баримт бичиг манай хэлэлцээний үндэс болох ёстой. АНУ-ын Ерөнхийлөгч Рузвельт гарын үсгээ зурсан юм шүү» гэсэн байна.

Ялтын гэрээний асуудлаар Чан Кайши Хятадад суугаа ЗХУ-ын элчин сайд Петровтай хоёр ч удаа ярилцсаныг сануулаад Сун Зывэнь уг гэрээний асуудал нэг бүрээр саналаа хэлэх зөвшөөрлийг Сталинаас хүсчээ. Шууд л эхний асуудал БНМАУ-ын асуудал байлаа. Сун ч «Гадаад Монголын асуудлыг бид одоо хөндөж тавихыг хүсэхгүй байна. Чан Кайши ч тэгж хэлсэн. Ирэх цаг хугацаа шийднэ биз. Үүнийг хойш тавия» гэсэн саналыг шууд дэвшүүлжээ.

Сталин үүнд «Бид үүнийг зөвшөөрөхгүй» гээд, **«Гадаад Монголын газар зүйн байрлалд бүх учир байгаа юм. Хэн нэг нь хүсвэл тэндээс Алс Дорнод дахь Зөвлөлтийн байр суурийг амархан сулруулж чадна. Энэ дайнаас өмнө Япон Чит, Эрхүүд тулж очин цааш давшихыг оролдож байсан ч үе бий. Цааш нь Сталин Гадаад Монгол яагаад тусгаар улс байх ёстойг Сунд илэн далангүй тайлбарласан байна. «Хэрвээ бид Гадаад Монголыг хамгаалах ямар нэг хууль эрхийн үүрэг байгаагүй бол Алс Дорнодоо тэр чигээр нь Японд алдаж гүйцэх байсан. Япон нь Германтай адилхан үг дуугүй бууж өгөх болзлыг хүлээж авлаа ч гэсэн бүрмөсөн устан арилахгүй. Герман, Япон энэ хоёр үндэстэн бол маш хүчтэй. Версалийн гэрээ (1919 онд Германыг буулгаж авсан гэрээг хэлж байна) -ний дараа Германыг дахин босож ирэхгүй гэж бүгд бодож байсан. Гэтэл Герман 15–20 жилийн дараа эргээд босоод ирсэн. Хэдий Японыг өвдөг сөгдүүлсэн боловч эргээд**

босоод ирэхгүй гэх баталгаа байхгүй. Ийм учраас бид өөрийн Алс Дорнод дахь газар нутгийг хамгаалахын тулд Гадаад Монголд хуулийн эрх олж авах ёстой юм» гэж Сталин учирласан байна.

Мөн Сталин «Гадаад монголчууд Хятадтай ч тэр, ЗХУ-тай ч тэр нэгдэхийг хүсэхгүй. Тэд тусгаар тогтнохыг л хүсэж байгаа. Хятадын хувьд Гадаад Монголыг тусгаар болгох нь илүү ашигтай. Хэрвээ тэгэхгүй бол Гадаад Монгол бүх монголчуудыг татан нэгтгэх аюултай. Ингэж Дотоод, Гадаад Монгол нэгдвэл Хятадад ч, мөн бидэнд ч харшлах болно» гэж Сун Зывэнийг ятгасан байна.

Сталин энэ ярьсан бүх зүйлээ дүгнэн БНМАУ-ыг тусгаар тогтноулах хоёр үндсэн шалтгаан гэдгээ Сунд танилцуулжээ. Нэгд, Японы эсрэг стратегийн байр сууриа бэхжүүлэх. Порт Артур, Дорнод Хятадын төмөр зам, Өмнөд Сахалин, Гадаад Монгол эд бүгд нь Японы эсрэг манай цэрэг-стратегийн байр суурийг бэхжүүлэх зорилготой юм. Түүнээс биш бид ашиг хонжоо бодсон юм биш. Хоёрт, бид 4 жилийн турш дайтаж их цус урсгасан. Герман бидэнд халдсан тул түүнтэй байлдах хэрэгтэйг ард түмэн сайн ойлгож байсан. Харин бид эхлээд нөгөө этгээд рүү дайрах юм бол ард түмэн дайнд уулгалан орох нь юу л бол. Япон одоо биднийг яах нь вэ гээд чимээгүй ширтэж байгаа боловч бид Японыг дайрах болоод байна. Хэрвээ бид Японыг дайрвал ард түмэндээ юу гэж хэлэх вэ? 4 жил байлдаж дуусчихаад дахиад шинэ дайн эхэллээ гэнэ шүү дээ. Япон бидэнд гар хүрээгүй байхад та нар Японд халдлаа гэнэ. Японы эсрэг дайнд оролцох болсноо би юу гэж зөвтгөх вэ?

Сун Зывэнь үүний хариуд энэ асуудлаархи Хятадын засгийн газрын байр суурийг дараах байдлаар тайлбарлажээ. «Бид маш хүнд байдалд байна. Газар нутгийнхаа нэг хэсгийг өгөх болсныг бид ард түмэндээ юу гэж тайлбарлах вэ? Энэ нь Японы эсрэг стратегийн ач холбогдолтой юмаа гэж сая Сталин ярьлаа. Бид энэ асуудлыг одоо сөхөж тавихыг хүсэхгүй байна. «Унтаж байгаа нохойг сэрээх хэрэггүй, унтаж л байг» гэсэн зүйрлэл хэлжээ. Өмнө нь ЗХУ-ын зүгээс Гадаад Монголыг Хятадын салшгүй нэг хэсэг гэдгийг удаа дараа хүлээн зөвшөөрч байсан. Одоо болохоор Гадаад Монголын статус-квог бид хүлээн зөвшөөрөх юм бол Хятадын ямар ч засгийн газар ард түмэндээ тайлбарлаж чадахгүй. Сталин өөрөө Хятад улсыг тогтвортой, нэгдсэн байдалтай байлгахыг хүсэж байгаа. Иймд энэ асуудлыг ярьж хэлэлцээг хүндрүүлэх хэрэггүй гэж бид үзэж байна» гэж хариу учирласан байна.

тын протокол англи эхийг баримталсан болно (June 30th, 1945 «Notes taken at Sino-Soviet Conference», Victor Hoo papers, Hoover Institution Archives, Stanford University).

³ Notes taken at Sino-Soviet Conference, 2 July 1945, Moscow, 1945. Hoover Institution Archives.

Ялтын гэрээний бусад асуудлаар хэсэг хугацаанд санал солилцсоны дараа Сталин, Сун нар эргээд л БНМАУ-ын асуудал дээр тулж иржээ. Сун «Хятадын газар нутгийн бүрэн бүтэн байдлын үүднээс Гадаад Монголыг тусгаарлах ямар ч боломжгүй юм. Сталин яагаад энэ асуудал дээр бидэнд туслахгүй байна. Бид хятадын ард түмэнд ойлгуулж чадахгүй» гэжээ. Үүнд Сталин «Монголчууд Хятадтай цуг байхыг хүсэхгүй байна. Бид ч тухайн үед Польш, мөн Финляндыг тусгаар улс болохыг зөвшөөрсөн. Энэ нь маш хэцүү, тэгэхдээ боломжгүй зүйл биш. Порт Артурын асуудлаар бид та нарт буулт хийсэн. Монголын асуудлаар та нар буулт хийх ёстой» гэсэн хариулт өгчээ⁴.

Энэ 2 дахь уулзалтаас Сун Зывэнь нарын хятадын төлөөлөгчид Зөвлөлтийн удирдлага, ялангуяа Сталины Монголын асуудлаархи байр суурь тун хатуу болохыг бүрэн ойлгосон тул энэ асуудлаар АНУ-ын дэмжлэгийг олж авахыг чухалчилжээ. Үүний тулд тэд Москвад суугаа АНУ-ын элчин сайд Гарримантай дахин дахин уулзаж «БНМАУ-ын статус-квог хадгалах» гэсэн асуудлаар АНУ-ын байр суурийг тодорхой болгож өгөхийг хичээнгүйлэн хүссэн байна. Гарриман асуулгыг хүлээж аваад тэр үеийн АНУ-ын төрийн нарийн бичгийн дарга Бирнс 7 дугаар сарын 4-нд дараах агуулгатай цахилгааныг Гарриманд илгээжээ. «АНУ-ын засгийн газар нь Монголын статус-квог хэрхэн ойлгох вэ гэх мэтээр Ялтын гэрээний зүйл ангийг нарийн хэлэлцээгүй гэдгийг та мэдэж байгаа» гэжээ. Бирнс мөн АНУ-ын засгийн газар нь Ялтын гэрээний зүйл ангийг албан ёсоор ганцаар дур мэдэн тайлбарлах аргагүй гэдгийг учирлаад түүний хувийн бодлоор бол «хууль эрхийн үүднээс Гадаад Монголыг эзэн мэдэх эрх (суверенитет) Хятадад байж болох боловч үнэн хэрэгтээ энэ нь хэрэгжих бололцоогүй зүйл юм» гэсэн булзаарсан хариу өгчээ⁵.

Чан Кайши ба Монголын асуудал

Сталин-Сун нарын 4 дэх уулзалт 1945 оны 7 дугаар сарын 9-нд болсон байна. Уг уулзалтан дээр Сун Чан Кайши-гаас ирүүлсэн цахилгааныг бүтнээр нь Сталинд уншиж өгсөн байна. Чан Кайши Зөвлөлт-Хятадын хэлэлцээг мухардлаас гаргах зорилгоор хэрвээ Сталин доорхи 3 асуудлаар Хятадын саналыг хүлээж авбал Гадаад Монголын асуудлаар

буулт хийхэд бэлэн байна гэсэн цахилгаан ирүүлсэн байна.

Америкийн түүхч Жон Гарверын бичсэнээр 7 дугаар сарын 5-нд Чан Кайши Чунцинд Гоминьдан намын эрх баригчдын зөвлөлгөөнийг зарлан хуралдуулж Сталины шаардлагыг хүлээн авах эсэх асуудлыг хэлэлцжээ. Үүнд тэдний санал хоёр хуваагдаж нэг хэсэг нь Гадаад Монголын талаарх Сталины саналыг няцаах, нөгөө хэсэг нь Манжуур, Шинжаан зэрэг бусад асуудлаар Сталинаас баталгаа авсан нөхцөлд Гадаад Монголын асуудлаар буулт хийж болох юм гэсэн санал гаргажээ. Удтал маргасны эцэст уг зөвлөлгөөнөөс Гадаад Монголын талаарх Сталины шаардлагыг тодорхой болзолтойгоор хүлээн авах гэсэн шийдвэрт хүрчээ⁶.

Гоминьданы эрх баригч Улс төрийн төв зөвлөлийн гишүүн байсан Чэнь Лифү дургалдаа Чан Кайши тус зөвлөлийн хурал дээр засгийн газрын бүх гишүүдийг урьж Гадаад Монголын асуудлыг хэлэлцүүлсэн. Гоминьданы нөлөө бүхий зүтгэлтэн Дай Зытао болон Чэнь Лифү нар Чан Кайшитай биечлэн уулзаж Гадаад Монголын тусгаар тогтнолыг албан ёсоор эцсийн байдлаар хүлээн зөвшөөрч болохгүй, харин ямар нэг уян хатан хэлбэр олж ирээдүйд энэ нутгийг буцаан нэхэх боломжтойгоор хүлээн зөвшөөрөх хэрэгтэй гэж ятгажээ. Чан Кайши тэдний саналыг хүлээж аваагүй, тэдэнд ямар нэг тайлбар хийхийг хүсээгүй гэжээ. Чан Кайши асар их дарамтанд байх шиг байсан, түүнийхээ тухай тэрбээр ярихыг хүсэхгүй байлаа гэж Чэнь Лифү дурсчээ⁷.

БНХАУ-ын түүхч Юань Наншэн 2005 онд хэвлүүлсэн «Сталин, Мао Зэдун ба Чан Кайши» номондоо Чан Кайши Гадаад Монголын тусгаар тогтнолын талаар ямар байр суурь баримталж байв гэдгийг тодруулах оролдлого хийжээ. Тэрээр номондоо Чан Кайши болон Сун Зывэнь нар Гадаад Монголын асуудлаар ялгаатай байр суурь баримталж байсан гэжээ. Хэрвээ Сун Гадаад Монголын асуудлаар буулт хийж болох боловч хэрхэвч Хятадаас салан тусгаарлах, тусгаар тогтнохыг зөвшөөрч болохгүй гэж үзэж байсан бол Чан Кайши хэрвээ Сталин Манжуур, Шинжаан, ХКН гэсэн гурван асуудлаар Гоминьданы Хятадын байр суурийг зөвшөөрөх аваас дайны дараа Гадаад Монголын тусгаар

⁶ John W. Garver. Chinese-Soviet Relations 1937–1945: The Diplomacy of Chinese Nationalism, Oxford, 1988. Pp. 217–218.

⁷ The Storm Clouds Clear Over China: The Memoir of Chen Lifu, edited and compiled by Sidney H. Chang and Roman H. Myers. Hoover Institution Press, 1994. Pp. 178.

⁴ Запись второй беседы И. В. Сталина с Сун Цзывэнем // Советско-Китайские отношения. Т. 4. Кн. 2: 1945. М., 2000. С. 73–82.

⁵ American Diplomatic Documents, volume VII, Washington, 1945. P. 202.

тогтнолыг хүлээн зөвшөөрч болох юм гэсэн байр суурьтай байсан гэжээ⁸.

Хятадын тал нэгд, Манжуурын талаарх Хятадын бүрэн эрх, түүний засаг захиргааны нэгдмэл байдлыг хадгалах, үүнд Порт-Артурыг хамтран эзэмших, Дайрэныг 20 жилийн хугацаатай нээлттэй боомт болгон зарлах, Дорнод Хятадын болон Өмнөд Манжуурын төмөр замыг хоёр орон хамтран ашиглаж ашгаа тэнцүү хувааж авах саналыг дэвшүүлжээ. Хоёрт, Шинжаанд 1944 онд бослого гарч Хятад болон Шинжааны хооронд худалдаа болон бусад харилцаа тасарсан. ЗХУ нь энэ асуудлаар Хятадтай хамтран ажиллаж Шинжаан дахь үймээнийг арилгах, Хятадтай худалдааны болон бусад харилцааг сэргээхэд туслахыг хүсчээ. Гуравт, Хятадын коммунистууд одоохондоо өөрийн захиргаа, өөрийн армитай тусдаа хүч болж байгаа тул хойшид Зөвлөлтийн сэтгэл санаа, эд материалын бүх л тусламжыг зөвхөн Хятадын төв засгийн газарт (Чан Кайши-гийн засгийн газарт) өгч байхыг хүссэн байна.

Чан Кайши эцэст нь цахилгаандаа 4 дэх асуудал болох Гадаад Монголын талаар дараах саналыг тавьжээ. **Хэрвээ Зөвлөлтийн засгийн газар Хятадын дээрх 3 саналыг хүлээн авбал Хятадын засгийн газар нь Зөвлөлт-Хятадын харилцаанд үндсэн тээг болж буй Гадаад Монголын асуудлыг шийдэж Японыг ялсны дараа Гадаад Монголд тусгаар тогтнол олгохыг зөвшөөрч байна. Үүний тулд Гадаад Монголд энэ асуудлаар бүх нийтийн санал хураалт явуулах бөгөөд санал хураалтын дараа Хятадын засгийн газар Гадаад Монголын тусгаар тогтнолыг зөвшөөрч байгаагаа зарлана. Гадаад Монголын нутаг нь манай хятадын газрын зурагт зурагдсан тэр нутгийг хамарна. Зөвлөлт засгийн газар нь Хятадын засгийн газар хичнээн их хүчин чармайлт гаргаж байгааг ойлгоно гэж найддаг байна** гэсэн цахилгаан байв⁹.

Сун энэхүү санал хураалт явуулах саналыг Хятадын ард түмэнд яагаад Гадаад Монголыг тусгаар тогтноулах болов гэдгийг ойлгуулахад заавал шаардлагатай **«нэр нүүрээ авч үлдэх хэлбэрийн асуудал» (face saving)** юм гэж тайлбарлажээ.

Сталин Чан Кайши-гийн эдгээр саналыг үндсэнд нь хүлээн авсан боловч Порт-Артур, Дайрэн зэргийг хамтран эзэмших хугацааг

⁸ Юань Наншэн. Сталин, Мао Цзедун юй Цзян Цзэ ши (Сталин, Мао Зэдун ба Чан Кайши), 3 дах хэвлэл. Бээжин, 2005. 451–453-р тал.

⁹ Советско-Китайские отношения. Т. 4. Кн. 2 : 1945. С. 100–101.

20 жил бус дор хаяж 30 жил болгох хэрэгтэй гэх зэрэг хэд хэдэн сөрөг санал тавьжээ. Мөн Сталин Гадаад Монголыг Хятадын засгийн газар Японыг ялсны дараа биш одоо даруйхан хүлээн зөвшөөрөхийг шаардаж, харин энэхүү хүлээн зөвшөөрсөн мэдэгдлийг Япон бууж өгсний дараа нийтэд ил болгож хэвлүүлэе гэсэн саналыг тавьсан байна¹⁰.

Ийнхүү Сталин-Сун нарын 4 удаагийн уулзалтаар Зөвлөлт-Хятадын хооронд найрамдал, холбооны гэрээ байгуулах, Зөвлөлтөөс Японы эсрэг дайнд оролцон Японыг буулгаж авсны дараа Гадаад Монгол (БНМАУ), Манжуур, Шинжаан зэрэг газар нутгийн асуудлыг хэрхэн шийдвэрлэх тухай хэлэлцэж үндсэн тохиролцоонд хүрсэн байна.

1945 оны 7 дугаар сарын 11-нд болсон 5 дахь удаагийн уулзалт дээр Сталин-Сун нарын хооронд Гадаад Монголын талаар Хятадын засгийн газар болон Зөвлөлтийн засгийн газар хоёрын хооронд солилцох ноотын агуулгыг ярилцсан байна. Үүнд «БНМАУ-ыг одоогийн байгаа хилээр нь хүлээн зөвшөөрөх» гэсэн томъёоллыг Сталин гаргаж тавьсан байна.

Сталин-Сун нар 7 дугаар сарын 12-нд дахин нэг уулзсаны дараа Сталин, Молотов нар Берлинд болох холбоотон гүрний тэргүүн нарын Потсдамын уулзалтад оролцохоор явах болсон тул хэлэлцээг түр завсарлаж Сун Зывэнь Хятадад буцаж очин Чан Кайши-тай эцсийн байдлаар зөвлөлдөж ирэхээр харилцан тохиролцсон байна.

Чан Кайши БНМАУ-ыг хүлээн зөвшөөрсөн нь

Хятадын төлөөлөгчид 8 дугаар сарын эхээр Москвад буцаж ирэн 8 дугаар сарын 7-нд тэд Сталин, Молотов нартай хэлэлцээгээ сэргээсэн байна. Өмнө нь Хятадын төлөөлөгчдийг тэргүүлж байсан Чан Кайши-гийн баз болох Сун Зывэнь ГЯЯ-ны сайдын тушаалаас өөрийн хүсэлтээр огцорсон тул Ван Шизе ГЯЯ-ны шинэ сайдын хувьд хоёрдахь ээлжийн хэлэлцээг Хятадын талаас голчлон удирджээ. Сун Зывэнь ГЯЯ-ны сайдаас гэнэт огцрох болсныг тэрбээр Гоминьданы засгийн газрыг төлөөлж Гадаад Монгол зэрэг Хятадад нэн эмзэг асуудлаар «гутамшигтай» гэрээнд гарын үсэг зурахыг хүсээгүйтэй холбон тайлбарладаг.

Сталин 8 дугаар сарын 7-нд болсон 6 дахь удаагийн уулзалт дээр Гадаад Монгол, Порт-Артур, Дайрэн, Дорнод Хятадын төмөр зам

¹⁰ Запись 4-й беседы И. В. Сталина с Сун Цзывэнем // Советско-Китайские отношения. Т. 4. Кн. 2: 1945. С. 105–112.

ээрэг асуудлаар Зөвлөлтийн тал Хятадад хатуу нөхцөл болзол тавих болсон шалтгааныг дахин илэн далангүй тайлбарласан байна. Сталинаас: «Япон нь бууж өгөх боловч дахин сэргээд ирнэ. Үүнийг бодолцохгүй байж огт болохгүй. Бидэнд өөрсдийн цэргийн болон худалдааны боомтыг бий болгоход дор хаяж 30 жил хэрэгтэй гэдгийг би хэлсэн. Энэ 30 жилд юу болох вэ? Япон нь дахин босоод ирэх магадлал ихтэй. Алс Дорнод дахь манай Владивосток, Советское, Петропавловск боомтууд нь бүгд асар их хуучирчээ. Мөн Алс Дорнодод нэмж төмөр зам барихад хугацаа хэрэгтэй. Бид боомтуудаа шинэчлэн тоноглож, шинэ төмөр замтай болоход дор хаяж 30 жил хэрэгтэй. Иймээс манай хоёр орны эрх ашгийн тусын тулд бид Өмнө зүгт боомттой байхыг маш ихэд сонирхож байгаа юм. 30 жилийн дараа бидэнд Хятадад боомттой байх, төмөр замтай байх шаардлага үгүй болно. Хэрвээ Японы зүгээс ийм аюул байгаагүй бол бид та нараас нөхцөл болзол шаардах хэрэггүй байсан юм» гэж тайлбарлажээ¹¹.

8 дугаар сарын 10-нд болсон Сталин- Ван нарын уулзалт дээр Гадаад Монголын (БНМАУ-ын) хилийн шугамын асуудал босож ирсэн байна. Хятадын ГЯЯ-ны сайд Ван Гадаад Монголыг Хятадын зүгээс хүлээн зөвшөөрөхөөс өмнө Гадаад Монголын хилийн шугамыг тодруулж тодорхой болгох шаардлага тавьжээ. Тэрбээр үүний шалтгааныг «Гадаад Монголын хилийн шугам нь мөргөлдөөн гарах шалтаг болж байсан. Бид Хятадын бүх л их дээд сургуульд хэрэглэдэг газрын зургийг авчирсан юм. Энэ зургийг итгэж болно. Бид Гадаад Монголын тусгаар тогтнолыг хүлээн зөвшөөрнө гэдгээ хэлсэн. Гэвч бид чухам ямар газар нутгийн хүрээнд Гадаад Монголыг хүлээн зөвшөөрөх гэж байгаагаа ард түмэндээ хэлэх ёстой. Бид энэ асуудлыг ерөнхийд нь тохиролцмоор байна. Бидэнд та нарыг хуурах юм уу, эсвэл илүү ашиг олж авах бодол байхгүй. Манай газрын зураг дээрх Гадаад Монголын хилийн шугам бидэнд буй Зөвлөлтийн зурагтай таарч тохирч байгаа юм» гэж тайлбарласан байна.

Сталин үүний хариуд «БНМАУ-ын хилийн шугамын талаар 26 жилийн турш Хятадтай ямар нэг маргаан гаралгүй явж ирсэн. Манай газрын зураг хийдэг хүмүүс Монголд очиж Хятад-Монголын хилийн шугамын зургийг үйлдсэн юм. Энэ нь Монголын баруун болон өмнөд хилийг хамарч байгаа юм. Зүүн хил дээр япончуудтай маргаан мөргөлдөөн гарч байсан.

¹¹ Запись 6-й беседы И. В. Сталина с Сун Цзывэнем // Там же. С. 156–161.

Дараа нь бид тэдэнтэй хэлэлцэн тохирсон. Хэрвээ одоо бид хилийн шугамыг дахин шалгаж тогтоох юм бол их хугацаа шаардана, нэг хэсэг газрыг өгч авалцах ч хэрэг гарч мэднэ» гэжээ¹².

Ван үүнд ноднин (1944 онд) Шинжаан ба Гадаад Монголын хооронд хилийн будлиан гарч байсныг сануулжээ. Сталин энэ будлиан нь хилийн шугамтай хамаагүй. Энэ нь хилийн шугамыг даван орж ирсэн казахуудын удирдагч Оспантай холбоотой. Монголчууд түүнийг буцааж өгөхийг хүсэхгүй байсан. Будлиан хилийн шугамтай холбоогүй гэж маргажээ.

Гадаад Монголын хилийн шугамыг тодруулж авах гэж Гоминьданы засгийн газар зүтгээд байсны учир юу вэ гэсэн асуулт гарч байна. Энэ тухай 1993 онд Бээжинд хэвлэгдсэн «Гадаад Монголын тусгаар тогтнолын нууц учир» номыг зохиогчид Гоминьданы засгийн газар нь Гадаад монголын тусгаар тогтнолыг зөвшөөрөхөөс өмнө Алтайн хязгаарын маргааныг шийдвэрлэх, Шинжаан болон Гадаад Монголын хилийн шугамыг тогтоохыг зорьж байсан гэж бичжээ. 1911 оноос өмнөх Алтайн хязгаар бол Гадаад Монголын нэг хэсэг байсан. Гэвч БНМАУ байгуулагдах үед Алтай нь Шинжаанд харьяалагджээ. 1940 оны Зөвлөлтийн газрын зурагт Алтайн хязгаарын бараг 215,000 хав. дөр. км газрыг БНМАУ-д оруулан зурсан гэж уг номыг зохиогчид бичжээ. Иймд Чунцины засгийн газар хэрвээ тусгай гэрээ байгуулж Алтай нь Хятад улсад харьяалагдана гэдгийг тодорхойлохгүй бол Гадаад Монголын тусгаар тогтнолыг «одоогийн байгаа хилээр» зөвшөөрөх нь баруун Алтайг таслан өгсөн хэрэг болно гэж үзэж байсан хэмээн тайлбарлажээ¹³.

Сталин ийнхүү Чан Кайши-гийн засгийн газар Алтайн хязгаарт санаа зовж байсныг ойлгосон эсэх нь өнөөдөр тодорхой биш. Харин тэрбээр Хятадын тал Гадаад Монголын тусгаар тогтнолыг зөвшөөрөхөөс өмнө хилийн шугамыг тодруулая гэсэн шаардлага тавьсныг Хятадын тал авсан амлалтаасаа няцаж Гадаад Монголын тусгаар тогтнолыг зөвшөөрөхгүй байх шалтаг эрж цаг хожихыг оролдож байна гэж хардсан бололтой.

Иймд Сталин энэхүү 8 дугаар сарын 10-ны уулзалт дээр Ван нарын хятадын төлөөлөгчдөд «Бид үүнийг зөвшөөрөхгүй. Та нар бүх зүйлийг хойшлуулахыг хүсэж байна. Та нар амлалтаа буцахыг оролдож байна. Хэрвээ та нар шалтаг

¹² Запись 7-й беседы И. В. Сталина с Сун Цзывэнем // Там же. С. 164–169.

¹³ Ваймэнгу дули нэйму (Гадаад Монголын тусгаар тогтнолын нууц учир). Бээжин, 1993. 377-р тал.

эрж байгаа бол шууд л тэрийгээ хэлчих» гэж дайрсан байна.

Сталин үүн дээр нэмж «Монголчууд Гадаад, Дотоод Монголыг нэгтгэхийг маш их хүсэж байгаа юм. Иймд хилийн шугамын асуудлыг босгож тавихгүй байх нь зүйтэй. Тэднийг энэ мөрөөдлийг нь орхиулахын тулд Гадаад Монголыг даруйхан хүлээн зөвшөөрөх хэрэгтэй байна. Хэрвээ тэд Дотоод Монголыг нэгтгэхийг хүсвэл дайн болно гэдгийг ойлгуулах хэрэгтэй. Орос өөрийн зүгээс тэднийг хил хязгаараа өргөтгөхөд туслалцаа үзүүлэхгүй» гэж мэдэгдсэн байна. Өөрөөр хэлбэл Сталин та нар даруйхан Гадаад Монголыг хүлээн зөвшөөрөхгүй бол Дотоод Монголын асуудал босож ирэн, Дотоод Монгол ч Хятадаас тусгаарлах асуудал тавигдах болно гэж нэг ёсны шахалт үзүүлжээ.

Үүний дараа Хятадын төлөөлөгчид Чан Кайши-тай дахин дахин цахилгаан солилцож зөвлөлдсөний эцэст Гадаад Монголын хилийн шугамыг эхлээд тогтоох шаардлагаасаа татгалзаж, Гадаад Монголыг одоогийн байгаа хилийн шугамаар нь хүлээн зөвшөөрөх гэсэн саналд хүрчээ. Ийнхүү 8 дугаар сарын 13-ны өдрийн уулзалт дээр Хятадын төлөөлөгчид Гоминьданы засгийн газар Сталины саналыг хүлээн авч, Гадаад Монголыг одоогийн байгаа хилээр нь хүлээн зөвшөөрөхөөр шийдсэнээ мэдэгдсэн байна¹⁴.

Сталин БНМАУ-ын удирдагчид Дотоод Монголыг нэгтгэж нэгэн нэгдмэл улс байгуулах хүсэлтэйг сайн мэдэж байсан бололтой. Сталин өөрөө ч далдуур Чойбалсанг энэ чиглэлээр хатгаж байсан байж болзошгүй. Гэвч Сталины 8 дугаар сарын 10-нд хятадын төлөөлөгчдөд хийсэн мэдэгдлээс үзвэл тэрээр энэ хүсэлтийг дэмжих сонирхол байгаагүй бөгөөд харин үүнийг нэг шалтаг болгон Хятадаар БНМАУ-ыг л аль болох түргэхэн хүлээн зөвшөөрүүлэх зорилготой байсан гэж ойлгогдож байна. Гэтэл БНМАУ-ын удирдагчид 8 дугаар сарын 10-нд Японд дайн зарлахын хамт «Монгол овогтон нэгэн гэр улс болох» хатуу эрмэлзэлтэйгээ зарлан мэдэгдсэн билээ. Чойбалсан 8 дугаар сарын 10-нд Монголын ард түмэнд хандаж радиогаар хэлсэн үгэндээ «...Бид баатар улаан цэрэг болон нэгдсэн улс үндэстний хамт Японы фашистуудыг бүрмөсөн устгаж Японы түрэмгийлэн эзлэгч нарыг бутцохисны эцэст бүх монголчуудыг эрх чөлөөтэй, тусгаар тогтносон, бүрэн эрхэт нэгэн ах дүү улс гэр болгон нэгдүүлэх явдлыг хангах болно» гэж хэлж байжээ.

¹⁴ Запись 8-й беседы И. В. Сталина с китайской делегацией // Советско-Китайские отношения. Т. 4. Кн. 2: 1945. С. 182–184.

Түүхч Лхамсүрэнгийн Бат-Очир энэ тухай «Панмонголист үзлийн өчүүхэн төдий илрэлийг хатуу зэмлэн буруушааж байсан тэр үеийн нөхцөлд энэ нь гагц Чойбалсангийн толгой мэдэж хийх ажил биш нь ойлгомжтой. Тийм атал асуудлыг ингэж тавьснаар барахгүй, дэлхий дахинд зарласан нь Сталин, Чойбалсан нар харилцан зөвшилцсөнтэй холбоотой байж тарна» гэжээ¹⁵.

ЗХУ ба ДИУ-ын хооронд 1945 оны 8 дугаар сарын 14-нд БНМАУ-ын тусгаар тогтнол хийгээд газар нутгийн бүрэн бүтэн байдлыг хүндэтгэх тухай ноот бичиг солилцов. Хятадын талын ноотод «Японыг дарсны дараа Монголын ард түмний нийтийн хүсэл, энэ эрмэлзэлээ батлах ахул Дундад улсын засгийн газар Гадаад Монголын тусгаар тогтнолыг одоогийн байгаа хилээр нь зөвшөөрч байна» гэсэн мэдэгдэл хийжээ. Зөвлөлтийн нотонд : Зөвлөлт засгийн газар ДИУ-ын засгийн газрын дээр тодорхойлсон ноот бичгийг сэтгэл ханамжтай хүлээн авч өөрийн зүгээс илэрхийлэх нь «Тус Зөвлөлт засгийн газар БНМАУ-ын төрийн тусгаар тогтнол ба газар нутгийн бүрэн бүтэн байдлыг хүндэтгэн үзнэ» гэжээ¹⁶.

Оросын түүхч Сергей Лузянины бичсэнээр эдгээр ноотыг хүлээн аваад Чойбалсан нарын монголын удирдагчид сэтгэл тун дундуур байсан гэжээ. Элчин сайд Иванов «БНМАУ нь Японы эсрэг дайнд оролцсоноор Өвөр Монгол, Баргыг эргээд БНМАУ-д нэгтгэж чадна гэж итгэж байсан учраас Чойбалсан болон Монголын бусад удирдагчид ноот хүлээн аваад сэтгэл тун дундуур байсан» гэж тайлбарлажээ. Чойбалсан ноотуудыг хүлээн аваад Элчин сайд Ивановт хандаж Зөвлөлт, хятадын ноотын үг хэллэгт яагаад зөрөөтэй байгааг тайлбарлаж өгөхийг хүсч байв. Зөвлөлтийн ноотонд «газар нутгийн бүрэн бүтэн байдал» хэмээн бичсэн байсныг Чойбалсан өөрийнхөөрөө ойлгож нэгдсэн байдлыг хэлж байгаа юм биш биз гэж найдаж байжээ¹⁷.

Энэ асуудлыг тусгайлан судалсан АНУ-ын судлаач К. Этвууд Монгол овогтныг нэгтгэх тухай уриа лоозон БНМАУ Японд дайн зарласан 1945 оны 8-р сарын 10-наас эхлэн 2 долоо хоног хэвлэл, радиогаар цацагдсан гэж бичжээ. Чан Кайши 8-р сарын 24-нд Зөвлөлт-

¹⁵ Лхамсүрэнгийн Бат-Очир. Чойбалсан. 176-р тал.

¹⁶ Лхамсүрэн Б. Монголын гадаад орчин, төрийн тусгаар тогтнол. 79-р тал.

¹⁷ Лузянин С. Г. Россия — Монголия — Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М., 2003. С. 253–254.

Хятадын гэрээг засгийн газартаа танилцуулж, 8-р сарын 26-нд хууль тогтоох байгууллагадаа өргөн барьсан байна. Гоминьданы парламент зөвлөлтхятадын гэрээг тэр өдөртөө батлан соёрхсон тул ГЯЯ-ны сайд Ван Шизе дараагийн өдөр нь гэрээг хятадын болон дэлхийн хэвлэлд зарласан байна. Ингэснээр Чан Кайши хууль тогтоох байгууллагаар шалтаг заан ямар нэг байдлаар гэрээний зүйл анги, тухайлбал, БНМАУ-ын тусгаар тогтнолын талаарх амлалтаас ухрах вий гэсэн Сталины хардлага үгүй болсон гэж Этвууд үзжээ. Монголын «Үнэн» сонин 8 дугаар сарын 28-ны дугаартаа Чан Кайштай хийсэн ярилцлагыг нийтэлсэн тэр өдрөөс эхлэн «монгол овогтныг нэгтгэх» тухай уриа лоозон Монголын хэвлэл, радиогаар дахин сонсогдоогүй гэж Этвууд бичсэн байна¹⁸.

Чан Кайши 9 дүгээр сарын 25-нд санал хураалт явуулах тухай Монголын талын илгээлтийг хүлээн аваад санал хураалтыг ажиглах төлөөлөгчдийг томилохын зэрэгцээ ДИУ-ын Улсыг батлан хамгаалах дээд зөвлөлд (УБХДЗ) БНМАУ-ын Засгийн газартай хэрхэн хэлэлцээ явуулах тухай саналаа оруулан хэлэлцүүлжээ. Үүнд:

Нэгд, төлөөлөгчдийн тэргүүнээр Дотоод явдлын яамны орлогч сайд Лэй Фачжанг томилсон байна. Хоёрт, төлөөлөгчид Гадаад Монголд байх хугацаанд санал хураалтын үйл ажиллагаанд оролцохгүй, зөвхөн хятад хэлээр ярих, «Гадаад Монгол» хэмээх нэр томъёо хэрэглэх, 1945 оны 11 дүгээр сарын эхээр Гадаад Монголын төлөөлөгчдийг Чунцинд ирүүлэх хүсэлтэй байгааг уламжлахыг үүрэг болгожээ. Энэ нь 11 дүгээр сарын 12 буюу ДИУ-ын анхны Ерөнхийлөгч Сунь Ятсэний төрсөн өдрийн баяр ёслолд Монголын төлөөлөгчдийг урьж байлцуулах нь ДИУ-ын хувьд түүхэн ач холбогдолтой хэрэг мөн хэмээн үзэж байсан гэж Японы судлаач Табучи Ёоко үзжээ¹⁹.

1945 оны 10 дугаар сарын 20-нд Монгол даяар улс орон цаашид хэрхэн орших асуудлаар санал асуулга явуулж, монголын ард түмэн тусгаар тогтнолоо илэрхийлсэн хэвээр хадгалан хөгжих хүслээ 100 хувь илэрхийлсэн юм. Санал асуулгын дүнг ЗХУ, Хятад улсад албан

¹⁸ Christopher P. Atwood. Sino-Soviet Diplomacy and the second Partition of Mongolia, 1945–1946 // Mongolia in the XX century: Landlocked Cosmopolitan / M. E. Sharpe. 1999. Pp. 152–153.

¹⁹ Табучи Ёоко. 1945 оны Монголын тусгаар тогтнолын асуудал ба Чан Кайши // Олон улс судлал. 2005. № 2. 117–118-р тал.

ёсоор мэдэгдсэний дараа 1946 оны 1 дүгээр сарын 5-нд Чан Кайши-гийн засгийн газар БНМАУ-ыг хүлээн зөвшөөрч, мөн оны 2 дугаар сарын 13-нд БНМАУ, Дундад Иргэн улсын хооронд дипломат харилцаа тогтоох болон дипломат төлөөлөгч харилцан суулгах тухай ноот бичгийг солилцжээ.

Энэ зорилгоор Чунцинд 1946 оны 2 дугаар сард очсон БНМАУ-ын засгийн газрын төлөөлөгч Ерөнхий сайдын орлогч Ч. Сүрэнжавыг ДИУ-ын үндэсний төв засгийн газрын Ерөнхийлөгч Чан Кайши 2 дугаар сарын 10-нд хүлээн авч уулзан: «Хятад, Монгол хоёр улс бол үүний урьд (манж чин улсын түрэмгийлэлд хоёулаа ноёрхогдож байсан үед) нэг захиргаанд захирагдаж байсан юм. Японы империализмыг эсэргүүцсэн чөлөөлөх дайны үед бид хамтран байлдаж байлаа. Одоо БНМАУ өрх гэр, өмч хөрөнгөө авч үндэсний бүрэн эрхт тусгаар тогтносон улс болж байна» гэжээ²⁰.

1946 оны 2 дугаар сард БНМАУ-ын ерөнхий сайд Х. Чойбалсан тэргүүтэй Монголын засгийн газрын төлөөлөгчид Москвад хүрэлцэн очиж ЗСБНХУ-ын засгийн газартай хэлэлцээ хийж мөн сарын 27-нд хоёр орны хооронд найрамдал, харилцан туслалцах гэрээ, эдийн засаг соёлын талаар хамтран ажиллах тухай хэлэлцээр байгуулж гарын үсэг зурсан байна.

Сталин тэргүүтэй ЗХУ-ын нам, засгийн удирдлага 1946 оны 3 дугаар сарын 9-нд Монголын төлөөлөгчдийг бүх бүрэлдэхүүнээр нь хүлээн авч Кремлийн ордны Екатерины танхимд дайллага хийжээ. Зөвлөлтийн талаас И. В. Сталин, В. Молотов, А. Жданов, А. Микоян, Л. Берия, Г. Маленков, Н. Булганин, А. Косыгин нар Монголын талаас Х. Чойбалсан, Ю. Цэдэнбал, С. Лувсан, Б. Ширэндэв, Ж. Самбуу нар оролцсон байна.

Дайллагын төгсгөлд Сталин Монгол-Зөвлөлтийн харилцааны түүхэн хоёр үйл явдлыг тэмдэглэхийг хүсэж байна гээд дараах агуулгатай үгийг хэлсэн байна. «Нэгдүгээрт, Гадаад Монгол болох БНМАУ нь Японыг эсэргүүцсэн дайны үед гагцхүү үнэн хэрэг дээр тусгаар тогтнолоо олж авснаар барахгүй, харин өөрийн тусгаар тогтнолыг албан ёсоор хүлээлгэн батлуулсан байна. СССР ба Хятад улсын хооронд холбоо ба нөхөрлөлийн тухай гэрээг байгуулахаар хэлэлцээ явуулж байсан үед хятадууд нь Монголын

²⁰ С Рэнцэнсоном. БНМАУ, ДИУ-ын хооронд 1946 онд хэвийн дипломат харилцаа тогтоосон тухай бяцхан дурсамж // Ертенцийн чихнээ: Монгол элч нарын дурсамж. Улаанбаатар, 1991. 92–94-р тал.

тусгаар тогтнолыг хүлээн зөвшөөрөх дургүй байсан юм. Хэрвээ Монголын тусгаар тогтнолыг Хятадаас хүлээн зөвшөөрөх аваас Төвд ба Дотоод Монгол болон бусад үндэстнүүд бас тэр явдлыг шаардах болно хэмээн Хятадын ерөнхий сайд Сун Зывэнь бид нарыг ятгаж байсан юм.

Гэвч бид энэхүү асуудлыг японы эсрэг дайнд оролцох эсэхийн болзол болгож тавьсан юм. Хэрэв БНМАУ-ын тусгаар тогтнолыг Хятадаас хүлээн зөвшөөрөхгүй бол бид Японтой байлдахгүй хэмээн хятадуудад бид нараас хэлсэн юм. Чингээд хятадууд нь БНМАУ-ын тусгаар тогтнолыг аргагүй зөвшөөрөх болсон юм. Иймд БНМАУ нь үнэн хэрэг дээрээ тусгаар тогтнолыг олж авахаар үл барам харин өөрийн тусгаар тогтнолыг албан ёсоор зөвшөөрүүлсэн нь түүхт явдал мөн юм. Тусгаар тогтносон Монгол ард улсын төлөөнөө хундага дэвшүүлье.

Хоёрдугаар түүхт явдал нь: СССР ба БНМАУ хоёрын хооронд нөхөрлөл ба харилцан туслалцах гэрээ байгуулсан явдал мөн юм. Үүний урьд манай хооронд харилцан туслалцах протокол байсан юм. Одоо түүнийг гэрээ болгон хувиргасан болно. Энэ бол их түүхт явдал мөн. Энэ явдлын утга нь юунд орших вэ? гэвэл хэрэв гуравдагч этгээд БНМАУ руу хажуу талаас довтолох бол СССР-ийн зэвсэгт хүчин нь Монголд түүний тусгаар тогтнолыг хамгаалах явдалд нь туслах юм. Энэ нь ямар нэгэн этгээдээс БНМАУ-д довтолбол, тэр этгээд нь

бидэнтэй ЗХУ-тай тулгарах болно гэсэн хэрэг юм» гэж ярьсан байна²¹.

Сталины хувьд энэхүү хоёр түүхт үйл явдал гэдэг нь Монголын талаарх түүний геостратегийн бодлогын бодит үр дүн байлаа. Дэлхийн 2-р дайны дараа Зөвлөлтийн Алс Дорнодын аюулгүй байдлыг хангах асуудлын хүрээнд тэрээр БНМАУ-ын ирээдүйг багтаан авч үзэж өөрийн геостратегийн тооцоо сонирхлын үүднээс асуудалд хандсан юм. Юуны өмнө дайнд ялсан ЗХУ-ын асар их нэр хүндийг ашиглан Чан Кайши, Гоминьданы Хятадад даралт шахалт үзүүлж БНМАУ-ын хоёрдмол байдлыг эцэс болгож Хятадаас тусгаар тогтноулах зорилт тавьж түүнээ гүйцэтгэжээ. Чан Кайши Манжуур болон Шинжааныг Хятадын бүрэлдэхүүн харьяанд авч үлдэх тооцооны үүднээс Гадаад Монголыг түүний ард түмэн нь санал хураалтаар тусгаар тогтнох хүслээ илэрхийлэх болзолтойгоор албан ёсоор хүлээн зөвшөөрөхөөс өөр аргагүй байдалд орсон юм. ЗХУ-ын удирдагч Иосиф Сталин Япон, Хятад аль нэг орны зүгээс БНМАУ-д заналхийлж түүгээр дамжин Зөвлөлтийн Алс Дорнод, Сибирийн аюулгүй байдалд аюул занал учруулах явдлыг дахин мөдддөө гаргуулахгүйн тулд Зөвлөлт-Монголын харилцан туслалцах протоколыг 20 жилийн хугацаатай нөхөрлөл ба харилцан туслалцах гэрээ болгон өөрчилж баталгаажуулж авсан болно.

²¹ Лхамсүрэнгийн Бат-Очир. Дурдсан зохиол. 178–179-р тал.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: ЯЛТИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ И СТАТУС-КВО МОНГОЛИИ

Вопрос о независимости Монголии де юре был решен на встрече глав трех великих держав, состоявшейся в Ялте в период конца Второй мировой войны. Несомненно возникает вопрос о том, почему Сталин¹ на встрече трех великих держав в Ялте в качестве условия объявления войны Японии потребовал вынести на рассмотрение несколько вопросов, среди которых, в первую очередь, ставился вопрос о независимости Монголии. Об этом хотелось бы высказать свои соображения в данной статье.

В связи с тем, что после 1932 г. в поле зрения Сталина находился вопрос о Монголии, он, часто встречаясь с руководителями Монголии того времени, предпринимал определенные шаги для претворения стратегической политики относительно Монголии, направленные в дальнейшем на Дальний Восток. Во время первой встречи и на последующих неоднократных встречах советских и монгольских руководителей можно проследить как монгольские руководители общались со Сталиным, какое понятие о Монголии они давали ему².

14 декабря 1944 г. Сталин, встретившись с послом США А. Гарриманом, говорил о политических условиях вступления в войну Советского Союза на Дальнем Востоке. По тому как послом было передано в Вашингтон: «Позиции России на Дальнем Востоке должны восстановиться полностью, как было раньше до русско-японской войны 1905 г. Русские стремятся вновь захватить порты Дайрен и Порт-Артур, железные дороги, построенные в Маньчжурии по договору с Китаем и соединенные с Дайреном южноокеанские железные дороги. Советский Союз не желает затрагивать суверенитет Китая в Маньчжурии», и добавил, что он хочет статуса-кво относительно Монголии³. Данное предложение Сталина дошло до президента США Ф. Рузвельта, и тем самым была сформирована основа обсуждения этого вопроса на переговорах в Ялте в феврале 1945 г.

¹ Сталин (настоящая фамилия Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878–1953).

² Батсайхан О. Монголия попути нации-государства 1911–1946. Иркутск; Улан Удэ, 2014.

³ Beloff. Soviet Policy in the Far East 1944–1945. A., 1953. P. 23–24.

11 февраля 1945 г. в предисловии проведенных переговоров по пакету вопросов о Дальнем Востоке руководители трех великих держав Советского Союза, США и Великобритании И. Сталин, Ф. Рузвельт и Уинстон Черчилль сказали: «В Европе закончена война, спустя 2–3 месяца после капитуляции Германии Советский Союз на стороне союзников вступит в войну против Японии. Условиями этого будут», первым условием было указано: «Сохранение статуса-кво Внешней Монголии (МНР)»⁴. Было ясно, что этот вопрос был введен И. Сталиным. То, что главами трех великих держав Советского Союза, США и Великобритании было признано сохранение статуса-кво (status quo) Монголии на переговорах в «нынешнем положении», стало основой признания независимости Монголии на уровне международных правовых норм⁵.

Таким образом, в данном протоколе было отмечено, что эти положения переговоров, касающиеся вопроса относительно Внешней Монголии, требуют признания от генералиссимуса Чан Кайши, и по совету маршала И. Сталина президент Рузвельт высказался принять все меры по этому поводу⁶.

В вынесении такого решения, имеющего для монголов исключительно важное значение, было очевидно, что довольно определенные результаты дал визит вице-президента Америки Хэнри Уэлса в Монголию.

Президент США Трумэн согласно указаниям договора, уделив внимание на претворение его решения, послал совершенно секретную телеграмму маршалу Сталину 15 июня 1945 г., в которой он писал о своих шагах, сделанных с руководителями Китая о признании статуса-кво МНР: «Условия, поставленные Советским Союзом, были сообщены Чан Кай ши, таким

⁴ Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США, Великобритании (3–11 февраля 1945 г.): сб. документов. М., 1979. С. 273–274.

⁵ Крымская конференция руководителей трех держав СССР, США и Великобритании 4–11 февраля 1945 г. М., 1984. С. 255.

⁶ Лузянин С. Г. Ялтинская конференция и проблемы международно-правового оформления КНР накануне и в годы второй мировой войны // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 6.

образом, послу Хэрли поручено, чтобы они были признаны. Также, послу Хэрли поручено указать сообщить генералиссимусу о том, что США будет придерживаться решений ялтинского договора»⁷.

Также в ответе Сталина президенту Трумэну в этот день говорилось: «Мы получили ваше послание о подготовке к советско-китайским переговорам и о поручении, данном по этому поводу господину Хэрли. Выражаем благодарность за предпринятые Вами меры в этом деле»⁸.

19 июня 1945 г. посол СССР в КНР А. А. Петров, встретившись с заместителем генерального штаба Китая Бай Чунси, детально обсудили роль Советского Союза в решении вопроса о политическом единстве Китая. Во время встречи большое время уделялось вопросу коммунистической партии Китая и отношений с Советским Союзом, в ходе беседы Бай Чунси интересовался о позиции Советского Союза по отношению к Монголии, на это посол ответил: «наши отношения с МНР очень дружественные, и мы поддерживаем дипломатические отношения с ней»⁹.

Переговоры Сталина с Сун Цзывэн

Через две недели после мероприятий, принятых президентом Америки согласно решениям ялтинского соглашения, 30 июня 1945 г. с официальным визитом в Москву прибыла правительственная делегация Китая во главе с премьер-министром Сун Цзывэн¹⁰ и провела

⁷ Переписка председателя Совета министров СССР с президентом США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1957. Т. 2. С. 243.

⁸ Там же. С. 244.

⁹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 0100. Оп. 33. Д. 14. П. 244. Л. 151–157. См. также: Сборник документов Русско-китайские отношения в XX в. Т. 4; Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 2, 1945 г. / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М., 2000. С. 61–65.

¹⁰ Поскольку Сун Цзывэн был председателем Исполнительного Юаня национального правительства Китайской республики, китайский президент Чан Кайши в собственноручно написанном письме Сталину писал: Я посылаю с официальным визитом председателя Исполнительного Юаня доктора Сунзы Вэня. Доктор Сунзы Вэнь является моим поверенным лицом, и все им сказанное Вам является моим мнением. Это письмо было написано на китайском языке и с русским переводом хранится в архиве МИД РФ (Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 2, 1945 г. М., 2000. С. 73.).

переговоры¹¹. Одним из основных вопросов данных переговоров был вопрос о признании статуса-кво Монголии.

Как говорится в архивных источниках, с 30 июня по 14 августа 1945 г. в ходе переговоров делегация КНР во главе с премьер-министром правительства Сун Цзывэн и руководители Советского Союза во главе со Сталиным встречались между собой 9 раз, а китайская делегация во главе с Сун Цзывэн (без участия Сталина) встречалась с Молотовым в отдельности по крайней мере дважды.

Как было отмечено китайцами, вопрос по отношению к Монголии был не только одним из основных вопросов данных переговоров, но он являлся нарывом. Если Сталин во время переговоров показывал свои хорошие знания о Монголии, то Сун Цзывэн говорил о том, что он также немало знает о Монголии.

На встрече, состоявшейся 2 июля 1945 г. были выражены их позиции, из этого следовало, что Сун, выразив свое стремление к обсуждению всех вопросов, сказал: «Вопрос относительно Внешней Монголии не разрешится в настоящее время. Этот вопрос необходимо оставить открытым, вообще не намерен обсуждать по этому вопросу»¹². Но товарищ Сталин, помимо выражения своей мысли, говорил: «Внешняя Монголия расположена в специфически геополитической ситуации, и из-за такой ситуации японцы могут разрушить позиции Советского Союза на Дальнем Востоке. До войны еще японцы стремились вторгнуться в районы Халхин гола, если Советский Союз не имел законные права по защите территории Монголии, то Дальний Восток может цели-

¹¹ Данный визит китайского Председателя Исполнительного юаня был подготовлен МИДом СССР согласно дипломатическому протоколу правительственного визита на высшем уровне, и по протоколу планировался визит Сун Цзывэна в Москву всего лишь на 5 дней. На встрече большой тройки в Ялте 1945 г. была достигнута договоренность об основах советскокитайских переговоров, советская сторона надеялась, что поскольку китайская сторона подготовилась к ним с участием США, то все вопросы советско-китайских отношений будут решены в краткий срок. Однако этот визит не уместился в запланированные 5 дней и затянулся, более того Сталин и Сун многократно встречались. На Кяхтинских переговорах 1915 г. Китая, России и Монголии китайская сторона надеялась завершить их в кратчайшее время, однако тройственные переговоры затянулись и продлились 9 месяцев. И на этот раз переговоры в Москве затянулись.

¹² Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 2, 1945 г. М., 2000. С. 73.

ком попасть под угрозу утраты для Советского Союза, и это стало бы неблагоприятным также и в отношении Китая, но несмотря на то, что Япония безоговорочно капитулировала, она не исчезнет с лица земли. История показывает, что японцы — могучая нация. Советскому Союзу необходимо иметь права защищать территорию Монголии с помощью своих войск, и это будет соответствовать и интересам Китая».

Следующие слова, высказанные Сталиным, вызывают определенный интерес: «МНР не желает попасть в состав КНР. Монголы стремятся к самостоятельному существованию и к независимости. Китаю выгодно раздробить Внешнюю Монголию, иначе Внешняя Монголия станет фактором объединения всех монголов. А это будет не выгодно Китаю»¹³.

Это было не желание монголов к присоединению с Китаем, высказанные Сталиным от их имени. Он неоднократно высказывал эту мысль в ходе переговоров. То, что именно Сталин так заявлял от имени монголов, после неоднократных встреч с ними, свидетельствует то, что у него имелись свои представления относительно Монголии.

Сталин с целью объяснить свою позицию в отношении Монголии Сун Цзывэну пересказал позицию советского правительства в переговорах во время Крымской конференции. Он говорил о том, что, во-первых, советскому правительству необходимо усилить свою стратегическую позицию против Японии, потому что Советский Союз думает на основе связей с Китаем общими силами разгромить Японию. В любом случае говорим ли мы о Порт-Артуре, о восточно-китайской железной дороге, Южном Сахалине или о Внешней Монголии, Советский Союз ставит одну единственную цель усиления стратегической позиции Советского Союза с будущим союзником — Китаем — в войне против Японии. Ни МНР, ни Порт-Артур, ни восточно-китайская железная дорога не имеют значения ради сиюминутной выгоды. Все делается для усиления стратегической позиции против Японии. Во-вторых, советский народ воюет уже четыре года. Он понимает необходимость сражаться в случае нападения. Теперь мы должны напасть на Японию, если будет так, то уставший от войны народ скажет: «Мы нападаем, когда нас не трогают. А как нам объяснить причину нападения. Это должно объясняться

¹³ Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 2, 1945 г. М., 2000. С. 74.

тем, о чем мы говорим сейчас. Поэтому мы должны обратить свое внимание на эти две главные мысли в дальнейшем на наших переговорах», — особо подчеркнул Сталин Сун Цзывэну¹⁴.

После того как Сталин объяснил свою позицию, Сун Цзывэн отметил, что генералиссимус Сталин не понимает позицию Китая, и добавил: «Китай находится в очень тяжелом положении, и поэтому правительству Китая ни в коем случае нельзя, проявляя любезность, отдавать часть своей территории», и «Мы не будем обсуждать теперь вопрос о Внешней Монголии, оставим в покое спящую собаку»¹⁵. То, что Сун Цзывэн сравнил Внешнюю Монголию со «спящей собакой» и сказал о том, что «не разбудить», означает, что он в какой-то степени опасался «кусачей собаки». Из этого видно, что он не являлся хозяином собаки, и если «нет хозяина, не признающего собаку, так и нет собаки, не признающей хозяина». Предложение Сун Цзывэна было предложением оставить в стороне на этот раз вопрос о Монголии, так как этот вопрос уже стал ясным на встрече большой тройки, поэтому было понятно, что этот вопрос будет обсуждаться на переговорах Китая и Советского Союза. В ходе беседы Сун Цзывэн и Сталин затронули вопросы в отношении Порт-Артура и восточно-китайской железной дороги, и к концу этих вопросов Сун вновь вернулся к вопросу о Монголии: «этот вопрос пока превышает Китая. Почему правительство Советского Союза не проявляет вежливость к Китаю в таком трудном вопросе», на это Сталин вновь повторил свою прежнюю мысль о том, что «монголы сами не желают входить в состав Китая. Я понимаю, что имеются трудности, но их надо преодолеть. Мы не можем придумать другое. Советское правительство делает уступки по отношению к Порт-Артуру, китайцы должны делать уступки для МНР»¹⁶. Сун в своем ответе особо отметил, что Китай сейчас не ставит вопрос относительно Внешней Монголии.

Сталин разъяснил, что непременно возникнет вопрос о Монголии, и при подписании

¹⁴ Запись второй беседы И. В. Сталина с председателем Исполнительного юаня и министром иностранных дел Китайской Республики Сун Цзывэном в ходе советско-китайских переговоров в Москве 2 июля 1945 г. (Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 2, 1945 г. М., 2000. С. 74).

¹⁵ Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 2, 1945 г. М., 2000. С. 74.

¹⁶ Там же. С. 79

союзного договора необходимо учитывать все вопросы. Война нас многому научила, в случае признания Монголией независимости Советский Союз будет иметь права на ввод своих войск на ее территорию при возникновении угрозы со стороны Японии. «Нельзя пренебрегать этой ничтожной болезнью, ее надо удалить именно сейчас»¹⁷, т. е. решить данный вопрос, не откладывая.

Однако в ответ Сун стремился во чтобы ни стало отложить решение вопроса о Монголии, считая, что эта ничтожная болезнь не причинит боли Китаю, Китай ни разу не сопротивлялся вводу советских войск на территорию Монголии¹⁸.

Сталин же не только не изменил своей позиции, но и повторяя вышесказанное, сказал: «МНР хочет именно сейчас окончательно определить вопрос применительно своей ситуации. Внешняя Монголия не богата ни для Китая, ни для Советского Союза, а играет большую роль для Советского Союза лишь из-за своего географического положения», и заявил в этот день о «необходимости немедленного подписания договора о признании независимости Монголии, а об этом объявить после разгрома Японии, что является единственным возможным выходом»¹⁹.

И таким образом, Сталин твердо и непреклонно стоял на позиции признания независимости Монголии, а сам предложил китайцам о провозглашении независимости ее объявить после войны, что было для Сталина уступкой.

Статус-кво Монголии

Третья встреча Сталина с Сун Цзывэном состоялась 7 июля, на этот раз обсуждался вопрос только о Монголии, и содержание данной беседы несомненно интересно. Переговоры продолжались 50 мин (в китайских источниках записано 45 мин), Сталин твердо стоял на своей позиции о необходимости признания независимости Монголии, а Сун Цзывэн по указанию Чан Кайши придерживался противоположной ему позиции о предоставлении Монголии неограниченной автономии, в случае необходимости в той же степени не сопротивляться вводу советских войск. Во время третьей встречи Сталина и Суна обсуждался вопрос о Монго-

лии, в частности, вопрос о так называемом понятии статус-кво Монголии. Поэтому будем опираться на документы, чтобы определиться в том, какой позиции придерживались две стороны по данному вопросу.

Сун заявил о признании китайским правительством статуса-кво Монголии²⁰ и объяснил свою мысль, что на ялтинских переговорах было лишь указано о сохранении статуса-кво Монголии.

В ответ на это Сталин очень четко объяснил, что советское правительство под статусом-кво понимает признание независимости МНР²¹. Он четко определил статус-кво в Крыму, добавив, что он понимал это именно в этом значении. Две стороны защищали свои позиции следующим образом: если Сун объяснял, что в случае признания Китаем независимости МНР правительство Китая падет, и вслед за Монголией встанет вопрос по отношению к Тибету, поэтому общественное мнение не позволит этого, а Сталин брал пример с Финляндии.

Сталин сказал: «Мы с Молотовым предложили данное определение о статусе-кво, а остальные подписались под ним. Под данным определением подразумевался вопрос признания независимости МНР»²², данная мысль со стороны была поддержана Молотовым.

После этого Сун заявил о том, что Китай не сможет признать независимость Внешней Монголии²³, такова позиция Чан Кайши, и выразил свое мнение о советской политике по отношению к Внешней Монголии, как «позиции Советского Союза, нацеленной на ввод советских войск на территорию МНР».

Далее, Сталин четко определил позицию монголов: «монголы не только не желают оставаться в составе Китая, но также и не хотят входить в состав Советского Союза. Они стремятся к независимости»²⁴.

Сун попытался сказать, придерживаясь своей прежней позиции: «Китай может предоставить Монголии неограниченную автономию»²⁵. Когда он напомнил о теории Сун Ятсена о целостности и сохранности территории Китая, а Сталин в ответ сказал о том, что во времена Сун Ятсена в Монголии не было никакой китайской власти, там были русские солдаты,

²⁰ АВГРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 322. Л. 19–27.

²¹ Там же. Л. 22.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 23.

²⁵ Там же. Л. 24.

¹⁷ Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 2, 1945 г. М., 2000. С. 79.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

МНР существует как суверенное государство 24 года, абсолютно не желая быть провинцией Китая²⁶.

Сталин, как и прежде, четко определил свою позицию, твердо заявив о том, что советское правительство не может делать уступки по вопросу о МНР²⁷.

Мы хотим установить наши советско-китайские отношения в настоящем и будущем, опираясь на конкретную обстановку, и заявил о подготовленном проекте договора на 20 лет, который передал Суну через Молотова. В четырех проектах этих переговоров были проекты о восточно-китайской железной дороге, южно-китайской железной дороге, о Порт-Артуре и об острове Дальний, а также был включен проект декларации о независимости МНР (Проект декларации о независимости Монгольской Народной Республики).

Из дальнейшего следует, что обе стороны признали, что действительно переговоры зашли в тупик, что ощущалось в беседе²⁸ посла СССР в Китае А. А. Петрова с сыном Чан Кайши Цзян Цзинго по вопросу о независимости МНР. Эта встреча проходила 8 июля 1945 г. через день после третьей встречи Сталина с Суном. Во время этой встречи Петров твердо придерживался прежней позиции признания независимости МНР и отмечал, что в случае непризнания его переговоры не смогут выйти из тупика.

Во время этих трех встреч твердая позиция Сталина по вопросу Монголии в определенной степени привела к уступкам китайских представителей.

9 июля 1945 г. Сун Цзывэну была прислана телеграмма от Чан Кайши, в которой говорилось: «Учитывая то, что вопрос относительно Внешней Монголии оказывает особое препятствие в советско-китайских отношениях, проявив заботу об общих интересах обеих стран, о мире и спокойствии на многие годы, китайское правительство возможно будет рассматривать вопрос по отношению к Внешней Монголии только после победы над Японией, но лишь после признания Центральным правительством предложений в трех пунктах по вопросу оказания любой формы помощи относительно Маньчжурии, Шинджияна и Китая со стороны СССР. Но решить данный вопрос в случае проведе-

ния плебисцита во Внешней Монголии, если плебисцит подтвердит желание монгольского народа поддержать сохранение независимости Внешней Монголии, то правительство Китая не будет сопротивляться ее независимости. Территория Внешней Монголии будет определяться по установленной географической карте Китая первичной границей»²⁹.

Четвертая встреча Сталина и Суна произошла 9 июля 1945 г. в Москве. В начале встречи Сун сообщил Чан Кайши о том, что переговоры не достигнуты, и что он получил от него ответ. Сун говорил о том, что он не думал, что вопрос о Монголии так много будет препятствовать советско-китайским отношениям и ознакомил с телеграммой Чан Кайши. После этого Сталин, вновь подтверждая свою позицию, говорил о том, что статус-кво МНР означает признание независимости МНР, которая существует как независимое государство, начиная с 1921 г. Нам хотелось бы, чтобы данный статус-кво был сейчас признан как признание независимости МНР советским правительством³⁰, а Сун в ответ сказал не колеблясь, что с точки зрения китайской стороны статус-кво Внешней Монголии означает признание суверенитета Китая на данной части его территории.

Сталиным было отмечено, что данный суверенитет Китая в действительности не существует на протяжении 24 лет.

После продолжительной беседы Сталин вновь вернулся к предложению Китая относительно Внешней Монголии и спросил, что если независимость Монголии не будет признана сейчас, то может после капитуляции Японии. Таким образом, он напомнил о том, что в прошлый раз предлагал немедленно признать независимость МНР, и провозгласить ее после капитуляции Японии³¹.

Сун заявил о признании независимости МНР в случае подтверждения ее плебисцитом после капитуляции Японии. Вопрос уже решен и правительство Китая не уклоняется от решения вопроса относительно Монголии³². Сталин

²⁹ Телеграмма Чан Кайши Председателю Исполнительного юаня, главе китайской делегации на советско-китайских переговорах в Москве Сун Цзывэну для передачи И. В. Сталину по вопросу о трех важных вопросах, касающихся суверенитета и территориальной целостности Китая. (Сборник документов Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4. С. 100—101)..

³⁰ Сборник документов Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4. С. 107

³¹ Там же. С. 108—109.

³² Там же. С. 109.

²⁶ АВПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 322. Л. 24.

²⁷ Там же. Л. 25.

²⁸ Сборник документов Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4. С. 92.

напомнил о том, что это вопрос не о справедливости, а о том, что все должно быть очень четко и ясно.

Среди вопросов, обсужденных на пятой встрече³³ Сталина и Суна, состоявшейся 11 июля 1945 г., был вопрос о Монголии. В начале переговоров обе стороны поставили друг другу вопрос о содержании совместной ноты по вопросу относительно Монголии.

Сталин в связи с этим вопросом говорил, что «Если раньше Китай не признавал независимость МНР, то в новых условиях ему необходимо согласиться сделать этот шаг теперь», и Сун на это ответил: «Китай готов признать независимость МНР»³⁴.

Когда Сталин затронул вопрос о границе Монголии, Молотов отметил о необходимости признания границы относительно Внешней Монголии, а Сун говорил, что вопрос о границе Монголии является спорным.

После всего этого Сталин сказал, что формулировку китайской ноты лучше будет определить: «гоминьдановское правительство Китая признает независимость МНР в случае подтверждения ее плебисцитом в ее нынешних границах»³⁵.

Молотов предложил в предисловии проекта ноты отразить мысль о том, что «монгольский народ неоднократно выражал готовность за независимость своей родины», а также посчитал правильным предложение о внесении мнения «на нынешней границе»³⁶. Сун аргументировал, что необходимо вновь посоветоваться в таком случае с Чан Кайши. Сталин предложил ему абсолютно не упоминать о пограничном вопросе.

Восьмая встреча Сталина с Суном прошла 10 августа 1945 г. В русских источниках данная встреча была записана как седьмая.

В начале встречи Сталин отметил о необходимости завершить переговоры и подписать документы. Советская сторона не признает по вопросу относительно Монголии, в частности,

³³ Запись пятой беседы И. В. Сталина с Председателем Исполнительного юаня и министром иностранных дел Сун Цзывэнем на советско-китайских переговорах в Москве в ходе обсуждения вопросов статуса Монгольской Народной Республики, Порт-Артура и Дайрена, КВЖД и ЮМЖД 11 июля 1945 г. (Сборник документов Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4. С. 124–131)

³⁴ Сборник документов Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4. С. 125.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

признание независимости МНР по границам, указанным на карте Китая. Потому что эта пограничная территория не обоснована, границу Монголии надо признать такой какая она есть сейчас³⁷.

Когда Сун в ходе переговоров стал говорить об уступках, оказанных китайскими представителями по многим вопросам, касающимся Монголии, Порт-Артура и других, Сталин прямо ответил, что не следует говорить такое о МНР, так как Монголия давно утеряна для Китая³⁸.

Если во время встречи Сун говорил о том, что Монголия занимает 1/7 часть территории Китая, то Сталин сказал о Монголии, что она состоит сплошь из пустыни Гоби.

Когда представитель делегации Китая Ван коснулся вопроса о границе, то Сталин ответил, что МНР просуществовала 20 лет, она занесена в географическую карту, поэтому необходимо признание ныне существующей границы. «Вопрос о признании независимой МНР — уже решенный по договору вопрос, но предложение Вана похоже на отказ от признания независимости МНР», если правительство Китая желает отказаться от этого, то оно должно непосредственно сказать.

Глава китайской делегации Сун даже выдвинул предложение, чтобы советские картографы вместе с послом Петровым прибыли в Чунцин и совместно с китайскими картографами установили монгольскую границу. Молотов придерживался позиции, что нельзя решать вопрос о границе Монголии без участия самих монголов.

Сталин отметил, что предложение Суна неудачно, потому что монголы будут решительно против решения об изменении их государственной границы, вообще не стоило бы ставить данный вопрос, и далее сказал: «Монгольский народ стремится к объединению, мы тут хотим делить границу существующей Монголии. Нам же сейчас необходимо признать независимость МНР. По поводу собственного стремления монголов присоединить к себе Внутреннюю Монголию необходимо заранее

³⁷ Запись восьмой беседы И. В. Сталина с Председателем Исполнительного юаня и министром иностранных дел Сун Цзывэнем на советско-китайских переговорах в Москве в ходе обсуждения вопросов статуса Монгольской Народной Республики, Порт-Артура и Дайрена, КВЖД и ЮМЖД 11 июля 1945 г. (Сборник документов Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4. С. 164–169.)

³⁸ Сборник документов Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4. С. 165.

предупредить их о том, чтобы не переходить за ныне существующую границу. Сталин вновь посоветовал китайской стороне не касаться вновь вопроса о границе МНР»³⁹. На этом и завершилась данная встреча.

13 августа 1945 г. состоялась девятая встреча И. Сталина с Сунем, на которой обсуждались вопросы относительно МНР и др.

В начале встречи Сун заявил о том, что о последней встрече было сообщено Чан Кайши, и от него был получен ответ, в котором сообщалось: «Чан Кайши признает независимость МНР в рамках ныне существующей границы»⁴⁰.

Сталин согласился с предложением Суна и сказал, что после ратификации спустя несколько дней Договора о дружбе и сотрудничестве заявление о признании независимости МНР будет действительным⁴¹.

В конце данной встречи Сун предложил подписаться на всех договорах и протоколах переговоров 14 августа, Сталин заявил о том, что с советской стороны будет подписываться В. Молотов.

Так завершились переговоры, продолжившиеся полтора месяца, договоры были подписаны 14 августа 1945 г.⁴², в их числе были и договоренности по признанию независимости Внешней Монголии.

Протоколы данных переговоров выглядят следующим образом:

**Нота правительства КНР⁴³
народному комиссару СССР В. М. Молотову
о независимости Внешней Монголии
от 14 августа 1945 г.**

Господин Народный комиссар,

Правительство Китая сообщает о признании независимости Внешней Монголии в суще-

ствовавших тогда границах согласно неоднократному стремлению монгольского народа в борьбе за независимость Внешней Монголии в случае подтверждения ее плебисцитом этого желания после капитуляции Японии.

Вышеуказанное заявление КНР и СССР от 14 августа 1945 года будет действительным после ратификации Договора о дружбе и сотрудничестве.

Господин Народный комиссар, примите мое глубокое почтение.

Ван Шицзэ.

*Народному комиссару Иностранных дел СССР,
господину Молотову, Москва*

**Нота от правительства СССР⁴⁴
правительству КНР, связанная
с признанием независимости
Внешней Монголии (МНР) КНР
от 14 августа 1945 г.**

Господин министр,

«Правительство Китая сообщает о признании независимости Внешней Монголии в существовавших тогда границах согласно неоднократному стремлению монгольского народа в борьбе за независимость Внешней Монголии, в случае подтверждения ее плебисцитом этого желания после капитуляции Японии».

Выражаем принятие Вашей ноты в следующем: «Вышеприведенное заявление КНР и СССР будет действительным после случая ратификации Договора о дружбе и сотрудничестве, подписанный между КНР и СССР от 14 августа 1945 года».

Сердечно принимаем вышеуказанную ноту правительства КНР и заявляем о том, что и впредь будем уважать со своей стороны СССР в дальнейшем политическую независимость МНР (Внешней Монголии) и ее территориальную целостность.

Господин министр, примите мое глубокое уважение.

В. Молотов

*Министру Иностранных дел КНР,
господину Ван Шицзэну, Москва⁴⁵*

Таким образом, завершение продлившихся долгое время переговоров совпало с объявлением СССР войны с Японией. Вскоре после этого с подписанием договора о безоговорочной капитуляции Японией закончилась война.

³⁹ Сборник документов Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4. С. 169.

⁴⁰ Запись девятой беседы И. В. Сталина с Председателем Исполнительного юаня и министром иностранных дел Сун Цзывэнем на советско-китайских переговорах в Москве в ходе обсуждения вопросов статуса Монгольской Народной Республики, Порт-Артура и Дайрена, КВЖД и ЮМЖД 11 июля 1945 г. (Сборник документов Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4. С. 182–184.)

⁴¹ Сборник документов Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4. С. 182.

⁴² Там же. С. 187–198.

⁴³ Сборник документов Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4. С. 198; Правда. 1945. 27 авг.

⁴⁴ Сборник документов Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4. С. 198; Правда. 1945. 27 авг.

⁴⁵ Неофициальный перевод с китайского языка.

Что означает нынешняя граница Внешней Монголии, провозгласившей свою независимость в 1921 г., как было уже выше сказано Сталиным.

Если брать истинное положение дел, то государство Дай Цин существовало до 1911 г., это было Маньчжурское государство, объяснил, что оно было унаследовано возрожденным новым Китаем, а Монголию пытались считать одной из его частей. Но монголы в 1911 г. отделились от государства Дайцин как независимое государство, провозгласив свою независимость, обустроив свое государство, и после него, подтвердили свою историческую независимость, доказав, что никогда в истории не были под покровительством Китая, и Монголия соседствовала с приграничным Китаем⁴⁶. Во время Кяхтинского договора трех держав из-за того, что монгольскими чиновниками того времени было удачно доказано историческое прошлое монголов и китайцы оказались в безвыходном положении, конкретным фактом является то, что данные переговоры продолжались 9 месяцев в 1914–1915 гг.

Но основой того, что на Ялтинских переговорах глав трех держав был признан статус-кво Монголии, как было выше указано, также переговорами Сталина и Суна было, как думается, указание 11 пункта Кяхтинского договора трех стран России, Китая и Монголии в 1915 г.: «Территория Автономной Внешней Монголии... это территории, подчиненные прежнему министру Хурэ, главнокомандующему Улясутая, администрации Кобдосского министра и приграничные территории с Китаем, а на восточной части — границы Холонбуйра, на юге — Внутренняя Монголия, на юго-западе — пограничье Шинжана и многие хошуны Кобдосского пограничья»⁴⁷. Дело в том, что после этого до 1945 года вопрос о границах Монголии ни разу тщательно не обсуждался.

Историческим фактом является то, что Монголия, провозгласив свою независимость в 1911 г., согласно Кяхтинскому договору трех держав в 1915 г. она была разграничена только 4 Халхаскими районами и Кобдоским пограничьем, в 1921 г. в той же степени возродила вновь свою независимость, существуя как суверенное государство.

⁴⁶ Батсайхан О. Последний император Монголии VIII Богд Жавзандамба хутагт: жизнь и легенда. 3-е изд. Улан-Батор, 2014.

⁴⁷ Кяхтинский договор Китая, России и Монголии (Дневник): сб. документов / сост. и ред. О. Батсайхан. Улан-Батор, 1999. С. 208.

30 декабря 1945 г. состоялась встреча Сталина с личным представителем Чан Кайши Цзян Цзинго, которая длилась 1 час 40 минут. В конце данной встречи Молотов спросил у сына Чан Кайши: «Решен ли вопрос о признании независимости Внешней Монголии правительством Китая?»⁴⁸ Он ответил: «Решение правительства Китая о признании независимости Внешней Монголии будет опубликовано в начале января после переезда китайского правительства в Нанкин»⁴⁹.

Вторая встреча Сталина с личным представителем Чан Кайши Цзян Цзинго, длившаяся 1 ч 30 мин, состоялась 3 января 1946 г. Во время этой встречи они не касались вопроса независимости Монголии. Но позже принимавший участие в переговорах со Сталиным один из китайских представителей Цзян Цзинго в своей книге «Мой отец» писал: «На вопрос, почему вы так неустанно ставите вопрос о независимости Монголии?», то Сталин ответил: «По правде говоря, Монголия интересует нас в военно-стратегическом плане, поэтому нам нужна эта территория».

Протокол встречи Сталина с представителем Китая Сун Цзывэном был опубликован на Тайване на китайском языке и частично был опубликован в переводе на монгольский язык. Протоколы на русском и монгольском языках встречи Сталина и Суна в основном совпадают, но можно заметить и некоторые различия.

В частности, в опубликованном на Тайване подлиннике было написано о том, что Сталин как глава великой державы, оказывая давление, обращался к Сун Цзывэну: «Сегодня не я прошу у тебя помощи, а ты просишь у меня помощи. Если сдержанно сказать, почему я хочу взять Внешнюю Монголию, то считаю необходимой эту часть территории с военно-стратегической позиции»⁵⁰.

Думаю, что описание всех деталей встреч этих великих руководителей внесет вклад в изображение их личностных качеств в исследованиях историков в последующем.

⁴⁸ Запись беседы И. В. Сталина с Цзян Цзинго, личным представителем Чан Кайши 1945, 30 дек. (Сборник документов Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4. С. 339.)

⁴⁹ Сборник документов Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4. С. 339.

⁵⁰ Чжан Дацзюнь чжу. Вай мэngu сяньдай ши. Ланьци Чубаньше юсянь гунсы иньсин. Тайбэй, 1983. Т. 4. С. 1587–1596.

Заклучение

Таким образом, во время переговоров между СССР и Китаем на высшем уровне, из-за неоднократной жесткой и неуклонной позиции Сталина по вопросу о признании независимости Монголии правительством Китая, вероятно, была сделана уступка со стороны Сун Цзывэна, имеющего более жесткую позицию по данному вопросу, чем Чан Кайши (такую оценку дал ему посол Америки Херли).

Сталин во время этих встреч неоднократно делал заявления от имени Монголии и монголов о том, что «монголы не желают входить в состав Китая». Не ограничиваясь этим, он также неоднократно делал заявления о том, что монголы не изъявляют желания присоединиться ни к Китаю, ни к СССР, они хотят присоединить к себе все монгольские племена, тем самым наглядно показывая то, как он хорошо разделяет их взгляды. Думаю, что будет верным утверждать, что на высказанные Сталиным эти слова повлияли дружественные отношения с Монголией, близкие связи с ее руководителями и, конечно же, помимо этого и затрагивающие Советский Союз интересы на Дальнем Востоке.

Считаю, что это предоставило огромную возможность и стало крупным шагом для монголов. МНР, объявляя войну Японии в 1945 г., вынесло обращение о присоединении Вну-

тренней Монголии, Х. Чойбалсан в своем обращении к монгольскому народу по радио 10 августа 1945 г. сказал: «Мы обеспечим объединение всех монголов в единую свободную, независимую и полномочную братскую семью после полного разгрома японских агрессоров и захватчиков совместно с героической Красной Армией, объединенными государствами и нациями», вызвав сомнение у внутренних монголов, в действительности, как было выше сказано Сталиным, продемонстрировавшим китайцам то, «как монголы умеют делать так», а не следствием предложенной Чойбалсаном инициативы о присоединении Внутренней Монголии. Иными словами, это послужило одним из многочисленных способов, чтобы объяснить китайцам сохранению статуса-кво Монголии.

В результате всего этого 20 октября 1945 г. по всей Монголии прошел плебисцит, и монгольский народ единогласно проголосовал за независимость своей страны. 6 января 1946 г. гоминьдановское правительство Китая с Чан Кайши, ознакомившись с результатами всенародного голосования граждан Монголии, было вынуждено признать независимость МНР. Таким образом, 10 февраля между МНР и Китайской Республикой установились дипломатические отношения и обмен нотами о взаимном обмене дипломатических представительств.

Раздел четвертый

ТУВА В СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ, МОНГОЛИИ, КИТАЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.

ТУВА В ТРЕХСТОРОННЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ, МОНГОЛИИ, КИТАЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.: ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ*

Проблема международного соперничества в центральноазиатском регионе является одной из самых актуальных в отечественной и зарубежной историографии. На протяжении длительного периода небольшие территории, расположенные в указанном регионе, оставались объектом национально-государственных интересов сопредельных государств, прежде всего, России, Китая и Монголии. В зависимости от внешнеполитической ситуации, соперничество между ними выражалось либо в вооруженных столкновениях, либо в форме не ярко выраженных конфликтов на уровне дипломатических споров, связанных с вопросами «законности» проведения линии границ. В отличие от первых, «скрытые» противоречия не могли существенным образом изменить характер международных отношений, однако без их рассмотрения невозможно составить целостную картину истории развития Центральной Азии.

Историю международных отношений в Туве следует рассматривать с учетом религиозного, этнического, геополитического и ряда других факторов.

Тува уникальна, и характер ее неповторимости проявляется всюду. Географически она располагается в центре азиатского материка, на стыке Сибири и Центральной Азии. Особенности территориально-географического положения региона, изолированность горными хребтами Восточных Саян и Тану-Ола с севера и юга, резко-континентальный климат, ландшафтное разнообразие, «приграничное» положение дают основания полагать, что он попадает под определение лимитрофа — про-

странства пересечения цивилизаций.

На протяжении трех веков Тува (до 1921 г. — Урянхайский край) оставалась объектом пресечения интересов могущественных соседей — Джунгарского ханства и Цинского Китая до 1755 года, Цинского Китая, Халхи и России — на протяжении XIX — первой половины XX веков. К началу XX в. значение региона как объекта геополитики для каждой из стран было разным. Так, для России была актуальной колонизация районов Тувы с целью экономического освоения нового рынка, решения проблемы аграрного кризиса в центральных районах империи. В свою очередь, для Цинского Китая было важным сохранить свою территориальную целостность, а Туву использовать в качестве потенциального плацдарма для будущей экономической и земельной экспансии. У Монголии, выделившейся в качестве субъекта активной политики в декабре 1911 г., основным мотивом территориальных претензий на Урянхай было расширение собственной территории в целях создания государства, объединенного одной национальной идеей. Присоединение территории края, а также Внутренней Монголии, Барги, позволило бы, по мнению правительства Богдо-гегена, упрочить «Великую Монголию». Страны-соперницы видели в Туве «буферную зону», которая в будущем обеспечила бы роль своеобразного «щита» в случае возникновения конфликтов с соседними государствами.

Цинская империя отводила Туве роль «внешнего» вассала в системе китаецентристской концепции. Отдаленность Тану-Урянхая от метрополии, его «закрытость» как для русских,

* Печ. по: Кузьмин Ю.В. «Урянхайский вопрос» и русско-монголо-китайские отношения в российской историографии и общественной мысли России на рубеже веков // Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. Кн. 3. Ч. 1 : Статьи участников 3-й Международной научно-практической конференции : сб. науч. тр. Иркутск ; Улан-Батор : Изд-во БГУЭП, 2014. 384 с. С. 224–248; Василенко В. А. «Урянхайский вопрос» в международной политике России, Монголии, Китая (первая четверть XX века): источниковедение и историография проблемы // Россия и Монголия в первой половине XX века: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука) : сб. науч. тр. Улан-Батор ; Иркутск : Изд-во БГУ, 2015. С. 99—114.

так и китайцев стали, по всей видимости, одной из причин, по которой «урянхайский вопрос» решался мирным путем, преимущественно — на уровне дипломатии.

Решение означенного вопроса правительством Российской империи зависело от ряда факторов: характера приоритетов во внешней политике — ориентире на запад либо Восток, степени стабильности отношений с «восточным соседом» — Китаем, имиджа России на мировой политической арене, степени ее потребности поднять свой авторитет за счет увеличения территорий на восточном участке границы. Император, центральные органы исполнительной власти, Иркутское генерал-губернаторство, Енисейское губернаторство, дипломаты в Пекине и Урге, Усинское пограничное управление, пограничный комиссариат и переселенческое управление с 1913 г. — вот неполный перечень основных «участников» решения комплекса проблем, известных под общим названием «урянхайский вопрос». Каждое ведомство, опираясь на различные источники информации, по-разному воспринимало сложившуюся в Туве политическую ситуацию и предлагало собственные варианты решения спорных моментов.

Динамика изменения курса «тувинской политики» представлена в обширной историографии по истории русско-тувинских отношений, истории дипломатических отношений России, Китая и Монголии.

История Тувы была объектом постоянного внимания исследователей, в том числе археологов, этнографов, географов, историков и религиоведов. Если в литературе конца 70-х — начала 90-х гг. XIX в. основное внимание уделялось этнографическим сюжетам, то с конца XIX в. всеобщее внимание привлекал «пограничный вопрос». Определение пограничной черты по Саянскому хребту либо хребту Танну-Ола стало предметом изучения Военного министерства и Иркутского генерал-губернаторства. В связи с неопределенностью пограничной линии, в Туву направлялись специальные экспедиции по проверке пограничных знаков.

Так, в 1892 г. была направлена экспедиция Перетолчина, в 1897 г. — полковника Баранова, в 1899 г. — пограничного начальника Александровича. По оценке горного инженера В. П. Селиванова (1914), чиновник Осташкин, военный Баранов устанавливали пограничные знаки хотя и в разных местах, но оба возобновляли границу в пределах Саянского хребта. В результате поездок были опубликованы:

отчет о поездке М. Хлыновского «Разведки в Саянах», В. Ошуркова «Из странствий по земле урянхов» (1898), монография А. Адрианова «Очерки Минусинского края» (1904), статьи П. Островских «Краткий отчет о поездках в Тожинский хошун Урянхайской земли» (1898), «Значение Урянхайской земли для Южной Сибири» (1899). В ряде этих работ пограничный вопрос не затрагивался, а был представлен географический, геологический, этнографический и другой материал об Урянхайском крае.

В конце 90-х гг. происходит усиление интереса России к дальневосточной политике, к Китаю (особенно к Маньчжурии). Урянхайский край рассматривается в этих планах как удобный стратегический пункт, место возможного воздействия на Китай. Он видится как слабое и уязвимое место Китая. Штаб Иркутского военного округа в 1895 г. предлагает следующую экспертную оценку: «В случае вооруженного столкновения России с Китаем на остающиеся свободными в пределах Иркутского военного округа войска предполагается главным штабом возложить занятие городов Кобдо и Улясутая, лежащих в Западной Монголии. Овладение вышепоименованными пунктами не только облегчит наши военные действия со стороны Западной Сибири и Забайкальской области, но и обеспечит вместе с тем нашу границу от нападения шаек инородцев, подвластных Китаю». Лучшими и наиболее выгодными путями для наступления войск признавались дороги: 1 — на оз. Косогол, 2 — через Минусинск, через хребет, заимку Сафьянова на Уланком. Штаб Иркутского округа, изучив оба варианта, отдал преимущество второму пути.

В российских публикациях 80–90-х гг. Урянхайский край рассматривается как часть Китая, особая провинция, куда оформляется заграничный паспорт. А. В. Адрианов в своей монографии «Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. по поручению Императорского РГО» (1886) отмечает слабую изученность Сибири и сибирских инородцев. Автор совершил путешествие из Томска чрез Шапшальский хребет до долины Кемчика, а затем его маршрут проходил по Кемчику и Енисею и закончился в Минусинске. По его мнению, Монголия оказалась изученной лучше, чем Сибирь. Нельзя не согласиться с этим соображением. Действительно, исследование истории и культуры тувинцев началось значительно позднее других народов Центральной Азии. Указывается также на слабый интерес русских, проживающих в Урянхае, к стране,

за исключением торговых вопросов. Русские, прожив несколько лет в крае, свободно говорили по-сойотски, но не имели элементарных сведений о нем. Специальную главу (3 глава, с. 192–203) А. В. Адрианов посвящает сойотам. Он отмечает сильное монгольское влияние, которое сгладило многие типические черты сойотов. Большинство лам, чиновников и богатых людей хорошо говорят по-монгольски, а родной язык находится у них в некотором пренебрежении. Сойотов он рассматривает как «подданных Китая». Касаясь проблемы двух границ в Урянхэе, А. Адрианов пишет: «По Саянскому хребту... проходит северо-западная русско-китайская граница, отделяющая владения сойотов от русских в южной части минусинского и бийского округов. По Танну-Ола, непрерывному хребту, проходит ряд караулов, отделяющих Монголию от урянхов, как называют китайцы и монголы сойотов»¹. По мнению А. Адрианова, граница по Танну-Ола более закрыта и недоступна для сойотов, чем русская граница. Больше близости находится между сойотами и качинскими татарами, исповедующими шаманизм, чем с монголами и китайцами, которые относятся с презрением к сойотам, т. е. налицо тяготение последних к России, к сибирским народам. Эти обстоятельства способствовали развитию в Урянхэе русской торговли, «окончательно убившей и без того ничтожную торговлю китайцев»². Однако автор находит состояние русской торговли неблагоприятным, а перспективы развития и само существование — «сомнительным». Запрещение долговой торговли в крае это уничтожение торговли вообще. В 1880 г. пекинское правительство запретило русским прочные постройки в земле урянхов, а разрешило строить только балаганы (летние строения) для хранения вещей. Это явилось серьезным затруднением для торговли. Не благоприятствовало торговле и воровство сойотов, которое являлось у них предметом похвальбы и гордости. Русские купцы оказывались втянутыми в покупку украденного скота или обворовывались сойотами. В целом, взгляд А. В. Адрианова на сойотское общество отличается объективностью, и политические оценки не связаны с социальными интересами. Позднее, в 1913 г. за поддержку забастовщиков он был выслан из Томска в Минусинск, где активно участвовал в работе газе-

ты «Минусинский край», а в 1915 г. был переведен в Урянхайский край. Там в 1915–1916 гг. он произвел раскопки 38-ми древних курганов и исследовал наскальные рисунки. Расстрелянный в 1920 г. как «активный противник советской власти», Адрианов позднее был незаслуженно забыт, а труды изъяты из научного обращения.

В начале XX в. Россия проявляет значительный интерес к Урянхэю. После закрепления России на Дальнем Востоке, с началом освоения Маньчжурии внимание российского правительства останавливается на Монголии, Урянхэе. Географическая близость края, его доступность для русских купцов и переселенцев благоприятствовали его освоению и заселению. Отдаленность региона от своей метрополии, слабость экономических связей между Тувой и Китаем, также были в пользу России. Кроме того, Урянхайский край, будучи «зажатым» между Россией и Монголией, был недосягаем для ведущих западных стран, претендующих на ту или иную часть Китая, то есть не находился в центре пересечения интересов основных империалистических государств. Освоение и колонизация края русскими осуществлялась постепенно и осторожно. Занимая явочным порядком Урянхайский край, русское правительство стремилось не привлекать внимание Китая к этому процессу и не обсуждать его на переговорах.

В этот период проводится серия научных экспедиций Ф. Я. Кона, А. В. Адрианова, Е. К. Яковлева, П. Н. Крылова по результатам которых был собран уникальный материал, расширивший представление российского общества о крае. Они специально не собирали материал по «пограничному вопросу», но их оценки состояния русской торговли в Урянхэе, характер взаимоотношений русских, сойот, монголов и китайцев представляют несомненный интерес для исследователей. Этнографическую экспедицию в Урянхайский край совершил Феликс Яковлевич Кон (1864–1941), известный российский и польский деятель революционного движения, во время отбывания им ссылки в Минусинске. Экспедиция в Засаянский край по изучению сойотов проходила с февраля 1902 г. до середины 1903 г.; был собран уникальный материал и ценная этнографическая коллекция. Ему оказали помощь в подготовке экспедиции Н. М. Мартыанов, директор Минусинского музея, А. В. Адрианов. Программу исследований Ф. Я. Кон составил совместно с Г. П. Сафьяновым, обговорив предваритель-

¹ Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. по поручению Императорского РГО. СПб., 1886. С. 204.

² Там же.

но ее с Г. Н. Потаниным и Д. А. Клеменцем. В обосновании отмечалось, что Усинский край и Урянхайская земля совершенно не изучены в этнографическом отношении. По результатам экспедиции Ф. Я. Кон опубликовал «Предварительный отчет по экспедиции в Урянхайскую землю» (Иркутск, 1903), «Усинский край» (Красноярск, 1914), «Экспедиция в Сойотию» (М., 1934). Длительное время вклад Ф. Я. Кона был вне внимания исследователей. В 1965 г. С. И. Вайнштейн в статье «Ф. Я. Кон как этнограф» ввел в научный оборот и проанализировал дневник его путешествия в Сойотию и переписку³.

В «Автобиографии» Ф. Кон отмечал, что «революционная работа 1905/06 гг., скитание по эмиграции, недоступность материалов, застрявших во Львове, не позволили проанализировать собранный материал. В «Предварительном отчете» автор прямо не касается «урянхайского вопроса», но отдельные его оценки и замечания о распространении ламаизма и монгольского языка, характера взаимоотношений сойотов и русских, отношений между ламаизмом и шаманизмом, русско-монголо-китайском торговом соперничестве затрагивают некоторые аспекты этой проблемы.

Ф. Кон специально не затрагивает вопрос о прохождении русско-китайской границы, однако из контекста видно, что Урянхай — китайская территория. Так, в начале отчета отмечается: «Второй период экспедиции был посвящен изучению Ойнаров, Сальджакон, и отчасти Мадинцев и изучению русских, живущих в зассеках, находящихся на Китайской территории и в пределах Усинского пограничного округа»⁴.

По мнению Ф. Кона, в Урянхае происходит «упорная», но «молчаливая» конкуренция китайских, монгольских купцов с русскими. Россия одевает преимущественно бедняков, а Китай привозит материал для богачей и чиновников. «Эта борьба, в которой одна сторона добивается цели дешевицей в ущерб качеству, другая — более прочным в правовом отношении положением в стране и более прочным и изысканным по качеству товаром»⁵.

Позднее изучение наследия Кона было продолжено В. Н. Ивановым в работе «Сибирские

³ Вайнштейн С. И. Ф. Я. Кон — как этнограф // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. 3. М., 1965.

⁴ Кон Ф. Предварительный отчет по экспедиции в Урянхайскую землю. Иркутск, 1903. С. 1.

⁵ Там же. С. 9.

народы в трудах Ф. Я. Кона» (Новосибирск, 1985), В. М. Минович «Фотографическая коллекция Ф. Я. Кона из экспедиции в Урянхайский край в фондах Иркутского объединенного краеведческого музея» (1989), В. М. Станевич «Ф. Я. Кон и ВСОРГО» (1994).

Широкое распространение среди коренных народов Сибири (тункинских бурят), а также монголов имело историческое предание, записанное в 1900 г. М. Хлыновским в Саянах. Согласно этому преданию, русская граница проходила не по вершинам Саян, как ее провели по Кяхтинскому трактату, а гораздо южнее озера Косогол. «Сысын-ван, посланный Эджинханом (китайским императором) заключать пограничный трактат с уполномоченным от русского правительства Гран-Саном (графом Саввою Рагузинским), подкупил последнего, и Гран-Сан согласился уступить китайской империи всю часть земли, находящуюся теперь между настоящею границею России и линией внутренних монгольских караулов»⁶.

При отправлении из Пекина вану Сысыну для подкупа были даны бочка золота, бочка серебра и приказ выбрать в Монголии трех красавиц. Несмотря на фантастичность и нелепость предания, М. Хлыновский не пытался его опровергнуть, подвергнуть критике или сомнению. Он пишет: «Таково предание об учреждении караулов. Насколько в нем правды, трудно сказать»⁷.

Вообще необходимо отметить эту особенность распространенности мифологического представления о русско-китайских отношениях, русско-китайской границе и среди более просвещенной части российского общества.

Казалось, что при издании известных в России книг Бантыш-Каменского, И. В. Щеглова это маловероятно.

Отражением общественного мнения, уровня научных представлений, их эволюции и характеристики «урянхайского вопроса» явились статьи «Сойоты», «Усинский округ», «Усинский пограничный округ» в основных энциклопедических словарях России Брокгауза и Ефрона, Граната. Усинский пограничный округ, выделенный из Минусинского уезда, определялся находящимся в южной части Енисейской губернии, на границе с северной Монголией⁸;

⁶ Хлыновский М. Разведка в Саяны в 1900 г. // Военный сборник. Б. м., б. г. С. 153.

⁷ Там же. С. 156.

⁸ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1902, Т. 69, С. 1

по другим данным — на границе с Китаем⁹. В статье, посвященной сойотам, они определяются как народность, которая обитает в верховьях Енисея, в основном в пределах китайских владений¹⁰.

Таким образом, совершенно однозначно Урянхай рассматривается как территория, не принадлежащая России, а относящаяся к Китаю и Монголии, а сойоты подданными Китая. Спорность границы никак не отмечается, а ее прохождение намечено по Саянам. Однако, в статье «Сойоты», опубликованной в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона¹¹, видна некоторая противоречивость, намечаются тенденции, получившие в дальнейшем развернутое обоснование. Урянхайцы и сойоты, по мнению составителей статей, «в былое время» считались «подвластными одновременно России и Китая, платя дань мехами (ясак) и тому и другому государству» (двоеданцы).

«Пограничный вопрос» на протяжении длительного времени оставался ведущим в общем направлении «урянхайской политики» российской империи. В 1903 г., с целью осмотра пограничных знаков по хребту Танну-Ола, в Урянхайский край была отправлена экспедиция полковника В. Попова, в будущем — командующего войсками Иркутского военного округа, активного сторонника присоединения Урянхайского края России. В ходе проверки он пришел к выводу, что «зависимость урянхов от китайских властей установилась путем «повидимому, путем частных соглашений, значительно более поздних, чем соответствующие договоры с Россией, и находящиеся в прямом противоречии с последними»; также им было выяснено, что китайская граница, охраняемая караулами, проходит по хребту Танну-Ола. Принимая во внимание эти факты, полковник предложил в ближайшее время выставить отряд в с. Усинском и выставить свои пограничные караулы напротив китайских. Предложение Попова было отклонено, тем не менее, полковник стал инициатором двух важных начинаний: исследования возможности судоходства у истоков реки Енисей и постройки колесной дороги между Минусинском и Урянхаем¹².

⁹ Большая энциклопедия: в 20-ти т. Том семнадцатый. Под ред. С. Н. Южакова. С.-Петербург, Типография товарищества «Просвещение», 1904. С. 669. Т. 17, С. 616.

¹⁰ Там же.

¹¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1902, Т. 30-А, С. 718–720.

¹² АВПРИ. Ф. 143, оп. 491, Д. 229, Л. 422.

В 1910 г. в Урянхайский край была вновь направлена экспедиция во главе с полковником В. Поповым. Для его сопровождения был командирован конвой. По мнению Российского Посланника в Пекине и Иркутского генерал-губернатора, конвой должен был обеспечивать не только безопасность экспедиции, но и для того, чтобы произвести на туземцев Урянхайского края должное впечатление и ослабить авторитет Китайской власти: «моральный эффект... скажется при наших дальнейших переговорах с китайцами об этой спорной территории»¹³. Цель поездки — проверка пограничных знаков — тщательно скрывалась от китайцев. Им было заявлено, что Попов является начальником Третьего отдела экспедиции М. И. Боголепова и М. Н. Соболева¹⁴. Результаты экспедиции Попова были отражены в монографии «Второе путешествие в Монголию в 1910 г.». В отдельных главах («Как мы утерjali границу», «Наши попытки отыскать границу») Попов излагает свою концепцию «урянхайского вопроса», где уделяет внимание времени заключения Бурино-Кяхтинских соглашений. По его мнению, в 1727 г. Россия имела неоспоримые права на Урянхай. Доказательством этому, по его мнению, служит тот факт, что до 1727 г. урянхи находились в подданстве России, а после заключения Буринского договора часть их также остались данниками России, другие были свободны от уплаты налогов: «А урянхи, в которую сторону платили по пяти соболей, впредь оставлены по прежнему у своих владетелей. А которые по одному соболю давали, впредь не возьмется с них вечно, с которого дни пограничный договор установился»¹⁵. Поэтому, по мнению полковника, Китайская империя не имела юридического основания для захвата Урянхая в 1759 г. Кроме того, считал он, граница, установленная стольником Колычевым в 1727, проводилась не по Саянскому хребту т. к. в силу природных и ландшафтных условий, было невозможно проехать границу за 42 дня. Фактически, она была установлена сержантом Пестеревым в 1772 г., в результате чего «Россия оказалась насильно притянутой к пограничной черте, проведенной им по Саянам»¹⁶. Путаницу в пограничном вопросе вносили, по мнению Попова, более поздние исследования Осташкина,

¹³ АВПРИ. Ф. 177, оп. 761, Д. 225, Л. 153.

¹⁴ Там же. Л. 201.

¹⁵ Там же. Л. 422.

¹⁶ Цит. по: Сборник пограничных договоров России с соседними государствами. С.-П., 1891. С. 190.

Баранова и Александровича. Поэтому, считает полковник, возвращение Урянхайской земли в состав Российской империи, будет не новым захватом чужой территории, а восстановлением своих прав на нее. Признание границы по Тану-Ола, в свою очередь, будет считаться не изменением границы, а исправлением, т. к. со стороны Китая владение Урянхайской землей с 1759 г. следует считать незаконным захватом нашей территории»¹⁷. Таким образом, после совершенной экспедиции в Урянхай в 1910 г., В. Попов приходит к выводу, что отторжение края в пользу России возможно, если, наряду с предложенными мероприятиями, изложенными в «Секретной записке», использовать неопределенность формулировок статей соглашений 1727 г. Результаты экспедиции полковника Попова вызвали в кругах российского руководства самые противоречивые мнения о демаркации восточного участка границы с Китаем в 1727 г. Кроме того, под сомнение ставился вопрос о присутствии пограничных знаков № 20–22 в Саянах. Решение вопроса о том, действительно ли пограничная линия проходит не по северной стороне (Саянам), а по южной (хребту Тану-Ола), было возложено на экспедицию команды разведчиков 30-го Восточно-Сибирского полка во главе с поручиком Августусом. На нее же возлагалась задача отыскать пограничные знаки в Саянских горах. Буквально инструкция звучала следующим образом: «пройти по водоразделу от Саянского хребта, от пограничного знака № 22 к востоку и отыскать пограничные знаки № 20 и 21». При отыскании пограничных знаков экспедиция использовала карту, вычерченную полковником А. Барановым. Проходя по Саянскому водоразделу, отыскивая знаки, Августус столкнулся с рядом трудностей: не было карт Усинского края, материалы прошлых экспедиций (бывшего начальника Усинского пограничного округа поручика Александровича, Осташкина и проч.) не принесли ему «в этом деле существенной пользы»¹⁸. Результаты трехмесячной экспедиции были следующими:

Предположительно на перевале Хонин-Дабага был найден так называемый «Осташкин-

ский» знак № 22, однако у Августуса не было оснований подтвердить этот факт;

Найденные «кучи камней» между Тихой и Усом, между Тихой и Чатной, на горе Орухтах, в вершинах р. Буйбы, на горе Курту-Таскыл (в верховьях Систы-Кема) оказались древними религиозными насыпями обо;

На востоке от хребта Хонин-Дабага был найден предполагаемый пограничный знак № 22, который примерно на 10 верст оказался восточнее места, обозначенного на карте Баранова. Таким образом, у поручика Августуса не было никаких оснований принять найденные каменные возвышения, за пограничные знаки № 20, 21, 22: «Результат моей экспедиции выражается в трех словах: пограничных знаков нет. Они должны быть восстановлены особой комиссией»¹⁹. По мнению поручика Августуса, Россия добровольно отодвинула свою границу на север, тем самым, создав нейтральную полосу, т. к. китайская граница проходит в действительности по хребту Танну-Ола. Так же, как и Попов, Августус считал, что Россия имела шансы исправить ошибку, но в свое время не использовала ни одного из них: «мы тем временем занимались этимологическим разбором названий горных хребтов и перевалов..., снаряжали экспедиции для отыскания старых каменных маяков и каменным обо, ... и по этим отрывочным, несуществующим данным смело и беззаботно вычеркивали зигзаги государственной границы...»²⁰. Вместе с тем, по мнению поручика, у России есть все шансы для того, чтобы решить «урянхайский вопрос» в свою пользу. Этому способствует, по его мнению, стремление тувинцев стать подданными Российского государства. Так, в своем отчете Августус приводит пример, когда сойоты выразили желание перейти под покровительство «Ак-Хана» (Белого царя).

Включение Урянхайского края в сферу интересов России, его последующая колонизация и экономическое освоение, обусловили потребность в изучении его экономико-географических особенностей, ландшафтных и гидроресурсов. В конце 1906 г. в Иркутске состоялось Совецание о путях сообщения Сибири, на котором было принято решение ходатайствовать об исследовании Верхнего течения Енисея (Улухем и Бейхем) в Урянхайской земле, с перспективой развития там па-

¹⁷ Попов В. Второе путешествие в Монголию в 1910 г. (Исследование границы на участке Кяхта — Алтай). Иркутск, 1910. С. 59.

¹⁸ Августус. Отчет об экспедиции 1809 г. по Саянскому хребту в пределах Усинского пограничного округа команды разведчиков 30-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Иркутск, 1910. С. 11.

¹⁹ Августус. Отчет об экспедиции 1809 г. Иркутск, 1910. С. 52.

²⁰ Там же. С. 13.

роходства. В этом же году начались изыскания пути для проведения колесной дороги, о чем упоминалось в предыдущей главе. С целью исследования верховьев Енисея, в 1907 г. была организована командировка инженера путей сообщения В. Родевича в Урянхай. Она косвенным образом повлияла на дальнейшую политику Российского правительства в решении проблемы Урянхайского края. По результатам экспедиции были опубликованы «Очерки Урянхайского края» (Монгольского бассейна р. Енисей) в 1910 г., «Урянхайский край и его обитатели» — в 1912 г. В «Очерках...» отдельную главу В. Родевич посвятил Урянхайскому пограничному вопросу. В своих рассуждениях автор пришел к выводу, что до конца XVII в. союты сохраняли свою независимость, а затем стали данниками Российского государства. При заключении Кяхтинского договора 1727 г. члены Китайской разграничительной комиссии установили пограничные знаки по хребту Тану-ола, а русские комиссары, вероятно, по ошибке, — по Саянам. Поэтому первоначально Урянхай, бывший ранее владением России, оставался «ничьей» территорией. Однако спустя 30 лет китайцы увидели ошибку и завоевали Урянхайский край. «Русские же начали осознавать свою ошибку слишком поздно», отчасти закрепив ее Чугучагским протоколом 1864 г.

«Удачное решение урянхайской ошибки» В. Родевич видит в усилении русской силы в Усинском крае, «возможно, незаметным образом». Кроме того автор «Очерков...» считает необходимым отыскать, «не разглашая о том», русские пограничные знаки № 17 и № 23 по Саянскому хребту, и, параллельно, отыскать китайские знаки по хребту Танну-Ола»²¹.

В случае, если изыскания подтвердят прохождение границы по Саянскому хребту, то при «нежелательном применении военной силы» можно изменить направление границы оз. Косогол хребет Танну-Ола — гора Арбагайту — устье р.Кемчика (пограничный знак №23) — до перевала Шабин-дабага. Пользуясь тем, что между пограничными знаками №№ 20–22 (верхове р. Ус) и 23 (р. Кемчик) большое расстояние и труднопроходимая местность, то направление от 22 пограничного знака можно изменить на юг по водоразделу между реками Уюк и Оджа до Енисея к главному хребту (Тану-Ола). Такое исправление границы, по расчетам Родевича, сделает участок Урянхайского Енисея между Уюком и Бегредой «русским», обра-

зую по всему течению Верхнего Енисея²². В исследовании В. Родевич дает оценку Урянхаю как стратегически важному участку при воздействии на Китай: «Урянхай есть по истине точка наименьшего сопротивления русско-китайской периферии; и за этой слабой точкой лежит целая богатая провинция... В случае, если Китай начнет оказывать давление на нашу Амурскую окраину, — Урянхайский край есть та область, где ответная русская реакция может иметь наибольший успех с наименьшей затратой сил»²³. На Всеподданнейшем докладе Министров Путей сообщения Генерал-лейтенанта Шуфуса, куда вошла записка В. Родевича об Урянхайском крае, 20.01.1908 г. Николай II начертал: «Прочел с большим удовольствием. Нахожу необходимым продолжения исследования Верхнего Енисея и Урянхайского края. Эта область может сделаться весьма полезной для России в будущем»²⁴. Царь приказал Совету министров обсудить программу по дальнейшему заселению Урянхайского края. Таким образом, политика российского правительства в решении проблемы Урянхайского края приобретает более отчетливое оформление, в силу развития кризисной ситуации в Цинской империи и потенциального формирования новой геополитической ситуации в Центральной Азии и дальнем Востоке.

Проблема территориальной принадлежности Урянхайского края привлекала внимание общественности и получила свое обсуждение на страницах центральной и местной периодической печати. В зависимости от международной обстановки, на страницах «Нового времени», «Сибири», «Сибирской мысли», «Енисейской жизни», «Минусинского листка» и других газет рассматривались дипломатические споры между Россией, Китаем и Монголией, проводился анализ политики Петербурга, Пекина и Урги. По-прежнему в центре внимания общественной мысли оставался «урянхайский пограничный вопрос». В газете «Дальний Восток» от 2 февраля 1910 г., издаваемой во Владивостоке, писали: «Неужели площадь богатейшей плодородной земли, отчасти уже заселенной русскими, по размерам своим равная Германии или Японии, не заслуживает внимания, а спорный вопрос расследования? Неужели русское

²² Августус. Отчет об экспедиции 1909 г. Иркутск: 1910, С. 60–61.

²³ Там же.

²⁴ Кабо Р. Очерки истории и экономики Тувы. Ч. 1. Дореволюционная Тува. С. 154.

²¹ Августус. Отчет об экспедиции 1909 г. Иркутск: 1910, С. 24.

общество, печать, наконец, Государственная Дума не потребует основательного разбора этого дела и выяснения, почему русская территория оказалась в руках Китая?»²⁵.

1911–1912 гг. явились рубежными для Китая, Монголии, Урянхая. Синьхайская революция в Китае привела к свержению Маньчжурской династии. В конце 1911 г. было ликвидировано военно-феодалное правление Цинской империи и из Внешней Монголии (Халхи) были изгнаны маньчжуро-китайские чиновники. Волны национально-освободительного движения захватили первоначально южные, пограничные районы Урянхая, а затем и весь край. Территория Урянхайского края оказалась изолированной Монголией от метрополии. Урянхай неожиданно получил независимость, но оказался между «двух огней»: Россией и Монголией, имеющих собственные интересы и виды на край. Феодално-теократическое правительство Монголии, взявшее курс на превращение своей страны с помощью России в независимое государство, фактически изолировали Урянхайский край от Китая и его попыток восстановить прежний режим. Это создало определенные условия для самостоятельного развития края. Настоящий взрыв общественного интереса к Урянхаю в российской общественной мысли произошел в 1911–1914 гг. Обсуждение «урянхайского вопроса» затронуло многие социальные слои общества. На страницах «Нового времени», «Минусинского края», «Минусинского листка», «Енисейской мысли», «Сибирской мысли», «Молодой Сибири», «Сибирского студента», «Сибири» широко обсуждались проблемы освоения края и перспективы его развития. Было опубликовано значительное число монографий, посвященных Урянхайскому краю: В. М. Родевич «Очерки Урянхайского края» (1910), В. Попов «Иркутский военный округ. Урянхайский край» (1913), А. Баранов «Урянхайский вопрос» (1913), Б. Шишкин «Очерки Урянхайского края» (1914), Ф. Я. Кон «Усинский край» (1914), С. Минцлов «Секретное поручение (Путешествие в Урянхай)» (1917), К. Минцлова «Далекий край (Путешествие по Урянхайской земле)» (1915). Подходы и оценки урянхайской проблемы, перспективы ее разрешения высказывались в данных работах самые различные. Так, В. Н. Васильев сущность «урянхайского вопроса» сводит к пограничному вопросу, к месту прохождения русско-китайской границы. Как

поясняет сам Васильев, впервые он столкнулся с этим вопросом в 1908 г. во время командировки в Урянхай от музея этнографии. Тогда его удивило, что границы по Саянскому хребту в сущности нет, то есть существует свободное перемещение здесь многих коренных народов: карагасов и сойотов. Кроме того, отсутствие пограничных знаков и специального надзора свидетельствовало о том, что здесь очень далеко до настоящей границы. После долгих расспросов местные старики объяснили автору, «что де, по словам сойотов, настоящая граница идет не по тем хребтам, где кочуют карагасы и сойоты, а гораздо южнее, по другим хребтам»²⁶. Васильев отмечает, что тогда не придавал значения этим сообщениям, рассматривая их, как «обычное творчество инородческой фантазии». Свою статью В. Н. Васильев подготовил в связи с «полной неизвестностью широкой публике книг Попова и Родевича, освещающих «урянхайский вопрос». По его мнению, вопрос о «неправильности границы» по Саянам был обоснован в книге В. Л. Попова. Автору не удалось, по независимым от него причинам, ознакомиться с подлинными дипломатическими документами по данной проблеме. Проанализировав имеющиеся исторические свидетельства и данные опубликованных документов, Васильев пришел к выводам: во-первых, проведение границы по Саянскому хребту является «не более как результатом незнания нашими уполномоченными во время заключения договора второго хребта, то есть Танну-Олы»²⁷. По мнению автора, монгольских названий и хребтов на Саянах не было и не могло быть, как в районе обитания тюрко-китайских племен. Во-вторых, указание на то, что урянхи проживают по обе стороны от границы и занимают большие районы, совершенно несовместимые с границей по Саянам. В-третьих, китайская география не включает Урянхайскую землю в число китайских владений. Поэтому у Китая «нет ни исторического, ни завоевательного права на этот край, считающийся им, судя по всему, чужою территорией»²⁸. Наконец, он считает и пограничные знаки крайне сомнительными, достоверным он признает только конечные знаки (№ 17 и 24), а промежуточные могут оказаться просто обо (насыпи камней, имеющие

²⁶ Васильев В. Н. Урянхайский пограничный вопрос // Журнал Министерства народного просвещения. 1912. Т. XXXVIII. № 4. С. 55.

²⁷ Там же. С. 101.

²⁸ Там же. С. 102.

²⁵ Дальний Восток. 1910. 2 февр.

религиозный характер). Указанные аргументы позволили автору характеризовать Урянхай, по меньшей мере, как спорную территорию: Урянхайский край, если не принадлежит нам, то в такой мере, если не большей, не принадлежит и Китаю»²⁹.

В. Н. Васильев считал также необходимым пересмотр пограничного договора, чтобы ликвидировать уже начавшиеся трения между русскими и китайцами. Неопределенность положения будет увеличивать трения между ними, поэтому нельзя откладывать его разрешение в долгий ящик. Он предполагает, что поиск и сопоставление архивных разграничительных документов в Енисейске, Красноярске, Иркутске, Селенгинске покажет, где и как могла произойти ошибка. В целом, исследователь склоняется к точке зрения, что действительная граница проходит не по Саянам, а по Танну-Ола. Однако, до окончательного исследования и выяснения вопроса он советует подождать со столь категоричным выводом. Но автор определенно считает Урянхайский край спорной территорией между Россией и Китаем. Интересы монголов в Урянхае, связи и характер отношений урянхов и монголов автор вообще не упоминает, эта сторона проблемы ему определенно неизвестна. По нашему мнению, использование В. Васильевым в качестве аргументации для доказательства места прохождения границы сообщений и оценок местных жителей едва ли может быть принято в расчет. Факт свободной перекочевки в районе границы также легко объясним традициями сезонных перекочевок скотоводов, которые могли и на законных основаниях нарушать пограничную линию. Не учитывается автором и особый статус подвластных Китаю территорий, в том числе и Урянхая. Правящая маньчжурская династия Цин до начала XX в. законодательно запрещала переселение в Урянхай, постоянное проживание здесь китайцев не позволялось.

Интересные впечатления о соотношении соперничающих сил в Урянхае оставил англичанин Д. Каррутерс, которого в советской исторической литературе называли секретным агентом английской разведки, выполнявшим специальное задание³⁰. Он побывал здесь в 1910–1911 гг. и оставил подробное описание путешествия «Неведомая Монголия. Урянхайский край» (Пг., 1914). Основную часть книги

занимают географические, этнографические, исторические подробности, но автора занимал вопрос: кому принадлежит будущее в этом районе России, Китаю, Монголии или самим урянхам. Автор предисловия, лорд Керзон, определяет русского переселенца, как предприимчивого и испытанного, «проявляющего спокойную уверенность, что будущее здесь принадлежит только одному ему». Китай оценивается, «как одновременно возрождающийся и ослабевающий», который проявляет здесь заметные энергию и активность. Монголов он рассматривает как наследников могущественного прошлого, которые связывают с Россией свои надежды на будущее. По мнению Д. Каррутерса, в настоящее время «две господствующие расы китайцы и русские, стоят лицом к лицу друг к другу в пределах верхнего Енисея»³¹. Дух соревновательности и расовая ненависть между китайцами и русскими торговцами послужили поводом к неприязненным отношениям и прямым конфликтам. Д. Каррутерс высоко оценивает деятельность русских колонистов в Урянхайском крае: «Русские настолько хорошие колонизаторы, что подобных им трудно встретить где-либо еще в мире, которым, однако, недостает только настойчивости и оригинальности для того, чтобы возвести свою родную страну на первую ступень»³². Приятно узнать столь позитивную оценку россиян представителем Британской империи, старейшей колониальной державы. По мнению англичанина, русские одержали здесь безусловную победу и извлекают прибыль из земель урянхов, не причиняя при этом ущерба иностранному правительству. Он видит своеобразие их положения в том, что русские в местах своего проживания сохраняют привилегии своего родного правопорядка.

Автор пишет, что ему так и не удалось выяснить «истинных основ современного положения русской официальной власти в пределах бассейна Верхнего Енисея»³³, а также определить в какой степени русские власти подчинили себе урянхов. Он считает «доброжелательным» отношение урянхов к русскому покровительству. Поэтому, принимая во внимание тяготение монгольских феодалов к России, явное «предпочтение» русского правопорядка китайскому, Каррутерс не исключает, что од-

²⁹ Васильев В. Н. Урянхайский пограничный вопрос. 1912. Т. XXXVIII. № 4. С. 102.

³⁰ Каррутерс Д. Неведомая Монголия. Т. 1. Урянхайский край. Пг., 1914. С. 55.

³¹ Каррутерс Д. Неведомая Монголия. Т. 1. Пг., 1914. С. 55.

³² Там же. С. 77.

³³ Там же. С. 175

нажды эти земли не подпадут под протекторат Российской империи. Конечно, отношения русских и урянхайцев были более сложными, противоречивыми, но в целом его предположения сбылись в 1914 г. Каррутерс писал: «Хребет Танну-Ола образует гораздо более естественную границу между двумя Империями, нежели Саянские горы и представляют из себя границу, которая легче всего воспроизвести в натуре»³⁴.

Поразительно высказанное в работе радеение о российских интересах, легкость в оперировании границами и совпадение с подходами к проблеме части общественных кругов в России. Не случайно поэтому книга была здесь оперативно переведена и издана. Английский путешественник передает и настроения русских переселенцев, их острый интерес к русско-китайским отношениям, страх перед возможным конфликтом с китайцами, сознание небезопасности своего положения. «Эти вопросы указывали, что колонисты ясно сознавали свою здесь изолированность и заброшенность на произвол судьбы в пределах чужеземной страны»³⁵.

Книга Каррутерса получила в Европе высокую оценку, королевское Географическое общество присудило ему золотую медаль. Положительную оценку монографии дал и ссыльный марксист А. В. Ватин-Быстрянский. Однако, резкое неприятие вызвал тезис о справедливости и порядке в России и «идиллических отношениях между русскими и урянхайцами. По мнению А. В. Ватина-Быстрянского, это противоречит некоторым утверждениям самого автора. Проблема напряженности межнациональных отношений была ранее рассмотрена в работах марксиста, к которым он и отсылает читателей.

В целом, будущее развитие Урянхия Д. Каррутерс связывал с Россией, освоением ею природных богатств края. «Русский протекторат, подкрепленный достаточным капиталом, может создать здесь чудеса, если принять во внимание торговые возможности бассейна Верхнего Енисея»³⁶. Русских привлекает богатые минеральные ресурсы края и только нерешительное политическое состояние страны вынуждает ограничить занятие, освоение новых земель.

Торговлю он рассматривает почти полностью находящейся в руках русских. Главнейшими препятствиями торговли автору виделись ограниченность рынка, низкая покупательная способность местного населения. Характеристика соотношения сил в Урянхиае, прогноз развития событий в крае, данные Д. Каррутерсом, оказались в основном верными и точными.

В 1913 г. выходит третья, заключительная монография полковника В. Л. Попова «Иркутский военный округ. Урянхайский округ», в которой наиболее развернуто доказывается историческая принадлежность Урянхия России, а прохождение «настоящей» русско-китайской границы по Танну-Ола. Выводы В. Л. Попова оказали, по нашему мнению, решающее значение при формировании общественного мнения по «урянхайскому вопросу» и определении русской политики в крае. В «Очерке Урянхайского края», составленном в феврале 1912 г. Разведотделом штаба Иркутского военного округа, специально выделен «пограничный вопрос», подготовленный, видимо, В. Л. Поповым или на основе его материалов. Относительно трактовки вопроса пограничного разграничения 1727 г. С. Рагузинским появились некоторые новые моменты. Краткость изложения проблемы потребовала четкости изложения, большей определенности. Отмечается, что при разграничении западного участка от Кяхты до пограничного знака по Саянскому хребту представители России не ездили на местность, так как за два месяца это было невозможно (для этого требовалось полгода). «Поэтому вернее всего, что посланные не ездили на местность, а описали местонахождение пограничных знаков со слов уполномоченных китайцев, имевших в виду хребет Танну-Ола. Знаки же поставлены были русскими после путем поперечных заездов из Сибири, причем не распознали ни хребта, ни пунктов, и смешали Саяны с Танну-Ола»³⁷.

В. Попов считает, что на основании договора 1727 г. Урянхайская земля окончательно переходит в подданство России по южному склону Танну-Ола³⁸. Как аргумент непринадлежности Китаю Урянхайского края, приводится автором тот факт, что китайские власти не осмеливались сами переходить границу и посещать Урянхайскую землю и что в 1881 г. они ответили России, в связи с беспорядками

³⁴ Каррутерс Д. Неведомая Монголия. Т. 1. Пг., 1914. С. 175.

³⁵ Там же. С. 177.

³⁶ Там же. С. 178.

³⁷ Очерк Урянхайского края // Сведения о государствах Дальнего Востока. 1912. № 2. С. 17.

³⁸ Попов В. Иркутский военный округ. Вып. 1. Урянхайский край. Иркутск, 1913. С. 7.

в крае, что там китайских подданных нет. По мнению В. Попова, нерешительная и пассивная позиция России в «урянхайском вопросе» и послужила стимулом активизации здесь Китая: «...мы настойчиво продолжали обращаться к китайцам за содействием и в то же время сами выясняли и ставили границу по Саянскому хребту, поэтому китайцы уже решили окончательно присоединить Урянхайскую землю»³⁹. Только после этого, китайские чиновники стали посещать Урянхайский край, а в начале XX в. разрешили переходить границу торгующим китайцам. По мнению В. Попова, уже три века Урянхайские земли принадлежат России, но в последнее время считаются спорными между Россией и Китаем.

В главе, посвященной государственному устройству Урянхайского края, автор вновь обращается к этому вопросу: «Территория Урянхайской земли в пределах границ, ...в настоящее время не входит в состав китайской республики, никогда не принадлежала и к территории монгольских князей; когда-то принадлежала Российской империи, но почти два столетия Россия ею не управляла и в настоящее время Россия еще не признает край входящим в состав своей территории, хотя и имеет серьезные исторические и юридические основания»⁴⁰.

В. Попов приходит к выводу, что Урянхайская земля никому не принадлежит, но в то же время и не составляет отдельного самостоятельного государства. Отношения между русскими и урянхайцами он расценивает как не особенно дружественные. Постепенно растет внутреннее недовольство друг другом, могут вспыхнуть и крупные неприятности, если не будут урегулированы земельные права и отношение русских властей к урянхам. После событий 1909 г. и появления военного отряда русские переселенцы, торговцы и промышленники стали чувствовать себя в полной безопасности и стали относиться к урянхам презрительно-покровительственно. Бесцеремонно захватываются лучшие пастбища и угодья. Тем не менее, русские поселенцы постоянно находятся в тревожном состоянии, так как не имеют юридических прав на землю, зависят от урянхов. Р. Кабо называл полковника Попова «доморощенным русским Лоуренсом»⁴¹, который неустанно обо-

сновывал необходимость скорейшего захвата Урянхая. Пребывание Попова в Монголии и Туве он расценивает как военно-шпионские задания под видом «научной экспедиции».

Г. Е. Грумм-Гржимайло считал, что В. Попов «обнаружил более чем во всем остальном, полное незнание свое с предметом, который взялся обсуждать»⁴². Сформировалось в общественной мысли России и противоположное мнение относительно Урянхая и прохождения русско-китайской границы. Иркутский чиновник по дипломатической части при генерал-губернаторе Н. Эльтеков, Г. Е. Грумм-Гржимайло придерживались той точки зрения, что граница правильно проведена по Саянам, и считали ошибочным подход В. Попова, В. Родевича и В. Васильева. Необходимо отметить, что сторонников подобных взглядов было меньше, и число их публикаций незначительно. В 1916 г. иркутский чиновник Н. Эльтеков в специальной «Записке по вопросу о границе Урянхайского края» (документе для специального пользования, оставшемся вне общественного внимания) сделал попытку опровергнуть аргументы полковника Попова. По данным Н. Эльтекова, возбуждение в 1910 г. вопроса о спорной принадлежности Урянхайского края Китаю или России российским посланником в Пекине Коростовцом, основывалось на выводах по результатам командировки В. Попова по обследованию южной границы. На базе этих же данных основываются российские заявления монгольскому правительству о недопустимости его претензий на Урянхайскую землю. По мнению Н. Эльтекова, данные и аргументы В. Попова не выдерживают серьезной критики и «легко могут быть опровергнуты людьми, знакомыми с местностью, каких, безусловно, могли бы подыскать в нужном случае монголы»⁴³. Не вдаваясь в подробный критический разбор книги В. Попова, Н. Эльтеков отмечает неправомерность отрицания автором ряда географических мест (река Хореть, хребет Эргик-Тарга-Тайга), таким образом, все пограничные знаки ясно указаны на разменной ландкарте, на которой совершенно правильно обозначена топография местности. Н. Эльтеков приходит к выводу, русские представители были хорошо знакомы с местностью и перепутать точное местонахождение границы не

³⁹ Попов В. Иркутский военный округ. Вып. 1. Иркутск, 1913. С. 8.

⁴⁰ Там же. С. 75.

⁴¹ Кабо Р. Очерки истории и экономики Тувы. Ч. 1.

Дореволюционная Тува. С. 142.

⁴² Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. С. 804.

⁴³ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 129.

могли. Поэтому «ближайшее ознакомление с текстом Буринского договора и содержащимся в нем описанием местности, по которой проходит государственная граница, приводит нас к несомненному заключению, что последняя проведена по Саянскому хребту»⁴⁴.

Проверки этой границы, произведенные Осташкиным, Боголюбским, Перетолчиным, Барановым выявили мелкие разногласия относительно ее прохождения, однако ее направление определялось по Саянским горам. Поэтому Эльтеков заключает: «основывать наши притязания на Урянхайский край на Буринском договоре является весьма рискованным и что в случае разграничения между Монголией и Россией было бы осторожнее совсем не касаться названного договора»⁴⁵. Тем не менее, он не считает нужным отказываться от притязаний России на Урянхайский край. Южное направление границы позволяет обосновать территориальные права России на основе исторических данных, а именно на присяжном листе, данном Алтын-ханом царю Михаилу Федоровичу в 1634 г., подтвержденному затем Лодоном, сыном Алтын-хана, наследовавшим отцу в 1661 г. Н. Эльтеков полагает ошибочной ссылку полковника Попова на договор, заключенный Головиным 12 марта 1689 г., как на доказательство подданства урянхов России. Этот аргумент Попова был основан на неверном прочтении слова «сайты» как «соеты» (урянхи), а по-монгольски оно значило «сановник». В целом, автор «Записки...» приходит к следующему выводу: «...права наши на территорию бассейна Верхнего Енисея, приобретенные в 1634 г., были утрачены с заключением Буринского договора и вновь восстановлены лишь по изгнанию китайцев из Урянхая и принятии, согласно ходатайству самих урянхов пяти хошунов этого края в 1914 г. под покровительство России»⁴⁶.

Эльтеков рассматривает три возможных варианта направления южной границы: 1) по самому хребту Танну-Ола, 2) по линии монгольских караулов, идущих по южным его отрогам, 3) включить всю территорию, занимаемую урянхайскими племенами (т. е. включая площадь, занимаемую Соинским сумо и подчиненную Монголии). Наиболее предпочтительным, по его мнению, является проведение границы по линии пограничных караулов. Преимущество этого варианта заключаются в том, что он

охватывает южные склоны, имеющие хозяйственное значение для урянхов, а также наличие самой границы в природе, что облегчало задачу. Обсуждение вопроса о границе, как мы видим, продолжалось даже после объявления протектората в 1914 г. Дипломаты, не возражая против присоединения Урянхая к России, выдвигали свои обоснования, свои аргументы на владение им.

В 1912–1914 г. в сибирской прессе (красноярской, минусинской, томской, иркутской) активно обсуждались вопросы спорной принадлежности Урянхая, отмечалась активность монгольских феодалов в крае. Издания различных направлений не одинаково оценивали перспективы русского влияния. После изгнания китайцев из Урянхая, местные правители стали искать помощи у России и Монголии, одна часть хотела перейти в русское подданство, другая под власть Внешней Монголии. Настроения некоторой растерянности, охватившее тувинских нойонов, хорошо передано в рапорте пограничного начальника Чакирова от 7 февраля 1912 г. о пребывании в Усинском тоджинского нойона и его настроениях. Нойон считал, что «подданными Китая мы, безусловно, не состоим и речи об этом быть не может, присоединяться к Монголии также не имеет смысла, предоставить свою судьбу Амбаньнойону опасно, остается одно: идти под власть Иркутска (Ангара) и просить Цагаан Хана (Белого царя. — Ю. К.) принять под свое подданство, но как это сделать?»⁴⁷.

По мнению Чакирова, «чем кончится вся эта неопределенность, все это нерешительное действие и России и урянхов сказать день ото дня становится труднее. Нет определенного плана, нет задачи — нет потому и решения»⁴⁸.

С такой оценкой перекликается характеристика русского дела в Урянхае, данная А. П. Беннигсенем, который писал: «По-моему, все русское дело в Урянхайском крае велось на месте совершенно неправильно. Во-первых, там никто, и вероятно, даже Усинский пограничный Неопределенность ситуации породила различные слухи и предположения в сибирском обществе. 9 июня 1912 г. в газете «Сибирская мысль» была опубликована статья (без подписи) «Урянхай и Монголия», в которой сообщалось известие о присоединении Урянхайского края к Монголии на том основании, что большая часть урянхайских вотчин при-

⁴⁴ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 129. Л. 136.

⁴⁵ Там же. Л. 137.

⁴⁶ Там же. Л. 138.

⁴⁷ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 26. Л. 162.

⁴⁸ Там же. Л. 162.

надлежит монгольским князьям. В статье отмечалось несомненное экономическое влияние России на край, представляющий «великолепный район для колонизации, поэтому неожиданное его присоединение к Монголии должно взволновать и удивить русское общество»⁴⁹. Автор публикации считал, что Монголия не имеет на Урянхай никаких прав, так как это вопрос русско-китайских отношений. По его мнению, утверждение о наследственных вотчинах монгольских князей в крае представляется «весьма сомнительным». Отношения монголов и урянхайцев оцениваются как враждебные, поэтому в случае присоединения страшная ненависть вспыхнет с новой силой, так как монголы немедленно выступят в роли угнетателей. Разрешение и урегулирование проблемы, автор видит в переговорах между монгольским и русским правительствами, исключает Китай из числа заинтересованных сторон. «Прямых претензий Китай на Урянхай не имел, претензии китайского государства на эту пограничную область перешли к нему через посредство Монголии». Автор предполагает, что смена нескговорчивых китайцев на монголов, с которыми Россия находится в дружественных отношениях, позволит решить урянхайский вопрос в российских интересах.

И хотя сообщение оказалось не достоверным, ход рассуждений автора представляет для нас несомненную ценность, как отражение мнений российского общества по «урянхайскому вопросу». Слухи были основаны на неточной информации о событиях в крае. Действительно, некоторые урянхайские феодалы, воспользовавшись выжидательной и неопределенной политикой России и поощряемые монгольской стороной, стали переходить в подданство Монголии. В мае 1912 г. тоджинский нойон Тонмит и салчакский правитель Бальджийма, а в июне правитель Даа-хошуна Буян-Бадорху обратились к Хутухте с просьбой принять их хошуны в состав Монголии. В марте 1913 г. Хутухта принял Тоджа и Солчак хошуны, а в мае — Даа-хошун в состав Монголии. Бейсэхошун также был включен в состав Монголии как принадлежавший Сайн-нойоновскому аймаку⁵⁰. Однако, уже осенью того же года ряд правителей хошунов (хемчикский хамбу-лама Чамзы, Буян-Бадорху) и придерживающийся русской ориентации нойон Агбан сделали заявление о переходе к России.

⁴⁹ Сибирская мысль. 1912. 9 июня.

⁵⁰ История Тувы. Т. 1. М., 1964. С. 360–361.

В ряде других изданий («Енисейская жизнь») выразилось сомнение в возможности присоединения Урянхая к России. На страницах газеты произошла прямая полемика относительно перспектив развития событий в крае.

В 1913–1914 гг. в центральной и сибирской прессе обсуждаются вопросы основания там русского города Урянхайграда, будущего Белозарска (Кызыла), отправки в край российских представителей полиции, податной инспекции, агентов фиска. Проблема реальности осуществления этих мероприятий и перспектив русско-го дела в Урянхае оценивались различно.

Представитель русской администрации и любитель-этнограф Я. К. Нечаев в статье «Несколько слов о спорной земле», опубликованной в «Енисейской жизни» (1913 г., № 230), рассматривал это дело совершенно реальным. По его оценкам, в административном отношении Урянхайский край представляет собой часть Китайской империи, верховная власть в которой долгое время была в руках Амбань-нойона. По мнению Я. Нечаева, в настоящее время (1913) этот край представляет предмет спора между Россией и Монголией. Привлекающий своими природными богатствами и освоенный русскими, край мог бы перейти в руки русской администрации при согласии Амбань-нойона. По сообщению автора, Амбань-нойон дал свое согласие пограничному комиссару Чакирову, и был устроен парадный прием в селе Верхне-Усинском. «Подписать окончательный акт о включении Урянхайского края в состав русских владений г. Чакиров не мог, за неимением надлежащего на это распоряжения (подчеркнуто в тексте). Тем временем, пока ходили об этом заявления в министерство, сойотская делегация разъехалась, оставив дело в самом неопределенном состоянии»⁵¹.

Через значительный промежуток времени в «Енисейской жизни» от 29 марта 1914 г. в редакционной статье «Урянхайская земля или «Усинский край» в едкой и ироничной форме выразилось сомнение в возможности присоединения Урянхая к России. Отмечалось, что прошел год, а никаких официальных актов о присоединении Урянхайского края не опубликовано, и он пребывает в пределах Китайской республики. Поэтому рекомендовалось для лиц, слабо осведомленных в истории и географии приграничных к России китайских провинций, обратиться к энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона (ст. «Сойоты»),

⁵¹ Енисейская жизнь. 1913. № 230.

годному не только для гимназистов 4 класса, но и для «руководства иных органов печати». Надо отметить, что ирония оказалась напрасной, так как буквально через несколько дней было принято официальное решение о протекторате России.

Не случайным поэтому было появление в газете «Енисейская жизнь» от 23 и 25 мая подробного описания сухопутного сообщения с Урянхайским краем, представленного как легенда и указывающего, как лучше проехать 360 верст пути примерно за 9–10 дней. Это, видимо, было связано с переездом русских жителей в Урянхайский край, началом строительства будущей столицы — Белоцарска. В этом же номере была опубликована заметка о планах экспедиции в Урянхайский край С. Р. Минцлова, названного «известным археологом». Целью экспедиции, направленной по поручению главного управления землеустройства и земледелия, было не частичное, а полное обследование Урянхайского края для того, чтобы представить общую картину этой неизвестной страны. Не случайной была эта экспедиция, почти совпавшая по времени с объявлением протектората России.

Сергей Рудольфович Минцлов (1870–1933) учился в Нижегородском кадетском корпусе, затем в Московском Александровском училище. Карьера офицера не привлекала его, он рано вышел в отставку. Много путешествует, выступает как провинциальный журналист, земский деятель, сотрудник археографической комиссии. Минцлов был страстным библиофилом, собирателем редких книг⁵².

В результате возглавляемой им экспедиции появились две интересные работы: в 1915 г. книга жены начальника экспедиции Ксении Минцловой «Далекий край. Путешествие по Урянхайской земле», содержащая подробное описание пути и любопытные оценки; а в 1917 г. в Риге работа С. Р. Минцлова «Секретное поручение (Путешествие в Урянхай)». Ранее С. Р. Минцлов опубликовал программу сообщения «Урянхайский край в прошлом и настоящем»⁵³.

С. Р. Минцлов совершил специальную экспедицию в Урянхай по поручению Главного управления землеустройства и переселения. Он пришел к следующему заключению: «Наш план сводится к тому, чтобы бесшумно запол-

нить край (Урянхай) русскими и заполучить его явочным порядком. В настоящее время первым вопросом в крае является приручение нойонов и превращение их из китайских мандаринов в русских помещиков» (цит. по Минцлову) В предисловии к книге «Далекий край» С. Р. Минцлов отмечает, что Урянхайский край «пустынная и неведомо кому принадлежащая» страна⁵⁴, которая стала в последние годы привлекать взоры правительств мира.

По мнению К. Минцловой, двести пятьдесят лет назад Урянхай был присоединен к России, но затем «благодаря его отдаленности, частью по русской беспечности и лени, китайцы постепенно внедрились в него и обзавелись факториями, быстро разраставшимися и богатевшими». В книге отмечается, что после отделения от Китая Монголии Урянхай стал тяготеть к последней. Кратковременное правление монголов в крае в 1912–1914 г. оценивается автором следующим образом: «...как хищные коршуны налетели чиновники на детски наивных сойотов и стали обирать их не хуже китайцев»⁵⁵. Избавление от такого положения вещей было только в ориентации на Россию. Главной фигурой этого движения называется Хамбо-лама — высшее духовное лицо. Ошибочно названа дата принятия сойотов под покровительство России март 1914 г. (вместо апреля 1914 г.).

Во второй половине 1913 г. ряд урянхайских феодалов обратились с просьбой принять их в русское подданство, эти официальные заявления давали России формальную юридическую основу для объявления протектората.

4 (17) апреля 1914 г. император Николай II на докладной записке министра иностранных дел С. Д. Сазонова по вопросу о принятии пяти хошунов Урянхайского края под покровительство России начертал «согласен»⁵⁶. Сазонов предполагал, что этим решением «мы положили бы конец колебаниям урянхов между присоединением к автономной Монголии и отдачею себя под русскую власть»⁵⁷.

Русско-монгольское соперничество в Урянхае продолжалось в течение нескольких лет и не носило открытого враждебного характера и острого противостояния. Защита националь-

⁵⁴ Минцлова К. Далекий край (Путешествие по Урянхайской земле). Кызыл, 1993. С. 3.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Установление покровительства России над Тувой в 1914 году. Архивные материалы. Кызыл, 1994. С. 22.

⁵⁷ Там же. С. 21.

⁵² Минцлов С. Р. За мертвыми душами. М., 1991. С. 385. (К сожалению, в послесловии А. В. Блюма нет даже упоминаний об экспедиции в Урянхай — Ю. К.).

⁵³ Известия РГО. 1915. Т. 51. С. 11.

ных интересов своих стран осуществлялось скрытно и завуалировано. Однако изначально позиции России были более прочные и устойчивые, так как край был заселен русскими переселенцами.

После Октябрьской революции выходит ряд работ, претендующих на научное осмысление «урянской проблемы» в системе международных отношений⁵⁸. Несмотря на то, что многие вопросы по истории Тувы излагались с позиций исключительно марксистско-ленинской методологии, что объясняется условиями, в которых происходило становление советской исторической науки, ни в коей мере нельзя умалять научную ценность работ первых советских исследователей. В них впервые предпринималась попытка научного осмысления вопросов, связанных с положением малых народов в составе Российской и Цинской империй. В числе работ этого периода, посвященных истории Тувы, обращает на себя внимание очерк С. В. Шостаковича «Политический строй и международно-правовое положение Тувы в прошлом и настоящем», изданный в Иркутске в 1929 году. Автором был проведен подробный анализ изменения политико-правового статуса Тувы, в период с XVIII до начала XX веков. На основе привлечения материалов центральных и иркутского архивов, ученый представил характеристику позиций России, Китая и Монголии на «урянский вопрос» после Синьхайской революции 1911 г.⁵⁹

В 1903 г., по поручению С. Ю. Витте, выдающийся географ Г. Е. Грумм-Гржимайло совершил в Туву экспедицию. Ее результаты были изложены в фундаментальном труде «Западная Монголия и Урянхайский край», последний том которого вышел в 1934 г.

По мнению автора, объявление протектората России над Тувой в 1914 году было подготовлено длительным периодом исследования

⁵⁸ Маслов П. П. Конец Урянхая (путевые очерки). Л.: Молодая гвардия, 1933; Нацов С. Тувинская народная республика, 1926; Леонов Н. Тану-Тува. Страна голубой реки. М.: Изд-во общества политкаторжан, 1927; Леонтьев Л. Н. Тува (экономико-географический очерк) // Наука и жизнь. 1955. № 3; Кайский М. Урянхайский вопрос // Северная Азия. 1926; Сафьянов М. Колониальная политика торгового капитала в Танну-Туве // Новый Восток. 1928. кн. 23–24; Шожейлов С. Монголия и царская Россия // Новый Восток. 1926. № 13–14.

⁵⁹ Шостакович С. В. Политический строй и международно-правовое положение в прошлом и настоящем. Иркутск: Издание Иркутского университета, 1929.

пограничного вопроса. Руководствуясь принципами социального дарвинизма, в согласии с французским гуманистом Р. Леруа-Беллеу, он оправдывал политику императорской России в Саянском регионе.

Тану-Урянхай, считал исследователь, стал одним из последних этапов колонизации, проводимой великой державой, «что было естественно и законно, как законны были те передвижения народных масс, начиная с эмиграционного движения финикийян и древних греков, которые способствовали насаждению культуры в пределах тогда известного мира». Г. Е. Грумм-Гржимайло одним из первых отметил, что продвижение русских за Саяны и решение «пограничного вопроса» происходило в условиях несогласованной политики центральных и местных властей.

Н. Леонов в монографии «Танну-Тува — страна голубой реки», изданной в 1927 году, много внимания уделял вопросу о национальном самоопределении тувинцев, их взаимоотношениях с Монголией и Россией. Тува он характеризовал как самостоятельный субъект, балансирующий между странами-соперницами, но ориентированный главным образом на Россию⁶⁰. По мнению автора статьи «Современный Урянхай» А. Львова, при заключении пограничных договоров 1727 г., Россия на Урянхай имела равные с Китаем права⁶¹. Р. Кабо, автор монографии «Очерки истории и экономики Тувы» дает негативную оценку политике, проводимой в Саянском регионе Россией и Цинским Китаем; факт установления протектората над Тувой он называет оккупацией⁶². Несмотря на однозначность оценок, созвучных общему подходу к рассмотрению имперской политики России в 30-х годах прошлого века, работа содержит богатый фактический материал. Автором были введены в научный оборот документы не только центральных, но и региональных архивов — тувинского, красноярского и других.

Послевоенный период знаменует собой начало нового этапа становления историографии исследуемой темы. Отчасти, это связано с важной вехой в истории Тувы — ее вхождением в состав СССР в 1944 году. Несмотря на то, что в этот период исследования проводились

⁶⁰ Леонов Н. Тану-Тува — страна голубой реки. М., 1927 г. С. 55.

⁶¹ Львов А. Современный Урянхай. // Новый Восток. 1923. № 3.

⁶² Кабо Р. Очерки истории и экономики Тувы. М., 1934. С. 173.

в рамках существующих концепций и методологий, расширяется их проблематика⁶³. Работы, появившиеся в этот период, отличаются глубиной научного анализа. В фундаментальном труде В. И. Дулова «Социально-экономическая история Тувы (XIX — начало XX вв.)», считающимся классикой в историографии истории Тувы, рассмотрено множество проблем и вопросов, связанных с развитием этого региона. Автором был дан подробный анализ развития торговли и промышленности Тану-Урянхая, становления русско-тувинских связей, колониального движения в крае. Политику России, Китая и ведущих европейских держав в Туве В. И. Дулов рассматривает в контексте ее экономического развития. Ученый впервые ввел в научный оборот новые материалы Иркутского, Новосибирского и Красноярского архивов, касающихся политики России, Китая и европейских государств в Туве [Дулов В. И. Очерки социально-экономической истории Тувы. XIX — начало XX вв. — М.: 1956].

В 1964 г. под редакцией Первого секретаря коммунистической партии Тувы С. Тока, вышла коллективная монография «История Тувы». В указанном исследовании, на основе привлечения широкого круга источников, рассмотрены этнографические, социально-политические, экономические аспекты истории Тувы, с древних времен до начала 60-х гг. прошлого века. Авторами подчеркивалось негативное влияние соперничества Российской империи и Цинского Китая в Тану-Урянхае. Вместе с тем, вхождение края под протекторат России в 1914 г. получило положительную оценку. По мнению авторов, «Кратковременное пребывание Тувы под покровительством России, несмотря на захватническую земельную политику, на политическое, экономическое и национальное угнетение народа... явилось прогрессивным событием в истории тувинцев, связавшим их дальнейшее развитие с судьбой русского народа, находившегося на неизмеримо более высоком уровне общественного, экономического и культурного развития»⁶⁴.

В 70–80-х гг. XX в. история Тувы в системе международных отношений второй половины

XIX — начала XX вв. фактически, не освящалась. По всей видимости, это было обусловлено существующей внешнеполитической доктриной того периода, в контексте которой не приветствовалось изучение спорных территориальных вопросов истории российско-китайских, российско-монгольских отношений. По этой причине был закрыт доступ к архивным документам, в которых, соответственно, освящались эти аспекты. Показательно, что «урянской вопрос» не был рассмотрен в качестве составной части русско-китайских и русско-монгольских отношений в работах отечественных синологов — В. С. Мясникова, И. С. Ермаченко, В. С. Кузнецова и других), монголоведов (Ш. Б. Чимидторжиева, И. Я. Златкина, И. М. Майского, Г. С. Гороховой и ряда других). Однако в этот период выходит ряд публикаций, где в качестве специального предмета исследования выделялись международные отношения в Центральной Азии и на Дальнем Востоке⁶⁵.

В статье «Экспансия Цинского Китая в Приамурье и Центральной Азии», вышедшей в журнале «Вопросы истории» в 1979 году, в контексте рассмотрения проблемы территориального размежевания 1727 г., Г. В. Мелихов рассматривал вопрос принадлежности Тану-Урянхая китайской, либо российской стороне. Исследователь подчеркивал, что российская сторона сделала важную уступку маньчжурам, отказавшись от претензий на Туву⁶⁶.

В 1983 г. вышла в свет монография В. А. Моисеева «Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в.». В ней получили рассмотрение вопросы экспансии маньчжуров в Саяно-Алтайском регионе, соперничества Цинского Китая и Джунгарского ханства в Цен-

⁶³ Сейфулин Х. М. История Тувы. Кызыл, 1956; Промтов Ю. В центре Азиатского материка. М., 1950; Вайнштейн. Тувинцы, тоджи. М.-Л., 1956; Иезуитов В. М. От Тувы феодальной к Туве социалистической. Кызыл, 1956; Дулов В. И. Социально-экономическая история Тувы. М., 1956; История Тувы. Т. 1, 2. М., 1964.

⁶⁴ История Тувы. М., 1964. Т. 1. С. 372.

⁶⁵ Мясников В. С., Шепелева Н. В. Империя Цин и Россия в XVII — начале XX вв. // Китай и соседи: сб. научных трудов. М.: Наука, 1982. С. 34–89; Ермаченко И. С. Современная историография КНР о проблемах новой истории Китая. М.: 1987; Кузнецов В. С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII — первая половина XIX вв. Новосибирск: Наука, 1983; Чимидторжиев Ш. Б. Взаимоотношения России и Монголии в XVII — XVIII вв. М.: Наука, 1978; Златкин И. Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии. М.: 1957; Майский И. М. Монголия накануне революции. М., 1959; Горохова Г. С. Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства (конец XVII — начало XX в.). М., 1960.

⁶⁶ Мелихов Г. В. Экспансия Цинского Китая в Приамурье и Центральной Азии // Вопросы истории, 1974. № 7; Прохоров А. К вопросу о советско-китайской границе. М., 1975. С. 287.

тральной Азии, вопрос территориального размежевания между Россией и Китаем в 1727 г. и ряд других. Ученый один из первых в отечественной историографии ученый связал причину торгово-экономической изоляции края с тем, что последнему отводилась роль «буферной» зоны в китаецентристской концепции управления государством⁶⁷.

С крахом социалистической системы в 90-х гг. XX в. произошло переосмысление основ исторической науки. Благодаря расширенному доступу к архивным материалам, появляется ряд общих и специальных работ, посвященных истории международных отношений России, Китая и Монголии, истории формирования российско-китайской границы. Большой научный вклад при изучении этих проблем внесли А. Д. Воскресенский, В. С. Мясников, Н. М. Моллеров, В. А. Моисеев, С. Г. Лузянин, Б. И. Ткаченко и другие исследователи⁶⁸.

Освещение «урянской проблемы» не было специальным исследованием В. С. Мясникова. Однако в его монографии «Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII—XX вв.», на основе привлечения широкого круга архивных документов, исследований российских и зарубежных авторов, были детально рассмотрены вопросы, связанные с формированием русско-китайской границы на ее восточном участке: пограничное размежевание по Кяхтинскому и Буринскому договорам 1727 г., подписание Чугучакского договора 1864 г., позиция России в «монгольском вопросе» после 1911 г. и ряд других⁶⁹.

⁶⁷ Моисеев В. А. Вторжение Цинской империи в районы Саяно-Алтайского нагорья и политика России в XVIII в. М., 1979. С. 29.

⁶⁸ Мясников В. С. Договорными статьями утвердили (дипломатическая история русско-китайской границы XVII—XX вв.). Хабаровск: б. и., 1997; Дьякова Н. А., Чепелкин М. А. Границы России в XVIII—XX вв. — М., 1995; Воскресенский А. Д. Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 г. М., 1995; Воскресенский А. Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999; Ткаченко Б. И. Восточная граница в документах и фактах. Владивосток, 1999; Михалев С. Н. Российское геополитическое пространство и безопасность государства // Российское геополитическое пространство и проблемы безопасности государства. Иркутск, 1998; Дацышен В. Г. Очерки истории русско-китайской границы во второй пол. XIX — нач. XX вв. Красноярск, 2000; Моисеев Н. А. Россия и Китай в Центральной Азии. Барнаул, 2003.

⁶⁹ Мясников В. С. Договорными статьями утвердили (дипломатическая история русско-китайской

Собственное видение методологии изучения истории российско-китайских отношений предложил А. Д. Воскресенский. В монографии «Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений» автор изложил свою концепцию развития российско-китайских отношений, основу которой составили теория многофакторного равновесия. Согласно ей, неравномерность в развитии отдельных государств создала благоприятную почву для обострения взаимного соперничества. Н. М. Моллеров был одним из первых исследователей, предложивших новую точку зрения на важное событие в политической истории России — установление протектората над Тувой в 1914 году. В ряде публикаций он приводит ряд аргументов, доказывающих, что сам факт покровительства не носил агрессивный характер⁷⁰.

Говоря о работах, где рассматриваются вопросы о становлении и развитии русско-китайских пограничных отношений, нельзя обойти молчанием работу В. Г. Дацышена «Очерки истории русско-китайской границы во второй половине XIX — начала XX вв.». Она являет собой комплексное исследование, в котором рассмотрены различные аспекты формирования русско-китайской границы в XIX — начале XX вв.: проблемы режима границы, организация управления приграничных районов, обеспечение их безопасности и ряд других.

Характеризуя отношения приграничного населения Российской и Цинской империй, В. Г. Дацышен справедливо полагает, что «важным фактором отсутствия четкого... пресечения режима границы было отсутствие у местного населения понимания смысла и сути государственных границ. Российские и китай-

границы XVII—XX вв.). Хабаровск: б. и., 1997; Дьякова Н. А., Чепелкин М. А. Границы России в XVIII—XX вв. М., 1995; Воскресенский А. Д. Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 г. М., 1995; Воскресенский А. Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999; Ткаченко Б. И. Восточная граница в документах и фактах. Владивосток: 1999; Михалев С. Н. Российское геополитическое пространство и безопасность государства // Российское геополитическое пространство и проблемы безопасности государства. Иркутск, 1998; Дацышен В. Г. Очерки истории русско-китайской границы во второй пол. XIX — нач. XX вв. Красноярск, 2000; Моисеев Н. А. Россия и Китай в Центральной Азии. Барнаул, 2003.

⁷⁰ Воскресенский А. Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999.

ские подданные... свободно кочевали через границы»⁷¹.

В это же время появляется ряд общих и специальных работ, посвященных «урянской проблеме». В докторской диссертации автора раздела, Ю. В. Кузьмина «Монгольский и Урянхайский вопросы» в общественно-политической мысли России (конец XIX — 30-е гг. XX вв.), защищенной в 1998 году, раскрыта роль регионального фактора в российско-монгольских отношениях. В работе был впервые проведен анализ историографии по «монгольскому» и «урянской» вопросам. В указанном и последующих трудах подробно была представлена подробная характеристика позиций и точек зрения различных слоев российского общества второй половины XIX — первой половины XX вв. на развитие событий в Халхе-Монголии и Туве⁷².

Научную новизну в изучение истории Тувы внес известный востоковед, автор монографии «Россия и Китай в начале XX в. (1911–1915 гг.)», Е. А. Белов. Значительным явлением в исследовании темы является научный анализ автором русско-монгольских отношений по «урянской проблеме». Ученым впервые были введены в научный оборот некоторые документы Архива внешней политики Российской империи, Российского государственного исторического архива. Автор отмечал, что решение «урянской проблемы» российским правительством проводилось исключительно дипломатическими методами. Оно затягивалось по причине непоследовательной политики российских

⁷¹ Дацышен В. Г. Очерки истории российско-китайской границы во второй пол. XIX — нач. XX вв. Красноярск, 2000.

⁷² Кузьмин Ю. В. «Урянхайский вопрос» в общественной мысли России // Восток и Россия: взгляд из Сибири. Иркутск, 1996; Кузьмин Ю. В. «Монгольский и урянхайский вопросы» в общественно-политической мысли России: конец XIX — 30-е гг. XIX в. Иркутск, 1998; Кузьмин Ю. В. Полковник Генерального штаба В. Л. Попов о русско-китайской границе и «урянской проблеме» в начале XX века // Экономика и культура Монголии на рубеже веков. Иркутск, 2004; Кузьмин Ю. В. Полковник В. Л. Попов о русско-китайской границе и «урянской проблеме» в начале XX века // Россия и мир: проблемы экономического развития в условиях глобализации: сб. науч. тр. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2005. С. 100—107; Кузьмин Ю. В. Военные экспедиции в Монголию и Китай в нач. XX в. // Силовые структуры России и военные конфликты: Мат. всерос. научн. конф. Иркутск, 2005. С. 174—179; Кузьмин Ю. В. «Панмонголизм» как национальная идея консолидации народов Центральной Азии в XX веке // Монголия сегодня, Улан-Батор, 2011. № 20. С. 7–9.

дипломатов и глав министерств⁷³. Основной акцент автор делал на проблеме национально-самоопределения тувинцев, и пришел к выводу, что до Кяхтинской конференции 1915 г. большая часть хошунов выбирала Монголию в качестве протектора. В другом его исследовании, «Россия и Монголия (1911–1915 гг.)» был сделан подробный анализ дипломатических переговоров России и Монголии в период Кяхтинской конференции, а также представлена подробная характеристика русско-монгольских отношений по «урянской проблеме» после установления протектората⁷⁴.

В 1999 г. была защищена кандидатская диссертация Бомбужай А. К.-О. «Россия и Тува: проблема становления связей в конце XIX — начале XX вв.». Исследователь рассмотрела проблему решения «урянской проблемы» Россией, Китаем и Монголией с позиций теории многофакторного развития, подробно описанной А. Д. Воскресенским. Диссертанткой был сделан важный вывод о том, что «формирование политики России в отношении Урянхайского края происходило в борьбе различных тенденций, определяющимися как политическими силами, так и ведущими ведомствами (МИД, МВД)»⁷⁵.

В начале XXI в. в ряде работ, посвященных истории Тувы, получили рассмотрение различные аспекты вышеозначенной тематики, включая политику российских центральных и региональных органов управления по «урянской проблеме».

Так, Г. И. Романовым был дан подробный анализ военно-стратегических планов Российского государства в отношении Тувы. Согласно одному из них, территория Тану-Урянхайского края должна была использоваться в качестве плацдарма для нападения на Китай в 1906 г. Представляет интерес характеристика военно-планирования Россией акций по оккупации края, представленная исследователем. Она предполагала увеличение воинской силы с десятка казаков до 1, 5 тыс. человек, включая ополчение⁷⁶.

⁷³ Белов Е. А. Россия и Китай в начале XX века. М, 1997. С. 185–187.

⁷⁴ Белов Е. А. Россия и Монголия (1911–1919). — М., 1999.

⁷⁵ Бомбужай А. К.-О. «Россия и Тува: проблема становления связей в конце XIX — начале XX вв.». С. 155.

⁷⁶ Романов Г. И. Национальная политика царизма: военно-полицейская деятельность казачества Восточной Сибири (конец XIX — начало XX в.) // Взаи-

А. Лайдып в статье «Метаморфозы Урянхайской политики Российского правительства в конце XIX — начале XX вв.» рассматривал «урянхайский вопрос» в качестве одного из направлений общей политики территориальных захватов в Китае, проводимой Российской империи в начале XX в. По мнению автора, Россия не могла допустить усиления влияния в крае других держав — Англии, Германии, Франции. Он справедливо отмечал тот факт, что внешнеполитическая линия России, в том числе, по отношению к Туве, определялась попытками разрешить противоречия, существующие как между министерствами, так и центральной и местной администрацией⁷⁷.

Интересная оценка характера российской политики в Туве в начале XX в. была представлена Н. В. Абаевым. Географические и территориально-пространственные особенности Тувы ученый выделил в качестве основного фактора, обусловившего установление российского протектората в 1914 г. Изменение политико-правового статуса Тувы на протяжении всего существования Цинской Империи исследователь справедливо связывал с состоянием геополитической обстановки в Центральной Азии⁷⁸.

В 2001 г. был переиздан первый том «Истории Тувы». Этот факт свидетельствует о востребованности изучения тувинской истории как в научных, так и общественных кругах. Авторами монографии был систематизирован и переработан материал документов Архива внешней политики Российской империи, не использованных в первом издании. В одиннадцатой главе была подробно рассмотрена «урян-

моотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. М. Иркутск, 1995. С. 225; Лайдып А. Метаморфозы Урянхайской политики Российского правительства в конце XIX — начале XX вв. // Историки размышляют, сборник статей. Вып. 3. М., 2002. С. 88; Романов Г. И., Ращупкин Ю. М. Урянхайский край в военной политике России (конец XIX — начало XX вв.) // Этносоциальные процессы в Сибири: тематический сборник. Новосибирск, 2003. Вып. 5.

⁷⁷ Лайдып А. Метаморфозы Урянхайской политики Российского правительства в конце XIX — начале XX вв. // Историки размышляют, сборник статей. Вып. 3. М., 2002. С. 88.

⁷⁸ Абаев Н. В., Колмаков А. Г. Приоритеты евразийской «геополитики» в центре Азии и некоторые проблемы национальной ситуации в Туве (конец XVI — начало XX в.) // Международные отношения в университете XXI в. пути развития в России и за рубежом. — Иркутск, 2001. С. 87.

хайская» политика российского правительства в 1911–1912 гг., дан анализ политической ситуации, сложившейся в крае после установления протектората, был описан характер отношений местного населения с пограничным комиссаром, чиновником переселенческого управления, рассмотрены другие не менее важные вопросы⁷⁹.

В диссертационном исследовании Г. А. Ондар «Российско-тувинские отношения в 1911–1921 гг.» рассматривает протекторат как особый юридический режим, достаточно стандартный для такого рода отношений между государством-протектором и областью, над которой устанавливается протекторат. Этот режим, по справедливому мнению автора, в конечном итоге должен был привести к окончательному закреплению за Тувой статуса вассально-зависимого субъекта Российской империи. Однако сам процесс интеграции Тану-Урянхая в геополитическое пространство России должен был проходить в два этапа. Если на первом должна была сохраняться самостоятельность тувинских хошунов во внутреннем самоуправлении, то со временем их заменили российскими представительными органами⁸⁰.

В 2003 г. вышла в свет совместная монография В. Г. Дацышена и Ондар Г. А. «Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и российско-тувинские отношения в 1911–1921 гг.». Авторы впервые ввели в научный оборот материалы Красноярского, Тувинского, Омского, Минусинского архивов, многие из которых отражают события исследуемого периода. Основным содержанием монографии является анализ русско-тувинских отношений, вопросов формирования национального самоопределения тувинского народа. Постановку «урянхайской проблемы» исследователи определяют в контексте спора России с Цинской империей о принадлежности территории Тувы и точном прохождении линии границы в верховьях Енисея. Существующие противоречия между Россией и Китаем в этом вопросе вывели российско-тувинские отношения из разряда региональных на международный уровень. Ученые справедливо опровергают бытующую точку зрения ряда исследователей, прежде всего, зарубежных, о том, что установление протектората России

⁷⁹ История Тувы / под общ. ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-Оола. 2-е изд., перераб и доп. Новосибирск: Наука, 2001. Т. 1. 367 с.

⁸⁰ Ондар Г. А.-О. Российско-тувинские отношения в 1911–1921 гг.: дисс на соискание уч. степ. канд. ист. наук: 07.00.02. Кызыл, 2000. 202 с.

над Тувой в 1914 г. было колониальным захватом. Тува имела широкую автономию в составе Цинской империи, а с ее гибелью сложившаяся система социально-экономических отношений могла потерпеть крах. Сохранение традиционной системы было возможно только в составе имперского государства, что, в сложившихся условиях, могла обеспечить Россия, а не Монголия. Протекторат был, по выражению авторов, «мягкой формой вхождения в империю, при которой бы принципы национальной тувинской государственности могли получить свое дальнейшее развитие»⁸¹. История русско-тувинских отношений в «цинский» период рассматривается на основе материалов, многие из которых были введены в научный оборот впервые, в другой монографии В. Г. Дацышена, «Саянский рубеж»⁸². Переоценка методологических установок по изучению истории центральноазиатского региона обусловила потребность исследователей в актуализации нового архивного материала, переосмыслении ранее опубликованных источников и научных исследований. В 2007 г. вышел второй том «Истории Тувы». Часть этого фундаментального исследования посвящена анализу интеграционных процессов, происходивших в регионе после установления протектората. На основе архивных документов, введенных в научный оборот впервые, авторами были рассмотрены аспекты культурного, экономического взаимодействия Тувы и России⁸³.

В настоящее время появляется все больше работ по истории Тувы междисциплинарного характера, выполненных на стыке истории, политологии, социологии. Так, методологической основой диссертации А. Г. Колмакова «Тува как объект геополитических интересов России и других государств в XVIII — начале XX века» стали труды отечественных и зарубежных политологов. За основу исследования автором были взяты ключевые методологические уста-

новки отечественных и зарубежных ученых: теория «Хартленда» Х. Д. Макиндера, концепция динамической стабильности А. Д. Богатурова и К. В. Плешакова, методика геополитического анализа К. Э. Сорокина, концепция многофакторного равновесия А. Д. Воскресенского и проч.⁸⁴

Автор использует междисциплинарный подход в изучении геополитического положения Тувы, предполагающий сочетание исторического (временного) и географического (временно-пространственного) аспектов проблемы.

Представляют большой интерес работы междисциплинарного характера по истории Тувы Н. П. Москаленко и Ч. К.-О. Ламажаа, С. С. Ховалыг, в которых представлены оценки политических лидеров Тувы конца XIX — начала XX вв.⁸⁵

«Урянхайский вопрос» в политике России, Монголии и Китая вызывает неистощаемый научный интерес. Все больше появляется работ обобщающего характера, в которых много внимания уделяется вопросам поиска новых методов изучения проблемы и актуализации предыдущего опыта ее исследования. К числу таких работ следует отнести монографию Н. М. Моллерова и В. Д. Март-оола «Урянхайский вопрос в политической истории России: возникновение и долговременная актуальность», изданную в 2013 году⁸⁶.

Изменение геополитической ситуации в Азии и развитие «восточного вектора» во внешней политике России, укрепление экономических и межкультурных связей с основными странами «центральноазиатского треугольника» — Монголией и Китаем — являются главными стимулами по актуализации событий первой четверти XX столетия. За последние годы вышли в свет ряд исследовательских работ, в которых излагаются современные точки зрения на проблему политиче-

⁸¹ Ондар Г., Дацышен В. Г. Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и российско-тувинские отношения в 1911–1921 гг. Кызыл, 2003. С. 17, 60.

⁸² Дацышен В. Г. Саянский рубеж. Южная часть Приенисейского края и русско-тувинские отношения в 1616–1911 гг. Томск: STT, 2005. 250 с.

⁸³ Колмаков А. Г. Тува как объект геополитических интересов России и других государств в XVIII — начале XX века.: дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / А. Г. Колмаков; Тувинский государственный университет. Кызыл, 2006. С. 28–33; Василенко В. А. Проблема Урянхайского края в политике России, Китая, Монголии. Иркутск, 2006. 302 с.

⁸⁴ Колмаков А. Г. Тува как объект геополитических интересов России и других государств в XVIII — начале XX века.: дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / А. Г. Колмаков; Тувинский государственный университет. Кызыл, 2006. С. 28–33.

⁸⁵ Москаленко Н. П. Этнополитическая история Тувы в XX в. / Н. П. Москаленко. М.: Наука, 2004. 222 с.; Ламажаа Ч. К.-О. Клановость в политике регионов России. Тувинские правители. СПб.: Алетейя, 2010. 208 с.

⁸⁶ Моллеров Н. М. «Урянхайский вопрос» в политической истории России: возникновение и долговременная актуальность / Н. М. Моллеров, В. Д. Март-оол. Кызыл: ТИГИ, 2013. 244 с.

ского соперничества России, Монголии и Китая в Туве.

Результатом коллективной исследовательской работы, инициируемой президентом республики Тыва Ш. Кара-оолом, стало подготовка исторической справки сотрудниками Тувинского института гуманитарных исследований, в которой установлена позитивная роль протектората России в истории Тувы, его добровольный характер со стороны Тувы, обусловленный предысторией события и политическими обстоятельствами конца XIX — начала XX в.⁸⁷

Научное обоснование позитивной роли протектората России над Тувой нашло отражение и в результатах научной конференции, посвященной 100-летию юбилею — «Единая Тува в единой России: история, современность, перспективы», прошедшей 3–4 июля 2014 г. в г. Кызыле⁸⁸.

В юбилейный год также вышли в свет ряд работ, в которых были изложены взгляды на события 1914 г. и в которых рассмотрены вопросы политического соперничества России, Монголии и Китая в Туве в 1914 г.⁸⁹ История русско-китайских отношений и погранично-территориальных проблем в Центральной Азии, в том числе, «урянской вопрос» является объектом пристального изучения зарубежных коллег⁹⁰.

⁸⁷ Бичелдей К. А. Особенности исторического момента в Урянхайском крае между начертаниями Николая II «Согласен» и «Успешно» в 1914 году [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы, 2014. № 3. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_23/7317-bicheldey.html (дата обращения: 20.08.2014).

⁸⁸ Резолюция межд. науч. конференции «Единая Тува в единой России: история, современность, перспективы», посвященной 100-летию единения России и Тувы (г. Кызыл, 3–4 июля 2014 г.) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы, 2014. № 3. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_23/7328-rezolyuciya.html (дата обращения: 21.08.2014).

⁸⁹ Доржу З. Ю. К вопросу об установлении протектората над Тувой в 1914 г. // Власть, № 4, 2014. С. 157–161; Дацышен В. Г. Танну-Тува, Урянхай и Россия — 1914 год // Родина, № 7, 2014. С. 9–15; Моллеров Н. М. Протекторат России над Тувой в 1914–1924 гг. (историко-правовой аспект) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы, 2014. № 3. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_23/7321-mollerov.html (дата обращения: 10.08.2014).

⁹⁰ Фу Суньмин. Э цинь Хуа ши нзяньбянь (Очерки истории агрессии царской России против Китая). Чанчунь. 1982; У Сяньсян. Эдди циньлюэ Чжунго ши (История агрессии русского империализма в Китае). Тайбэй, 1954.

Методологической основой работ китайских ученых, посвященных политике России в Центральной Азии, в том числе, Туве, является разработанная в сороковые годы XX века теория «единого многонационального Китая». Ее суть состоит в том, что с глубокой древности Китай представлял собой многонациональную страну. Все государства, созданные предками неханьских народов и входящие в состав Китая, управлялись удельными властями в рамках «великой родины».

В 1986 г. сотрудниками университета провинции Ганьсу и педагогического института в Ланьчжоу и Синьцзянского университета под редакцией Чэн Хуа была подготовлена монография «Ша э ци Хуан ши» (История агрессии царской России против Китая). Проводя анализ политики России в Центральной Азии, авторы исследования характеризуют как «грабительскую». Рассматривая русско-китайское соперничество в Урянхае, исследователи говорят о том, что царская Россия, воспользовавшись слабостью Китая после Синьхайской революции, тайно захватила край⁹¹. С этим утверждением согласиться нельзя, поскольку прошения хошунов Даа, Бэйсэ, Оюннарского создавали правовую основу для установления протектората России над Тувой. Ошибочным является также утверждение историков КНР о том, что российский протекторат Урянхаю был навязан военной силой. Россия в 1914 году не вводила в край свои войска. Комиссар по урянхайским делам А. Церерин имел конвой, насчитывающий не более 10 казаков. Вопрос о протекторате Урянхайского края решался царским правительством преимущественно политическими и дипломатическими методами.

Среди исследований китайских историков, где рассматривается «урянской вопрос», обращает на себя подборка материалов под общим названием «Краткий очерк истории Танну-Урянхая», подготовленная ученым Ли Далунем. Анализируя вопрос о вхождении Тувы в состав СССР в 1941 году, автор констатирует: «Так, Танну-Урянхай, исконно являвшийся одной из составных частей священной государственной территории Китая, исчез из карты основной части китайского государства»⁹². Сам протекторат России над Тувой автор считает переходным периодом к полному закреплению региона за Россией.

⁹¹ Ша э ци Хуан ши. История агрессии царской России против Китая. Т. 4. Шанхай: Из-во Фуданьского университета, 1986. С. 15.

⁹² Там же.

В трудах монгольских исследователей отдельные аспекты истории Тувы в контексте внешней политики Монголии во второй половине XIX — начала XX вв. рассматривались в публикациях Ш. Нацагдоржа, Д. Гонгора⁹³. Тот факт, что до этого времени «урянской вопрос», не освещался в монгольской литературе подробным образом, объясняется, по всей вероятности, тем, что при стабильных отношениях России и Монголии территориальные проблемы умалчивались. После распада социалистической системы появление тенденций сближения Монголии с Тувой, открытие доступа к новым архивным материалам обусловили появление ряда работ монгольских исследователей по означенной проблематике.

Большой научный вклад в изучение истории тувинско-монгольских отношений внес Д. Шурхуу. В 1999 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Монголо-тувинские отношения, позиция России (первая половина XX века)». Используя архивные материалы монгольских архивов, автор подробно проанализировал политику Монголии в отношении Тувы, монголо-русские и монголо-китайские отношения. Политику Цинского Китая в Урянхайском крае автор оценивает как грабительскую, захватническую. Д. Шурхуу много внимания уделяет вопросу взаимоотношений России и Монголии после изгнания китайцев с территории Тувы и событий 1911 г.⁹⁴

В настоящее время поддержка развития монголоведения является одним из приоритетов концепции внешней политики Монголии. История решения «урянской вопроса» Россией, Монголией и Китаем изучается и в рам-

ках анализа политической деятельности персоналий. Большая заслуга в этом принадлежит Институту истории, Институту международных исследований. В начале 2013 г. в Улан-Баторе прошла конференция, посвященная И. Я. Коростовцу, сыгравшего большую роль в признании независимости Монголии и становлении ее государственности; дипломатическая деятельность Ивана Яковлевича в Пекине и Урге также была связана тесным образом и с решением «урянской вопроса»⁹⁵.

История решения «урянской вопроса» получила рассмотрение в ряде трудов западных историков — Дж. Фриттерса, Р. Квестид, Ч. Боудена, Р. Рупена, О. Латтимора, и других⁹⁶.

Одним из иностранцев, посетивших Туву, был немец О. Менхен-Хельфен. Тува к тому времени уже имела статус Народной Республики. В своей книге «Путешествие в азиатскую Туву» он дал описание обычаев и религии тувинцев, сохранившихся со времен существования Цинской империи⁹⁷.

В работе Д. Фриттерса «Внешняя Монголия и ее международное положение» рассматривается вопрос принятия Тувы в протекторат России в 1914 г. Автор дал довольно подробный анализ политике министра иностранных дел С. Д. Сазонова в решении «урянской вопроса», отмечая при этом, что она зависела от внешнеполитической ситуации, сложившейся на восточных российских рубежах. В монографии «Экспансия России в Восточной Азии (1857–1860 гг.)», английская исследовательница Р. Квестид рассматривала Тану-Урянхай как самую «конфликтную» часть территории Северной Монголии, приводя факты частых столкновениях русского приграничного населения с тувинцами. В исследовании «Монголы в двадцатом столетии», Роберт Рупен, соглашаясь с Дугласом Каррутерсом, считал принятие Тувой покровительства России в 1914 году закономерным явлением, чему предшествовала поэтапная русская колонизация. Ч. Боуден, автор книги «Современная история Монголии», до-

⁹³ Гонгор Д. Халх товчоон: Халх монголчуудын нигмийн эдийн засгийн байгуулал. Уланбаатар: БНМАУ Шинжлэх Ухааны Академиин Туухин Хуурээлэн, 1978; Нацагдорж Ц. Боло толь. Туухэн роман. Уланбаатар, 1986; Очир А. Урианхай нарын угсаа-туухийн асудал. Улаанбаатар, 1999; Эрдэнэбат М. Материалы об Урянхайском крае в трудах Императорского географического общества // Восток и Россия. Взгляд из Сибири: Материалы и тезисы докладов научно-практической конференции. Иркутск, 1996. С. 259–262; Шурхуу Д. Урянхайский вопрос в монголо-русских отношениях в первой четверти XX века // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке: материалы международно-практической конференции. М., 2002.

⁹⁴ Шурхуу Д. Урянхайский вопрос в монголо-русских отношениях в первой четверти XX века / Д. Шурхуу // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке: материалы международно-практической конференции. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2002. С. 97–117.

⁹⁵ Монгол-оросын 1912 оны гэрээ ба И. Я. Коростовец. Уланбаатар, 2013. 160 с.

⁹⁶ Fritters G. M. *Outer Mongolia and its International Position*. London, 1951. p. 106–107; Qusted R. *The expansion of Russia in East Asia 1857–1860*. Singapore, 1968. p. 36; Rupen R. *The Mongols of the Twentieth Century*. Pt. 1–2. Bloomington, 1964; Bawden Ch. *The Modern History of Mongolia*. N. Y., 1968.

⁹⁷ Qusted R. *The expansion of Russia in East Asia 1857–1860*. Singapore, 1968. p. 36.

вольно подробно рассмотрел «тувинскую» политику России в начале второго десятилетия XX в., в том числе, аспект русско-монгольского соперничества в крае. При этом автор указывал на общий агрессивный характер политики России и Внешней Монголии в отношении Тувы⁹⁸.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что историография истории международных отношений в Туве обширна. Проблематика исследования рассматривается в контексте междисциплинарных связей, расширяется и дополняется за счет введения в научный оборот новых архивных материалов.

Характеристика источников по изучению международных отношений в Туве (первая четверть XX в.)

Поскольку практика решения «урянской проблемы» правительственными кругами России имеет многовековую историю, в федеральных и региональных архивах Российской Федерации сосредоточено большое количество документальных источников. Существуют разнообразные опубликованные материалы по озвученной теме. Ниже приведем их краткую характеристику.

К числу опубликованных, прежде всего, следует отнести сборники документов.

Так, в сборнике «Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств 1878–1917 гг.» вошли материалы по истории русско-китайских отношений, в том числе, по «урянской проблеме». Этот аспект рассмотрен в документах конца 1911 г. — времени начала Синьхайской революции в Китае⁹⁹.

Сборник «Три века: тувинско-русские-монгольские-китайские отношения (1616–1915 гг.)» включает как неопубликованные, так и опубликованные ранее архивные документы Российского государственного архива древних актов, Архива внешней политики Российской империи, Центрального государственного архива республики Тыва. Часть материалов относится ко времени установления протектората России над Тувой.

Сборник документов «Установление покровительства над Тувой...», составленный

известным историком и источниковедом, директором облгосархива В. А. Дубровским и опубликованный в 1994 году, содержит прошения глав тувинских хошунов о принятии покровительства России, Докладную записку министра иностранных дел, С. Д. Сазонова, Николаю II, речательства тувинских нойонов о переходе в российское покровительство и ряд других¹⁰⁰.

Документы, опубликованные в сборниках «пограничных договоров России с соседними государствами» (1891 г.), «Договоров России с другими государствами (1856–1917)», «Русско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы», «Русско-китайские отношения 1689–1916», «Договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке. 1842–1925» и других позволяют в полной мере провести анализ той международной обстановки, в условиях которой происходило решение «урянской проблемы», а также учесть в исследовании юридические основания, ограничивающие активность России в отношении Тувы. «Сборник торговых договоров России с Китаем», изданный в 1909 году, содержит тексты Пекинского трактата 1861 г., и Петербургского договора 1881 г. Анализ текстов этих договоров позволяет оценить исторические условия, при которых была создана правовая основа для освоения Тувы русским торговым элементом.

Всестороннее рассмотрение аспектов исследуемой темы, воссоздание картины прошлого, в условиях которой происходило формирование правительственного курса России в отношении Китая и Монголии, диктовало необходимость обращения к воспоминаниям и мемуарам государственных деятелей того периода. Важным источником являются воспоминания действительного статского советника И. Я. Коростовца, сыгравшего видную роль в дипломатических отношениях с Китаем и Монголией по «урянской проблеме». Заведующий сектором России Института международных исследований Академии наук Монголии Э. О. Батсайхан в 2009 г. опубликовал дневник И. Я. Коростовца «Девять месяцев в Монголии». Сам дневник был предоставлен профессору Торонтского университета, Ольге Бакич, старожилом Харбина. Уникальность этого источника состоит в том, что в нем пред-

⁹⁸ Bawden Ch. The Modern History of Mongolia. N. Y., 1968. p. 85.

⁹⁹ Международные отношения в эпоху империализма. Сер. 3. Т. II. М., 1933. Международные отношения в эпоху империализма. Сер. 3. Т. III. М., 1933. Международные отношения в эпоху империализма. Сер. 3. Т. IV. М., 1931.

¹⁰⁰ Дубровский В. А. Установление покровительства над Тувой в 1914 г. Кызыл, 1994; За три века. Тувинско-русско-монгольско-китайские отношения (1615–1915) / составитель В. А. Дубровский. Кызыл: Республиканская типография, 1995. 84 с.

ставлено не только мнение И. Я. Коростовца об «урянхайском вопросе», но и описаны подробным образом отношения дипломата по означенной проблеме с императором, главой Министерства иностранных дел Российской империи, жителями Тувы, консулом в Урге¹⁰¹.

Воспоминания С. Ю. Вите, В. Н. Коковцова также являются ценными источниками, позволяющими понять мотивы, которыми руководствовалось российское правительство во внешнеполитических отношениях с Китаем, Японией и Монголией, в конце XIX — начале XX вв.¹⁰²

Существенное значение для изучения вышеозначенной проблематики имеет русская пресса: центральные и сибирские газеты. Особую ценность представляет журнал, издаваемый Иркутским военным округом «Сведения о государствах Дальнего Востока», в котором публиковались переводы с китайских газет. Материалы журналов «Новое время», «Енисейские епархиальные ведомости», «Золото и платина» и проч., газеты «Сибирь», «Наша мысль», «Сибирский листок», «Сибирская газета», «Сибирский студент», «Енисейские ведомости», «Правительственный вестник» также являются неоспоримо важными документальными источниками.

Актуализация архивных материалов по истории Тувы идет через их опубликование. В 2011 г. совместно с Тывинским институтом гуманитарных исследований и Институтом истории Академии наук Монголии был издан двухтомник «Собрание архивных материалов по истории Тувы». Документы были отобраны из фондов Центрального государственного архива республики Тыва и Национального архива Монголии. Работа, сделанная составителями, бесспорно, грандиозна. Хотелось бы отметить ценность и уникальность самих публикуемых материалов. Так, в рамках рассматриваемой проблематики бесспорно, представляют интерес такие документы, как «Приказ о рассмотрении дела об объединении с Россией», да-

¹⁰¹ Коростовец И. Я. Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Монголии Август 1912 — Май 1913. Уланбаатар: «Адмон», 2009. 440 с.

¹⁰² Коростовец И. Я. От Чингисхана до советской республики. Краткая история Монголии с особым учетом новейшего времени / под ред. О. Батсайхана, Б. В. Базарова, В. Ц. Ганжунова. Улан-баатар, 2004; Витте С. Ю. Избранные воспоминания. М.-Л., 1923; Извольский А. П. Воспоминания. М., 1989; Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919 гг. М., 1991.

тированный 1902 г. (за 12 лет до официального объявления протектората над Тувой), «Приказ о срочном выяснении и сообщении о домах, построенных русскими в местностях Солиг-Мод, Куртушибе и Ус» и ряд других. Основной подход составителей — это объективность. Большинство документов опубликовано в оригинале (на старомонгольском языке)¹⁰³.

Не менее масштабная и кропотливая работа была проведена японскими исследователями. Исследовательский и информационный Центр Азиатских исследований Института восточных культур Университета Токио опубликовал два тома уникального издания «Старые карты Тувы». Подготовил их к опубликованию Масахико Тодорики. Во втором томе представлена серия старых карт Тувы XVIII–XX веков, специально составленная по указам китайских императоров. Составитель опирался на труды предшественников — исследователей географии Тувы, в основном иностранных, часто недоступных для отечественных тувиноведов и проделал поистине титанический труд, сопоставив прежнюю топонимику к современным названиям¹⁰⁴.

В настоящее время в рамках совместного проекта иркутских ученых и Академии наук Монголии ведется опубликование перечней документов из фондов Государственного архива Иркутской области по русско-монгольским отношениям. Отдельное место занимает здесь тематика, посвященная «урянхайскому вопросу». Ведущим научным сотрудником Иркутского областного краеведческого музея, А. И. Шинковым, уже опубликован тематический перечень документов 24 и 25 фондов ГАИО. Ю. В. Кузьминым и автором статьи продолжается опубликование документов 11 фонда «Канцелярия»¹⁰⁵.

¹⁰³ Собрание архивных документов по истории Тувы. Уланбаатар-Кызыл, 2011. Том 1 (1738–1911). С. 333, 465.

¹⁰⁴ Old Maps Of Tuva. The Detailed Map Of the Nomadic Graz — In patterns Of Total Area Of the Tannu-Uriankhay Old maps of Tuva / Author-Composer Masahiko Todoriki. Tokio, 2008. Vol. 1; Ламажаа Ч. К. В Японии изданы «Старые карты Тувы» (ч. 2) // Новые исследования Тувы, 2009. № 3 // http://www.tuva.asia/journal/issue_3/478-old-maps-of-tuva.html.

¹⁰⁵ Шинковой А. И. Указатель документов Государственного архива Иркутской области по вопросам русско-монгольских отношений (вторая половина XIX — начало XX века) // Актуальные вопросы истории российско-монгольских отношений. Сборник научных трудов. Иркутск: Издательство БГУЭП, 2013. С. 181–230.

В 2014 году вышли в свет сборники документов, составленные сотрудниками Государственного архива республики Тыва и Тувинского института гуманитарных исследований. Материалы представлены уникальными документами Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) Архива Внешней политики Российской империи (АВПРИ), Архива Республики Тыва, Государственного архива Иркутской области.

Неопубликованные источники представлены документами, содержащимися в фондах федеральных, ведомственных и региональных архивов Российской Федерации.

Материалы фонда «Китайский стол» Архива внешней политики Российской империи при МИД РФ представлены, в основном, депешами Российского посланника в Пекине и телеграммами российского консула в Улясутае. В ряде дел содержатся сведения, касающиеся непосредственно «урянской» проблемы. Так, в них рассматриваются такие ее аспекты, как дипломатическая борьба России, Китая и Монголии за Урянхайский край, позиция дипломатических ведомств в «урянской проблеме», взаимодействие хошунной администрации с маньчжурскими властями и российскими представительными органами.

Отчеты императорского российского консульства в Улясутае содержат копии прошений нойонов тувинских хошунов о переходе их в ургинское подданство, а также письма нойонов Пограничному комиссару о принятии покровительства России.

Фонд 177 «Миссия в Пекине» содержит переписку уполномоченных российских представителей в Пекине с иркутским генерал-губернаторством и Российским консульством в Урге, а также отчеты дипломатических представителей в МИД России.

Поскольку решение «урянской проблемы» российским правительством происходило при непосредственном участии военных ведомств актуальны материалы Российского государственного военно-исторического архива. Содержательный материал по рассматриваемой проблематике представлен документами фонда 400 «Азиатская часть». Они включают переписку Военного министерства и МИД Российской империи, канцелярии Иркутского генерал-губернаторства с Военным министерством, донесения разведки Иркутского и Заамурского военных округов, отчеты Иркутского генерал-губернатора Алексева за 1909 г. и ряд других. Некоторые из перечисленных материалов

содержат интересные сведения. Например, переписка В. А. Сухомлинова с министром иностранных дел В. Н. Ламздорфом и генерал-лейтенантом Н. Н. Сухотиным в 1908–1909 гг. по вопросу учреждения должности пограничного комиссара позволяет сделать вывод о том, что план учреждения дипломатического представительства в Тану-Урянхае обсуждался за пять лет до его претворения в жизнь. Последнее обстоятельство объясняется обострением пограничной ситуации в крае на тот момент.

В фонде 200 (Министерство иностранных дел, г. Омск) Государственного архива Российской Федерации содержатся доклады и докладные записки комиссара по делам Урянхайского края, в которых дается, в основном, описание экономической и политической обстановки в Туве. Документы по взаимодействию Временного Сибирского правительства с властями Монголии и Китая содержатся также в Государственном архиве Омской области. В продолжение сказанному, материалы об управлении Тану-Урянхайским краем, о взаимодействии с маньчжурскими и монгольскими властями представлены в полном объеме в Государственном архиве республики Тыва и Государственном Архиве Красноярского края. Подробно останавливаться на характеристике этих документов не представляется возможным. Работа в этих архивах будет следующим этапом моих исследований.

Материалов по «урянской проблеме» в Российском Государственном историческом архиве немного, однако их содержание представляет несомненный научно-исследовательский интерес. В фонд 1073 «Фармаковские» включена переписка С. Р. Минцлова с Б. В. Фармаковским, в ходе которой происходило активное обсуждение трудов Сергея Рудольфовича, посвященных Туве. В фонде 190 «Управление внутренних водных путей Министерства Путей Сообщения» содержатся письма активного сторонника присоединения Тувы России Усинского пограничного начальника, А. Х. Чакирова, инженеру путей сообщения Р. Родевичу. В них подробно описан «переходный» период в решении «урянской проблемы», связанный с учреждением пограничного комиссариата и переселенческого управления в Туве. Материалы фонда 23 «Министерство торговли и промышленности» и 391 «Переселенческое управление» дополняют эти сведения.

Большой пласт архивной информации по проблеме изучения российско-монгольских и

российско-китайских отношений по вопросам политического влияния в Урянхайском крае содержится в Государственном Архиве Республики Тыва.

Фонд 115 «Управление амбын-нойона Урянхайского края» содержит ценные материалы, позволяющие проследить в динамике изменение политических взглядов предпочтений тувинской элиты в сторону России или Монголии, на которые оказывало влияние общее направление политики указанных стран. Непопулярные меры, такие, как лишение права тувинской нации на самоопределение были серьезной причиной по которой тувинское руководство не желало оставаться в составе России. Временное правительство а затем и Омское были приемниками общей концепции управления краем, основные принципы которой сформировались в «имперский» период протектората. В условиях военного времени противоречия, существующие между русскими поселенцами и местными жителями, постоянно обострялись. В лице Монголии а затем и Китая тувинское руководство видело возможную замену России как протектору.

Анализ некоторых документов фонда 112 «Управление комиссара по делам Урянхайского края» позволяет сформировать общее представление о содержании, принципах и методах управления регионом, которые разрабатывало российское руководство в период действия протектората. В инструкциях Комиссара Полицейским приставам и урядникам урянхайского края а также казачьим постам содержатся рекомендации по осуществлению «мер наблюдения» за прибывшими китайскими и монгольскими гражданами, а также указания по сохранению доброжелательного характера отношений с коренным населением. Применение силовых мер было возможным только в крайних случаях. Необходимо отметить, что документы указанных и других фондов требуют проведения более тщательного и глубокого анализа по проблемам международных отношений в Туве.

Состав документов фондов Государственного архива Иркутской области, освещающих «урянхайский вопрос» в отношениях России, Китая и Монголии уникален по своему содержанию. С одной стороны, он аккумулировал точные копии материалов, содержащихся в центральных (федеральных) архивов, а также архивах Красноярского края и Омской области. Но, что более важно, в фонде 25 «Канцелярия Иркутского генерал-губернатора» содержатся

документы, играющие ранее роль «связующего звена» Иркутского генерал-губернатора и Министерства иностранных дел Российской империи, губернатора Енисейской губернии, консульствами в Урге и Улясутае, дипломатической миссией в Пекине, Усинским пограничным управлением. По содержанию многие материалы позволяют пролить свет на малоизвестные аспекты «урянхайского вопроса».

Так, информация переписки членов дипломатических представительств в Урге и Пекине с канцелярией иркутского генерал-губернатора, Усинским пограничным управлением и Штабом Иркутского военного округа, дополняет сведения, содержащиеся в документах центральных архивов о позиции дипломатических ведомств в решении «урянхайского вопроса», их взаимодействии с периферийными органами управления. Секретная «Записка полковника Генерального штаба В. Попова по Урянхайскому вопросу», содержание которой было одобрено Императорским Посланником в Пекине, представляет особый научный интерес с точки зрения анализа сценариев «азиатской политики» имперской России, разрабатываемых представителями военных ведомств.

Особый интерес представляют инструкции Усинского пограничного начальника секретным агентам. Психологическое воздействие на русских поселенцев, тувинцев и монголов было одним успешно применяемых методов по решению «урянхайского вопроса» в пользу России.

Документы, переведенные на русский язык с монгольского, представлены обращениями нойонам ряда хошунов со стороны управляющих Сеценхановского аймака. Все они содержат требования не поддаваться провокации со стороны русского населения и по-прежнему оставаться в составе Монгольского государства. Это неполная характеристика материалов 25 фонда.

Материалов фондов Бурятского научного центра СО РАН по исследуемой проблематике немного, однако часть из них была введена в научный оборот недавно. Полевые записки, дневники сотрудников Центра, выезжающих в экспедиции в Туву, несомненно, представляют исследовательский интерес, их необходимо вводить в научный оборот в будущем.

Материалы 217 фонда «Красноярский подотдел Восточно-сибирского отдела российского географического общества» Государственного архива Красноярского края (ГАКК) содержат ряд ценных сведений об организа-

ции экспедиций в Урянхайский край членов изучения Урянхайского края и Монголии, ряд сведений, в том числе, о политической обстановке в Урянхайском крае начала XX в., представленных В. Ю. Григорьевым, Ф. Я. Коном и другими членами Подотдела.

Указанный обзор документов не исчерпывающий, большинство архивных материалов указанных архивов требуют более детальной научной обработки.

Таким образом, интерес к проблеме международного соперничества России, Монголии и Китая в Урянхае развивался по мере освоения края русскими и установления торгово-экономических и культурных контактов с местным населением. В конце XIX в. — первом десятилетии XX в. Урянхайский край вошел в зону политического влияния Российской империи. «Урянхайский вопрос» стал предметом обсуждения в большинстве работ исследователей края, военных, политиков. Документы этого периода позволяют сформировать общее представление о характере политики и методах, которые использовало российское правительство в период подготовки к установлению протектората и во время его действия.

В советский период до середины XX в. в большинстве работ доминировала единственная точка зрения об агрессивном характере политики царской России в отношении края и Монголии. Несмотря на строгое ограничение доступа к большинству архивных документов, в работах ученых послевоенного времени проводится подробнейший анализ ряда проблем, в том числе, экономических связей Тувы с Китаем, Монголией и Россией, а с 70-х годов получили рассмотрение аспекты, относящиеся к «урянхайскому пограничному вопросу».

Итак, смена парадигмы исторической науки, наличие открытого доступа к архивным материалам начала XX в. явились мощным стимулом для развития одного из самых плодотворных периодов изучения означенной проблемы. Научный анализ ранее недоступных архивных документов, их опубликование стимулируют развитие новых подходов, использование разнообразных методов в изучении проблематики. На сегодняшний день становится возможным изучить различные вопросы историографии и источниковедения российско-монгольских и российско-китайских отношений в Туве в первой четверти XX в.

ОТНОШЕНИЯ СТРАН «ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО ТРЕУГОЛЬНИКА» ПО «УРЯНХАЙСКОМУ ВОПРОСУ» (1911–1914 гг.)

Синьхайская революция, произошедшая в ноябре 1911 г., привела к свержению маньчжурской династии и ликвидации прежних принципов управления, в том числе, окраинной политики, проводимой Цинами. Это обстоятельство внесло существенные коррективы в политику российского руководства, направленную на решение «урянхайской проблемы».

Революция была обусловлена глубоким кризисом Цинской империи, который получил свое проявление во всех сферах китайского социума. Отчасти он был вызван засильем иностранного капитала. Так, к 1911 г. в Китае было основано 91 предприятие, в основном они относились к числу крупных. Продукция иностранных производителей освобождалась от внутренних пошлин (лицзиня), что сделало ее стоимость намного ниже отечественных товаров. По этой и ряду других причин, политика Цинского правительства не удовлетворяла фактически все слои населения: крестьянство, чиновников, помещиков, шэньши (ученое сословие). В последние годы перед Синьхайской революцией наблюдался подъем стихийного народного движения в форме «рисовых» бунтов и антиналоговых выступлений. Наибольшего размаха они достигли в провинциях Хунань (самый крупный рисовый бунт произошел в г. Чанша в 1910 г.), Аньхой, Цзянсу, Цзянси¹. В этих условиях, а также в результате роста активности либеральной оппозиции, Цины были вынуждены провести ряд реформ: реорганизацию армии, создание новых воинских частей и соединений по японскому и военному образцу, реформу в области образования (здесь имеется в виду отмена старой феодальной системы государственных экзаменов и учреждение министерства народного просвещения), изменение формы государственного устройства — переход к конституционной монархии и проч. Однако реформы, проводимые правительством Цыси, вели к углублению кризисного состояния страны. Противостояние либеральной оппозиции в лице торгово-промышленной буржуазии, помещиков, шэньши, под руководством Чжан Цзяня, Лян Цичао и проч. вело к ослаблению Цинской династии. Конституционное движение, центром которого стали провинциальные Совещательные комитеты, вело к сужению со-

¹ Белов Е. А. Краткая история Синьхайской революции. М., 2001. С. 3.

циальной базы монархии. В мае 1911 г. Цинское правительство издало два указа, которые вызвали недовольство как среди широких слоев населения и либеральной оппозиции: 8 мая был опубликован указ о формировании императорского кабинета министров, в котором из 13 министров 9 были маньчжурами (5 из них — великими князьями). Девятого мая был издан указ о «национализации» железных дорог Китая, строящихся на частные средства². Последней мерой предполагалось нанести удар по буржуазии. В защиту железных дорог развернулось движение, в котором приняло участие население четырех провинций (Хубэй, Хунань, Гуандун, Сычуань). Оно явилось толчком, приведшим к восстанию в Учане 10 октября 1911 г. Восстание было подготовлено, главным образом, объединенными силами хубэйских революционных организаций Вэньсюньшэ и Гунцзинхой³. Учанское восстание явилось началом Синьхайской революции, результатом которой стало свержение Цинской династии и объявление Китая республикой. Во главе нового государства встал президент Юань Шикай. Он был приверженцем консервативных взглядов, его мировоззрение не выходило за рамки традиционного (великоханьского) шовинизма. Это позволило новому Китаю сохранить некоторую преемственность от прежней империи.

Синьхайская революция и последовавшее за ней объявление независимости Монголии привели к ликвидации правовой базы и физической возможности осуществления власти Китая над Тувой. С падением Цинской династии исчезли «юридические обязательства» местных нойонов перед Пекином, так как они признавали власть маньчжурской династии, а не республиканский строй.

Свержение маньчжурской династии в Китае и объявление независимости Монголии явились определяющими моментами в политике центрального правительства и Иркутского генерал-губернаторства в отношении Тувы. В свою очередь, неотложность скорейшего решения «Урянхайского вопроса» была продиктована увеличением потока русских переселенцев в Урянхайский край, который стимулировало

² Белов Е. А. Краткая история Синьхайской революции. М., 2001. С. 7–44.

³ Там же. С. 55–64.

проведение Столыпинской аграрной реформы и истощение земельного фонда Сибири⁴.

Еще в начале 1911 г. Россия начинает предпринимать меры по решению «урянхайского вопроса». Уполномоченный посланник в Пекине, Г. Гойер, телеграфировал С. Д. Сазонову из Шанхая 18 февраля 1911 г.: «В виду запросов со стороны местных газет, не откажите сообщить, как согласовать ст. первую Чугучагского договора 1864 г. с Буринским трактатом, и материалам, доставленными мне по Урянхайскому вопросу и была ли граница установлена согласно статье шестой договора»⁵. Штаб Иркутского военного округа в мае 1911 г. начинает разработку плана военной операции, на случай если бы оказалось невозможным решить вопрос военным путем. Для составления подробного описания Урянхая был направлен начальник штаба VII Сибирской стрелковой дивизии полковник В. С. Попов. Одновременно по приказу командующего округом генерала от кавалерии Эверга началась подготовка иркутских и енисейских казачьих частей. Операция готовилась по трем направлениям: первое — Кобдо, Уланком, Кемчик; второе — Улясутай, долина Енси-ея, Усинское; третье — Улясутай, Косогол, Тунка⁶. Согласно директиве Главного управления Генерального штаба от 30 июня 1911 г., в случае войны с Китаем и антирусских выступлений тувинцев, иркутские и енисейские казаки сотни должны быть развернуты в дивизионы трехсотенного состава и вместе с Минусинской уездной воинской командой и ополченческими отрядами немедленно занять Урянхайский край⁷. Однако революция в Китае устранили необходимость в военном захвате Тувы.

На события в крае оперативнее всего реагировало Усинское пограничное управление. Так, пограничный начальник А. Х. Чакиров, подчеркивая важность интересов русских поселенцев в крае, считал необходимым воспользоваться сложившейся ситуацией для того, чтобы присоединить Урянхайский край к Российской империи. Он внес на рассмотрение генерал-губернатора два варианта действий: или предложить тувинскому населению немедленно объявить себя независимыми от Китая и

после перейти в подданство Российского государства, или занять границу по южному склону хребта Тану-Ола и ввести свое самоуправление. Пограничный начальник отдавал предпочтение второму варианту, считая его наиболее своевременным, подчеркивая, что эти действия не должны вызвать нареканий со стороны других государств. «Ни Европа, ни Америка не интересуются, а, пожалуй, и не знают историю Урянхая»⁸. Кроме того, в рапорте иркутскому генерал-губернатору Чакиров писал о необходимости стабилизировать положение русских торговцев в крае, предлагал «внедрить торгового агента, уравнивать в положении китайских и русских купцов», открыть таможи, «как для оплаты привозимого товара из Китая, так и для снятия со всего вывозимого из России через Урянхай в Монголию товара, что облегчит доставку чая русскими»⁹. Говоря о вреде китайской торговли, наносящей большой ущерб тувинцам, он вместе с тем оценивает стратегическое значение Тувы: «Урянхай ведь, играя для России большое значение для России в торговом отношении, не менее важную роль играет и в стратегическом отношении, посему, от всех вышеприведенных приемов выигрывает не только русская торговля, но и русское дело на границе с Китаем; ибо Россия в лице оправившегося Урянхая, приобретает и необходимый буфер между Россией и Китаем»¹⁰.

Мнение усинского пограничного управления совпадало с позицией иркутского генерал-губернатора. Последний отмечал, что сложившаяся обстановка в крае, в связи с упразднением полномочий улясутайского цзянь-цзюня «благоприятствует разрешению Урянхайского вопроса в желательном для нас смысле»¹¹.

Воспользовавшись этими обстоятельствами, считал генерал-губернатор, представлялось возможным установить в Туве общий административный надзор под руководством Иркутского генерал-губернаторства, не вмешиваясь во внутреннее управление. По мнению Князева, эти меры, преданные в дальнейшем широкой огласке, предупредят обвинения со стороны китайского правительства и других государств в самовольном захвате Урянхая¹².

Итак, представители власти регионального уровня управления считали ликвидацию

⁴ Бомбужай А. К.-О. Россия и Тува: проблема становления связей в конце XIX — начале XX вв. — М., 1998. С. 19.

⁵ АВПРИ. Ф. 137. Оп. 475. Д. 143. Ч. 1911. Л. 8.

⁶ Г. И. Романов, Ю. М. Ращупкин. Урянхайский край в военной политике России. С. 198—203, С. 202.

⁷ РГВИА. Ф. Азиатская часть. Оп. 2. Д. 197. Л. 126—128.

⁸ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 26. Л. 11.

⁹ Там же. Л. 13.

¹⁰ Там же. Л. 94.

¹¹ Там же. Л. 110 об.

¹² Там же. Л. 111.

господства маньчжуров в Туве хорошим стимулом, благоприятствующим проведению активной политики, направленной на отторжение края в пользу России. Однако, во избежание претензий со стороны других держав, они подчеркивали необходимость действовать преимущественно мирными методами, такими, как установление административного надзора, учреждение представительных органов управления и проч.

В свою очередь, в Петербурге осознавали сложность обстановки, сложившейся в Тану-Урянхайском крае после распада Цинской империи. Восьмого ноября 1911 г. состоялось Особое Совещание Совета Министров, посвященное «урянхайскому вопросу». Совет министров, сославшись на документы, найденные в архиве МИД делопроизводителем.д. с. с. Белокуровым¹³, признал, что российские власти «не в состоянии противостоят китайским притязаниям»¹⁴. Кроме того, министры сослались на Чугучагский протокол от 1864 года, согласно которому в Западной части Урянхайского края граница была установлена на юго-западе от перевала Шабин-Дабага, который расположен на 200 верст к северу от хребта Танну-Ола. Тем не менее, на Совещании было признано, что «край ...представляет для России несомненную и весьма значительную ценность и не может быть для нас чуждым»¹⁵. Принимая во внимание события в Китае, участники Совещания пришли к следующему выводу: «...Очевидно, каков бы ни был исход охватившего Среднюю империю революционного движения, во всяком случае, Китай выйдет из современного кризиса ослабленным и едва ли способным вести в ближайшем времени наступательную политику на своих окраинах. Таким образом, устраняется опасность того, что Китайские власти станут принимать меры к усилению колонизации Урянхайского края... а тем более к вытеснению из названного края русского элемента»¹⁶. По этой причине Совет Министров принял решение воздерживаться от активных выступлений в отношении региона, так как они «могли бы быть сочтены за меры к захвату Урянхайского края». «Императорское правительство «должно всячески стремить-

ся к постепенному упрочению его за Россией. К этому побуждают нас, — говорилось в Журнале, — как экономические, так и политические соображения»¹⁷. Наиболее целесообразным способом закрепления Тувы за Россией министры признали земельную колонизацию. Она, по их мнению, имела важное значение и в стратегическом плане, поскольку «создание оплота из русского населения обеспечило бы безопасность кругобайкальской железной дороги со стороны предместий Китая»¹⁸. В рамках колонизационной политики, предполагалось заселить Урянхай значительным контингентом русских; тувинцам планировалось оставить до 50 десятин на человека, при расчете на 400.000. душ поселенцев.

Совет Министров полагал, что заселение края русскими не должно носить «характер исключительного привлечения правительством переселенцев в Урянхай», поскольку это могло возбудить подозрения со стороны китайских властей. Помощь правительства, по мнению Совета, должна выражаться в «обеспечении культурной обстановки, облегчающей им тяжелую жизнь пионеров в отдаленной окраине»¹⁹.

Исходя из этих соображений, на Совещании были определены следующие меры по колонизации края и дальнейшему укреплению края за Россией:

- 1) с помощью Министерств Народного Просвещения и Внутренних дел, Главноуправляющим Земледелием и землеустройством и проч. обеспечить дальнейшую постройку в крае школ, медицинских учреждений;
- 2) пересмотреть действующий штат Усинского пограничного Управления;
- 3) обеспечить образование в крае Особой Усинской команды и временно командировать в с.Усинское казачий отряд из состава Иркутского военного округа числом около сотни, а также обеспечить завершение строительства Усинской колесной дороги из с.Григорьевки до с.Усинского и проч.

Итак, на Совещании было принято решение продолжать осторожную политику по укреплению позиций в Туве России. Российское правительство по-прежнему опасалось вступать в конфликт с Китаем. В Петербурге делали ставку на то, что после революции Китай не будет проводить активную окраинную политику,

¹³ Всеподданнейший доклад министра иностранных дел. Красный архив. 1926. № XVIII (5). С. 96.

¹⁴ Журнал Особого Совещания Совета министров. Спб, 1912.

¹⁵ Там же. С. 12.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Журнал Особого Совещания Совета министров. Спб, 1912. С. 14.

¹⁸ Там же. С. 14–15.

¹⁹ Там же.

в том числе, и Урянхайском крае. Поэтому был предложен план по дальнейшему укреплению и хозяйственному освоению края. Кроме того, планировалось направить казачью сотню в край, а в будущем — сформировать Особую Усинскую команду²⁰.

Николай Второй утвердил резолюцию Совета Министров, согласившись как с ее обоснованием, так и с самой программой. Однако в конце февраля 1912 г. русский поверенный в Пекине М. С. Щекин в депеше от 28 января 1911 г. высказался в пользу занятия Урянхайского края, мотивируя эту меру «несомненностью юридических прав на указанный край, а с другой стороны — наличием подходящей для того политической обстановки»²¹ (здесь имеется в виду свержение Цинской династии — В. В.). С. Д. Сазонов высказался против сообщений М. С. Щекина. Министр Иностранных дел считал, что материалы Московского архива являются неоспоримым доказательством того, что Россия на Урянхайский край прав не имеет. Документы подтвердили, что граница по Саянскому хребту установлена в 1727 году русскими и китайскими комиссарами при подписании Буринского договора; «то же подтверждается составленной после разграничения, под наблюдением графа Саввы Владиславича (Рагузинского), пограничной картой»²². «Таким образом, — писал Сазонов, — приходится признать, что юридических прав на Урянхайский край Россия не имеет, и побудительной причиной для занятия наших земель между Саянами и хребтом Танну-Ола могла бы быть лишь необходимость этой меры с точки зрения наших там интересов. Однако мне неизвестно, чтобы в этих местностях произошли такие события, которые требовали бы от нас защиты военной силой находящихся в Урянхайском крае русских подданных и отказом от программы, намеченной советом министров...»²³. Министр Иностранных дел признал несостоятельность выводов М. С. Щекина, равно как и полковника В. С. Попова о «неоспоримой принадлежности края» России. Он считал, что единственной причиной, по которой следовало бы аннексировать Урянхай, были интересы русских про-

мышленников в крае, хотя это не являлось, по мнению министра, веским мотивом для введения на территорию края русских войск.

Резолюция, которую наложил Николай II на доклад Сазонова, была следующей: «Я, напротив, совершенно согласен с мнением поверенного в делах в Пекине. Со времени обсуждения вопроса в Урянхайском крае прошло более трех месяцев, в Китае произошли крупные перемены, нам необходимо более активно заняться разрешением этого дела, иначе мы нигде вдоль китайской границы не добьемся пользы для себя»²⁴. Резолюция императора знаменовала собой смещение политики центрального правительства от постепенного и осторожного занятия края «явочным порядком» к активной политике, направленной в сторону присоединения Урянхая к России, ответственность за проведение которой должна была быть возложена на региональных представителей власти.

Указание царя — аннексировать край — министерство иностранных дел не выполнило. Перед министерством иностранных дел стояла новая дипломатическая задача — участие российской дипломатии в переговорах с Китаем по «монгольскому вопросу».

Украинная политика маньчжуров, не отвечающая интересам монгольской элиты, предопределила принятие решения последней об отделении Северной Монголии от Китая и объявления независимости. Как уже говорилось ранее, в начале XX в., для упрочения своих позиций, Цинское правительство стало проводить реформы, в том числе, под лозунгом «укрепления границ» — на национальных окраинах страны — в Монголии и Тибете. Инициатором проведения активной колонизаторской политики в Монголии стал секретарь императорского кабинета Чжан Цихуай. Он опасался, что Россия после неудачи в русско-японской войне обратит свой взор на Монголию и попытается мирными средствами «овладеть этой пограничной областью Китая»²⁵. Чиновник осознавал всю опасность того положения, если бы Монголия, «являющаяся ныне таким прекрасным буфером... вдруг бы отошла под власть России»²⁶. Поэтому, по его мнению, Китай должен спешить с принятием таких мер, которые могли бы обезопасить Монголию от агрессивных замыслов сильного соседнего государства»²⁷.

²⁰ Лайдып А. Метаморфозы Урянхайской политики Российского правительства в конце XIX — начале XX вв. // Историка размышляют. 2001. С. 75–99, С. 85.

²¹ Красный архив. 1926. № XVIII (5). С. 96.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Красный архив. 1926. № XVIII (5). С. 96.

²⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3909. Л. 126.

²⁶ Там же.

²⁷ Цит. по: Белов Е. А. Краткая история Синьхай-

В 1902–1910 гг. происходит интенсивная колонизация ханьцами земель Внутренней Монголии. Особенно сильной колонизации подвергся Чжеримский сейм. В период с 1902 по 1911 гг. на территорию Внутренней Монголии переселилось сотни тысяч китайцев.

Что касается Халхи, то там маньчжуры предполагали проводить такую же политику, что и во Внутренней Монголии. В Северной Монголии планировалось провести колонизацию земель жителями Поднебесной, создать новые войска из китайцев и монголов, изменить систему управления, поставить во главе аймаков и хошунов китайских чиновников. В результате проведенных мероприятий, Халха должна была стать обычной китайской провинцией. В 1906 г. правительство Цинской династии обратилось к иностранным государствам с заявлением, в котором говорилось о запрете заключения какого-либо договора с Монголией, монгольским князьям запрещалось брать деньги в долг у мирового сообщества. Вместе с тем, долг Внешней Монголии перед Китаем составлял около 11 млн. лян серебром. В 1910 г. в Ургу был назначен новый амбань из маньчжурских чиновников, Сань До. Им было учреждено бюро по колонизации халхасских земель ханьцами. Одновременно полковником Танг Цзайли стали заменяться монгольские караулы китайскими на границе с Россией. Все эти меры вызвали опасение среди китайской элиты потерять свою власть и быть ассимилированными маньчжурами.

С началом проведения политики Цинми колонизации «внутренних окраин» и последующим провозглашением в Китае новых принципов государственного устройства, перед населением Халхи, как и Внутренней Монголии, встала серьезная угроза быть ассимилированными китайцами. Еще до начала Синьхайской революции, летом 1911 г. было организовано тайное совещание под председательством Чжебцзун-дамба-хутухты, на котором было принято решение об отделении Монголии от Китая при поддержке России. В Петербург была тайно направлена делегация во главе с князем Ханда-Доржи. Члены делегации обратились с просьбой к российскому правительству оказать дипломатическую и военную помощь в обретении независимости от Китая. 17 октября состоялось Особое совещание Совета министров под председательством П. А. Столыпина. На нем «задуманные Китаем

преобразования в Монголии» были признаны противоречащими интересам России. На совещании были сформулированы основные направления политики царского правительства в отношении Монголии: правительство не принимает на себя «обязательства силою оружия отстаивать задуманное монголами Халхи отложение от Китая», но должно выступить посредником между Монголией и Китаем и поддерживать «дипломатическим путем стремление монголов сохранить свою самобытность, не порывая с их сюзеренами — императорами Дайцинской династии»²⁸. Совещание решило без промедления увеличить конвой российского консульства в Урге и обещало оказать помощь халхасцам оружием. Вместе с тем, в Петербурге считали неприемлемым военное вмешательство во внутренние дела стабильного и надежного партнера, каковым традиционно считалась Цинская империя.

Антикитайское движение в Халхе было временно приостановлено, так как амбань Сань До узнал о поездке князей в Петербург и категорически запретил им сношения с российским консульством. Начавшаяся в Китае революция дала монголам возможность освободиться от власти Пекина. При содействии российской дипломатии (в частности, И. Я. Коростовца), 15 ноября специальным комитетом монгольских князей была организована осада Урги. Тридцатого ноября князьями было выдвинуто требование Сань До, чтобы цинские чиновники во главе с ним покинули Монголию. Первого декабря в Урге было обнародовано воззвание к монголам, в котором говорилось: «Мы, монголы, искони составляли особую народность, теперь... надлежит установить свое национальное независимое от других, новое государство»²⁹. В декларации ничего не говорилось о территориях, населенных тувинцами или другими народами. После провозглашения независимости Монголии внимание Монгольского правительства было сосредоточено на таких областях, как Барга, Внутренняя Монголия, и Кобдосский округ. Однако после того как правителем Монголии стал глава монгольской ламаистской церкви — Чжебцзун-дамба-хутухта, халхасская элита стала пропагандировать идею создания «Великой Монголии», в состав которой входили бы Внешняя, Внутренняя Монголия, Урянхайский край и Коб-

²⁸ Цит. по: Белов Е. А. Краткая история Синьхайской революции. М., 2001. С. 125.

²⁹ АВПРИ. Китайский стол. Д. 136. Л. 47.

досский округ. Петербург был против создания Великой Монголии: ведь на деле это означало бы объединение Халхи с Внутренней Монголией, которая, согласно секретному соглашению с Россией, являлась сферой влияния Японии. В целом, царское правительство не одобряло провозглашение независимости Монголии, так как оно выступало за широкую автономию Внешней Монголии в составе Китая.

В свою очередь, идея создания «Великой Монголии», в состав которой вошел бы Тану-Урянхайский край, была с возмущением воспринята российской общественностью, что находило отклик как в центральной, так и сибирской печати. Так, в газете «Сибирская мысль» от 9 июня 1912 г. по этому вопросу были высказаны следующие соображения: «Что касается собственно Монголии, то она не имеет на Урянхай равно никаких прав... претензии монголов на Урянхай ни на чем не основаны, и поэтому фактическое его присоединение к владениям хутухты совершенно неправомерно и не должно допускаться Россией. Страшная ненависть между монголами и сойотами вспыхнет с новой силой, монголы немедленно вступят в роль угнетателей сойотов... и возникшая междоусобица крайне вредно отразится на интересах утвердившихся в Урянхае русских скотоводов, золотопромышленников и тувинцев»³⁰.

Несмотря на противоречия, существующие между Ургой и Петербургом по вопросу о независимости Монголии, Россия все же оказывала последнюю поддержку в борьбе за национальное самоопределение, которая выражалась в дипломатической, военной и финансовой помощи. Переговоры между Россией и Китаем велись по «монгольскому вопросу» более полугода. По мнению российской дипломатии, он должен был решиться на следующих условиях: Китай не должен вводить свои войска в Халху, колонизовать монгольские земли, непосредственное управление Халхой самим следовало предоставить монголам. Однако китайское правительство отвергло эти требования, и переговоры зашли в тупик. Со своей стороны российское правительство стало проводить переговоры с Ургой о статусе Внешней Монголии, в результате которых 3 ноября 1912 г. было подписано русско-монгольское соглашение на условиях, предложенных Россией. Россия гарантировала поддержку автономии Монголии. Через год, в ноябре 1913 г. была принята русско-китайская декларация, по которой Петербург

признавал сюзеренитет Китая над Внешней Монголией, Китай, в свою очередь, признавал широкую автономию Внешней Монголии.

Договор 1912 г. между Россией и Автономной Монголией точно не определял ту территорию, на которой при поддержке России «сохранялся установленный Монголией автономный строй», не решал он и вопроса о статусе Урянхайского края. Правительство Чжебзун-дамбахутухты, принимая во внимание, что некоторые хошуны урянхайцев были в даннических отношениях с халхасскими князьями, считало, что Урянхай входит в состав Монголии. В планах нового монгольского руководства было провести под державой Богдо-гегена объединение не только всех монгольских племен, но и племен, населяющих пространство бывшей империи Чингисхана.

В июле 1912 г. С. Д. Сазонов поставил перед правительством вопрос о необходимости заключения с Ургой русско-монгольского соглашения. В записке председателю Совета министров В. Н. Коковцову, он, излагая содержание этого будущего соглашения, казал территории, которые должны были войти в состав Халхи. Министр предлагал вывести за пределы Барги земли Внутренней Монголии, Барги и Урянхайского края³¹.

В 1912 году вместе с колониальной администрацией Цинов были ликвидированы монгольские караулы и уртелы к югу от Тану-Ола. Осталась лишь линия пограничных знаков от оз. Хубсугул до Шабин-Дабага на Западных Саянах и оттуда — до Бугусуга на юго-западной оконечности перевала Танну-Ола. Поэтому, в связи с провозглашением независимого монгольского государства, Тува оказалась изолированной от Китая. С другой стороны, Внешняя Монголия в лице двух западных халхасских аймаков имела по прежним маньчжурским законам юридические права на хемчикские хошуны Даа и Бэйсэ. Необходимо отметить, что территориально-административное устройство, аналогичное халхинскому, культурная и религиозная общность являлись объективными факторами, указывающими на однозначность политического выбора Монголии в качестве страны-покровителя, фактически, для всех хошунов³².

Однако накануне объявления независимости Монголии политическая обстановка

³¹ Белов Е. А. Краткая история Синьхайской революции. М., 2001. С. 209.

³² Shurkhoo D. The similarities and dissimilarities between Mongolia and Tuva in the evolution of their bilateral ties.

³⁰ Сибирская мысль. 9.06.1912. № 125. С. 3.

в Урянхэе складывалась таким образом, что группа восточных хошунов Урянхэе во главе с Амбын-нойоном Гомбодоржи тяготилась китайским игом и симпатизировала России. Руководство западных хошунов, напротив, стремилось к сближению с не испытывали стеснений со стороны маньчжурской власти. Последнее обстоятельство объяснялось тем, что Буян-Бадыргы испытывал постоянно давление со стороны китайских торговцев, которые напоминали ему о финансовой поддержке, оказанной ими отцу — Хайдубу, когда тот вышел из-под власти амбань-нойона³³.

Стремление нойонов ряда хошунов перейти в покровительство России объясняется следующими обстоятельствами: традиционно сложившимися тесными экономическими связями восточных районов Тувы (Тейсингольского, Тоджинского) с Россией, преобладающей доле русского торгового капитала, существованием преемственности русской культуры и образа жизни и, наконец, отсутствием мощной группировки, как в Кемчикском районе, противостоящей развитию русского влияния³⁴.

После объявления независимости Монголии, Усинское пограничное начальство в первое время пребывало в растерянности, не получая от вышестоящего руководства инструкций. Так, Усинский пограничный начальник писал иркутскому генерал-губернатору следующее: «Имею честь донести Вашему Высокопревосходительству, что не получал никаких инструкций и приказаний, как вести себя с урянхами в виду последних событий в Монголии и Китае, действия мои парализованы совершенно, что идет во вред и русскому делу в Урянхэе»³⁵. Однако вскоре он сообщал в рапорте о том, что большинство тувинцев при обсуждении вопроса, чье подданство — России или Монголии — выбрать, предпочтение отдают первой, опасаясь перспектив стать монгольскими подданными: несения воинской службы, круговой поруки, повышения податей. А. Х. Чакиров сообщал также и о падении авторитета глав хошунов: «Простые смертные урянхи чиновников своих почти не признают, дисциплина пала и всю надежду возлагают только на меня. Советов простых избегают, и ждут только того, что скажет Чакиров. Не проходит и дня, чтоб не приехало ко мне в Усинское два, три чиновника за

советом...»³⁶. Принимая во внимание тот факт, что «для занятия Урянхайского края наступил как никогда, удобный момент», усинский пограничный начальник предложил иркутскому генерал-губернатору провести ряд радикальных мер: «Допустить образование самостоятельного княжества на русской территории, хотя бы и бывших подданных Китая недопустимо, следовательно, остается только одно: ...занять границу по южному склону хребта Тану-Ола и ввести свое самоуправление, оставив временно их самоуправление под контролем нашим и.. ввести наши законы подсудности...»³⁷. Вероятно, Л. М. Князев не одобрил плана А. Х. Чакирова, поскольку в беседе с правителем Оюннарского хошуна, усинский начальник изменил свое мнение о принятии урянхов в Российское подданство: «Все вопросы Джанги сводились, как им быть, что им делать», — писал он в рапорте иркутскому генерал-губернатору, — «На все вопросы я отвечал, что нужно поступить так, как им выгоднее, и удобнее, но что Россия не особенно нуждается в новых подданных, притом же бедных, голодных. У Белого царя и так много заботы о своих подданных, и что сейчас приходится говорить лишь об Урянхэе, так как земля эта русская. Сумеете упрощить Великому нашему государю принять Вас в свое подданство — ваше счастье, нет, присоединяйтесь к Монголии, с которой вы связаны религией»³⁸. Как видно из отрывка, Усинский пограничный начальник в беседе с тувинским чиновником заявил о том, что территория края принадлежит России, хотя на ней проживает население, не находящееся на данный момент в подданстве какого-либо государства. Вместе с тем, российское правительство, не делая прямого предложения тувинцам принять подданство Российской империи, старалось не ослаблять своего влияния на восточные районы Тувы. Так, во время одной из поездок усинского пограничного начальника, амбын-нойону Гомбодоржи был пожалован орден Станислава второй степени, что истолковывалось урянхами «как акт присоединения Амбань-нойона с его хошунами в русское подданство»³⁹.

Присоединение края к Российской империи было вряд ли возможным на тот момент, поскольку общий внешнеполитический курс России был направлен в сторону Запада. Так, в

³³ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 761. Л. 293.

³⁴ МОЭИ. Сер. 3. Т. 4. М.-Л., 1931. С. 326.

³⁵ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 26. Л. 115.

³⁶ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 26. Л. 137.

³⁷ Там же. Л. 137 об., Л. 138.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. Л. 112.

1912 г. Министерство иностранных дел в России выступило против территориальных захватов на Дальнем Востоке и в Азии. С. Д. Сазонов, на выступлении в Государственной Думе в апреле 1912 г. заявил следующее: «Не надо забывать, господа, что Россия — держава европейская, что государственность наша сложилась на берегах Днепра и Москвы реки... увеличение русских владений в Азии не может составлять цели нашей политики; это повело бы к нежелательной сдвиге центра тяжести в государстве, и, следовательно, к ослаблению нашего положения в Европе и на Ближнем Востоке»⁴⁰.

Прекращение существования Цинской империи и последующее объявление Монголией независимости оказали сильное воздействие на тувинцев. В январе 1912 г. китайские купцы были изгнаны из Тувы⁴¹. Характерно, что китайцы при разграблении их фирм искали защиту у русских поселенцев. Иркутский генерал-губернатор сообщал в Петербург Министру Иностранных дел С. Д. Сазонову: «Ограбленные китайцы прибыли вс. Усинское под защиту нашего пограничного начальника. Последнему предложили оказывать таковую защиту, всемерно удерживая урянхов от насильственных действий»⁴².⁴² Во время разграбления товаров в кумирне (монастыре) на малом Енисее, китайцы обратились за помощью к двум русским крестьянам. «Русские пробыли двое суток, и обидеть лично китайцев не позволили», — сообщал пограничный начальник⁴³. Отношение русских обывателей к восстанию против китайцев было противоречивым: с одной стороны, они шли навстречу китайцам, и, вопреки указаниям усинского пограничного начальника, брали товар на хранение⁴⁴. Однако по этому вопросу возникали конфликты среди русских поселенцев. Так, А. Х. Чакиров отмечает, что «кое-кто, не получивший от китайцев ничего на хранение, зависти ли ради, видимо, не прочь направить урянхов на тех русских, у кого на сохранении товар китайский»⁴⁵.

В телеграмме от 20 января 1912 г. Л. М. Кня-

зев сообщал А. Х. Чакирову, что принятие китайцев под защиту «соответствует видам правительства», а также предостерегал пограничного начальника от самостоятельных действий в области политики»⁴⁶. Консул в Улясутае В. Долбежев телеграфировал иркутскому генерал-губернатору просьбу китайского купеческого общества оказать помощь китайским торговцам в Урянхае. «Поэтому, — отмечал иркутский генерал-губернатор в телеграмме в МИД от 22 февраля 1912 г., — распространение русской власти (на) Урянхайскую территорию необходимо не только для защиты русских интересов, но и китайских»⁴⁷. Ограбление деморализовало некоторых китайцев, которые, опасаясь событий в Китае и Монголии, были готовы перейти в русское подданство. Однако, по мнению Чакирова, это было продиктовано лишь страхом за свое будущее⁴⁸.

Русские власти не стали вмешиваться в тувинско-китайский конфликт, но оказали содействие китайским купцам в деле их эвакуации. В феврале 1912 г. Л. М. Князев дал разрешение на выдачу китайцам удостоверений для проезда через русскую территорию⁴⁹. Окончательное присутствие китайцев было ликвидировано 15 августа⁵⁰.

После изгнания купцов и обретения свободы, тувинцам следовало решить проблему выбора страны-покровителя — России или Монголии. Государственное строительство было возможно только при поддержке извне⁵¹. Это прекрасно осознавала тувинская элита.

Вскоре от имени правительства Богдо-гегена, в Урянхайский край было отправлено воззвание, в котором тану-тувинцам предлагалось принять монгольское подданство⁵². Российское правительство такой бумаги тувинцам не отправило. Однако группа хошунов, возглавляемая амбын-нойоном Гомбодоржи, по-прежнему ориентировалась на Россию. В январе 1912 г. амбын-нойон созвал съезд тувинских чиновников для обсуждения вопроса о присоединении края либо к России, либо к Монголии. На

⁴⁰ Григорцевич. Дальневосточная политика мировых держав. С. 371.

⁴¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 26. Л. 91; АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 617; Оп. 461. Д. 3109; Дацышен В. Г., Ондар В. Г. Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и российско-тувинские отношения в 1911–1921 гг. Кызыл: Республиканская типография, 2003. С. 23–36.

⁴² ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 26. Л. 115.

⁴³ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 19. Л. 128.

⁴⁴ Там же. Л. 121 об.

⁴⁵ Там же. Л. 127 об.

⁴⁶ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 19. Л. 127 об.

⁴⁷ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 26. Л. 165.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 19. Л. 130.

⁵⁰ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 26. Л. 203.

⁵¹ Дацышен В. Г., Ондар В. Г. Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и российско-тувинские отношения в 1911–1921 гг. Кызыл: Республиканская типография, 2003. С. 39.

⁵² ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 26. Л. 115 об.

съезде было принято решение объявить Тану-Урянхай независимым, но находящимся под покровительством России. Через усинского пограничного начальника на имя Николая II было отправлено прошение о покровительстве и защите. Помимо этого, тувинцы, во избежание преследований со стороны китайцев, просили «по возможности скорее занять своими войсками по своему усмотрению заселенные пункты среди урянхов, а для охраны выставить... пикеты по границе»⁵³. Однако в это время российское правительство вело переговоры с Китаем по монгольскому вопросу, и, во избежание их осложнений, вновь не сочло нужным устанавливать с Тувой официальных отношений. В инструкции пограничному начальнику генерал-губернатор объяснял, что отправка тувинской делегации, в связи с осложнением ситуации на Дальнем Востоке, нецелесообразна, так как «все возбужденные вопросы будут решены вне зависимости от отношения к ним урянхов»⁵⁴. Следуя указаниям иркутского генерал-губернатора, пограничный начальник не пропустил направляющуюся в Петербург тувинскую делегацию дальше с. Усинского.

Итак, в первой половине 1912 г. российское правительство не стремилось форсировать события, приближающие решение «урянхайского вопроса» в свою пользу, по всей видимости, считая, что объективных причин к этому недостаточно.

В то же время, отсутствие конкретного решения в кругах высшего руководства Империи в вопросе присоединения Тану-Урянхай привело к тому, что хошуны, испытывающие симпатии к России, стали тяготеть к Монголии. В связи с этим, между нойонами и официальным правителем Тувы — амбын-нойоном, стали возникать конфликты. Так, в конце января 1912 г. А. Х. Чакиров телеграфировал в Иркутск об осложнении обстановки в крае: «Кемчик противится подчинению Амбаню, готов перейти самостоятельно в подданство России. Наличие войск необходимо»⁵⁵. Замечу еще раз, что конфликт между двумя главными представителями института власти в Туве — амбын-нойоном Гомбодоржи и гуна (великого князя) Буян-Бадьргы был обусловлен, прежде всего, полярной политической ориентацией обоих руководителей —

если первый был сторонником России, то второй подчеркивал свою тесную связь с Китаем. А. Х. Чакиров в своем отчете генерал-губернатору сообщал также о пребывании с 1 по 10 января 1912 г. в Усинском пограничном управлении четырех чиновников разных хошунов и сумо (Ойнарского, Мерина, Сальджакского, Байгаринского, джадо сумо). Целью их приезда было «узнать положение вещей, узнать о приеме их в русское подданство, последовало ли объявление о присоединении урянхов в русское подданство; как им быть, что им нужно делать и т. д.»⁵⁶. Однако, следуя инструкциям вышестоящего руководства, Чакиров не дал исчерпывающих ответов на вопросы прибывших.

Неопределенность политики российского руководства и политическое противостояние в Тану-Урянхайском крае привели к тому, что в начале апреля 1912 года нойоны Сальджакского и Тоджинского хошунов, Бальджинмаа и Тонмит, обратились с прошением о приеме их в один из аймаков Халхи и переходе в подданство ургинского богдо-гегена⁵⁷. Нойоны Салчакского и Тоджинского хошунов жаловались Богдо-гегену на действия амбын-нойона Гомбодоржи, который хотел принять подданство России и угрожал чиновникам выселением из кочевий, если они последуют его примеру: «Он предупредил нас, что если мы не последуем за ним, то, недолго думая, он совместно с русскими разграбит и выселит нас всех из кочевий... Подведомственные нам урянхи в количестве 8 сумонов (по четыре в каждом хошуне), обсудив все обстоятельства дела, решилиделиться, войти в состав цзасактуханского аймака и перейти в подданство Богдо-гегена»⁵⁸. Основным мотивом стремления элиты Тоджинского и Салчакского хошунов перейти в подданство Халхи, была религиозная общность. Кроме того, в прошении нойоны указывали на давнюю связь тувинских хошунов с Халхой, существующую до вторжения маньчжуров. В дальнейшем, руководство других хошунов, в просьбе принять их в монгольское подданство, будут считать эти два обстоятельства приоритетными. Такое же ходатайство было отправлено Ургинскому правительству.

По словам и. о. консула в Улясутае, А. П. Хинина, Чжалханиза геген, за неимением полномочий и «особой важности» возникшего вопро-

⁵³ Дубровский. Установление протектората России над Тувой. Сборник документов. С. 9.

⁵⁴ Цит. по: История Тувы. Т. 1. Новосибирск, 2001. С. 311.

⁵⁵ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 17. Л. 134.

⁵⁶ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 17. Л. 134.

⁵⁷ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 617. Л. 297.

⁵⁸ Там же. Л. 297.

са, счел нужным не вмешиваться в это дело⁵⁹. В депеше от 18 мая 1912 г. В. А. Хионин доносил в Петербург: «Хутухтинское правительство, по-видимому, считает совершенно достаточным ограничиться челобитной урянхайцев, не разбирая вопроса по существу, и находит вполне своевременным фактически присоединить часть урянхайской земли к Монголии. С этой целью туда и предписывается командировать монгольских чиновников и солдат под видом водворения в крае спокойствия и защиты населения от предполагаемых враждебных выступлений со стороны Ойнарского амбана Гомбодорджи. После удовлетворения Сальджакского и Тоджинского хошунов должно последовать... и юридическое закрепление урянхайской территории»⁶⁰. Исполняющий обязанности председателя сейма Цзасактуханского аймака, князя Гокчундамба, выступающий в роли посредника в переговорах Монголии и России по «урянхайскому вопросу», передал заявление российского правительства о том, что «монголы не могут считать себя ответственными за действия лиц (имеется ввиду прошение тувинских нойонов — В. В.) страны, в состав Монголии не входящей...»⁶¹. В связи с этим, Гокчундамба предложил не торопиться с принятием тувинцев в подданство Халхи. Монгольское правительство не согласилось с заявлением Гокчундамбы — отложить присоединение Тоджинского и Сальджакского хошунов. Однако, учитывая конфликт Амбана с угердами этих хошунов, Ургинское правительство решило не сообщать о ходатайстве Богдо-гегену до тех пор, пока не установит в крае порядок. С этой целью, Гокчундамбе было предписано в ставки Бальджиямы и Догмита отправить «способных чиновников и солдат»⁶². Князь, оказавшись в затруднительном положении, обратился к В. А. Хионину за советом. Тот предложил князю донести в Ургу, что «посылка монгольских административных лиц и войск в край, в состав Халхи не входящий, едва ли представляется целесообразной, так как может привести к недоразумениям и даже вызвать нежелательные для монголов последствия»⁶³. В связи с этим, российское консульство предложило Гокчундамбе воздержаться от немедленного исполнения приказа, во избежание могущих произойти

в Урянхает недоразумений. Управляющий консульством в Улясутае писал уполномоченному посланнику в Пекине: «Настороженность Ургинского Правительства подтверждается предположением о серьезных замыслах монголов присоединения Урянхайского края Монголии. Постараюсь убедить князя в необходимости предварительного письменного обмена мыслей с Чжалханизой и председателем сейма, чтобы затянуть дело»⁶⁴. Далее В. А. Хионин заявил Гокчундамбе, что Россия «имеет на Урянхайский край неоспоримые права»⁶⁵. После предупреждения Хионина монгольские власти не решились послать войска в Урянхай. Этот момент выявил существующие расхождения между Ургой и Петербургом по Урянхайскому вопросу.

Сложившаяся ситуация вынудила Гомбодорджи обратиться к Ургинскому хутухте с просьбой принять подведомственные ему хошуны в состав Монголии. Его действия объяснялись изменением политической обстановки, утратой позиций лидера, а в конечном итоге, распадом сложившейся русофильской группировки. Однако Хутухта, боясь осложнения отношений между Монголией и Россией, отказался принять хошун Амбана (Оюннарский) в состав Монголии. Дипломатический представитель российского правительства в Урге И. Я. Коростовец сообщал в Петербург, что Гомбодорджи, возможно, «будет продолжать склоняться в сторону Халхи и даже влиять в этом смысле на подчиненное его власти население. Встречая поддержку в лице эмиссаров Урги, не отказавшейся от мысли присоединить урянхайцев»⁶⁶. Коростовец советовал С. Д. Сазонову попытаться отвлечь Гомбодорджи на сторону России, «обещав ему содействие к укреплению его власти тем или иным способом». Таким образом, политический ориентир амбань-нойона Гомбодорджи тоже пошатнулся в сторону Монголии. Твердо придерживалась русской ориентации только небольшая часть чиновников, преимущественно из Иргит-сумона, во главе с Агваном, который еще летом 1912 г. неоднократно ездил в с. Усинское к царским пограничным властям, чтобы добиться ускорения решения вопроса о русском протекторате⁶⁷. Но поездки Агвана были безрезультатны, так как пограничные власти не реагировали на них, руководствуясь распоряжениями свыше. Хошуны Даа

⁵⁹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 617. Л. 297–298.

⁶⁰ Там же. Л. 298.

⁶¹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 617. Л. 309.

⁶² Там же. Л. 305.

⁶³ Там же.

⁶⁴ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 617. Л. 305.

⁶⁵ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 617. Л. 310.

⁶⁶ АВПРИ. Ф. 137. Оп. 491. Д. 3109. Л. 64.

⁶⁷ Там же.

и Бэйсэ также обратились с просьбой о принятии их в подданство Халхасского хутухты. Несмотря на существующие разногласия между Ургой и Петребургом, желание нойнов Салчакского и Тоджинского хошунов, было удовлетворено. Указанные районы были предписаны к отоку Джалханиза-хутухты в Дасактуханском аймаке. Один из хэмчикских хошунов Бэйсэ, на основании своей прежней административной подчиненности Сайн-нойнханскому аймаку, был вновь включен в его состав⁶⁸. В «Сведениях о государствах Дальнего Востока», издаваемых Разведывательным отделением штаба Иркутского военного округа на основе данных периодической печати, в июне 1912 г., сообщалось: «Присоединение Урянхайского края к западной и северной Монголии — свершившийся факт. Урянхайская область принята монгольским хутухтой под свое покровительство на том основании, что значительная часть урянхайских вотчин принадлежит князьям халхасской Монголии. Присоединение Урянхайского края к Монголии не будет оформлено никаким актом»⁶⁹. Таким образом, в прессе обсуждался вопрос о номинальном включении Тувы в состав Монголии, без письменного легитимного основания.

Российское правительство, в свою очередь, вынуждено было предпринять ряд мер, предупреждающих присоединение Урянхия к Халхе. Отчасти, активность действий как региональных, так и центральных властей стимулировала активность русского купечества в Урянхайском крае. Так, в докладной записке усинских купцов, адресованной Начальнику Усинского пограничного округа, говорилось о том, как революционные события в Китае и провозглашение независимости Монголии оказали серьезное влияние на урянхов, и далее русские купцы заявляли: «изменение в положении вещей должно быть нами использовано в интересах расширения русской торговли, и более просто внедрения русского торгового капитала в эту страну. Запрещение китайцам производства, торговли, несомненно, будет иметь временный характер; через год, через два китайские фирмы вновь здесь водворятся. В виду этого следует торопиться использовать остающееся в нашем распоряжении время»⁷⁰.

⁶⁸ Шурхуу Д. Урянхайский опрос в монголо-российских отношениях в первой четверти XX века. С. 99.

⁶⁹ Сведения о государствах Дальнего Востока, 1912 г. № 5. С. 6.

⁷⁰ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 19. Л. 45.

В августе 1912 г. было организовано специальное заседание межведомственной комиссии, образованной при Министерстве внутренних дел России для выработки мер по укреплению российского влияния в Урянхайском крае. На нем отмечалось, что «урянхайские правители, будучи не в силах установить какой-либо порядок в крае, ищут помощи у России и Монголии...; положение в Урянхее создается крайне острое и неопределенное, каковое обстоятельство может существенно подорвать не только русский престиж, но и отразиться на целостности имущества и на безопасности жизни русских подданных. Поэтому необходимо принять самые экстренные меры для предупреждения анархии в крае и невыгодных России последствий»⁷¹.

И. Я. Коростовец телеграфировал из Урги 29 октября 1912 г.: «Монголы вновь возбуждают урянхайский вопрос, ссылаясь на ходатайство некоторых хошунов Тану-урянхайского края о присоединении к Халхе. Я ответил министрам, что территория к северу от хребта Тану-Ола являлась спорной между нами и Китаем еще до объявления независимости Монголии... что монголы сами настаивали на сохранении без изменений границ своей территории, что, наконец, страна эта уже принята под наше покровительство»⁷². Таким образом, дипломат, по-видимому, ссылаясь на письменное прошение амбань-нойона, заявил правительству Хутухты о принятии Урянхайского края под протекторат России — за два года до юридического оформления этого акта. Далее И. Я. Коростовец отмечал: «Постоянные просьбы Тану-урянхайских хошунов о принятии их в подданство Халхи, с которыми их связывает даже общность религии и духовного главы, доказывает, что край этот на самостоятельное правление совершенно не способен. Не видя с нашей стороны никаких мер к установлению в стране после отложения ее от Китая прочного порядка, урянхайцы ищут покровительства Халхи». Для прекращения «неуместного» спора с Ургинским правительством по этому вопросу, Коростовец просит Императорское правительство установить «более определенную точку зрения на Урянхайский вопрос», для того, чтобы дать ему возможность высказаться перед монголами в категорическом смысле»⁷³.

В ответной телеграмме от 31 октября 1912 года С. Д. Сазонов сообщил И. Я. Коро-

⁷¹ Цит. по: История Тувы. Ч. 1. С. 355–356.

⁷² ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 37. Л. 127.

⁷³ Там же.

стовцу, чтобы тот, ссылаясь на русско-монгольскую декларацию от 22 октября относительно территориального обмена данных российской стороной Монголии гарантий, заявил Ургинскому правительству о том, что Урянхайский край не входит во владения хутухты: «Вы могли при этом дать понять монголам, что их посягательства на Урянхайский край, географически составляющий продолжение нашего Усинского округа и имеющий значительное, быстро возрастающее за последние годы, русское население, тем менее оправдываются, что самое сохранение автономного существования монгольского народа возможно только благодаря даваемой вами ему поддержкой»⁷⁴. Таким образом, российское правительство понимало важность для Монголии создания автономной государственности, и решило использовать этот факт при присоединении Урянхая. В это же время китайский парламент выразил свою позицию в «урянхайском вопросе», приняв в мае 1912 г. декларацию о принадлежности Урянхайского края Западной Монголии, которая в тот период находилась под властью Китайской республики⁷⁵. Заявление китайского правительства означало, на мой взгляд, игнорирование права тувинской нации на самоопределение, более того, эта претензия выразила стремление республиканского правительства восстановить прежнюю юрисдикцию Тувы в рамках Цинской империи. В официальной ноте российской дипломатической миссией было заявлено о спорности прав Китая на территорию Урянхайского края⁷⁶.

В 1912 г. Россия активно выступала против введения китайских войск в Кобдосский округ и стала оказывать военно-техническую помощь Монголии. В Ургу был введен Верхнейдинский казачий полк, который выделил 72 казака при двух офицерах для занятия Улясутая. В феврале 1913 г. находящийся в Улясутае и Урге полк был переведен в Кобдо, а в Ургу должны были быть переброшены один батальон пехоты и казачья полусотня на двух орудиях и четырех пулеметах⁷⁷. Примечательно, что на стороне Халхи сражалось 300 тувинцев⁷⁸. Кобдо был взят монгольскими войсками 20 августа

1912 г. С отвоением Кобдо, правительство Хутухты, вместе с тем, не отказывалось от идеи создания «Великой Монголии», в состав которой вошел бы и Урянхай. С этой целью, оно посылало в край эмиссаров-агитаторов. Дипломатический агент и Генеральный консул в Монголии, А. Миллер обратился в Монгольское министерство иностранных дел с нотой от 12 сентября 1913 г. В ноте консул заявил, что «Урянхайский край от Саянского хребта до гор Тану-Ола был спорной территорией между Россией и Китаем», поэтому он потребовал прекратить посылку туда монгольских эмиссаров, пригрозив, что в противном случае они будут насильно высылаться оттуда⁷⁹. Кроме этого, Миллер обратился с просьбой отпустить служащих в монгольских войсках в Кобдо урянхов, проживающих в северной части от хребта Тану-Ола⁸⁰. Таким образом, несмотря на то, что Россия оказывала военную и финансовую поддержку Халхе при завоевании и последующем присвоении Кобдо, она не хотела допустить участия тувинцев в боях. Кроме того, заявление российского дипломатического агента выразило позицию российского правительства по «урянхайскому вопросу»: удерживая край в поле зрения своих интересов, оно перешло к реализации процесса его включения в состав Российской империи.

Итак, Синьхайская революция и объявление Монголией независимости существенно подорвали позиции Пекина в Туве и лишили китайское правительство возможности вмешиваться в политические события края. С прекращением существования Цинской династии была ликвидирована юридическая зависимость тувинских хошунов от Китая. В этот период разногласия, существующие между органами центральной и местной власти, нашли свое проявление в вопросе о способах присоединения края: если главы региональных ведомств выступали за проведение активной политики, заключающейся в привлечении в край вооруженных формирований, учреждении российского торгового и земельного представительства и проч., то высшее руководство выступало за поэтапное освоение региона, где главная роль отводилась колониционному движению. Вместе с тем, как центральные органы власти, так и региональные сходились во мнении, что проведение военных действий в крае исключено, ввиду возможного столкновения с другими державами. В

⁷⁴ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3112. Л. 179.

⁷⁵ Сведения о государствах Дальнего Востока. 1912. № 5. С. 15.

⁷⁶ ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 494. Л. 74.

⁷⁷ РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 494. Л. 64.

⁷⁸ Белов Е. А. Проблема Урянхайского края // «Восток», 1995. № 1. С. 59.

⁷⁹ ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 494. Л. 40.

⁸⁰ АВПРИ. Ф. 143. Д. 3109. Л. 95.

связи с этим, на Совещании Совета министров от 8 ноября 1912 г. было принято решение оказывать поддержку русским колонистам лишь в форме укрепления социальных институтов: строительстве образовательных, культурных, лечебных заведений и проч. Осторожная позиция по «урянской вопросу», выраженная на Совещании, не совпадала со взглядами Николая II, который выступал за активные действия в крае. Однако данная мера была невозможна, ввиду проведения переговоров России с Китаем по «монгольскому вопросу».

В конце 1912 г. дипломатическим представителем в Урге было заявлено о переходе Урянхайского края под покровительство России. Примечательно, что этот факт не упоминался ранее исследователями проблемы. Данное заявление, а также протест, выраженный российским руководством против присоединения урянхайских хошунов Халхе свидетельствуют о смене позиции российского правительства в «урянской проблеме»: от тактики выжидания, оно перешло к активным действиям, конечной целью которых было принятие края под покровительство России.

Тува в российской политике и дипломатии (1913–1914 гг.)

Во второй половине 1913 г. российская дипломатия добилась от китайского правительства согласия на то, что территориальные вопросы, связанные с Внешней Монголией, будут решаться путем переговоров с Россией⁸¹. Это дало возможность правительственным органам решать судьбу Тувы без оглядки на позицию Китая. Для обеспечения контроля над политической ситуацией и создания более эффективной системы управления и исполнения функций осведомителя, в российском правительстве было решено создать должность Пограничного комиссара. В отличие от пограничного начальника, комиссар наделялся консульскими полномочиями. Вопрос об учреждении должности пограничного комиссара поднимался Иркутским генерал-губернатором, еще в конце XIX в., но уполномоченный посланник в Пекине, а также военное министерство сочли учреждение указанной должности «несвоевременным»⁸². Однако с течением времени учреждение Пограничного комиссариата стало востребованным. Еще в июне 1912 г. в министерстве иностран-

ных дел были подготовлены «Материалы для инструкции Урянхайскому комиссару». В них говорилось: «Императорским правительством не принято еще окончательного решения о дальнейшей судьбе Урянхайского края, которая связана с предварительным исходом крупных политических вопросов нашей дальневосточной политики»⁸³. Пограничный комиссар должен был бы разъяснять местному населению, что «самоуправление их, Вне зависимости от китайцев и монголов, лучше обеспечит их интересы и национальное единство... он будет также оказывать содействие к укреплению русского влияния в крае, поощряя развитие нашей торговли и колонизации»⁸⁴. Учреждение политического агента министр иностранных дел, С. Д. Сазонов считал несвоевременным, поскольку принятие подобной меры пока не представляется возможным, «т. к. командирование в Урянхайский край, формально считающимся принадлежащим Китаю, международного представителя не замедлило бы вызвать нарекания как со стороны самого Китая, так и со стороны других государств (Японии, Америки, Англии), имеющих существенные интересы на Дальнем Востоке, и притом... это обстоятельство могло бы послужить поводом для захватов в Китае со стороны других государств. Поэтому... необходимо было учредить административную должность с правами и обязанностями, присвоенными пограничному комиссару, придав ей лишь некоторые права политического агента»⁸⁵. Таким образом, министр иностранных дел, опасаясь конфликта с другими странами, считал, что наделение пограничного комиссара по делам Урянхайского края консульскими полномочиями, на территории в недавнем прошлом принадлежавшей Китаю, несвоеременно. В то же время, признавая необходимость учреждения должности пограничного комиссара в Урянхае, С. Д. Сазонов командировал в село Усинское Благовещенского пограничного комиссара, «сохранение должности которого, с учреждением вице-консульства в Айгуне... не представлялось необходимым»⁸⁶. Однако принятая министром иностранных дел мера встретила возражение со стороны Приамур-

⁸³ АВПРИ. Ф. 143. Д. 3111. Л. 119.

⁸⁴ Там же. Л. 120.

⁸⁵ Цит. по: Кабо Р. Очерки истории и экономики Тувы. Т. 1. М., 1934. С. 172.

⁸⁶ Записка иркутского генерал-губернатора, егермейстера Князева по вопросам управления Усинским округом и приграничным урянхайским краем. Иркутск, 1913. С. 4.

⁸¹ ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 494. Л. 40–41.

⁸² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3517. Л. 8.

ского генерал-губернатора, и поэтому должность пограничного комиссара по делам Тану-Урянхая оставалась вакантной. Сложившаяся обстановка в крае требовала оперативного решения проблемы учреждения Пограничного комиссариата, по этой причине С. Д. Сазонов обратился к иркутскому генерал-губернатору, с инструкцией отрекомендовать соответствующую кандидатуру⁸⁷. После многих консультаций и обсуждений М. С. Князева с Министерством Иностранных дел и Внутренних дел, на должность заведующего Пограничного комиссара был избран чиновник особых поручений при иркутском генерал-губернаторе, коллежский асессор А. Церерин. Разработка должностной инструкции пограничному комиссару была возложена на межведомственную комиссию под председательством т. с. Шинкевича⁸⁸. 29 июня 1914 г. была Высочайше утверждена «Инструкция должностным лицам управления пограничного округа и Урянхайского края». Согласно ей, комиссар являлся официальным представителем российской власти в Урянхайском крае, он был обязан сноситься с местными властями, на него возлагалась судебная функция, функция таможенного контроля, а также обязанность горного исправника. По его требованию воинские части должны были оказывать ему содействие, на Основании Правил о содействии гражданским властям⁸⁹. Усинский пограничный начальник находился в подчинении Пограничного комиссара и являлся его помощником⁹⁰. Управление пограничного начальника было упразднено, взамен его было учреждено Управление пограничного комиссара с тремя помощниками, два из которых назначались в тувинские хошуны непосредственно. Кроме того, по согласованию министров юстиции и внутренних дел, в распоряжение А. Церерина было отправлено два станových пристава. Одновременно с посылкой пограничного комиссара, Совет Министров в конце 1912 г., согласно предложению главного управления землеустройством и земледелием был командирован «в целях оказания хозяйственно-культурной и административной поддержки водворившемуся русскому населению в помощь погранично-

му комиссару переселенческого чиновника»⁹¹. На должность начальника переселенческого управления был назначен колл. рег. В. К. Габаев. Таким образом, в Туве с 1913 г. начали работу два представителя российского правительства, каждый из которых был наделен широкими полномочиями: один — политическими, другой — экономическими.

В начале апреля 1913 г. А. Церерин прибыл в Тану-Урянхай, и после знакомства с краем констатировал «общее тяготение урянхайцев к своим единоверным монголам (за исключением русофильской ориентации Амбань-ной-она). В качестве «первой меры» он изгнал из хошунов Даа и Бейсэ монгольских чиновников-агитаторов. После этого пограничный комиссар стал проводить среди местного населения мысль о том, что край должен сохранять свою самобытность и он не является собственностью русской короны, а местные ухэриды являются по отношению к русскому Государю «что-то вроде владетельных князьков»⁹².

Одновременно он вынужден был оперативно реагировать на события, происходящие в крае и решать конфликты, возникающие между русскими поселенцами и местным населением. Так, в апреле 1913 г. А. Церерин, не проработав на новом посту и месяца, докладывал иркутскому генерал-губернатору: «...13 апреля... я получил известие, что русскими жителями поселка Баянгол... забит до смерти за самовольный угон быка урянх Тенилимчи ведомства Бейсэ-хошуна. Возмущенные этим, сородичи убитого намеревались учинить над русскими жителями поселка Баянгол (6–8 дворов) самосуд: всех перебить, а дома сжечь. На следующий день я выехал в с. Усинское, командировал в Баянгол для производства дознания Секретаря, переводчика и весь наличный состав имеющихся в моем распоряжении казаков (10 чел.) и в то же время послал урянхайским чиновникам письменное извещение, прося их воздерживаться от самовольных действий и обещая строгое расследование всего дела. Сам же занялся в с. Усинском организацией быстрого передвижения в пос. Баянгол местной воинской команды... По прибытии в Баянгол и по получении моего извещения урянхи совершенно успокоились, выразив полную готовность подчиняться моим советам... Кроме сего в начале марта... жители поселка Атамановка из-за каких-то недоразумений избили пятерых

⁸⁷ Записка иркутского генерал-губернатора, егермейстера Князева по вопросам управления Усинским округом и приграничным урянхайским краем. Иркутск, 1913. С. 4.

⁸⁸ Там же. С. 4–5.

⁸⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4303. Л. 18.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 14. Л. 30.

⁹² АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3109. Л. 89 об.

урянхов; последние, в свою очередь... сильно избили до 20 человек русских... Вот общая картина «мирного» завоевания Урянхайского края русскими, как результат искусственного заселения этого края. Предстоит громадная работа, чтобы хоть как-то урегулировать и наладить взаимоотношения русских с урянхами»⁹³.

Говоря о развитии русско-тувинских отношений, в условиях существования российской власти, А. Церерин отмечал, что они осложнялись вследствие неопределенности политико-правового статуса Тувы, а также не взвешенной политики, проводимой Усинским пограничным управлением и енисейским губернаторством. Так, в докладной записке на имя иркутского генерал-губернатора он отмечал: «Как только будет у меня свободное время, я подробно донесу Вашему Превосходительству о том хаосе и неразберихе во взгляде на Урянхайский вопрос, которые теперь предстоит мне разобрать и которые создались благодаря самостоятельному политиканству относительно Урянхайского края отдельных должностных и учреждений в Красноярске и с. Усинском. Всех этих лиц и учреждения можно было бы благодарить, если бы они действительно приблизили к надлежащему разрешению Урянхайский вопрос, — наоборот, именно они создают все затруднения и препятствия к разрешению этого вопроса, озлобляя урянхов и вводя в заблуждение русское население Урянхия»⁹⁴.

В целом, учреждение должности пограничного комиссара в Туве, наделенного широкими дипломатическими полномочиями (ведение переговоров с местным руководством, разрешение проблем пограничного характера и т. д.) означало переход политики российского руководства от поэтапной экспансии края, где основное внимание уделялось колонизационному движению, к активному усилению влияния в регионе. Большая самостоятельность комиссара в проведении мероприятий, направленных на упрочение положения русских в крае, в конечном итоге, сглаживалась спорные моменты, существующие между представителями центральных и местных органов управления по «урянхайскому вопросу». В «переходный период» к протекторату активная позиция чиновников Усинского пограничного управления, дипломатических представителей в Урге

⁹³ Записка иркутского генерал-губернатора, егермейстера Князева по вопросам управления Усинским округом и приграничным урянхайским краем. Иркутск, 1913. С. 37–38.

⁹⁴ Там же.

и Улясутау перестала противоречить точке зрения вышестоящих правительственных органов. С другой стороны, взаимодействие тувинцев с новыми органами представительной власти находилось в стадии адаптации, что побуждало пограничного начальника и пограничного комиссара действовать в этой области осторожно, а это, в свою очередь, происходило в унисон политике центрального руководства.

Процесс становления институтов русской представительной власти был связан с рядом определенных трудностей, в частности, в результате сложившихся с «точки зрения служебных интересов» сложных отношений между заведующим пограничными делами, Усинским пограничным начальником, переселенческим чиновником и мировым судьей⁹⁵. Сокращение полномочий Пограничного начальника привело к тому, что он начал конфликтовать с новой администрацией. Не встретив поддержки со стороны Петербурга своей «активной позиции» по «урянхайскому вопросу», А. Х. Чакиров продолжил свою работу, в рамках своих прежних обязанностей, подчеркивая тот факт, что установления контроля над его действиями со стороны пограничного комиссара «является не только незаконным, но и оскорбительным»⁹⁶. Отрицательный отзыв А. Х. Чакирова о новом пограничном начальнике объясняется тем, что начальник сам неоднократно претендовал на должность комиссара. Однако А. Церерин на период исполнения обязанностей чиновника особых поручений Л. М. Князева успел зарекомендовать себя с положительной стороны, и выбор генерал-губернатора в его пользу был сделан однозначно.

Свои эмоции А. Х. Чакиров не скрывал в письме инженеру путей сообщения В. Родевичу: «А. П. Церерин, мой хороший товарищ старый, не был до сего времени на самостоятельной должности, оказался и плохим администратором и плохим политиканом, а главное, шагнул так гигантски, у него «в зубу сперло дыхание от радости» — появилась мания величия, и потому не только А. Церерин не взял правильного направления пути, но повел руль управления крайне совершенно неправильно, в обратную сторону — получилась полная завариха — неразбериха. Вот в каком плачевном

⁹⁵ Дацышен В. Г., Ондар Г. Ч.-О. Саянский узел... Кызыл, 2003. С. 46.

⁹⁶ Записка иркутского генерал-губернатора, егермейстера Князева по вопросам управления Усинским округом и приграничным урянхайским краем. Иркутск, 1913. С. 4.

положении пока дела здесь. Правда, время упущено главное, но еще... можно было многое сделать и я привык работать по 16–19 часов в сутки, многое бы сделал — но, видите ли, надо же оправдать существующий порядок в чиновничестве: «ты поработал — все сделал, уготовил ладное, тепленькое местечко, ну и иди на новое черное дело, а уготованное уступи фазану... Да, больно, Всеволод Иванович! Единственная надежда на Бога...»⁹⁷.

Сложнее всего отношения складывались между пограничным комиссаром А. Церериним и чиновником переселенческого управления, В. Габаевым. Последний сосредоточил в своих руках все финансовые ресурсы, как пограничного, так и переселенческого управления, кроме того, в его подчинении находилась местная полиция. Согласно инструкции, переселенческий чиновник имел право, как и пограничный комиссар, вступать в самостоятельные сношения с тувинскими родовыми правителями; являясь «главным ответственным лицом по ведению хозяйственной части переселенческого дела», он должен был оказывать содействие русскому населению в Урянхайском крае, и «ведать» этим населением⁹⁸. Широта полномочий, а также неточность формулировок инструкции, определяющей правовую базу русской власти в Туве, дало основание В. К. Габаеву считать, что он лишь формально подчиняется пограничному комиссару⁹⁹. В отличие от Заведующего пограничными делами, проживавшего в Верхнеусинское, переселенческий чиновник жил на территории самой Тувы. В. К. Габаев проводил активную деятельность, связанную с проблемами переселения в Туву, не согласовывая ее с вышестоящим руководством. Так, без учета рекомендаций Совета министров, согласно которым следовало не производить в крае землеустройства и осторожно относиться к местному населению и их обычаям, он решил определить общий фонд земель и выделить их для будущих переселенцев, в ущерб коренному населению. Бесцеремонность заведующего переселенческим управлением достигла апогея, когда он стал претендовать на земли амбын-нойона Гомбодоржи. Чиновник дал указание заселять участок Арыг-Бажи, где

вскоре был построен поселок Владимировка. Пятнадцатого февраля 1914 г. Гомбодоржи писал А. Церерину: «Вследствие заявления моих чиновников на русских, проживающих по северную сторону Тану-Ола в местности Хагай-Тере и Узун-Арга по р. Тургеню, самовольно строящих отмежевания (ставящих знаки), сообщаю, что издавна в тех местах во всякое время пастется мой собственный скот, а потому прошу запретить русским производить отмежевание»¹⁰⁰. Без согласования с заведующим пограничным управлением, В. К. Габаев самостоятельно распланировал устройство волостей в Тану-Урянхайском крае, причем он действовал без учета специфики переселенческого движения, а также интересов как русских колонистов, так и местных жителей. Переселенческий чиновник нередко применял дисциплинарные взыскания к протестующим, вплоть до ареста. Последнее обстоятельство объяснялось тем, что начальник переселенческого управления был уроженцем Грузии, и, по замечаниям современников, в силу южного темперамента, не смог понять особенности сибирской культуры¹⁰¹.

Отмечу, что оценка современниками и, тем более, конкурентами или «товарищами по цеху» В. Габаева и А. Церерина не может быть объективной. Однако и она представляет интерес с точки зрения анализа и характеристики их политических портретов.

Знаменитый библиограф и общественно-политический деятель Сергей Рудольфович Минцлов, исполняя служебные обязанности в качестве чиновника особых поручений при Министерстве земледелия, в 1914 году находился в Белоцарске, и вникал в конфликтную ситуацию, что называется, «изнутри». При характеристике обоих чиновников, он часто указывал на неординарность и противоречивость их характера и поведения. Так, в опубликованном труде «Секретное поручение» он называет А. Церерина «...человеком честным, но не выдержанным»¹⁰². Тем не менее, С. Р. Минцлов принимал сторону своего коллеги, В. Габаева. В одном из писем на адрес Министерства земледелия, от 17 июня 1914 года он писал: (Габаев) «Человек исключительной энергии, деятельности и подвижности; в работе он кипит с утра до ночи и сделано им для края много. Це-

⁹⁷ РГИА. Ф. 190. Управление внутренних водных путей МС. Оп. 8. Д. 537. Л. 91 об. — 92.

⁹⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4303. Л 18.

⁹⁹ Записка иркутского генерал-губернатора, егермейстера Князева по вопросам управления Усинским округом и приграничным урянхайским краем. Иркутск, 1913. С. 9.

¹⁰⁰ Цит. по: История Тувы. Т. 1. Новосибирск, 2001. С. 323.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Минцлов С. Р. Секретное поручение (путешествие в Урянхай). Рига: б. г. С. 73–74, С. 79.

рерин — тиходум, не без дозы мании величия, во что бы то ни стало желающий игры в политику и совершенно незамечающий, что он играет роль дипломата, расшаркивающегося перед орангутангами. Здесь нужно только дело, тот курс, какой взяло Переселенческое ведомство, и ничто другое. Конечно, два таких человека как Церерин и Габаев должны были столкнуться, и роль Церерина — роль гири, привязанной к ногам Габаева. Будь последний один — край быстро и бесшумно примкнул бы к России, но гиря бьет по ногам не только Габаева, но и все русское дело в Урянхае... Положение Габаева здесь весьма тяжелое, так как против него тайно агитируют и местные купцы — крупные земле захватчики, поделившие в чисел 6–7 человек весь Урянхай и привыкшие грабить сойотов. Еще год назад за пачку спичек эти благодетели не стеснялись брать с них быка, за иголку — барана.

Теперь прекрасные дни... кончились; Габаев устраивает склады, заводит лавки и, конечно, вся здешняя «знать» за Церерина и не только против Габаева, но и против всего русского населения в крае. Лично от многих и многих крестьян слышал жалобы на начавшиеся усиленные кражи у них скота сойотами; последние, попадаясь, прямо заявляют, что купцы их научают делать так затем, чтобы разоренные в конец крестьяне убралась с земель владетельных герцогов Урянхая — вчерашних гуртовщиков и более чем темных личностей... Когда вернусь, многое сообщу Вам о здешних делах и людях...»¹⁰³.

Несмотря на то, что А. Церерин за конфликт с переселенческим чиновником получил выговор от Л. М. Князева, деятельность пограничного комиссара по укреплению русской власти в Туве была воспринята вышестоящим руководством с удовлетворением²³. Более того, Л. М. Князев в письме министру внутренних дел М. А. Маклакову выражал просьбу не отзываться А. Церерина из командировки, оправдывая действия последнего: «Предоставленный самому себе без возможности за дальностью расстояния получить до моего приезда в Урянхай какие либо руководящие указания, не сумевший создать отношений с Мировым судьей и г. Габаевым, не встречая никакой поддержки со в лице Усинского Пограничного начальника Чакирова, видевшего в Церерине своего конкурента на должность Пограничного комиссара, которую он стремился получить и потому

все время ведшего против него интригу, — кол. асс. Церерин потерял должное самообладание и под влиянием крайне нервного состояния не мог действительно найти делового выхода из создавшегося положения...»¹⁰⁴.

Проекты В. К. Габаева, связанные с планированием широкомасштабной русской колонизации в Туву, не встретили поддержки со стороны ни Л. М. Князева, ни Енисейского губернатора, И. И. Крафта. Последний, приняв к рассмотрению предложения В. К. Габаева, «дал только одно указание — обратиться с его многочисленными и едва ли фантастическими проектами к Заведующему пограничными делами Церерину»¹⁰⁵. Л. М. Князев, в свою очередь, в письме от 20 февраля 1914 г., на имя министра иностранных дел С. Д. Сазонова сообщил, что данные меры «могут дать повод к волнениям среди туземного населения»¹⁰⁶.

А. Х. Чакиров Р. Родевичу еще в октябре 1913 года описал свое видение ситуации: «...и Габаев для Урянхая немного молод, таких... пожалуй и нельзя направлять, но я все же сумел бы и с Габаевым поработать... Безусловно, ген.-губ. Князев симпатичный человек, но к сожалению он занят Леной и Урянхаем не заинтересован и не знает близко. Церерин как бывший его чиновник особых поручений сумел познакомить его со своей стороны, и точка зрения Церерина на Урянхай противоположна нашей — вот и вся запятая. А главное, Церерин — ставленник Петербурга, и Князев боится, пожалуй, его шаркнуть, а на меня, кажется, было несколько жалоб от старообрядцев за притеснения их и Князев боится меня провести»¹⁰⁷.

Таким образом, определение местными и центральными властями временного порядка управления Тувой осложнило только внутривнутриполитическую обстановку в крае. Объективно, это было обусловлено непростой ситуацией, сложившейся как внутри региона, так и в отношениях России с сопредельными государствами — Монголией и Китаем. Вместе с тем, наличие противоречий, существующих внутри представительных органов российской власти, отсутствие четкости при определении фор-

¹⁰⁴ РГИА Ф. 391. Оп. 5. Д. 1393. Л. 89 об., л. 90.

¹⁰⁵ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3114. Л. 9.

¹⁰⁶ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3113. Л. 42.

¹⁰⁷ Здесь имеется ввиду проведение А. Х. Чакирова на должность пограничного комиссара. — В. В. (РГИА. Ф. 190. Управление внутренних водных путей МС. Оп. 8. Д. 537. Л. 91 об.).

¹⁰³ РГИА Ф. 391. Оп. 5. Д. 1393. Л. 89 об., л. 92 об.

мулировок учредительных документов, субъективное несогласие усинского пограничного начальника с ограничением его полномочий, и прочие вопросы «административного порядка» негативно сказывались на решении задач, связанных с присоединением Тувы к Российской империи.

Установление протектората России над Тувой¹⁰⁸

С середины 1912 г. в Туве наметились тенденции к сближению с Россией. Этому способствовала политика, проводимая правительством Богдо-гегена в крае. Так, в условиях становления монгольской государственности, необходимо было учреждение новых институтов власти. Создание новых органов управления — министерств — потребовало новых расходов, и содержание монгольских чиновников легло на население страны, в результате этого были введены новые налоги и подати. В июне 1912 г. советник Далай-ламы по экономическим вопросам Москвитин в письме в Петербург отмечал следующее: «Провозглашение независимости нисколько не облегчило положения податного населения в Монголии. Создание новых органов управления потребовало новых расходов, и содержание монгольских чиновников легло новым бременем на население, так как вызвало введение новых налогов и податей»¹⁰⁹. Налоговая политика правительства Джалханиза-хутухты вызвала антимонгольские настроения в Урянхэе, что позитивным образом сказалось на развитии русско-тувинских отношений. Иркутский генерал-губернатор писал в МИД, что «создавшаяся обстановка в Урянхэе благоприятствует разрешению Урянхайского вопроса в желательном для нас смысле»¹¹⁰. В сентябре 1913 г. на имя Заведующего пограничными делами усинского округа А. Церерина от Хамбо-ламы (главного духовного наставника ламаисткой церкви хошунов, расположенных по р. Кемчик) и Гебши Хамбо Гелун Чжамбо-ламы, родного брата

Кемчикского ухэриды, князя Хайдуба, было подано прошение о принятии Кемчикского хошуна в подданство России¹¹¹. Просители жаловались на притеснение со стороны монголов (самовольный захват скота и проч.), увеличение налогов и числа повинностей. Через полтора года после подачи первого прошения о покровительстве России, кемчикские чиновники, во главе с Хамбо-ламой Чжамцо, братом Хайдуба, подали второе. В нем говорилось о том, что просить покровительства у России вынуждают следующие обстоятельства: повышение повинностей монголами, притеснения гуннойо́на Буян-Бадьргы, а также «совпадение материальных интересов русского и туземного населения». В прошении было указано, что А. Церерин сам «объявил урянхам, что Россия имеет свои права на территорию Танну-Урянхэя, и в течение 50 лет (она) вела переговоры по этому вопросу с Маньчжурским ханом. С падением в Китае Маньчжурской династии Россия теперь имеет право распространить свою власть на этот край, не заявляя о том никому. Приняв во внимание, что это заявление достоверное, что существовать урянхам где бы то ни было, кроме своих, насиженных мест, будет очень трудно, и потому-то урянхи должны последовать за своею родиною, которая гарантирует им средства к жизни»¹¹². К прошению прилагался «Список просьб и желаний урянхов Кемчикгольского хошуна», где выражалась просьба разрешить по-прежнему исповедовать ламаизм, избавить жителей хошуна от налогов на ловлю рыбы и охоту, не поселять на территорию Урянхэя киргизов, поселенных монголами на границе с краем, не поселять в край русских, за исключением торговцев, проживающих в хошуне на момент подачи прошения, избавление от воинской службы, а также оставить прежний образец платья, косы, шарик и павлиньи перья на шапках чиновников¹¹³. Двадцать девятого октября 1913 г. прошение такого же содержания было подано от чиновников Бэйсэ хошуна¹¹⁴. Правители восточных хошунов (Сальчжакского и Тоджинского) — Бальджинмаа и Тонмит — продолжали придерживаться «промонгольских» позиций. Через них было передано сообщение монголам о том, что слу-

¹⁰⁸ Печ. по: Василенко В. А. Установление протектората России над Тувой и российско-монгольские отношения // Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. Кн. 3. Ч. 1 : Статьи участников 3-й Международной научно-практической конференции : сб. науч. тр. Иркутск ; Улан-Батор : Изд-во БГУЭП, 2014. 384 с.

¹⁰⁹ РГИА. Ф. 190. Управление внутренних водных путей МС. Оп. 8. Д. 537. Л. 91 об.

¹¹⁰ Сведения о государствах Дальнего Востока, 1912. № 6. С. 15.

¹¹¹ Сведения о государствах Дальнего Востока, 1912. № 6. С. 15.

¹¹² Установление протектората России над Тувой... С. 15.

¹¹³ Там же. С. 19.

¹¹⁴ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3113. Л. 14–14 об.

хи о протекторате России распускает только Амбын-нойон Гомбодоржи¹¹⁵. Таким образом, в результате активной агитационной политики, проводимой пограничным комиссаром, А. Церериным, произошла «рокировка» в политической ориентации тувинского руководства: так, нойоны Кемчикского района, будучи ранее связанные с Китаем, а позднее — с Монголией, в числе первых изъявили желание перейти в подданство России; в то же время, в результате конфликтов с амбын-нойоном, правители восточных хошунов, ранее тяготевшие к России, поддерживали устойчивую связь с Монголией. В секретной телеграмме в МИД от 4 сентября 1913 г. М. Л. Князев сообщал о полной готовности урянхов принять покровительство России», единственным препятствием к чему является «непрекращающаяся посылка монгольских эмиссаров»¹¹⁶. Иркутский генерал-губернатор сообщал также, что во время поездки в Усинский округ он встречался с урянхайскими чиновниками, которым было заявлено, что Монголия на край прав не имеет. В инструкции Заведующему пограничными делами было указано «следить за недопущением в край монгольских чиновников, причем рекомендован возможно миролюбивый образ действий»¹¹⁷.

Пятого ноября 1913 г. в Пекине была подписана Русско-китайская декларация о признании автономии Внешней Монголии. Россия признавала сюзеренитет Китая над Внешней Монголией. Китай, признавая русско-монгольское соглашение 1912 г, обязался не вмешиваться во внутренние дела Автономной Монголии¹¹⁸. Эта декларация вызвала отрицательную реакцию в правящих кругах Халхи. В декабре 1913 г. правительствам России и Китая была вручена нота монгольского правительства, в которой было заявлено, что оно категорически отказывается признать русско-китайскую декларацию обязательной для Монголии. В ноте отмечалось, что монгольское правительство будет настаивать на таком определении границ своего государства, чтобы в состав его были включены все присоединившиеся монголы. В свою очередь, с подписанием русско-китайской декларации по монгольскому вопросу, для тувинцев ис-

чезла последняя возможность присоединиться к Халхе. Согласно подписанному соглашению, во Внешнюю Монголию вошли только Халха и Западная Монголия. За пределами Внешней Монголии остались Барга, Внутренняя Монголия и Тану-Урянхайский край. Тем не менее, ургинское правительство не оставило мысли присоединить Туву к Внешней Монголии. Весной 1914 г. оно назначило Чжалханиза-хутухту правителем Урянхайского края. В этой связи, между А. Церериным и монгольским правительством случались частые конфликты. Пограничный начальник принудительно высылал монгольских чиновников из Тувы, за что те требовали от российского консула в Урге А. Я. Миллера привлечь комиссара к уголовной ответственности и заменить комиссара «более подходящим человеком»¹¹⁹. Монгольское правительство собиралось поставить вопрос о принадлежности края на тройственных русско-китайско-монгольских переговорах в Кяхте, однако он был решен до открытия Кяхтинской конференции в пользу России.

Пограничный комиссар А. Церерин проводил активную агитацию среди урянхайского населения, прежде всего, элиты. С этой же целью приезжал в Урянхай иркутский генерал-губернатор. При встрече с нойонами хошунов Даа и Бэйсэ, он указал им «на неосновательность монгольских притязаний на Урянхайскую землю». Необходимо отметить, что в отношении хошунов Даа и Бэйсэ проводилась наиболее активная агитационная политика. Иркутский генерал-губернатор Л. М. Князев, в письме министру иностранных дел С. Д. Сазонову, отмечал целесообразность проведения усиленной агитации в районе Кемчика: «наиболее густо населенной частью является район Кемчика, где кочуют урянхи Даа и Бэйсэ хошунов, составляющие 4, 5 всего населения этого края (40.000), наиболее богатые и зажиточные...»¹²⁰. Политика, проводимая Пограничным начальником в отношении населения Даа и Бэйсэ хошунов, дала свои результаты: в январе 1914 г. правители хошунов Даа и Бэйсэ вновь обратились через Церерина с просьбой принять их под покровительство России. В письменном обращении урянхов Бэйсэ хошуна говорилось: «Входившие ранее в состав Великой РОССИИ, а затем незаконно отторгнутые от нее, мы, урянхи, коленопреклоненно просим ныне Великого

¹¹⁵ Леонов Н. Тану-Тува — страна голубой реки. М., 1927. С. 55.

¹¹⁶ АВПРИ. Ф. 142. Д. 3109. Л. 92.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Grimm Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке. 1842–1925. М., 1927. С. 185.

¹¹⁹ РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 1393. Л. 89 об., Л. 90–91.

¹²⁰ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3114. Л. 9.

Цагана-хана НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА, потомка нашего царя Михаила Федоровича Романова, снова принять нас, как триста лет тому назад, в состав Великой РОССИИ...»¹²¹. (Текст прошения урянхов Даа хошуна аналогичный).

Л. М. Князев передал прошение нойонов Даа и Бэйсэ хошунов Николаю II. В письме Императору иркутский генерал-губернатор указывал на «желательность дать на названные прошения урянхов определенный ответ, если не в смысле формального принятия урянхов в подданство России, то, по крайней мере, в виде официального заявления урянхайским правителям о принятии их под покровительство России», так как отказ российского правительства «может их заставить вновь искать защиты своего духовного главы — ургинского хутухты». С. Д. Сазонов согласился с Л. М. Князевым, и предложил Николаю II не объявлять Урянхайский край русской территорией, а ограничиться принятием урянхов под русское покровительство. «При личном всеподданнейшем докладе 25 сего марта 1914 г. ...повергая на благовоззрение вашего императорского величества письмо иркутского генерал-губернатора с приложенными к оному прошениями урянхов хошунов Даа и Бэйсэ, я почел долгом высказать мои соображения о возможности удовлетворить эти прошения принятием населения Урянхайского края под русское покровительство. Этим путем, не отступая от высочайше одобренной программы мирного проникновения в сказанный край, мы положили бы конец колебаниям урянхов между присоединением к автономной Монголии и отдачею себя под русскую власть»¹²². Министр иностранных дел отмечал также, что этими «прошениями мы можем и должны обставить наше согласие принять под русское покровительство известными обязательствами с их стороны», как-то: лишить их права внешних сношений, споры между ними и русскими поселенцами решать только при посредничестве Церерина»¹²³. В. А. Сухомлинов сообщил С. Д. Сазонову, что поддерживает его мнение, и, указав на то, что шаг этот должен быть лишь первым этапом на пути к полному присоединению к империи названного края»¹²⁴. Министр внутренних дел Н. А. Маклаков также считал, что пока «надо ограничиться принятием урян-

хов под русское покровительство», а заместитель главноуправляющего землеустройством и земледелием П. Н. Игнатьев высказал мнение, что необходимо «незамедлительно» поднять вопрос «о присоединении всего Урянхайского края в полное подданство Российской империи со включением в состав государственных территорий всех земель и вод этого края»¹²⁵. С. Д. Сазонов не согласился с доводами П. Н. Игнатьева, сославшись на то, что Особое совещание совета министров 21 ноября 1911 г. не нашло «юридического титула» для присоединения Урянхайского края к России. В письме председателю совета министров И. Л. Горемыкину от 7 апреля (25 марта) 1914 г. министр иностранных дел выразил свое мнение в отношении «урянхайской проблемы»: «Я остаюсь поэтому в убеждении, что нам следует продолжать придерживаться в урянхайском вопросе той политики, которая намечена журналом совета министров (21) 8 ноября 1911 г. Колебания урянхов между присоединением к Халхе или отдачею себя под русскую власть вынуждают нас дать определенный ответ на прошения урянхов. Но колебаниям этим можно положить конец принятием урянхов под русское покровительство. Присоединять их земли и воды для этого нет необходимости, т. к. цели, преследуемые нами в Урянхайском вопросе, не требуют немедленного принятия этой радикальной меры, сопряженной с возбуждением сложных и деликатных вопросов в наших отношениях к Китаю и Монголии»¹²⁶. С. Д. Сазонов не исключал вероятность того, что Китай попытается ввести свои войска на территорию Тувы. Поэтому он дал совет В. А. Сухомлинову, чтобы тот подготовил военный отряд¹²⁷.

Вместе с тем, в Туве сложилась очень сложная ситуация. Она была вызвана усилением давления и угроз со стороны ургинского правительства, не пожелавшего потерять край. Монгольские эмиссары, в частности, агенты Чжалханиза-хутухты, «со времени подачи урянхами прошений на Высочайшее имя, начали распространять среди них слухи о неизбежности наказания урянхов монгольским правительством за самовольное отторжение от подданства Монголии». В этих условиях тувинская элита была очень обеспокоена бездействием со стороны российского руковод-

¹²¹ Установление протектората над Тувой... С. 20.

¹²² Там же.

¹²³ МОЭИ. Сер. III. Т. II. 14 марта — 13 мая 1914 г. С. 281–282.

¹²⁴ Цит. по: Белов Е. А. Россия и Китай. С. 193.

¹²⁵ МОЭИ. Сер. 3. Т. II. С. 209.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ МОЭИ. С. 212.7.04.-1914; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4260. Л. 263–264.

ства. Так, генерал-губернатор Л. М. Князев в секретном письме С. Д. Сазонову от 5 марта 1914 г. отмечал: «В виду того, что упомянутые прошения урянхов были поданы в конце октября минувшего года, то представители... хошунов, обеспокоенные с одной стороны, неполучением до сих пор ответа, а с другой — находясь под постоянным страхом репрессий со стороны Чжалханиза-хутухты, ...стали в последнее время усиленно просить содействия Заведующего пограничными делами Церерина о скорейшем принятии их под покровительство или подданство России»¹²⁸. По просьбам тувинцев и с разрешения генерал-губернатора, А. Церерин отправился в Иркутск с личным докладом Л. М. Князеву о создавшемся положении. Узнав об отъезде Пограничного комиссара, монгольские эмиссары Чжалханиза-гегена и Такшин-гегена приехали на Кемчик и выдвинули хошунным правителям ряд требований: восстановить снятые по предложению А. Церерина уртоны, «связывающие названных урянхов почтовым сообщением с Монголией, доставить определенную денежную сумму на вооружение в Монголии грандиозного субургана, назначить к отправке в Монголию в качестве подданных... 50 семейств урянхов, возратить старую маньчжурскую печать и, наконец, исполнять беспрекословно все распоряжения упомянутых монгольских правителей под страхом наказания»¹²⁹. На заявления монгольских эмиссаров, правители Кемчика ответили, что ими уже поданы прошения о принятии тувинцев под покровительство России, и до получения ответа они не могут исполнить требования Чжалханиза — хутухты и Такшин-гегена¹³⁰. Одновременно, правители Кемчика, через секретаря Заведующего Пограничными делами обратились к Л. М. Князеву «с просьбой оказать урянхам спешную защиту и покровительство от насилия монгол»¹³¹.

Оценивая сложность обстановки, сложившейся в Урянхае, Л. М. Князев, в письмах С. Д. Сазонову, неоднократно подчеркивал, что больше затягивать решение «урянхайского вопроса» нельзя: «при дальнейшей неопределенности такового наша политика в этом крае и русские интересы, несомненно, могут пострадать самым существенным образом», отмечая, что опасность нежелательного для на-

ших интересов влияния на урянхов со стороны другого монгольского правителя — Чжалханиза-хутухты и монголов не может быть устранена без разрешения в самое ближайшее время вопроса о подданстве урянхов»¹³². Письма Л. М. Князева оказали прямое воздействие на решение «урянхайского вопроса» в правительственных кругах. В докладной записке Николаю II С. Д. Сазонов писал: «...повергая на благоволение вашего императорского величества письмо иркутского генерал-губернатора с приложенными к оному прошениями урянхов хошунов Даа и Бейсэ, я почел долгом высказать мои соображения о возможности удовлетворить эти прошения принятием населения Урянхайского края под русское покровительство. Этим путем, не отступая от Высочайше одобренной программы мирного проникновения в сказанный край, мы положили бы конец колебаниям урянхов между присоединением Монголии и отдачею себя под русскую власть. Вашему императорскому величеству благоугодно было одобрить эти мои предложения... Во исполнение таковой высочайшей воли приемлю смелость испрашивать, не благоугодно ли будет вашему императорскому величеству повелеть объявить... населению пяти хошунов, на которые разделяется этот край, что отныне оно принято под покровительство российского правительства»¹³³. Внизу докладной записки Николаем II было начертано: Согласен. Ливадия, 4 апреля 1914 г. В секретной телеграмме от 18 апреля иркутскому генерал-губернатору С. Д. Сазонову, излагая свою докладную записку и сообщая резолюцию Николая II, добавлял: «Во избежание превратного и преувеличенного толкования этого нашего шага, покорнейше прошу не предавать его гласности»¹³⁴. Очевидно, С. Д. Сазонов опасался, что немедленное оглашение воли царя повлечет за собой серьезные последствия, связанные со столкновениями как с Китаем и Монголией, так и другими странами. Этим объясняется, вероятно, то обстоятельство, что провозглашение протектората России над Тувой не было зафиксировано ни одним международным актом.

Решение царя было передано комиссару Усинского пограничного округа. 17 июля в пос. Булук А. Церерин, через три месяца после издания указа, объявил Амбань-нойону

¹²⁸ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3114. Л. 60–61.

¹²⁹ Там же. Л. 60.

¹³⁰ Там же. Л. 61.

¹³¹ Там же.

¹³² АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3114. Л. 70.

¹³³ Там же. Л. 70–71.

¹³⁴ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3113. Л. 14. Л. 14 об.

Гомбодорджи и нойонам хошунов Даа и Бэйсэ волю «Ак-хана» (Белого царя). В сообщениях указывалось на обязательство со стороны управляющими хошунов не иметь никаких сношений с иностранными государствами, в т. ч. и Монголией. «Таковые сношения, если потребуется, могут вестись не иначе, как только через меня, как представителя в Урянхайском крае, или лица, меня замещающего, и, во-вторых, все споры и недоразумения, какие могут возникнуть между отдельными хошунами, Вы отныне должны повергать на мое решение»¹³⁵. Амбань-нойоном, управляющими Даа и Бэйсэ хошунов, а также заведующим Кемчикским хошуном Буян-Баторху А. Церерину были поданы ручательства, в которых они обязывались выполнять эти условия¹³⁶. Правители хошунов, принятые под покровительство России, обратились к Церерину с ходатайством, в котором выражались просьбы следующего характера: снять с хошунов ответственность за неуплату долга отдельных лиц, прекратить интенсивную колонизацию края русскими, запретить огораживание пастбищ и возведение построек, введение русского судопроизводства, восстановить и закрепить пограничные знаки, оставить местному населению прежний уклад жизни, обычаи и религию и проч.

Нойоны Сальчжакского и Тоджинского хошунов не пожелали встречаться с Церериним и другими «русскими лицами», посылаемыми к ним пограничным комиссаром. При объявлении воли царя, Церерин заявил Гомбодорджи, что тот принимается под покровительство России «с подчиненными ему урянхами Ойнарского, Сальчжакского и Тоджинского хошунов», Церерин просил Гомбодорджи восстановить свою «законную власть» над Сальчжакским и Тоджинским хошунами¹³⁷. Впоследствии, при содействии Церерина, хошуны Даа и Бэйсэ перешли в подданство Российского государства. В ноябре 1915 г. Сальчжакский и Тоджинский хошуны, в результате политики, проводимой новым пограничным комиссаром В. Ю. Григорьевым¹³⁸ подали прошения о принятии их в

покровительство России.

С установлением протектората над Тувой стала укрепляться административно-политическая власть. Так как хошун Бэйсэ в 1913 г. был включен в состав Монголии на основании его прежней принадлежности Сайн-нойоновскому аймаку, им управляли или монгольские чиновники, или нойоны соседнего Даа-хошуна. После решения «Урянхайского вопроса» хошуном стала управлять группа тувинских чиновников, светских и духовных. В июле 1914 г. «в виду многочисленности населения хошуна и избытка казенных дел» была учреждена должность Бугдэ-Дарги, которым стал, с согласия всего населения, демчи Чымба. Ему был присвоен шарик первой степени и павлинье перо, а его помощникам — цзайсанам Лубсану, Ендону и Цаги — шарики второй степени¹³⁹. Как видно, при установлении протектората сохранилось основа административного управления и принципы иерархии, существовавшие со времен власти маньчжуров. Кандидатуры глав хошунов, по прежнему избирались населением, но подлежали утверждению комиссаром по делам Урянхайского края. Кроме нойона русский комиссар утверждал в должностях и других правителей, цзахирокчи, которых в каждом хошуне по 4–7 человек; они по очереди выполняли обязанности главы чезана (канцелярии) нойона. С установлением покровительства России прежние печати, выдаваемые ранее маньчжурскими и монгольскими властями, были заменены на русские, что означало признание хошунными чиновниками государственной власти России. В период покровительства Тувы система управления арбанами была изменена: они были разделены на десятки — новые низшие административные единицы, объединявшие по 10 юрт каждая. В условиях протектората были отменены повинности, практикуемые со времени маньчжурского господства (албан, ундюруг, сузун, уртельную и караульную службы), а также долги китайским фирмам, вместе с процентами, накапливающиеся на протяже-

баевым, осложняли процесс становления и развития институтов российской власти в регионе, а также их взаимодействия с тувинскими родовыми правителями и народом; по этой причине во второй половине 1914 г. оба чиновника были отозваны, и их обязанности были переданы В. Ю. Григорьеву и М. Я. Шкунову

¹³⁹ Дацышен В. Г., Ондар В. Г. Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и российско-тувинские отношения в 1911–1921 гг. Кызыл: Республиканская типография, 2003. С. 61.

¹³⁵ Установление протектората России над Тувой... С. 24.

¹³⁶ Там же. С. 23–24.

¹³⁷ Дацышен В. Г., Ондар В. Г. Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и российско-тувинские отношения в 1911–1921 гг. Кызыл: Республиканская типография, 2003. С. 61.

¹³⁸ Конфликты, происходящие между Заведующим делами пограничного управления А. Церериним и чиновником переселенческого управления В. К. Га-

нии десятилетий. Была отменена круговая хошунная порука в старых торговых обязательствах перед русскими торговыми фирмами и установлен налог с каждого аратского двора, в размере 75 коп¹⁴⁰. Правители хошунов сохраняли всю власть и привилегии, в пределах своих владений; сохранялся также статус буддийской религии и право на соблюдение традиций народа.

В целом, механизм становления юридических институтов в Туве происходил в контексте поэтапной интеграции региона с Россией. Если на первом этапе произошло формальное присоединение тувинских хошунов, с полным сохранением их внутривластной самостоятельности, то на втором этапе, знаменующем начало процесса полного присоединения региона к России, произошло вмешательство в их внутренне управление. Так, российским правительством были внесены существенные коррективы: право выбора правителей хошунов было отдано представителю российской власти, была введена новая административная единица — десятки, и проч. Отсутствие путей сообщения, геополитическая специфика региона создавали определенные трудности на втором этапе интегрирования, однако, по справедливому замечанию Ондар Г. А.-О., в конечном итоге, проведение последующих мероприятий российским правительством по изменению административно-родового управления Тувой, должно было привести к полному уничтожению автономии последней и ее превращению в составную часть Российской империи¹⁴¹. В дальнейшем Тува под официальным названием Урянхайского края была включена в состав Енисейской губернии с введением политико-административных дел иркутским генерал-губернатором. Комиссар по делам Урянхайского края выступал в качестве представителя генерал-губернатора и Министерства иностранных дел. Следовательно, главным правительственным органом в Туве стало Пограничное управление. Основным смыслом определения порядка управления, в условиях существования Российского протектората в Урянхае, передал комиссар по делам Урянхайского края, В. Ю. Григорьев в циркулярном предписании от 12 марта 1915 г. «Великая Российская империя», — писал комиссар, — «объявив состоящей под своим покровитель-

ством Урянхайскую землю, тем самым приняла эту землю и обитающий на ней народ под свое единоличное попечение. Поэтому, со дня объявления означенного покровительства, никакое другое государство, кроме упомянутого Великого Российского... проявлять какую-либо деятельность в Урянхае, а тем более посягать на его управление... Поэтому же для урянхайского народа, его чиновников и самих нойонов попечение русской власти является, безусловно, обязательным даже в том случае, если бы кто из народа, чиновников и самих нойонов, вместо русского попечительства, над Урянхаем желал какого-либо другого»¹⁴². Таким образом, по мнению пограничного комиссара, установление протектората России над Тувой, должно было, прежде всего, оградить край от притязаний со стороны других государств; факт установления российского покровительства означал, что права национального определения у местного населения больше нет, т. к. внешнеполитические функции переданы российской представительной власти.

Правительство Урги, несмотря на особую роль России в поддержке становления и развития монгольской государственности, учитывая важность поддержки России в становлении и развитии государственности, были вынуждены согласиться с фактом установления российского протектората над Тувой. По замечанию Н. Леонова, «из монгольских гегенов только Чжалханиза-хутухта считал, что у России нет никаких прав на Урянхай»¹⁴³. Амбань-нойону Хутухта писал: «Между нашими двумя правительствами (русским и монгольским) никаких переговоров о передаче той или другой стороне урянхов... и такой вопрос не подлежит компетенции Ухэриды Гомбодорджи и русского чиновника Церерина, проживающего на границе. Их действия являются призрачными, легкомысленными и движения дальше собственных особ не имеют»¹⁴⁴. Третьего октября 1914 г. управляющий ургинским консульством А. П. Хионин направил ноту в адрес монгольского министерства иностранных дел следующего содержания: «По поступившим в генеральное консульство достоверным сведениям, Чжалханиза-хутухта, основываясь на распоряжении Канцелярии Председателя Монгольско-

¹⁴⁰ История Тувы. Т. 1. Новосибирск, 2001. С. 322.

¹⁴¹ Ондар Г. А.-О. Российско-тувинские отношения в 1911–1921 гг. Кызыл, 2000. С. 55.

¹⁴² Цит. по: Нацов С. Тувинская народная республика. С. 4.

¹⁴³ Леонов Н. Тану-Тува: страна голубой реки. М, 1924. С. 47.

¹⁴⁴ Там же.

го Совета Министров и Почтенного Министерства Иностранных дел, приказал заведующим Точжинским, салъчжакским и Кемчикским урянхайским хошунами представить немедленно сведения о количестве пахотных земель и о русских подданных в подведомственных им хошунах... Считаю долгом предупредить, что распоряжения названного Хутухты исполняться не будут, а посланцы его будут или наказываться по русским законам, или изгоняться силой»¹⁴⁵. Дипломатический агент в Монголии А. Я. Миллер сообщал С. Д. Сазонову о том, что «материальные интересы Чжалханиза-хутухты и ургинских властей, получающих доходы с Урянхайского края, сведения о размерах коих монголы упорно отказываются сообщить мне, являются главной причиной упорства Монгольского правительства в вопросе об Урянхайском крае»¹⁴⁶.

Общая напряженность отношений между Россией и Монголией сохранялась. Об этом говорил пограничный комиссар В. Ю. Григорьев, отмечая, вместе с тем, позитивные изменения в жизни тувинцев, после принятия российского покровительства: «...трудно сомневаться в том, что укрепление русского покровительства над Урянхаем, поскольку это зависит от отношений с Монголией, не протекает теперь в благоприятных условиях. Что это так... подтверждается и тем, что, как мне передавали, в некоторых соседних с Урянхаем хошунах Монголии между населением достаточно осведомленным о том, что урянхи под русским покровительством, освободившись еще от тяжелых еще недавно бывших поборов Монголии и Китая, заметно улучшают свое хозяйственное благосостояние, нередко слышатся разговоры о желательном для этого населения русского покровительства»¹⁴⁷.

Вместе с тем, Хутухта, продолжая игнорировать факт установления российского протектората, продолжал посылать в Туву эмиссаров, которые склоняли хошунных правителей перейти в подданство Монголии, обещая им присвоить титулы гунов и соответствующее сану вознаграждение. Действия монгольских агентов привели к тому, что среди тувинцев, в основном, среди элиты, появились жлания вновь принять монгольское подданство. Так, в письме Л. М. Князеву, В. Ю. Григорьев сообщал: «По словам знающих людей, сойоты все

более и более склоняются в монгольское подданство, что к тому стремятся все более чиновники, а не народ, остающийся пассивным, но неизменно верным свои чиновникам; чиновники же предпочитают именно монгольское подданство, будучи прельщаемы раздаваемыми им монгольскими чиновниками гуннов... чего не дает им русское правительство...»¹⁴⁸. С началом Первой мировой войны, монгольские агенты «стали распускать слухи о скорейшем ее (России — В. В.) поражении»¹⁴⁹. В этом направлении особенно активно, по словам Григорьева, действовали ламы, «рассказывая урянхайцам разные сказки и воздействуя, так сказать, на религиозную преданность наивных сотов своих хошунов. Так, ламы говорят, что, когда Белый царь для войны с немцами стал просить у Хутухты войска, то последний ответил ему, что войск у тебя и без монгол много, но я буду со своим духовенством молиться за русский успех. И действительно, благодаря молитвам ламайского духовенства, так говорят ламы, русские войска стали действовать успешно»¹⁵⁰. Кроме этого, монгольские агенты занимались распространением ложных слухов, связанных с развитием русско-китайских отношений. Так, чиновник по дипломатической части при иркутском генерал-губернаторе Н. К. Эльтеков в телеграмме от 12 сентября 1914 г. сообщал в МИД А. Я. Миллеру: «Церерин телеграфирует: В связи с войной Монголия, очевидно, возобновила посылку эмиссаров в Урянхай, распускающих слухи, что русские будут изгнаны надвигающимися войсками»¹⁵¹.

Сомнения тувинского руководства в том, верно ли они выбрали страну-покровителя, объяснялись и непоследовательностью действий русских властей. Так, Н. Леонов справедливо отмечал, что «отсутствие какой-либо реальной силы в распоряжении заведующего пограничными делами привело к тому, что и после объявления протектората урянхи не могут быть уверенными в завтрашнем дне. Нерешительность действий русского Сайта (Пограничного начальника — В. В.) была для них более чем очевидной»¹⁵². Кроме того, после установления протектората русские военные силы в Урянхае насчитывали отряд из 50 ка-

¹⁴⁵ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3113. Л. 231.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3115. Л. 53.

¹⁴⁸ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 184. Л. 20.

¹⁴⁹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 499. Л. 19.

¹⁵⁰ ГАИО. Ф. 24. Оп. 11. Д. 119. Л. 89.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 499. Л. 19.

заков, направленных из Кобдо, что также не способствовало укреплению среди населения Тувы уверенности о прочности положения российской власти.

Активность действий монгольского правительства в Туве объяснялось тем, что оно не теряло надежды добиться объединения страны, включая Внутреннюю Монголию, Баргу и Урянхайский край дипломатическим путем на предстоящей тройственной русско-китайско-монгольской конференции в Кяхте, открывшейся 8 сентября 1913 г. Со стороны Китая для ведения переговоров в Кяхту прибыл генерал Би Гуйфан и чрезвычайный посланник в Мексике Чэн Лу. Со стороны Урги прибыли министр внутренних дел Беоикт-Гун, министр финансов Чагдаржав и князь Ширин Дамдин. Российское правительство поручило вести тройственные переговоры генеральному консулу в Монголии А. Я. Миллеру. Каждая делегация представила проекты соглашений, содержание которых были абсолютно разными. Российские дипломаты отстаивали идею широкой автономии Внешней Монголии под сюзеренитетом Китая, и не затрагивали вопрос об Урянхайском крае. Монгольская делегация рассчитывала добиться признания полной государственной независимости, а в случае несостоятельности плана — признания широкой автономии Монголии, объединяющей всех монголов. В четвертом пункте монгольского проекта говорилось, что на основе русско-монгольского соглашения 1912 г. а также русско-китайской декларации 1913 г. включение в подданство монгольского государства 150 хошунов четырех халахаских аймаков, 49 хошунов шести сеймов Внутренней Монголии, а также хошунов Барги, Олетов, Урянхая, Хасака, Дариганги и Чахара считается правомерным¹⁵³. В ходе обсуждения про-

блем, связанных с определением территории Автономной Монголии, делегации Монголии и Китая предложили обсудить вопрос о северной границе, точнее, об Урянхайском крае. Однако члены Российской делегации, ссылаясь на ст. 4 русско-китайского соглашения 1913 г., отклонили это предложение. Обсуждение всех проектов длилось почти восемь месяцев. В результате столь длительной дискуссии монгольские делегаты не сумели отстоять идею полной независимости Монголии и объединения всех монголов в единое государство. Они вынуждены были согласиться с идеей широкой автономии, которую, после долгих споров, поддержала делегация Китая. По Кяхтинскому Тройственному соглашению, подписанному 25 мая 1915 г., в состав Автономной Внешней Монголии были включены только земли, находившиеся в ведении цинских амбаней в Урге и Кобдо и цзянь-цзюня в Улясутае. Подписанное соглашение было воспринято с неудовлетворением как китайской, так и монгольской сторонами. Первая была недовольна тем, что Халха сохранила свою автономию, не став китайской провинцией, вторая, в свою очередь, была не согласна с тем, что идея создания независимой и объединенной Монголии, в составе Барги, Внутренней Монголии, Алтайского округа и Урянхайского края, осталась нереализованной. Несмотря на то, что в дальнейшем Внешняя Монголия по-прежнему пыталось воздействовать на внутреннюю жизнь края¹⁵⁴, как правило, усилия российской дипломатии сводили эти попытки на нет.

¹⁵³ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3113. Л. 221.

¹⁵⁴ Здесь имеется в виду ст. 11 Тройственного соглашения (Белов Е. А. Россия и Монголия. М, 1998. С. 158—168).

ТАННУ-УРЯНХАЙСКИЙ КРАЙ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ И ДИПЛОМАТИИ (1914–1918)

Факт установления протектората не был закреплён ни одним международным документом и не получил, соответственно, международно-го признания со стороны Монголии и Китая. Монгольское правительство стало проводить в крае активную агитационную политику, действуя через эмиссаров. Агитация усилилась с началом первой мировой войны. В письме иркутскому генерал-губернатору исполняющий обязанности комиссара по делам Урянхайского края, А. Церерин доложил о «самовольном, несоответствующем дружбе двух государств: Монголии и России обращении к урянхайскому народу»¹.

Наибольшую активность в антирусской агитации проявлял глава Шабинского ведомства, одного из самых могущественных и богатых в Урге, Чжалханца Хутухта. Он же стремился контролировать процесс назначения приемника умершего нойона Салчакского хошуна, резко осуждая действия главы Урянхайского края, амбын-нойона Гомбодоржи. Последний, руководствуясь распоряжениями и. о. комиссара по делам Урянхайского края А. Церерина, согласно родовому обычаю, назначил главой хошуна сына покойного нойона, Итамсуруна. Русофильская политика амбын-нойона получила резкое осуждение шанзотба Чжалханца-хутухты: «Это положение можно характеризовать пословицей: птичка, гонимая ястребом, ищет глухую чащу или «рыба, гонимая речною выдрю, ищет глубокие недра»². Подробно сему ухерида Гомбодоржи, найдя себе желанного милостивого повелителя и пристанище удостоился получить милости и сделался рабом». В конце августа 1914 г. Салчакский и Тоджинский хошуны перешли в подданство Монголии. Попытки, предпринимаемые амбын-нойоном и и.о. комиссара по делам Урянхайского края по возвращению хошунов под российский протекторат, Чжалханца-хутухта называл «призрачными и легкомысленными», не имеющими движения далее собственной особы³. Чиновник обращался к амбын-нойону с убедительной просьбой вверенные Монголии хошуны «не беспокоить» и проявить заботу об охране

спокойствия на границе, вплоть до заключения договора на предстоящей конференции в Кяхте. В случае продолжения притеснений» и незаконных действий со стороны амбын-нойона, предупреждал шанзотба, будут предприняты меры для «защиты бедного урянхайского населения, вошедшего в состав Монголии». Урянхайским хошунам, подчеркивал он также, надлежало самим в порядке заключения международного договора выяснить вопрос о своем подданстве.

По мере ослабления позиций России на фронтах Первой мировой войны, в крае активизировались китайские и монгольские чиновники, а в тувинском обществе усиливались промонгольские и прокитайские настроения. Во избежание провокационных действий, по распоряжению Временного правительства в крае был установлен особый надзор за всеми иностранными подданными⁴.

На региональной русско-китайско-монгольской конференции в Кяхте, открывшейся 8 сентября 1914 г., вопрос о правовой принадлежности края так и не был решен: А. Я. Миллер отказался обсуждать его, невзирая на настойчивые попытки китайских делегатов привлечь внимание к обсуждаемой проблеме. Дипломат сослался на четвертый пункт обменных нот между Россией и Китаем от 23 октября (05 ноября) 1913 г., гласивший, что определение точных границ Внешней Монголии будет составлять предмет дальнейших переговоров⁵. Энергичные действия монгольских агитаторов будировали агрессивное настроение местных жителей по отношению к русскому населению. Согласно донесению чиновника по дип. части Н. Эльтекова на имя заведующего пограничными делами Усинского округа, на одном из совещаний представителей тувинской элиты было принято решение об организации вооруженных выступлений против русских в период с октября по январь, в то время, когда прекратится сообщение с Минусинском. Вскоре после этого со стороны местного населения стали проявляться враждебные действия по отношению

¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Канцелярия. Оп. 11. Д. 90. Л. 38.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Государственный архив республики Тыва (ГАРТ). Ф. 112. Комиссар по делам Урянхайского края и Усинского округа. Оп. 1. Д. 17 б. О наблюдении за прибывающими в Урянхайский край иностранными подданными.

⁵ ГАИО. Ф. 25. Канцелярия. Оп. 11. Д. 90. Л. 18.

к русским: поджог сена в п. Баянгол, выбитии стекол у русского торговца на Шигонаре и проч. По мнению А. Церерина, одной из мер пресечения подобных вызовов должна стать демонстрация «массе урянхайского населения, что русские подданные, в случае если бы жизни и состоянию их угрожала опасность, никоим образом не останутся без защиты». С этой целью им было предписано образовывать во всех русских поселках дружины, которые на первых порах ежедневно, а затем только в праздники устраивать показательные марши «с песнями и оружием в руках, у кого какое имеется...на глазах у урянхов». Для предотвращения беспорядков в самом крае были командированы небольшие сопроводительные отряды по 3–5 человек на западную и восточную части края. Сам А. Церерин с двумя казаками совершал объезд факторий и приисков, находящихся в центре края⁶.

К концу декабря 1914 г., когда один из сумонов Оюннарского хошуна, принадлежавшего Амбын-нойону, откололся и перешел в монгольское подданство. Причин политического раскола в хошуне, управляемом главой Урянхайского края, было несколько. Во-первых, места кочевий жителей Оюннарского хошуна находились в непосредственной близости к монгольской границе, создавая тем самым естественный плацдарм для агитационных кампаний. Кроме того, на главу края оказывалось непосредственное давление со стороны Чжалханца-хутухты разными способами, от угрозы наказаний до подарков и посулов. Однако основная причина развития монголофильских настроений в крае в целом и управляемом амбын-нойоном хошунном в частности заключалась в характере политики, проводимой российским правительством в крае. Негативным ее проявлением на уровне региона были действия заведующего устройством русского населения в Урянхайском крае, чиновника Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия, В. Габаева. Захват тувинских земель и кочевий, насильственное проведение топографических работ, арест тувинцев — все это в комплексе привело к снижению доверия к российской власти. Сам Амбын-нойон Гомборжи в письмах к А. Церерину неоднократно обращался с просьбой пояснить намерения российских властей в отношении края: «...Мы решили обратиться к России за покровительством, будучи уверены, что она может оказать

такое, с какой целью и обращались к сайту Церерину и начальнику Чакирову. В настоящее же время выясняется, что Россия не только не оказала покровительства Урянхам, но... в результате из 40 с лишком сумонов у меня осталось лишь три сумона. Поэтому прошу... передать ответ: может ли, в действительности, Россия оказать свое покровительство всем урянхам». Сам исполняющий обязанности комиссара по делам Урянхайского края пребывал в растерянности, поскольку точных инструкций относительно своих действий со стороны иркутского генерал-губернаторства не получал: «мое положение, как не имеющее каких-либо директив касательно дальнейшего направления нашей политике в Урянхае весьма затруднительно»⁷.

Ситуация в крае, по мнению А. Церерина, должна была проясниться с приездом статского советника В. Григорьева. Именно он должен был получить инструкции от иркутского генерал-губернатора о дальнейших действиях в крае, в том числе, по вопросам пограничного размежевания между Урянхаем и Монголией, и принятия решительных мер для прекращения монгольской агитации.

Анализ документов делопроизводства канцелярии иркутского генерал-губернатора, по нашему мнению, не дает повода обвинить последнего в бездействии. Он исправно докладывал в Министерство иностранных дел все подробности политической обстановки, сложившейся в Урянхайском крае после установления протектората. Отсутствие каких-либо распоряжений со стороны Л. М. Князева А. Церерину объясняется крайне сложной линией поведения министерства иностранных дел. Так, например, С. Д. Сазонов считал «несвоевременным» в очередной раз принять в Петербурге депутацию из Тувы для принесения благодарности за принятие их под русский протекторат, сославшись на сложную военную обстановку, делегировав организацию приема представителей тувинской элиты в Иркутске. Получая сведения об обстановке в крае из различных источников (дипломатических агентов в Урге, управляющего ургинским консульством, наконец, иркутского генерал-губернаторства, енисейского губернаторства), министр составил свое мнение о характере монгольской агитации. По мнению С. Д. Сазонова, монгольское правительство хоть и симпатизировало активной агитационной политике Чжалханца Хутух-

⁶ ГАИО. Ф. 25. Канцелярия. Оп. 11. Д. 90. Л. 58.

⁷ ГАИО. Ф. 25. Канцелярия. Оп. 11. Д. 90. Л. 23.

ты в крае, однако не влияло на нее активным образом. Все действия шанзотбы были продиктованы, по мнению министра, личными мотивами, в частности, боязнью лишиться части доходов с тувинских хошунов⁸.

Необходимо отметить, что в отечественной историографии линия поведения министра иностранных дел в «урянхайской политике» неоднократно обсуждалась, и точки зрения абсолютного большинства в этом вопросе схожи⁹. Авторы справедливо полагают, что в основе осторожной «урянхайской» политики России лежал комплекс причин, в том числе, нежелание осложнять отношения с «восточными соседями» — Китаем и Монголией, а также стремление не изменять традициям с осторожностью относиться к любым территориальным приращениям на Востоке. Несмотря на то, что первый этап войны для России был, в целом, удачным, участие в боевых действиях требовало мобилизации сил на Западе. Кроме того, у С. Д. Сазонова был практически двадцатилетний опыт дипломатической деятельности, и большую часть времени он прожил в Лондоне и Ватикане. Европейская политика была ему ближе, о ее значимости для Российской империи он неоднократно заявлял задолго до первой мировой войны, еще на своем выступлении в Государственной Думе в апреле 1906 года. Известно также, что мнение по «урянхайскому вопросу» часто менялось и до установления протектората над Тувой, в зависимости от внешнеполитической обстановки, и, главным образом, отношений с Китаем. Отклонение А. Я. Миллером вопроса об обсуждении правовой принадлежности края на Кяхтинской конференции лишь оттягивало время, что хорошо осознавалось российским руководством. Следующими стратегическими задачами по присоединению края должны были стать ликвидация внутренних конфликтов местных жителей с русским населением в крае и решение вопроса о пограничном размежевании. К началу 1915 г. российский министр иностранных дел считал дипломатические меры в борьбе с

монголами «мало действенными для доказательства тувинцам пользы для них русского владычества». Министр указывал на необходимость проведения «реальных» мер, к которым он относил приближение к урянхам места пребывания российских властей и соблюдение большей осторожности в вопросах отчуждения тувинских земель. Вопрос о проведении граничной линии Тувы с Монголией был поднят во второй половине 1915 г.¹⁰

К началу 1915 г. частично удалось устранить первопричину неудачного характера «урянхайской политики», поскольку в системе управления Тувой произошли кадровые перестановки: должность комиссара по делам Урянхайского края занял бывший заведующий землеустройством и переселением в Енисейской губернии В. Ю. Григорьев, а место заведующего русскими поселениями в Туве занял В. М. Шкунов. Конфликтные ситуации, существующие между предыдущими представителями двух ведомств и с местным населением, нивелировались. С вступлением в должность комиссара протекторат в Туве начал действовать. Отныне край находился в официальном ведении енисейского губернатора и иркутского генерал-губернатора. Официальными представителями царской власти, действовавшей в крае, стали пограничный комиссар, мировой судья 8-го участка Енисейского окружного суда и полиция¹¹.

Однако промонгольская агитация в крае продолжилась вновь, и местное население продолжало грабить и поджигать дома русских. Для прекращения беспорядков в Урянхае летом 1915 г. был введен отряд, состоящий из полусотни казаков.

В апреле 1916 года монгольское правительство вновь стало обсуждать вопрос о территориальной принадлежности Урянхая. Оно отправило А. Я. Миллеру, который исполнял на тот момент обязанности генерального консула в Урге, ноту, в которой было приведено обоснование исторической принадлежности края Внешней Монголии. Министр иностранных дел

⁸ ГАИО. Ф. 25. Канцелярия. Оп. 11. Д. 90. Л. 63.

⁹ Кузьмин Ю. В., Свинин В. В. История изучения Монголии в Иркутске. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006; Белов Е. А. Россия и Китай в начале XX века (русско-китайские противоречия в 1911–1915 гг.). М.: ИВ РАН, 1997; Белов Е. А. Россия и Монголия (1911–1919). М.: ИВ РАН, 1999; Дацышен В. Г., Ондар Г. А. Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и российско-тувинские отношения в 1911–1921 гг. Кызыл: Республиканская типография, 2003.

¹⁰ Василенко В. А. На пути к протекторату. Отношения правительства имперской России с Китаем и Монголией по вопросам установления политического влияния в Туве. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 223 с.

¹¹ История Тувы: в 3 т. Т II / под общей редакцией В. А. Ламина. Новосибирск: Наука, 2007. С. 12; Василенко В. А. XX Зууны эхний мечлег дэх Тагна-Урианхайн асуудлаарх Орос, Монгол, Хятадын харилцааны асуудалд 111–118 // монгол, оросын харилцааны туухийн асуудалд. Улан Баатар, 2016.

С. Д. Сазонов телеграфировал: «Благоволите официально ответить Монгольскому правительству на его ноту, что принадлежность Урянхайского края была спорной еще до провозглашения Монголией своей независимости и Китайское правительство не могло доказать своих прав на этот край. Что касается Монгольского правительства, то оно никогда не имело никаких прав на Урянхайский край и не могло приобрести их по Кяхтинскому соглашению, так как Китайское правительство не могло не уступить Монгольскому правительству территорий, Китаю не принадлежащих»¹².

С 22 по 28 марта 1917 г. в Белоцарске состоялся первый съезд русского населения

¹² Белов Е. А. Россия и Монголия (1911–1919). М.: ИВ РАН, 1999. С. 155.

Урянхайского края, на котором состоялось избрание Урянхайского временного краевого комитета общественной безопасности во главе с А. П. Ермолаевым. Он стал «высшей гражданской властью в крае» и полностью поддержал «деятельность нового российского правительства»¹³.

С свержением советской власти в июле 1918 г. в Урянхае был вновь восстановлен протекторат.

¹³ Василенко В. А. Присутствие вооруженных сил в Урянхайском крае в период действия протектората (1914–1918): к вопросу о постановке проблемы / В. А. Василенко // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25. № 6. С. 1122–1129.

УРЯНХАЙ В СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ, МОНГОЛИИ И КИТАЯ (1915–1919)*

УРИАНХАЙ СИСТЕМИЙН ХООРОНДЫН ХАРИЛЦАА ОРОС, МОНГОЛ, ХЯТАД (1915–1919 ОН)

Хаант Орос 1914 оны зун Тагна Урианхайг ивээлдээ авснаа албан ёсоор зарлаж, түүний ноедыг Монгол болон бусад улс орнуудтай харилцахыг хориглосонд Монголын засгийн газар ихэд дургүйцэж байсан боловч хойд их хөршөө илэрхий сөрөн эсэргүүцэх хүчин мөхөсдөх тул гагцхүү арга эвээр, юуны өмнө Хиагтад хийхээр товлосон Орос, Хятад, Монгол гурван талт хэлэлцээр дээр Урианхайн асуудлыг нэг тийш болгон шийдвэрлэхийг хичээж, уг асуудалд далдуур нэлээд бэлтгэж байв.

1914 оны намар Хиагт хотноо эхэлсэн гурван улсын хэлэлцээнд талууд өөрсдийн Гэрээний төслийг бэлтгэсэн бөгөөд Монголын талын төслийн 4-р зүйлд Монгол улсын газар нутгийн хилийг тодорхойлохдоо, Орос-Монголын Гэрээ ба Орос-Хятадын тунхгийн гол үндсүүдийг мөрдлөг болгон Халх 4 аймаг зэрэг газрын 150 хошуу, Дотоод Засаг (Өвөр Монгол)-ийн 6 чуулган 49 хошуу, Хөлөнбуйрын харьяат солон, барга, өөлд, орчууд, урианхай, хасаг, дариганга, цахар, адаачин түмэдийн олон хошууг Монгол улсын хязгаарт бүрэн оруулж захирах гэжээ¹. Оросын элчин төлөөлөгчөөс үүний урьд Хөлөн бойр ба Урианхайн тухайг энэ удаа огт хэлэлцэхгүй хэмээн танай Сайн ноен хан нэгэнт зөвшөөрсөн ба би мөн засгийн газраа энэ ёсоор мэдүүлсэн хэрэг болох бөгөөтөл та харин юунд ийнхүү гэнэт оролцуулан бичсэн буй хэмээн баахан уурсах байдал гаргасан тухай монголын төлөөлөгч төв рүүгээ мэдээлжээ. Монголын засгийн газраас үүний хариуд солон, барга, урианхайн тухай болбаас худалдаа нэвтрүүлэхийг манай Монгол улсын засгийн газар лугаа хэлэлцэн тогтоож болно хэмээн зөвшөөрсөнөөс өөр зөвшөөрсөн зүйл үгүй гэсэн хариу ирүүлж байв².

Урианхайн хязгаарын асуудлыг монголын тал энэхүү хэлэлцээгээр шийдвэрлэх, эс чад-

¹ Хятад, Орос, Монгол гурван улсын 1915 оны Хиагтын Гэрээ. Өдөр тутмын тэмдэглэл. Баримт бичгийн эмхэтгэл, УБ., 1999.

² Мөн тэнд.

вал Оросын элчин төлөөлөгч болон консултэй уг асуудлыг хэлэлцэхийг эрмэлзэж байсан архивын баримтуудад тэмдэглэгдэн үлджээ. Тухайлбал, Сайн ноен хан аймгийн Бишрэлт бэйл Сандагдоржоос язгуураас харьяалан ирсэн 17 отог урианхайг Оросын харьяат сайд Цэрэрин ирж язгуур Монголын их овгоос таслан авахыг хичээн зэвсэг бүхий цэрэг дагалдуулан хүчирхэг бурангуйгаар эзэрхэн бүхий хэргийг удаа дараа Дотоод яамнаа өргөн мэдүүлж, их яамны газраас орос консулын газарт мэдэгдэн явуулж, тэдгээр эзэрхсэн оросуудад ухуулах бичиг авч бас сайд түшмэлийг томилон, манай газраас түшмэл нэмэн авч өртөөлөн одуулж, хязгаарын Урианхай нутаг боолчуудын байдал төлөвийг тохинуулж, илбэн аврах ажаамуу хэмээн бичиг ирүүлжээ. Засгийн газар, Дотоод яам хоер зөвлөлдөн хянаад, бишрэлт бэйл Сандагдоржийн харьяат 17 отог Урианхай ардыг Орост эзэрхийлүүлэхгүй хамтатган захируулахыг эрсэн нь үнэхээр зүй мөн боловч үүний урьд манай Монголын төрд дагаар орж, тамга батыг хүлээн авч Жалханз хутагтад хавсран захируулсан Салчиг, Тож, Хэм, Хэмчигийн зэрэг урианхай нарыг Орос улс эзэрхсэн дор манай Засгийн газраас хэргийн учрыг барьж явуулавч ер хэрэг дор хэрэг огт үгүй, хүлээлгэн буй тул, одоо энэхүү Урианхай хэдүй бэйл Сандагдоржийн гэрийн боол атугай энэ удаа салган авч яахин чадах, жич энэ хэр 3 этгээдийн гэрээ хэлэлцэж буй нь хараахан бүрмөсөн тогтоогүй бөгөөд Урианхай нарын тухай хэрхэн болох нь дараа илрэх тул харин энэ завсар түүгээр даруй харьяат газраас түшмэл явуулж, тэндэх албат нарыг сурган ухуулж, тэдний сэтгэл, биеийг боловч нааш хандуулах зэрэг арга эрэхээс өөр энэ удаа юм чингэсүгэй хэмээх зүй олдохгүй тул үүнийг Сайн ноен хан аймгийн бэйл, чуулган даргын нэр дор хамтран явуулж нааш ойртуулах арга хэмжээ авахыг тушаасан бичгийг Олноо өргөгдсөний 1915 оны 3-р сарын 17-д шийтгэн явуулсан байна³.

³ Үндэсний төв архив (УТА). А-140. хн-22. х-28.

* Печ. по Шурхуу Д. Русско-монголо-китайские отношения и урианхайский вопрос (1915–1919) / Орос, монгол, хятадын харилцаа дахь Тагна Урианхайн асуудал (1915–1919 он) // Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. Кн. 3. Ч. 1 : Статьи участников 3-й Международной научно-практической конференции : сб. науч. тр. Иркутск ; Улан-Батор : Изд-во БГУЭП, 2014. 384 с. С. 272–279.

Ийнхүү Урианхайн олон газраас ирсэн бичгүүдийг удаа дараа Гэрээний сайдуудад хүргэж, элдэв хэргийн учир зүйлийг Оросын гэрээний элчин консултай хэлэлцэж аргагүйг эрж Урианхай нарыг манай этгээдэд нийлүүлэн авч элдэв будилаангүй болгох зэрэг учрыг зүйлчлэн хэлсэн боловч тэрбээр Урианхайн хэргийг энэ гэрээнд оруулан хэлэлцэхгүй, тусгаар өөр болмой хэмээгээд огт хэрэгсэж хэлэлцээгүй ажээ.

Оросын дипломатчид Монголын хойт хил, ялангуяа урианхайн асуудлыг элдэв аян шалтаг, улс төрийн овжин заль гарган хэлэлцэхээс ямагт зайлсхийж эцэст нь Хиагтын гэрээний 11-р зүйлд Автономит Гадаад Монголын газар нутаг болбоос урьдахь Хүрээ, Ховдын сайд, Улиастайн манж жанжны захиргаанд байсан нутаг хамаарна гэсэн нэлээд бүрхэг заалт оруулахыг зөвшөөрсөн байна, Мөн Монголын хилийг зааглан тогтоох ажлыг 2 жилийн дотор эхлүүлэхээр гурван этгээд хэлэлцэн тохиролцжээ. Дээрх заалт нь 1915–1919 онуудад Тагна Урианхайн талаар Монгол, Хятадын зүгээс явуулсан бодлого, үйл ажиллагааны нэг гол үндэслэл болсон юм. Иймд Монголын засгийн газар гурван этгээдээс тогтоосон гэрээний нутгийн хил хязгаарыг хуваах хүртэл нам гүм байх учрыг зохих газруудад ухуулан тушааж явуулахаас гадна уг хэргийн учир зүйлийг хянан үзэж, урихан аргаар Урианхай нарыг битүүлгээр инагш хандуулах буюу олныг нам гүм байлгаж, хэргийн эцсийг хүлээлгэхийг маш хичээн эрхэмлэвээс зохихыг анхааруулж байв.

Харин Орос улсын хувьд 1915 оны Хиагтын гэрээний 11-р заалтын бүрхэг байдал, тэнд суурьшсан олон орос иргэд болон 1914 онд урианхайн зарим ноёдын хүсэлтийг үндэслэн Урианхайн хязгаарыг ивээлдээ авсан гэдэгтээ дулдуйдан өөрийн нөлөө, хяналтаа улам бэхжүүлэх, алсдаа албан ёсоор нэгтгэн авах гэсэн чиг шугам баримталж байв. 1915 оны сүүлчийн хагасаас эхлэн Тагна Урианхайн дотоод байдал, гадаад орчин ихээхэн хувьсан өөрчлөгдөв. Юуны өмнө 1915 оны Хиагтын гэрээнд Монголын хилийг зааглан тогтоох асуудлыг 2 жилийн дотор эхлүүлэхээр заасан тул Оросын эрх баригчид үүнээс өмнө өөрийн нөлөө байр сууриа Урианхайд бэхжүүлж авахад чиглэсэн арга хэмжээнүүдийг улам бүр хүчтэй явуулж байлаа. Урианхайн хязгаарт орос тариачид нүүлгэн шилжүүлэх ажлыг тусгайлан эрхэлж байсан түшмэл Габаев колончлох бодлогоо улам эрээ цээргүй үргэлжлүүлэв. Габаев өөрийн нутаг дээр байгаа эзэн шиг аашлан Урианхайд суурьшсан орос иргэдийн эзэмшсэн нутаг бүгд Оросынх хэмээн зарлаж, шинээр тариачид суулгах газар нутгийг судлан хэмжээлж,

бүр амбан ноены эдлэн газраас таслан авахаасаа ч санаа зовохгүй байжээ. Габаев болон Урианхайн хязгаарын комиссараар томилогдон ажиллаж байсан Цэрэрин нарын балмад явдал нь ард олны төдийгүй урианхайн ихэс дээдсийн дүргүйцлийг хүргэх болжээ. Амбан ноен Гомбодорж, Хэмчигийн хошууны ноен Буянбадрах нар орос түшмэдийн дур зоргоор явуулж буй үйл ажиллагааны талаар оросын зохих байгууллагуудад гомдол мэдүүлсэн захидал тус тус илгээж байв. Монголын талаас ч эдгээр түшмэлийн үйл ажиллагааг эрс буруушаан тэднийг гэдрэг татан авахыг шаардаж байв. Оросын засаг захиргаа арга буюу тэр хоерыг солиход хүрчээ.

1915 оны зун оросууд Тагна Урианхайд анхны хагас зуут цэрэг оруулж удалгүй мөн оны намар Григорьев тус хязгаарын комиссараар томилогдон ирэв. Тэрбээр ирсэн даруйдаа Урианхайн хязгаарын дотоод зохион байгуулалт, дэг журмыг чангатган цэгцлэж, юуны өмнө Орос улсаас өөр ямар ч улс Урианхайд үйл ажиллагаа явуулж болохгүй, ард иргэдээс нь татвар татах, шүүн таслах ажиллагаа явуулах эрхгүй хэмээн мэдэгдэв. Энэ бол үндсэндээ урианхайн хошуудыг он удаан жил захирсан монгол ноёдын эрх мэдлийг шууд устгана гэсэн үг юм. 1915 оны 12-р сард Урианхайн хязгаарын шүүн таслах хуучин ес журмыг бүрмөсөн халж, оросын хууль дүрмийг түшиглэсэн шинэ журам тогтоов. Ард олны дунд оросын эсрэг үзэл хүчтэй болж, орос ба тува нарын дунд зөрчил маргаан гарах явдал эрс нэмэгдэв.

Тагна Урианхайн дотоод байдал аажмаар хурцдан хойд хөршийн цэрэг улс төрийн оролцоо илэрхий нэмэгдэж ирсэн тул Хиагтын гэрээний заалтуудын хэрэгжилтийг хүлээзнэх аястай байсан Хүрээний засгийн газар арга буюу урианхайн талаарх бодлогоо идэвхижүүлэхэд хүрчээ. Монголын засгийн газар 1916 оны 4-р сарын 26-нд Хүрээнд сууж буй Консул А. Я. Миллерт ноот гардуулж 1913 оны Орос, Хятадын хооронд солилцсон ноот бичгийн 4-р, 1915 оны Хиагтын 3 этгээдийн гэрээний 11-р зүйлд заасны дагуу урианхай нар хуучин ёсоор Монголын захиргаанд байх ёстой бөгөөд Монголын хил хязгаарыг эцэслэн тогтоохоос өмнө тус хязгаар нутгийг ерөнхийлөн захирах түшмэлийг засгийн газраас томилсон бөгөөд дагалдах түшмэл, цэргийн хамт удахгүй Урианхайд очих тухай мэдэгдсэн байв.

Мөн энэ үед амбан ноен Гомбодорж ч Оросуудаас хүсэн хүлээж байсан дэмжлэгээ авч чадаагүйгээр барахгүй орос түшмэлүүдийн шахалт хавчилт, эдэлбэр газарт нь шууд халдах болсон тул оросуудад итгэх итгэл нь алдарч эхэлжээ. Тэрбээр монголыг талархдаг ноёдын

дэмжлэг хүлээж байсан хүү Содномбалжирын үзэл бодлыг дагалдах болжээ. Григорьев монголыг талархах явдал өсөн нэмэгдэж байгаад машинд ундууцан Салчиг, Тож хошууны ноёдыг шоронд хүртэл хийж залхаасны дараа номхон хүлцэнгүй дагах ам өчгийг авч байж сая суллажээ⁴.

Монголын талыг баримтлагч хүү Содномбалжиртаа амбаны тушаалаа өгөхөөр Гомбодорж бэлдэж буйг Григорьев тааварлан мэдэж, түүний оронд оросыг түшиглэх явдлыг улайран хамгаалдагаараа нэрд гарсан Агваандэмчиг баяныг амбанаар томиллов. Тэрбээр байшин барих, сургууль байгуулах зэрэг шинэчлэл хийхийг оролдсон боловч тувагийн ноёд шашин суртал, ес уламжлалд харш хэмээн эсэргүүцэв. 1916 оны өвөл Гомбодорж, Содномбалжир тэргүүтэй Урианхайн ноёд оросуудын хүчээр тогтоосон Агваандэмчигийн засаглалыг унагаах нууц хуйвалдаан сэдсэн боловч илчлэгдэн толгойлогч нар нь Монгол руу зугатан, зарим оролцогч нарыг оросын казак цэргийн тусламжтайгаар баривчлан хэрцгийгээр залхаан цээрлүүлэв. 1916 оны зун Агваандэмчиг Самгалтайн хүрээ орчихоод буцах замдаа буудуулан алагдав. Григорьев уг хэргийг мөрдөн шалгахыг нэг их хичээгээгүй бөгөөд хуучин амбан Гомбодоржийн хүүтэй хурдан хэл амаа ололцон түүнийг Ойнар хошууны буюу амбаны тушаалд томилохоор тохиролцжээ. Урианхайн дотоод нөхцөл байдал хурцдан оросын эсрэг үзэл өсөн нэмэгдэж буйд хаант засгийн газар сэтгэл зовнин жилийн өмнө оруулсан хагас зуут дээрээ дахин тийм тооны цэрэг нэмэн оруулж, Эрхүүгийн захирагч А. И. Пильц 1916 оны 7-сард Урианхайд ирж, нөхцөл байдалтай танилцав⁵.

Ийнхүү казак цэргийн тоогоо нэмэгдүүлж болон өндөр тушаалын орос түшмэл Урианхайд очсон нь хятадын засаг захиргааны анхаарлыг өөрийн эрхгүй татаж хятадууд 1916 оны дунд үеэс Урианхайн хязгаарын асуудлыг ихэд анхаарах болжээ. 1916 оны 5-р сарын 18-нд Улиастайд сууж байсан түшмэл Чэн И Урианхайн Хэмчиг хошуунаас оросын засаг захиргаанд дургүйцэн байгаа тухайгаа тэндээс нууцаар ирсэн бие төлөөлөгч Жамбаа мэдэгдсэн тухай мэдээлж урианхайн асуудлыг хамгийн түрүүнд сөхөн тавьжээ. Мөнхүү Жамбаа нь монголчуудын зүгээс харьяандаа оруулах талаар шахаж шаардсан тухай өгүүлсэн байна⁶. Үүнээс гад-

на Урианхайд хятад худалдаачдын байшин сав, эд бараа бага бус байгаа болон өр авлага 1 сая гаруй болсон байв. Монголын эрх баригчдын зүгээс урианхайн асуудлаар оросуудтай хэл амаа ололцоход бэрхтэй болсон тул өмнөд хөршөөсөө тусламж дэмжлэг авах гэсэн хандлага ч цухалзах болов. Энэ бүх нөхцөл байдлыг харгалзан Хятадын засгийн газар 1916 оны 5-р сарын 26-нд Хүрээнд сууж буй төлөөний түшмэл Чэн Луд Автономит Монгол улсын засгийн газартай яриа хэлэлцээ хийхийг албан ёсоор даалгасан ажээ⁷.

1916 оны 8-р сард Хүрээнд сууж байсан төлөөлөгч Чэн Лу урианхайн асуудлаар монголчуудтай хэлэлцээр хийж, Урианхай руу 50 цэрэг бүхий түшмэл илгээх үед дамжин өнгөрөх зөвшөөрөл олгохыг хүсчээ. Монголын Засгийн газар энэ саналыг зөвшөөрөхийн сацуу өөрийн зүгээс мөн монгол түшмэл явуулах болсноо мэдэгдэв. Оросын засгийн газар Урианхайн хязгаарын асуудлаар эрс хатуу байр суурь эзэлж байсан тул Монголын засгийн газар энэ асуудлыг өөрийн хүчээр ямар ч үр дүнд хүрэхгүйг сайтар ойлгож байв. Иймд Монголын Засгийн газар 1915 оны гэрээний дагуу Урианхайн хязгаарыг өөртөө эгүүлэн авахын тулд хятадуудын хүч нөлөөг ашиглах үүднээс Урианхайд уялдан зохицуулсан бодлого явуулахаар хятадуудтай тохиролцоход хүрсэн байна. Нөгөө талаар Хүрээнд сууж байсан Оросын ерөнхий консул Миллер энэ үед өвчний улмаас нутаг буцсан байсан нь Монгол, Хятадын хэлэлцээ амжилттай болоход зохих ёсоор нөлөөлсөн ажээ. 1917 онд Орос оронд гарсан хувьсгалууд Урианхайн хязгаарын дотоод гадаад байдлыг эрс өөрчлөхөд хүргэв. Хоёрдугаар сарын хувьсгалын үр дүнд тогтсон Оросын түр засгийн газар Урианхайн асуудлаар хаант засгийн бодлогыг шууд үргэлжлүүлэн явуулахаа ил тод мэдэгдэн А. Турчаниновыг Урианхайн комиссараар томилон ирүүлжээ. Эрхүү мужийн амбан захирагч А. И. Пильц Урианхайд хятад, монголын түшмэлүүд цэргийн хамт нэвтрэн ирвэл тэднийг баривчлах хэрэгтэй» хэмээн үзэж байв. Оросын ГЯЯ түүний эрс хатуу байр суурийг дэмжин Бээжинд суугаа Н. А. Кудашевт хандан Хятадын ГЯЯ сайдтай уулзан, Урианхайн асуудлаарх Хятадын байр суурийг тодруулахыг даалгажээ. Гэвч Оросын дипломат «Урианхайн асуудлаарх бидний үндэслэл тийм ч найдвартай бус бөгөөд харин бодит байдал дээр бид Урианхайд юу хүссэнээ хийж болох тул» энэ асуудлаар Хятадын за-

⁴ История Тувы. Т. I. С. 370.

⁵ Белов Е. А. Россия и Монголия. М., 1999. С. 156.

⁶ Хятад, Монгол хамтран Урианхайг эргүүлэн авсан нь/Ли Юйшу. Гадаад Монголын автономийг устгасан асуудал, Тайбэй, 1966 (хятад хэл дээр). х-86–87.

⁷ Хятад, Монгол хамтран Урианхайг эргүүлэн авсан нь/Ли Юйшу. Гадаад Монголын автономийг устгасан асуудал, Тайбэй, 1966 (хятад хэл дээр). х-89.

сгийн газартай хэлэлцээ хийх хэрэггүй хэмээн үзэж байв⁸.

1917 оны 1-р сард Петроградд суугаа хятадын элчин төлөөлөгч Лю Зиньрэнь Оросын ГЯЯ сайд Н. Н. Покровскийд хандан Улиастайд суугаа түшмэл Чэн И-ийн эрх мэдлийн хүрээнд Урианхайн хязгаарыг хамааруулах хүсэлт тавьсан боловч Урианхай нь Гадаад Монголын бүрэлдэхүүнд ордоггүй, тэнд монголын засаг захиргаа байхгүй тул уг саналыг хүлээж авах боломжгүй гэсэн хариу авчээ⁹.

1917 оны 4-р сарын эхээр Оросын Түр засгийн газраас гаргасан Тунхаглалыг консул А. А. Орлов Монголын Засгийн газарт гардуулан өгчээ. Уг тунхаглалд эрх чөлөөт Орос улсын гол зорилго нь бусад ард түмнийг дарлах, үндэсний баялаг болон газар нутгийг булаан авах бус, үндэстний өөртөө засан тохинох эрхийн үндсэн дээр бат бэх энх тайван тогтоох явдал хэмээн дурдсан нь Монголын Засгийн Газарт Урианхайн асуудлыг сөхөн тавих аятай боломж олдсон юм. 1917 оны 4-р сарын 17-нд Монголын Гадаад Яамны сайд оросын талд ноот бичиг гардуулан Урианхай нарын Орос, Хятадын гэрээнүүд Хиагтын гурван этгээдийн гэрээний 11-р заалтыг үндэслэн Урианхай хязгаарыг Монгол улсын нутаг дэвсгэрт оруулахад үл татгалзана хэмээн найдаж буйгаа илэрхийлжээ. Гэвч Оросын Гадаад Яамны сайд Терешенко-гоос Орловт явуулсан заавартаа, Оросын Засгийн газар Хиагтын гэрээний 11-р заалтыг тайлбарлах гэсэн оролдлогыг, тэр тусмаа Хятадын засгийн газар өөрийн эрхээ нотолж чадаагүй атал, монголчууд Урианхай хязгаарт өнгөлзөх үндэслэл болгохыг огтхон ч зөвшөөрч болохгүй гэжээ.

Гэвч Бээжин ч, Хүрээ ч энэ байр суурийг үл хүлээн зөвшөөрч, өөр өөрсдийн чиглэлээр бодлого үйл ажиллагаагаа идэвхижүүлж эхлэв. Хятад, Монголын зүгээс Урианхайн талаархи бодлого идэвхижихэд урианхайн хошуудаас Хятад, Монголд дагаар орох хүсэлт олноор ирэх болсон нь зохих хэмжээгээр нөлөөлөв. 1917 оны зун Хэмчигийн Даа-хошууны захирагч Буянбадрахын даалгавраар лам Дагданай Улиастайд ирж хятад түшмэлүүдтэй Да хошуу Хятадад дагаар орох асуудлыг хэлэлцжээ. Энэ үед Тожин хошууны ноён Тогмид, 1918 оны эхээр Салчиг хошууны хэсэг ноёд, лам нар Богд хааны шавьд орох хүсэлтээ гаргаад байлаа.

1918 оны 3-р сард нутгийн большевикууд ядуу орос тариачдыг түшиглэн Урианхайн хязга-

арт ажилчин, тариачны төлөөлөгчдөөс бүрдсэн хязгаарын зөвлөл хэмээх зөвлөлт засгийг тогтоож, улаан гвардийн отрядуудыг зохион байгуулав. Чухамхүү энэ үеэс эхлэн нүүдэллэж ирсэн орос иргэд Урианхайн хязгаарын улс төрийн амьдралд чухал үүрэг гүйцэтгэж эхэлсэн юм. Мөн оны 6-р сарын 18-нд орос болон нутгийн иргэдийн төлөөлөгчдийн хамтарсан хурлаас урианхайн ард түмэн өөртөө засан тохинох эрхтэй хэмээн зарлан мэдэгдэж, большевикууд Цэрэриний үед хураан авсан хошууны тамгуудыг хошуу захирагчдад буцаан олгов. Гэвч сарын дараа цагаантнууд Урианхайг дахин эзлэн авч, Омскийн засгийн газрын төлөөлөгч Я. И. Мальцев Урианхайд Оросын ивээлийг сэргээн тогтоосныг зарлан мэдэгдэв. Ийнхүү 1918 оны сүүлийн хагасаас эхлэн Тагна Урианхайн байдал ихээхэн төвөгтэй, тогтворгүй болж ирэв. Түүнчлэн цагаантныг мөрдөн хөөсөн улаантнууд тэдэнтэй байлдсаны улмаас нутгийн ард түмэн ихээхэн хэлмэгдэж байсан тул Богдын засгийн газраас тусламж хүсчээ. Монгол Улсын засгийн газар энэ бүхнийг зохицуулах үүднээс Тагна Урианхайн асуудлыг зохицуулахаар Сайн ноён хан аймгийн итгэмжит бэйс Цогт-Очирыг сайдаар, мөн аймгийн Чин сүжигт Номун хан гэгээн Цэдэнбалжирыг туслах сайд, гүн Дашравданг цэргийн жанжнаар томилон явуулжээ. Тэд 1918 оны зуны адаг сард Тагна Урианхайн өмнө талын Соед сумын нутагт хүрсэн боловч цааш урагш давшиж чадалгүй тэндээ хэдэн сарыг өнгөрүүлжээ. Хэмчиг Урианхайн хошууны эрхийг Дагдан Хамба, Дагдан да лам нар барьж байсан ба да лам Хятадаас тусламж гуйсанд Ховдоос 30 хятад цэрэг нэг даргын хамт иржээ. Өвөл болоход монгол, хятад хоер хэлэлцээд монголоос 13 цэрэг даргын хамт томилон гаргаж хятад цэргүүдийн хамт явуулж, Номун хан Дүүрэгч вангийн нутаг дахь Гандан хүрээнд шавилан сууж хүлээсэн байна. Хятад, монгол цэрэг чинагш явж Хэм голын бэлчир хүрээд тус тусдаа бууж хоносон шөнө нь цагаан оросууд монгол цэргийг бүслэн хядаж дарга Ринчин нэг цэргийн хамт зугадан амь гарч, хятад цэргүүд буцсан байна¹⁰. Номун хан, Цогт Очиртой санал зөрөлдсөнөөс болж бие өвчтэй гэдгээр шалтгаалан чөлөө мэдүүлж нутаг буцсан ажээ.

Хятадын засгийн газар ч Тагна Урианхайн талаар явуулах бодлогоо улам идэвхижүүлэн Монгол дахь төлөөний сайд Чэнь Лугийн тамгын газрын даргаар ажиллаж байсан, Петер-

⁸ Белов Е. А. Россия и Монголия. С. 156.

⁹ Хятад-Оросын харилцааны баримтын эмхэтгэл, Гадаад Монгол (1917–1919). Тайбэй, 1982. х-12.

¹⁰ The Diluv Khutagt. Memors and Autobiography of a Mongol Buddhist Reincarnation in Religion and Revolution by O. Lattimore and F. Isono // ASIATISCHE FORSCHUNGEN, Band-74. P. 29–30.

бургийн хуулийн анги төгссөн, орос хэл сайн мэдэх Ян Шичаог 1918 оны 6-р сард Урианхай руу хятадын засаг захиргааг байгуулахаар илгээв. Зөвлөлт засаг унасны дараа Белоцарск (Кызыл) хотноо Сибирийн түр засгийн газраас томилогдсон А. Турчанинов дахин томилогдон ирж, орос засаг захиргааг бэхжүүлэх арга хэмжээ авч, орос иргэдийн дундаас зэвсэгт отряд зохион байгуулан Монголын хил дагуу харуул хамгаалалт тавьжээ.

1918 оны 10-р сард Ян Шичао болон Цогт-Очир нар дагалдах түшмэл цэргүүдийн хамт Улаангомд хүрэлцэн ирж, Урианхайд орох бэлтгэлээ базааж байв¹¹. Ховд дахь оросын консул А. П. Хионин үүнийг монгол-хятадууд урианхайн талаар хамтран ажиллах талаар байгуулсан нууц хэлэлцээгээ хэрэгжүүлж эхлэв хэмээн дүгнэж байв¹². 1919 оны эхээр Хятадын засгийн газар Ян Шичаог Урианхайн хэргийг эрхлэх комиссараар баталсны дараа Урианхайд хяналтаа тогтоох бэлтгэлээ улам идэвхижүүлэв. Итгэмжит бэйс Цогт-Очир бүр 1918 оны 12-р сард Самгалтайд ирж байрласан бөгөөд 1919 оны 2-р сард энд монгол-урианхай-хятадын төлөөлөгчид нууц зөвлөлгөөн хийж, монгол-хятадын цэргийн отряд орос цэргийн харуулыг даван орж ирэх, урианхай нар бослого гаргах, агт уналга бэлтгэхээр тохиролцжээ. Энэ үеэс урианхай нар оросын засаг захиргааг дагах, тушаал зааврыг биелүүлэхгүй болсон байна¹³.

1919 оны 3-р сард 60 монгол, 26 хятад, 40 урианхай цэргээс бүрдсэн нэгдсэн отряд Хэмчигийн Чадан ойртон очиход оросын казакууд гал нээн уг отрядыг ухрахад хүргэжээ. Тулалдааны үеэр олзлогдсон хятад, монгол цэргүүдийг суллан явуулж, 11 урианхай нарыг буудан алсан байна. Хятад-монголын отряд тулалдаанд ялагдсаны дараа Улаангом руу буцаж, Монголын засгийн газар Хүрээ дэх Оросын консул Орловт Хиагтын гэрээний дагуу Урианхайд орсон монгол-хятад цэргийн эсрэг хүч хэрэглэсэн явдлыг эрс буруушаан, буруутай этгээдийг гэсгээн цээрлүүлэхийг шаардсан ноот бичиг гардуулав. Итгэмжит бэйс Цогт-Очир засгийн газраас өгсөн чухал үүргийг биелүүлээгүй тул түүний оронд Хатанбаатар С. Магсаржавыг Тагна Урианхайг тохинуулах сайд, жанжинг хавсруулан томилохын зэрэгцээ Дилов хутагт Жамсранжавыг дэд сайд, Дашравдан гүнг цэргийн туслах сайдаар тус тус томилсон байна. Магсаржав нутгаасаа гарахдаа 50–60 орчим хүнийг цэ-

рэгтээ элсүүлэн аравт болгон зохион байгуулж бусад цэргийг зам зуураасаа буюу Урианхайн нутгаас элсүүлж, Хэмийн бэлчирт ойр орших Шуурмагтай хэмээх газар буудаллажээ. Дилов хутагт мөн даруй мордож, Улиастай ба Цогтой вангийн хүрээгээр дайрч Урианхай нутгийн Тарлагчин хэмээх газар ирж буужээ. Дилов хутагтыг энд ирэхэд Хатанбаатар ван хойд хязгаар их самуунтай байгаа тул Халхын нутгийн хойд захад үймээний хөлөөс зайдуу суулгах шийдвэр гаргаж, бие хамгаалах 11 хүнийг томилж Ачит вангийн нутагт суулган, Хатанбаатар, Дилов хутагт нар хоорондоо дөрвөн хөнгөн өртөө зохион байгуулж харилцаж эхэлсэн байна¹⁴.

1919 оны дундуур Урианхайд бараг гурван засаглал: монгол-хятадын, Омскийн засгийн газар, зөвлөлт засгийн төлөөлөгч, цэргүүд хяналтаа тогтоохыг оролдож байв. Х. Магсаржавын удирдсан 300 гаруй хүнтэй отряд Белоцарскийн ойролцоо байрлаж цагийн байдлыг харзсан байлдааны идэвхитэй ажиллагаа явуулахгүй нутгийн ард олны илбэн тохинуулах ажлыг гол төлөв эрхэлж байв. Хятадын цэргийн отряд Хэмчигийн Чадан, Шагонар зэрэг газруудад байрлаж байв. Хэдийгээр Омскийн засгийн газраас байр суурь бэхжиж нэмэлт хүч очтол хятад-монголын цэрэгтэй мөргөлдөхөөс зайлсхийн, гагцхүү орос иргэдийн амь нас эд хөрөнгийг хамгаалах заавар өгч байсан боловч Урианхайн комиссар А. Турчанинов тэдний эсрэг хүч хэрэглэснээс ихээхэн хүнд байдалд орсон юм. Иймд ерөнхий командлагч А. В. Колчакийн тушаалаар Урианхайн комиссар А. Турчаниновыг албан тушаалаас нь чөлөөлж, түүний оронд Урианхайн хязгаарыг Оросын ивээлд оруулахад урьд ихээхэн зүйл хийсэн, тус хязгаарыг гаргун сайн мэдэх чөлөөнд гарсан хошууч генерал В. Л. Поповыг томилж, Белоцарск руу морин ба явган цэргийн нэмэлт ангиудыг хөдөлгөжээ. Гэвч энэ үед А. Д. Кравченко, П. Е. Щетинкин нарын удирдсан 3000 хүнтэй партизаны арми колчакийн давуу хүчинд түрэгдэн Урианхайд орж ирэн Белоцарскийг эзлэн авав.

Монголын засгийн газар Урианхайн хязгаараас бүх орос цэргүүдийг гаргахыг чармайж байлаа. 1919 оны 6-р сарын 10-нд Монголын ГЯЯ-ны сайд Цэрэндоржоос Хүрээнд сууж байсан Консул Орловт өгсөн нэгэн ноотонд, Аль намд харъяалагдсан нь үл харгалзан бүх орос цэргүүд монголчуудын зөвшөөрөлгүй Урианхайн хязгаарын нутаг дэвсгэрт нэвтрэн орох эрхгүй хэмээн цохон дурьджээ¹⁵. Ийм байр су-

¹¹ Фан Минфань, Тагна Урианхай, Тайвань: Юнхэ хот, 1996 (хятад хэл дээр).

¹² Белов Е. А. Россия и Монголия. С. 162.

¹³ Мөн тэнд.

¹⁴ Даваасүрэн Б., Мягмарсамбуу Г. Ардын Хатанбаатар С. Магсаржав. УБ., 1998. х-118.

¹⁵ Белов Е. А. Россия и Монголия. С. 166.

урь Х. Магсаржавын үйл ажиллагаанд ч мөн ажиглагдаж байв. 1919 оны дундуур Х. Магсаржав Хятадаас Тагна Урианхайд сууж хэрэг шийтгэгч тусгай түшмэл Ян Шичаод явуулсан нэгэн захидалдаа, Урианхайгаас улаан намын оросуудыг харьяат хязгаараас үлдэн зайлуулахад хоер талын талын хүчийг нэгтгэх талаар санал дэвшүүлжээ. Харин Ян Шичао Х. Магсаржавт ирүүлсэн хариундаа, улаан намын сүр хүчин одоогоор их байгаа, өөрийн цэргийн тоо хэтэрхий цөөн тул 2 хүчин шахамдан улаан оросыг үлдэн хөөхөд үл чадахын сацуу бас нэг илүү дайсан нэмэгдүүлмүй. Гагцхүү улаан намын сүр хүчин буурай болохыг хүлээнэн, хэрхэвч манай этгээд тэд нарыг сөнөөх бодлого санаатайг улаан намд үл мэдүүлбээс зохимой. Жич цагаан намын орос цэрэг лүгээ далдуур чимээ нэвтрэлцэн эвсэлдэн найрамдаж улаан нам хэмээх хорлолыг арилгах бөгөөд сүүлд Урианхайн хэргийг найртай түвшнээр тайлбарлан таслахад хялбар болой гэжээ¹⁶. Мөн энэ үед Х. Магсаржавын эртний танил А. В. Бурдуковоос ирсэн захидалд, Кравченко, Щетинкиний эсрэг тэмцэж ер болохгүй. Харин тэдэнтэй нөхөрсөг сайн холбоо тогтоон цагаантан ба хятадуудын эсрэг байлдах нь Монгол улсын эрх ашигт нийцэх болно гэж ятгасан байлаа¹⁷. Х. Магсаржав ийм эгзэгтэй нөхцөлд цагийн байдлыг тунгаан үнэлсний эцэст Улаан цэрэгтэй найрсаг хэлхээ холбоо тогтоов. 1919 оны намар Тагна Урианхай дахь цагаантнуудыг хөөн зайлуулсны дараа Х. Магсаржав арван хүнийг дагуулан Улаан цэргийн командлалын урилгаар тэдний штабт зочилсон бөгөөд орос цэргийн удирдлага түүнийг ихэд хүндэтгэн угтжээ. Улаан цэргийн удирдлага түүнд нэг тоомсог тэрэг, 20-иод тооны бөгтөр хараат винтов буу бүрэн сумтай бэлэг болгож өгчээ.

Магсаржав, Жамсранжав нараас хязгаар орныг батлан хамгаалж, албат ардыг тохинуулсан талаар Олноо өргөгдсөний 9-р оны 7-р сарын 8-нд Богд хаанд өргөн толилуулсан айлтгалд, Урианхайн бүгдийн дарга нар түшмэдийг зарлан авч, ятган ухуулж, Богд эзний сүр дор багтаан оруулж өөр өөрийн дуртай зарагдах газар газрыг тодорхойлон хүссэн батлах бичгийг гаргуулан авч нэгэнтээ тохинуулсан болой. Харьяат Тагна Урианхайн нутаг орон бол... хязгаар уудам их, уул мод, ус мөрөн сүлжилдсэн сахих сэргийлэхэд бэрх хэцүү газар мөн, эдүгээгийн дайчлан суулгасан цэргийн тоо цөөн болохын дээр мөн энэ завсар улаан намын орос хэмээ

эх үлэмжхэн тооны зэвсэг бүхий түшмэл цэрэг давшин ирж Хэмийн бэлчирт суусан, дараагаар мөн Цагаан оросын маш олон түшмэл цэрэг цөм илд хурц зэвсэгтэй ирж Туран хотод суусан хэрд тус бүр найрлыг халж, хориглон зогсоолгуулж, тухай бүр учрыг гаргаж Засгийн газартаа цахилгаан мэдээгээр нэвтлэн сонсгосоор байсан билээ. Гэтэл энэ 6-р сарын 20-нд цагааны этгээд инагш давшиж, хэн алинд боловч байлдомой хэмээн хэлж ирэн улааны этгээдтэй шууд дайралдаж, өөрсдөө дийлдэн сөнөж, зэвсгээ бүрэн булаалган хураалгажээ. Энэ хэр улаан намын оросын зэвсэг хүчин улмаар нэмэгдэж буй боловч тэд дор гэдрэг буцаахыг шамдан хэлсээр бүхий дор даруй буцмой хэмээн зөвшөөрөх боловч энд байсан орос цөм манай намд нийлэв. Эднийг хуучин хэвээр нутаглуулмой хэмээснийг эрхгүй хойш Хэмийн чанад Уюг, Туран, Усин зэрэг газраа шилжин одож нутаглуулав зэрэг явдлыг сар, өдөр хугацаж хэлэлцэн буй бөгөөд байдал төлөв иймд зүй нь цэргийн сүрийг нэмэгдүүлэн хэргийн төлөвийг тогтоовос зохих, үүнд шавь боолчуудын газраас Урианхайн олон хошуу сумаас бүгд цэрэг 137, захирал түшмэл 3 томилон дайчлан авч харьяат цэргийн хорооны тоот цэрэг болгон нийлүүлэн суулгаж, басхүү тус тусын нутгийн зах хязгаарын чухал боомт газруудыг сэргийлүүлж, олтгойдон осолдоход хүргүүлэхгүй болгохыг болгоомжлон хянаж, ийнхүү тухайг үзэж, цагийг дагаж зүй зохисоор шийтгэсэн явдлыг Засгийн газартаа үүгээр тодорхойлон мэдүүлэв гэжээ¹⁸. Монгол Улсын засгийн газар Тагна Урианхайн хязгаарт С. Магсаржавын гүйцэтгэсэн үүргийг өндрөөр үнэлсэн бөгөөд харьяат сайд Хатанбаатар ван Магсаржав тушаалын хэрэгт онц чармайн зүтгэж, дайсныг сөнөөн олны саналыг дагуулан урианхай нарыг тохинуулж, цэргийн тухай чухал хэргийг бүтээн чадсан нь үнэхээр сайшаалтай учир Богд эзний зарлигаар Магсаржавт улбар шар жолоо шагнажээ.

1919 оны намрын сүүлчээр А. Д. Кравченко, П. Е. Щетинкин нарын удирдсан партизаныуд 5-р Улаан армитай нийлэхээр Урианхайн хязгаарыг орхин гарсны дараа улаан цэрэгт бутцохиулсан колчакийн армийн үлдэгдэл цагаан гвардийн отрядууд тус хязгаарт цөмрөн орж ирснээр байдал дахин хурцдав. Тэд хятадын цэргийн отрядуудтай хамтран зөвлөлт засгийн эсрэг тэмцэл явуулж байв. 1919 оны 11-р сард хятадын цэргийн эрхтнүүд Монголын автономийг устгасан тухай мэдээ ирмэгц Тагна Урианхайд сууж байсан тохинуулах сайд Х. Магсаржав тамга хэргийг өөр хүнд шилжүүлэн

¹⁶ Үндэсний төв архив. А-140. хн-54. х-4.

¹⁷ Бурдуков А. В. Хуучин ба шинэ Монголд. УБ., 1987. х-164.

¹⁸ Үндэсний төв архив. А-140. Д-1. хн-4.

орхиж, 1919 оны өвлийн дунд сарын 10-даар Нийслэл Хүрээнд буцаж иржээ. Оросын түүхч Е. А. Белов Россия и Монголия номондоо Хүрээний засгийн газар цэрэг-дипломатын хүч анхаарлаа өөрийн автономиио хамгаалах хэрэгт төвлөрүүлэхийн оронд 1918–1919 онд Урианхайн хязгаарт монгол-хятадын засаглал тогтоохыг зөвшөөрснөөр стратегийн илэрхий алдаа гаргаж, хүч чадлаа сарниулан Хятадад Гадаад Монголыг эзлэх авах аятай боломж бүрдүүлж өгсөн хэмээн дүгнэн бичжээ¹⁹. Энэ дүгнэлт хэдийгээр тухайн үеийн нөхцөл байдлыг нэлээд бодитойгоор авч үзсэн, Монголын автономийг устгасан хэрэг явдалд нөлөөлсөн олон хүчин зүйлийн нэгийг тодотгож өгсөн боловч Монголын автономийг устгахад нөлөөлсөн гол хүчин зүйл бол Монголын дотоод нөхцөл байдлаас илүү гадаад орчин, ялангуяа Монголын гадаад түшиг тулгуур Орос улсын дотоод байдал тогтворгүй болж, гадны тусламж дэмжлэг авч чадахгүй болсон явдал юм.

1920 оны 5-р сард Енисейн мужийн хувьсгалт хорооноос ирсэн комиссар А. И. Кашников, хятадын түшмэл Ян Шичао, Монголын засгийн газраас Х. Магсаржавын оронд томилогдсон сайд Жамсран бэйс нар хэлэлцээ хийж, урианхайчууд өөрсдөө хувь заяагаа шийдвэрлэх нөхцөл бүрдүүлэх, хамгийн гол нь Урианхайг ЗОУ-ын эсрэг тэмцэлд түшиц газар болгон ашиглуулахгүй байх, орос иргэдийн эрх ашгийг хамгаалахын тулд төвийг сахисан бүс болгоход чиглэсэн дэг журам тогтоох, худалдаа наймааг зохицуулах зэрэг тодорхой санал тавьжтохиролцсон байна. Гэвч цагаантны цэргийн цөмрөлт гэх мэт хүчин зүйлийн улмаас уг тохиролцоо хэрэгжээгүй. Үүний дараа удалгүй 1920 оны 7-р сард монгол цэргийн отряд Урианхайг орхин гарав. Харин 1921 оны эхээр улаан армийн ангиуд, нутгийн партизаныудтай хүч хавсран цагаангвардийн отряд болон хятадын цэргийг Урианхайн хязгаарыг шахан гаргаж өөрсдийн бүрэн хяналтаа тогтоосон юм.

Товч дүгнэлт

Өгүүлэн буй сэдэв бол Монголын түүх судлалд бас нэг цагаан толбо буюу төдийлөн судлагдаагүй байсан асуудал юм. Энэ нь 1980 оны дунд үе хүртэл улс төрийн учир шалтгааны улмаас, тодруулбал монгол-хятадтай хамтран

оросын бодлогыг сөрж байсан тухай түүхэн бодит байдлыг судлах, гарган тавих боломж хязгаарлагдмал байсан. Одоо ардчилал, шинэчлэлийн үр дүнд хэвлэн нийтлэх эрх бодит байдал болсны ачаар иймэрхүү хориг хязгаар арилсан юм. Урианхайн асуудлыг судалснаар Богдын Засгийн газар хэр зэрэг бие даасан бодлого явуулж байсан, тэдний эрх мэдлийн хүрээ хязгаар ямар түвшинд байсныг тодруулахад бас нэг хувь нэмэр болох юм.

Өнөөгийн өндөрлөгөөс харахад тухайн үеийн Монголын эрх баригчид–Хүрээний засгийн газар улс орныхоо дотоод байдал, гадаад орчин нөхцөл байдлаа зөв үнэлэн, хоер их хөршийнхөө дотоод байдал, гадаад бодлогын өөрчлөлтийг соргог мэдрэн, өөрийн бодлого үйл ажиллагаагаа өөрийнхөө хүч боломжийн хэмжээнд уялдуулан зохицуулж ирсэн байдал харагдаж байна. Монголын засгийн газар Тагна Урианхай буюу Тагна Тувагийн талаар явуулсан бодлогодоо шашин шүтлэг нэгтэй байсан давуу талаа чадмаг ашиглаж байлаа. Шарын шашныг түгээн дэлгэрүүлж сүсэгтэн олныг эээр татах зорилгоор Хүрээний засгийн газар тохинуулах сайдын хамт шашны нөлөө бүхий зүтгэлтнүүдийг Тагна Урианхай руу илгээж байсан хэрэг явдалд ихээхэн нааштай үүрэг гүйцэтгэж байлаа.

1915–1919 онуудад Тагна-Урианхайн талаар Монголын зүгээс явуулсан бодлого, үйл ажиллагаа нь тэр үед Монгол улс хэдийгээр автономит буюу өөртөө засан тохинох статустай байсан боловч хэрэг дээрээ бие даасан улсын хэмжээнд хоер хөрштэйгээ харилцан байсныг архивын баримтууд нотолж байна.

Дундад Иргэн улсын зүгээс явуулж байсан бодлого үйл ажиллагааны нэг онцлог бол эдийн засгийн ашиг сонирхол, тухайлбал өөрсдийн худалдаачдын эрх ашгаа хамгаалах явдал нэлээд чухал зорилго байлаа. Мөн түүнчлэн Тагна Урианхайг Оросын нөлөө, цэрэг улс төрийн халдлагаас хамгаалах, буцааж авах талаар Монголтой хамтарч байсан боловч урианхайг монголчуудтай шууд нийлэх асуудлыг төдийлөн дэмжихгүй, тусгаар байдлыг хадгалахыг эрмэлзэж байсан байдал харагдаж байна. Цаашид өгүүлэн буй сэдвээр ялангуяа 1917–1919 онуудад Монголын зүгээс Тагна-Урианхайг буцаан авах талаар явуулсан бодлого, үйл ажиллагаатай холбогдсон монгол, хятад, орос хэл дээрх архивын баримтуудыг нягтлан судалбаас уг асуудал улам бүр тодрох нь дамжиггүй.

¹⁹ Белов Е. А. Россия и Монголия. С. 189–190.

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И МОНГОЛИИ В УСИНСКО-УРЯНХАЙСКОМ КРАЕ, 1918–1920*

Сами русско-монгольские отношения явились важнейшим фактором, оказавшим большое влияние на ход гражданской войны.

Впервые общий ход событий русско-монгольских отношений в Усинско-Урянхайском крае во время гражданской войны был восстановлен в ходе уголовного расследования деятельности красных партизанских командиров П. Е. Щетинкина и А. Д. Кравченко, в Красноярске весной 1920 г. В одном из документов из «Дела Щетинкина и Кравченко», названном «Урянхайский вопрос», говорилось: «Весной 1919 года чиновник Монгольского правительства Хатон-Батор Тархан-Ван с отрядом монголов прибыл в Урянхай — для переговоров с колчаковскими чиновниками о том, кому принадлежит Урянхай. И вообще договорится — кому что принадлежит и разграничить сферу того или иного влияния. Переваливши через хребет Танну-Ола, монголы встретили вооруженное сопротивление со стороны колчаковских отрядов. Прогнавши казаков, монголы в воззвании своем заявили как правительственным учреждениям Урянхая, так и населению, что цель их прихода — мирная цель и, что нападение они рассматривают, как недоразумение или же злонамеренную цель непонимающих государственных интересов людей. Но предначеченное ими совещание не состоялось вследствие того, что наша крестьянская армия... вошла в город Белоцарск...»¹.

С первых дней гражданской войны в России Монголия оказалась причастной к событиям в Засаянском крае. В 1918 г. из Тувы на юг уходили лидеры и политические силы, потерпевшие поражение в вооруженном противостоянии в регионе. Известный местный лидер М. Г. Сафьянов писал: «Один из тувинских общественных деятелей — Чергалан-Хелин пытался организовать среди тувинцев движение против русских империалистов, но сам вынужден был бежать в Монголию... Минусинский совет, наконец, получил возможность снарядить туда военную экспедицию... Во главе экспедиции

были поставлены Иннокентий Сафьянов, Крюков и Терентьев. Экспедиция благополучно добралась до Белоцарска. Но воевать с казаками ей не пришлось, так как те, почуяв хорошо вооруженного противника, ретировались через Монголию в Верхне-Удинск...»².

К началу 1919 г. в Оюннарский хошун пришел монгольский отряд во главе с назначенным монгольским правительством комиссаром Тувы князем Итэгэмиджиту. В феврале 1919 г. в Самагалтае состоялось тайное совещание монгольских представителей с тувинскими чиновниками, возглавляемыми амбын-нойоном Соднам-Балчыром. На совещании были разработаны мероприятия по вводу монгольских войск в район Хемчика (Кемчика)³. В марте 1919 г. китайско-монгольско-урянхайский военный отряд был разбит в районе Чаадана и отступил в Монголию — в Улангом. Часть захваченных казаками монголов были отпущены, а десять монголов вместе с одним китайцем в качестве военнопленных были привезены в минусинскую тюрьму. В местной печати в начале июня 1919 г. сообщалось: «С первого марта нами взято в плен 1 китаец, 13 монголов и 30 урянхов повстанцев»⁴.

Монгольский отряд из Самагалтая в весенних боях в районе Хемчика участия, вероятно, не принимал. Однако русское общественное мнение напрямую связывало происходившие в Туве события с вводом монгольских войск. Газета «Минусинский край» летом 1919 г. утверждала: «Затяжная история вторжения в Урянхай отрядов монголов и захребтинских сойотов, вторжения, цели которого, кажется, и до сих пор официально и исчерпывающе невыяснены, привела к июню месяцу к восстанию туземцев края в Кемчикском районе»⁵.

В газете «Минусинский Край» за 13 июня (31 мая) 1919 г. была напечатана «Корреспонденция. Урянхай». В публикации говорилось:

² Сафьянов М. Танну-Тува в годы революции // Северная Азия. 1929. № 2. С. 59.

³ История Тувы. Новосибирск, 2007. Т. 2. С. 91.

⁴ Минусинский Край. 1919. 13 июня (31 мая).

⁵ Там же. 24 (11) июля.

¹ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-64. Оп. 1. Д. 640. Л. 1–7.

* Печ. по Дацышен В. Г. Русско-монгольские отношения в Усинско-Урянхайском крае в годы гражданской войны и иностранной интервенции (1918–1920) // Россия и Монголия на рубеже XIX–XX веков: экономика, дипломатия, культура : сб. науч. тр. Улан-Батор ; Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2013. 402 с. С. 192–207.

«Только что мы немного начали успокаиваться по уходе китайских и монгольских шаек с границы в Уланком, как новая беда тревожит жителей Урянхая. Получено официальное сообщение о восстании захребтинских урянхов против наших казаков и дружинников, находящихся на передовых постах по границе Урянхая... По окончании этой стычки урянхи ушли в сторону Убса со своими семьями, имея в передовом отряде 50 человек, расположились они в 30 верстах от границы Урянхая к югу... По имеющимся сведениям, в скором времени у захребтинских повстанцев будет съезд... Съезд предполагается сделать близ Уланкома. Наши пленные, взятые монголо-китайскими шайками в количестве 5 человек, находятся в Уланкоме закованные в кандалы»⁶.

Летом 1919 г. иностранные отряды вновь появились в Туве, и колчаковское правительство потребовало от своих представителей в Урянхае проводить политику нейтралитета по отношению к Китаю и Монголии, не вступать в вооруженные конфликты. Правда, местные русские власти эти указания не выполнили. В исторической литературе говорится: «Крупное сражение между китайско-монгольско-урянхайским отрядом и белогвардейцами произошло 6 июля 1919 г., когда казачья сотня и добровольческие дружины русских поселенцев потерпели поражение, и в бою погиб начальник крестьянских дружин хорунжий Делибалт... 10 июля 1919 г. Цэрэндоржи в ноте на имя А. А. Орлова снова обвинил русских солдат в нападении на китайцев и монголов и предложил предать виновных смешанному суду... он сообщил российскому представителю: "Русские солдаты, безразлично, к какой бы они партии не принадлежали, не имеют права проникать без разрешения монголов на территорию Урянхайского края". В ответ на эту ноту министерство иностранных дел в Омске сообщило, что оно возлагает на А. А. Турчанинова вину за невыполнение им указаний о недопустимости вооруженных столкновений с китайско-монгольскими отрядами»⁷.

Летом 1919 г. Монголия стала проводить самостоятельную от Китая политику в отношении Тувы. И. Г. Сафьянов писал: «Монгольское богдыхановское правительство, сначала разрешавшее китайцам немного посчитаться с тувинцами за их старые грехи, теперь разгадало истинные намерения Ян Ши-чао и его хозяев и

отправило в Туву сильный военный отряд, который и занял Подхребтинский район Восточной Тувы»⁸. Командовал монгольским отрядом Хатан-батор Магсаржав (Максаржав Сандагдоржийн), которого советское правительство в январе 1922 г. наградит орденом «Боевого Красного Знамени», а российские исследователи охарактеризуют как «известный полководец, национальный герой»⁹.

В газетной публикации за авторством Г. Машкова «То, что случилось (Урянхайские вести)» говорилось: «С момента восстания сойотов катастрофа приближалась гигантскими шагами. Непонятное молчание управляющего краем... отсутствие мер, регулирующих и направляющих жизнь края, вместе с появлением отрядов монгол в подхребтинском районе, образованием особого рода «совдепов» среди новоселов этого района, отступлением фронта к Белоцарску и нависшей опасностью от прихода Щетинкина, — все это создало полную картину разрухи административной и общественной жизни»¹⁰. Русское население вынуждено было в спешке бежать на плотках из Белоцарска. О сложившейся ситуации в СМИ сообщалось следующее: «Отсутствие разведки, полная эвакуация Белоцарска, кончившаяся в 6 ч вечера 12-го, речи о продвижении монгол, подхребтинских доморощенных «красных» и враждебных передовых отрядов с Уса...»¹¹.

Из Подхребтинского района монгольский отряд общей численностью, вероятно, около 300 человек, во главе с С. Магсаржавом прибыл в район брошенного колчаковскими властями и русским населением Белоцарска. Власти колчаковского правительства отправку монгольского отряда в Белоцарск напрямую связывали с приходом в Туву красной Крестыанской армии. 6 августа 1919 г. российский консул в Кобдо докладывал в Омск: «Монгольский отряд Максаржапа ушел к Белоцарску договариваться с большевиками о совместной борьбе. Монгольское правительство посылает подкрепление, 350 солдат уже прибыли 1 июля в Улясугтай...»¹².

⁸ Сафьянов И. Г. Гражданская война в Туве (Воспоминания участника) // Сафьянов И. Г. Тува в прошлом: в 2-х т. М., 2012. Т. 2. С. 141.

⁹ Роцин С. К. Политическая история Монголии (1921–1940). М., 1999. С. 54.

¹⁰ Минусинский Край. 1919. 24 (11) июля.

¹¹ Там же. 24 (11) июля.

¹² Сафьянов И. Г. Гражданская война в Туве (Воспоминания участника). С. 140.

⁶ Минусинский Край. 1919. 13 июня (31 мая).

⁷ История Тувы. Т. 2. С. 93–94.

2 августа 1919 г. город Белоцарск заняли отступавшие из Енисейской губернии войска Крестьянской армии. П. Е. Щетинкин вспоминал позднее о том, что уже при движении в сторону Тувы красные партизаны надеялись на поддержку монголов, он писал: «с частью отряда остановился в деревушке Покровское, намереваясь перехватить плот с пленными монголами, которых белые захватили в Белоцарске»¹³. Освобожденных монголов планировали использовать для помощи при прохождении через Туву.

Успешное наступление китайско-монгольско-тувинских отрядов на русские селения в Туве напрямую способствовало успехам отступавшей из Енисейской губернии красной партизанской армии под командованием Кравченко и Щетинкина. 9 июня 1919 г. в помощь воюющим против иностранных и тувинских отрядов колчаковским силам ушла единственная в Усинском округе воинская часть — усинская отдельная рота. После этого красные партизаны смогли быстро сломить сопротивление местного населения и занять Усинскую долину. В докладе начальника главного штаба Крестьянской армии Енисейской губернии А. Иванова говорилось: «после сражения на 2-ом перевозе... местное население и монголы приняли нас за действительную силу... Мы послали Монгольскому правительству грамоту... В ожидании ответа мы должны простоять в гор. Белоцарске еще около двух недель... Уходить куда-либо нам нет возможности. Монголы нас не пропустят. Они теперь достаточно убедились, что мы уходим от преследования. Никому не загадка и всякому понятно, что уважением и особым вниманием пользуются сильные... И когда мы очистим Ус, то мы вправе требовать, а не просить... Тогда не страшен нам ни Колчак, ни Монголы... Мы думаем, что Монголы и Колчак враги. Но это неправда...»¹⁴.

Таким образом, победа объединенного китайско-монгольско-урянхайского военного отряда над верными колчаковскому правительству вооруженными силами в Туве во многом обеспечила беспрепятственное занятие красными партизанами административного центра Урянхайского края. Но именно монгольские войска во главе с С. Магсаржавом стали той силой, которая заставила красных партизан остановить свое отступление и начать подготовку

к решающему сражению с преследовавшим их колчаковским отрядом. В дальнейшем, в районе Турана еще некоторое время существовал Урянхайский отряд особого назначения под командованием штабс-капитана Бочкарева, он опасности для монгольского отряда уже не представлял.

Отношения между руководством Крестьянской армии и командованием монгольского отряда были непростые, но стороны быстро нашли компромиссные решения. Красный командир П. Е. Щетинкин вспоминал: «В первые дни нашего пребывания в Белоцарске наша разведка наткнулась на монгольский лагерь. Неизвестно когда и почему расположенный недалеко от Белоцарска... Это оказался отряд монгольских войск под командой нойона Хатон-Батор-Вана»¹⁵. Современные исследователи пишут по этому поводу: «Партизаны вошли в соприкосновение с монголами, что стояли в 5 километрах от Белоцарска. Максаржабу подарили жеребца, захваченного в Усинском крае. Нойон смилостивился и не стал требовать ухода партизан из края»¹⁶. В указанном выше следственном документе — «Урянхайский вопрос», — говорилось: «Мы вошли в соприкосновение с Монголами, которые остановились в 5 верстах от Белоцарска. При сношениях с монголами информировали наше вступление и пребывание в Урянхае — желанием войти в дружественные отношения с Монголией... Мы предлагаем дать нам оружие в обмен на имеющиеся у нас ценности... мы предлагаем воевать с Колчаком в союзе с нами. Монгольское правительство отвечало нам, что наше предложение ими направлено в Пекин на усмотрение китайского правительства. Одновременно с ответом — было сделано на нас нападение карательного отряда Бологова — который якобы имел тайные сношения с Монголами...»¹⁷.

Монгольский лидер С. Магсаржав отказался поддержать партизан в бою против колчаковцев, как, впрочем, не стал помогать и Г. К. Бологову, объявив нейтралитет и отведя свой отряд от Белоцарска. Но при этом монгольский военный министр отказался разрешить в случае поражения партизан отступление им через Туву в Монголию. Оказавшись в безвыходной

¹³ Щетинкин П. Е. Борьба с колчаковщиной. Новосибирск, 1929. С. 40.

¹⁴ ГАКК. Ф. П-64. Оп. 1. Д. 641. Л. 12–16.

¹⁵ Щетинкин П. Е. Борьба с колчаковщиной. С. 44.

¹⁶ Мармышев А. В., Елисеенко А. Г. Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск, 2008. С. 175.

¹⁷ ГАКК. Ф. П-64. Оп. 1. Д. 640. Л. 1–7.

ситуации, партизаны «вынуждены были» одержать победу над колчаковскими войсками, разбив их в двухдневном сражении за Белоцарск.

Победа красных партизан над колчаковскими силами заставила монгольских военных считаться с новой силой в регионе. П. Е. Щетинкин писал: «На другой день после боя к нам явился Хатон-Батор-Ван с изъявлением всеческого восхищения перед храбростью красных войск... В знак величайшего благоволения он поднес нам куски жженого сахара (род леденца), обернутые в шелковые ткани. Нет, однако, сомнений, что монгольский дипломат в случае нашего поражения под Белоцарском, первый же предложил бы свою помощь белогвардейцам...»¹⁸. В другой своей работе этот местный советский лидер отметил: «Монгольский отряд, стоявший во время боя партизан с Бологовым на устье р. Элегеса в 30 км от Белоцарска, сохранял строгий нейтралитет... и когда утром стало известно о результатах боя, монголы приехали поздравлять красных героев с блестящей победой, а в это время их солдаты вытаскивали из реки Улуг-Хема трупы погибших во время переправы казаков и их лошадей, снимали оружие, одежду и седла, разоружали убежавших во время сражения вниз белобандитов. Таким образом, и им в чужом бою досталась хорошая добыча»¹⁹.

Одержав военную победу, красные партизаны смогли на переговорах с монгольскими властями уже более жестко отстаивать свои позиции. Как пишут современные исследователи: «С Хатон-батаром Максаржабом партизанский штаб стал разговаривать с позиции силы. 28 августа на съезде делегатов Подхребтинского и Малоенисейского районов монгольские представители потребовали от русских колонистов в 40 дней выселиться на правобережье Енисея. Партизаны заявили, что русское население в обиду не дадут. Отношения между русскими переселенцами, урянхами и монголами обострились. А ведь еще недавно крестьяне Подхребтинского района выдавали монголам казаков...»²⁰. По воспоминаниям И. Г. Сафьянова, проблемы у русских жителей Подхребтинского района в отношениях с монголами возникли сразу по прибытии последних в этот район: «Русские поселки этого района высла-

ли в монгольский штаб делегацию в составе 4 человек с хлебом, солью и белым флагом, но их встретили выстрелами, троих убили, один убежал. Тогда русские жители послали вторую делегацию, которой удалось начать мирные переговоры»²¹.

В «Деле Щетинкина и Кравченко» отмечается: «25 августа собрался краевой съезд делегатов населения Подхребтинского и Малоенисейского районов в г. Белоцарске. На съезд были приглашены как чиновники Монгольского правительства, так и Сойотские наёны. Здесь монгольский чиновник предложил населению М-Енисейского и Подхребтинского районов выселиться из-за Енисея на правый берег... Это якобы есть распоряжение Монгольского правительства. Мы решительно протестовали против такого бесчеловечного распоряжения и заявили, что население в обиду не дадим... мы указали, что население желает поступить под покровительство Монголии; будет выполнять все распоряжения властей, нести повинности и все обязанности возлагаемые покровительством. Монголы же охраняют русское население преследуя злоумышленников... Тогда монголы предложили все русские поселки соединить в два пункта, куда переселятся все прочие поселки... Тогда нами было предложено представить крестьянам организовать самоуправление... в обеспечение порядка и спокойствия в поселках крестьяне организуют самоохрану. После некоторого колебания предложение было принято. Причем монголы обещали снабдить оружием поселковые самоохраны. Разумеется, своего обещания они не выполнили...»²².

В сентябре 1919 г. Крестьянская армия покинула Урянхай. Вся власть в столице перешла в руки монгольского штаба. Российский консул в Улясутае 23 сентября 1919 г. докладывал в Омск: «Китайский правительственный комиссар Ян Шичао сообщает, что большевики очистили Урянхай... Белоцарск опустошен... Максаржап просит указаний своего правительства о порядке управления городом. Русские не пропускаются им ни в Урянхай, ни в Монголию. Выезд китайцам свободен»²³. Организованный монголами следственный комитет собрал материалы о насилиях и преступлениях в отно-

¹⁸ Щетинкин П. Е. Борьба с колчаковщиной. С. 50.

¹⁹ Сафьянов И. Г. Гражданская война в Туве (Воспоминания участника). С. 142.

²⁰ Мармышев А. В., Елисеенко А. Г. Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск, 2008. С. 178.

²¹ Сафьянов И. Г. Гражданская война в Туве (Воспоминания участника). С. 141. Г

²² АКК. Ф. П-64. Оп. 1. Д. 640. Л. 1–7.

²³ Сафьянов И. Г. Гражданская война в Туве (Воспоминания участника). С. 143.

шении тувинцев со стороны русских властей и направил их в Минусинск с председателем комиссии русского населения по делам с Монголией Алексеевым.

Став реальной государственной властью на юге Енисейской губернии, командование красных партизан вынуждено было заниматься вопросами, в том числе и русско-монгольских отношений в Саянах. Позиция руководства красной Крестьянской армии нашла отражение в послании «Монгольскому Найон Хатан-Батор-Тархон Ванну» от 10 октября 1919 г. за подписью Кравченко, Щетинкина и Иванова. В Документе, в частности, говорилось: «Мы постановили предложить Вам: 1. Объявить по своему отряду и всем сойотским нойонам, чтобы они объявили по своим хошунам — если кто причинит какую либо обиду русскому населению, то высылаемый нами отряд будет расправляться с ними самым беспощадным образом. 2. Примите самые строгие меры к искоренению грабежей и убийств собственными средствами... 6. До следующей весны — согласно договора — Вы не должны выселять русское население из Подхребтинского и Мало-Енисейского районов и в случае принятия ими Монгольского подданства, оставить их жить на своих местах. 7. В случае несоблюдения одного из означенных пунктов... мы будем вынуждены обратиться к правительствам Китая и Монголии, которым укажем на Ваш образ действия, как не отвечающий интересам сих правительств, и во вторых — явимся в Урянхай уже не как друзья, но как мстители за вероломство и издевательство над правами и личностью человека в частности и над святостью договоров в общем. Предупреждаем — и повторений не ожидайте. Повторение будет Нами произведено при помощи пушек»²⁴.

Угрозы со стороны Минусинска, да еще от армии, ведущей тяжелые бои с колчаковскими войсками, слабо защищали интересы русского населения в Засаянском крае. Решение вопросов русско-монгольских отношений перешло в ведение местных органов самоуправления. В протоколе общего собрания граждан Усинской волости за 19–20 октября 1919 г., в частности, говорилось: «Затем посланный в Штаб Монгольской Армии делегат Павел Софронович Медведев сделал словесный доклад Общему Собранию о положении дел у русских с урянхями и взаимных отношениях русских с монголами. Из доклада Медведева видно,

что Монгольский Саит Нойон обеспечивает русским, проживающим в Урянхее и Усинском округе полную безопасность на основании международных прав, при условии сохранения мирных отношений русских с Монголами...»²⁵.

Развитие русско-монгольских взаимоотношений было показано в Докладе Общего Собрания крестьян Усинской волости, отправленном в Главный штаб Крестьянской армии Минусинского фронта. В документе, в частности, говорится: «1. После ухода отрядов Крестьянской армии из пределов Урянхя, жители как Подхребтинского, Мало-Енисейского района, так и Турано-Уюкского и Усинского района, остались на произвол судьбы... 3. В Подхребтинском районе существовала Комиссия Русского населения в Урянхее по делам с Монголией, утвержденная Краевым съездом при участии Крестьянской армии во время ее пребывания здесь в Урянхее... комиссии удалось восстановить нормальную жизнь русских там... Постановили: иметь единый орган и представительство в Урянхее пред Монгольским Штабом. Центральное управление коей постановлено иметь в Верхнее-Никольске и отдел управления в селе Усинском. 8. После объединенного заседания. Комиссия выехала в Монгольский Штаб, и вручивши свои полномочия и протокол объединенного заседания, приступила к переговорам от имени всего русского населения в Урянхее... 9. После переговоров Саит-Найон заяви, что русские могут оставаться здесь и иметь законное право на жительство в Урянхее как мирные жители, не имея военных организаций, согласно международных прав... 11. Теперь в наших районах благодаря работе объединенной комиссии постепенно водворяется порядок. Монгольским Штабом командирован отряд монгольских солдат под командой начальника Багдан-Максыр-Шагда-Тужумет, который посетил и наш Ус. Отряд стоит около поселка Туран. 12. Но за последнее время Ус снова приходит в волнение. У нас организован Военный Штаб Усинского полка на общем котле при казарме. Это заставило обратить внимание Монгольского штаба и оттуда получают тревожные вести. Организация представлена там в увеличенном и искаженном виде и вызвала с их стороны тайную разведку на Усу. 13. Поэтому пришлось, во избежание дальнейших недоразумений, устроить приезд Монгольского Начальника на Ус, чтобы ликвидировать недоразумение и представить точное

²⁴ Архив города Минусинска (АГМ). Ф. 61. Оп. 1. Д. 11. Л. 66–66 об.

²⁵ АГМ. Ф. 61. Оп. 1. Д. 11. Л. 7–7 об.

состояние Усинского полка. 14. Монгольская миссия тактично указала Совету, Комиссии и Начальнику Штаба о недопустимости политической военной организации в Урянхае, как на основании бывших переговоров Монгольского штаба со Штабом Крестьянской Армии, так и на основании создавшегося положения в Урянхае и в заключение всего оставила на имя начальника Штаба письменное отношение, где ставит на вид отряду, что при всей ихней тактичности они не могли повлиять на русских представителей и в случае, если это вызовет приезд для переговоров об военной организации отряда солдат из 500 или 600 человек, то вина падает на Штаб Усинского полка. 15. Монгольский Начальник Отряда заявил, что их правительство для себя не признает ни красных ни белых... русские, если желают здесь жить, должны представлять из себя мирных жителей без военных организаций под покровительством Монголии, пока в России не будет единого центрального органа, с которым бы Монголия могла решить вопрос об Урянхае...»²⁶.

Монгольское командование развернуло активную деятельность не только в Туве, но и поставило под свой контроль территорию Усинской волости. На это указывает содержание протокола «Объединенного заседания членов Усинского волостного совета крестьянских, рабочих и армейских депутатов, комиссии от русского населения по делам с Монголией и Штаба Усинской крестьянской армии», состоявшегося 7 ноября 1919 г. в селе Верхне-Усинском. В документе говорится: «2) Заслушав словесный доклад Медведева П. С. о приближении монгольцев в село В-Усинское для личных переговоров о положении дела с Монголией. Постановили: ...Монгольцев принять Комиссии по делам с Монголией приличным образом, коей поручаем вести переговоры с ними. Отвод квартир, заготовку продовольствия и отправку в обратный путь возложить на председателя Совета Медведева Е. Н.»²⁷. В «Протоколе Заседания Усинского волостного совета крестьянских, и рабочих депутатов и комиссии от русского населения по делам с Монголией» от 16 ноября 1919 г. было зафиксировано решение просить Главный штаб Крестьянской армии согласиться с переименованием Усинского крестьянского полка в самоохрану, как того требовало монгольское командование.

Общее виденье ситуации в международных отношениях в регионе нашло свое отражение в протоколе заседания Усинского волостного совета от 8 декабря 1919 г. В документе отмечалось: «Урянхайский же край неизвестно кому принадлежит, Сойотам, Монголам или Китаю, почему все живущее в Урянхае Русское население должно быть под покровительством России, но благодаря происходящей в России революции, в настоящее время Россия не может обратить должное внимание на Урянхайский край, почему, временно, до установления в государстве центральной власти, нам самим надлежит установить образ правления в Урянхайском крае»²⁸. В наказе делегатам 8-го съезда русского населения Урянхайского края Усинский волостной совет написал: «Отношения с монголами должны быть чисто добрососедские и самые дружественные, о чем заявит съезду и просить у Монголов гарантии, чтобы все проживающие в Усинско-Урянхайском крае Русские мирные жители могли проживать в крае беспрепятственно на основании международного права»²⁹.

Русское население Усинско-Урянхайского края во второй половине 1919 г. было сложной ситуации. Достигнутые же между партизанами и монгольскими властями соглашения соблюдались плохо. Как говорилось в следственных материалах за 1920 г.: «В сентябре м-це прошлого года в объединенном заседании Армейского Совета и Главного штаба в г. Минусинске был заслушан доклад делегатов Подхребтинского района... бесчинства сойотов продолжают, грабежи, воровство и убийство обычное явление и что в этом принимают участие и монголы, так, например, жители поселка Владимировка арестовали 20 человек монголов и с оружием представили в монгольский штаб... Было постановлено написать монгольскому чиновнику и в китайский штаб в Шагонаре и напомнить им об их обязанностях, во избежание могущих быть неприятностей. Затем Усинские делегаты сообщили, что монголы занимают уже Уюк и Туран, где жителей обложили податями, и что сойоты появились верстах в 35-ти от Н-Уса и вырезали несколько семейств... После сего несколько времени спустя приезжали в Минусинск члены Урянхайской комиссии — Алексеев и Ужев, которые обуславливали действия монголов несколько мягче, но не отрицали всего вышеизложенного и го-

²⁶ АГМ. Ф. 61. Оп. 1. Д. 14. Л. 15–17.

²⁷ АГМ. Ф. 61. Оп. 1. Д. 11. Л. 61.

²⁸ АГМ. Ф. 61. Оп. 1. Д. 11. Л. 73.

²⁹ Там же. Л. 74.

ворили., что белых в Штабе монгольском нет... Однако вновь прибывшие Усинские делегаты опровергали сказанное членами комиссии. Они указывали на то обстоятельство, что Алексееву монголами возвращены украденные у него лошади и возвращено прочее имущество и потому он смотрит на них сквозь розовые очки. А все прочие пребывают в том же беспомощном положении... есть все основания полагать, что Монголы идут на Ус по совету наших буржуев рисующих возможность безнаказанного захвата цветущего района. Главный штаб Минусинского фронта послал монгольскому чиновнику предостерегающее письмо, предупреждающее о прометчивости шага в этом направлении...»³⁰.

Оставленный после ухода из Засаянского края в качестве начальника Белоцарского гарнизона командир Канского полка К. М. Логвинов докладывал в главный штаб Крестьянской армии: «монгольские войска стоят у большого порога по Енисею, жители из Елуны и с Уса все выехали и разбрелись по берегу Енисея...»³¹. В ноябре 1919 г. Усинский округ по причине давления монгольского командования и отсутствия поддержки со стороны большинства местного русского населения стала покидать так называемая Усинская Крестьянская армия (Усинский полк Крестьянской армии). В предписании Главного штаба Крестьянской армии от 22 ноября говорилось «об отозвании отряда в г. Минусинск, в случае, если население не найдет нужным содержать отряд на свои средства полученные через самообложение»³². Само местное население оказалось в сложной ситуации выбора, — на какие же силы опереться для защиты собственных интересов. В протоколе общего собрания граждан Усинской волости от 14 декабря 1919 г. говорилось: «Усинский отряд содержать до возвращения делегатов с Краевого съезда... Заслушано воззвание Усинского отряда к населению Усинского и Урянхайского края о призыве в ряды Усинской крестьянской армии — причем желающих поступить в армию не оказалось»³³.

Русские крестьяне показали свое видение общей ситуации в начале 1920 г. в «Докладе Общего собрания крестьян Усинской волости в Главный Штаб Крестьянской Армии Минусинского фронта». В документе говорится:

«Монгольским штабом командирован отряд монгольских солдат под командой начальника Богдан-Максыр-Шагда-Тужумет, который посетил и наш Ус. Отряд стоит около поселка Туран. Но за последнее время Ус снова приходит в волнение. У нас образовался военный штаб Усинского полка на общем котле при казарме... пришлось, во избежание дальнейших недоразумений, устроить приезд Монгольского Начальника на Ус, чтобы ликвидировать недоразумение и представить точное состояние Усинского полка... Монгольская Миссия тактично указала Совету Комиссии и Начальнику Штаба о недопустимости политической военной организации в Урянхае... Монгольский Начальник отряда заявил, что их правительство для себя не признает ни красных ни белых, и не может допустить военной организации, как со стороны красных, так и со стороны белых... пока в России идет революция, русские, если желают жить здесь, должны представлять из себя мирных жителей без военных организаций под покровительством Монголии, пока в России не будет единого центрального органа, с которым бы Монголия могла решить вопрос об Урянхае. Монгольское начальство не имеет ничего, если у русских будет организация самообороны, а не военный Штаб и дали подписку, что у мирных жителей они не могут отбирать оружие... В конце Ноября, здесь распространился слух, что сюда возвратились из Минусинска 6 чел. бежавших белых... В начале Декабря здешний отряд выезжал на заимку Шикиных для поимки беглецов, где встречался с Монгольским отрядом, но разъехались благополучно и даже без выстрела... После чего наступило некоторое успокоение и так продолжалось до 27 декабря»³⁴.

Для разрешения противоречий между русским населением и монгольскими властями в Туве русская Комиссия по делам с Монголией, созданная Подхребтинском районе Урянхайского края еще летом 1919 г., созвала специальный Крестьянский съезд, который открылся 15 декабря 1919 г. в поселке Верхнее-Никольском. Делегатов на этот съезд избирали во всех русских поселках Тувы и Усинского округа. Например, 2 декабря в Совет Усинского Пограничного Округа пришло предписание от Комиссии русского населения в Урянхае по делам с Монголией с просьбой избрать от Совета делегата на этот съезд³⁵.

³⁰ ГАКК. Ф. П-64. Оп. 1. Д. 640. Л. 1–7.

³¹ ГАКК. Ф. П-64. Оп. 1. Д. 641. Л. 61.

³² ГАКК. Ф. 61. Оп. 1. Д. 12. Л. 31.

³³ Там же. Л. 55.

³⁴ ГАКК. Ф. П-64. Оп. 1. Д. 625. Л. 4–4 об.

³⁵ АГМ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 12. Л. 30.

В работе съезда принимали участие представители монгольского штаба в Туве — чиновник Чанпук Мерин (Мейрен) и уполномоченный по русским делам Найдан.

В Протоколе 8-го Крестьянского съезда в Верхне-Никольском были зафиксированы следующие договоренности и решения: «По объяснению Монгольских представителей постановили: русское население должно быть под покровительством Монголии, Монголия принимает на себя защиту русского мирного населения в крае...»³⁶; «На основании предписания Монгольского штаба присланного с уполномоченными Найдыном и Чампук мерин от 7-го декабря 1919 года съезд подчиняется требованиям Монгольского штаба и уплачивает требуемое количество сеяной пшеничной муки»³⁷; «По вопросу восстановления Краевой власти, Монгольские уполномоченные заявили, что ни не могут восстановить власть в Урянхае, ибо в крае является властью монгольский штаб, и они могут допустить только Комиссию, как представительство русского населения перед монгольским штабом и русскою властью в Урянхае съезд подчиняется заявлению монгольских уполномоченных и просит Комиссию, существующую раньше, остаться при исполнении своих работ»³⁸; «по 11-му вопросу О присоединении В.-и Н.-Усинских селений в окончательной форме к Урянхайскому Краю, Монгольские уполномоченные заявили, что Ус на одинаковом положении с Урянхайским краем, причем заявили представить посемейные списки селений Усинского округа в монгольский штаб. Беря во внимание что Усинский округ на одинаковом положении находится с Урянхайским краем в отношении опасности со стороны урянхов, съезд постановил: От имени Краевого съезда возбудить ходатайство пред русской центральной властью об отделении Усинского округа от Минусинского уезда, и присоединении его к Урянхайскому краю»³⁹; «О мобилизации в Крае, съезд постановил: На основании заявления монгольских уполномоченных о недопустимости мобилизации в Крае, съезд подчиняется заявлению Монгольской Миссии и отклоняет мобилизацию»⁴⁰. В последний день съезда, 17 декабря, делегаты выбрали новый состав Комиссии по делам с Монголией, отка-

завшись при этом принять самоотвод членов Комиссии прежнего состава.

Русские представители наметили программу совместного с монголами решения проблем и противоречий, обострившихся в регионе. На это указывают такие записи в Протоколе съезда: «О расследовании положения дел в Тоджинском районе, съезд постановил командировать члена Комиссии Е. П. Башкирцева с полномочием от Монгольского Штаба для прекращения там беспорядка... дав ему охрану от монгольского штаба из двух человек солдат для исполнения»⁴¹.

Командование Крестьянской армии в Минусинске в целом негативно восприняло русско-монгольские договоренности в Туве. Особенно много вопросов вызвали притязания Монголии на Усинский округ. В послании из Минусинска говорилось: «Усинскому Волостному Совету. Прилагается при сем два пакета. Адресованный Вам вскрыйте и обсудите, другой таково же содержания — адресованный на имя монгольского сановника — перешлите по назначению, и действуйте согласно изложенному в нашей ноте. Дайте понять — монгольскому сановнику, что Вы в его покровительстве не нуждаетесь, и что если он все же не оставляет своих намерений занять Ус, то пусть мотивирует свои притязания на это действие официально, т. е. на бумаге. Хотя и нет смысла ввязываться в войну с Монголией, но, тем не менее, и отдавать Ус — не имеется надобности...»⁴².

Сложившийся в Засаянском крае клубок противоречий в русско-монгольских отношениях привел в конечном итоге к вооруженному столкновению. В следственном «Деле Щеткина и Кравченко» дается следующая картина столкновения: «Обращаясь затем к последним известиям, мы из протокола Усинского волостного совета видим, что в Усе был бой Усинского отряда с монголами, при чем со стороны монголов убито 4-ре человека, в числе коих был чиновник, слывший за весьма умного человека, пользующегося большим авторитетом среди монгол. Монголы будто шли под белым флагом с целью переговоров, и кто открыл первым стрельбу — неизвестно, и что монголы грозят мщением за своего чиновника, обещая вырезать весь Ус... перед сим событием был съезд крестьян всего Усинско-Урянхайского края, где монголы предложили обезоружить Усинский отряд, но им ответили, что оружие они сдадут

³⁶ АГМ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.

³⁷ Там же. Л. 3об.

³⁸ Там же. Л. 4–4 об.

³⁹ Там же. Л. 5.

⁴⁰ Там же. Л. 9 об.

⁴¹ АГМ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.

⁴² Там же. Ф. 61. Оп. 1. Д. 12. Л. 49.

в Минусинске, откуда таковое получили Главный Штаб ответил на имя того же Монгольского чиновника, чтобы он в своих действиях воздержался от прибытия делегата от армии советских войск, который выяснив происшествие примет все меры к наказанию виновных. Согласно же показания тов. Квитного — дело обстояло таковым образом. В М.-Енисейском районе сельские самоохраны вылавливали в тайге казаков, что дало возможность вооружить 50 человек, составивших боевой отряд. Монголы потребовали разоружения этого отряда и выдачи оружия. Отряд не согласился и ушел на Ус, причем по дороге имел бой с монголами, затем в бытность на Усу когда Усинский отряд выполнял предложение Главного штаба пошел на соединение с армией в Минусинск и прикрывал дорогу на Григорьевку. Монголы в числе 100 человек напали на Ус. Накануне они прислали в Усинский Совет записку, предлагая жителям не принимать участия в бою, что завтра они откроют бой с красными. И что Усинский совет пишет, якобы монголы шли под белым флагом — не верно. У них флаги были желтые»⁴³.

Наиболее подробное описание русско-монгольского вооруженного столкновения было дано в «Докладе Общего собрания крестьян Усинской волости в Главный Штаб Крестьянской Армии Минусинского фронта». Но в этом документе представлен другой взгляд на проблемы русско-монгольских отношений, дана оценка произошедшего конфликта со стороны местного русского населения Усинского района. В документе говорилось: «...27 декабря. Вечером этого числа прибыл в село В-Усинское отряд Мало-Енисейских армейцев около 50 человек. Утром 28 Декабря получилась записка от Монгольского отряда на имя члена Комиссии П. С. Медведева следующего содержания: “П. С. Медведеву. Монгольский отряд имеет честь сообщить Вам, что из Малого Енисея убежали 60 человек красных, мы идем сзади, потому прошу объявить народу, чтобы они не смешались с ними, если будет находиться с красными, то мы объявляем бой и прошу Вас немедленно явиться на переговоры”. Вскоре после этого на Большой улице, против Армейского штаба, произошла стрельба между прибывшим Монгольским отрядом и находившимися в казарме при Штабе армейцами, кто первый начал стрельбу неизвестно... точно известно, что у передних монгольцев были два

белых флага с вышитыми буквами. Во время перестрелки со стороны Монгольцев убито четыре человека, в том числе один чиновник, со стороны армейцев убитых и раненых нет. Ранен в своем доме мирный житель Степан Горбунов, живущий против Штаба. Затем Монголы отступили, а армейцы в ночь на 29 декабря выступили из села неизвестно куда. Убитых Монголов армейцы спустили в реку Ус. Утром 29 декабря в проруби против усадьбы Посохина были найдены два трупа монголов, которые из воды извлечены и положены в амбар при штабе, других трупов не нашли, несмотря на самые тщательные розыски»⁴⁴.

Почти сразу же после боестолкновения, в ночь на 31 декабря 1919 г., в ставший лагерь в 10 верстах выше Верхне-Усинска монгольский отряд поехал председатель Усинского Совета П. С. Медведев. Вернувшись вечером 1 января 1920 г. из монгольского лагеря, председатель сообщил, что монголы хотят отомстить усинцам за убийство своего командира. П. С. Медведев заявил: «Объявлена у них мобилизация всех сайот. Обвиняют красных в нарушении мирного договора... можно ожидать, что усинцам они жестоко отомстят»⁴⁵.

Красные партизаны настаивали на продолжении вооруженного противостояния, а только что освобожденный из колчаковской тюрьмы в Красноярске И. Г. Сафьянов предлагал: «Послать на Ус отряд не менее 200 штыков»⁴⁶. Однако местное русское население придерживалось другой позиции. Общее собрание крестьян Усинской волости на следующий после боя день постановило «командировать в Монгольский отряд делегатов с отношением следующего содержания: “Начальнику Монгольского отряда. Население села В.-Усинского и дер. Н.-Усинской потрясено и возмущено до глубины души сегодняшней перестрелкой, уполномоченный Совет послал Вам дружеский привет и уверение, что со стороны мирного населения не было и не может быть никакого вооруженного выступления, почему волостной совет просит Вас и вполне надеется, что мирному населению не будет причинено никакого вреда, в особенности убийства беззащитных людей”. Вернувшиеся делегаты объяснили, что Монгольцы очень недовольны, что, как они объяснили, они ехали для мирных переговоров, а их встретили огнем, почему намерены жестоко наказать

⁴³ ГАКК. Ф. П-64. Оп. 1. Д. 640. Л. 1–7.

⁴⁴ ГАКК. Ф. П-64. Оп. 1. Д. 625. Л. 4–4 об.

⁴⁵ Там же. Л. 5 об.

⁴⁶ АКК. Ф. П-64. Оп. 1. Д. 640. Л. 7.

Усинцев, так как по их выражению, все на Усу красные, которых они ненавидят...»⁴⁷.

Общее собрание крестьян Усинской волости 2 января 1920 г. написало в Главный Штаб Крестьянской Армии Минусинского фронта: «В настоящее время село В.-Усинское оказалось, что называется, в гробу... того и жди, что вспыхнет война и тогда такое цветущее село должно неминуемо погибнуть, а мирное население — вырезано... По нашему мнению, единственный исход — это не допускать вооруженного выступления армейцев против монголов и таким путем, мы надеемся уладить этот инцидент мирным путем, чего бы он не стоил населению, лишь бы остаться живыми...»⁴⁸.

Руководство монгольского отряда в Туве не стало обострять ситуацию в русско-монгольских отношениях. На это указывает документ следующего содержания: «В Земство Верхнеусинск. Послан от Сайта Г. Штаба Норин Оргии Усинскому Председателю Земства. Уведомляю, что выше названный чиновник выедет из Уютского Штаба 3-го января с. стилия для осмотра постов, 4-го на Туран, 5-го на Ижим и Желая быть на Усу на свидания с мирными жителями и поздравить с Новым годом. Пригласил собой Нады Сугиму Сагырчи, и 10 человек солдат. Прошу Усинцев не волноваться, Норин Оргии и Нады Сагирчи. 3 января»⁴⁹.

В январе 1920 г. монгольские офицеры и солдаты не раз посещали русские селения Усинской волости Енисейской губернии. В документах нашло отражение разбирательство волостных властей по такому происшествию, как выстрел, произведенный монгольским солдатом на улице села Верхнее-Усинского. Случилось это во время проезда по Большой улице села чиновника Найдана в сопровождении двух монгольских солдат. В другом документе, «Протоколе 1920 года января 13 дня, село В.-Усинское», говорилось: «Я, Председатель Усинского Волостного Совета Савин Колодкин находясь по делам службы в здании Совета, к коему прибыл Монгольский чиновник Танзын-Сайгырчи с каким-то монгольским солдатом в весьма пьяном виде и не заходя в здание Совета, на улице стал требовать на монгольском языке, и, так как его никто не понимал чего он требовал, то членами Совета Филимоновым и Карповым был прошен случайно прибывший

в Совет бывший переводчик монгольского языка Парамон Александрович Щелкунов, чтобы он побеседовал с Сайгырчи и узнал, что ему нужно... Разговаривая и кривляясь, как пьяный, с Щелкуновым Сайгырчи, без всякой к тому причины, позволил себе взять находившуюся у него в руках 3-х линейную винтовку “на изготовку”, намереваясь стрелять в подошедшего церковного сторожа... Затем Сайгырчи позволил себе принести с собою в Совет бутылку вина и здесь распивать ее в присутствии членов и посторонних, случайно находившихся там лиц...»⁵⁰.

Несмотря на то, что вооруженный конфликт продолжения не имел, русско-монгольские отношения в начале 1920 г. осложнялись различного рода конфликтными ситуациями. Например, 13 января у крестьянки деревни Нижне-Усинской Е. Д. Михайловой монгол в сопровождении тувинца «...4 лошадей взяли в свое пользование не уплатив за них ничего и не объяснив причины, почему они так поступают; причем сайот Серентик держал себя вызывающе оскорбительно для нея — Михайловой, как женщины...»⁵¹. В качестве еще одного примера можно привести выдержки из волостных протоколов: «Мне, председателю Усинского волостного совета Ефиму Суханову, крестьянин села В.-Усинского Изот Петрович Горбунов заявил, что 18 сего января явился к нему брат Монгольского чиновника Маскыр с переводчиком Серен и тремя монгольскими солдатами и спросили, нет ли у него продажных белок... не смотря на то, что он Горбунов на этих условиях отдать белку не согласился, они взяв у него 231 белку, оставили ему 21 талембу, т. е. ...за 21 белку ничего не заплатили, при этом талембу выдали плохого качества... находя проступок этот недобросовестным Горбунов просит об этом донести до сведения Монгольских властей...»⁵².

Русское население Засаянского края в начале 1920 г. изменило свою позицию по отношению к монгольской власти в регионе. Комиссия по делам с Монголией к концу января 1920 г., возможно под влиянием политических перемен в Сибири, «перешла в наступление» в отношениях с монгольским штабом. В «Постановлении Комиссии русского населения в Урянхое по делам с Монголией в заседании от 23-го января 1920 г. в Верхнее-Никольском»

⁴⁷ АКК. Ф. П-64. Оп. 1. Д. 625. Л. 5.

⁴⁸ Там же. Л. 6.

⁴⁹ АГМ. Ф. 61. Оп. 1. Д. 14. Л. 21.

⁵⁰ АГМ. Ф. 61. Оп. 1. Д. 14. Л. 81.

⁵¹ Там же. Л. 82–82 об.

⁵² Там же. Л. 25–25 об.

говорилось: «Принимая во внимание, что монгольское правительство в Урянхае нарушило протокол краевого съезда... Применяя расстрелы без ведома комиссии над русским населением в Урянхае чиня самосуды и обирая все имущество арестованных в собственную пользу; беря во внимание, что население в высшей степени взволновано всеми насилиями монгольских солдат во всех местах урянхайского края, а так же и их чиновников, Комиссия настоящим постановлением ставит монгольское правительство в известность, что население взволновано нарушением протокола краевого съезда со стороны Монголии, издевательством монгольских солдат, дабы впоследствии за последствия не была виновата комиссия. На основании всего вышеизложенного Комиссия слагает с себя возложенные на нее Краевым съездом полномочие, напоминая, что при таком положении работа Комиссии не имеет значения. Комиссия при выходе из управления убедительно просит монгольское правительство, прекратить беспорядки, чинимые монгольскими солдатами, так же и всех требований со стороны Монголии как то: выдавать подводу Монгольской Армии содержания монгольских отрядов за счет русского населения и 5 пуд. сеяной муки как требование Монгольского штаба, так как русское население в Урянхае нынешние года в большинстве разграблены шайками урянхов, масса украдено лошадей и хлеб вытравленный сойотскими табунами, потому обездоленное русское население не может нести всех повинностей...»⁵³.

Изменения в русско-монгольских отношениях в Засаянском крае, вероятно, были вызваны изменением позиции центральных властей Монголии. И. Г. Сафьянов писал: «монгольское правительство Хутухты-Богдо-Геген-Хана думало иначе. Оно не только не одобряло завоевательной политик своих военных предшественников в Туве и их намерения ликвидировать китайцев, но дало распоряжение не вмешиваться дела русской колонии, не переходить больше русской границы... Сменивший старого новый начальник монгольского отряда Чамзы-Бейсы не стал вмешиваться в дела русских колонистов»⁵⁴.

В «Постановлении Комиссии русского населения в Урянхае по делам с Монголией в заседании от 26 го января 1920 года в поселке

Красноярковке» говорилось: «Принимая во внимание, что по личному заявлению Саит найона, он не был поставлен в известность об угнетенном положении русских в Урянхае — указанной в постановлении комиссии за № 3 Переговоров 25 января, мы, находя со своей стороны невозможным то положение русских... постановили: Указать Господину Саит найону на необходимость переустройства жизни русских в Урянхае, которое может водворить мир и спокойствие среди русских. Мы полагаем, если господин саит найон, на основании положения русского населения в Урянхае по справедливости освободить русское население от сбора муки подвод и других требований; даст независимость самоуправлению русских и удалит тех лиц, которые являются виновниками в нарушении мирной жизни; тогда водворится мир и спокойствие среди русского населения в Урянхае. В случае же отказа дать населению гарантии ее освобождения от гнета, мы при исполнении своих обязанностей оставаться не можем, и просим освободить русских от всех требований со стороны Монголии до созыва Краевого съезда...»⁵⁵.

В конце января состоялись русско-монгольские переговоры, которые председатель Комиссии П. С. Медведев вел с командиром монгольского отряда в Туве «Саит Найоном Чин-Цетгильд-оес-докмсоран». Переводчиком на русско-монгольских переговорах был тувинец «Пичиола Чеду сумо проживающий по реке Тапсе». Монгольское командование пошло на уступки, признав справедливыми почти все требования русских. В «Протоколе переговоров комиссии русского населения в Урянхае по делам с Монголией с 1920 года от 25-го по 29-го января» был записан ответ монгольского начальника на русские претензии: «Мне не было известно о всех незаконных действиях Монгольских чинов и солдат насилий над русским мирным населением, а так же дерзости и неопытности переводчика русского языка Нойуана, который довел до беспорядков в Урянхае, нарушил дружественные отношения между русскими и монголами. Мне не было также известно о тяжелом положении русских, потому я благодарю Вас, что Вы поставили меня в известность обо всем, что доложили Вы мне. Поэтому я предлагаю приступить к переговорам по ликвидации создавшегося положения...»⁵⁶.

П. С. Медведев передал монголам «поста-

⁵³ АГМ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.

⁵⁴ Сафьянов И. Г. Гражданская война в Туве (Воспоминания участника). С. 145.

⁵⁵ АГМ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 3. Л. 12.

⁵⁶ Там же. Л. 14.

новление Комиссии за № 3 от 23-го января, при личном словесном докладе об угрожающем положении создавшемся среди Русского населения по причине насилий со стороны Монголии над русским мирным населением». На первый план в это время вышли проблемы международных отношений в регионе. Русские делегаты задали монгольским представителям следующие вопросы: «1. В каком положении зависимости находится Монголия по отношению к Китайской республике. 2. В каком положении остается русское население в Урянхаете, если Монгольский штаб уйдет отсюда...»⁵⁷. Командир же монгольского отряда дал следующие ответы: «Хотя китайские войска и вышли из Пекина с тем, чтобы захватить власть в свои руки в Монголии и Урянхаете, много получают сведения из Урги, что им этого не удастся привести в исполнение и по этому вопросу в настоящее время идут переговоры. Результат переговоров сейчас неизвестен, но, во всяком случае, если и придут в Урянхай китайские войска, то они придут не ранее весны или лета, если вопрос разрешится в их пользу. Китайцы же стараются нарушить исторически дружественные отношения монголов и русских, потому распространяют ложные слухи. Китайцы действуют здесь по самопроизволу, пользуясь отдаленностью края. Хотя они и не подчиняются нам здесь, но и мы ни в коем случае не можем подчиниться им... Ни в коем случае Монгольский отряд не уйдет отсюда в скором времени. Все слухи по этому поводу являются ложными. Тоже касается отправки много солдат из Штаба, то мной производится обычное увольнение солдат, вместо которых придут другие солдаты, въехавшие в Урянхай китайцы для торговли распространяют ложные слухи об уходе нашего отряда и мы надеемся, что весной за их злонамеренную ложь их выдворят отсюда... Я не могу дать своего согласия, чтобы комиссия сложила свои полномочия. Я настаиваю, чтобы комиссия осталась при исполнении своих обязанностей...»⁵⁸.

По поводу русско-монгольских противоречий монгольское командование пошло на уступки русскому населению. В Протоколе были зафиксированы следующие высказывания монгольского представителя: «С своей стороны признаю виновными своих солдат и чиновников в нарушении дружественных отношений монголов и русских и даю обещание

принять строгие меры к прекращению всех беспорядков... Я согласен ради дружественных отношений пересмотреть ранее заключенные условия и пойти на уступки...»⁵⁹. Вообще, были найдены следующие компромиссы: русские будут давать монгольским войскам не более 5 подвод в неделю; вместо 5 пудов с каждого двора русские обязаны были сдавать монголам по 4 пуда белой муки, а неимущие полностью освобождались от сборов в пользу монголов; монголы приняли обязательство самостоятельно не арестовывать русских. В завершение переговоров — «По 5-му вопросу постановили: для ведения дел восстановить отдел комиссии в монгольском штабе, для этого штаб уступает комиссии юрту и отпускает бесплатно по три человека мяса»⁶⁰.

В целом, русское население в начале 1920 г. было довольно состоянием взаимоотношений с монгольскими представителями, особенно на фоне обострения отношений с китайцами. Это заметно по содержанию «Докладной комиссии русского населения в Урянхаете по делам с Монголией в Минусинский уездный совет для отпуска его по принадлежности». В документе говорилось: «В настоящее время нами назначаются следствия по делу расстрелянных монголами пяти человек русских... Урянхай в действительности в настоящее время разделен на две полосы. Одну половину занимают монгольцы и вторую половину китайцы, которые в занятую ими территорию не пускают ни под каким видом русских, но тем не менее, разъезжая на русских подводах через русские поселки распространяют разные слухи... В комиссии также имеются документы характеризующие преступные деяния китайцев которые травят русское население, науськивая для этого урянхов и сами оставаясь в стороне... Там где китайцы, там нет русских... На рубеже границы разделяющей занятую территорию монголами и китайцами разъезжают шайки вооруженных сайот и забирают от сайот скота... принадлежащий русским, заявляя, что они исполняют по распоряжению Китайского штаба... Нужно отдать должную справедливость, что от этих шаек русское население защищает по мере сил своих монгольский штаб. Характерно отметить: что все преступники, указанные в протоколах, имеют место своего жительства в тех хожунах которые подведомственны китайскому комиссару. Все изложенное ясно свидетельствует

⁵⁷ АГМ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 3. Л. 14.

⁵⁸ Там же. Л. 14 об. — 15 об.

⁵⁹ АГМ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 3. Л. 14 об. — 15 об..

⁶⁰ Там же. Л. 16.

о несомненном участии китайцев в грабежах и насилиях над русским мирным населением, поэтому комиссия остается в ожидании лиц, уполномоченных Российским Правительством для следствия и переговоров с Монгольским и Китайским правительствами по делам Урянхайского края»⁶¹.

В начале 1920 г. вопрос о современном состоянии и перспективах русско-монгольских отношений в Засаянском крае по-прежнему оставался постоянным предметом обсуждения на собраниях и съездах русского населения Усинско-Урянхайского края. В послании Усинскому волостному совету говорилось: «На 10-е февраля назначается районный съезд в поселке Туранском. Потому предлагаем избрать от 30 домов одного делегата для обсуждения и расследования следующих вопросов: 1. Подсчет всех убытков, причиненных пребыванием Монгольского отряда и распределение его планомерно на все население. 2. Нужна ли охрана монгольских солдат. 3-е. Чтение протокола подписанного Саит Найоном 25-го января для широкого опубликования среди населения»⁶².

В конечном итоге, монгольский штаб в Туве утратил возможность контролировать русское население в регионе. В Заявлении руководителей Комиссии русского населения по делам с Монголией говорилось: «Принимая во внимание, что вновь подписанный протокол Саит Найона дает полную возможность восстановить в крае власть по желанию народа согласно всех пунктов указанных в протоколе, подписанном 29-го января 1920 года, так как этот протокол лишает права Саит Найона вмешиваться в дела самоуправления русских и помятуя, что комиссия была избрана народом исключительно под давлением Монгольского Штаба... Настоящее заявление жители правой стороны по течению Енисея должны считать как наш отказ от исполнения своих обязанностей. Совместными силами всей комиссии мы заставили подписать Саит Найона Протокол, который дает русским широкие права самоуправления, потому мы считаем свои дела законченными»⁶³.

После ликвидации правительство Колчака и установления советской власти в Сибири проблемы русско-монгольских отношений в Засаянском крае перешли в ведение командова-

ния Красной армии и центрального правительства в Москве. В январе 1920 г. местные власти Южной Сибири запросы монгольского штаба уже переадресовали «штабу 30 дивизии Российских Советских войск». В середине января 1920 г. из штаба Крестьянской армии сообщили: «Усинскому Волостному Совету. Доводим до Вашего сведения и сведения всего общества, что наша Крестьянско-Рабочая Армия 4-го января с/г. соединилась с Российскими Советскими войсками, а потому дело Усинского и Урянхайского Края, а также и разбор конфликта между Усинским отрядом и Монголами передаются правительству Советской России на его усмотрение»⁶⁴.

Весной 1920 г. по инициативе монгольской стороны в селе Верхнее-Усинском, куда по получении гарантий безопасности прибыл Сайт-нойон Чамзры-бейсе со свитой в 17 человек, состоялись русско-монгольские переговоры. Минусинский ревком уполномочил вести переговоры с советской стороны председателя Усинского ревкома Сулова и командира Усинского отряда С. П. Рутеса. Стороны не смогли договориться, так как монгольский чиновник отверг предложения об установлении советской власти в русских поселках Туве и организации там воинских отрядов.

После этого вопросами русско-монгольских отношений занялся Енисейский губернский революционный комитет, направивший туда своего представителя. В апреле 1920 г. молодой сотрудник политотдела 5-й Армии А. И. Кашников был командирован в Туву в качестве особоуполномоченного Минусинского уездного ревкома для переговоров с китайскими, монгольскими и урянхайскими властями. По прибытии он телеграфировал, что: «...отношение указанных властей к Советской России очень доброжелательное...»⁶⁵. Правда, как позднее вспоминал И. Г. Сафьянов: «переговоры товарища Кашникова с Яншичао и Чамзры-Бейзе, заменившего в монгольском отряде Хатан-Батор-вана, никаких результатов не имели»⁶⁶.

Красноярские историки указывают, что в переговорах с А. И. Кашниковым принимали участие с монгольской стороны «князь Жамсаран-бейс, чиновники Лувсандаш-мэйрин и Нарийнорхи-залан и переводчик-

⁶¹ АГМ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 3. Л. 17 об. — 18.

⁶² АГМ. Ф. 61. Оп. 1. Д. 14. Л. 63.

⁶³ Там же. Л. 64—64 об.

⁶⁴ АГМ. Ф. 61. Оп. 1. Д. 14. Л. 65.

⁶⁵ ГАКК. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 163. Л. 1.

⁶⁶ Сафьянов И. Г. Повесть о жизни // Сафьянов И. Г. Тува в прошлом: в 2 т. М., 2012. Т. 2. С. 83.

секретарь Лувсаносор»⁶⁷. В воспоминаниях И. Г. Сафьянова говорится: «Со стороны Монголии с правом решающего голоса участвовал сам Сайт-Нойон (Сайт-Нойон Чиксют-Кельты, Бейзэ Чамзры) и с совещательным — Лопсан-Осур, Мерен-Лопсан-Тайжи и Джалан-Мерен-Орге»⁶⁸. Боле того, как пишет советский представитель: «Первым прибыл к Кашникову Сайт-Нойон Чамзы Бейзэ, с которым он еще до приезда Ян-Шичао устроил предварительное совещание 11 мая 1920 года»⁶⁹. На русско-монгольских переговорах были достигнуты следующие договоренности: «допустить свободную торговлю... в системе рек Большого и Малого Енисеев, ограничив с запада его территорию пос. Баянгол... Торговые агенты должны иметь соответствующие мандаты с визой Сайт-Нойона... управление русским населением в Урянхае переходит в руки советского рабоче-крестьянского правительства. Налоги в пользу Монголии, установленные ране... должны быть собраны в пользу Монголии как компенсация за расходы, понесенные Монголией по охране русского населения... По земельным конфликтам вопросы разрешать Сайт-Нойону совместно с русским комиссаром»⁷⁰. Исследователь Н. М. Моллеров так оценил переговоры: «В мае 1920 г. состоялись переговоры Ян Шичао и командира монгольского отряда Чамзрына (Жамцрано) с советским представителем А. И. Кашниковым, в результате которых Тува признавалась нейтральной зоной... Но достигнутые договоренности на уровне правительств... закреплены не были, так и оставшись на бумаге»⁷¹.

Несмотря на то, что уже в самом начале 1920 г. монгольские власти утратили инструменты контроля над русским населением Усинско-Урянхайского края, а русско-монгольские отношения перешли в ведение центральных властей, местное русское население продолжало напрямую обращаться к монгольским чиновникам. Например, 24 марта 1920 г. на имя «Монгольского Сайт-Найона» было направлено следующее послание: «Усинское общество просит Вас, как представителя Монгольской

власти обратить особенное внимание на возмутительные действия китайского подданного Ванзер, позволившего явиться с двумя вооруженными солдатами в Присутственное место Русского Государства, произвести убийство нашего выборного общественного Начальника, связать секретаря Бакулина... и увезти неизвестно куда⁷². Полагая, что Секретарь Бакулин увезен китайцами в свой штаб, Усинское общество просит не оставить законную просьбу без внимания и освободить арестованного китайцами — Петра Гурьянова Бакулина, чем премного обяжете и установите прежде существовавшие дружественные отношения между русскими и монголами»⁷³. И. Г. Сафьянов написал в своих воспоминаниях: «Убийцы благополучно скрылись. Они почему-то не вернулись на Кемчик к Ян Шичао, а попали в монгольский штаб, где и сдали увезенного ими Петра Бакулина, которого потом монголы отправили обратно в Усинское»⁷⁴.

В начале июня 1920 г. особоуполномоченный А. И. Кашников вернулся в Минусинск, туда же был отозван и отряд Красной армии. В Усинском-Урянхайском крае вновь обострились проблемы и противоречия. Из Верхнее-Усинска телеграфировали в Минусинск: «Из Урянхая прибыл нарочный с сообщением о тревожном настроении населения, все ожидают возможного нападения со стороны урянхов и монголов, которые держатся вызывающе»⁷⁵. В само село Верхнее-Усинское сайт-нойон прислал чиновника Сайгарчи Лопсана с требованием немедленного выселения из Тувы русское население поселков Атамановка. Элегест и Березовка. Стороны опять вступили в бесконечную переписку со взаимными обвинениями и претензиями. Но неожиданно монгольский отряд покинул Урянхайский край.

В воспоминаниях И. Г. Сафьянова говорится: «Волревком... поручил председателю русской комиссии по делам с Монголией Старкову поехать к Сайт-Нойону и просить его прекратить насильственные действия китайских солдат и торговцев. Но Сайт-Нойон в это время, очевидно, окончательно запутался в своей

⁶⁷ Мармышев А. В., Елисеенко А. Г. Гражданская война в Енисейской губернии. С. 335.

⁶⁸ Сафьянов И. Г. Гражданская война в Туве (Воспоминания участника). С. 154.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. С. 155.

⁷¹ Моллеров Н. М. История советско-тувинских отношений (1917–1944 гг.). М., 2005. С. 24.

⁷² См.: Дацышен В. Г. Русско-китайский конфликт в селе Верхне-Усинском. К проблеме межнациональных отношений в период иностранной оккупации на юге Сибири // Люди и судьбы. XX век: тез. докл. и общ. Красноярск, 2003.

⁷³ АГМ. Ф. 61. Оп. 1. Д. 14. Л. 154–154 об.

⁷⁴ Сафьянов И. Г. Гражданская война в Туве (Воспоминания участника). С. 146.

⁷⁵ Там же. С. 160.

политике, которую проводил в Туве, и решил своевременно удрать оттуда. Он отдал неожиданный приказ своим «войскам» выступить обратно в Монголию, и в августе 1920 г. последний монгольский отряд перевалил засыпанные свежим снегом вершины Танну-Ола, сам же Сайт-Нойон Чамзы-Бейзэ был уже около Урги (Улан-Батора)...»⁷⁶.

Действительно, И. Г. Сафьянов уже не застал в Туве сайт-нойона Чамзы-бейсэ, а лишь получил через монгольского главу Маады-сумо Лопсан-Осура привет и сожаление о несостоявшейся встрече монгольского лидера с советским уполномоченным. В сентябре 1920 г. Сафьянов телеграфировал в Новосибирск: «Краевой съезд русского населения Урянхия постановил организовать в своих поселках советскую власть... Отношение туземного насе-

⁷⁶ Сафьянов И. Г. Гражданская война в Туве (Воспоминания участника). С. 162.

ления к советской власти доброжелательное, монгольский отряд покинул Урянхай»⁷⁷.

В дальнейшем монгольские представители продолжали посещать Туву с различными поручениями и миссиями. Освобожденный бароном Унгерном из китайской тюрьмы Хатан-батор Магсаржав, став в 1921 г. главнокомандующим Западной Монголии налаживал сотрудничество с Советской Россией через И. Г. Сафьянова⁷⁸. Тем не менее, Урга еще долго, до 1925 г., рассчитывала на признание Москвой вхождения Урянхайского края в состав Монгольского государства.

⁷⁷ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 32. Л. 141–143.

⁷⁸ Российско-монгольское военное сотрудничество 1911–1946: сб. документов. Улан-Батор, 2006. Т. 1. С. 238.

Раздел пятый

ИСТОРИЯ МОНГОЛИИ И РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ И МОНГОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

НАУЧНОЕ МОНГОЛОВЕДЕНИЕ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ. В. Л. КОТВИЧ (1872–1944)

История востоковедного образования и науки о Востоке в России, основные тенденции их развития — одна из важнейших проблем отечественной ориенталистики. Большой интерес вызывают процессы формирования и развития научного востоковедения в России в целом, которое обозначено созданием обширной системы учреждений востоковедного образования и научных исследований, объединявших деятельность Академии наук, университетов, лицеев, гимназий, духовных академий, семинарий и научных обществ. Востоковедение в России представляет собой взаимосвязанную, развивающуюся и многоуровневую систему. Академическое и университетское востоковедение, тесно между собой связанные, сыграли исключительную роль в изучении истории и культуры народов Востока. Зародившись, российское монголоведение постоянно развивалось, проходя различные этапы становления, сопровождаемые успехами, повышенным вниманием со стороны правительства или, наоборот, спадом интереса последнего. Монголоведение развивалось во многом благодаря энтузиазму ученых, с именами которых связаны значительные достижения.

Начало XIX в. ознаменовано бурным развитием научного знания, история — наука об обществе набирает силу по всей Европе, XIX в. — век истории. Востоковедная отрасль исторической науки так же получает импульс в своем развитии, хотя не стоит забывать о государственном характере науки вообще, и востоковедения в частности, что и определяло приоритетность направлений в ориенталистике, как правило, связанные с направлениями внешней политики. В начале XIX в. приоритетным направлением внешней политики России становится Дальний Восток. Для его успешной реализации необходимы научные знания. Перед российской наукой стояла задача подготовки отечественных исследователей востоковедов. Казанский университет организует научную экспедицию в Восточную Сибирь под

руководством адъюнкта университета поляка Осипа (Юзефа) Михайловича Ковалевского (1801–1878), с целью изучения монгольского языка. Он вместе с действительным студентом университета Александром Поповым направляются в Восточную Сибирь, в Иркутск к переводчику монгольского языка Александру Васильевичу Игумнову, который стал учителем для будущих монголоведов. Экспедиция в Восточную Сибирь, Забайкалье, Монголию и Китай (1828–1833) стала успешной для монголоведения в целом и для самого О. Ковалевского. Ученый блестяще овладел монгольским языком, собрал интересные материалы по истории, культуре, религии монголоязычных народов, которые стали его трудов по монгольскому языку, истории и буддизму. Уже в 1835 г. вышла в свет его «Буддийская космологи» — первая работа в Европе, которая затрагивала сущность буддийской философии, а не только ее обрядовую сторону. «Монгольская грамматика» (1835), «Монгольская хрестоматия» (1837), «Монгольско-русско-французский словарь» (1839–1844) в 3 томах — стали основными учебными пособиями для обучения монгольскому языку во всей Европе. Вклад О. М. Ковалевского в мировое востоковедение значим еще и потому, что он создал научную школу, подготовил известных востоковедов, как из русских — В. П. Васильев, синолог, исследователь буддизма, из бурят — Д. Банзаров, Г. Гомбоев, А. Бобровников, в судьбе которых О. Ковалевский был ключевой фигурой, из поляков — В. Л. Котвич. Владислав Людвигович Котвич считал себя учеником монголоведа Осипа Ковалевского, учился на его трудах по монгольской филологии, истории, этнографии: «...Если в последствие найдут, что я положил начало наук по своей специальности. Что я, в то же время, указывал России ее научнейший путь, так пусть же знают, что моим развитием, проявлением моих оригинальных взглядов в науке и государственности, я обязан профессору поляку Осипу Михайловичу Ковалевско-

му! Его слова: «не приклоняться в отыскивании истины пред авторитетом, подвергать критике sine ira et studio совершившиеся или рассказываемые факты, не предполагая никакого вопроса решенным на век», — запали глубоко в мою душу, были руководителями всех моих симпатий и антипатий...»¹. Ученый считал своим долгом написать о О. М. Ковалевском книгу, которая бы рассказала о выдающемся востоковеде, основоположнике научного монголоведения в России и Европе. Работа В. Л. Котвича «Jozef Rjwalewski — orientalista (1801–1878)» вышла уже после смерти автора во Вроцлаве (Польша, на польском языке) в 1948 г. Вступительное слово к этой работе подготовил ученик В. Котвича Мариам Левицкий, который и сделал возможным публикацию этой монографии. Для подготовки работы о своем учителе Владиславу Людвиговичу пришлось провести большую работу по сбору материалов, рассосредоточенных по архивохранилищам разных стран².

¹ Arhiwum Nauki PAN i PAU Wladyslaw Kotwicz Ф. К. III-19 // Архив Польской академии наук в Кракове. Ф. К. III-19. В. Л. Котвича. Д. 84.

² С. А. Козин сообщал следующие работы: Модзалевский Б. Л. Список членов императорской Академии наук 1725–1907 гг. СПб., 1908; Загоскина Н. П. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета. Ч. 1. Казань, 1904; Русский библиографический словарь. Т.: КНап — Кюхельбекер. СПб., 1903. Сохранилась почтовая карточка от С. А. Козина на имя В. Л. Котвича во Львов из Ленинграда, без даты, — это ответ на вопросы о возможной литературе, освещающей деятельность О. М. Ковалевского. С. А. Козин называл работы библиографического характера. «Хотя это библиографические сведения, но посмотреть стоит», — советовал С. А. Козин. Сохранилась выписка из словаря Загоскина, составленная в Казанском университете, заверенная печатью университета. Есть ответ от секретариата кладбища «Повозонки» в Варшаве с подтверждением наличия могилы О. М. Ковалевского и фотография с места захоронения. Одна из фотографий О. М. Ковалевского была отправлена из Германии. Переписка В. Котвича с сотрудниками государственной Публичной библиотеки им. А. Е. Салтыкова-Щедрина с просьбой выслать информацию о путевом дневнике ученого. Все эти материалы и многие другие, которые легли в основу первой книги об О. М. Ковалевском. Они составляют солидную часть фонда В. Котвича, раскрывают многие интересные факты из биографии известного монголоведа (Архив Польской академии наук в Кракове. Ф. К. III-19. В. Л. Котвича. Д. 84; Там же. Ответ из Варшавы во Львов к В. Котвичу датирован 1934 г.; Там же. Фотография вложена в конверт с надписью «библиотека Ягелонская. Краков» (ОП: библиотека Ягелонского университета в Кракове). В Краков прислали фото по запросу В. Котвича 23.09.1938 г.; Там же. Д. 28 Ма-

Монголоведение стало главной составляющей научной деятельности В. Л. Котвича, считая себя учеником О. М. Ковалевского, он учился на его трудах, преподавал в Санкт-Петербургском университете, используя его Грамматику и Хрестоматию, и во многом стал последователем своего учителя. Владислав Людвигович (1872–1944) стал известен не только в области монголоведения, но и в тюркологии, алтаистике. Подготовил плеяду учеников — известных ориенталистов, ставших непревзойденными авторитетами в области востоковедения, среди них Б. Я. Владимирцов, С. А. Козин, Б. Ринчэн (Монголия), М. Левицкий (Польша), Ц. Д. Номинханов (калмык).

Владислав Котвич родился в деревне Осово Лидского уезда Виленской губернии. Окончив Виленскую гимназию с золотой медалью, поступил в Санкт-Петербургский университет на китайско-маньчжурско-монгольский разряд факультета восточных языков, где получил хорошую разностороннюю подготовку у ведущих российских востоковедов: монгольским занимался у К. Ф. Голстунского и А. М. Позднеева, китайским и маньчжурским — у С. М. Георгиевского и Д. А. Пещурова, историей буддизма у В. П. Васильева, тюркским языком — у И. Н. Березина и В. Д. Смирнова. После окончания университета был оставлен для приготовления к профессорскому званию. С 1900 г. становится приват-доцентом Санкт-Петербургского университета и преподает монгольский и маньчжурский языки вплоть до реорганизации факультет восточных языков университета в факультет общественных наук (1919), принимает активное участие в организации Петербургского института живых восточных языков (ПИЖВЯ) (1920), ставший одним из центров по изучению Востока; В. Л. Котвич был первым его ректором (1920–1922). В 1912 г. В. Котвич совершил научную командировку в один из интересных уголков Монголии — Орхонскую долину, которая славится археологическими и письменными памятниками. Поездка состоялась во многом благодаря поддержке Русского комитета для изучения Восточной и Средней Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях, ставший на два десятилетия (1903–1923) координирующим востоковедным центром России, так как обеспечивал плодотворное сотрудничество многих ведущих центров в этой области, как в столице, так и материалы о Ю. Ковалевском под названием «Zbiory J. Kowalewskiego», написанные В. Котвичем).

регионах. Монголоведение было одним из приоритетных направлений исследовательской работы Комитета во многом благодаря деятельности ведущих ученых-монголоведов России: А. М. Позднеева, В. Л. Котвича, Б. Я. Владимирцова, А. Д. Руднева, Б. Б. Барадийна, Ц. Ж. Жамсарано, А. В. Бурдукова и др. Они не только сами совершали научные экспедиции для изучения монгольских народов, но и привлекали к этой работе представителей национальной интеллигенции, которые, в свою очередь, благодаря взаимодействию с ведущими научными центрами Петербурга, стали признанными учеными. Кроме этого, к исследованиям Комитетом привлекались и студенты Петербургского университета — авторитетного востоковедного центра, которые возвращаясь к себе на родину, будь то в Забайкальскую, Иркутскую или Астраханскую губернии, по заданиям Комитета собирали ценные материалы. В этом отношении Русский комитет был приемником и продолжателем российской монголоведческой школы, которая в самом начале своего пути становления поставила задачи сотрудничества с коренным населением восточных окраин России, что дало свои полновесные научные результаты. Во многом успех всех этих мероприятий зависел от самоотверженности ученых Комитета, среди которых особая роль принадлежала В. Л. Котвичу и его соратникам по вопросам монголоведения. В начале XX в. в России было создано два первых объединения специального востоковедного профиля: Императорское общество востоковедения (1900) и Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии (1903), с последним плодотворно сотрудничал В. Л. Котвич, был его членом, стал организатором многих научных экспедиций по изучению монгольских народов. Созданию Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии (РКСВА) предшествовал ряд событий международного характера: съезды востоковедов мира в Риме (1899) и Гамбурге (1902), на которых было принято решение об учреждении в большинстве стран Европы специальных комитетов по обследованию региона, включающего территории Азиатской части России, ее Дальнего Востока, Туркестанский край, Казахстан, Сибирь, а так же ее ближайших восточных соседей, прежде всего Китай и Монголия³. Был создан

³ Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении (ИРК). 1903. № 1. С. 5.

«Международный союз для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении». Ведущим подразделением этой организации стал Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, учрежденный в 1903 г. в Санкт-Петербурге после утверждения в Гамбурге Устава, подготовленного российскими учеными⁴. Таким образом, Русский комитет, созданный в составе этого «международного союза» являлся уникальным объединением российских ученых, поддерживающих тесные международные научные связи, он не входил ни в какие российские министерства и ведомства, связанные с наукой и образованием. Единственное министерство, перед которым Комитет отчитывался, и то преимущественно о заграничных командировках своих членов, это Министерство иностранных дел, которое, в свою очередь, способствовало оперативной организации научно-исследовательских экспедиций в зарубежные страны Востока. Главой Русского комитета был утвержден директор Музея антропологии и этнографии (МАЭ) академик, востоковед Василий Васильевич Радлов, секретарями РКСВА были избраны Василий Владимирович Бартольд и Лев Яковлевич Штернберг. В основном членами Комитета были востоковеды: уже названные В. Радлов, В. Бартольд, Л. Штернберг, а так же Ф. И. Щербатской, П. С. Попов, И. Я. Коростовец, В. Л. Котвич, позднее вошли монголоведы А. Д. Руднев, Б. Я. Владимирцов, А. М. Позднеев. Все ученые являлись представителями разных организаций России: Академии наук, Петербургского университета, его восточного факультета и ряда министерств: народного просвещения, финансов, иностранных дел, военного, а так же научных обществ: Русского географического, археологического обществ и Археологической комиссии.

С первых дней своей деятельности Комитет развернул широкомасштабную работу по изучению восточных народов в историческом, этнографическом, лингвистическом аспектах, и основным способом достижения этих целей были избраны экспедиции, которые позволяли, как показало время, изучать восточные языки и добывать достоверные сведения, найти и сохранить бесценные экземпляры восточных рукописей, записать фольклорный материал. И в этом Комитет был продолжателем традиций российской научной школы востоковедения.

⁴ ИРК. 1903. № 1. С. 7–9, 10–12.

ния. Из действий Комитета наибольшее значение имели организованные им экспедиции в Тибет, Монголию, Восточный Туркестан, Индию, Китай, Корею, Японию, а так же Сибирь и Среднюю Азию⁵.

Монголия и сопредельные с ней районы занимали в исследованиях Русского комитета одно из важных мест. Это было обусловлено многочисленными политическими процессами, происходящими на ее территориях. Понимая, что все события начала XX в. могли способствовать утрате исторических ценностей, их потере для науки, и в то же время, 1911 и 1912 гг., связанные с приобретением государственного суверенитета Халхи, способствовали работе российских экспедиций: Россия стала для независимой Северной Монголии дружественным государством, и эти обстоятельства активизировали экспедиционные исследования.

Период с 1908 по 1912 г. связан с активной работой монголоведов Русского комитета В. Котвича, А. Руднева, Б. Владимирцова, которые плодотворно сотрудничали с бурятскими исследователями Цыбенем Жамсарано и Базаром Барадийным ставших так же признанными специалистами-монголоведами. Ц. Жамсарано и Б. Барадийн при поддержке Комитета, его финансировании совершили неоднократные поездки к забайкальским бурятам, а так же в Монголию и Тибет. В 1910 г. Б. Барадийн продолжил изучать жизнь буддийских монастырей в Забайкалье, а Ц. Жамсарано изучать народную литературу у бурят-хоринцев. В конце 1909 г. Ц. Жамсарано был командирован из Забайкалья в Юго-Восточную Монголию «для собирания образцов народной литературы и материалов по диалектологии»⁶. Во время пребывания в Южной Монголии им было заказано изготовление копий с некоторых редких рукописей, эти рукописи стали поступать в Петербург, благодаря чему был получен новый список летописи Сананъ-Сэцэна; в связи с чем, В. Котвич просил выделить «для вознаграждения переписчиков 100 рублей»⁷. «Собранные материалы в Монголии и Забайкалье Ц. Жамсарано обрабатывал в Санкт-Петербурге, куда прибыл в начале 1911 г. В столице были собраны его рукописи, записки и с предыдущих поездок в указанные регионы, все хранилось в собра-

ниях Азиатского музея⁸, куда материалы были переданы Комитетом.

В связи с работой Ц. Жамсарано в Санкт-Петербурге В. Котвич и А. Руднев просили Комитет выделить ему «на текущий 1911 г. сумму в 900 р. (считая по 75 р. в месяц с 1 минувшего января), которая бы дала ему возможность жить в Петербурге и сосредоточить свою деятельность на интенсивной обработке вышеуказанных материалов и подготовке их к печати»⁹. Владислав Людвигович, подводя итог исследовательской деятельности Ц. Жамсарано в рамках научных программ Русского Комитета, дал высокую оценку его работе. Для выявления «необыкновенного богатства народного творчества» В. Котвич и А. Руднев организовали работу студентов Санкт-Петербургского университета бурят Д. Ринчино, Б. Вампилун и калмыка Ноха Очирова, просили Комитет поддерживать их просьбу.

Ученые Комитета использовали любую возможность, знакомство, даже заочное, чтобы собрать разнообразный по содержанию материал по истории и этнографии монгольских племен. В 1909 г. В. Л. Котвич через переписку вышел на «представителя русского купечества в Северо-Западной Монголии Алексея Васильевича Бурдукова»¹⁰, торгующий в стране дэрбэтов, и в частности, среди мало исследованного поколения байтов. Г[осподин] Бурдуков, благодаря продолжительному пребыванию среди дэрбэтов, хорошо усвоил себе их язык, изучил местные условия и завязал там прочные связи, что дает ему возможность легче, чем кому-нибудь другому, выполнять

⁸ Азиатский музей (Институт востоковедения Ленинградское отделение АН СССР, Институт востоковедения Российской академии наук, ныне Институт восточных рукописей) — место сосредоточения богатейших коллекций по востоковедению — рукописей, книг, ксилографов, монет и др.

⁹ ИРК. 1912. Серия II. № 1. С. 42.

¹⁰ Бурдуков Алексей Васильевич (1883–1943) — монголовед. Родился в Тобольской губернии, в крестьянской семье. Мальчиком на службе у купца попал в Монголию; со временем стал заведующим фактории. Изучил монгольский язык, интересовался традиционной культурой монголов. С 1923 г. живет в Иркутске, член ВСОРГО. С 1927 г. переехал в Ленинград, где началась его преподавательская деятельность в ведущих востоковедных центрах, преподавал монгольский язык. Пережил ряд арестов, был приговорен к высшей мере наказания в 1941 г., замененной в том же году на 10 лет исправительно-трудовых лагерей и направлен во 2-й лагпункт Тайгинского района Сиблага, где и умер в марте 1943 г.

⁵ Назирова Н. Н. Центральная Азия в дореволюционном отечественном востоковедении. М., 1992.

⁶ ИРК. 1912. Серия II. № 1. С. 14–16.

⁷ Там же. № 2. С. 8.

определенные поручения по собиранию материалов. Он охотно и бескорыстно откликнулся на мою просьбу доставить мне некоторые данные...», — такую информацию доложил В. Котвич Русскому комитету. На основании изложенного просил поддержать Алексея Васильевича в дальнейших его изысканиях по «ближайшим указаниям» Владислава Людвиговича¹¹. С этого момента, фактически, началось становление А. В. Бурдукова как ученого-монголоведа. Под руководством В. Котвича он собирал образцы фольклора, редкие рукописи, занимался восточными языками. За свою исследовательскую работу в Монголии уже в 1911 г. был награжден малой серебряной медалью РГО¹².

В Монголии В. Котвич пробыл около трех месяцев (1912), и за это короткое время сделал большой объем работы, хотя по оценке самого ученого, «сделал сравнительно немного» «ввиду краткости времени», в целом своей поездкой в Монголию был доволен¹³, это была его единственная встреча со страной, которой он всецело интересовался; «...чересчур мало у меня времени — неполных три месяца, а может быть, и всего только два с половиной. Решил поэтому пробраться [сразу] через Ургу на Орхон, посетить там Эрдэни-Цзу и развалины старых городов, где была, по-видимому, столица первых монгольских императоров XIII в., а кроме того, и более старые памятники, начиная с VIII в. Вот я и хочу их исследовать, поскольку мне это удастся»¹⁴. Во время поездки он посетил Ургу, Центральные и Западные аймаки Монголии, встречался с представителями духовенства и разных слоев населения, основательно изучил жизнь и быт, административное устройство, социальные и общественные отношения страны. О своей поездке в Монголию он докладывал на заседании Императорского Русского археологического общества 28 марта 1913 г.¹⁵

Научная командировка Владислава Людвиговича состоялась и благодаря инициативе, поддержке со стороны представителей бурятской интеллигенции, работающих в Монголии в начале XX в. — Цебена Жамсарано и База-

ра Барадина. Сохранилась богатая переписка между учеными, отражающая замыслы поездки, планы с ней связанные. В одном из писем к В. Л. Котвичу от 19 марта 1912 г. Ц. Жамсарано писал о «Рамстедском камне», который находился «около Эрдэни-Дзу, он «не стоит, а лежит». «Потому ранее никто не замечал», — писал Ц. Жамсарано, ссылаясь «на монгола, который сообщил об этом»¹⁶. Обсуждалась сумма, необходимая на раскопки, выделялось 3000 р., «конечно маловато, но все же в три месяца кое-что можно сделать», — по оценке бурятского исследователя. Ц. Жамсарано провел некоторую подготовительную работу и сообщил об этом в Петербург: что рабочих для раскопок можно найти на месте, «вообще со стороны монголов, — уверял он, — будет вам всевозможное содействие», советовал, что для безопасности необходимо «получить казаков — человек 10 с урядником. Конечно, им тоже придется платить, но все же солиднее будет. Быть может, Вы поговоритесь Главнштабским относительно прикомандирования к Вам из местных частей (Троицкосавск) отряда казаков с тем, чтобы они раскапывали под Вашим руководством. Думаю, что и местные власти ничего не будут иметь против этого»¹⁷.

Ц. Жамсарано и Б. Барадин вели совместную работу с петербургскими востоковедами по разным вопросам монголоведения, один из актуальных вопросов, решаемых с В. Котвичем, был вопрос по сбору и обработке фольклора бурят. «Теперь относительно бурятских образцов»¹⁸. Я уже написал Андрею Дмитриевичу¹⁹ о том, что начать нужно с племени эхирит булагат...». «Просил бы пока безотлагательно прислать мне в Ургу набравшийся улигер «Хан-богд ханхаранхуй», с вариантом... Еще лучше, если заодно пришлете или привезете с собой все улигеры эхирит булагатов (как-то «Аламджи эцин», «Бурятын богдо хан», «Бо-

¹⁶ В. Котвичийн хувийн архиваас олдсон монголын туухэнд холбогдох зарим бичиг / Судлан хэвлүүлсэн акад. Б. Ширэндэв. Улаанбаатар, 1972. С. 191–193.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Ц. Жамсарано и А. Д. Руднев подготовили фольклорное наследие монголоязычных народов к публикации, первый выпуск увидел свет в 1908 г. под названием «Образцы монгольской народной литературы» и продолжали работы в этом направлении, что и отражено в письме Ц. Жамсарано.

¹⁹ Андрей Дмитриевич Руднев (1878–1958) — выдающийся ученый, исследователь монгольских диалектов, профессор Санкт-Петербургского университета.

¹¹ ИРК. 1912. Серия II. № 2. С. 36–38.

¹² Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов-жертв политического террора в советский период (1917–1991) / сост.: Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. СПб., 2003. С. 82.

¹³ Бурдуков А. В. В старой и новой Монголии. М., 1969. С. 275.

¹⁴ Там же. С. 270.

¹⁵ Архив Российской академии наук. Ф. 761. Оп. 2. Д. 20. Л. 41.

под Хитрый Хубул» и т. д.), дома в Аге у меня имеются карандашные записи Гэсэриады... Гэсэриада имеется в Азиатском музее в чистом виде, но можно ли по ней набирать? Бадзар может отобрать все, что относится к эхирит булагатам, не будете ли, друзья мои, так добры: отобрать тамошние материалы...»²⁰.

В поездке по Монголии Владислав Людвигович вел дневник, куда записывал кратко свои наблюдения, заметки об увиденном. Дневник командировки сохранился, находится в архиве Польской академии наук в Кракове, представляет собой маленький блокнот (половина тетради), рукопись, карандаш; в твердом темно-синем переплете, в 2 частях (два блокнота). Первый блокнот — 58 листов с оборотами²¹, второй — 44 листа²². Согласно записей дневника, члены экспедиции «20 июня 1912 г. прибыли в Троицкосавск, 22 июня выехали в Кяхту, 24 июня прибыли в Ургу в 3 часа», в этот же день их встречали «Да-лама — премьер и МрВД [Министр внутренних дел], Ханда-ван МИД (Министр иностранных дел), Намсарай-ван — МИД, Далай-ван — Воен[ный] М[инистр], Туши-ван М[инистр] ф[инансов]. 29 — выезд из Урги. Солнце»²³. «Отправились по северной [нрзб] дороге» к Эрдэни-дзу в составе каравана 1) Я [авт.: В. Л. Котвич], 2) Ц. Ж. Жамсарана, 3) К. А. Маслов, 4) 10 казаков, во главе с урядником Румянцевым, 5) чахарец Лубсан, 6) Мейранб с синим шариком ха борохъхъ²⁴. «Тракт очень оживленный, проезжает верблюды много обозов с мерлушками... шерстью. От дождей теплая Сельба... В 11 ½ прибыли в Сангана-булун»²⁵. Вторая часть записей путешествия по Монголии 1912 г. — это описание фотографий, которые были сделаны в Монголии, их число, описание изображения, условия, при которых были сделаны снимки (солнечно, сумерки и т. п.)²⁶. Составной частью дневника является материал для монгольского словаря, В. Л. Котвич распределил слова по темам, например, «юрта» и здесь представлена терминология, характеризующая убранство жилища

кочевников: круг, сруб, привязь лошадей и др.²⁷ Эти страницы путевого дневника ученого характеризуют его как скрупулезного исследователя монгольского языка, автора двух грамматик: «Грамматика монгольского литературного языка» (1908) и «Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка» (1915). По итогам своего путешествия в Монголию, В. Котвич подготовил монографию «Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии», изданную в Санкт-Петербурге в 1914 г. Приобретенные в ходе научной командировки материалы он в последующие годы постоянно дополнял благодаря его широкому кругу знакомств, как с деятелями науки, так и политики. Особенно ученого интересовали события, происходившие в Монголии в начале XX в. Создание независимого монгольского государства было объективно прогрессивным явлением в истории страны. Монголия вступила в переговоры с Россией, куда была отправлена первая официальная монгольская делегация в 1911 г., в 1912 г. — вторая. В. Л. Котвич как ученый и государственный чиновник России, был не только в курсе всех этих событий, но и помогал в решении межгосударственных вопросов. В одном из писем в Монголию Владислав Людвигович выражал беспокойство о результатах монгольских делегаций в Россию и советовал: «Очень прошу вас передать прилагаемое письмо Да-Ламе и Хайсану, а еще на словах разъяснить им следующее. В Министерстве И[ностранных] Д[ел] знают о разногласиях между депутатами. Кроме того, получено сведение, что в Урге князь говорят не совсем то, что в С-Петербурге говорили депутаты. Это здесь произвело не очень хорошее впечатление и главный вопрос, из-за которого Да-лама и Хайсан ездили в Москву, именно о ружьях (буу), останется нерешенным до тех пор, пока от надлежащих лиц не будет сделано в Урге новое заявление о необходимости. Вообще было бы весьма желательно, чтобы от разногласий, которые здесь обнаружили от нашего свидания, не было бы и помину, и чтобы и князь, и Да-лама одинаково согласованно действовали. Это самое скромное мнение, которое прошу Да-ламу обсудить и решить по своему усмотрению»²⁸.

Как сотрудник Министерства финансов России В. Котвич интересовался экономическим развитием Монголии в период становления

²⁰ В. Котвичийн хувийн архиваас олдсон монголын туухэнд холбогдох зарим бичиг / Судлан хэвлүүлсэн акад. Б. Ширэндэв. Улаанбаатар, 1972. С. 191–193.

²¹ Архив Польской академии наук в Кракове. Ф. К. III-19. В. Л. Котвича. Д. 123.

²² Там же. Д. 123а.

²³ Там же. Д. 123. Л. 2.

²⁴ Там же. Л. 3.

²⁵ Там же. Л. 2.

²⁶ Там же. Д. 123а. Л. 43–44.

²⁷ Архив Польской академии наук в Кракове. Ф. К. III-19. В. Л. Котвича. Д. 123а. Л. 36–38 об.

²⁸ В. Котвичийн хувийн архиваас олдсон монголын туухэнд холбогдох зарим бичиг. С. 41–46.

независимости. Его фонд в архиве Польской академии наук в Кракове сохранил много интересного материала о вопросах торговли между Монголией и Россией, о ввозимых и вывозимых из Монголии в Россию и обратно товаров, о сложностях этих отношений²⁹.

В целом российско-монгольские отношения интересовали востоковеда всегда, он долгое время работал с российскими архивами по истории многосторонних связей Джунгарского ханства с Русским государством в XVII и XVIII вв., итогом этого многолетнего исследования стала работа, опубликованная в 1919 г. «Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв.» К вопросам истории монголоязычных народов В. Л. Котвич возвращался в своих статьях «О памятниках монгольской письменности из Хара-хото», «Из поучений Чингис-хана», опубликованной в журнале «Восток» (№ 3, 1923), в отзыве на книгу Хара-Давана Эренжена «Чингис-хан как полководец и его наследие» (1929), — все это характеризует необычайно широкий и разносторонний интерес ученого к изучению самых различных сторон жизни монголоязычных народов — языка, письменных памятников, литературы, фольклора, эпоса, истории, религии.

1923 г. стал поворотным в судьбе ученого. За значительный вклад в развитие востоковедения В. Л. Котвичу было присвоено звание члена-корреспондента Российской академии наук³⁰. В том же году ученый переезжает во Львов, в Польшу, где и продолжил свою научную деятельность. Там его избирают профессором по кафедре филологии Дальнего Востока Львовского университета, позднее (1927) был избран действительным членом Польской академии наук (ПАН) (Краков). «Общие условия жизни здесь вполне удовлетворительные, но научная работа по востоковедению протекает при очень тяжелых условиях в виду отсутствия книг и коллекций. Моя библиотека застряла в Москве; у меня нет самых необхо-

димых пособий... но стараюсь не унывать» — писал Владислав Людвигович своему коллеге по Санкт-Петербургу Л. Я. Штернбергу³¹. Однако дружественные отношения, сложившиеся между В. Л. Котвичем и учеными Санкт-Петербурга и Москвы продолжались и после переезда ученого в Польшу, а потом и Литву. Это трагичное для востоковеда «отсутствие книг и коллекций» компенсировалось по его просьбе коллегами из России. Благодаря сохранившейся переписке с Б. Я. Владимирцовым, Н. Н. Поппе, Г. Д. Санжеевым и многими другими, мы узнаем не только о их помощи друг другу, но и о развитии востоковедения в России и Польше и о становлении советской ориенталистики. Весьма интересный эпизод, связанный с судьбой авторитетного труда С. А. Козина «Сокровенное сказание монголов», который пережил много нелицеприятных высказываний в свой адрес. В одном из своих писем Н. Н. Поппе обратился к Владиславу Людвиговичу с просьбой: «Не дали бы Вы рецензию на С. А. Козина «Сокровенное сказание»? Дело в том», — пишет далее Н. Н. Поппе, — «имеется уже ряд рецензий, причем, по-моему, не все рецензии компетентны в этих вопросах и, видя мелочи, не замечают главного...»³². «Было бы очень хорошо иметь беспрестанную рецензию высоко компетентного ученого, а компетентнее Вас у нас в СССР по этим вопросам я не вижу никого...»³³. В. Л. Котвич откликнулся на эту просьбу и подтвердил значимость выхода в свет этой работы. Эта переписка ярко свидетельствует о месте и значимости В. Л. Котвича в истории монголоведения и о том, что в Польше он продолжал работать над вопросами монголоведения. Сохранилась интересная рукопись В. Котвича на 50 листах, датированная и подписанная им в 1932 г. на польском языке, это рецензия на работу «Bostwa szamanskie mongolow», автор которой Wiktor Frantr³⁴. Шаманизм как одна из составляющих религиозно-

²⁹ Архив Польской академии наук в Кракове. Ф. К. III-19. В. Л. Котвича. Д. 94. Л. 1–12 (рукопись, отпечатанная об экономическом положении Монголии и российско-монгольских экономических связях, их становлении в XX в., датированная осенью 1917 г.); Л. 31–33 (материалы по русской торговле в Монголии и таблицы с информацией вывозимых из Монголии и ввозимых в нее товаров); Л. 170–175 (информация от разных людей о торговле, экономике, влиянии Китая и Японии на рынок монголов и т. д.)

³⁰ Улымжиев Д. Б. Монголоведение в России во второй половине XIX — начале XX вв.: петербургская школа монголоведов. Улан-Удэ, 1997. С. 132.

³¹ Л. В. Штернберг и В. Л. Котвич были в хорошо знакомы в Санкт-Петербурге — Петрограде, в частности, по совместной работе в Русском Комитете для изучения Средней и Восточной Азии, где Котвич состоял членом, а Штернберг — секретарем (Переписка В. Л. Котвича и Л. Я. Штернберга (1924–1925 гг.). Режим доступа: <http://www.icrap.org/ru/Perepiska8-1.html>).

³² Rps PAN Кг. Библиотека Польской академии наук и знания в г. Краков. Д. 4598. Т. 2. Л. 34.

³³ Там же.

³⁴ Архив Польской академии наук в Кракове. Ф. К. III-19. В. Л. Котвича. Д. 118.

го мировоззрения монголов стала предметом изучения для востоковеда. С 1931 г. уделял значительное внимание общим проблемам сравнительно-исторического изучения алтайских языков. Этой проблематики были посвящены труды, вышедшие в Польше в 1936 и 1950 гг., позже переведенные на русский язык, в частности работа В. Котвича «Исследования по алтайским языкам» (1962).

Истории монголоязычных народов В. Л. Котвич уделял значительное внимание на протяжении всей своей жизни, при чем его интересовали как различные временные периоды, так и аспекты развития монгольского общества. Особый интерес представляет сохранившаяся рукопись монголоведа «Из области общественных отношений в монгольских владениях XIII–XIV вв.»³⁵, датированная автором 1942 г. Она не была опубликована: в левом углу на первой странице карандашом рукой В. Л. Котвича написано «не для печати», возможно в виду своей незавершенности. Это рукопись — черновик, чернила на русском языке, 24 листа формата 13x20 см содержит интересные сведения, выводы ученого относительно общественных отношений XIII–XIV вв. у монголов, вопрос, который интересует многие поколения монголоведов. В. Л. Котвич в рукописи отмечает: «Монголы силой оружия подчинили своей власти обширные пространства Евразии с самыми разнообразными геофизическими условиями и разноплеменным населением, находившимся на различных ступенях общественного и культурного развития и образовавшим ряд государств и иных политических группировок. Одаренные, как кочевники, способностью быстрой практической ориентации, завоеватели легко поняли, что удержать подобные страны в составе единого политического организма можно только в том случае, если обеспечить себе доминирующее положение, они, вместе с тем, создают всем народам и отдельным лицам условия, благоприятствующие не только сохранению достигнутого культурного уровня, но и дальнейшему его развитию...»³⁶. На наш взгляд, эта точка зрения востоковеда, уже тогда проливал свет на взаимоотношения и русских княжеств с монголами в течении трех столетий.

«В своих родных стенах монголы создали сильный военный и полит центр. Все монголь-

³⁵ Архив Польской академии наук в Кракове. Ф. К. III-19. В. Л. Котвича. Д. 45 (Рукопись В. Л. Котвича «Из области общественных отношений в монгольских владениях XIII–XIV вв.»).

³⁶ Там же. Л. 1.

ское население было поставлено на военное положение и на подмогу ему взято кочевое население других национальностей, прежде всего тюркской, в тех регионах, которые добровольно подчинились власти завоевателей. С другой стороны, была уничтожена власть прежних сильных правителей и вообще возглавлявшихся ими династий в прочих странах, но оставлены мелкие владетели и племенные вожди, особенно враждававшие друг с другом там, где монголы не предусматривали для себя какой-либо опасности...»³⁷; «...в целях организации более действительной власти все государство было разделено на четыре (одно время их было пять) части, при чем каждый состоял в одной части из кочевого региона, другой из оседлого с принятием во внимание географического положения и состава населения. В каждом уделе был создан местный центр, функции которого были ограничены, с одной стороны сильной зависимостью от главного центра, с другой — широкой автономией оседлых регионов и их частей. Главный центр сохранил в своем непосредственном завоевании войска и финансы, сумел в течении почти полувека удержать действительную власть на всем протяжении государства и даже постепенно расширять его пределы по всем направлениям, увеличивая пространство всех уделов. Только с 1260 г. стало нарушаться единство государства...»³⁸.

«...Все обитатели монгольского государства, способные носить оружие или заниматься производительным трудом, обязаны были нести ту или иную тяготу на нужды государства или потребности двора. В связи с этим от времени до времени производились переписи населения и составлялись, сообразно с характером налагавшихся обязанностей переписные книги (дэбтэр или дэфтэр), которые затем и служили руководством для подлежащих правительственных органов. В данном отношении население может быть разделено на три большие группы: А) обитатели, обязанные личной службой...³⁹, Б) обитатели, обязанные взносом податей налогов — все работоспособные представители оседлых народов, занимавшиеся частным трудом...⁴⁰, В) лица, свободные от государственных тягот...»⁴¹. И каждой группе

³⁷ Архив Польской академии наук в Кракове. Ф. К. III-19. В. Л. Котвича. Д. 45. Там же. Л. 2.

³⁸ Там же. Л. 3

³⁹ Там же. Л. 5

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. Л. 11.

дает детальные пояснения. Далее В. Л. Котвич отмечал, что «при просмотре документов, касающихся обложения населения при монголах, бросается в глаза большое количество употребляемых в них терминов для обозначения существовавших в их владениях податей налогов и сборов. Обыкновенно принимается, что под всеми этими терминами нужно разумеать различные виды сборов и, таким образом, получается впечатление крайней сложности и неупорядоченности монгольской системы обложения. Однако ближайший анализ налоговой терминологии разрушает это впечатление...»⁴²; «...основы обложения населения и опыты их применения были сделаны еще при основателе государства Чингис-хане, но подробная разработка налоговой системы последовала при его приемниках — Угедее и Монко...»⁴³. Ссылаясь на источники, монголовед называл «три главных вида сборов: хубчур, калан и тамга» и далее рассуждал о их происхождении и содержании⁴⁴. Эта рукопись В. Л. Котвича «Из области общественных отношений в монгольских владениях XIII–XIV вв.» требует к себе особого внимательного отношения и заслуживает посвящение ей отдельной публикации, которая бы способствовала введению этого документа в научный оборот.

Многочисленные труды В. Л. Котвича (за все время научной деятельности им было опубликовано 150 работ) изданы на русском, польском, французском, английском и монгольском языках. Работая над польским архивом ученого и с каталогом библиотеки Варшавского университета и национальной библиотеки в Варшаве, можно было заметить, что рабочими языками востоковеда были русский и польский, много работ написано на французском языке, большинство из которых было мало известно в России. В одном из своих писем Н. Н. Поппе писал В. Л. Котвичу: «...в Калмыцкой АССР еще имеются люди хорошо помнящие Вас, к сожалению, я не могу сказать то же про Бурятию, где помнящих Вас уже нет, а молодежь знает только Ваши работы, да и только на русском языке, ибо там владения французским языком нет никакого»⁴⁵. Однако, следует заметить, что среди калмыков Владислав Людвигович бы-

вал неоднократно, каждый раз по долгу работал, собирал фольклор калмыков, его поездки были наполнены интересными встречами со сказителями-улигершинами, а в Бурятии он никогда не был.

Деятельность отдельно взятого ученого — это неотъемлемая составляющая истории российского монголоведения, которая и на сегодняшний день имеет много «белых пятен», дело в том, что о многих, кто посвятил свою жизнь изучению Востока, мы знаем мало, а другие просто забыты, а о третьих, казалось бы, известно многое, но можно с полной уверенностью сказать, далеко не все. И в этом деле могут помочь личные архивы наиболее известных ученых, профессоров, академиков, среди материалов которых можно встретить и забытые имена или неизвестные вовсе. В Санкт-Петербургском филиале архива РАН (далее СПФ АРАН) хранится собрание личных фондов монголоведов, как правило, имеющих звание академиков: И. Я. Шмидта (Ф. 785), В. П. Васильева (Ф. 775), В. Л. Котвича (Ф. 761), Б. Я. Владимирцова (Ф. 780), В. В. Бартольда (Ф. 68), С. А. Козина (Ф. 886), так же Н. Н. Поппе (Ф. 781), отражающий его научную деятельность до 1937 г. Кроме того, интересный материал содержится в фондах Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии (Ф. 148) и Азиатский музей императорской Академии наук. Институт востоковедения (Ф. 152), раскрывающие взаимоотношения ученых, процесс организации науки. Рассматривая фонды ученых в хронологической последовательности, постепенно сложится картина становления российского научного монголоведения.

Судьба научная и личная Владислава Людвиговича связана и с Россией, и с Литвой, и с Польшей. Богатый архив находится в Кракове в Архиве академии наук, однако значительное число документов составляют личный фонд В. Л. Котвича в СПФ АРАН № 761. Фонд состоит из двух описей, первая содержит дела, включающие рукописи самого ученого и других востоковедов, биографические материалы В. Л. Котвича, некоторые приложения-ответы на письма; вторая — письма, адресованные В. Котвичу. Переписка Владислава Людвиговича с различными людьми составляют большую часть фонда, и в целом характеризует его как коммуникабельного, разностороннего ученого и человека, он представляется своего рода центром монголоведения в одном лице, куда стекается различная информация о результатах и планах научной работы, личных

⁴² Архив Польской академии наук в Кракове. Ф. К. III-19. В. Л. Котвича. Д. 45. Л. 12.

⁴³ Там же. Л. 15.

⁴⁴ Там же. Л. 17–24.

⁴⁵ Rps PAN Kł. Библиотека Польской академии наук и знания в г. Краков. Д. 4598. Т. 2. Л. 25 об.

достижениях и трагедиях ориенталистов, материалы об организации или реорганизации, сначала российской, затем советской востоковедной науки. Монголоведу писали как авторитетные ученые: Ф. И. Щербатской⁴⁶, Б. Я. Владимирцов⁴⁷, С. А. Козин⁴⁸, В. М. Алексеев⁴⁹, Н. Н. Поппе⁵⁰, А. Д. Руднев⁵¹, П. П. Шмидт⁵²,

⁴⁶ Щербатской Федор Ипполитович (1866–1942) — преподаватель, индолог, член-корреспондент РАН (1910).

⁴⁷ Владимирцов Борис Владимирович (1884–1931) — монголовед, преподаватель Ленинградского/Петроградского университета с 1915 г., действительный член АН СССР с 1929 г.

⁴⁸ Козин Сергей Андреевич (1879–1956) — монголовед, преподаватель Ленинградского госуниверситета (1935–1950), научный сотрудник Азиатского музея Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (1924–1956).

⁴⁹ Алексеев Василий Михайлович (1881–1951) — востоковед, китаевед, преподаватель. Действительный член АН СССР с 1929 г., научный сотрудник Азиатского музея Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (1930–1951).

⁵⁰ Поппе Николай Николаевич — (1897–1991), один из крупнейших лингвистов-востоковедов XX в. В течение многих десятилетий имя этого ученого в нашей стране за отдельными исключениями не упоминалось по политическим и идеологическим причинам: в 1942 г. Поппе добровольно перешел на сторону немцев и ВСКОРЕ навсегда покинул СССР. Н. Н. Поппе в 1921 г. окончил монгольское отделение факультета общественных наук Петроградского университета, где учился у А. Д. Руднева, В. Л. Котвича; А. Н. Самойловича, С. Е. Малова, А. В. Бурдукова и прежде всего у своего главного наставника Б. Я. Владимирцова; еще в студенческие годы он начал преподавание в Институте живых восточных языков и работал лаборантом в Институте географии, где получил подготовку под руководством Л. Я. Штернберга. Сразу после окончания университета он стал преподавать в нем, совмещая преподавание в двух вузах с работой в Азиатском музее, позднее в образованном в Институт востоковедения АН СССР. Этот институт наряду с университетом оставался основным местом работы Н. Н. Поппе до 1941 г., после смерти Б. Я. Владимирцова в 1931 г. он возглавлял монгольский кабинет института. В 1928 г. Н. Н. Поппе получил звание профессора, а в 1932 г. бы избран членом-корреспондентом АН СССР. В 30-е гг. он был признанным главой советской монголистики (Алпатов В. М. Лингвистическое наследие Н. Н. Поппе // Вопросы языкознания. 1992. № 3).

⁵¹ Руднев Андрей Дмитриевич (1878–1958) — исследователь монгольских диалектов, преподаватель. Выпускник факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета.

⁵² Шмидт Петр Петрович — востоковед, преподаватель, выпускник факультета восточных языков Санкт-

А. В. Гребенщиков⁵³, чтобы обсудить вопросы науки, спросить мнения В. Котвича, узнать, как обстоят дела у него. Письма, датируются и временем его работы в Санкт-Петербурге, и временем его проживания в Польше, куда он уехал в 1923 г.

Тесные связи Владислав Людвигович поддерживал с Б. Барадиным⁵⁴ особенно с Ц. Жамсарано⁵⁵, с которым, можно сказать и благодаря ему, ученый совершил свою единственную поездку в Монголию, в Орхонскую долину в 1912 г. Переписка между ними раскрывает не только В. Котвича как заинтересованного исследователя, но и таковым рисует Ц. Жамсарано. Часть писем Ц. Жамсарано, адресованных В. Котвичу не опубликованы. Исследователи являлись члена Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии во главе с В. В. Радловым⁵⁶. Комитет обеспечивал орга-

Петербургского университета (1896 г.), магистр (1902 г.), член Общества русских ориенталистов в Харбине, преподаватель маньчжурского языка в Восточном институте во Владивостоке (1903–1909).

⁵³ Гребенщиков Александр Васильевич (1880–1941) — маньчжуровед, преподаватель. Выпускник Восточного института во Владивостоке (1907), выпускник факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета (1911), член Общества русских ориенталистов в Харбине, преподаватель маньчжурского языка в Восточном институте во Владивостоке (1911–1922).

⁵⁴ Барадийн Базар Барадиевич (1878–1937) в 1905 г. окончил Санкт-Петербургский университет, Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии был направлен в Тибет (1905–1907), преподаватель факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета (1908–1917), средней школы в Верхнеудинске (1917–1923). Нарком просвещения (1923–1926). Председатель Ученого комитета (1923–1935). Научный сотрудник института востоковедения АН СССР (1935–1937).

⁵⁵ Цыбен Жамсарано (1880–1942) — доктор филологических наук (1935). Преподаватель монгольского языка в Санкт-Петербургском университете. Участник фольклорно-этнографических исследований в Монголии и в Бурятии (1908–1910). Советник по вопросам образования в правительстве Богдо-гэгэна, научный работник и просветитель в Монголии (1911–1917). Один из лидеров бурятского национального движения. Научный сотрудник Института востоковедения АН СССР, член Монгольской комиссии АН СССР (1932–1937).

⁵⁶ Радлов Владимир Викторович (1837–1918) — ординарный академик (1884), директор Азиатского музея (1884–1918), директор Музея антропологии и этнографии (1894–1918), председатель Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии (1903–1918) и др.

низацию поездок Ц. Жамсарано по Монголии с целью сбора «Образцов монгольской народной литературы». С таким названием в 1908 г. вышла его совместная с А. Д. Рудневым работа. Писали В. Л. Котвичу исследователи и учителя из Сибири, с которыми он познакомился во время поездки в Монголию. Это учитель Малков из Кяхты и член Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества (ВСОРО) В. Н. Флоренсов из Иркутска. Архивы В. Л. Котвича рассосредоточены по разным архивохранилищам, преимущественно в России и Польше, и ждут еще своего времени, чтобы соединившись в одном труде, рассказать о выдающемся востоковеде.

В. Л. Котвич похоронен в Вильнюсе, где он жил в последние годы жизни с дочерью Марией. Таким образом, его жизнь, научная и педа-

гогическая деятельность связана и с Россией, и Польшей, и Литвой. Его архивы рассосредоточены по этим государствам (преимущественно в России и Польше) и ждут еще своего времени, чтобы соединившись в одном труде, рассказать о выдающемся востоковеде, его соратниках, в целом «...сказать свое слово о бывших ориенталистах, ...о тех прекрасных людях, которые оставили след в науке ни на одно поколение, ...внести вклад в большое дело, которое называется историей наук», — писала Ольга Макарова — дочь Б. Я. Владимирцова к Марии Котвич — дочери Владислава Людвиговича в 1972 г.⁵⁷

⁵⁷ Rps PAN Kł. Библиотека Польской академии наук и знания в г. Краков. Д. 4570. Т. 13. Л. 25–26 об.

ОБЗОР И ОСОБЕННОСТИ МОНГОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (1911–1920)

История Монголии как наука встретила XXI в., преодолев несколько этапов в XX в. С поры провозглашения всеми признанной Монголии в начале прошлого века как результат национально-освободительного движения создано благоприятное условие внедрения западной культуры и науки в Монголию. Особенностью Монгольской историографии этого времени является рассмотрение истории в связи с государственной историей Монголии и интересами независимости и это усиливало в начале XX в. когда широко развернулось национально-освободительное движение¹. Достижением этого времени считается распространение современного знания истории вне официальной государственной историографии наряду с традиционной историей. Однако традиционная историография преобладала.

Немало книг, статей и очерков по истории Монголии были опубликованы в 1911–1920 гг. Эти работы можно разделить на периодику, официальную государственную историю², религиозную историю³, биографии и местные истории⁴. Прогрессивные люди монгольского общества зорко наблюдали за путями получения информации о социальной и повседневной жизни современных прогрессивных стран и кругобороте информации. Кроме того,

¹ Бира Ш. БНМАУ-ын түүх, соёл, түүх бичлэгийн асуудалд. УБ., 1977. Т. 69.

² Монгол улсын шастир. II дэвтэр. Хэвлэлд бэлтгэсэн А. Очир нар. Улан-Батор, 1997; Магсаржав Н. Монголын шашин төрийг хослон баригч Богд хааны түүх. Улан-Батор, 1924 (гар бичмэл. Түүхийн хүрээлэнгийн номын санд бий); Магсаржав Н. Монгол ардулсын засаг төрийн байдал хэрхэн уламжилсан явдлыг тайлбарласан бичиг. Улан-Батор, 1926; Магсаржав Н. Монгол улсын шинэ түүх. Улан-Батор, 1927.

³ Дамдин Ш. Алтан дэвтэр. Улан-Батор, 1931; Дандаа Ч. Бурхны номын журам бадруулсан эрдэнэт толь хэмээх шашдир. 1913. УННС-д бий; Дандаа Ч. Шинэ засгийн зүйл. 1915. УННС-д бий; Дандаа Ч. Шинэ засгийн гол ес. 1922. УННС-д бий.

⁴ Монгол улсын автономигэдэг өөртөө эзэрхэн засах эрхт засгийн үеийн үнэнхүү явдал чухал учрыг тэмдэглэсэн товч өгүүлэл гэдэг түүх бичиг. Хэвлэлд бэлтгэсэн О. Батсайхан. Улан-Батор, 1992; Агваанпринлэйжамц. Монгол улсын Олноо Өргөгдсөн Богд хааны түүх. Улан-Батор, 2001. Бадамцэрэн. Богд Жибзундамба хаан ширээнд заларсны нууц түүх- Ялгуулсан хөвгүүний баясгалангийн хуримын далай хэмээгдэх оршвой. УННС-гийн монгол гарбичмэлийн хөмрөгт.

перспектива мирового развития в начале XX в. увеличила возможность расцвета национально-прогрессивного взгляда в социальном менталитете Монголии.

Развитие производственных сил в глубине монгольского общества и новая тенденция в делении труда отразились в развитии менталитета монголов. Патриотический взгляд понимания отсутствия возможностей развития без реформы выдвинулся в социальном менталитете и некоторые новые методы социальных отношений были внедрены, в том числе, публикация газет и журналов как крупные средства общественной коммуникации, делая периодическую неразлучной частью в жизни монголов.

По мере появления взгляда общественной реформации и стремления к новой экономической жизни, новые методы и механизмы их реализации начали формироваться. Распространение просветительской идеологии и его пропаганды были насущными вопросами.

Общественное историческое развитие требовало создание средства массовой информации и прежде всего ежедневной газеты для достижения задач национального демократического взгляда как понимали лидирующие прогрессивные люди монгольского общества. Вместе с тем, восстановление независимости монгольского государства стало основой реального осуществления этой задачи.

Первое монгольское периодическое издание «Шинэ толь хэмээх бичиг» было просветительским демократическим журналом. Первый номер этой газеты был опубликован 6 июня 1913 г. по договору, заключенному в начале 1913 г. между Министерством иностранных дел Монголии и представителем Царской России в Монголии. Номера газет были опубликованы под покровительством представителя Царской России в Монголии и соответствовали интересам обеих сторон.

Если прогрессивные интеллигенты Монголии хотели иметь свою периодику, то русские старались включить их политику в нее. Однако, она стала регулярной печатью с независимой политикой благодаря ее ответственных редакторов-прогрессивных интеллигентов Монголии (Ж. Цэвээн, Бадрахбаатар). Интеллигенты того времени Д. Бадрахбаатар, Б. Намсрай, Ж. Цэвээн, С. Буяннэмэх и другие активно опубликовали очерки и статьи в газете

«Шинэ толь хэмээх бичиг». Особенно, ученый Ж. Цэвээн вложил большой вклад в создании и опубликовании этой газеты. Следовательно, он считается одним из основателей периодики в Монголии.

В первом номере газеты «Шинэ толь хэмээх бичиг» была написана цель этой газеты и названия будущих статей. В очерке первого номера «Элдэв ухааныг бадруулсан бичиг (Текст о разных наук)» было написано: «В этот период, когда наши монголы уже создали наше независимое государство, нам нужно овладевать разными науками неотложно чтобы стать особенно мощными. Следовательно, в нашем комитете газеты подготовили тексты по разным наукам, использованными в зарубежных странах, создавая газету с оттисками для вклада в учебе многих монголов. Список наших будущих материалов для публикации:

1. Состояние мира.
2. Состояния разных стран в мире.
3. История бытия человечества с доисторического времени и его овладения знаниями.
4. История Монголии и многих других стран.
5. Математика и естественные науки.
6. Наука разных форм и веществ.
7. Разные замечательные рассказы.
8. Улучшение быта и наука об опеке.

Кроме того, есть информация о том, где и по какой цене можно купить газету. Например, в уголке «Тодорхой сонсогх нь (Уточнение)» третьего номера газеты «Шинэ толь хэмээх бичиг» было написано: «Наш комитет газеты в Нийслэл Хурээ будет опубликовать ежедневный номер газеты среди которых некоторые будут выходить в оттисках и она была названа “Шинэ толь” так как в ней будут опубликованы много переводов о замечательных мировых событиях уже и если много монгольских и иностранных ученых хотят читать, то им надо платить два целкова в год, а столичным людям нужно платить десять монет в месяц. Приложение стоит тоже не очень дорого и если вы — читатели хотите посмотреть их, приходите в наш Комитет “Шинэ толь”, который находится в высоком здании на северозападе здания министерства внутренних дел». Кроме того, в номере 14 было написано: «Если вы хотите брать статью, составленную священником Гүнгийн зуу с остроумными выражениями в Специальном уголке, то она находится в нашем комитете “Шинэ хороо”. Вам нужно платить 5 мунгов для растрченных чернил и бумага. Наряду с этим

в вышеуказанном уголке этого номера еще и объявлено, что будет напечатана газета “Восточное Забайкалье” в городе Страватинский в южном Байкалье. В ней критикуют местную политику. Взгляд этой газеты прогрессивный. Не принадлежит к какой-нибудь партии. Если вы хотите выписать эту газету она стоит 8 тугриков в год. Для вышеизложенной цели информирую».

Газета «Шинэ толь бичиг» выполнила свою историческую обязанность в период ее существования, удовлетворяя не читательскую, но социальную потребность в виде опубликования статей по социально-экономическим, политическим темам.

Демократические прогрессивные периодики Монголии (1913–1920) имеет свое место в историографии периода Всеми Признанной Монголии. Первые Монгольские периодики «Шинэ толь бичиг» (с 6 июня 1913 г. по 21 августа 1914 г.)⁵, «Нийслэл Хүрээний сонин бичиг» (1 сентября 1915 г. по 23 января 1920 г.)⁶ были просветительскими публикациями, которые пропагандировали прогрессивные и демократические взгляды.

Заведующие этих газет поставили перед собой опубликовать материалы, защищающие независимость Монголии и свободу страны. Вместе с тем, они опубликовали много статей, критикующие социальную структуру, администрацию и судебные процессы того времени. Пропагандировались интенсивное развитие культуры и образования через статьи о преобразовании страны, формировании новой прогрессивной хозяйственной формы, о науке и просвещении против доминирующей религии. Знание истории новой формы распространялось на страницах публикации. Например,

⁵ «Шинэ тольхэмээх бичиг» анхны дугаар нь 1913 оны 6-р сарын 6 нд гасан. Тус сонин эхний дөрвөн дугаар нь 23x15 см-ийн хэмжээтэй 50–60 хуудастай сэтгүүлийн маягаар, дараах 16 дугаар нь 34x26 см-ийн хэмжээтэй 6–10 нүүр бүхий сонин хэлбэрээр 20 дугаар гарчээ. Нэг дугаар нь 500 хувиар гарч Гадаад Монголын төрийн байгуулагуудад үнэгүй тараагдаж, уншигчдад сонин худалдаалах цэгээр дамжин тардаг байв. Эдүгээ Монголын Үндэсний төв архивт «Шинэ толь хэмээх бичиг» сонин № 7–14, 19, 20 гэсэн нийт 10 дугаар хадгалагдаж байна.

⁶ «Нийслэл Хүрээний сонин бичиг» долоо хоног тутамын хэвлэл. Эхний 1–19 ба 39–103 дугаар нь 35x26 см-ийн хэмжээнд, 20–38 дугаар нь 45x36 см-ийн хэмжээнд тус бүр зургаан нүүрээр хэвлэгдэн гарсан байна. Монголын Үндэсний Түүхийн төв архивт тус сонин № 4, 7, 8, 9, 13, 39–51, 61–63, 65–73, 75–77, 79–88, 101, 103 гэсэн нийт 45 дугаар хадгалагдаж байна.

в «Шинэ толь» были опубликованы исторический роман Французского Гранстрема «Синий флаг синей Монголии» и «Краткая история Уйгура», написанная финским монголоведом Рамстедом. Таким образом, прогрессивно-демократические газеты Монголии несомненно оказали большое влияние на развитие прогрессивно-демократической идеологии и национального сознания монгольского народа, а также исторического знания и историографии наряду с описанием событий того времени.

Из монгольского правительства обращалось большое внимание на распространение и развитие современной науки, культуры и образования. Создание научной организации «Комитет исследования Монголии и разрешения дел» с непосредственным участием русских ученых является свидетельством попытки монголов развивать науку, культуру, образование и отечественную историю. 27 декабря Всеми Признанного четвертого года председатель этого комитета, чиновник по деловому совету Монгольского правительства С. А. Козин, второй министр юстиции, дайчин жонон ван Цогбадрах, второй помощник-министр финансов, граф Цэнд, чиновник министерства всех внутренних дел, поверенный түшээ гүн Цогт-Очир, чиновник Министерства иностранных дел Бавуудорж и другие официальные лица собрались и утвердили устав этого комитета. В уставе подробно были описаны структура, право и обязанности того комитета. Этот комитет был первой организацией по ведению исследовательских дел.

Кроме того, была должность специального чиновника, ответственного за историю и исторические источники в Министерстве всех внутренних дел Монголии. Об этом в «Зарлигаар тогтоосон Монгол улсын хууль зүйлийн бичиг (Юридические документы Монголии, установленной по резолюции)» было указано подробно, что в Министерство всех внутренних дел Монголии входят отдел чиновников, отдел церемонии и центральный отдел. В центральном отделе два чиновника, ответственные за составление документов и пять писарей, ответственные за государственные письменные источники, юридические документы, договоры, регистрации членов в семьях, географические карты, местные дела и почтовую службу⁷. Все эти являются крупными достижениями в развитии Монгольской национальной культуры и истории науки в Монголии и они создали бла-

гоприятную возможность создания новой историографии.

Одним из таких ярких примеров является написание официальной истории под названием «Зарлигаар тогтоосон Монгол улсын шашдир (История Монголии, установленной по резолюции) гражданская история» с 1913 по 1918 г. под организацией Монгольского правительства (из Министерства внутренних дел). Это произведение является вершиной исторических работ в период Всеми Признанной Монголии и оно есть новое явление в историографии этого времени. Во-первых, «История Монголии, установленной по резолюции» является со-авторским произведением. Составление этой истории возглавляли экс-министр, да лам Цэрэндэндэв, да ламв Их Хурээ, хурц билэгт Гомбоцэрэн, хурц гун Галсандоной, а также в нем участвовали гавж (Заваа) Дамдин, гүүш Сумъяа, гүн Дашням, Намсрайжав и Тогтох. Во-вторых: Для составления истории были использованы оригинальные рукописи, связанные с семьями графов, хутугтов и хувилганов в четырех Халхасских аймаках, двух Дүрбэтских аймаках и Их Шавь, а также «Зарлигаар тогтоосон Гадаад Монгол, хотон аймгуудын ван гүнгүүдийн илтгэл шашдир (Историю ванов и графов во Внешней Монголии и хотонского аймака, созданных по резолюции)» и остальные старые источники. В ней были использованы официальные документы, регистрационные материалы в определенном количестве в первые в историографии, исключая разные легенды, написанные в старом стиле. В-третьих: Это есть первая официальная история Всеми Признанной независимой Монголии и это является свидетельством поддержки составления отечественной истории из правительства.

«История Монголии» является ценным источником, в котором биографии влиятельных аристократов, хутугтов и хувилганов Внешней Монголии с XVII по начало XX в. были рассмотрены в хроническом порядке и определено. В этом произведении можно найти информацию о структуре и количестве хошунов сомонов и монастырей Монголии того времени. В одиннадцатой части Истории ванов и графов во Внешней Монголии и хотонском аймаке, созданных по резолюции были объяснены слова Боржигэд обог, Хиуд яс (Хиуд кость), таван өнгө (пять цветов), дөрвөн харь (четыре иностранных). Кроме того, указаны периоды правления Монгольских ханов и написаны о девяти ерлөг Чингис хана, четырех королевах и принцах

⁷ Бира Ш. БНМАУ-ын түүх, соел, түүх бичлэгийн асуудалд. Т. 70.

Чингис хана и их поколений, об оккупировании Китая ханом Хубилай, перемещение столицы и составление новой грамоты монархом (лама) Пагва. Вместе с тем, было отмечено в ней: «Наше государство было независимым издавна, но в некоторое время существовало под властью династии Чин. Однако, независимость нашей страны восстановлена, снова отчуждаясь от манжуров». Кроме того, прямым обстоятельством национально-освободительного движения в 1911 г. стало политика, организованная Манжурским государством в Монголии. Об этом было написано: «Правители, посланные Манжурским ханом перестали соблюдать государственные, религиозные и законодательные права и обязанности, получали взятки в решении каждого дела и в результате неправильное становилось правильным и правильное считалось неправильным, дисциплина нарушалась везде, делая обстановку нетерпимой. Следовательно, наши Халхасские аристократы собрались и объединили их интересы и мнения и провозгласили нашего Очирдара багша Жавзандамба лама, выражающего нашу надежду, императором Богд как главой государственных и религиозных дел, выбирая хороший день в календаре»⁸.

Как показывают «Общая история» и номера, найденных сегодня книг, входивших в содержание «Истории Монголии», она была составлена или подготовлена к изданию в 11 книгах. Об этом в одиннадцатой книге Общей истории Монголии, созданной по резолюции было написано: «Нужно делать хорошую выборку книг, старых документов и сутаров, советуясь вместе, разделяя переводы и списывание по частям, обобщая истории Их шавь, четырех Халхасских аймака, Двух Дүрвэда и других местностей. Однако, прежде всего нужно писать биографию Очирдара Богд тщательно, надлежащим образом в пяти книгах, а потом биографии хамба лама, шанзудба, да лама, графов, хутугтов и хувилганов с печатью и без печати в двух книгах и в общем сумме 11 книг, сделав обложку и конверт для каждой книги и послать их в нужные места вовремя для хранения для будущего поколения с легким доступом информации о их генезисе, заслуге и ошибке аристократов, обновляя писание по старому стилю»⁹.

⁸ Монгол улсын шашдир. II дэвтэр. Хэвлэлд бэлтгэсэн А. Очир нар.

⁹ Чимэдийн Дэмчигдорж. Бичгийн өргөмөл нэр нь Дандаа. Дандаа хэмээх нэр нь «ханьсах саран» буюу «тэнцэшгүй, ханьцашгүй өрсөлдөгч, тэмцэлдэгч» гэ-

Несмотря на то, что ученые Х. Пэрлээ¹⁰ и Ш. Бира¹¹ исследовали «Историю Монголии» как историографический материал, но они не опубликовали его и включили его книги в научный оборот. Однако, историки А. Очир, З. Лонжид и Ц. Төрбат впервые опубликовали это произведение и при том переводил сохраненные в национальной библиотеке биографии всех реинкарнаций Богда Жавзандамба на кириллицу и опубликовали их в приложении вместо недостающих или потерянных частей, связанных с Богдом Живзундабмом¹². Автор и год написания этих биографии неизвестны и здесь коротко были описаны все реинкарнации Богдо Живзундамба, начиная с первой инкарнации, которая была рождена в Индии, кончая 23-й в начале 1870-х гг.

Одной из формой внимания от Монгольского правительства на составление государственной истории было награждение людей, которые переводили из «Дайчин улсын бүгд цааз (Собрания законов государства Дайчин)» для использования в составлений новых законов, а также для людей, которые копировали новые законы и составляли словарей манжурского языка. Об этом было написано в документе Министерства внутренних дел, посланной председателям сессий аймаков Түшээ, Сэцэн хан, Сайн-ноен хан ханов и Эрдэнэ Шанзудба в столице Нийслэл хүрээ: «Дается распоряжение послать председателям сессий аймаков Түшээт, Сэцэн и Сайн ноен ханов следующие имена и формы наградений. Ибо 15 октября предложение Министерству Внутренних дел наградить надлежащим образом тех людей, которые составили биографии, копировали законы и другие операции и просили Богд хана познакомиться с предложением... и 17 октября было одобрено и написано красными чернилами

сэн төвд үг бололтой. Өвөр Монголын Естын чуулганд төрж өссөн, хятад, япон, манж, төвд, монгол хэл бичигт нэвтэрхий боловсорсон. 1904–1914 онуудад голдуу сэтгүүлчээр Бээжин зэрэг газруудад ажиллаж байсан. 1914 оноос Ар Халхад шилжин суурьшиж олон шавьтай болж нилээд ном зохиол туурвисан эрдэмтэн хүн юм. Үүний зэрэгцээ тулгар тусгаар тогтносон Монол улсаа хөгжүүлэхэд анхаарал тавьж, улс оронд тустай санал хүсэлтийг Улсын Дээд Хуралд өргөн барьж байсан. Тэр хувьсгалын дараа БНМАУ-ын Судар бичгийн хүрээлэнгийн жинэхэн гишүүнээр сонгогдож байжээ.

¹⁰ Пэрлээ Д. Хувьсгалын өмнөх Монголын түүх бичлэгийн асуудалд. Улан-Батор, 1958. Т. 31.

¹¹ Бира Ш. БНМАУ-ын түүх, соёл, түүх бичлэгийн асуудалд. Т. 70.

¹² Монгол улсын шашдир. II дэвтэр. Хэвлэлд бэлтгэсэн А. Очир нар.

ми: Минжүүрдоржа наградить темно-красным поводом, Галсандоржа — титулом графа-помощника и темно-красным поводом, маму покойного Цэрэндэндэва — 300 ланомсеребра, Намсрайжава — очередным титулом, Гомбоцэрэна — титулом «түшээ гүн», Тогтоха — очередными двумя титулами, Элбэгбата — 50 ланом серебра, а не наградить пять составителей биографии как Гончигдаш и других. Резолюцию о награждении людей нужно копировать без изменения и послать в четыре министерства, например, в Министерство иностранных дел. Кроме того, Министерство финансов обязано предоставить деньги на эти награды. Послать для вышеизложенной цели. Октябрь месяц 9 года Всеми Признанного года». В приложении были написаны имена других людей, ожидающих награды.

В данном времени историки старого периода и интеллигенты, придерживающиеся национально-прогрессивный взгляд приняли меры по изучению и обработке истории своего народа. Например, здесь можно напоминать имена гавжа (Заваа) Дамдина, Бадамцэрэна, гүүша Сумъяа, графа Дашняма, Нямжава, Л. Дэндэва, Н. Магсаржава и Ч. Дандаа.

Ч. Дэмчигдорж (1963–1932)¹³ написал «Эрдэнэт толь хэмээх шашдир» в четырех томах в 1910–1913 гг., «Шинэ засгийн зүйл» в 1915 г. и «Шинэ засгийн гол ес» в 1922 г. «Эрдэнэт толь хэмээх шашдир» является учебником, в котором написаны о жизни, обычае, этике и традиционном менталитете кочевников на основе буддийской философии и нравов, обогащая их идеологией древних восточных философов Күнз, Нагаржунай и других. Это произведение состоит из четырех книги, 64 главы, резолюции в форме стихотворений третьего класса и 24 устава. «Эрдэнэт толь хэмээх шашдир» было переведена впервые на кириллицу историком Д. Дашбадрах с предисловием. Произведение «Шинэ засгийн зүйл» состоит

¹³ Чимэдийн Дэмчигдорж. Бичгийн өргөмөл нэр нь Дандаа. Дандаа хэмээх нэр нь «ханьсах саран» буюу «тэнцэшгүй, ханьцашгүй өрсөлдөгч, тэмцэлдэгч» гэсэн төвд үг бололтой. Өвөр Монголын Естын чуулганд төрж өссөн, хятад, япон, манж, төвд, монгол хэл бичигт нэвтэрхий боловсорсон. 1904–1914 онуудад голдуу сэтгүүлчээр Бээжин зэрэг газруудад ажиллаж байсан. 1914 оноос Ар Халхад шилжин суурьшиж олон шавьтай болж нилээд ном зохиол туурвисан эрдэмтэн хүн юм. Үүний зэрэгцээ тулгар тусгаар тогтносон Монол улсаа хөгжүүлэхэд анхаарал тавьж, улс оронд тустай санал хүсэлтийг Улсын Дээд Хуралд өргөн барьж байсан. Тэр хувьсгалын дараа БНМАУ-ын Судар бичгийн хүрээлэнгийн жинэхэн гишүүнээр сонгогдож байжээ.

из 25 параграфов. Это есть критикующее нравов учение для укрепления нового Монгольского государства, обновления суеверного общества со старой идеологией и просвещения народа.

«Шинэ засгийн гол ес» было написано в 1922 г. Это произведение имеет политический и агитационный характер и поддерживает деятельность и идеологию народной власти. Это произведение может быть написано по заказу народного правительства. Вышеуказанные два произведения были опубликованы в 1991 г. серийно в номерах журнала «Бодрол баясалгал».

Наряду с работой над историческими книгами Ч. Дэмчигдорж перевел исторические и литературные работы как «Богд баатар биеэр дайлан тэмдэглэл», «Тан улсын журамт найман эрийн явдал» с китайского языка, «Мэргүүг жолоодох» в десяти книгах с манжурского языка, «Дайчин улсын үеийн их Ази тив» и «Цагаан чөтгөрийг үлдэн хөөсөн нь» с японского языка «Хүргэн бэрийн зурхай» с тибетского языка. Кроме того, он составил учебник для школ Монголии во главе Богд хана.

Самым весомым из таких произведений является «Ань Ши (Сутара династии Юань)», которая была переведена с 1917 по 1922 г. с китайского языка в 210 книгах. В 1916 г. второй министр иностранных дел и губернатор аймака Сайн ноён Далайчойнхор ван Цэдэнсодном сделал предложение на Государственном Высшем Собрании переводить «Юань Ши» и определенно объяснил значение этого перевода¹⁴. Государственный Великий Хурал одобрил это предложение и пригласил чиновника Дандаа в Нийслэл Хүрээ и Дандаа согласился перевести это произведение с удовольствием. «Юань ши» или «Сутара династии Юань» в 210 книгах, написанный историками во главе Сун Лянь и Ван Вей в 1369–1370 гг. по резолюции первого императора династии Мин Чжу Юань Жан (1368–1398) был переведен с 1917 г., но начался политический кризис в Монголии и менялась несколько властей подряд. Однако Дандаа переводил эту книгу в течение 7 лет непрерывно и закончил перевод в 1923 г. и дал перевод Ученному секретарю Ж. Цэвээнү Ученого комитета Монголии. Сегодня в фонде Государственной Публичной библиотеки Монголии хранится два полных оригинала и несколько неполных экземпляров «Сутары династии Юань». В последние

¹⁴ Улсын Дээд, Доод Хурал (Баримт бичгийн эмхтгэл) I. Эмхтгэсэн, Ж. Гэрэлбадрах нар. Улан-Батор, 2003. Т. 225.

годы успешно организуются работы по опубликованию этого важного источника для публики. Например, Ц. Цэрэндорж сравнил книги от I до XI книги «Сутары династии Юан», всех рукописей в Государственной публичной библиотеке и рукопись, которая считается написанной Дандаа и опубликовал в 2003 г.¹⁵ Кроме того, научный сотрудник Института языка и литературы А. Алимаа перевел первые три книги на кириллицу¹⁶.

Дандаа был настоящим мудрым деятелем государства и умным исследователем как показывает его работы. Вместе с тем, он был необычным человеком, который посвящает все свои усилия для развития своей родины как показывают его очередные предложения и выступления на сессиях Государственных Великих Хуралов.

Особенностью всех его работ, отличных от других писарей того времени является постановка вопросов, связанных с современным и будущим развитием Монголии и объяснение путей развития самым понятным всем языком¹⁷.

Одним из видным деятелем науки среди монголов XX в. является Ж. Цэвээн (1881–1938). Он неотложно приехал в Монголию в разгар национально-освободительного движения и участвовал в нем активно до 1917 г., работал в Министерстве иностранных дел Монголии чиновником, ответственным за культурой и создал первую в Монголии периодику, работал экспертом и переводчиком в трехстороннем Кяхтинском договоре, составил исторические и научные работы и делал перевод. Он составил восемь разных серий для публикации, чтобы распространять научные знания в Монголии. Одним из них является сериал по монгольской, европейской и мировой истории. Ж. Цэвээн собрал около 100 научных и литературных книг и привез в Нийслэл Хүрээ и переведил с них на монгольский язык. Среди них есть книга «История Европы и Франции» в четырех книгах, написанная знаменитым Европейским историком Г. Эрве, в котором была написана история Европы и Франции с давних времен по 1900 г. Кроме того, «Хөх Монголын хөх туг»

¹⁵ Дандаа Ч. Юан улсын судар. Хэвлэлд бэлтгэсэн Ц. Цэрэндорж. Улан-Батор, 2003.

¹⁶ Юан улсын судар. Хэвлэлд бэлтгэсэн А. Алимаа нар.

¹⁷ Жамсрангийн Цэвээн 1881 онд Буриадад төрсөн. 1892 оноос Чит, Иркутск, Петербург хотуудад бага, дунд, дээд боловсрол эзэмшсэн. 1903 оноос Буриад, Халх, Өвөрмонголоор явж ардын аман зохиолын материал цуглуулж байсан.

Французского Гранстрема, «Хүн төрөлхөнд шинжлэхүй ухааны холбогдол» профессора Хвольсона и другие произведения влияли на развитие историографии.

Монголы издавна привыкли писать их произведения на тибетском языке, создавая десятки произведений. Главными представителями авторов, пишущих на тибетском языке во времена Монголии во главе с Богд ханом были Дамдин Шагдар и Агваанпринлэйжамц.

Ш. Дамдин (1867–1937) является одним из историков старого времени и время, в котором он жил было периодом больших исторических перемен и революции. Многие из их 12 книг были историческими. Например, «История Гунгачойлон чойра в Их Хүрээ», «История Чойеннодсалин чойра», Историческая хроника «Сайн номлолын рашааны дусал (История о распространении религии в Монголии)», «Өлзийт далай инээсний дуун эгшиг» и другие книги были написаны на тибетском языке. Кроме того, он делал перевод. В 1918 г. он перевел Заметки знаменитого Китайского путешественника Фася V века на тибетский язык. Самым большим произведением его работ по истории является «Алтан дэвтэр (Золотая книга)» и полное название этой книги есть «Замбуулингийн хойд зүгийн их Монгол гүрний түүх их шастра, шинжэчинийг гайхуулагч Алтан дэвтэр» (Монгол бар, 301 с.) в пяти главах.

Несмотря на то, что Дамдин писал их работы по старому стилю историографии, придерживая теорию буддизма при написании истории, сумел создать свою новую манеру письма, которая не была в историографии старого стиля. Он не подражал привычной традиции историографии, начав историю Монголии с истории древних аймаков, которые жили на территории Монголии. В этой работе был рассмотрен история древних племен в Монголии, генезис четырех Халхасских аймаков, генезис Халхасских аристократов, Ойратский хан Гүүш, Галдан бошигт, Амарсанаа, торгудский хан Аюуш, состояние окружающего мира, Монгольская земля, развитие религии в Монголии, а также политическое, культурное и религиозное отношения между Монголией и Тибета. Академик Ш. Бира специально изучал «Алтан дэвтэр» и делал свои выводы¹⁸.

Вторая, третья и четвертая части произведения «Живзун дарнатын гэгээний дээд хувилгаан Агваанлуvsанчойжинямданзанваанчигбалсанбогийн дүр хийгээд түүхэнд ялгуулсан

¹⁸ Бира Ш. «О Золотой книге» Ш. Дамдина. Улан-Батор, 1964.

бээр бошог үзүүлсэн ба хааны угсааны есыг тодруулан үйлдсэн эндүүрэлт үзэгдлийг машинд арилгагч, шашин төрийн наран саран хосолсны гэрлийн гэгээ хэмээгдэх оршив»¹⁹, автором которого является Лашин Агваанпринлэйжамц в целом посвящена объяснению причины провозглашения восьмой реинкарнации БогдаЖибзундамба ханом Всеми Признанной Монголии, начиная описать Индийских ханов, которые возвращают молитвенный хурд, интеллигентных ханов Тибета и Монгольских ханов, а также определил историческое состояние провозглашения Богда ханом и показал как Монгольское общество и социальные группы считали Богда. Он определил всех реинкарнаций Богда до первого Богда Өндөр гэгээн и после него так, что было 8 реинкарнаций Богда в Индии, 16 — в Тибете, 2 — Халхасской Монголии и в целом 26.

Автор написал о внутреннем и внешнем состояниях Монголии того времени, в том числе о новой политике из Манжчурского правительства и угнетении монголов русскими и китайскими торговцами путем ростовщичества и определил причины национально-освободительного движения так: «Жестокие аристократы и чиновники во главе с темными китайцами, русскими и манжчурами отнимали все товары и имущества всего населения нашего царства,использовав их аристократическое состояние, лешие приемы и обман, наказывали людей необоснованно, жгли суварга, храмы, унаследованные ханскими потомками бесценные святыни, гүсэг в Зандан зуу, разрушали некоторые ценные памятники, бросали некоторые из них как ненужные вещи, делали разрушенные дацаны и молитвенные места близ дворца хана хлевами и скотными дворами, разрушали все вещи трех ценностей, попытались делать монгольских высших ламов светскими лицами, чтобы соблгзнять их китайскими проститутками и угрожали их казнами, если они не станут светскими...»²⁰. Вместе с тем,он высоко оценил биографию одного из главных руководителей национального движения 1911 г. Богда Живзундамба, оставляя заслугу других деятелей и это есть особенность стиля старой историографии, которые характерны в историографии Индийских и Тибетских религии.

Это произведение о реинкарнации освобождающих хувилгаанов Дарнад и их биогра-

фии, а также биография всеми признанного священного Богда, который дал возможность быть в буддийских и культурных узах с древних времен, сделал Индийских, Тибетских и Монгольских ханов придерживаться традиции гармонировать государство и религию является важным источником изучения биографии хутугта Живзундамба, который был «Богом» для монголов в истории последних 300 лет, в течение которого солнце монгольского народа — его истории, религии и культуры восходило и заходило несколько раз. Это рукопись в 188 страницах впервые была переведена на монгольский язык с тибетского в 1915 г. при поддержке государственного фонда Монголии во главе с Богд ханом и было опубликовано путем ксилографии в двух томах. Однако это произведение стало редкой книгой. Следовательно, доктор Д. Дашбадрах перевел его на кириллицу в рамках тематической работы «Исторические люди» и опубликовал.

Одна из исторических работ, написанных в данное время представляет собой произведение гавж лама Бадамцэрэна, работавших в дацане Балданбарайвун Дашцэпэллин в Восточном хүрээ, но родом из Жонон ван хошуу аймака Сэцэн хан «Богд Жибзундамба хаан ширээнд заларсны нууц түүх — Ялгуулсан хөвгүүний баясгалангийн хуримын далай хэмээгдэх оршвой». Оно состоит из 55 страниц, введения и эпилога. Д. Дашбадрах написал и опубликовал статью об этом произведении. Историк З. Лонжид напоминал что, эта работа хранилась в 1980 г. в Национальной Государственной библиотеке, но сейчас его нет²¹.

Одной из особенностей историографии изложенного времени было перевод книг иностранных авторов и книг монгольских историков, которые написали их произведения на тибетском языке по заказу государства и религиозных организаций. Об этом гэлэн Лувсаншарав написал: «...я перевел работу Агваанпринлэйжамца, которая была написана в 1915 г. по поручению высших монархов храма и по совету интеллигентного сойвана и ученика хана Богд...»²².

Работу под названием «Монгол улс автономии гэдэг өөртөө эзэрхэн засах эрхт засгийн үеийн үнэнхүү явдал чухал байдал, чухал учрыг

¹⁹ Агваанпринлэйжамц. Монгол улсын Олноо Өргөгдсөн Богд хааны түүх. Улан-Батор, 2001.

²⁰ Там же. С. 50.

²¹ Лонжид З. Богд хаантан ба Монголын түүх бичлэг (1915–2004). XX зууны Монголын түүхийн судалгаа, түүх бичлэгийн зарим асуудал. Улан-Батор, 2005.

²² Агваанпринлэйжамц. Монгол улсын Олноо Өргөгдсөн Богд хааны түүх. Улан-Батор, 2001. Т. 60.

тэмдэглэсэн товч өгүүлэл» перевели на кириллицу историки Ш. Нацагдорж и О. Батсайхан и опубликовали в 1960 и 1992 гг.²³

Историк Ш. Нацагдорж писал в предисловии, что эту работу написал неизвестный писатель 1920-х гг. В этой книге детально были описаны национально-освободительное движение 1911 г., в том числе, события на западных краях. Это дает возможность предполагать, что автором книги может быть один из писателей в аймаках Увс и Ховд. О писаре существуют у нас два мнения. Одни говорят, она была написана Нямжавом, другие считают, что ее написал Л. Дэндэв.

При изучении книги «Монгол улс автономит гэдэг өөртөө эзэрхэн засах эрхт засгийн үеийн үнэнхүү явдал чухал байдал, чухал учрыг тэмдэглэсэн товч өгүүлэл гэдэг түүх бичиг» было видно то, что освобождение Улиастая было одной из целей революции с одной стороны и с другой стороны, Улиастай был важным плацдармом как показывают несколько обоснований и интересные документы, связанные с историей этого города. В этом состоит значение этого произведения.

Историк и знаток развития исторического знания монголов Д. Пэрлээ в своем весомом произведении «Монголын хувьсгалын өмнөх түүх бичлэгийн асуудалд (Вопросы об историографии до Монгольской революции)»²⁴ отметил важность изучения следующих произведений неизвестного автора рассматриваемого периода. Это есть «Олноо өргөгдсөн хаанаас дараалан олон монголчуудад хэрэглэгдэх түүх» (одна книга), «Дөрвөн аймгийн ноёдын үе залгамжилсан тухай» (28 с.), «Үнэн сүсэгт хуучин торгууд ба бас чин сэтгэлт шинэ торгууд аймгийн

²³ Монгол улсын автономит гэдэг өөртөө эзэрхэн засах эрхт засгийн үеийн үнэнхүү явдал чухал байдал, чухал учрыг тэмдэглэсэн товч өгүүлэл гэдэг түүх бичиг» Хэвлэлд бэлтгэсэн О. Батсайхан. Улан-Батор, 1992.

²⁴ Пэрлээ Д. Хувьсгалын өмнөх Монголын түүх бичлэгийн асуудалд.

хаан, ноёдын уг үндсэн илтгэл» (74 с.), «Халх, Дөрвөд аймгийн зургаан чуулганы олон хушуу, шавийн сүм, хурлын тухай» (64 с.), «Дээрхийн уг эх», материалы, связанные с историей ведения государственных дел хутугтом Живзундамба (пять книг), «Гэрийн үеийн бичмэл» со многими таблицами, заполненные много лет Монгольскими аристократами.

Вышеуказанные произведения рассматриваемого периода, с одной стороны имеют характер источников, ибо они были написаны в основном авторами, участвующими в событиях с их оценками и необыкновенными стилями историографии. С другой стороны, в исторических работах периода с 1911 по 1920-е гг. придерживались традиционный стиль историографии, понимали историю с точки зрения науки и активизировалась идея рассмотреть традиционный стиль историографии по-новому. Работы этого периода были направлены на пропаганду исторический путь монгольского государства и народа, написаны простым языком в стиле воспоминания. Эти работы представляют собой краткое изложение событий. Такая историография не объясняет причины событий, а только описывает что произошло. Это есть империческая историография, которая не рассматривает суть, а только события и явления, то есть, авторы написали о событиях, ю котором они участвовали. Следовательно, в историографии рассмотренного времени нет определенной партийной позиции и принципов. Историография с 1911 по 1920 г. не очень объемная, охватывает короткий исторический период и это есть воспроизведение истории в форме «начальной историей» как определил Гегель.

В заключении можно считать историографию рассматриваемого времени переходной от старой историографии к гражданской, когда признавали традиционную историографию и вместе с тем отказывались от взгляда считать историю биографией ханов и историей распространения религии и рассматривали традиционную историю по-новому.

МОНГОЛИЯ, РУССКО-МОНГОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И «МОНГОЛЬСКИЙ ВОПРОС» В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Монголия занимает особое место в отношениях России со странами Востока. Дружественные отношения между Россией и Монголией, установленные в семнадцатом веке, развивались по нарастающей, без войн и конфликтов.

В начале XX в. интерес России к Монголии все более приобретает практическую направленность, связанную с выработкой внешнеполитической линии по отношению к Монголии. В общественной мысли России сформировался так называемый «монгольский вопрос».

В начале XX в. внешняя политика России имела два главных направления: европейское и азиатское. Вести одновременно активную внешнюю политику в обоих направлениях правительство страны реально не могла, поэтому должно было избрать метод последовательного решения своих задач и разрешения проблем сначала в одном, а затем в другом регионе мира.

После поражения в русско-японской войне главное внимание было перенесено с Дальнего Востока в Европу. Внешнеполитическая концепция, основанная на политике соглашений и балансирования, имела в России европоцентристский характер. Отказ от активной политики был обусловлен также необходимостью внутреннего и внешнего покоя, необходимого для проведения экономических и политических реформ.

Россия планировала уклониться от активного участия в конфликте Германии и Англии, что, к сожалению, ей не удалось. Соглашение 1910 г. с Японией позволило России сосредоточить свои основные усилия в традиционном для нее направлении — в Европе и на Ближнем Востоке. В целом, значение центральноазиатского направления внешней политики уменьшилось, однако некоторые вопросы требовали пристального внимания. В Азии было необходимо не допустить гегемонии Англии, координирующей свои действия с Японией, а также не допустить укрепления других великих держав, особенно в районах, прилегающих к русским границам. Поэтому происходило резкое увеличение внимания к азиатским проблемам, в том числе и к Монголии.

Наиболее активную роль в Монголии в начале XX в. играли Китай, Россия и Япония. Происходило явное усиление позиций России, «русский фактор» становится все более весомым

и решающим в разрешении монгольских проблем. Китай, занятый разрешением внутриполитических проблем, вынужденно ослаблял свои позиции. «Японский фактор» становится постоянно действующим и усиливающимся в Монголии. Позиции, расстановка и соотношение трех этих факторов и определяло внешнеполитическую ситуацию в регионе.

С середины XIX в. расширяются торговые связи с Монголией и она все более становится зоной экономического влияния России. Это вызвало обострение русско-китайского торгового соперничества в Монголии. Однако происходило расширение зоны экономического присутствия России в Монголии, ее место и роль становились все более значимыми.

Соседняя страна все более превращалась в район стратегических интересов России, в источник сельскохозяйственного сырья и сбыта промышленных товаров.

Проходят десятилетия и века, а многие проблемы истории российско-монгольских отношений продолжают привлекать внимание исследователей. Только за последнее десятилетие эти вопросы нашли отражение в фундаментальных исследованиях Е. А. Белова, Е. В. Бойковой, М. И. Гольмана, С. Г. Лузянина, Е. М. Даревской, В. Ц. Ганжурова, А. С. Железнякова, А. В. Старцева, В. Г. Дацышена, Г. С. Яскиной, С. К. Рощина, Е. И. Лиштованного, Н. Е. Единарховой.

История российско-монгольских отношений таит еще немало тайн и загадок. Архивы и спецхранилища таят еще много нераскрытых страниц истории.

Регион Восточной Азии в конце XX — начале XX в. становится местом острого соперничества ведущих стран мира. Слабеющая Цинская империя все более привлекает внимание европейских стран, Японии, США, России.

Сооружение Великой Транссибирской железнодорожной магистрали и КВЖД создавали для российской буржуазии благоприятные условия для освоения рынков Дальнего Востока и Китая. Поэтому Россия переходит в данном регионе к активной внешней политике.

Монголия являлась до 1911 г. составной частью Маньчжурской империи, обладающей значительной самостоятельностью во внутренних делах. Исходя из этого, Россия строила свои

внешние отношения с Китаем и Монголией, заключая договоры с Маньчжурской империей. В 1727 г. согласно Буринского и Кяхтинского договоров, были установлены пограничные караулы вдоль русско-монгольской границы.

Длительное время маньчжурские правители запрещали китайцам переселяться в Монголию и самовольно пользоваться там землей. Однако в последней четверти XIX и начале XX в. усилилось переселение безземельных и малоземельных крестьян в Монголию. Когда колонизация приняла массовые масштабы, было создано специальное Бюро по делам колонизации.

С середины XIX в. активизировалась и внешняя политика России по отношению к Внешней Монголии. В 1861 г. учреждается русское консульство в Урге. По русско-китайскому договору 1881 г. Россия получила право бесполошлинной торговли на всей территории Монголии. Активную коммерческую деятельность здесь начали известные русские купцы и торговые фирмы. В 1895 г. в Петербурге был создан Русско-китайский банк, а в 1900 г. в Урге и Улясутае открылись отделения этого банка.

Были открыты консульские учреждения со штатами чиновников в Улясутае (1906 г.), Кобдо (1911 г.), Маймачене (1916 г.). В 1912 г. была учреждена должность агента министерства торговли и промышленности, введена в 1914 г. должность советника по финансовым и экономическим вопросам при монгольском правительстве. С 1913 г. была организована Монгольская бригада во главе с русскими офицерами, в 1915 г. созданы Монгольский банк и конторы Монгольской экспедиции, а также русские почтово-телеграфные конторы и телефонная станция.

Из России в Монголию начался экспорт не только товаров, но и капиталов. Так, в конце XIX в. было организовано акционерное общество «Монголор», с капиталом в 5 млн р., занимающееся поиском и добычей золота. В Урге и других монгольских поселениях были созданы небольшие фабрики и заводы.

Таким образом, к началу XX в. произошло заметное усиление внимания к Внешней Монголии со стороны Китая и России, неизбежным оказалось здесь торговое соперничество русских и китайских купцов.

Нельзя понять внешнюю политику государства в отрыве от его внутренней политики и общего политико-экономического состояния. Характер внешней политики страны, ее на-

правленность определяются внутренними потребностями. Связь эта не является прямой и механической, а носит более сложный опосредованный характер.

Почти любое общество в своем внутривнутриполитическом проявлении не представляет единого целого. Чаще всего оно состоит из различных групп, разделяемых между собой по экономическим, этническим, религиозным, классовым и другим признакам. Каждой из этих групп соответствуют свои интересы, совпадающие или противоборствующие между собой. Кроме того, выявляются еще региональные, локальные интересы, не совпадающие с общенациональными интересами.

Проблема «национальных интересов», «общественных интересов», «государственных интересов» в научной литературе России только начинает специально разрабатываться (Э. Поздняков, Е. Степанов, Г. Н. Новиков и др.). Проблема проявления национальных интересов во внешней политике — наименее исследованная проблема.

Столкновение интересов различных социальных групп общества возможно не только по внутривнутриполитическим проблемам, но и по вопросам внешней политики. В этой связи представляется спорным вывод Е. Д. Степанова о монолитности общества в отношении к внешнему миру: «Противоборство интересов в обществе проявляется лишь внутри него. По отношению же к внешнему миру общество предстает как нечто монолитное, единое».

В определенных, чаще всего экстремальные ситуации, эта линия поведения действительно может проявляться. С другой стороны, для авторитарных государств также это может быть характерно. Кроме того, внешнюю политику осуществляет только одно министерство, поэтому в этом смысле внешнеполитические решения фактически монополярные и не отражают всей противоречивости мнений и характеристик различных слоев общества по данному вопросу. Однако, в демократическом обществе выявляются различные интересы и разнообразные мнения, которые определенным образом влияют на выработку решений в области внешней политики, особенно важных и стратегических.

Современные российские исследователи постепенно преодолевают несколько прямолинейное, догматическое восприятие «интересов» во внешней политике. Продолжительное время в истории человечества конструирование внешней политики и ее практическая реа-

лизация находились исключительно в руках правящей элиты, очень ограниченного круга политических деятелей.

В начале XX в. в России формируются общественные движения, политические партии и общественное мнение, которое в различной степени, прямо или опосредованно влияли на формирование внешней политики страны. Поэтому процесс определения внешнеполитических приоритетов страны, механизм принятия решений в этой области политики все более усложнялся и носил противоречивый характер.

Марксистская историография в характеристике внешней политики исходила из одномерных оценок, таких как «прогрессивная», «агрессивная», «захватническая», «империалистическая» и т. п. Исходя из этих категорий, внешнюю политику России определяли как «империалистическую» и «захватническую». Позднее ее стали определять как «прогрессивную». Подобная одномерность оценок не отражает в полной мере всей сложности и противоречивости отношений двух соседних стран. Необходимо преодолеть категоричность характеристик, показать наличие различных подходов по «монгольскому вопросу».

По архивным и печатным источникам более всего прослеживаются позиции российских дипломатов, проводивших гибкую и осторожную политику в русско-монголо-китайских отношениях, военных деятелей, которые в своих служебных записках и секретных изданиях выступали за проведение более активной и наступательной политики. Многочисленны оценки русско-монгольских торговых отношений в публикациях представителей торговых кругов центральной России и Сибири. Особо выделяются характеристики перспектив русско-монгольских отношений, данные представителями интеллигенции и социал-демократами. «Азиатская авантюра» П. Бадмаева ярко характеризует влияние случайных сил на формирование дальневосточной политики России.

Обсуждение «монгольского вопроса» в государственной думе России и правительственных учреждениях страны

Формирование политики России в отношении Внешней Монголии в 1911–1912 гг. происходило в борьбе различных тенденций, определяемых как политическими силами страны, так и ведущими ведомствами России (министерством иностранных дел, военным ведомством и министерством финансов). Она определя-

лась разрешением складывающихся противоречий и разногласий между дипломатическими деятелями России и торгово-промышленными кругами, между центральной и региональной администрацией, различными уровнями местной администрации, а также представителями военного ведомства.

Полярные точки зрения по проблеме перспектив развития русско-монгольских отношений были высказаны в Государственной Думе на заседаниях 13, 14, 18, 27 апреля 1912 г. С одной стороны, позиция С. Д. Сазонова и П. Н. Милюкова, выступающих за посредническую роль между Монголией и Китаем и против активного вмешательства в монгольские дела, а, с другой стороны, точка зрения депутата от Орловской губернии Володимерова, считающего необходимым присоединение Монголии к России.

Министр иностранных дел России С. Д. Сазонов считал Российскую империю европейской страной с активной внешней политикой в Европе и на Ближнем Востоке и соответственно выступал против «увеличения русских владений в Азии». Его позиция совпадала с выводом Особого совещания (активная деятельность России в «монгольском вопросе» была бы «весьма нежелательной»).

Служебная карьера С. Д. Сазонова проходила в европейских странах, что не могло не отразиться на его последующих интересах и пристрастиях.

В речи на заседании Государственной Думы С. Д. Сазонов выступал против полного отделения Монголии от Китая, считая ее не готовой к самостоятельному политическому развитию. По его мнению, «оторвать их от Китая, значит взять на себя задачу создать из них государство, задачу тяжелую, требующую крупных денежных затрат и огромного труда»¹.

Полный разрыв между Халхой и Китаем представлялся бы нежелательным, так как поставил бы Россию «перед дилеммой или оккупировать ее, или уйти оттуда и вновь допустить туда китайцев на правах завоевателей»². Выход из сложившегося положения он видит в том, чтобы Россия исполняла роль посредника между Китаем и Монголией «для заключения между ними такого компромисса, который удовлетворял бы, в пределах возможного, желанию халхасцев сохранить свой самобытный

¹ Государственная Дума, III созыв. Стенографический отчет, 1912, сессия V, ч. 3, заседание 104. СПб., 1912. С. 2168–2169.

² Там же. С. 2169.

строй и желанию Китая восстановить свой суверенитет в Монголии»³.

С. Д. Сазонов назвал три условия России, указанные китайскому лидеру Юань Шикаю в отношении Китая к Внешней Монголии: отказ китайского правительства от введения во Внешней Монголии китайской администрации, от расквартирования там китайских войск и от колонизации земель Внешней Монголии китайцами.

Министр иностранных дел не считал присоединение Монголии к России ценным приобретением, которое может привести «к нежелательной сдвигке центра тяжести в государстве» и соответственно, к ослаблению нашего положения в Европе и на Ближнем Востоке. Он категорически заявил: «Нельзя присоединить пограничные земли только потому, что это можно сделать без большого для себя риска»⁴. Интересы России, по его мнению, требуют, чтобы в пограничной с нами Монголии утвердилось сильное в военном отношении государство. Добрососедские отношения с Китаем выгодны и для России, хорошие отношения с Россией нужны и Китаю.

В заключение своей речи, он отмечает, что «соглашение между Китаем и Халхой не должно осуществляться без нашего участия, а тем временем не отказывать Халхе в поддержке и помощи к созданию начатков автономного управления, т. е. прежде всего финансов и какой-либо вооруженной силы, способной поддерживать порядок в стране»⁵.

Близкую, но не совпадающую полностью с ней позицию занимал лидер кадетов, историк и будущий министр иностранных дел Временного правительства П. Н. Милюков. Он был политиком первой величины, одним из ведущих специалистов в области внешней политики. Крупный историк, интеллектуал, интеллигент и порядочный политик — таким он остался в истории.

Выступая 14 апреля 1912 г., П. Н. Милюков осудил захватнические настроения, открыто высказываемые в печати. Такая, по его характеристике, «безответственная дипломатия», поддерживается националистами и правой печатью. Он призвал к осторожности в связи с китайским возрождением. Аргументируя свою

позицию, он сказал: «В настоящее время нам предлагают воспользоваться временным ослаблением Китая. Вы, гг., помните, как неудачно мы воспользовались временным ослаблением Японии после 1895 г. Я должен отдать полную справедливость ведомству (МИД. — Ю. К.). Оно не поддавалось на искушение, на угрозы и на требования правой печати и проявило ту степень осторожности, которая необходима»⁶.

П. Н. Милюков полностью согласен с мнением С. Д. Сазонова относительно готовности Монголии к самостоятельному развитию. «Кого мы хотим поддерживать? Поддерживать можно то, что имеет свою внутреннюю силу, что может стоять на собственных ногах»⁷. Он выражает сомнение в возможности внутреннего государственного развития Халхи, указывает на трудности экономического порядка, не уверен в лидере национального монгольского государства: «мы не знаем, превратится ли Хутухта, в прошлом большой гуляка и расточитель, в серьезного государственного человека»⁸. П. Н. Милюкова пугала перспектива, что в результате значительной помощи и серьезной поддержки России, Монголия может фактически оказаться в положении «неотличимого от протектората».

Правое крыло Государственной Думы определило выступление П. Н. Милюкова «вредным и обвинило его в «не патриотичности». Газета «Новое время» назвала П. Н. Милюкова «китайским представителем в Государственной Думе», обвинила его в клевете на царское правительство.

С совершенно других позиций, отличных от взглядов С. Д. Сазонова и П. Н. Милюкова, выступал в Думе депутат от Орловской губернии Володимиров, который оценивал речь министра иностранных дел как «своего рода акафист невмешательству, акафист собственному бессилию», а министерство чуждым «сознания национального достоинства»⁹.

Выступление Володимирова 14 апреля 1912 г. было откровенно захватническим. «Возьмем Ургу, — говорит Володимиров, — никогда я не мог себе представить более благоприятных условий для того, чтобы выпрямить ту длинную границу, которая искусственно и

³ Государственная Дума, III созыв. Стенографический отчет, 1912, сессия V, ч. 3, заседание 104. СПб., 1912. С. 2169.

⁴ Там же. С. 2170.

⁵ Там же. С. 2171.

⁶ Государственная Дума, III созыв. Стенографический отчет. 1912, сессия V, ч. 3, заседание 106. СПб., 1912. С. 2237.

⁷ Там же. С. 2239.

⁸ Там же.

⁹ Государственная Дума. Стенографический отчет. III созыв, сессия V, заседание 106. С. 2253.

неправильно создавалась благодаря упущениям нашего Министерства иностранных дел. Уничтожение этого вдавливающего в наши владения треугольника, выпрямление этой линии... необходимо, и более благоприятных условий для этого я не могу себе представить»¹⁰.

Володимеров упрекает правительство и МИД в том, что они своей медлительностью наносят вред «престижу» России, отстраняясь от монголов, которые «слезно просят» под ее протекторат. Монголия должна стать «буфером», который прикроет границы России. Он повторяет мнение военных о «желтой опасности», которая «грозит захлестнуть» не только Монголию, но и русский Дальний Восток. Созданию «буфера», его наилучшего устройства и управления, по мнению Володимерова, Россия должна учиться у Англии.

Он выступает против установления протектората Китая над Монголией: «навязывая монголам несуществующий теперь в действительности протекторат Китая, мы этим создадим очаг для возможных в будущем недоразумений»¹¹.

Обсуждение «монгольского вопроса» в Государственной Думе выявляло позиции политических партий и социальных слоев России и определенным образом влияло на ее формирование.

Российские военные деятели о русско-монголо-китайских отношениях и перспективах русско-монгольского военного сотрудничества

Продолжительное время монголоведение (и востоковедение вообще) не обращало серьезного внимания на исследования военных специалистов, посвященные в том числе и Монголии. В обобщающей работе «История отечественного востоковедения» (1990) впервые выделено военное направление. К сожалению, там показана деятельность военных специалистов только на Ближнем Востоке. В научный оборот не были включены публикации военных деятелей, посвященные Монголии и Китаю. Результаты их исследований почти не привлекались последующими поколениями ученых, они ни разу не подвергались историческому обзору и анализу. Вышедшие под грифом «Не подлежит оглашению», «Секретно» и т. п., публикации военных не были широко известны

как российской научной общественности, так и мировой науке. Подготовленные для практических целей (изучение возможных будущих театров военных действий, военного потенциала противника), а также для определения направлений внешней политики, они обладали ценной научной информацией о стране, полученной в ходе специальных самостоятельных экспедиций, а также критического анализа научной литературы о Монголии. Излишне прямолинейные и категоричные выводы и рекомендации военных деятелей, экспансионистская направленность их сочинений стали позднее, возможно, причиной замалчивания подобных работ. Сказались и небольшие тиражи этих публикаций.

В настоящее время началось восстановление военной истории России. Переиздан редкий труд военного историка А. А. Керсновского «История русской армии» в четырех томах (1992–1994). Искаженное представление имелось и об офицерском корпусе российской армии. Информация о нем либо замалчивалась, либо излагалась в превратном виде. Русские офицеры изображались ретроgrадами и консерваторами, как обладающие низким профессиональным и моральным уровнем. В 1993 г. была опубликована монография С. В. Волкова «Русский офицерский корпус», в которой показаны его социальное происхождение, структура, механизм комплектования и подготовки, положение в обществе.

Представляется, что переосмысление военной истории — это задача последующих исследований историков, военных специалистов. Особого изучения заслуживает научная, аналитическая деятельность русских офицеров. Ими был собран, описан и обобщен географический, этнографический, исторический материал по странам зарубежной Азии, который должен быть введен в научный оборот, поскольку весомый вклад представителей военного ведомства России в научное исследование стран Центральной и Восточной Азии (Китай, Монголия, Тибет, Корея, Япония) до сих пор достойно не оценен.

Научные экспедиции, направленные в этот регион во второй половине XIX — начале XX в. для изучения географии, геологии, растительного и животного мира, истории и этнографии, возглавлялись, как правило, военными. Это известные экспедиции Пржевальского, Певцова, Роборовского, Потанина, Козлова и др. Основной состав этих экспедиций также состоял из офицеров и казаков. Переводчиками и прово-

¹⁰ Государственная Дума. Стенографический отчет. III созыв, сессия V, заседание 106. С. 2253.

¹¹ Там же. С. 2254.

дниками также выступали представители военного сословия — бурятские казаки из Забайкалья.

Подготовка и сокрушительное поражение России в русско-японской войне 1904–1905 гг. активизировали интерес военных к дальневосточному региону. Поражение в войне с Японией доказало необходимость серьезного изучения соседних стран, особенно вероятных противников. Потребность в точной информации о вооруженных силах, стратегии армий и их боевых качествах была необходима для принятия адекватных решений военного ведомства и правительства России.

20 июня 1905 г. в России было образовано Главное Управление Генерального штаба для разработки вопросов, касающихся подготовки к войне и для заведования военными сообщениями. Оно состояло из управления генералквартирмейстера, управления военных сообщений, военно-топографического управления и управления начальника железнодорожных и технических войск.

В 1906 г. при штабах военных округов создаются постоянные разведывательные отделения. По данным на 1909 г. в сферу деятельности Омского военного округа входила Западная Монголия и часть западного Китая, Иркутского военного округа Восточная Монголия, Маньчжурия и Северный Китай¹².

Активизация деятельности военной разведки Главного Управления Генерального штаба в странах Восточной Азии в 1905–1911 гг., где действовало большинство агентов России, некоторыми современными историками (например, М. Алексеевым) расценивается как «серьезный просчет», который приводил к ослаблению западного направления, оказавшегося неподготовленным к первой мировой войне¹³. Нам это утверждение не кажется бесспорным, а важность дальневосточного направления представляется несомненной. Вообще, предпочтению одного направления в ущерб другому в любом варианте нецелесообразно для интересов безопасности государства.

Круг научных интересов и собранный материал военного востоковедения был значительно шире, чем военной разведки. Изучались не только численность, состояние, состав вооруженных сил Китая, Японии, Кореи и Монголии, но и география, экономический и политический

строй изучаемой страны, этнический и религиозный состав населения, традиции и обычаи народов.

Военные переводили и изучали китайскую прессу. В 1913 г. штабом Иркутского военного округа издавались переводы китайской прессы в специальном сборнике «Дальний Восток», первый отдел был посвящен событиям в Монголии. Всего было издано 52 выпуска.

Экономическое проникновение России в Северную Маньчжурию, строительство КВЖД, а затем восстание ихэтуаней (называемое в начале XX в. «китайской войной»), а затем, усиление китайской колонизации Маньчжурии и Монголии усилили внимание военных ведомств к Китаю, особенно к Маньчжурии. Кризисное состояние Цинской империи и Синьхайская революция 1911 г., начало национального движения за создание независимого монгольского государства создали новую международную обстановку в данном регионе, которая потребовала от военных деятелей России ее анализа и возможной корректировки военной стратегии и тактики.

Собственную трактовку международной обстановки в регионе, характеристику русско-монголо-китайских отношений предлагали военные представители России, среди которых выделяются исследования военного министра А. Н. Куропаткина «Русско-китайский вопрос» (1913 г.), поручика Ю. Кушелева «Монголия и монгольский вопрос» (1912 г.), капитана Генерального штаба С. Д. Харламова «Монголия» (1914 г.), капитана Тонких «Материалы по описанию Монголии» (1910 г.), «Отчет о поездке в Северную Монголию» (1913 г.), ротмистра А. Баранова «Северо-восточные сеймы Монголии» (1907 г.), «Барга и Халха» (1905 г.), «Урянхайский вопрос» (1913 г.), подполковника Генерального штаба Сафонова «Материалы по описанию Монголии. Отчет о поездке в Северо-Западную Монголию в июле — сентябре 1912 г.» (1913 г.), подполковника Полтавцева «Материалы для описания Монголии. Отчет о поездке в Монголию в июле — октябре 1912 г.» (1913 г.), сотника Дорофеева «Отчет о поездке в Северо-Западную Монголию» (Омск, 1912).

Интенсивность военных экспедиций в Монголию, планомерность и систематичность исследования различных регионов соседней страны свидетельствуют о глубоком интересе к Монголии, как возможному театру военных действий и региону возможного военного противостояния Китаю.

¹² Тайны русско-японской войны. Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 гг. М., 1993. С. 138.

¹³ Родина. 1994. № 4.

О постоянном интересе к Монголии свидетельствовал и ряд работ военных, вышедших еще накануне событий 1911 г.: книга полковника Генерального штаба А. А. Баторского «Монголия. Опыт военно-статистического очерка» (1890 г.), полковника В. Ф. Новицкого «Путешествие по Монголии в 1906 г.» (1909 г.), подполковника Генерального штаба Барабаша «Записка о Монголии» (1884 г.), капитана В. Л. Попова «Краткий предварительный отчет об экспедиции в Монголию в 1903 г.» (1905 г.), «Второе путешествие в Монголию 1910 г.» (Б. г.).

В российской и монгольской историографии эти работы не анализировались, а материалы не использовались при изучении истории Монголии, составлении обобщающих работ.

В исследованиях российских офицеров Монголия изучалась как возможный театр военных действий, были представлены подробные материалы по географии, истории, а также религии, торговле, и транспортных путях в стране.

Военные в этих работах акцентировали внимание на угрозе Китая для России, как «желтой опасности» с Востока, грозящей спокойствию России и Европы, европейской цивилизации и культуре.

Влиятельным политиком России в конце XIX — начале XX в. был А. Н. Куропаткин (1848–1925) — генерал от инфантерии (1901 г.). Он окончил Академию Генерального штаба (1874), во время русско-турецкой войны 1877–1879 гг. являлся офицером для особых поручений при штабе действующей армии, начальником штаба дивизии. В 1878–1879 и 1883–1890 гг. Куропаткин служил в Главном штабе, а в 1890–1897 гг. — начальником Закаспийской области. В 1898–1904 гг. занимал пост военного министра. Командовал Маньчжурской армией во время русско-японской войны, став с октября 1904 г. главнокомандующим вооруженными силами на Дальнем Востоке. За поражения русской армии под Ляояном и Мукденом он был снят с этого поста и назначен командующим 1-й армией. Участник Первой мировой войны. Куропаткиным были написаны ряд военно-исторических и военно-географических работ¹⁴.

А. Н. Куропаткин, анализируя ситуацию на Дальнем Востоке, обращал внимание на заселение Монголии китайцами и видел в этом главную опасность для России. Тема «желтой опасности» является ведущей в его монографии

«Русско-китайский вопрос», составляет основу его концепции. Тезис о наибольшей опасности для России со стороны Дальнего Востока развивался А. Куропаткиным и ранее в третьем томе книги «Россия для русских» (1910 г.), посвященной задачам русской армии на Востоке в текущем XX в. Он выражал надежду, что в государствах Европы произойдет ясное осознание и понимание «желтой опасности», которое положит конец взаимным распрям между европейскими государствами и объединит их в мощном союзе.

Длительное существование миролюбивых отношений между Россией и Китаем А. Н. Куропаткин объясняет твердой уверенностью России в слабости Китая. До самого последнего времени приграничные местности Китая были пустынные, собственно китайцев здесь было мало. Кроме того, русское правительство в XVIII — первой половине XIX в. проявляло слабый интерес к пограничным сибирским владениям. Ситуация изменилась после принятия Китаем ряда мер, главной из которых явилось «заселение всей приграничной с Россией полосы в Маньчжурии и Монголии китайским населением»¹⁵, а также постоянное стеснение русской торговли в Монголии. Поэтому отношения России и Китая вступают в свой новый этап, и в зависимости от решения судьбы Северной Монголии и Северной Маньчжурии «XX век или пройдет без вооруженных столкновений с Китаем, или России придется не раз отстаивать возможность развития своих сибирских владений с оружием в руках»¹⁶.

А. Н. Куропаткин поставил задачу выяснить действительное положение дел на русско-китайской границе: насколько оно опасно для России, и какие меры необходимо принять для исправления границы и установления отношений с приграничным населением. Глубокие и важные изменения, происходящие в Китае, обязывают Россию иметь готовые ответы на эти вопросы.

Автор показывает активную китайскую колонизацию Монголии: «Монголы вытесняются китайцами, захватывающими большие площади земли для оседлой жизни и земледелия»¹⁷. У китайского правительства появились проекты строительства железной дороги от Пекина к Кульдже. Модернизация китайской армии на

¹⁵ Куропаткин А. Н. Русско-китайский вопрос. Пг., 1913. С. 6.

¹⁶ Там же. С. 7.

¹⁷ Там же. С. 101.

¹⁴ Военно-исторический вестник. 1993. № 12. С. 58.

европейский образец и расположение шести пехотных дивизий в приграничных районах создает реальную опасность для России, граница которой будет открыта для вторжений китайских сил. Сибирская железная дорога окажется под ударом Китая с юга. В течение двух веков китайцы по отношению к монголам проводили политику постепенного ограничения власти князей, дробления Монголии, поощрения монгольского духовенства и заинтересованности в росте его влияния на население. Сейчас, по словам А. Куропаткина, они поставили новые задачи: «окончательно разорить Монголов, воспользоваться их землями и лишить какой бы то ни было самостоятельности»¹⁸. Примерно с 1900 г. китайское правительство открыто пошло на «обращение Монголии в китайскую провинцию»¹⁹.

Колонизация Монголии финансировалась казной и осуществлялась по плану, земли бесцеремонно отбирались у монголов, все это сопровождалось гонением на русских торговцев.

А. Н. Куропаткин предполагает, что в северной части Монголии китайцы найдут отличные уголья для многочисленного земледельческого населения и смогут заселить приграничную полосу шириной свыше 300 верст. Более того, многомиллионное китайское население будет проникать и в Сибирь, «вырывая из рук русских людей заработки и обесценивая их труд»²⁰. То есть существует не только военно-политическая, но и экономическая угроза со стороны Китая.

Не сомневается генерал А. Куропаткин и в том, что, как только успокоятся события в Китае, он тотчас приступит к усмирению отложившихся от него регионов. И, если не вмешается Россия, китайцы без труда «приведут монголов Халхи к покорности». Автор задает сам себе вопрос, сможет ли Россия, не потеряв окончательно свой престиж в Азии, отказаться от миссии помощи Монголии? И отвечает: «Конечно, для России неизбежно и выгодно ныне подать эту помощь»²¹. Помощь монголам и их защиту он видит в ограждении северной Монголии от китайских переселенцев и спасении монголов от разорения.

Генерал А. Н. Куропаткин предлагает передвинуть русскую границу до Гоби, взять Мон-

голию под свое покровительство и определить там автономное устройство. «Продвинувшись до Гоби, Россия создает между собой и Китаем снова пустынную и пограничную зону, и можно надеяться, что этим путем избежит столкновения с Китаем в XX столетии»²².

Конкретное решение «монгольского вопроса» для А. Куропаткина значит «восстановить китайский закон 1650 г., по которому пустыня Гоби разделяют северную, Халхаскую Монголию от южной или Внутренней, и перенести в эту пустыню русскую государственную границу»²³. Свои мысли он подтверждает тем, что еще в 1763 г. академик Миллер указывал на то, что пустыня Гоби должна отделять Россию от Китая как граница, указанная самой природой. Вообще А. Куропаткин связывает интересы России с Дальним Востоком, поэтому она должна действовать быстро и умело, чтобы не потерять уже приобретенное в регионе.

Защита от «желтой опасности», утверждает А. Куропаткин, дело не только одной России, но и Германии, Франции, Англии. В их интересах будет, если на Востоке больше не станет вопроса — «Азия для азиатов».

Таким образом, А. Н. Куропаткин в решении вопроса о «желтой опасности» видит один выход: совместный раздел Китая европейскими государствами в целях собственной защиты. Россия приобретет себе в результате раздела Монголию, а это не только новая обширная территория, но и рынок, источник сырья и подданные, которые могут нести военную повинность.

Еще ранее, в 1901–1902 г. военный министр А. Н. Куропаткин настаивал на сохранении долговременной оккупации, а затем и на присоединении севера Китая к России. Куропаткин был близок к царской семье и часто приглашался после доклада к завтраку Николаем II. Царем тогда руководило какое-то стихийное желание двигаться на Восток и завладеть странами Дальнего Востока. Видимо, близость внешнеполитических подходов и объединяла их. В феврале 1903 г. Куропаткин делился с С. Ю. Витте своими впечатлениями от бесед с Николаем II: «У нашего государя грандиозные в голове планы — взять для России Маньчжурию, идти к присоединению к России Кореи. Мечтает под свою державу взять и Ти-

¹⁸ Куропаткин А. Н. Русско-китайский вопрос. Пг., 1913. С. 107.

¹⁹ Там же. С. 111.

²⁰ Там же. С. 120.

²¹ Там же. С. 128.

²² Куропаткин А. Н. Русско-китайский вопрос. Пг., 1913. С. 130.

²³ Там же. С. 129–130.

бет. Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы»²⁴.

Подавляющее большинство публикаций военных о Монголии представляют собой отчет об экспедициях в страну (работы Ю. Кушелева, А. Баранова, С. Харламова, Тонких и др.). Их отличает различная глубина понимания сложившейся вокруг Монголии ситуации, различные характеристики готовности Монголии к самостоятельному развитию, даны собственные рецепты выхода из кризиса русско-китайских отношений. Подробное топографическое описание пройденных маршрутов, составление карт Монголии внесло определенный вклад в научное познание страны.

О своей поездке в Монголию с апреля по октябрь 1911 г. опубликовал отчет в двух вариантах поручик л.-гв. Гусарского полка Ю. Кушелев: «Монголия и монгольский вопрос» (1912) и «Отчет о поездке с военно-научной целью в Монголию» (1913).

Поездка была совершена по заданию Главного управления Генерального штаба; по пути следования в штабе Иркутского военного округа также было предписано «обратить особенное внимание на сепаратистское движение монголов и его направление»²⁵. В конце апреля в Чите поручик Кушелев получил трех казаков, один из которых, бурят, знал монгольский язык, и направился в Монголию. В его отчете дана характеристика положения дел в стране, настроений накануне получения независимости. В отличие от других военных, давших подробное описание пройденного пути, высказывавших попутно свои соображения и обобщения, Ю. Кушелев опубликовал аналитическую работу, выделяя основные вопросы: система управления Монголией Китаем, политика Китая в Монголии в последнее время, отложение Монголии от Китая, отношение Китая к нынешним событиям в Монголии, отношение России к нынешним событиям в Монголии, необходимые меры для обеспечения экономических интересов России в Монголии, отношение разных держав к настоящим событиям в Монголии.

Изложение материала в обоих вариантах отчета Кушелев начинает с обоснования тезиса о «желтой опасности». «Опасность» выражалась, по его мнению, в национальном и

военном возрождении Китая, «пробуждении народа желтой расы», что приведет к неизбежному столкновению России с Китаем: «в недалеком будущем именно России придется считаться как с национальными вождениями Китая, так и с его вооруженной силой»²⁶. Неизбежность борьбы объясняется наличием протяженной 6-тысячной границей, поэтому необходимо принять все меры, чтобы обезопасить для себя эту границу.

Ю. Кушелев определяет три возможных средства, которые могут обеспечить безопасность российской границы на Дальнем Востоке. Первое — это политика миролюбия и дружбы с Китаем (это признавалось неприемлемым). Второе — политические соглашения с другими государствами, США, Западной Европой. «Это средство вряд ли применимо в ближайшем будущем, потому что пока народы Европы еще недостаточно сознают приближение желтой опасности»²⁷. Единственно надежным и вполне осуществимым средством автор считает присоединение к России Монголии или принятие монгол под свое покровительство с тем, чтобы отдалить от своих границ военные силы Китая. «Монголия как по своим географическим, топографическим и климатическим свойствам, так и по своей величине и по природе своего населения, могла и может считаться тем надежным буфером, который обеспечивал нас от спавшего столько столетий Китая, и должна обеспечивать от Китая проснувшегося и вооружающегося»²⁸.

Существование самостоятельной Монголии возможно, по мнению Кушелева, только при условии, что оба ее соседа (Россия и Китай) признают ее независимость и будут ее обеспечивать, но при «малейшей уступке с одной из сторон, естественно, другая употребит все старания на подчинение себе Монголии»²⁹. Действительно, развитие последующих событий русско-монголо-китайских отношений 1911–1921 гг. подтвердило это предположение автора.

Давая характеристику политике Китая в Монголии в начале XX в., Ю. Кушелев утверждает, что пекинское правительство стремится

²⁶ Кушелев Ю. Отчет о поездке в Монголию с военно-научной целью. СПб., 1913. С. 284–285.

²⁷ Кушелев Ю. Монголия и монгольский вопрос. Пг., 1912. С. 2.

²⁸ Кушелев Ю. Отчет о поездке в Монголию с военно-научной целью. СПб., 1913. С. 287.

²⁹ Кушелев Ю. Монголия и монгольский вопрос. Пг., 1912. С. 8.

²⁴ Дневник Куропаткина // Красный Архив. 1922. Т. 2. С. 31–32.

²⁵ Кушелев Ю. Отчет о поездке в Монголию с военно-научной целью // Сборник географических, топографических и статистических исследований по Азии. СПб., 1913. С. 289.

ся отменить те автономные права, которыми пользовались монгольские князья, и превратить ее в обычную китайскую провинцию. Это определялось как ясно выраженное недоверие и недружелюбие к России. Ей неоднократно представлялась возможность захватить и присоединить к себе совершенно незащищенную Монголию, но она «не пожелала воспользоваться затруднениями в Китае»³⁰.

После поражения России в русско-японской войне ее престиж резко упал, что вызвало сразу же изменение политики Китая. Это выразилось в принятии следующих мер: переселении китайцев в пограничные районы, переводе в Северную Монголию военного отряда из Внутренней Монголии, предполагалось развернуть железнодорожное строительство, началось усиленное вытеснение русских и русской торговли из Монголии.

В конце июня 1905 г. в Урге состоялось собрание «местных главных лам», на котором было решено противодействовать китайским проектам административных реформ, а также было решено командировать представителей в Петербург, с просьбой о вмешательстве России. На случай отказа России поднимался вопрос относительно выбора другой державы, к которой следует обратиться с просьбой о протекторате. Ю. Кушелев пишет: «намечены Германия, Англия, Япония, но окончательного решения не постановлено. Большинство симпатий было за Германию»³¹.

Ю. Кушелев показывает различия и противоречия между тремя частями Монголии. Так, по его мнению, юго-восточная Монголия тяготела к Китаю, северная пользовалась наибольшей независимостью, а юго-западная поддерживала отношения и с Европой (Россией), чему способствовал и этнографический состав населения. Поэтому он ожидал трений между Халхой и Кобдоским округом. Вполне наметились осложнения между Халхой и юговосточной Монголией: главенствующий на юге страны харацинский ван выражал симпатии Японии. Действительно, южные хошуны тяготели к Китаю, а северные возлагали надежды на Россию, остальные склонны были выжидать, и стоит согласиться с автором, что территориальная близость, тесные экономические связи, взаимная заинтересованность в торговле северных и южных хошунов определяли их ориентацию.

События Синьхайской революции временно приостановили процесс ассимиляции национальных окраин, главным образом Тибета и Монголии. Но Ю. Кушелев предвидит кратковременность этого перерыва: «как только в Китае установится какой-нибудь порядок, как только новое правительство... почувствует себя сильным, оно станет продолжать ту же национальную политику, оно постарается вновь подавить Монголию и притом самым решительным образом. Борьба неизбежна и 400-миллионный народ имеет все шансы задавить три миллиона кочевников»³².

Позицию Китая по отношению к событиям начала XX в. в Монголии Ю. Кушелев оценивает как выжидательную. В это время Китай подготавливает благоприятную обстановку для себя. Он обвиняет Россию в агрессивных замыслах, старается представить отделение монголов, как дело рук России, желающей захватить Монголию. Дальнейший ход событий будет зависеть от того, кто из великих держав примет Монголию под свое покровительство.

В разделе «Отношение России к нынешним событиям в Монголии» Ю. Кушелев излагает четыре позиции в российском общественном мнении по монгольскому вопросу. Одни считают достаточным закрепить за Россией экономическое преобладание на монгольских рынках. Другие предлагают объявить свой протекторат над Монголией. Третьи рекомендуют разделить пополам с Японией Маньчжурию, установить независимость Монголии и присоединить к России Урянхайский край. И, наконец, четвертые находят необходимым и единственным выходом из ситуации — присоединение к России Монголии и северной части китайского Туркестана. Кушелев разделяет последнюю точку зрения. Он считает, что «независимая Монголия как буфер — это «тонкий картон», не спасающий от пули и дроби», который «несколько не прикрывая нас от грозной силы возрождающегося Китая, будет служить лишь источником споров, пререканий и осложнений»³³. Поэтому стратегическая задача России состоит в том, чтобы лишить Китай всякой возможности придвинуться к российским границам.

Кроме того, присоединение к России Монголии будет спасением и для монголов от их окитаивания, а в лице монголов Россия приоб-

³⁰ Кушелев Ю. Монголия и монгольский вопрос. Пг., 1912. С. 54.

³¹ Там же. С. 68.

³² Кушелев Ю. Монголия и монгольский вопрос. Пг., 1912. С. 78.

³³ Там же.

ретет верных подданных, способных к военной службе. Ю. Кушелев видит то, что хотел бы видеть в отношении монголов: «большинство монгол признает в каждом русском своего брата», «ныне монголы уже духовно стремятся принять подданство Русского царя»³⁴. Это приводит его к выводу о законном праве России принять под свое покровительство Монголию, если она сама того пожелает.

В случае невозможности присоединения Монголии предлагается оказать ей тайное содействие, особенно в снабжении ее в самых широких масштабах оружием и боевыми припасами. Автору представляется опасным оставлять без всякого руководства извне нынешнюю Монголию, что может привести к расчленению этой огромной страны на бесчисленное количество часто враждующих между собой княжеств. Сепаратистские тенденции в Монголии начала XX в. кажутся нам преувеличенными, они не проявили себя еще в то время и не играли большой роли в политической жизни страны.

В отличие от других исследователей «монгольского вопроса», Ю. Кушелев дает прогноз отношений крупных держав к событиям в Монголии, этому он посвящает специальную главу. Автор выделяет пять держав, имеющих свои политические интересы в Монголии (Англия, США, Германия, Япония), с которыми России придется считаться в любой ситуации. Разбираются позиции и интересы названных стран. Так, политические интересы англо-французов в Китае вообще и в Монголии, в частности, диаметрально противоположны российским интересам: «мы, русские, должны не пускать китайцев в Монголию, а англо-французы, наоборот, должны толкать их туда всеми силами и средствами»³⁵. Однако, учитывая совместное участие держав в едином союзе — Антанте, можно предположить возможность благоприятного решения вопроса: присоединение к России Монголии. Причем предусматривается вариант обмена между союзниками: «мы можем дать Англии компенсацию за счет Тибета». Автор поразительно легко «оперирует» странами и народами.

США и Германия не заинтересованы, по его мнению, в усилении России за счет ослабления Китая, поэтому протекторат, а тем более присоединение Монголии не будет приветствоваться

этим странами. Они, возможно признают «независимость» Монголии, но при условии, что Россия не получит в ней никаких преимуществ, никакого преобладания. По мысли автора, подобная политика основана на близорукое понимании «желтой опасности» и, когда настанет момент просветления, они не станут препятствовать политике России в Китае и Монголии.

Япония является на Дальнем Востоке хозяином положения, ведет расчетливую, верную и хитрую политику. «Япония делает с Китаем все, что хочет, и почти не считается с Россией»³⁶. Нет сомнения в том, что японцы имеют виды и на Монголию. Экономическая зависимость многих князей юго-восточной Монголии от японского капитала уже существует. Предполагается, что если Монголия не найдет помощи у России, то будет искать ее у Японии. В отличие от американцев, ищущих в Китае только наживы, «у японцев же экономические интересы данного момента, хотя и соблюдаются, то все их предприятия основаны на тонком политическом и глубоко-патриотическом расчете»³⁷. То есть здесь преобладают стратегические интересы Японии в этом регионе.

Экономические интересы в Монголии четырех держав (за исключением Франции) состоят в проникновении при помощи китайцев на монгольский рынок, реализации здесь своих товаров и соответственно вытеснении русских изделий. По мнению Ю. Кушелева, пока эти интересы незначительны и вряд ли из-за них могут быть осложнения. Если Россия энергично возьмется за дело, то «опасаться конкуренции названных держав нам не придется. Мало того, завоевав прочно рынок Монголии, нам будет легче увеличить свои торговые обороты с Китаем»³⁸.

Два отчета о поездках в Монголию в 1909 г. и 1912 г. составил есаул (а затем капитан) Тонких. Первый отчет («Материалы по описанию Монголии; часть, прилегающая к западному Забайкалью») был сделан во время следования 6-ой сотни Верхнеудинского казачьего полка (есаул Тонких являлся его командиром) в Ургу в 1909 г.

Отличительной чертой публикации Тонких является скрупулезнейшее описание маршрута движения: состояние дороги, пересечение гор, долин, рек и т. п. Приводятся данные

³⁴ Кушелев Ю. Монголия и монгольский вопрос. Пг., 1912. С. 92.

³⁵ Там же. С. 109.

³⁶ Кушелев Ю. Монголия и монгольский вопрос. Пг., 1912. С. 111.

³⁷ Там же. С. 114.

³⁸ Там же. С. 115.

о численности населения, его составе, занятиях, возможностях военных отрядов монголов и китайцев.

Характеризуя халхасцев, Тонких отмечает их добродушие, миролюбие и гостеприимство, а также трусливость и лень. «Они не умеют постоять за себя и ответить на насилие насилем, а безропотно подчиняются тому, кто умеет приказывать»³⁹. Автор скептически относится к боеспособности монгольских военных отрядов: «эти войска, не имеющие никаких кадров и числящиеся только на бумаге, боевого значения иметь не могут»⁴⁰.

Есаул Тонких оспаривает устоявшееся в общественном мнении и литературе утверждение о прорусской позиции монголов в случае возможной войны России с Китаем: «Ходячее мнение, что монголы питают живую симпатию к русским и ненавидят китайцев» сомнительно.

П. А. Бадмаев, А. Н. Куропаткин, Ю. Кушелев строили свои рассуждения на тезисе о благожелательном отношении монголов к русским. Тонких же утверждал, что симпатии монголов «будут на той стороне, которая победит. Во всяком случае, первое время по открытию военных действий монгольское население описываемого района, «судя по опыту войны японо-китайской и русско-китайской 1900 г., будет к воюющим сторонам относиться безучастно»⁴¹. И чтобы не нарушить подобное равновесие необходимо внимательное отношение к монголам со стороны русских войск и особенно справедливый расчет за покупаемый у них скот. При таком отношении монголы охотно будут пригонять скот, а их симпатии будут склоняться в сторону России.

Тонких выделяет четыре категории китайцев в Монголии: служилые чиновники, купцы, колонисты и рабочие на приисках. Колонизация китайцев в Халху регулярно из года в год увеличивается, хотя идет не так успешно, как в восточной Монголии.

В Урге нет ни китайской пехоты, ни артиллерии, а находится только конный отряд численностью 250 человек. По определению Тонких, главное назначение отряда — это «поддержание внутреннего спокойствия» во время массового перемещения китайцев весной и осенью из Калгана на север через Ургу и обратно.

³⁹ Тонких. Материалы по описанию Монголии, часть, прилегающая к западному Забайкалью (аймаки Тушету-хана, Сайн-Нойона, Дзасакту-Хана). Иркутск, 1910. С. 1.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 4.

«Вообще же, — замечает Тонких, — боевое значение китайского Ургинского гарнизона не велико»⁴².

Автор рассматривает вопросы чаще с точки зрения военного: говорит о возможности нахождения русских войск в том или ином районе, описывает вероятные пути их прохождения, возможность обеспечения их провиантом. Так, Халха особенно богата скотом, поэтому снабжение войск мясом не встретит затруднений. Однако остальными запасами район беден. Что касается Урги, то ее продовольственные возможности ограничены: в окрестностях не производится никаких хлебов, «поэтому на покупку этого в военное время рассчитывать нельзя, а придется прибегнуть к реквизиции, которая может дать приблизительно 2–3 тыс. пудов муки и 1 тыс. пудов риса»⁴³.

Относительно вопроса о местах размещения русских войск в Монголии, высказывается соображение о том, чтобы избегать размещения войск в монгольских кумирнях, что оскорбит религиозные чувства кочевников. Поэтому при размещении войск в Урге придется рассчитывать только на китайские постройки. По данным Тонких, в Урге имеется до 200 богатых китайских лавок, в каждой из которых можно разместить 1/2 роту, а в крайности и роту. Вообще же, в случае войны, недостатка в помещениях для войск не будет.

Оцениваются в отчете и оборонительные способности русского консульства в Урге. На случай осады, по мнению Тонких, оборонительные постройки находятся в неудовлетворительном состоянии.

В сентябре — октябре 1912 г. капитан Тонких совершил специальную поездку в Монголию с целью рекогносцировки дорог в Монголию и выяснения ряда вопросов, вызванных формированием монгольских войск под руководством российских инструкторов, особенно о пригодности монголов к военной службе. Капитан Тонких имел возможность сравнить свои впечатления двухлетней давности с современностью и отметить изменения, которые произошли после получения Монголией независимости.

Разительных и благоприятных перемен монгольского общества, по мнению Тонких, обретенная свобода не дала. События 1911 г. в Урге он называет «переворотом», а не ре-

⁴² Тонких. Материалы по описанию Монголии. Иркутск, 1910. С. 14.

⁴³ Там же. С. 8.

волюцией. Эти события не отразились благоприятно на результатах русской торговли, а бедные монголы скоро ощутили изменения, связанные с сокращением привоза из Китая и скоро значительно подняли цены на далимбу и кирпичный чай — предметы первой необходимости монгола.

Понимая затруднительное экономическое положение Монголии, Тонких следующим образом прогнозирует развитие русско-монгольских отношений, позицию России: «В будущем, вероятно, в силу необходимости России придется придти на помощь Ургинскому правительству своими советами по упорядочению налогов и натуральных повинностей и вообще всей финансовой системы, иначе симпатии населения Халхи скоро повернутся на сторону прежних своих поработителей — китайцев»⁴⁴. Действительно, так и случилось в последующем, туда был направлен экономический советник А. Козин, будущий монголист, а также выделены кредиты и создан национальный Монгольский банк.

Русский офицер не видел благоприятных перемен в Монголии, а только снова наблюдал произвол администрации хошунных князей, развращающее влияние ламства, забитость, невежественность и трусливость остальной массы. Поэтому для него казался необъяснимым совершившийся переворот в Урге, ему не верилось в возможность национального подъема монголов. По его оценке, в среде простых людей «этот переворот особенных восторгов не вызвал», а только увеличил число поборов и повинностей.

Новый режим не принес никаких улучшений и поэтому, предполагает он, «монголы скоро будут со вздохом вспоминать то время, когда они были под властью Китая»⁴⁵. Конечно, необходимо учитывать, что прошло очень мало времени, чтобы увидеть изменения. Но верно и другое, что радикальные перемены всегда приводят к общему спаду, ухудшению положения.

Из встреч, разговоров и наблюдений, капитан Тонких вынес заключение, что переворот в Урге совершен исключительно Хутухтой и небольшой кучкой его приближенных и удался благодаря исключительной растерянности китайской администрации и благожелательным советам русских представителей. Нельзя не согласиться с данными заключениями автора:

⁴⁴ Отчет о поездке в Северную Монголию генерального штаба капитана Тонких в сентябре — октябре 1912 г. Иркутск, 1913. С. 34.

⁴⁵ Там же. С. 110.

верхушечность переворота и позитивная посредническая роль России в решении «монгольского вопроса» несомненна.

Пессимистичен вообще взгляд капитана Тонких на историческое будущее монгольского народа. Он склонен думать, что монголы уже вырождающееся племя, численно уменьшающееся и осужденное на полное вымирание. И хотя заявление не категорично и имеет оговорку о необходимости специального исследования данной проблемы, для автора оно вполне объяснимо. Оно также необходимо ему для его основного обобщения о воинских достоинствах монгольского солдата, возможностях создания боееспособной национальной армии.

Тонких вместе с российским дипломатическим представителем Коростовцом присутствовал на показательных учениях монгольских воинов. Отмечается, что сотня в строю производила благоприятное впечатление, все показанные упражнения были проделаны чисто. Однако, по мнению Тонких, чувствовалось, что «созданное ценой больших усилий, слишком не прочно, и что все это, лишь только будет вне глаз инструктора, сейчас же развалится»⁴⁶.

Неблагоприятное впечатление усиливалось от чрезвычайной грязи в монгольских казармах, нечистоплотности кочевников и от определения основных характерных качеств монгола, как леность и трусость (их определил русский инструктор Васильев).

В заключении капитан Тонких дает следующие результаты своих наблюдений и обобщений: « у меня составилось убеждение, что создавать серьезные вооруженные монгольские силы излишне, что монголы не способны к военной службе, что войска, формируемые из них и обучение нашими инструкторами, не будут способны к каким-либо самостоятельным боевым действиям, а будут пригодны лишь для внутренней службы, будучи придаваемы к нашим, могут оказаться полезными в деле разведки и несении службы связи»⁴⁷.

Необходимо признать, что данные заключения капитана Тонких не были признаны убедительными и решающими, видимо, были приняты в расчет другие обстоятельства. Россия помогала создавать монгольскую армию, финансировала ее, направляла своих инструкторов. Также Монголии были предоставлены артиллерийские орудия и огнестрельное оружие.

⁴⁶ Отчет о поездке в Северную Монголию генерального штаба капитана Тонких. Иркутск, 1913. С. 111.

⁴⁷ Там же. С. 114–115.

Серьезное внимание изучению соседних стран, в том числе и Монголии, уделял Отдельный корпус Пограничной стражи Заамурского округа. Только с декабря 1903 по сентябрь 1906 гг. было направлено в Китай и Монголию семь экспедиций. По мнению ротмистра А. Баранова, руководителя ряда экспедиций в Монголию, «система экспедиций оказалась очень удачной, так как дала возможность стать лицом к лицу с местною монгольской жизнью, ознакомила с их бытом и вопросами их политической жизни, в том виде, как они развиваются на самом деле, а не в дипломатической окраске китайских и наших чиновников»⁴⁸.

Активизации исследований военных способствовали следующие обстоятельства: строительство КВЖД привело к усилению китайской колонизации монгольских земель, особенно в районах около железной дороги. Накануне войны с Японией и на случай возможного содействия со стороны Китая потребовалось более серьезное изучение Монголии, что определило посылку экспедиции 1903 г. По мнению А. Баранова, впервые в 1900 г. Россия имела случай убедиться, что Китай вовсе не представляет из себя неразделимого целого с Монголией и что последняя сохранила свою политическую автономию, с которой России выгодно считаться.

Обострение русско-китайских отношений выявили полный нейтралитет монголов, а в ряде случаев полное содействие России и русским со стороны монголов. «При этом расположение к России и русским не носило характера личного какого-либо сочувствия, личной симпатии со стороны отдельных лиц или общины, но напротив подобное отношение к России выразилось в организованном стройном образе действий всей Монголии»⁴⁹.

Возникновение монгольского вопроса связано с преодолением стереотипного представления о Монголии как провинции Китая. «Начавшееся непосредственное знакомство с Монголией понемногу стало освобождать нас от тех навязанных нам учебниками ложных представлений о Монголии, которые у нас существовали, как о стране дикой, пустынной, напоминающей Сахару». Самостоятельность позиции Монголии, проявления монгольской са-

мобытности, отличное от китайцев отношение к русским вызвали интерес военных специалистов. Это было связано с общим обостренным интересом к дальневосточным международным событиям.

На основе данных изучения края и знакомства с политическими ориентациями деятелей вырисовывалась следующая картина взаимоотношений Китая и Монголии. Монголия представляет собой полу-самостоятельное государство, не покоренное Китаем, а связанное с ним единством династии. Своей задачей Китай считает, по мнению А. Баранова, слияние Монголии с Китаем воедино и это стремление, нарушающее самобытность Монголии, породило монгольский вопрос.

Представляется, что А. Баранов несколько преувеличивает роль и значение Монголии во время китайской войны (имеются в виду события восстания ихэтуаней). Так, он считает, что поражение Китая было в значительной степени обусловлено положением, которое заняла Монголия, благоприятствуя России сохранив не тронутой транспортные связи. Речь идет о том, что монголы могли отрезать и захватить часть железной дороги и разъединить сообщение, снабжение и перевозку русской армии. Это предположение, кажется нам маловероятным, оно не отвечало интересам и возможностям Монголии.

Подобная сдержанность и лояльность Монголии по отношению к России, предполагает А. Баранов, «заставили Китай сейчас же после войны рьяно приняться за колонизацию Монголии»⁵⁰.

Земли, отводимые под колонизацию, выделялись вдоль железной дороги, отрезая Монголию от нее, монгольские кочевники вынуждены были покинуть свои владения. Такая политика Китая не может быть безразличной для русских интересов. Помимо военного значения, новая политика расселения, строительство новых городов вырывает у России торговые рынки в Монголии, подрывает торговое значение КВЖД.

Характеризуя взаимоотношения монголов и китайцев и формулируя суть взаимных антипатий, капитан С. Д. Харламов писал: «Китайцы к монголам относятся с презрением, считая их ленивыми, глупыми и грязными, но побаиваются их и опасаются насилий с их стороны, представляя их гораздо сильнее, чем они есть на самом деле. Монголы китайцев ненавидят,

⁴⁸ Баранов А. Материалы по Маньчжурии и Монголии. Вып. 10. Северо-Восточные сеймы Монголии. Харбин, 1907. С. 4.

⁴⁹ Там же. С. 38.

⁵⁰ Баранов А. Материалы по Маньчжурии и Монголии. Вып. 10. Харбин, 1907. С. 6.

считая, что они несправедливо отнимают от них землю и хотят их выжить»⁵¹.

Самостоятельная и тяготеющая к России Монголия представляет своеобразный «буфер», отделяющий от вероятного противника — Китая. Желание из стратегических соображений сохранить автономию Монголии может привести, по мнению С. Д. Харламова, «к столкновению наших интересов с интересами Китая и территория Монголии, так или иначе должна стать театром будущих военных действий, являясь как бы нашим приграничным театром, районы которого не одинаково важны по своему значению для будущих военных операций»⁵².

Решительность военных в разрешении сложных территориальных споров часто отвергалось правительством России. Так, туркестанский генерал-губернатор А. В. Самсонов в своих двух секретных письмах от 19 июня и 26 июля 1912 г. военному министру В. А. Сухомлинову, предлагал присоединить Илийский край к России, как пограничный район, имеющий для нее стратегическое и экономическое значение. Однако это предложение было отвергнуто С. Д. Сазоновым, не разделявшим эту идею. Чаще всего дипломаты проявляли осторожность и сдержанность, ограничивая «аппетиты» и энергию военных деятелей и их планы.

Прогноз и анализ международной ситуации вокруг Монголии, данный офицерами Генерального штаба и другими военными представителями в ряде случаев отличался точностью и прозорливостью. Так, пограничный комиссар в Кяхте подполковник А. Д. Хитрово по поручению российского посланника в Пекине Д. Д. Покотилова установил тайную связь с Далай-ламой, находившемся с 1904 г. в Монголии (Урге, а затем в Ван-хуре).

Опубликована записка Хитрово о деятельности Далай-ламы в 1906 г.⁵³ Из записки видно, что глава ламаистов проявил активность, встречался с влиятельными монгольскими князьями и высшими ламами. Именно находясь в Халхе, Далай-лама выдвинул свою концепцию возможности отделения Монголии и Тибета. Идея, которая реализовалась через пять лет. Кроме того, результатом этих обсуждений явилось и решение отделиться, «используя покрови-

тельство и поддержку России». Не случайно, поэтому летом 1911 г. тайную делегацию монголов в Россию возглавил Ханда-ван, в ставке которого продолжительное время Далай-лама жил и куда приезжал Хитрово. Оценки русско-монголо-китайских отношений и характеристики исторических деятелей Монголии оказались исторически точными и подтвердившимися.

Оценки военных представителей сложившейся международной обстановки на Дальнем Востоке, определение основного противника России в регионе не совпадали с подходом финансового ведомства страны. Из воспоминаний министра финансов России В. Н. Коковцева «Из моего прошлого» мы узнаем о его позиции, отношении к Китаю. В 1909 г. В. Н. Коковцев совершил поездку на Дальний Восток, которая была вызвана разногласиями с военным министром Сухомлиновым об отношении к России Китая, Японии и о кредитах на укрепление Владивостока.

Посетив КВЖД, Владивосток, В. Н. Коковцев пришел к выводу о слабости Китая и силе и опасности для России Японии. По его мнению, китайская власть «слаба до последней степени и совершенно не способна ни на какое сопротивление нам, если только мы стояли на почве нашего контракта. Она желала только одного, — чтобы ее никто не трогал и не пытался приобретать для себя каких-либо новых преимуществ, так как за всякой уступкой в нашу пользу автоматически шли попытки со стороны других стран, выговорить для себя какие-либо компенсации»⁵⁴.

Таким образом, военные представители России не только теоретически рассуждали на тему «желтой опасности», но и практически изучали географию, топографию, этнографию, экономику и вооруженные силы Китая и Монголии. Совершали многомесячные экспедиции по безлюдной местности этих стран и подробно описывали возможные маршруты движения.

Результаты исследований офицеров Генерального штаба в большинстве случаев не становились предметом широкого обсуждения в русском обществе, но являлись ценным источником информации о стране и основой для принятия адекватных решений. Как мы видим, Куропаткин, Кушелев, Попов, Тонких преувеличивали военную опасность и степень экономического давления со стороны Китая и призывали к активным внешнеполитическим шагам России на Дальнем Востоке.

⁵⁴ Коковцев В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 г. Кн. 1. М., 1992. С. 350.

⁵¹ Харламов С. Д. Монголия. Иркутск, 1914. С. 247.

⁵² Там же. С. 138.

⁵³ Белов Е. А. Записка подполковника Генерального штаба Хитрово о Далай-ламе и его деятельности 1906 г. // Восток. 1996. № 4. С. 136–141.

Они выступали за превращение Монголии в «буферную зону» между Россией и Китаем. Реально их влияние в политической жизни России, в принятии внешнеполитических решений было весьма весомым, хотя и не определяющим.

Позиция интеллигенции России в «монгольском вопросе»

Российская интеллигенция была неоднородной по своему составу. Ее социальное положение определялось местом в общественной иерархии общества. Свое значение имели и региональные особенности проживания интеллигенции (сибирская или интеллигенция Европейской России). Поэтому единого мнения по «монгольскому вопросу» у российской либеральной интеллигенции не складывалось, хотя подходы были довольно схожи и близки.

Представители демократической интеллигенции России предлагали отличную от военных, дипломатов, торговцев трактовку сложившейся ситуации в «монгольском вопросе». Эти взгляды были выражены в публикациях ведущих монголоведов России Б. Я. Владимирцова и В. Л. Котвича, статьях и воспоминаниях известного публициста и писателя, либерального народника И. И. Попова, работах ветеринарного врача А. П. Свечникова, языковеда и этнографа Н. П. Евстафиева, чиновника и этнографа Д. П. Першина, будущего известного монголоведа А. В. Бурдукова, выпускника Восточного института во Владивостоке П. А. Бобрика, журналиста Б. Имшенецкого.

Представители сибирской демократической интеллигенции (Д. Першин, А. Свечников, Н. Евстафиев) считали, что Россия должна оказать Монголии помощь в создании независимого национального государства.

Серию статей о Монголии: «Современная Монголия», «Современное политическое положение Халхаской Монголии и силуэты деятелей монгольской независимости», «Русские в Монголии» опубликовал в иркутской газете «Сибирь» за 1912–1913 гг. чиновник особых поручений при Иркутском генерал-губернаторе Д. П. Першин (псевдоним Д. Даурский), этнограф и журналист.

Першин Дмитрий Петрович (1853 — ок. 1930 г.) — член-сотрудник Восточно-Сибирского отдела РГО. В сибирских периодических изданиях сотрудничал под псевдонимами Д. Даурский, П. Карымский, Бурхан. Он совершил ряд экспедиций в Монголию, участвовал

в Иркутском совещании по русско-монгольской торговле. С 1915 г. являлся директором Монгольского Банка в Урге. С 1923 г. проживал в Китае, написал там воспоминания.

В его оценках и характеристиках положения Монголии, состояния и перспективах развития торговли и культурных связей между Россией и Монголией были выражены прогрессивные взгляды по поводу «монгольского вопроса». Д. Першин не скрывает своих симпатий к «беззащитному» монгольскому народу. По его мнению, обращение монголов к России за поддержкой не является случайным. Понимая, что на протяжении многих тысяч верст, граница России защищена от Китая монголами, он пришел к выводу, что «независимая Монголия необходима для России в качестве государства — буфера, и, чтобы упрочить этот буфер, Россия пойдет на многое»⁵⁵. Автор подчеркивает, что кроме Китая, жизнь монголов связана и с сибирскими окраинами России. Какой бы строй не был установлен в Китае, примирение его с Монголией невозможно. Республиканский Китай предлагает Монголии свое покровительство, посягая на уничтожение самобытности монголов, желая дать вместо самоуправления — опеку, и не скрывают намерений захватить территорию Монголии. Поэтому для Д. П. Першина решение проблемы Монголии может быть только одно: «Государство-буфер, под покровительством европейских держав, снова прикроет обнаженные границы»⁵⁶.

В то же время придется уделить огромное внимание внутреннему устройству молодого государства. Главное препятствие развития Монголии — феодализм: «даже одно ослабление и ограничение феодализма быстро поведет к оздоровлению страны»⁵⁷.

Д. Першин выступал за создание самостоятельного монгольского государства и не соглашался с мнением министра иностранных дел С. Д. Сазонова, высказанного тем в апреле 1912 г. С. Сазонов утверждал, что «монголы Халхи не имеют войска, ни финансовой организации, ни деятелей, без которых невозможно самостоятельное государство»⁵⁸.

⁵⁵ Даурский Д. Современное положение Халхаской Монголии и силуэты деятелей монгольской независимости // Сибирь. 1912. 7 июля.

⁵⁶ Сибирь. 1912. 11 авг.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Государственная Дума. 1912, сессия V, заседание 104. С. 2168.

Д. Першин же полагал, что отделение Монголии — это не желание кучки авантюристов, а выступление всего народа Халхи. Он отмечал, что страна имеет своих государственных деятелей и дал им характеристики. Поэтому долг России, по мнению Д. Першина, оказать Монголии помощь и поддержку. Он указывает на ряд противоречий в выступлении министра С. Д. Сазонова, которые могут создать условия невыносимые для Монголии»⁵⁹.

История борьбы монгольского народа за независимость показывает, что во главе ее всегда стояли люди деятельные и решительные. Такими являлись, как утверждал Д. Першин, и представители нового Ургинского правительства. Делегация монголов, ознакомившись в Петербурге с политическими делами Бухары, согласились на такое же положение, лишь бы не попасть вновь под власть Китая. «Изоляция Монголии от Китая единственное средство спасения для существования независимой монгольской самобытности»⁶⁰.

По мнению ученого Н. П. Евстафиева — этнографа и языковеда⁶¹, которое основывалось на личных впечатлениях от путешествий и экспедиций по Монголии, главной задачей российской политики в Монголии должно быть «стремление снова вернуть доверие и уважение монголов к России и позаботиться о дальнейшем упрочении взаимности между обеими странами»⁶². Мошенничество русских купцов, действия жителей русской колонии в Урге привели, считает Н. Евстафиев, к утрате искреннего доверия к России. Вернуть его можно следующими мерами: подъем культуры и самодетельности Сибири, развитие культуры и самобытности монголов, проведение в жизнь принципов активной политики, опирающейся на активное население⁶³.

⁵⁹ Даурский Д. Современная Монголия // Сибирь. 1912. 23 февр.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Евстафиев Н. П. (1866–1943) — этнограф и языковед. Закончил историко-филологический факультет Петербургского университета и восточный факультет Петербургского университета. Сослан в Сибирь по делу 1 марта 1887 г. Печатал статьи в сибирских изданиях. Знал более 10 языков. Участвовал в Орхонской экспедиции в Монголии и ряде других экспедиции по стране.

⁶² Томский К. Монголия и монголы (Доклад Н. П. Евстафиева в С.-Петербургском Сибирском собрании // Обская жизнь. 1912. 20 нояб.

⁶³ Там же.

Н. П. Евстафиев выделяет три способа борьбы за влияние России в Монголии: стратегический (военный), экономический и культурный. Автор отвергает первые два способа, как невозможные и невыполнимые для России. Стратегическая борьба в настоящее время является едва ли возможной, «принимая во внимание общее расстройство наших дел, а также трудность движения оккупационных отрядов по пустынным местностям Монголии»⁶⁴. Для экономической борьбы, по мнению Н. Евстафиева, «нет достаточно предприимчивого купечества, которое могло бы подчинить своему влиянию монгольские рынки, хотя в этом направлении уже кое-что и сделано, в особенности бийскими купцами»⁶⁵. Поэтому остается только культурное влияние, для которого, прежде всего, необходимо наличие «взаимного доверия между двумя нациями».

Не все демократические деятели России были уверены, что Монголия может создать независимое государство. Такое сомнение высказал публицист, редактор-издатель газеты «Восточное обозрение» и известный общественный деятель И. И. Попов (1862–1942). В статье «По поводу автономии Монголии» (1912 г.), приветствуя сам факт отложения Монголии от Китая, он писал, что монголы «не могут, на наш взгляд, образовать самостоятельного и сильного государства, могущего противостоять Китаю»⁶⁶. Он считал, что поддержка Россией полностью независимого монгольского государства может обострить отношения с Китаем, которого такой вариант не устраивал. Своей оценкой И. И. Попов как бы предвидел результат в 1915 г. и выступал за создание автономного буферного государства.

Более чем развернуто и полно собственное понимание отношения России к Монголии И. И. Попов раскрывает в работе «От небесной Империи к Срединной Республике». Он указывает на огромные перемены, происшедшие в первое десятилетие на Дальнем Востоке и выделяет появление еще одного «восточного вопроса», более сложного, чем ближневосточный. Действия России должны быть особенно осторожны и выверены, прежде всего, ей необходимо усилить свое экономическое влияние на Дальнем Востоке и в Монголии.

⁶⁴ Томский К. Монголия и монголы. Обская жизнь. 1912. 20 нояб. Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Попов И. И. По поводу автономии Монголии // Сибирь. 1912. 21 окт.

По мнению И. Попова, перед Россией встает дилемма — «быть ли ей в союзе со страной Восходящего солнца или постараться восстановить былые дружеские отношения с Небесной Империей, теперь республикой»⁶⁷. Сейчас известно, что Россия стремилась урегулировать отношения с обеими странами. 8 июля 1912 г. было заключено русско-японское соглашение о разделе сфер влияния во Внутренней Монголии: восточная часть — японская, западная — русская. Позднее, в 1913 и 1915 гг. были урегулированы отношения с Китаем.

Хорошо зная обстановку в самой Монголии, характер взаимоотношений Китая и Монголии, И. И. Попов далеко не энтузиаст отделения Монголии. Расчленение или объединение Китая прежде всего затрагивает наши интересы и заставляет нас оглянуться на былую политику по отношению к Небесной Империи, пересмотреть ее и быть, что называется, наготове в отношении вооруженных сил Китая, а в отношении искусства дипломатии и правильного понимания интересов и задач на Дальнем Востоке и в Средней Азии»⁶⁸.

Отторжение Монголии от Китая при содействии России создаст враждебное отношение китайцев. По мнению автора, Китай никогда не примирится с потерей Монголии. Одна Монголия, без внешней помощи и поддержки вряд ли сможет отстоять свою независимость. Учитывая ее финансовое и военное положение, достаточно будет одной китайской диверсии, чтобы привести к прежнему повиновению эту страну.

Соседство с Китаем, по возможности, должно протекать мирно. Наиболее выгодным было бы оставить Монголию в составе Китая, предоставив ей широкие автономные права, улучшив, таким образом, свое положение в Монголии. Решение «монгольского вопроса» И. Попов видит в создании «из Монголии государства-буфера между Россией и Китаем»⁶⁹. Главной целью отношений должно стать не политическое господство над Монголией, а приобретение рынка — «завоевание монгольского рынка и скорейшее проведение железной дороги на Ургу»⁷⁰. Менее желательным было бы потерять Монголию как рынок для российских фабрикантов.

⁶⁷ Попов И. И. От небесной Империи к Срединной Республике. М., 1912. С. 8.

⁶⁸ Там же. С. 9.

⁶⁹ Там же. С. 281.

⁷⁰ Попов И. И. По поводу автономии Монголии // Сибирь. 1912. 21 окт.

И. И. Попова страшат разговоры о присоединении Монголии к России, он расценивает их как авантюрные: «подобное предприятие может кончиться для нас так же, как кончились авантюры с Манчжурией и Тибетом. Мы продолжаем лелеять надежду, что монголы спят и видят себя присоединенными к России»⁷¹.

Автор ставит вопрос: не повредит ли активное вмешательство России в дела Монголии, достижение ближайших задач в этой стране вековой дружбе России с Китаем? «Да и вообще выгодно ли для России ослабление Китая за счет усиления Японии, которая, укрепившись на материке, явится для России более опасной, чем Китай?»⁷².

Таким образом, И. И. Попов явно отдает предпочтение сохранению традиционных отношений с Китаем, сохранению равновесия в регионе и не видит большой перспективы в ослаблении Китая, что может привести к закономерному усилению Японии.

Выпускник Восточного института во Владивостоке П. А. Бобрик, посетив в 1913 г. Монголию с целью практического изучения языка и возможно широкого ознакомления со страной, писал: «Что такое самостоятельная Монголия? Страна, которая почти независимо от себя, благодаря сложившейся конъюнктуре внешних обстоятельств, оказалась независимым государством»⁷³.

По его мнению, Монголия не знает определенно ни своего политического положения, ни своих границ, а также не имеет ни правительства, ни законов, ни войска. Поэтому «свободная» и «независимая» Монголия, «предоставленная самой себе, должна, быть может, медленно, но безысходно погибнуть в невежестве, болезнях и грязи»⁷⁴.

Довольно пессимистически оценивая будущее этого государства, он отмечал: «чтобы спасти Монголию (Халху), необходимо какой-либо из культурных стран взять ее под свое покровительство или хотя бы временное управление через своих представителей, необходимо сделать так, чтобы Монголия стала страной, которая могла бы сама себя содержать»⁷⁵.

⁷¹ Попов И. И. От Небесной империи к Срединной Республике. С. 9.

⁷² Попов И. И. По поводу автономии Монголии // Сибирь. 1912. 21 окт.

⁷³ Бобрик П. А. Монголия. Очерк торгово-промышленного и административного быта. Владивосток, 1914. С. 60.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же.

Близкие оценки и подходы «монгольского вопроса» содержались в книге журналиста Б. Имшенецкого. Он считал, что Монголия на 500 лет оказалось обособленной территорией от мирового экономического развития. Страна оказалась нетронутой и неприкосновенной современной цивилизацией, сохранившей свой первобытный уклад жизни.

Журналист совершил путешествие по Монголии, сделал оригинальные фотографии различных сторон жизни монгольского общества, написал интересные очерки Монголии после 1911 г. В результате он приходит к плачевному будущему Монголии. «Трудно предвидеть, какая судьба, какая будущность ожидает молодое ханство автономной Монголии, сформировавшееся правительство по образцу неограниченной монархии. Но принимая во внимание обширную страну, определенную по русско-китайскому соглашению примерно в 2 млн км², грандиозные границы в несколько тысяч верст и в то же время ничтожное в 500–700 тыс. душ нищенское, вымирающее население страны, отягощенное непосильными налогами, отсутствием какой бы то ни было, не только заводской и фабричной, но и кустарной промышленности, — приходится подходить к пессимистическим выводам»⁷⁶.

По его мнению, первые годы существования автономной Монголии не улучшили, а ухудшили положение населения, так как потребовались новые расходы на содержание армии, чиновников, министерств, постройки казенных зданий и казарм. С другой стороны, повысилась на 30–50 % стоимость китайских товаров, в связи с повышением налогов и административных ограничений.

Журналист точно уверен, что самобытный строй страны нарушен окончательно и не подлежит восстановлению, а будущее будет зависеть от взаимных отношений Монголии, России и Китая, от реального соотношения сил двух держав и от того какую сферу завоюют в Монголии западные страны и Япония.

Несмотря на различные подходы к данной проблеме позиция интеллигенции (Д. Першин, И. И. Попов, П. А. Бобрик) принципиально отличалась от мнения военных и представителей промышленных кругов России, выступавших за захват и присоединение Монголии до пустыни Гоби к России. Интеллигенция выступала за самостоятельную Монголию под покровительством ведущих держав мира или за создание

государства-буфера под покровительством России, или же, наконец, автономии в рамках Китая.

Непоследовательность, нечеткость позиции России, ее Министерства иностранных дел, общее отношение к Монголии в России обрисована крупным русским монголоведом Б. Я. Владимирцовым. В письме к А. В. Бурдукову от 25 июня 1912 г. он пишет: «Министерство иностранных дел само не знает, чего хочет. Очевидно, наше правительство, с одной стороны, как будто и хочет что-то сделать в Монголии, но зато, с другой стороны, ничего решительно не знает и боится»⁷⁷.

Ведущий монголовед сетовал на плохую осведомленность в России о монгольских делах, нежелании понять важность их для России и Сибири в особенности. Ситуация, обрисованная Б. Я. Владимирцовым, была несколько утрирована, но и другие исследователи отмечали подобные явления.

Критические замечания в адрес российской дипломатии были высказаны и И. И. Поповым: «наша дипломатия не отличалась стойкостью курса, часто меняя его и бросаясь из стороны в сторону. Неясны ей задачи, интересы и миссия России на Дальнем Востоке»⁷⁸. Неоднократно звучали упреки и в адрес Генерального консульства в Урге. Так, П. А. Бобрик считает одной из причин кризиса русской торговли в Монголии пассивную роль консульства: «оно не только не сумело предотвратить безобразий отдельных лиц, но и допустило и ту непростительную эксплуатацию монгольского народа, которая в его глазах подорвала всякое доверие и даже симпатию к русскому народу»⁷⁹.

Другой крупный монголовед В. Л. Котвич в монографии «Краткий обзор истории и современного положения Монголии» (1914 г.) так писал о процессе формирования монгольского государства. Он утверждал, что там еще не завершился процесс создания государства из княжеств, примкнувших к Ургинскому Богдо-гэгэну, ни его политического устройства. Сопоставив между собой соглашения России с Монголией (1912 г.) и Китаем (1913 г.), В. Котвич обращает внимание на то, что в первом говорится о «монгольском народе», Монголии без

⁷⁷ Бурдуков А. В. В старой и новой Монголии. М., 1969. С. 333.

⁷⁸ Попов И. И. От Небесной империи к Срединной Республике. М., 1912. С. 9.

⁷⁹ Бобрик П. А. Монголия. Очерк торгово-промышленного и административного быта. Владивосток, 1914. С. 56.

⁷⁶ Имшенецкий Б. И. Монголия. Пг., 1915. С. 38.

каких бы то ни было ограничений, во втором же обеспечивается автономия только Внешней (северной) Монголии. Поэтому, считает В. Л. Котвич, «отныне Монголия должна рассматриваться состоящей из двух различных в политическом отношении частей: Северной, автономия которой гарантирована Россией, и Южной, судьба которой исключительно зависит от правительства Китайской Республики»⁸⁰.

А. П. Свечников — ветеринарный врач, продолжительное время работавший в Монголии, в публикации «Русские в Монголии» писал о необходимости развивать русско-монгольскую торговлю. Он обвинял в нерасторопности русское правительство, которое не оказывает никакой помощи русским купцам и предпринимателям. Такое положение тем более пагубно, что «Сибирь нуждается в монгольском скоте, а такие продукты, как шерсть, кожи, сурок идут далеко за пределы Сибири, особенно с проведением Сибирской железной дороги»⁸¹.

Кроме того, по его мнению, Россия могла бы одевать и снабжать всем необходимым, если не всю Монголию, то пограничные с нею монгольские аймаки. «Рынок западной Монголии, так далеко отстоящий от Китая, должен быть в руках русских. Здесь русские могли бы конкурировать с китайцами. И это тем более, что русские могли бы хорошо сбывать скот и продукты скотоводства в Западной Сибири и далее»⁸².

Большое значение А. П. Свечников придавал распространению культурного влияния русских в Монголии. Деловыми отношениями не должны исчерпываться связи русских с монголами, тем более что Монголия сама «жаждет культуры и цивилизации». Автор считает, что русские медики, зоотехники и агрономы смогли бы принести огромную пользу. Монголы «примут их там с распростертыми объятиями, ибо какой бы отсталой страной не была Монголия, она сумела сохранить высокую личную нравственность, она знает, что есть добро и зло и сумеет взять от европейской культуры все доброе и хорошее»⁸³.

А. Свечников связывает во многом будущее положение в Азии с «монгольским вопросом»,

поэтому индифферентное отношение к нему не допустимо, и интересы России тесно связаны с этой проблемой.

В отличие от других русских авторов, А. Свечников не видит опасности в начавшейся колонизации Северной Монголии китайцами и сопутствующему этому переходу непосредственных дел с монголами в руки китайцев. Главное для него в этой ситуации — это интересы монголов и возможность реального улучшения их положения. Он писал о том, что китайцы прекрасные колонизаторы и могут принести монголам пользу. А русские должны внести свой вклад в развитие Монголии. Таким образом, взаимными усилиями монгольское общество будет выведено из состояния «первобытности». Это будет выгодно и для самих монголов, и для великих дружественных ей стран, интересы которых тесно переплетаются в Монголии.

Это суждение было очень не похоже на высказывания по этому вопросу других авторов. Разумеется, А. П. Свечников идеализирует отношения между Россией и Китаем, маловероятными выглядят и их «взаимные усилия» по развитию кочевой Монголии. Правда, истории известен кратковременный период 50-х гг., когда СССР и Китай помогали строить социализм в Монголии.

Другой автор, А. В. Бурдуков, хорошо знающий жизнь монголов и оставил интересные воспоминания «В старой и новой Монголии» (1969 г.). Алексей Васильевич Бурдуков (1883–1943) более тридцати лет прожил в Монголии, занимаясь торговлей в Западной Монголии. Он изучил монгольский язык, знал страну и культуру монгольского народа, собирал литературные и исторические памятники, книги. Им были опубликованы статьи на разные темы, он поддерживал переписку с ведущими учеными-монголоведами: В. Л. Котвичем, Б. Я. Владимирцовым, Г. Н. Потаниным. Позже он сам стал доцентом Восточного факультета ЛГУ.

В первой части воспоминаний «Монголия в 1911–1914 гг.», а также письмах нашел отражение «монгольский вопрос». События 1911 г. А. Бурдуков связывал с возросшей агрессивностью Китая, двинувшего волны переселенцев во Внутреннюю и Внешнюю Монголию. Угроза поглощения Китаем Монголии и ассимиляции монголов разбудили у них чувство национального самосохранения.

Обратил внимание А. Бурдуков на проблемы русской торговли в Монголии. Он выступил против притеснений русскими купцами мест-

⁸⁰ Котвич В. Л. Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии. СПб., 1914. С. 21.

⁸¹ Свечников А. П. Русские в Монголии. СПб., 1912. С. 90.

⁸² Там же.

⁸³ Там же. С. 149.

ного населения, предлагая изменить методы торговли русских в Монголии. Такой попыткой было создание им Товарищества (1914 г.), где пайщиками были русские и монгольские купцы. Он приветствовал отделение Монголии от Китая и выступил за ее самостоятельное развитие.

Политику России в Монголии А. В. Бурдуков оценивает как «нерешительную» и «колеблющуюся». Он писал: «Россия была заинтересована в автономии Внешней Монголии как буфера между Китаем и Россией. Ургинское же правительство мечтало о присоединении Внутренней Монголии и Барги. Решительная поддержка такого плана Россией, конечно, была чревата всякими последствиями и неизбежным обострением отношений с Китаем, с которым тогда обострять отношения Россия, видимо, считала нецелесообразным, тем более что уже началась мировая война»⁸⁴.

Большой знаток Монголии и монгольского рынка А. В. Бурдуков объяснял слабый рост русского влияния в Монголии после 1911 г., когда рынок был освобожден от китайцев, слабостью экономической базы русской торговли в Монголии. Это выражалось в разрозненности мелкого торгового капитала, отсутствии достаточных средств и аппарата. Поэтому торговый капитал не мог выполнить задачи, поставленные русской дипломатией.

В 1911–1917 гг. А. В. Бурдуков опубликовал в сибирских газетах более 40 статей и корреспонденций о положении дел в Монголии, состоянии русско-монгольской торговли: «Чуйский торговый путь» (1911), «Русский сахар и спички в Северо-Западной Монголии» (1911), «К событиям в Монголии» (1912), «Независимая Монголия» (1912), «Разграбление русских торговцев» (1912), «Положение русской торговли в Северо-Западной Монголии и ее перспективы» (1912), «Политическая атмосфера в Северо-Западной Монголии» (1913), «Положение нашей торговли с Монголией» (1913), «Рынок в Улясутае и Кобдо» (1913), «Монголия как поставщик мяса для России» (1916) и др.

Практический работник, основательно изучивший монгольский рынок, особенно районы северо-западной Монголии, особенности монгольского кочевого скотоводства, А. В. Бурдуков выражал несогласие с некоторыми прогнозами и оценками размеров монгольского рынка. Так, он возражал А. Н. Аркадий-Петрову, который высказал мнение о колоссальных, несметных,

неисчерпаемых скотоводческих богатствах Монголии, своеобразной счастливой Аркадии, в которой население имеет большой доход от продажи скота. По мнению А. В. Бурдукова, скотоводство в Монголии имеет примитивный характер, народ живет бедно, хотя природные условия позволяют иметь гораздо больше скота и лучшего качества. Но для этого необходимо серьезно изменить систему монгольского скотоводства, поднять уровень жизни кочевого населения.

Близким по биографии и по духу А. В. Бурдукова, а также к решению монгольских проблем был бийский купец А. Д. Васенев.

Алексей Данилович Васенев (1856–1917) прошел тяжкий путь от мальчика на побегушках до владельца солидного торгового предприятия. 14 лет он проработал в Монголии (1870–1884 гг.) на купца И. П. Котельникова, чтобы завести собственное дело. А. Д. Васенев не ограничился только торговлей, он проявил себя как путешественник, прошедший тысячи верст по Монголии и Китаю, оставивший дневники и описания пути, частично опубликованные, поддерживал отношения и переписку с русскими учеными Г. Н. Потаниным, А. М. Поздневым, Д. А. Клеменцем, русским консулом в Урге Я. П. Шишмаревым. Много сил и средств он вложил в сбор редких монгольских и китайских книг, документов, предметов быта и культа.

Выделяясь из общей среды торгующих в Монголии, А. Д. Васенев выступал за честную коммерцию, прямо и резко критиковал торговцев, основывающих свой бизнес на обмане покупателей, используя их невежество. Он не скрывал своего презрительного отношения к торговцам, делавшим состояния на насилии или жульничестве, не делалось исключения и для собственных служащих, прибегающих к подобным методам. В 1894 г. он был избран старшиной русского торгового общества в Улясутайском округе.

По мере своих сил он боролся за внедрение в Монголии цивилизованных форм торговли. А. Д. Васенев хорошо знал монгольский и китайский языки, имел знакомых монголов, пользовался их уважением. Не раз он оказывал помощь научным экспедициям в Монголии, сам прожил почти три года во Внутреннем Китае. Он вел дневники, собирал образцы растений, составил коллекции ботанических и религиозных экспонатов.

А. Д. Васенев высказывал идеи о необходимости объединения мелких торговцев в Монголии, организации здесь сети кредитных учреж-

⁸⁴ Бурдуков А. В. В старой и новой Монголии. М., 1969. С. 116.

дений, об открытии в ряде сибирских городов: Бийске, Минусинске и Иркутске коммерческих училищ, которые готовили бы приказчиков для работы в Монголии, знающих язык, обычаи и традиции монголов. Наболевшие проблемы русско-монгольской торговли высказывались в 1911 г. председателю Экспортной палаты В. И. Денисову в Министерстве торговли и промышленности.

В 1912 г. А. Д. Васенев на заседании Дальневосточного отделения Русской экспортной палаты с докладом «Русские задачи в Монголии», опубликованной позднее в журнале «Русский экспорт». Он предлагал осуществить ряд мероприятий, которые позволили бы обеспечить доминирующее положение русских купцов на монгольском рынке. Прежде всего, он считал необходимым значительно расширить ассортимент русско-монгольской торговли с помощью широкого участия в бизнесе крупных торгово-промышленных фирм центральной России: «Наши фабриканты должны поступиться получением высоких прибылей в Монголии. В общегосударственных интересах и при создавшемся положении они должны прислушаться к голосу торговцев из этой страны, пойти им навстречу, дать им изделия соответственно вкусам и требованиям туземцев, и тогда, безусловно, создастся та прочная база, которая обеспечит мощное развитие торговли»⁸⁵.

Объявление Монголией своей независимости от Китая, считает А. Д. Васенев, «меняет положение в благоприятном для нас смысле». Поэтому он считает необходимым поддержать Монголию, так как, «собственными силами за неимением оружия и в силу мирного характера пастушеского населения, сложившегося под влиянием буддизма, Монголия не в силах оказать сопротивление, и в первой же схватке она будет сломлена Китаем»⁸⁶.

Многолетнее существование русской торговли дает России право на вмешательство в монгольские дела. По его мнению, необходимо создать между Россией и Китаем государствовбуфер: «Во всех отношениях удобнее иметь соседом мирную пастушескую страну, к нам расположенную, чем враждебно настроенных китайцев»⁸⁷. Если Россия проигнорирует монгольские стремления, стране грозит опасность ее разгрома китайцами.

⁸⁵ Сибирский купец А. Д. Васенев. Документы и письма. Ч. II. Барнаул, 1994. С. 1

⁸⁶ Там же. С. 17.

⁸⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 155.

А. Д. Васенев считал обязательным расширение российского культурного влияния в Монголии. Крайне желательно открытие русско-монгольских школ, организация ветеринарно-медицинской помощи, что встретит сочувствие со стороны коренного населения.

Также он выдвинул идею создания совместного Русско-Монгольского акционерного общества, получившую признание со стороны монгольского купечества.

Таким образом, представители демократических кругов России выступали за создание независимого монгольского государства или государства-буфера и предлагали России оказать реальную помощь Монголии. Важнейшими задачами возрождения монгольского государства они считали оказание помощи в налаживании хозяйства монгольских кочевников, в развитии торговых отношений. Особенное внимание они уделяли вопросу о необходимости помощи в области культуры и здравоохранения.

Российские социал-демократы о характере правительственной политике в Монголии

Крайнюю позицию в «монгольском вопросе», ранее в российской общественной мысли определяемую как самую прогрессивную и «правильную» занимали представители социал-демократов и прежде всего большевиков.

Позиция российских социал-демократов основывалась на классовых позициях и интересах рабочего класса и вообще трудящихся, на критике колониальной и захватнической политики царского правительства в отсталых странах Востока, в том числе и в Монголии.

Особенно большого и глубокого интереса к Монголии и политике России в этой стране и регионе социал-демократы не проявляли. Отсутствие в стране рабочего класса, незначительная роль Монголии в мировой экономике и политике, отсутствие в стране революционных выступлений, слабая информированность о событиях в кочевой стране привели к редким характеристикам и оценкам «монгольского вопроса». И только начало Синьхайской революции в Китае и начало национально-освободительного движения в Монголии усилили интерес к данной проблеме.

В. И. Ленин специально не занимался этим вопросом, однако в ряде своих работ: «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме», «К вопросу о политике министерства народного просвещения (дополнения

к вопросу о народном просвещении)», «Обновленный Китай» высказал ряд характеристик о колониальной политике царской России по отношению к Монголии.

Принципиальные позиции большевиков по проблемам внешней политики России на Дальнем Востоке, в Китае и Монголии были определены в решениях VI (Пражской) конференции РСДРП «О китайской революции»: «Конференция ввиду компlicity правительственных и либеральных («Речь») газет, пропагандирующих — в интересах российских капиталистов — отторжение от Китая, пользуясь революционным движением в нем, пограничных с Россией областей, клеймит поведение русского либерализма, поддерживающего политику захватов царизма»⁸⁸.

Главной и важной задачей партии большевиков России являлась борьба против самодержавия, разоблачение всех его действий, направленных против своего народа и народов, закабаленных царизмом. По этому вопросу В. И. Ленин писал: «Оставаясь бессильным на почве мировой конкуренции современных капиталистических государств и будучи оттесняемо все более на задний план в Европе, самодержавие в союзе с черносотенным дворянством и крепнущей промышленной буржуазией пытаются ныне удовлетворить свои хищнические интересы путем грубо — «националистической» политики, направленной против более культурных областей (Финляндия, Польша, Северо-Западный край) и путем колониальных захватов, направленных против ведущих революционную борьбу за свободу народов Азии (Персия, Монголия)»⁸⁹.

Изменения политики России на Дальнем Востоке, по мнению большевиков, наметились с Портсмутского мирного договора, а были продолжены в русско-японских соглашениях 1907, 1910 гг. по разделу сфер влияния между двумя захватчиками. В секретной части договора от 4 июля 1910 г. Россия отказывалась от каких-либо прав на Корею, получая взамен особые права на Монголию. В. И. Ленин назвал этот договор «обмен Кореи на Монголию»⁹⁰.

В проекте первого выступления в Государственной Думе депутата-рабочего от социал-демократической фракции (написанном В. И. Лениным для А. Е. Бадаева) отмечается, что народные деньги идут на «крепостническое

государство», на содержание полиции, войска, на жалование сановникам, «на политику авантюры и грабежа вчера в Корею или на реке Ялу, сегодня в Монголии и в турецкой Армении»⁹¹.

В. И. Ленин в ряде статей разоблачил стремления царизма, буржуазии к захвату, порабощению, грабежу и «нежному обниманию» Монголии и писал, что «о том будут ли обеспечены и как именно демократические учреждения в новых государствах Балкан или в Армении, или в Монголии, — об этом не пишут и не говорят. Это — неинтересно. Прибыль международных акул зависит не от этого»⁹². Разоблачая эту империалистическую политику, В. И. Ленин писал: «Мы, великорусские рабочие должны требовать от своего правительства, чтобы оно убралось вон из Монголии, из Туркестана, из Персии...»⁹³.

С другой стороны, В. И. Ленин и большевики не отделялись от египетских, индийских и монгольских трудящихся, а наоборот, стремились к союзу с ними. Было заявлено, что большевики приложат все усилия, чтобы сблизиться и соединиться с угнетенными народами и помочь им перейти к употреблению машин, к облегчению труда и демократии. Однако они ратовали за свободное и добровольное сближение, а не насильственное объединение.

Таким образом, В. И. Ленин не вникал глубоко в суть «монгольской проблемы», в причины заинтересованности России: экономической и стратегической, в Монголии. Он абсолютизировал одну сторону сложной проблемы и видел только захватнический характер внешней политики России. Классовые интересы были поставлены выше национальных интересов, и в этом видится уязвимость позиции В. И. Ленина.

Оценку и характеристику «монгольскому вопросу» давал в своих статьях «Внешняя политика в 1911 г.», «Российское купечество и русско-китайский конфликт» Михаил Павлович (М. Л. Вельтман).

М. Павлович (Вельтман, Волонтер) Михаил Лазаревич (1871–1927) — профессиональный революционер, член РСДРП с 1898 г. После II съезда РСДРП, примыкает к меньшевикам. Находясь в Париже, проявляет интерес к международной политике и Востоку. После рево-

⁹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 122.

⁹² Там же. Т. 30. С. 119.

⁹³ Павлович (Мих. Павлович) — Вельтман // Деятели СССР и Октябрьской революции (Автобиографии и биографии). Репр. воспроизвед. М., 1989. С. 106–107.

⁸⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 125–126.

⁸⁹ Там же. Т. 28. С. 669.

⁹⁰ Там же. Т. 23. С. 129.

люции был членом Всероссийской научной ассоциации востоковедения, являлся первым ректором Московского института востоковедения. М. Павлович является автором ряда работ: «Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего», «Борьба за Азию и Африку», «Мировая война 1914–1918 гг. и будущие войны», «Французский империализм», «Русско-японская война» и др.

Из его «Автобиографии» мы узнаем, что в Париже в 1911 г. он читает лекции по национальному вопросу в партийной школе в Болонье (где также преподавали Богданов и Луначарский). Интересуясь восточными странами, международной политикой и революционным движением в этих странах, М. Павлович посещал в Париже собрания младотурок, персидских конституционалистов, индусских эмигрантов, китайских офицеров. «У меня на квартире постоянно собирались индусские, персидские, китайские революционеры, с которыми мы обсуждали планы революционной работы. Я сопровождал персидских революционеров во время поездки по Европе, редактировал прокламации для персидских, китайских, индусских революционеров и сотрудничал в их журналах и газетах»⁹⁴.

Мы видим, что проблемы стран Востока серьезно занимали М. Павловича и он более основательно знал некоторые стороны расстановки сил международной политики.

Рассматривая внешнюю политику России за 1911 г., М. Павлович писал: «Еще не зарубцевались тяжкие раны, нанесенные русскому хозяйственному организму маньчжурской авантюрой, а уже русские дипломаты вовлекают страну в персидскую, монгольскую авантюры, поднимают вопрос о Дарданеллах, собираются обострить конфликт с Соединенными Штатами»⁹⁵.

Отмечая «современный завоевательный» характер внешней политики царизма, М. Павлович считал, что «истинная подкладка русско-китайского конфликта лежала не в фиктивных интересах нашего купечества, а совершенно в другой области, в стремлении нашей военной партии воспользоваться пустяковыми «экономическими» поводами для интриг и территориальных захватов в Монголии и Урянхайском крае»⁹⁶. К такому выводу он приходит при изуче-

нии всех фаз русско-китайского конфликта. По нашему мнению, здесь явно прослеживается односторонность подхода, определенное преуменьшение экономических причин и торговых интересов России в Монголии. Это объясняется, как общим подходом автора к проблеме, так и слабой информированностью о размерах и роли русской торговли в Монголии⁹⁷.

«Великие экономические интересы», необходимость защиты русской промышленности», являются, по мнению М. Павловича, лишь предлогом для русско-китайского ультиматума от 11 марта, а торговые интересы в конфликте играют «ничтожную роль», и определяет долю России в торговле с Китаем в 3,7 %.

М. Павлович указывает, что подтверждение своим мыслям он брал из либеральной и «реакционной прессы», что разговоры о «независимой» Монголии, которая может существовать только при действенной помощи России, а также охрана русских границ от «нападения Китая» — все это лишний раз показывает истинные цели России относительно отделившейся от Китая Монголии. «Монголия должна в представлении наших империалистов превратиться в опорную базу для наступательных действий против соседней страны. Здесь, в Монголии, мы должны вернуть себе то, что потеряли с таким тяжелым ущербом для нашего престижа и нашей военной мощи в Маньчжурии»⁹⁸.

Критикуя точку зрения правительства России, М. Павлович не верит и либералам, которые считают, что «новорожденной монгольской независимости» надо дать возможность «создать силы самообороны от новых централистических покушений Китая. Охрана независимости и автономии Монголии должна остаться задачей русской дипломатии, — писала «Речь» 15 декабря 1911 г.»⁹⁹. Он расценивает эту «заботу» о молодом монгольском государстве и роль русской дипломатии как защитницы независимости и автономии соседней азиатской области, как «чудеса», которые рассказывают «трезвые кадеты»¹⁰⁰.

Он не верит в искренность намерений правительства и кадетов, так как «защитник автономии и независимости» в это же время «язы-

⁹⁷ Павлович М. Внешняя политика в 1911 г. 1912. № 1. Там же. С. 240.

⁹⁸ Там же. С. 249.

⁹⁹ Там же. С. 240.

¹⁰⁰ Павлович М. Российское купечество и русско-китайский конфликт // Наша заря. 1911. № 4. С. 6.

⁹⁴ Павлович М. Внешняя политика в 1911 г. // Современник. 1912. № 1. С. 251.

⁹⁵ Там же. С. 239.

⁹⁶ Там же.

ком пуль и штыков» в Персии разъясняет эти понятия.

В статье «Российское купечество и русско-китайский конфликт» М. Павлович развивает далее тему места и роли русско-китайской торговли, ее влияния на выработку внешнеполитической ориентации.

Он выражает сомнение, что необходимость защиты торговых интересов России в Монголии могло побудить правительство обратиться с ультиматумом к Китаю. «Очевидно, наши торгово-промышленные классы, наша фабрично-заводская буржуазия играет колоссальную роль во внешней политике России, раз во имя наших «торговых» интересов правительство не останавливается перед ультиматумом Китая, перед риском войны с 400 млн страной»¹⁰¹.

М. Павлович приводит результаты и выводы московской торговой экспедиции в Монголию под руководством полковника В. Л. Попова, согласно которым Монголия как рынок для сбыта товаров «ничего нам дать не может, так как страна бедна, потребности населения крайне ограничены»¹⁰². Он считает, что это поняло и московское купечество и промышленники, когда был выдвинут «смехотворный план» Русско-монгольской торговой палаты, «наши толстосумы лишь лениво отмахивались от монгольских перспектив, как от назойливой мухи»¹⁰³.

Основывая свое мнение на отчетах русских торговых экспедиций, официальных статистических данных, М. Павлович показывает преобладание объема ввоза товаров над вывозом товаров и ничтожности монгольского рынка для России. «И трудно предвидеть, чтобы Монголия в ближайшем будущем могла сделаться серьезным рынком для русской промышленности»¹⁰⁴.

Поэтому вопрос о завоевании нового рынка не играет никакой роли в русско-китайском конфликте, а главным мотивом агрессивной политики по отношению к Китаю, по мнению М. Павловича, является, с одной стороны — «желание, стремление отвлечь умы от внутренних неурядиц, с другой — «желание поднять престиж русской армии и русской дипломатии, ослабленной военными неудачами»¹⁰⁵.

Он приводит сообщение газеты «Русское слово» о том, что в Петербурге существует сильная партия, желающая во что бы то ни стало войны с Китаем. Предполагается воспользоваться военным превосходством России по сравнению с Китаем и присоединить себе целую область, которая глубоко вдается в самый центр Сибири (Урянхайский край). М. Павлович считает, что никакая война, никакой разгром на полях битв «не в состоянии убить жизненной энергии, ослабить силу такого государства, Как Китай, наоборот, война может лишь дать могучий толчок окончательному возрождению Китая, медленно пробуждающегося от своего векового сна»¹⁰⁶.

Таким образом, мы видим, что М. Павлович против вмешательства России в монгольские дела, видит в этом агрессивные намерения страны и против оказания помощи Монголии в становлении национальной экономики и армии.

Оригинальное решение в разоблачении политики царизма и буржуазии по отношению к Монголии внес сосланный в Сибирь социал-демократ Сурин (Сурен Асеньян), написавший фельетон «Господа монголисты». «Выгравированный талантливый резцом Щедрина «ташкентец» не исчез... Раньше только — Ташкент! Таш — кент пленял его слух, развивая и без того волчий аппетит, теперь слаще всякой музыки звучит «Монголия! Монголия», — писал Сурин¹⁰⁷.

Автор публикации в форме коротких монологов от имени различных обобщенных типажей: отставного штабс-капитана, москвича-мануфактуриста, бийского купца, торговца-одессита показывает как они решают вопрос: «как полнее и лучше обработать свои делишки в новой, открывающейся для их авантюры»¹⁰⁸.

От лица «энергичного» человека, особого типа «монголиста» ведется речь о политике страны. «Мы должны радоваться, что и общество и правительство стали на правильный путь восточной политики»¹⁰⁹. Планы правительства определяются как «очень несложные, но верные», «стать прочной ногой внутри этой богатой страны и вывозить, вывозить, вывозить...»¹¹⁰.

¹⁰¹ Павлович М. Российское купечество и русско-китайский конфликт. 1911. № 4. С. 6.

¹⁰² Там же. С. 8.

¹⁰³ Там же. С. 10.

¹⁰⁴ Там же. С. 11.

¹⁰⁵ Там же. С. 13.

¹⁰⁶ Сурин. Господа «монголисты» // Сибирские вопросы. 1912. № 3–4. С. 56.

¹⁰⁷ Сибирские вопросы. 1912. № 13. С. 88.

¹⁰⁸ Сибирские вопросы. 1912. № 3–4. С. 56.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же. С. 56–57.

«Энергичных» людей и правительство объединяет легкий успех первых шагов в Монголии. Огромные прибыли не могут оставить их равнодушными. Богатства Монголии кажутся им несметными, «поверх земли и валяются, загребай голыми руками да на возы»¹¹¹. Поэтому без особых усилий и стараний «скот, шерсть, сырье всякое в миллионах пудов потечет к нам за бесценок, а от нас товары разные поплывут к монголишкам, а то позалежали они, товары-то, в складах московских»¹¹².

Штабс-ротмистр, организатор Акционерной компании «Монгольский скот», которому удалось убедить правительство в необходимости составить компанию по ввозу в России монгольского скота, считает, что «в Монголии скота столько, сколько у нас мух на навозной куче — миллиарды, да какой скот-то! Сплошной бифштекс»¹¹³.

«Монголист» оказался живучее «Ташкентца». Он имеет определенное влияние на правительство. «Надо так: войска-войсками, а энергичные люди само собой. Войска порядок должны охранять, смотреть, чтобы интересы благоприятствуемой страны не страдали, а энергичные люди под стягом военной охраны, поработают во славу отечественной торговли и промышленности»¹¹⁴.

Работа «во славу отечественной торговли и промышленности» выражались в том, чтобы захватить стада монголов, обирать их, обманы-

вать, продавая залежавшийся товар. Главную ставку «монголисты» делают на революцию в Китае. Пока внутренняя смута не позволяет ему отвлечь свои силы, необходимо захватить Монголию. «Монголисты» хотят, чтобы им «препятствий ни каких не было, да правительства поущения были». Сперва, представитель правительства его высокопревосходительство заартачился: «Авантюра», — кричит. Но ротмистр стал доказывать, что вовсе не авантюра, а спасение, можно сказать, отечества.

И хотя китайцы «ловкий и продувной народ», однако «теперь мы их в кулак сожмем, это им не Ялу, не Корея, тут мы — господа положения. Чуть что — войска введем»¹¹⁵. Поэтому предполагается, что действия в Монголии должны быть более удачными, чем в Маньчжурии.

Девиз монголистов, собравшихся со всех уголков России: «Монголия! Вот что нас должно объединить... Это означает, что тут всем хватит работы, на долю всех придется изрядный лакомый кусок»¹¹⁶.

Таким образом, Сурин саркастически и беспощадно разоблачает захватническую политику правительства и буржуазных кругов. Фельетон явился особой формой протеста представителя российских социал-демократов против грубого вмешательства правительства во внутренние дела соседней Монголии. Российские социал-демократы негативно относились к внешней политике России в Монголии, считали ее захватнической и агрессивной.

¹¹¹ Сибирские вопросы. 1912. № 3–4. С. 57.

¹¹² Там же. С. 58.

¹¹³ Там же. С. 57.

¹¹⁴ Там же. С. 60.

¹¹⁵ Сибирские вопросы. 1912. № 3–4. С. 89.

¹¹⁶ Там же.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ ПРАВА БОГД-ХАНСКОЙ МОНГОЛИИ

Провозглашение Монголией суверенитета в 1911 г. оказало благоприятное влияние на возрождение национального правового и государственного мышления. Прежде всего появилась возможность, прямого или опосредованного через восточные страны, проникновения, осмысления и принятия Западного правового мышления и правовой культуры. Тем не менее после распада Манчжурского правительства, на первых порах установления Монгольского государства возможно не просто было за короткое время отменять законы, правовую культуру и мышление империи Чин, которым монголы следовали более двухсот лет и ставшим частью общественного сознания. Для монголов идея создания суверенитетной Монголии являлась коренным мышлением, которое выявлялось во все времена в истории Монголии. Даже при гнете манчжуров монголы выражали это мышление в своих законах. Например, в ритуальных стихах «Великой яса трех хошунов» («Гурван хошууны Их цааз») сказано: «...да возродятся государственность и страна наша, да сгинет всякая нечисть при только упоминании ее имени...»¹. Иначе говоря, мышление суверенитета для Монголов является вечной темой, унаследованной от предков.

В нашей стране основы исследования правоведения Богдо-ханской Монголии были заложены в начале 1970-х гг. Созданная в 1974 г., ученым Б. Содовсурэном научная работа «Государство и законы дореволюционной Монголии» была первой исследовательской работой о том времени. Позже, в 1997 г. доктор О. Батсайхан и З. Лонжид выпустили совместную работу «Законы Богдо-Ханской Монголии» («Зарлигаар тогтоосон Монгол Улсын хууль зүйлийн бичиг»), в 2003 и 2005 гг. доктор Ж. Гэрэлбадрах и Ү. Дэлгэрмаа совместно выпустили документы «Верхний и нижний хурал государства» в трех томах, которые стали фундаментальными в исследовании истории правоведения данной эпохи. Также работа, опубликованная в 2004 г. вместе с доктором Ж. Урангуа, «Истинные законы и право, которым надлежит следовать» («Жинхэнэ дагаж явах хууль дүрэм»), в которой были рассмотрены языковые, исторические и правовые вопросы данного источника, имеет

большую значимость в исследовании истории права 1911–1918 гг., особенно до правоприменения «Законы Богдо-Ханской Монголии» («Зарлигаар тогтоосон Монгол Улсын хууль зүйлийн бичиг»).

Кроме выше названных исследований, в которых рассмотрена исключительно история права, есть и немало трудов историков, которые рассматривали общее положение государства и истории права².

Но в работах исследователей есть разногласия по государственному строю, структуре государственных служб. Другими словами были затронуты вопросы по различным годам и разным нормативным актам при рассмотрении таких служб, как Министерство государственного хурала, Министерство таможи, Министерство суда.

А также наблюдаются, что по источникам закона ссылаются только на «Зарлигаар тогтоосон Монгол Улсын хууль зүйлийн бичиг» и порой не обращали внимания на другие исследовательские труды и переводы указов хана, указов и решений министров, переписек между ведомствами.

Исследователи считают свод законов «Законы Богдо-Ханской Монголии» («Зарлигаар тогтоосон Монгол Улсын хууль зүйлийн бичиг») самым важным и основным источником при рассмотрении истории Богдо-ханской Монголии. И с этим нельзя не считаться. Но, при написании этого закона в 1915 г. по указу Богдохана была создана специальная комиссия³,

² Батсайхан О. Назависимость Монголии и Кяхтинский договор России, Монголии и Китая 1915 года (1911–1916). УБ., 2002; Он же. Монголия на пути преобретения независимости (1911–1946). 2005; Жамсран Л. Богдоханская Монголия. УБ., 1992; Он же. Начало возрождения Монголов. УБ., 1992; Магсаржав Н. Новая история Монголии. УБ., 1994; Пунцагноров Ц. История Монгольской Автономии. УБ., 1955; Сандаг Ш. Политические внешние отношения Монголии 1890–1919. Первая часть. УБ., 1970; Урангуа Ж. Обновление Внешней Монголии начала XX века. УБ., 1997; Она же. Монголия начала XX века (1911–1919). УБ., 2006 и т. д.

³ Обсуждение о создании ведомости для сочинения новых законов. Обсуждалось: Предложено к вниманию, отобрать из предложенных законов которые можно применить а, также применительно к этому во первых, создать службу сочинения законов, для этой цели прислать чиновников умелых в

¹ Халхасский джирум Западной урги. НБ (Баруун Хүрээний халх журам. ҮНС)

которая перевела и использовала «100 томов общих законов, 180 томов специальных законов, 69 томов военных правил, 47 томов уголовных законов империи Чин, и следуя старинному монгольскому законотворчеству»⁴, к году 1918-у написание, обсуждение, принятие закона было в основном закончено и приступили к печатанию. Исследователи указывают на то, что в 51 томах «Законы Богдо-Ханской Монголии» («Зарлигаар тогтоосон Монгол Улсын хууль зүйлийн бичиг»): «былые законы империи Чин были изменены и пересмотрены в соответствии с традицией законопроявления Монгольской государственности»⁵, тем не менее в этом своде законов впервые в истории Монгольской законотворческой традиции аккуратно урегулированы не мало вопросов, касающихся структуры и компетенции государственных служб, административных единиц и их управления, порядков званий и чинов, зарплата и налогов.

Но с другой стороны, если считать, что этот закон был принят в 1918 г., то невольно возникает вопрос о правовом источнике, которым руководствовалась Богдо-ханская Монголия, в период с 1911 до 1918 г., для регулирования общественных отношений.

В реестре Министерства суда Богдо-ханской Монголии под названием «Перечень всеми соблюдаемых указов и постановлений разных министерств, начиная с первого года всеми признанного» зарегистрированы 63 документа законодательного характера, утвержденные приказами хана за период с 1911 до апреля 1917 г.⁶ Являющиеся одними из таких документов, «Свод ныне соблюдаемых законов, утвержденных пятью министерствами «или правовые акты» Истинные законы и право, которым надлежит следовать» («Жин-

делопроизводстве, а также из всех министерств прикомандировать чиновников к Министерству суда и совместно участвовать в заседаниях и все это обсудить на заседании в Высшем хурале что и было сделано и Высший хурал одобрил все предложенное из Нижнего хурала и применительно к этому делу повторно провести заседания министрами всех министерств и прикомандировать должных чиновников (1915.05.07) (Монголия. НИА. Хм. А-1. Д. 1. Хн. 1. Х. 27–28, копия. Собрания документов. Высший и нижний хурал Монголии. Т. I. 1914–1916 / сост. Ж. Гэрэлбадрах, Ү. Дэлгэрмаа, Э. Жавзандулам, УБ., 2003. С. 144.).

⁴ История МНР. УБ., 1968. Т. 2. С. 545.

⁵ Законы Богдо-Ханской Монголии. УБ., 1995. Предисловие.

⁶ Содовсүрэн Б. Государство и законы дореволюционной Монголии. 1911–1920. УБ., 1989. С. 56.

хэнэ дагаж явах хууль дүрэм»)⁷ в 12 томах были скомпилированы и применены между 1913–1919 г.

Иными словами, это было теми правовыми актами, которыми регулировалось общественное отношение до начала действия «Законы Богдо-ханской Монголии» («Зарлигаар тогтоосон Монгол Улсын хууль зүйлийн бичиг»). Неслучайно, что большинство актов этого закона занимают регулирования, связанные с ламами и это связано с тем, что в обществе было множество позитивных и негативных проявлений, связанных с ламами. И. И. Майский отметил «Духовенство Автономной Монголии состоит только из монахов лам, которые дали обет целибата. В следствии того, что монголы имеют обычай давать одного из двух сыновей в ламы, число последних перевалило за мыслимые границы»⁸, а также в 1918 г. писал «Численность Монгольской Автономии насчитывается

⁷ «Законы которым надлежит следовать». 12 правовых актов данного свода: Первая часть. При разбирании всяких дел связанных с ламами сперва обязательно уведомлять Министерство Эрдэнэ Шанзудба. Вторая часть. О недопустимости несения службы чиновниками сразу в нескольких министерств и ведомостях, а ежели есть такая необходимость уведомлять об этом и получать разрешение. Третья часть. О присуждении нарушителям всякого закона наказания, возможности виновника при случае взамен наказания откупиться деньгами. Четвертая часть. О преобразовании, наказания всякого виновного в краже скота, присужденного к ссылке или смертной казни к наказанию ношения кандалов в течение года. Пятая часть. О прекращении гашения задолженности всякого человека перед иностранным или своим человеком, в последствии ставшего неплатежеспособным, обязательно их родственниками, фамилиями, отог и баг. Шестая часть. О запрещении своевольном изменении министерствами разных законов и решений принятых ранее и ежели есть такая надобность обязательно уведомлять об этом и просить разрешения. Седьмая часть. О решении всяких дел об пьянстве, азартных играх и тому подобных мелких дела на местах. Восьмая часть. О запрещении всякому купцу закупать упряжью поступающие из худона овец, скот, молоко, сено и дров. Девятая часть. О собирании всякого штрафа на местах. Десятая часть. О законах которым нужно следовать при рассмотрении всякого дела о воровстве и лжи. Одиннадцатая часть. О присуждении прав всякому главе отог и баг наравне с главе собрания Эрдэнэ Шанзудба, и другими тайджи и дзанги. Двенадцатая часть. О правилах предостережение лам от неподобающих действи наравне с простолоудинами (Законы которым надлежит следовать / сост. Ж. Урангуа, Б. Баярсайхан. УБ., 2004.).

⁸ Майский И. Современная Монголия (Монгольская Автономия на заре XX века) УБ., 2001. С. 38.

чуть больше полмиллиона (5425049)⁹. А общее число лам в этой стране достигает 115 тысяч...»¹⁰. И если следовать этим сведениям, то почти две трети населения были ламами, значит ими совершалось много преступлений и содержание этого закона в большинстве было направлено на регулирование таких дел. Это показывает, что правовой позитивизм развивался своей чередой.

При исследовании вопросов, касающихся независимости, равноправного отношения Монголии с другими странами на данном этапе истории, исследователи в большинстве случаев упоминают Китай 1912 г., Соглашение с Царской Россией, трехсторонние переговоры в Кяхте 1915 г., но нет исследований опирающихся на источники, обосновывающие доктрину и теорию, послуживших основой для выработки внешней и внутренней политики, развития Монголии. Сегодня почти все делают вывод о том, что для теократической абсолютной монархии Монголии теория двойственности послужила главной концепцией государства. Но до сих пор остается туманным, было ли это продолжением и развитием теории двух начал времен Великого хаана Хубилая или же это была совсем другая, различающаяся от той, теория двойственности? К тому же сегодня в фондах Центральной библиотеки имеется источник под названием «Белая история десяти благодетелей государства Монголии». Вызывает интерес то, что источник назван «Государство Монголии». А также имеется, переведенный в 1910-х гг. из китайского, источник «Обычные законы тысяч стран» («Түмэн улсын ердийн цааз»), который является переводом труда американского юриста, дипломата Хенри Вытона «Elements of international law»¹¹. В этом источнике подробно рассмотрены, кроме структур и форм государств разных стран, и теоретические вопросы международного права.

Г. Наваманжил отмечает, что идею создания «Государственного Хурала» выдвинул министр Внутренних дел Да лама Г. Цэрэнчи

⁹ Майский И. Современная Монголия УБ., 2001. С. 26.

¹⁰ Там же.

¹¹ Хенри Вытон опубликовал этот труд в 1836 г. в Филадельфии, Лондоне одновременно. После исследование «Элементы международного права» многократно переиздавались. Вытон в переизданиях 1836–1846 гг. делал изменения. 1848 г. Вытон до своей кончины переработав издал в Париже и Лейпциге. Кроме того последнее свое последнее слово о международном праве издал 1846 г. на английском языке.

мэд¹². Естественно возникает вопрос, именно откуда да лама Г. Цэрэнчимэд мог узнать и развеять идею создания «Государственный хурал»? В «Обычных законах тысячи стран» написана про нижнюю и верхнюю палату парламента: «Их главное собрание имеет право устанавливать законы объединенной страны. Главное собрание имеет верхний и нижние палаты. (01-В.17b) Заседателей верхней палаты выбирают из собрания. Заседателей нижней палаты выбирают граждане». В прошении, поданном Богдо-хану издать приказ об учреждении Государственной Верхнего и Нижнего Хурала от имени Намнансүрэн, Навааннэрэн, Жамъяндорж сказано: «...все богатые и развитые государства открыли государственные хуралы и приказом выбранные люди в Верхнем хурале обсуждают политические выгоды и потери, в Нижнем хурале обсуждают о полезности для разных земель и таким образом объединяя общую политку обрели большое могущество»¹³.

Поэтому, не стоить отрицать возможность взятия этих идей из «Обычных законов тысячи стран», при поиске основ формирования государственности и права независимой Монголии, согласно тогдашним тенденциям. В этой книге рассмотрены все меры, которые должны принять страны для развития и вопросы, которые должны рассматриваться. Так же в ней говорится, что Главное собрание руководит, собирает налоги и погашает государственные долги, предоотвращает беды и укрепляет добро, устанавливает правила внутренней и внешней торговли, устанавливает правила принятие в подданство иностранцев, устанавливает правила оборота денег и литья драгоценностей, весов и т. д. — все это нашло определенное отражение в «Законы Богдо-Ханской Монголии».

В конце хочу особо отметить, что уже задуматься над важностью изучения вопросов права Богдо-ханской Монголии, опираясь на сохранившиеся источники, определить основы и направление государственной внешней и внутренней политики, государственный строй. Без всего этого, начиная 1921 г. теряется историческая преемственность развития страны.

Также нужно прибавить, историческое значение государства и независимости Монголии 1911 г. сегодня не оценивается должным образом на всех уровнях общества и политики, связано с недостаточностью проводимых всеми нами исследований.

¹² Высший и нижний хурал Монголии. Собрание документов. Т. I. С. 8.

¹³ Там же. с. 24.

ВКЛАД БУРЯТСКИХ УЧЕНЫХ В РОССИЙСКОЕ МОНГОЛОВЕДЕНИЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Писаная история бурятского монголоведения берет начало с поездки в 1734–1741 гг. в Тибет первого хамбо-ламы бурят Дамбы-Даржа Заяева, составившего первые письменные источники о Монголии и Тибете. В 1908 г. в статье «О бурятской интеллигенции» Ц. Жамцарано дал аналитический обзор формирующейся в начале XX в. бурятской интеллигенции. Этот обзор он начинает с имени Д. Банзарова, которого характеризует «замечательной личностью-одиночкой», и перечислением своих современников, кончая Г. Цыбиковым, Б. Барадиным¹. Мысли высказанные Ц. Жамцарано были поддержаны в 1964 г. выдающимся американским монголоведом Р. Рупеном: «Буряты получали русское образование большей частью в Иркутске, Чите, Казани и Петербурге. Русские ученые оказывали большую помощь бурятским студентам и дали превосходное образование многим из них. Посредством русского влияния буряты стали самым прогрессивным и развитым из монгольских народов»².

Представители этой волны бурятских национальных лидеров в большинстве своем хорошо были знакомы с основными положениями и литературой по буддизму, квалифицировано ориентировались в шаманизме, получили светское образование в российских учебных заведениях, т. е., представляли собой своеобразный высокообразованный пласт лидеров монгольязычного мира достойно представивших свой народ в российской науке и культуре.

Становление этого поколения бурятских национальных лидеров первой четверти XX в. шло в период величайших социальных потрясений: I русская революция 1905–1907 гг.; русско-японская война; крушение Цинской монархии; период автономии в Монголии; гражданская война в России; начало социалистических преобразований в двух странах. У этого поколения бурятских монголоведов происходил закономерный, зачастую мучительный, поиск своей социальной, политической и национальной идентичности — от обновленцев — буддистов,

¹ Лиштованный Е. И. Монголия в истории Восточной Сибири (XVII — начало XX вв.). Иркутск, 2001. С. 53.

² Рупен Р. Монголы двадцатого века (Главы I и II) Улан-Удэ, Изд-во ИМБТ СО РАН, 2004. С. 32.

социал-демократов (большевиков и меньшевиков), анархистов и прочее. Все это закончилось признанием их панмонголистами, буржуазными националистами, японскими шпионами и т. д. Исключением их монголоведной историографии во второй половине XX в.

Основной проблемой современной отечественной монголоведной науки является проблема характера, движущих сил, итогов величайших потрясений в аратской страны в первой четверти XX в. — это вопрос о революции в Монголии в 1921 г., архитекторами и исполнителями которой, во многом, были бурятские национальные деятели. В современной методологической монголоведной науке социально-экономические катаклизмы 1921 г. трактуются как национально-демократическая революция, а многофункциональная деятельность бурятских представителей характеризуется как национальные демократы³.

В начале XX в. традиции светского европейского образования в Монголии были заложены по инициативе бурят-монгольского просветителя, гражданина России и Монголии Ц. Ж. Жамцарано созданием в 1913 г. двух важных изданий: журнала «Шинэ толи хэмээх бичиг» и газеты «Нислэл хурээний сонин бичиг». Журнал начал выходить в 1913 г., а в следующем был преобразован в газету. Она сохранила за собой прежнее название, хотя по форме была новым изданием. С 1915 г. стала издаваться газета «Нийслэл хурээний сонин бичиг», которая выходила до 1920 г.⁴

Анализ отечественной монголоведной науки приводит к тому, что в начале XX в. много-

³ Базаров Б. В., Жабаева Л. Б. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов первой трети XX века. Улан-Удэ, Изд-во ИМБТ СО РАН, 2008. 376 с; Жабаева Л. Б. Элбэк-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов. Улан-Удэ, 2001. Изд-во ВСГТУ. 336 с.; Цыбиков Б. Д. Бурятские ученые национал-демократы. Улан-Удэ, Изд-во ИМБТ СО РАН, 2003. 249 с. и др.

⁴ Чимитдоржиев Ш. Б. Цыбен Жамцарано — просветитель // Цыбен Жамацарано: жизнь и деятельность: материалы междунар. науч. конф., посвященной 110-летию выдающегося ученого, общественного и научного деятеля бурят-монгольского и халха-монгольского народов Цыбен Жамцарановича Жамцарано. Улан-Удэ, 1991. С. 36–37.

вековая история и самобытная культура монголов получала свое освещение на основе своей старомонгольской письменности, тщательно изученной российскими монголоведами. Последние исследования многих монгольских ученых абсолютно авторитетно раскрывают тот факт, что согдийскую письменную традицию, на основе которой базируется уйгурский алфавит, монгольские народы приняли одновременно с уйгурами задолго до периода Чингисхана, т. е. практически и фактически за 700 лет до создания Великой Монгольской империи⁵.

Объявление буддийской религии государственной религией всех монгольских народов России, несомненно, дало толчок развитию дацанского книгопечатания ксилографическим письмом в регионах монголоязычного этномира, которой в полной мере владели представители старобурятской интеллигенции. Постепенное распространение буддийского вероучения в степных просторах, занятых монголами и бурятами, послужило весомым толчком к тиражированию богословской литературы, вытеснив «исконно устные произведения фольклора бурятского и монгольского народов»⁶. Следует признать, что богатейшее устное фольклорное богатство бурят-монголов в значительной степени опиралось на многовековые традиции шаманской или тэнгрианской культуры, выступающей в виде улигеров, заклинаний, песнопений родословных, обращений к мифическим, полумифическим богам и предкам, имеющих свою реальную историческую основу.

С XVII в. происходит синтезация буддизма и шаманизма, когда религиозные, духовные, сакральные символы двух религиозных систем образовали самобытное единство. Буддийская письменная культура оказалась в этой конкурентной борьбе более жизнеспособной. Третьей (жесткой силой) было православие.

Одним из ученых оказавшим значительное влияние на развитие российского и сибирского востоковедения и монголистики был Гомбожаб Цэбекович Цыбиков (1873–1930). В 1895 г. приехав в Санкт-Петербург поступает на ФВЯ на китайско-монгольско-маньчжурское отделение. В университете его наставником становится выдающийся монголовед А. М. Позднеев, кото-

рый считал его на старших курсах «единственным в России полноправным претендентом» на руководство кафедрой тибетского языка»⁷.

Г. Ц. Цыбиков закончив университет в 1899 г. с дипломом первой степени и золотой медалью начинает сборы в далекую командировку в Тибет. Идея посылки буряты в Тибет с научными целями активно обсуждалась в научных кругах Петербурга еще в 80-х гг. XIX в. Это видно, например, из письма Н. И. Веселовского к Г. Н. Потанину от 10 июня 1887 г. Сообщая о переговорах по этому вопросу с чиновником из МИД, он пишет: «...просто попросить грамотного монгола из тех, что отправляются в Лхасу, описать свой путь для нас (подробный маршрут, празднества, церемонии) на своем языке, а мы уж извлечем из таких записок что нужно»⁸. Отправившись с попутным караваном из Урги 25 ноября 1899 г., он 3 августа 1900 г. прибыл в Лхасу. Во время пребывания в тибетской столице (до 10 сентября 1901 г.) паломник-исследователь совершил поездки в крупнейшие монастыри — Галдан, Сэра, Брайбунг и Ташилхунго (резиденцию Панчэн-ламы около г. Шигатзе). Лишь 2 мая 1902 г. Г. Ц. Цыбиков вернулся в Кяхту. По результатам поездки впервые были опубликованы фотографические снимки природы, монастырей, быта жителей Тибета.

Поездка Г. Ц. Цыбикова подробно описана в его знаменитой работе «Буддист-паломник у святынь Тибета. По дневникам, веденным в 1899–1902 гг.». Из-за многочисленных филологических, теологических поправок и др., войн, которые вела Россия в начале XX в. с иностранными государствами, начавшейся гражданской войны в стране печатание научной работы Г. Ц. Цыбикова затянулось, и оттиски труда увидели свет только в 1919 г. в издательстве Русского Географического общества. Редакторами ее значились академики С. Ф. Ольденбург и Ф. И. Щербатский (и, как стало известно из архива, в редактировании принимал активное участие третий академик — Ю. М. Шокальский), а также покойные А. В. Григорьев и К. И. Григорьева. В 1919 г. Г. Ц. Цыбикову были отправлены оттиски монографии, а свой монументальный труд в «готовом» виде автор увидел только в 1928 г., т. е. почти тридцать лет спустя со времени путешествия в Тибет⁹. За-

⁵ Абаева Л. Л. Письменные традиции монгольских народов как текст культуры // Чингисхан и судьбы народов Евразии-2. Улан-Удэ, 2007. С. 38.

⁶ Гармаева Х. Ж. Ксилографическая книга в Монголии и Бурятии // Актуальные проблемы востоковедения: материалы, посвященные 70-летию со дня рождения Б.-Д. Бадараева. Улан-Удэ, 2001. С. 18.

⁷ История отечественного востоковедения с середины XIX в. до 1917 года. М., 1997. С. 50.

⁸ Там же. С. 376.

⁹ Дугаров В. Д. Генезис бурятского монголоведения в российском востоковедении в период XIX — начала XX вв. Улан-Удэ, Бэлиг, 2008. С. 82. Цит. по: Доржиев

слуги Г. Ц. Цыбикова перед отечественной наукой были по достоинству оценены российской научной общественностью. РГО удостоило его премии им. Н. М. Пржевальского, выбив в его честь золотую медаль с надписью «За блестящие результаты путешествия в Лхасу»¹⁰.

Его дальнейшая научная работа продолжается в Восточном институте во Владивостоке, где он издает «Пособие для практического изучения монгольского языка» (1907) и «Монгольские тексты: Образцы слога и орфографии современного делопроизводства для чтения студентов 3-го курса Восточного института» (1908). Учебник, который был озаглавлен автором «Пособие для практического изучения монгольского языка», с 1907 г. при жизни ученого выдержал три издания. Было подготовлено четвертое его издание, которое осталось в рукописи. Педагог-ученый при написании учебников использовал труды таких известных монголистов, как О. М. Ковалевский, А. А. Бобровников, М.-А. Кастрен, А. М. Позднеев, Г. И. Рамстедт, А. Д. Руднев и др.

Высокую оценку учебнику дал академик Б. Я. Владимирцов. Он ставил его в один ряд с грамматическими трудами отечественных монголистов: Я. И. Шмидта, О. М. Ковалевского, А. А. Бобровникова, В. Л. Котвича и А. Д. Руднева¹¹. Занимался в этот период Г. Ц. Цыбиков и общественно-политической работой, но основным видом его деятельности была история и филология бурят-монголов.

Активное участие в общественной и научной деятельности бурятской диаспоры России по развитию монголоведческих исследований принимал неоднозначный и малопубликуемый в советской исторической и публицистической литературе Петр (Жамсаран) Александрович Бадмаев (1842–1920). В 1871 г. Жамсаран Бадмаев поступил на восточный факультет Петербургского университета. В 1875 г. Жамсаран (Петр — царь Александр III был его крестным отцом), приняв крещение, с отличием закончил восточный факультет по китайско-монголоманьчжурскому разряду Петербургского университета. В период с 1875 по 1894 г. П. А. Бадмаев проработал в Министерстве иностранных дел. Так отмечал о П. А. Бадмаеве Р. Рупен:

Ж. Д., Кондратов А. М. Гомбожап Цыбиков. Иркутск, 1990. С. 183.

¹⁰ Цыбиков Б., Зятуев Г.-Н. Цыбиков Гомбожап // Российские монголоведы (XVII — начало XX вв.). Улан-Удэ, 1997. С. 107.

¹¹ Цыбиков Б., Зятуев Г.-Н. Барадин Базар // Там же. С. 117.

«Императорская поддержка Александра III открыла ему многие двери, и он принимал участие во многих дворцовых интригах... Вероятно, он играл заметную роль в содействии русской экспансии в Маньчжурию и Корею, которая закончилась русско-японской войной. Бадмаев был другом Распутина. «Красный архив» содержит письма, которые Бадмаев писал царю, касающиеся русской политики во Внешней Монголии»¹².

Своеобразными, хотя и в какой-то степени авантюрными были попытки П. А. Бадмаева создать сельскохозяйственное производство через фирму «П. А. Бадмаев и К°», образованной 11 ноября 1893 г. В то же время отмечается своеобразие фирмы П. Бадмаева: «Довольно странным для торгового предприятия был и подбор служащих фирмы. В числе его работников был значителен процент офицеров или бывших офицеров петербургских полков, что еще раз подтверждало особенный характер предприятия, было ясно, что торговыми делами маскируются задачи совсем иного свойства»¹³.

Значительным научным и общественно-политическим мероприятием П. Бадмаева было издание в 1895 г. (в 1896–1897 гг. — В. Д.) газеты «Жизнь на Восточной окраине» на монгольском и русском языках. Это, по признанию специалистов, была первая в Забайкалье бурятская пресса, пользовавшаяся определенной популярностью среди представителей бурятского общества. В газете уделялось значительное внимание развитию хозяйства и культуры, торговли и быта бурят, всего населения Забайкалья, освещению вопросов экономики, культуры и торговли народов Монголии, Китая и Тибета. По предположению иркутского историка-монголоведа, который в наше время активно занимается биографией П. А. Бадмаева, профессора Ю. В. Кузьмина, «Редактором и, видимо, переводчиком монгольского текста был Буда Рабданов (1855–1923) — бурятский просветитель, преподаватель в Агинском училище»¹⁴.

¹² Рупен Р. Монголы двадцатого века. С. 14.

¹³ Кузьмин Ю. В. Монголия и «монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России (конец XIX — 30-е гг. XX в.). Иркутск, 1997. С. 143.

¹⁴ Кузьмин Ю. В. Монголия и «монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России (конец XIX — 30-е гг. XX в.). С. 141; Кузьмин Ю. В. П. А. Бадмаев: Дипломат, политик, предприниматель. Иркутск, 2002; Тайны доктора Бадмаева. Иркутск, 2003 и др.

Материалы «Записок» Бадмаева к царю с проектами опубликованы в тенденциозной работе В. П. Семенникова в 1925 г. в сборнике «Записки царизма» (Архив тибетского врача Бадмаева). Кроме записок, имеющих служебный характер, П. А. Бадмаев опубликовал два издания своей монографии «Россия и Китай» (1900, 1905 гг.), в которых обильно цитировал свои записки¹⁵. П. А. Бадмаев в совершенстве зная классические письменные тибетский и монгольский языки, имея европейское медицинское образование, основательно изучил принципы тибетской медицины. Как врач-тибетолог он осуществляет первый перевод на русский язык фундаментального труда тибетской медицины «Чжуд-ши». П. А. Бадмаев являлся неординарной личностью, с присущими для его времени достоинствами и недостатками. Прежде всего, он незаурядный практик и теоретик врачебной науки Востока, ученый-исследователь, монголовед и тибетолог. Перу его принадлежат труды по общественно-политическим и торгово-экономическим аспектам, проблемам зарубежного Востока, Монголии, Китая и Тибета. П. А. Бадмаев занимался исследовательской работой, изучением Востока и внес определенную лепту в ориенталистику, в развитие востребованной в наше время восточной (тибетской) медицины.

В конце XIX — начале XX вв. служению востоковедению посвятил себя другой бурятский ученый Базар Барадиевич Барадин (1878–1937). После окончания Агинской четырехклассной школы и Читинского трехклассного училища в 1895 г. Б. Барадин выехал в Санкт-Петербург в 1896–1898 гг., как и Г. Цыбиков, обучался в гимназии П. Бадмаева. В качестве переводчика богатого бурятского купца Базар побывал в 1900 г. в Германии, Швейцарии, Италии и Франции.

В 1901 г. Б. Барадин поступает на юридический факультет Петербургского университета. Однако вскоре в 1902 г. переходит вольнослушателем на санскритское отделение факультета восточных языков и обучается под непосредственным руководством академика С. Ф. Ольденбурга и профессора Ф. И. Щербатского. Три года учебы в университете научили его самостоятельной работе с восточными материалами¹⁶.

¹⁵ Кузьмин Ю. В. Монголия и «монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России (конец XIX — 30-е гг. XX в.). С. 131.

¹⁶ Зяятуев Г. Н., Максанов С. А. Базар Барадин (1878–1938) // Выдающиеся бурятские деятели (XVII —

В 1903 г. РКИСВА поручил С. Ф. Ольденбургу и Ф. И. Щербатскому подготовить Б. Барадина к поездке в Центральный Тибет с научно-исследовательской целью. В 1905–1907 гг. он совершил научное путешествие в Монголию и Тибет. Результаты путешествия были высоко оценены ученым миром, и Барадин был удостоен главной премии Русского Географического общества — премии имени Н. М. Пржевальского и избран действительным членом данного общества¹⁷.

В автобиографии, составленной 3 марта 1936 г. в Ленинградской тюрьме НКВД, Б. Барадин отмечал: «Я пробыл в путешествии два года (1905–1907). За это время я проехал всю Монголию через Гоби-Шамо, Алатань, С.-З. Китай (пров. Ганьсу) и был в С.-В. Тибете — Амдо, посетив главнейшие его центры, монастыри — Гумбум и Лавран. Последний и был главным предметом моего изучения, и там я пробыл 8 месяцев, изучая язык и литературу тибетцев и культурно-бытовую жизнь Лаврана, его жителей монахов, а также окрестного его населения, тангутов¹⁸.

Б. Барадин, как и Г. Цыбиков, вынужден был скрывать истинные цели своего путешествия от окружающих, выдавая себя за буддиста-паломника. Судя по его записям, он мог общаться не только с монголами, но и с тибетцами на их родных языках¹⁹. В своих работах Б. Барадин, рассматривая вопросы развития буддизма, провел исторический экскурс о развитии этой религиозно-философской системы, с момента возникновения и проникновения ее в пределы Монголии и Забайкалья. В аналитических обзорах он приходит к выводу, что самое важное отличие бурятского ламаизма от ламаизма монголов и тибетцев состоит в том, что «только в новейшее время буряты начали заводить своих хубилганов (перерожденцев. — В. Д.)²⁰. В 1908–1917 гг. Базар Барадин работал в Петербургском университете в качестве лектора

на- чало XX вв.). Улан-Удэ, 2001. С. 106; Зяятуев Г. Н., Максанов С. А. Базар Барадин (1878–1938) // Российские монголоеды (XVII — начало XX вв.). Улан-Удэ, 1997. С. 117.

¹⁷ История отечественного востоковедения с середины XIX в. до 1917 года. С. 378.

¹⁸ Автобиография Барадийна Базара Барадиевича // Orient. Альманах. Вып. 1. Буддизм в России (Посвящается 250-летию буддизма в России). СПб., 1992. С. 117.

¹⁹ История отечественного востоковедения с середины XIX в. до 1917 года. С. 379.

²⁰ Там же.

монгольского языка. Перу Б. Барадина кроме вышеназванного краткого отчета принадлежат такие крупные научные работы, как «Путешествие в Лавран» (Известия РГО. Т. 44. 1908), «Цам Миларайбы» (Сборник в честь 70-летия Г. Н. Потанина. Спб., 1905), «Статуя Майтрейи в золотом храме в Лавране» (Л., 1924) и др.²¹

Как и другие бурятские лидеры Б. Б. Барадин в период социальных потрясений в стране активно занимался общественно-политической работой, научно-педагогической деятельностью. Образование Бурятского ученого комитета под руководством Б. Б. Барадина 1 июля 1922 г. положило начало кардинально новому развитию монголоведения в России. Эта дата является начальной вехой бурятского светского монголоведения. За выдающийся вклад в развитие отечественного монголоведения в 2012 г. Б. Б. Барадину установлен памятник у Института монголоведения, буддологии, тибетологии СО РАН в г. Улан-Удэ.

Активное участие бурятские просветители сыграли в организации первой и старейшей в Монголии Ургинской школы переводчиков и толмачей. Более полувека она готовила переводчиков монгольского и китайского языков, посредников общения русских с монголами, сама была одной из форм этого общения и первым культурным учреждением России в Монголии²². За 56 лет существования ургинская школа подготовила не менее 100 переводчиков. Ее воспитанники служили в разных правительственных учреждениях и частных предприятиях Китая, Маньчжурии, Дальнего Востока и Сибири²³. В работе школы активное участие принимали бурятские учителя — просветители И. И. Тунуханов, Н. Т. Данчинов, Д. А. Абашеев, Н. Ф. Бутуханов (Эрдэни Батухан), ставший первым министром просвещения МНР и др.

Со сбора рукописей и этнографических материалов начал свой путь в большую науку забайкальский бурят Цэбэн (Цыбен) Жамцаранович Жамцарано (Жамцаранов) (1881–1942). В 1898 г. Ц. Жамцарано выезжает в фольклорную экспедицию по землям аларских и кудинских бурят Иркутской губернии. Первые за-

писи он делал по-монгольски. Но в процессе работы начинает собирать и записывать образцы устного народного творчества на старописьменном монгольском языке, научившись их правильно транскрибировать. На ФВЯ Петербургского университета под руководством выдающихся востоковедов он Ц. Жамцарано в совершенстве овладел научными методами работы, в частности техникой записи бурятских улигеров в точной научной транскрипции. С 1903 по 1907 г. Ц. Жамцарано ежегодно выезжал в командировки в научные экспедиции по заданию АН России²⁴.

С 1905 г. начинается довольно интенсивная для молодого исследователя научно-публицистическая работа. Одной из первых его значительных публикаций по фольклору были «Материалы к изучению устной литературы монгольских племен». Сюда входили благожелания, пословицы и поговорки, загадки и песни эхиритов и булагатов. К этим материалам дается интересное для современного исследователя пояснение, в котором он приносит «живейшую благодарность С. Ф. Ольденбургу за его отеческую заботливость и просвещенное руководство в работах собирателя. А также признательность профессорам Санкт-Петербургского университета — В. Л. Котвичу и А. Д. Рудневу за практические указания и советы при установлении транскрипции и редактировании текста перевода²⁵.

Ц. Жамцарано объездил бурятские улусы западных и восточных бурят, побывал в Монголии и записал колоссальный объем произведений устного народного творчества. В 1910 г. Б. Барадин в книге «Отрывки из бурятской народной литературы» перечислил известные в то время бурятские эпические поэмы и из приведенных 99 названий 57 отнес к творчеству Ц. Жамцарано²⁶. По окончании университета Ц. Жамцарано был уже признанным востоковедом. Поэтому он был рекомендован на преподавательскую работу в университете и оставлен лектором монгольского языка на ФВЯ. В качестве преподавателя он проработал 1907/08 учебный год. Его преподавательская деятельность была связана с созданием самостоятельного монголо-маньчжуро-татарского разряда на ФВЯ. Ц. Жамцарано проявил

²¹ Заятуев Г. Н., Максанов С. А. Базар Барадин (1878–1938). С. 106.

²² Даревская Е. М. Сибирь и Монголия. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX в. Иркутск, 1994. С. 131.

²³ Даревская Е. М. Сибирь и Монголия. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX в. Иркутск, 1994. С. 142.

²⁴ История отечественного востоковедения с середины XIX в. до 1917 года. С. 366.

²⁵ Там же. С. 23.

²⁶ Найдаков В. Ц. Изучение и издание фольклорного наследия Ц. Жамцарано // Mongolika. 1992. С. 269.

себя, и это естественно, как знаток и прекрасный лектор монгольского языка, знающий теоретические аспекты, разговорную часть, говоры и диалекты. Учебно-педагогическую работу на кафедре монгольской и калмыцкой словесности он успешно сочетал с научной деятельностью.

В этот период особый интерес в петербургском востоковедении вызвала совместная работа А. Д. Руднева и Ц. Жамцарано «Образцы монгольской народной литературы», первый выпуск которой состоялся в 1908 г. Перспективный и быстро завоевывающий авторитет в области монголоведения Б. Я. Владимирцов в рецензии на эту книгу отмечал: «Собранный Ц. Жамцарано эпический материал отвергает мнение профессор А. М. Позднеева об отсутствии эпоса у монголов»²⁷.

По квалифицированной характеристике Р. Рупена: «Вклад Жамцарано в науку огромен. Он собрал и опубликовал столь поразительное число эпических сказаний, песен и рассказов “какого не собрал, кажется, ни один другой собиратель ни у какого другого народа”» (Руднев). Известный русский монголовед Владимирцов, писал о Жамцарановской коллекции из Халхи, опубликованной им совместно с Рудневым в 1908 г.: «Такое богатство материала, представленного при том и в точной транскрипции, заключается в “Образцах”, которые наглядно показывают, что возможно ожидать от монгольской народной литературы... Сочинения Жамцарано имеют политическое значение не только для бурят, но и для других монгольских народов. Многие из образцов литературы и права найденных и опубликованных Жамцарано было знакомо как в Халхе и Внутренней Монголии, так и среди бурят, а следовательно, влияло на содержание и понимание самой примечательной и глубокой идеи в Центральной Азии XX в. — идеи панмонголизма. Традиционная культура бурят служила основой для тесных бурятско-внешнемонгольских связей и русское влияние распространялось во Внешней Монголии в значительной степени через русифицированных бурят, выдающимся примером которых был Цыбен Жамцарано»²⁸.

Огромную религиозную, дипломатическую и общественную работу в конце XIX — начале XX в. в России и Монголии проводил цанидхамба-лхарамба Агван Доржиев (1853–1938),

многогранная научная деятельность которого, замалчивалась в советский период истории.

Одной из первых в «агвановедении» была работа А. В. Дамдинова «Агван Доржиев: дипломат, политический, общественный и религиозный деятель»²⁹, в которой, с новых методологических позиций анализируется религиозная, дипломатическая, научно-просветительская, общественная деятельность Агвана Доржиева.

Американский востоковед Роберт Рупен писал: «Знаменитый преемник Иролтуева в должности бандидо-хамбы-ламы Агван Доржиев посетил Санкт-Петербург, Берлин, Рим, Париж и Вену, а также Лхасу и Ургу. Агван Доржиев принимал участие в целом ряде бесед и переговоров с царем, работал над новым упрощенным монгольским алфавитом, писал на исторические и другие темы и имел влияние на Далай-ламу Тибета»³⁰.

До 18 лет Агван Доржиев жил мирской жизнью. В возрасте 18 лет принимает решение всецело посвятить себя духовной жизни и отправляется в Тибет в знаменитый Гоманский дацан при монастыре Брайбун. Более ста лет не было случая поездки бурята в Тибет. В 1880 г., уже имея степень «гэгэна», он смог вернуться в Тибет и попытался поступить в крупные монастырские университеты Лхасы. Получил высшее богословское образование в Брайбунском монастыре близ Лхасы в Тибете. В 1888 г. оканчивает академию, получив высшую степень «лхарамба». Благодаря хорошим знаниям буддийской философии он рано стал членом совета монахов, многократно входил в национальную ассамблею «Цонгда» в качестве представителя Брайбунского монастыря. Один из трех духовных наставников при XIII Далай-ламе Тубдан-Джамцо в молодые годы последнего. С конца XIX в. выступал дипломатическим посредником между Тибетом и Россией. Часто бывал в Санкт-Петербурге, оказывал содействие российским экспедициям в Центральную Азию.

Оказавшись при дворе тибетского Далай-ламы, Агван Доржиев стал играть ведущую роль во внешней политике правительства Тибета в конце XIX и начале XX в. Его деятельность была направлена на сближение Тибета и России и протекала в сложной внешне- и внутривнутриполитической обстановке. 30 сен-

²⁷ Владимирцов Б. Я. Новый труд по монгольской народной литературе. Живая старина. СПб., 1909. Т. 18. Вып. 4. С. 87.

²⁸ Рупен Р. Монголы двадцатого века. С. 64.

²⁹ Дамдинов А. В. Агван Доржиев: дипломат, политический, общественный и религиозный деятель. Улан-Удэ, 1999. 136 с.

³⁰ Рупен Р. Монголы двадцатого века. С. 50.

тября 1900 г. император Николай II во дворце Ливадии принял лхарамбу Агвана Доржиева, первого цанит-хамбо при особе тибетского Далай-ламы. В мае 1901 г. в составе официальной делегации во главе со вторым секретарем Далай-ламы Каинчок и представителем властей города Лхасы окружным начальником Пюнцок А. Доржиев прибыл в Санкт-Петербург уже в качестве фактического главы делегации, 23 июня произошла встреча делегации с Николаем II. Посольство передало царю личное письмо Далай-ламы и подарки. Но дипломатических договоров вновь не было заключено³¹.

Немало кропотливой работы было проделано А. Доржиевым в дальнейшем развитии российского монголоведения. Еще в 1899 г. он был принят в Императорское Географическое общество на правах члена-соревнователя. С 1901 г. он полномочный представитель Тибета при правительстве России (позднее представлял Тибет при правительстве СССР). В ноябре 1907 г. подает на имя вице-председателя Русского Географического общества П. П. Семенова-Тянь-Шаньского докладную записку «О более тесном сближении России с Монголией и Тибетом». Одна из главных целей представленного доклада была, по всей видимости, направлена на создание «великой буддийской конфедерации» народов России, Монголии и Тибета. По его мнению, именно России принадлежит ведущая роль в этом союзе (с подобными планами выступал в свое время и П. Бадмаев)³².

В монголоведных исследованиях начала XX в. талант А. Доржиева проявился в создании совместно с Ц. Жамцарано и Б. Барадиным издательства «Наран» (Солнце), где в течение ряда лет печатались памятники монголо-бурятской литературы. В типографии «Наран» был опубликован «доржиевский или агвановский алфавит», автором которого являлся Агван Доржиев. Реформированный монгольский алфавит был составлен А. Доржиевым на основе классического монгольского языка с использованием знаков из ойратского и маньчжурского алфавитов и был рассчитан для всех монгольских народов.

Р. Рупен писал так «Агван Доржиев, который позднее стал Бандидо хамбо-ламой бурятской буддийской церкви, возглавил работу,

направленную на практическую латинизацию монгольского алфавита, а Барадин, близкий друг Жамцарано, в течение всей жизни уделял много внимания этому вопросу. Ринчино в ранний период тоже работал над осуществлением языковой реформы и модернизации. Так называемый «доржиевский алфавит» был результатом этих первых усилий. На нем было опубликовано несколько книг»³³. По инициативе А. Доржиева в 1908 г. была открыта типография при Ацагатском дацане, в которой было напечатано немало уникальных книг на монгольском и тибетском языках.

А. Доржиевым были опубликованы ряд произведений по проблемам морали и нравственности, по истории и идеологии буддизма. В частности, такие работы, как «Житие победоносно отошедшего Всемогущего, именуемого «Солнечный свет, кратко раскрывающий лотос учения», «Краткая биография святого Учителя и принца Буянта» и др.»³⁴

А. Доржиев известен своей организаторской ролью в строительстве Буддийского храма в Санкт-Петербурге. В 1909–1915 гг. (по проекту архитектора Барановского) в Петроградской стороне А. Доржиевым было организовано строительство буддийского храма, ныне вновь являющегося собственностью буддийской общины Санкт-Петербурга. Освящение дацана состоялось 10 августа 1915 г., это было первое буддийское культовое сооружение в Европе. Храм был освящен в честь божества Калачакры, представляющего собой персонификацию тайного учения того же названия. Религиозная и просветительская деятельность буддийского дацана активно продолжалась до 30-х гг. XX в. Он основал также ряд храмов в Западной Бурятии, буддийскую академию (цаннид-чойра) в Калмыкии. После 1917 г. выступил идеологом обновленчества, пытаясь согласовать учение Будды с марксистским учением. Оказывал большую помощь буддологическим исследованиям акад. Ф. И. Щербатского и его учеников (А. И. Вострикова, Е. Е. Обермиллера и др.). В 1922 г. он возглавил знаменитую школу тибетской медицины при Ацагатском дацане в Бурятии. В декабре 1928 г. на заседании ОГН АН СССР утвержден в качестве иностранного (тибетского) ученого — члена Совета ИНБУК.

Немало практических услуг и содействия оказывал А. Доржиев русским путешествен-

³¹ Дамдинов А. В. Агван Доржиев: дипломат, политический, общественный и религиозный деятель. С. 38.

³² Там же. С. 64.

³³ Рупен Р. Монголы двадцатого века. С. 58.

³⁴ Чимитдоржиев Ш. Б. Русские, монгольские и бурятские летописи о средневековых монголах. Улан-Удэ, 2007. С. 117.

никам, таким известным исследователям Центральной Азии, как П. К. Козлов, М. В. Певцов, Д. А. Клеменц. Э. Э. Ухтомский, Ф. И. Щербатский. Об этом писал академик Ф. И. Щербатский в 1908 г. председателю Совета министров России П. А. Столыпину: «Почти все русские путешественники по Монголии и Тибету — капитан Козлов и генерал Певцов, Д. А. Клеменц, князь Ухтомский и я лично глубоко обязаны Доржиеву, помогавшему нам всеми способами»³⁵.

Агван Доржиев часто привлекался российскими востоковедами в качестве эксперта, как крупнейший в буддийском мире исследователь-знарок культов и обычаев Тибета и Монголии. Им была написана и опубликована ксилографическим письмом отдельная «Биография Будды», которая являлась «самой крупной из его работ и представляет собой яркий образец бурят-монгольского дацанского книгопечатания»³⁶.

Агваном Доржиевым написано на монгольском и тибетском около десяти работ. Отдельные его статьи были опубликованы и на русском языке, так например, в 1909 г. — в сборнике, посвященном 70-летию со дня рождения Григория Николаевича Потанина (XXXIV том Записок императорского географического общества), была помещена его статья «Ло-гун-гье-бо» (один из религиозных обычаев в Лхасе)». Статья первоначально была написана Агваном Доржиевым по-монгольски, любезно переведена на русский язык лектором Санкт-Петербургского университета Б. Б. Барадиным и снабжена примечаниями академика С. Ф. Ольденбурга³⁷. Научно-просветительская деятельность Агвана Доржиева была многоплановой и разносторонней. Она включала в себя активное участие в различных историко-этнографических исследованиях, просветительской и издательской деятельности³⁸.

³⁵ Дамдинов А. В. Агван Доржиев: дипломат, политический, общественный и религиозный деятель. С. 64.

³⁶ Национальная интеллигенция и духовенство: история и современность. Улан-Удэ, 1994. С. 118.

³⁷ Дамдинов А. В. Агван Доржиев: дипломат, политический, общественный и религиозный деятель. С. 64.

³⁸ Соч.: Ло-гун-гье-бо: Один из религиозных обычаев в Лхасе // Сборник в честь 70-летия Г. Н. Потанина. С. 289–292; Чано Батор: Героическая поэма иркутских бурят-ойратов / запись Н. Амагаева; послесл. А. Доржиева. СПб., 1910; К сведению верующих масс о высшем духовном соборе буддистов Бурят-Монголии // Шинэ байдал. 1922. 2 окт. (совм. с Б. Барадиным, Ц. Ж. Жамцарано); Предание о кругосвет-

В исторической литературе мало известным, но незаменимым помощником в качестве переводчика и эксперта в многочисленных к тому времени экспедициях в Монголию российских ученых был Цокто Гармаевич Бадмажапов (1879–1937). О жизни и научной деятельности Ц. Б. Бадмажапова появляется много свидетельств в опубликованных дневниках и работах П. К. Козлова. Имеется обширная статья И. И. Ломакиной «Цогто Бадмажапов (Судьба первооткрывателя Хара-Хото) в альманахе «Orient» за 1998 г., выпуск 2–3, статья Ш. Б. Чимитдоржиева и Н. В. Ким «Цокто Бадмажапов» в сборнике «Выдающиеся бурятские деятели (XVII — начало XX в.)». Ч. 1. С. 121–125», в кандидатской диссертации Ж. А. Гармаева в параграфе 4.4. «Цокто Бадмажапов и его дневник» анализируется рукопись Ц. Бадмажапова под названием «35-дневная поездка от резиденции князя Алаша-вана до ставки Торгоуд-бэйлэ. 1907 год».

Не получив специального образования, он в 1898 г. получил приглашение Русского Географического общества войти в состав экспедиции П. К. Козлова. С этого момента начинается его дружба с великим путешественником, длившаяся до конца жизни Козлова (1935 г.). О жизни и научной деятельности Ц. Б. Бадмажапова имеется много свидетельств в дневниках и работах П. К. Козлова, с которым он совершил Монголо-тибетскую экспедицию 1899–1901 гг., Монголо-сычуаньскую экспедицию 1907–1909 гг., в 1913 г. помогал П. К. Козлову в организации экспедиции в Центральную Азию, в 1915 г. участвовал в работе, так называемой Монгольской экспедиции для закупа скота для действующей

ном путешествии или повествование о жизни Агвана Доржиева. Улан-Удэ, 1994. 120 с. Лит.: Л. Б-н [Берлин]. Хамбо Агван Доржиев: (К борьбе Тибета за независимость) // НВ. 1923. № 3. С. 139–156; Бурятская литература // ЛЭ. Т. 1. С. 625; Бурдуков, 1969. С. 129–130, 380; Революционный Восток. № 4. С. 121; Заятуев Г.-Н. Цанид-Хамбо Агван Доржиев (1853–1938). Улан-Удэ, 1991; Абаева Л. Л. Доржиев // Буддизм. 1992. С. 117–118; Ангаева С. П. Буддизм в Бурятии Бурятии и Агван Доржиев. Улан-Удэ, 1999. 138 с.; Агван Доржиев об обновлении буддийской церкви Бурят-Монголии // ОА. 1993. № 6. С. 86–89; Дамдинов А. В. Дипломат, политический, общественный и религиозный деятель. Улан-Удэ, 1999. 136 с.; Дамдинов А. В., Чимитдоржиев Ш. Б. Агван Доржиев — выдающийся религиозный и общественный деятель. Улан-Удэ, 2010. 75 с.; История отечественного востоковедения с середины XIX в. до 1917 года. С. 379; Российские монголоеды. С. 91–96; Snelling J. Buddhism in Russia: The story of Agvan Dorzhiev, Lhasa's Emissary to the Tzar. Elemea, 1993.

русской армии, принимал участие в Монголо-тибетской экспедиции 1923–1926 гг.

Ц. Бадмажапов был переводчиком в переговорах с монгольскими повстанцами во главе с Тогтохо-тайджи (из Южной Монголии) в 1910 г. В 1913 г. в составе монгольской делегации в Санкт-Петербурге, возглавляемой монгольским Сайн-ноен-ханом Намнан-Сурэном, Ц. Бадмажапов участвовал в переговорах с российскими министрами в качестве переводчика. Он был на Всемирной выставке в Париже в 1913 г. вместе с хамбо-ламой бурятских дацанов Д. Итыгиловым и другими буддийскими деятелями. Участвовал в торжествах в честь 300-летия царского дома Романовых, состоявшихся в столице Российской Империи.

Небесспорным в современной монголоведной науке является приоритет «первооткрывателя» П. К. Козловым «мертвого города Хара-Хото», столицы тангутского государства. Многие столетия простоял в пустыне Алашань ныне разрушенный город Хара-Хото³⁹. В 90-х гг. XX в. бурятские ученые Ш. Б. Чимитдоржиев и Н. В. Ким выдвинули дискуссионную проблему, утверждая: «В нашем распоряжении имеется рукопись Цокто Бадмажапова под названием «35-дневная поездка князя Алашаня до ставки князя Торгут-бэйле (1907)». В ней содержатся подробные сведения о Хара-Хото, полученные им от жителей окрестностей этого мертвого города. А экспедиция П. К. Козлова направилась в Хара-Хото осенью 1908 г. Можно предполагать, что рукопись Бадмажапова с описанием Хара-Хото и фотографиями его развалин была представлена в распоряжение экспедиции Козлова (прямо в руки Козлова или через Географическое общество по официальным каналам). Мы убеждены в том, что, отправляясь в Хара-Хото, П. К. Козлов имел рукопись Бадмажапова на руках. Удивительно то, что нигде, ни у Козлова, ни у других авторов, описавших Хара-Хото, не говорится об этой рукописи, об участии Ц. Бадмажапова в открытии этого исторического памятника... Мог точно описать эту дорогу человек, продолжительное время живший в этих краях и вошедший в доверие местного населения. Таким мог быть только Бадмажапов. На основании сказанного можно утверждать, что своевременная и точная информация Цокто Бадмажапова о Хара-Хото помогла российской науке открыть и исследовать этот уни-

кальный памятник древностей в Центральной Азии»⁴⁰.

По замечанию И. И. Ломакиной, «осенью 1907 г. в РГО пришел увесистый пакет с письмами вице-президенту РГО П. П. Семенову-Тянь-Шанскому, П. К. Козлову с любительскими фотоснимками с описанием Хара-Хото...». По приведенным фрагментам из сочинения Ц. Бадмажапова нетрудно понять, что это не случайное описание встретившихся работнику торговой фирмы, перегонявшему скот, любопытных развалин, а совершенно сознательно старательно произведенное описание остатков древнего города. С обмерами, с привлечением легенд, записанных со слов кочевников, с пониманием важности открытия для науки»⁴¹. Эта публикация ведущего монголоведа И. И. Ломакиной и архивный материал, представленный ею, значительно меняют картину о том, кто был первооткрывателем Хара-Хото. Приоритет же сведений о Хара-Хото литературным образом всецело принадлежит Г. Н. Потанину: «...как я тебе сообщал лично и как это вошло в литературу. Со своей стороны я бы не советовал тебе ссориться с Географическим обществом. От этого косвенным образом может ослабеть к тебе отношение Министерства иностранных дел и Г. У. Г. Шу-а. Я хочу еще раз сказать тебе — обдумай хорошенько»⁴².

В то же время из записей известно, что Г. Н. Потанин не смог указать точного расположения города. Торгоуты тщательно скрывали существование древних развалин и дорогу к ним⁴³. В книге П. К. Козлова «Три года по Монголии и мертвый город Хара-Хото» (М., 1927) приводятся сведения о Хара-Хото. Таким образом, следует подытожить, что открытие и описание развалин Хара-Хото, а также рукопись Ц. Г. Бадмажапова представляют огромный интерес и содержат большой историко-фактологический и этнографический материал для истории всего монгольского мира. Сохранившиеся в архиве П. К. Козлова тетради Бадмажапова свидетельствуют о ценных качествах переводчика. Он быстро научился отбирать сведения, проводить интервью на самых раз-

⁴⁰ Чимитдоржиев Ш. Б., Ким Н. В. Цокто Бадмажапов (1879–1937) // Выдающиеся бурятские деятели. Улан-Удэ, С. 122.

⁴¹ Ломакина И. И. Цогто Бадмажапов (Судьба первооткрывателя Хара-Хото) // Orient. Альманах. 1998. Вып. 2–3. С. 187.

⁴² Там же.

⁴³ Потанин Г. Н. Тангуты-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Т. 1. СПб., 1893. С. 464.

³⁹ История отечественного востоковедения с середины XIX в. до 1917 года. С. 380.

ных уровнях, толково излагать все в тетрадах. Они читаются с не меньшим интересом, чем изданные книги Козлова о тех краях⁴⁴.

Пальма первенства в открытии города Хара-Хото Ц. Бадмажаповым, а не П. К. Козловым, не вызывает сомнения. Мы исходим из элементарной исторической логики, опираясь на то, что бурят хорунжий, несмотря на сохранившиеся хорошие отношения с руководителем экспедиций П. К. Козловым, не мог в тех условиях конкурировать с полковником Генерального штаба. К тому же, П. К. Козлов считал себя самым известным после Н. М. Пржевальского ученым-путешественником-востоковедом, выполнявшим секретные разведывательные миссии высшего военного руководства России в Центрально-азиатском регионе⁴⁵.

В востоковедной науке, иногда упоминаемой с научной деятельностью Г. Ц. Цыбикова, остается малоизвестной деятельностью его учителя и ученого-путешественника Буда Рабдановича Рабданова (1853–1923). Буда Рабданов был увлечен идеей просвещения своего народа и при всем разнообразии своей деятельности остался в истории, прежде всего, как вдохновитель своих учеников. Буда Рабданов начал свою просветительскую миссию с того, что был учителем в Агинской приходской школе. Среди других учеников он обучал Гомбожаба Цыбикова. Бурятский подвижник неоднократно путешествовал по Монголии и Китаю, посетил крупнейшие буддийские центры. В Монголии он посетил монастырь Табын-богдо-сумэ, находящийся в средней части Большого Хингана. О незаурядных языковых способностях самоубытного бурятского ученого мы можем судить по его профессиональной деятельности. Он владел китайским, тибетским, русским, английским и монгольским языками. По замечанию выдающегося исследователя Внутренней Азии В. А. Обручева, лично знавшего Б. Р. Рабданова: «Осенью 1892 г. он согласился принять участие в качестве переводчика без всякого вознаграждения в экспедиции Г. Н. Потанина только ради того, чтобы познакомиться со страной, в которой господствующей религией является буддизм»⁴⁶. Тесными были контакты Б. Р. Рабданова с выдающимся бурятско-русским и

тибетским дипломатом, религиозным и политическим деятелем Агваном Доржиевым, с которым в 1893 г. он посетил Францию. В 1895–1896 гг. в Чите Буда Рабданов стал редактором монгольского текста издаваемой П. А. Бадмаевым газеты «Жизнь на Восточной окраине» (издававшейся на монгольском и русском языках). Эта газета была первым бурятским периодическим изданием Забайкалья. Она пользовалась популярностью среди представителей бурятского общества.

В 1898 году Буда Рабданов сопровождал Агвана Доржиева, впервые приехавшего в Петербург в качестве посла Тибета. В качестве спутника Доржиева он был представлен Э. Э. Ухтомским Николаю II. В Петербурге он был также в качестве делегата по земельному вопросу от забайкальских бурят (тогда проходила ревизия Куломзина, и Б. Рабданов приехал с неудавшейся апелляцией признания права собственности бурят на фактически занимаемые ими земли). Здесь же, по просьбе российских ученых-востоковедов, составил собрание бурятских пословиц. Вместе с Агваном Доржиевым он побывал в западных странах. В 1901 г., когда А. Доржиев провел буддийское богослужение в Музее востоковедения Гиме во время открытия Всемирной выставки, Буда Рабданов прочел лекцию о религии и этнографии монголов, китайцев и бурят. В 1903–1904 гг. Б. Рабданов жил в Восточном Тибете, изучая вопрос об основании русского консульства в г. Даньцзянлу и развитии там русской торговли. Впоследствии он стал постоянным сотрудником МИД Российской империи и работал в русских консульствах в Урге и Хайларе. Время пребывания Б. Р. Рабданова совпало с периодом пребывания англичан в Центральном Тибете в 1903–1904 гг. 3 августа 1904 г. Далай-лама XIII Тубдан-Чжамцо вместе со свитой в сопровождении Агвана Доржиева был вынужден покинуть Лхасу и направиться в Ургу. В этот период, можно сказать, Б. Р. Рабданов являлся связующим звеном между русским и тибетским правительствами⁴⁷. За время пребывания в Тибете Рабдановым был собран обширный материал по истории, этнографии Центральной Азии, который еще ждет научной оценки⁴⁸.

В дневниках Б. Р. Рабданова описывается угнетенное положение тибетцев в условиях

⁴⁴ Ломакина И. И. Цогто Бадмажапов (Судьба первооткрывателя Хара-Хото). С. 193.

⁴⁵ Дугаров В. Д. Генезис бурятского монголоведения в российском востоковедении в период XIX — начала XX вв. Улан-Удэ, 2008. С. 102–103.

⁴⁶ Обручев В. А. Григорий Николаевич Потанин. М., 1923. С. 263.

⁴⁷ Цыбиков Б. Д. Бурятские ученые национал-демократы. Улан-Удэ, 2003. С. 122.

⁴⁸ Дамдинов А. В. Агван Доржиев: дипломат, политический, общественный и религиозный деятель. С. 37.

маньчжуро-китайского господства, коррупции и мошенничества китайских чиновников, происки и засилье английских, французских, немецких миссионеров, продажничество и пресмыкательство китайских чиновников перед международными агентами⁴⁹. Б. Р. Рабданов рассказывает о монгольских и бурятских паломниках, о прохождении торговых караванов и почтовых курьеров между Чэнду-фу и Лхасой⁵⁰. Дневники, оставленные Б. Рабдановым — ценные исторические и этнографические источники, описывающие быт и культуру тибетского и китайского населения Восточного Тибета.

В 1905 г. Б. Рабданов в Чите организовал издание газеты «Свободная печать» и вступил в конфликт с официальными буддийскими деятелями.

Несомненно, Б. Р. Рабданов внес существенный вклад в востоковедение, только в наши дни оцениваемый по заслугам⁵¹. Первым из ученых, кто ввел в научный оборот дневники путешествия в Восточный Тибет и письма Б. Р. Рабданова, был Р. Е. Пубаев⁵². В историографии бурятского ученого выделяют дневники исследователя: «Дневники путешествия Б. Р. Рабданова в Восточный Тибет — это три маленькие тетради, из которых первые две названы “Путевыми заметками богомольца”, а третья — “Год в Дацзянлу”. Как отмечает Р. Е. Пубаев, пагинация во всех тетрадях архивная. Первая датирована 28 мая 1903 г., Ханькоу, вторая — 17 августа 1903 г., Дацзянлу, а третья — 15 декабря 1904 г., Ханькоу»⁵³.

Б. Рабданов был незаурядным человеком, учениками которого считали себя, кроме Г. Ц. Цыбикова, выдающиеся российские ученые-буряты Ц. Ж. Жамцарано, Б. Б. Бардин, депутат II Государственной Думы Бато-

Далай Очиров и многие другие выходцы из Агинских степей.

В монголоведном мире рассматриваемого периода широко известен выдающийся бурятский монголовед, общественный деятель Элбэк-Доржи Ринчинович Ринчино (1888–1938)⁵⁴. Первоначальное образование Э.-Д. Ринчино получил в приходской школе, по окончании которой поступил в городское училище. В 1908 г., сдав экстерном экзамен за гимназию, он стал студентом юридического факультета Петербургского университета, где проучился до 1914 г.⁵⁵

Исключительно благотворным для Э.-Д. Ринчино было общение со своим земляком, Агваном Доржиевым, выдающимся деятелем буддизма, реформатором буддийской конфессии, дипломатом и полномочным представителем Тибета в России. С 1906 г. при его активном участии, помощи Б. Барадина, Ц. Жамцарано и др. стала работать типография «Наран» (Солнце), выпускавшая религиозные и светские произведения на монгольском и тибетском языках⁵⁶. В этот период у Э.-Д. Ринчино зарождаются идеи автономии бурятского народа, в составе монголоязычных народов, впоследствии переросшие в идеи «панмонголизма», долгое время преследуемые и попавшие под репрессии в советский период.

Молодой Элбэк-Доржи Ринчино начинает активно действовать под псевдонимом Аламжи Мэргэн, совместно с Н. Амагаевым издает учебник «Новый монголо-бурятский алфавит»⁵⁷. В этой брошюре предисловие и общий обзор были написаны Э.-Д. Ринчино, и основные мысли, высказанные в ней, будут повторяться в его последующих работах.

Большую работу по усовершенствованию алфавита Агвана Доржиева, в написании букв которого лежало реформированное уйгуро-ойратское письмо, провел Э.-Д. Ринчино. Авторы учебника отмечали большое значение родного языка в совершенствовании культуры

⁴⁹ Гармаев Ж. А. Изучение истории и культуры Монголии и Тибета бурятскими учеными-путешественниками (конец XIX — начало XX в.). Улан-Удэ, 2005. С. 21.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Дугаров В. Д. Генезис бурятского монголоведения в российском востоковедении в период XIX — начала XX вв. С. 106.

⁵² Пубаев Р. Е. Дневники путешествия Будды Рабданова в Восточный Тибет (1903–1904 гг.) // Историческо-культурные связи народов Центральной Азии. Улан-Удэ, 1983. С. 21.

⁵³ Махакова А. С.-Д., Балданов С. С. Из истории жизни Б. Рабданова // Национальная интеллигенция, духовенство и проблемы социального, национально-возрождения народов Республики Бурятия. Улан-Удэ, Вып. 2. С. 95.

⁵⁴ Элбек-Доржи Ринчино. Документы. Статьи. Письма. Улан-Удэ, 1994. 236 с.; Жабаева Л. Б. Элбэк-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов. Улан-Удэ, 2001. 334 с.; Цибиков Б. Д. Бурятские ученые национал-демократы. Улан-Удэ, 2003. 249 с. и др.

⁵⁵ Очиров С. Б. Ринчино Элбек-Доржи // Выдающиеся бурятские деятели (XVII — начало XX вв.). С. 145.

⁵⁶ Жабаева Л. Б. Элбэк-Доржи Ринчино. С. 42.

⁵⁷ Амагаев Н. и Аламжи Мэргэн. Новый монголо-бурятский алфавит. СПб., 1910. 51 с.

и просвещения, будировали общественное сознание, чтобы эта мысль стала достоянием широких кругов бурятской общественности⁵⁸. Э.-Д. Ринчино подчеркивает, что «чужой язык в школе и в сфере религии затруднял усвоение знаний и сознательно выработанных идеалов общественности. И школа, и религия мало считались с тем общепризнанным положением, что истину необходимо преподавать на языке, доступном для масс, что родной язык есть могущественнейшее орудие культурной работы среди данного народа»⁵⁹.

В 1910 г. в Петербурге вышел «Сборник монголо-бурятской народной поэзии», а через год увидел свет второй выпуск этого сборника⁶⁰. Сборники были изданы на новом алфавите. В музее этнографии и антропологии в Санкт-Петербурге хранятся экспонаты, привезенные Ринчино из Бурятии, таарай нэхүүр — ткацкий станок, женские украшения из серебра, сбруя, седло, украшенные пластинами»⁶¹. Добытый материал по говору баргузинских эвенков Ринчино передал своему учителю — профессору В. Л. Котвичу, который впоследствии, уже пребывая в Польше, написал на их основе и на языковых данных обстоятельную статью, которая была опубликована в польском востоковедном журнале в 1950 г. Часть фольклорного материала была опубликована Э.-Д. Ринчино во втором выпуске «Сборника монголо-бурятской народной поэзии» под псевдонимом Аламжи Мэргэн. В эти же годы Э.-Д. Ринчино проявляет большой интерес к вопросам национально-освободительного движения в Монголии.

Активно касался Э.-Д. Ринчино и политических вопросов, являясь впоследствии одним из лидеров монгольской национально-демократической революции. С 1920 г. начинается период активного сотрудничества Э.-Д. Ринчино с монгольскими революционерами, его активная публицистическая деятельность о политическом положении и истории Монголии. В докладе на III съезде Монгольской народно-революционной партии он обосновал идею о некапитали-

стическом пути развития страны. Э.-Д. Ринчино являлся одним из авторов первой Конституции Монгольской Народной Республики, принятой первым Великим Народным Хуралом Монголии. Был одним из инициаторов и активных участников борьбы с буддийской церковью, доказывавшим необходимость ликвидации теократической монархии в Монголии. Наиболее плодотворной в научном плане была его после вынужденного выезда из Монгольской Народной Республики учеба и работа в 1926–1930 гг. — в Институте Красной Профессуры и научно-педагогическая работа в Коммунистическом университете трудящихся Востока в Москве. С ноября 1934 г. Э.-Д. Ринчино будучи профессором КУТВ активно занимался проблемами истории монгольского этномира, репрессирован.

К концу XIX в. относится языковедческая деятельность видного бурятского монголиста — филолога, ставшего в 1889 г. действительным членом Русского географического общества Ринчен Номтоева (1821–1907). Известны работы Р. Номтоева и в области тибетского языка. Его переводы познакомили востоковедов со многими произведениями тибетских авторов. Тибетско-монгольский словарь созданный Р. Номтоевым в 1877 г. получил впоследствии высокую оценку специалистов-монголоведов (Г. Цыбикова, Ц. Доржа, Б. Ринчена и др.). Словарь был издан только в 1956 г. в двух томах монгольским академиком Б. Ринченом. Существует и русско-монгольский словарь Р. Номтоева, который, «до сих пор не упоминался в работах исследователей. В этом словаре содержится около 7 тыс. слов и выражений, расположенных по алфавиту. В нем использовано большое количество пословиц, поговорок и других поэтических выражений из произведений русской литературы»⁶².

Без сомнения, к анализируемой группе бурятских монголоведов принадлежат труды выдающихся исследователей истории бурят-монгольского народа М. Н. Хангалова, М. Н. Богданова, которые непосредственно не занимались собственно историей монголов, но, как известно, до июля 1958 г. современная Республика Бурятия называлась Бурят-Монгольской АССР. Их труды закономерно входят

⁵⁸ Цибилов Б. Д. Бурятские ученые национал-демократы. С. 16.

⁵⁹ Жабаева Л. Б. Элбэк-Доржи Ринчино. С. 47.

⁶⁰ Сборник монголо-бурятской народной поэзии / под ред. Аламжи Мэргэна. СПб., 1910. Вып. 1. 37 с.; То же / под ред. Алмас Нарнай. СПб., 1910. Вып. 2. 25 с.

⁶¹ Дугаров Б. С. С любовью к родному фольклору: докл., тез., сообщ. междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 1998. С. 71. Цит. по: Жабаева Л. Б. Элбэк-Доржи Ринчино. С. 45.

⁶² Дугар-Нимаев Ц.-А. Бурятский монголист-филолог и писатель Ринчен Номтоев (1821–1907): Источниковедческий обзор // История и культура монгольских народов: источники и традиции. Улан-Удэ, 1989. С. 24–25.

в сокровищницу научных трудов монгольского этномира.

В становление бурятской методологической востоковедной науки большой вклад внесли труды исследователя В. П. Гирченко⁶³. Замалчиваемыми в советский методологический период истории были значительные монголоведные и буддологические исследования бурятских духовных иерархов и мыслителей: Д.-Д. Заяева, Мижид-Доржи, Г.-Ж. Дылыгырова, Г.-Ж. Тугулдунова, Д.-Ж. Данжинова, Э.-Х. Галшиева, Л.-Д. Дандарова, Д. Гомбоева, Д.-Д. Итыгилова, Агвана Доржиева, внесших огромный вклад в мировую копилку буддологических духовных знаний. Значительный пласт монголоведной истории составляют труды авторов исторических летописей: Т. Тобоева,

⁶³ Гирченко В. П. Роль Академии наук в деле изучения Бурятии и Монголии // Жизнь Бурятии. 1925. № 5–6. С. 11–17.

В. Юмсунова, Ш. Н. Хобитуева, Д.-Ж. Хобитуева, Д.-Ж. Ломбоцыренова, Ц. Сахарова и др. Без сомнения, сюда относится и творчество бурятских улигершинов-сказителей, фольклорно-филологическое наследие которых также ждет своего историографического анализа.

В востоковедной науке XX в. неоправданно мало внимания уделялось востоковедным трудам бурятских подвижников и учителей: Н. С. Болдонова, Р. Номтоева, П. П. Баторова, П. А. Бадмаева, Р. Бимбаева и других ранее забытых исторических личностей. Анализ их трудов показывает, что большой круг научных вопросов, рассматриваемых ими, требует дальнейших исследований, обработки⁶⁴.

⁶⁴ Дугаров В. Д. Взаимоотношения России и Монголии в XVII–XIX вв. (Вопросы историографии). Улан-Удэ, 2004. 259 с.; Генезис бурятского монголоведения в российском востоковедении в период XIX — начала XX вв. Улан-Удэ, 2008. С. 146.

МОНГОЛЬСКАЯ ПРЕССА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

Первая четверть XX в. является особым периодом в истории Монголии. Это прежде всего связано с двумя крупными событиями, коренным образом изменившими политическую, экономическую, социальную и культурную жизнь нашей страны. Освободительное движение 1911 г., свергнувшее маньчжурское иго и восстановившее государственную независимость, явилось началом возрождения национальной культуры и образования. В результате Аратской революции 1921 г. плодотворно осуществлялась в жизнь государственная политика по просвещению народа и Монгольская народная республика безвозвратно выбрала некапиталистический путь развития. Об этих судьбоносных событиях доктор исторических наук, известный исследователь истории монгольской журналистики Г. Дэлэг отметил: «В истории человечества опыт перехода от феодализма к социализму, минуя капитализм, осуществленный в МНР, является вдохновляющим примером для народов стран Азии, Африки и Латинской Америки, завоевавших независимость и свободу и определяющих сейчас пути своего развития. Много поучительного и полезного для молодых государств дает и история становления, формирования и развития монгольской революционной печати и ее публицистики, всегда правдиво и всесторонне отражавшей борьбу нашего народа за строительство нового общества. Мощное оружие нашей партии — монгольская пресса — сыграла важную роль в глубоких революционных преобразованиях, произошедших в жизни нашей страны за годы народной власти»¹.

В марте этого года Монголия широко отметила столетие национальной журналистики. Монгольская журналистика, начало которой положил выход первой газеты в Хурээ 6 марта 1913 г., является ярким свидетелем и летописью исторических событий, свершенных нашим народом, его борьбы и победы, успехов созидательного труда и духовной культуры. Коротко говоря, история монгольской журналистики — это история жизни и борьбы монгольского народа. В этом смысле история отечественной журналистики является неотделимой частью новейшей истории Монголии.

¹ Дэлэг Г. Становление и развитие монгольской революционной публицистики (1921–1970 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1972. С. 3.

Историю монгольской прессы первой четверти XX в. можно разделить на четыре периода. Первый период охватывает те газеты, которые издавались за рубежом на монгольском языке. С конца XIX в. по двадцатые годы XX в. в Цинской империи, России и Китае издавалось 5 газет, посвященных монгольским читателям общим тиражом в 1000 и более экземпляров. Эти издания продемонстрировали нашим интеллигентам как и для чего нужно издавать газеты на монгольском языке и оказали большое влияние на возникновение монгольской журналистики.

Второй период ознаменовался освобождением Монголии от двухвекового маньчжурского ига и установлением теократической монархии Богдо-хана, которая в результате Кяхтинского тройственного соглашения преобразовалась в китайскую автономию. В эти годы выходили газеты «Шинэ толь хэмээх бичиг» («Газета, именуемая Новое зеркало») и «Нийслэл хурээний сонин бичиг» («Столичные новости»), главная цель которых заключалась в том, чтобы в дальнейшем всесторонне содействовать укреплению независимости страны и развитию экономики, культуры, образования и просвещения народа. Поэтому исследователи истории журналистики эти годы (1913–1920 гг.) называют «периодом монгольской прогрессивной, национально-демократической периодической печати»².

Третий период охватывает годы революционной нелегальной печати, предшествующей народно-демократической революции (1919–1921 гг.). Во время организации подпольных кружков в столице Хурээ и в ходе народно-демократической революции, осуществленной при поддержке России и под влиянием Октябрьской революции 1917 г., вышли в свет немало агитационных листовок монгольских революционеров и первая революционная газета «Монголын унэн» («Монгольская правда») в г. Иркутск.

Четвертый период ознаменовался выходами в свет первых газетам, положившими начало монгольской легальной революционной печати, т. е. коммунистической журналистике.

² Норовсүрэн Л. Монголын сэтгүүл зүйн түүхэн тойм // Исторический обзор монгольской журналистики. Улаанбаатар, 2000. Т. 1. С. 6.

Газеты, издававшиеся за рубежом на монгольском языке

Первой газетой, вышедшей на монгольском языке за рубежом, является «Дорнод хязгаарын амьдрал» («Жизнь на восточной окраине»). Хотя эта газета выходила в конце XIX в., она оказала огромное влияние на возникновение периодической печати в Монголии, поэтому необходимо более подробно рассказать об этом издании. Газета издавалась в Чите в 1895–1897 гг. на русском и монгольском языках, печаталась в типографии, принадлежавшей торговому дому «П. А. Бадмаеву и К°». Издателем выступал Петр Александрович Бадмаев — известный врач тибетской медицины, дипломат, общественный деятель, предприниматель, публицист и преподаватель вуза. Он — человек уникальной судьбы и разносторонних талантов, получил в Петербурге два высших образования: востоковедное и медицинское, первым в России перевел самый известный трактат тибетской медицины «Жуд-Ши», издавал первую в России газету на монгольском языке, первым разработал проект Трансмонгольской железнодорожной магистрали, построенной спустя полвека. П. А. Бадмаев семнадцать лет служил в Министерстве Иностранных дел России и достиг высокого социального статуса и служебной карьеры, стал действительным статским советником Российской империи.

По словам доктора исторических наук, известного монголоведа, профессора кафедры мировой экономики Байкальского государственного университета Ю. В. Кузьмина «Уникальность газеты [«Жизнь на восточной окраине»] заключается в том, что это первое издание на старописьменном монгольском языке в России. Кроме того, необычайность этого издания было также в том, что она была двуязычной, на левой половине полосы помещались материалы на русском языке, а на правой — аналогичные по содержанию на монгольском языке»³.

Газета выходила на четырех или шести полосах пять раз в неделю, распространялась по подписке и в розничной продаже. В течение двух лет было издано 450 номеров. Штаб редакции был небольшим, работали русские, буряты и монголы. Редактором русского текста был А. Н. Сниткин, бывший директор народных училищ Читы, редактором и переводчиком монгольского текста — Б. Р. Рабданов, переводчиком с китайского языка работал харчин Унуба-

яр. Все они были образованными людьми того времени, оладевшими несколькими языками. Среди них особое место занимал видный бурятский просветитель Будда Рабданович Рабданов (1853–1923). Он окончил Агинскую приходскую школу, Нерчинское уездное училище, три класса гимназии в Чите, преподавал в Агинской приходской школе, самостоятельно овладел тибетским и китайским языками, знал русский, монгольский и английский языки, исполнял должность переводчика у Г. Н. Потанина, читал лекции о религии и культуре монголов в Париже.

Издание этой газеты, призванной «...выполнять роль информационного центра предприятия, а также рекламировать различные акции Торогового дома»⁴, было прежде всего связано с реализацией грандиозного проекта П. А. Бадмаева по присоединению к России Китая, Тибета и Монголии.

Об обострении империализма на Дальнем Востоке и Монголии в конце XIX — начале XX в. в «Истории Монгольской Народной Республики» отмечалось, что «Монголия занимает особое место во внешней политике царской России, проводимой прежде всего на Дальнем Востоке», «в 90-х годах прошлого века некоторые реакционеры царской России требовали срочного проведения агрессивной политики в Азии»⁵. Исходя из этого, доктор Г. Дэлэг пишет, что «Ярким подтверждением правдивости выше отмеченной политики царской России в Монголии является издание газеты “Жизнь на восточной окраине”, посвященной монгольским читателям»⁶.

Газету «Жизнь на восточной окраине» финансировали из государственного бюджета царской России. Поэтому в первом номере газеты от 11 ноября 1895 г. отмечалось, что «В этом году наша газета удостоивается особой милости государства». Все это нам дает полное представление о публикационной политике газеты.

В замкнутой стране того времени, в котором господствовал наглый порядок маньчжурского императора Гуансюя, одурманивавшего религиозной идеологией весь народ, в котором монголы не имели никакого представления о периодической печати, газета

⁴ Кузьмин Ю. В. Восточные проекты доктора П. А. Бадмаева. Иркутск, 2006. С. 131.

⁵ Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улсын түүх // История МНР. Улаанбаатар, 1968. Т. 2. С. 369.

⁶ Дэлэг Г. Монголын хэвлэл // Печать Монголии. Улаанбаатар, 1972. Т. 1. С. 361.

³ Кузьмин Ю. В. Восточные проекты доктора П. А. Бадмаева. Иркутск, 2006. С. 131.

«Жизнь на восточной окраине», изданная впервые на монгольском языке и распространенная на территории Внешней Монголии, являлась совершенно новым явлением в духовной жизни населения. Именно поэтому газета имеет огромное значение в истории нашей страны.

Газета распространялась в столице Хурээ и в западной части страны через торговцев, российские торговые организации и почтовые станции. Также русские, приехавшие из России или живущие на берегах рек Орхон, Селенга и Онон, приносили с собой разные печатные издания, среди которых была газета «Жизнь на восточной окраине». Нештатные корреспонденты газеты, работавшие в столице Хурээ, Кобдо, Улиастай, писали о повседневной жизни страны.

Газета определялась как общедоступная, сельскохозяйственная, торгово-промышленная, политико-экономическая и литературная печать. На страницах газеты значительное место занимали материалы общероссийского характера, официальные документы и указы. Большое внимание также было уделено проблемам внешней политики России на Дальнем Востоке. Основное место занимали сибирские материалы, новости о состоянии экономики Забайкалья, развитии местной промышленности и торговли, животноводства. Газета постоянно информировала о практической деятельности Торгового Дома Бадмаева, в частности открытии сельскохозяйственных ферм, гостиниц и столовой, организации почтовых станций между Кяхтой и Хурээ, постройке православной церкви, командировочной работе самого П. А. Бадмаева в Петербурге, Пекине и Хурээ. Все эти материалы публиковались в следующих основных рубриках: «Официальные новости Дома царского правительства», «Зарубежные новости от Телеграфного центра», «Жизнь Восточного края и местные новости», «Новости о соседних странах с Восточным краем», «Всякие новости», «Объявление» и «На страницах газет и журналов».

Хотя в этой газете в малом количестве публиковались материалы о внутренней жизни Монголии, она в определенной степени стала источником информации о нашей стране, играла важную роль в оперативном освещении зарубежных новостей, помогала читателям узнать о жизни в России и Монголии и являлась своеобразной духовной нитью двух стран.

Как отмечал профессор Ю. В. Кузьмин в монографии о П. А. Бадмаеве «Издание газе-

ты на монгольском языке встретило полное одобрение со стороны известных российских востоковедов и монголоведов. В газету были посланы благожелательные отзывы академика В. П. Васильева, профессора А. М. Позднеева, а также от студентов Восточного факультета, предложивших дельные и уместные предложения передачи некоторых понятий на монгольский язык»⁷. Историческое значение этой газеты также высоко оценил выдающийся знаток истории монгольской журналистики Г. Дэлэг. Он отметил, что «Газета “Жизнь на восточной окраине” сыграла важную роль в распространении в Монголии прогрессивно-демократических идей России... Одна из особенностей этой газеты заключается в том, что она, как и другие газеты, издававшиеся в Сибири, использовала критико-разоблачительные методы и традиции печати, к которым прибегали российские демократические интеллигенты, сосланные в Сибирь... Эта газета содействовала знакомству российских читателей с образом жизни монгольского народа и внесла значительный вклад своими разносторонними публикациями в монголоведение»⁸. Авторы этих строк полностью согласны с выводами вышеупомянутого исследователя. Действительно, газета «Жизнь на восточной окраине» является ценным историческим и публицистическим источником научного исследования. «Жизнь на восточной окраине» была не только первой газетой, изданной на монгольском языке, но и являлась первой международной, межнациональной прессой в Сибири.

Газета издавалась около двух лет и с первого июля 1897 г. прекратился ее выход в связи с общим кризисом торгового дома «П. А. Бадмаева и К^о» и конфликтом между Бадмаевым и Рабдановым.

В 1908 г. из Гиринской области Китая «по приказу всепозволяющих министров и губернаторов» «с целью демонстрации всем монголам» издавалась ежемесячная газета «Монгол угийн бодорол» («Газета монгольского слова»). На самом деле газета являлась государственным органом Маньчжурской империи и издавалась на китайском и монгольском языках тиражом в 700 экз. на 70–100 страницах с небольшим форматом — 16x24 см. Газету полностью финансировало правительство Маньчжурской империи.

⁷ Кузьмин Ю. В. Восточные проекты доктора П. А. Бадмаева. С. 133.

⁸ Дэлэг Г. Монголын хэвлэл. С. 384–388.

Материалы для газеты сначала готовили на китайском языке, потом переводили на монгольский язык. После этого газета бесплатно распространялась во Внешней и Внутренней Монголии через администрации аймаков и хошунов. Тексты газеты на китайском языке готовили Ань Мин, Го Шоу-сан, а за монгольские тексты отвечали монгольские чиновники-переводчики того времени, хорошо владевшие монгольским и китайским литературными языками, — Сурэнхуу, Юмчээ, Сайн-Оюу, Ихтунх. Художником же газеты работал Ма Цзяньсюнь.

Главной целью газеты являлись широкое освещение политики правительства династии Цин, воспитание монголов в духе верности и лояльности маньчжурскому режиму, воспрепятствование другим странам, желавшим распространить свое влияние на Монголию, поддержка колониальной политики и военной диктатуры маньчжурских правителей.

Доктор Г. Дэлэг отмечает, что «из публикаций газеты ясно, что в то время “газету” или “новости” называли “бодорол”. Например, в газете часто встречаются такие рубрики и заголовки, как “На страницах иностранных бодорол (газета)”, “Телеграфный бодорол (новости)”, “Харбинский бодорол (газета) Юундунбао” и т. д.»⁹. Однако в газете в малом количестве публиковались оперативные информационные материалы типа новостей, заметок, репортажей, наоборот, значительное место занимали статьи, короткие литературные произведения, материалы на поучительную тему. Короче, публикации газеты по содержанию и форме заключали в себе основные черты политических, экономических, художественно-литературных журналов.

Газета пропагандировала колониальную политику Цинской империи завуалированным способом, поэтому простому читателю, поверхностно взглянувшему на публикации, возникло впечатление будто они направлены на просвещение монгольских читателей, объяснение сути освещаемых событий и проблем.

Материалы газеты публиковались под следующими постоянными рубриками: «Приказы и наставления императора», «Советы», «Официальные новости», «Актуальные новости», «Важные новости», «Разные новости», «Дополнительные новости», «Литература». Под рубрикой «Приказы и наставления импе-

ратора» в основном печатались приказы, официальные сообщения, связанные с деятельностью императора и разные наставления, направленные на воспитание монголов, которые должны стать «для государства добрыми, хорошими гражданами, а для армии — честными богатырями». Иногда под этой рубрикой публиковались обычные поучения, связанные с каждодневной жизнью, трудом и опытом народа. Материалы рубрики «Советы» выражались в разных напутствиях и рекомендациях, охватывающими быт и образ жизни населения. К ним можно отнести советы о том, как нужно пасти скот и выращивать овощи, как можно стать культурным человеком и т. д. Публикации, объясняющие важность и особенности таможи, налога, торговли, освоения целины, повышения уровня знания людей, печатались под рубрикой «Официальные новости».

Рубрика «Актуальные новости» примечательна тем, что в ней помещались материалы о самых актуальных, особо важных событиях того времени. В частности, можно упомянуть новости о траурном митинге, посвященном похоронам маньчжурского императора, возведении на престол нового императора, изменении девиза правления, запрещении употребления наркотиков, приеме и награждении Далай-ламы и др.

Материалы рубрики «Разные новости» посвящались вопросам отношения Монголии с другими странами за исключением Китая и газета посредством этих материалов призывала монголов быть особо осторожными в вопросах экономики, торговли и культуры. Под рубрикой «Дополнительные новости» в основном публиковались материалы о правах человека, в том числе о гражданском, служебном, избирательном праве и праве быть свидетелем.

Почти в каждом номере газеты печатались материалы на литературную тему, в том числе устное народное творчество, краткие рассказы классиков Европы и Азии, басни, иногда — отрывки романов и других крупных художественных жанров. Газета, начиная с первого номера, активно пропагандировала так называемые «особо важные три вопроса воспитания»: воспитание ума, воспитание знания и воспитание организма. Суть воспитания ума и знания заключалась в том, что люди должны быть образованными, грамотными, благодаря чему полномочие и авторитет страны будут расти. Газета назвала самым главным фактором развития страны грамотность населения, распространение знания математики, овладение

⁹ Дэлэг Г. Монголын тогтмол хэвлэлийн түүхэн тэмдэглэл // Исторический очерк периодической печати Монголии. Улаанбаатар, 1965. С. 107.

естественными науками, исследование страны и природы, изучение опыта государственных устройств и торговли других стран, уплотнение связи и контактов с Китаем. Конечная цель этих важных факторов заключалась не в развитии экономики и культуры Монголии, а в улучшении и приведении в надлежащее состояние торговли и производства Маньчжурской империи на окраине. Также газета призывала монголов учить детей в институтах, организовать школы и больницы, открывать новые швейные, текстильные предприятия, шахты, осваивать новые месторождения, строить железные дороги, расширять торговлю, отмечала важность телеграфной связи, использования на государственной службе телефонной связи и рекомендовала сделать много других полезных вещей.

«Газета монгольского слова» постоянно требовала внедрения поставленных ею вопросов на практику и напоминала читателям, что сказать легко, но сделать трудно, поэтому необходимо все время стараться все вместе, без чего будем терпеть поражения. Вообще, мы должны правильно понять и оценить пользу и вред этой газеты в связи с внешними и внутренними обстоятельствами того времени.

Газета широко распространялась среди монголов, причем некоторая часть населения принимала ее положительно. Это связано не с тем, что газета имела демократическую ориентацию и выражала интересы монголов, а с тем, что колонизаторы, учитывая активность и протест широких масс, сделали определенные уступки требованиям народа и издатели манипулировали его психологией. Также газета активно пропагандировала новую политику маньчжурского правительства, направленную на наращивание военных сил в Монголии, ослабление влияния монастырей и лам, основание школ и культурных организаций, утверждение Основного закона, запрет допроса с применением пытки. Некоторые публикации газеты показывают, что ее издатели, с одной стороны, активно пропагандировали колониальную политику маньчжурского правительства, а с другой — они находились в очень сложном, противоречивом положении из-за необходимости учета возрождения национального сознания монголов. Ярким примером этого является то, что в газетах часто публиковались материалы об укреплении китайского военного гарнизона в Монголии, маньчжурской политике китаизации монголов, ослаблении влияния ламаизма, установлении правопорядка на основе Основного закона, запрета пыток, применяемых во

время допросов со средних веков. Из вышеуказанного можно заметить, что у издателей был интерес в проведении в определенной степени реформ буржуазно-демократического характера на основе политики «Нового курса» на окраине Цинской империи.

Газета вообще не писала о внутренней жизни Монголии, редко информировала о событиях во Внутренней Монголии, т. е. была очень далека от общественных проблем Монголии, что и соответствовало политике издателей.

В газете значительное место занимали материалы о России, в большинстве случаев осуждающие любые действия русских, направленные на Монголию. В частности, в одном номере газеты сообщалось, что «из-за нарушения правила торговли русскими торговцами случились скандалы и беспорядки» (№ 6, 1912), в другом номере писала, что «русские всегда были склонны к угнетению других народов, поэтому увидев огромную территорию и обильные природные богатства Монголии, стали гореть желанием овладеть ими» (№ 17, 1912), «монголы боятся строительства железной дороги на территории Монголии, так как в этом случае им придется чаще встречаться и связываться с русскими» (№ 16, 1912).

Маньчжурские колонизаторы с целью укрепления своего господства в Монголии, разделили ее территорию на мелкие части, распределив между феодалами, настроенными лояльно, с правом передачи владения и титулов по наследству. Все это, по словам газеты «Правда», было сделано «для того, чтобы навязать свою волю другим, ослабить их силы, а для того, чтобы ослабить их силы, разбивать на разные части является методом, продолжающимся от времени Римского Цезаря и Китайского императора»¹⁰.

Откровенно поддерживавшая господство Маньчжурии, стоявшая против общественного прогресса и интересов страны и народа, реакционная «Газета монгольского слова» прекратила свое существование в мае 1909 г., когда финансирующая ее Маньчжурская династия попала в глубочайший политический кризис. Таким образом, закрытие этой газеты не было связано с финансовыми проблемами, а с падением Цинской империи, политику которой активно пропагандировала «Газета монгольского слова».

Одной из наиболее интересных и уникальных газет, издававшихся за рубежом на мон-

¹⁰ Правда. 1964. 5 мая.

гольском языке, являлся «Монголын сонин бичиг» («Монгольские новости»). Эту газету издавала Русская администрация Восточно-китайской железной дороги в городе Харбин. На первых порах газета выходила два раза в месяц, а с мая 1909 г. до декабря 1918 г. — еженедельно. Газета издавалась в форме книги форматом 23х40 см на 55–70 страницах, а с 25-го сентября 1912 г. — крупным форматом на шести страницах.

Уникальность этой газеты заключалась в том, что она выходила почти десять лет без перерыва, имела дополнительный номер под названием «До мирного времени Монголии» (всего было выпущено 24 номеров) и постоянно публиковала важные внутренние и международные новости, связанные с независимостью Монголии. Собственные корреспонденты газеты работали в Да Хурээ, Улиастай, Кобдо, Холонбуйр, также она впервые организовала свои корреспондентские пункты в Да Хурээ и других местах и всем членам корпунктов выдавала зарплату в размере 30 тугриков, а самое главное — до начала Первой мировой войны газета активно проповедовала демократические идеи в вопросах Монголии, внесла значительный вклад в возрождение национального сознания и воспитание монгольских читателей в духе борьбы против иноземного господства. Следует отметить, что впервые монгольские интеллигенты работали в этой газете.

«Монгольские новости» кроме постоянных передовых и критических статей имели такие рубрики, как «Новости Да Хурээ», «Сообщение из Монголии», «Новости из Китая», «Новости из России», «Новости из Маньчжурии», «Международные новости» и «Телеграфные новости». Позже газета открыла новые рубрики — «Важные новости», «Древние исторические хроники России», «Советы о хозяйстве и работе», «Новости больших битв Европы», а с 1916 г. в каждом номере под рубрикой «Новости столицы Хурээ» публиковала законы, в том числе «Законы Монголии, утвержденные указом». Издатели распространяли газету по всей территории Монголии через своих представителей: князя, чиновники, должностные лица получали ее бесплатно, а простые граждане покупали в специально организованных ларьках в Хурээ.

Когда в Монголии стало набирать силу национально-освободительное движение, началось возрождение национального сознания, империалистам было недостаточно проводить свою захватническую и агрессивную политику,

опираясь только на военную силу, поэтому им необходимо было использовать идеологическое оружие. Именно в такой ситуации правительство России решило издавать газету в городе Харбин, выделив для этого необходимые средства. Цель газеты заключалась в том, чтобы «широко и полностью освещая внутренние и международные новости, помогать каждому расширить свое знание и давать возможность узнать о мировых событиях каждому читателю не выходя из дома». «Задачи издания нашей газеты “Монгольские новости”, — говорилось в первом номере от 6 мая 1909 года, — всячески поддерживать свою политику и согласовывать ее законным нормам, быстрее повышать знания монголов, помогать многим монголам, чтобы они в кратчайший срок стали богатыми и здоровыми». На самом деле главная цель царского правительства, выделявшего для издания газеты огромные деньги, заключалась в защите интересов царской России, завуалировании проводимой на Дальнем Востоке захватнической, агрессивной политики. Есть другая версия, что царская Россия активно используя расширение национально-освободительного движения, ненависть монголов к маньчжурским захватчикам, прежде всего стремилась к увеличению доходов хозяев российских торговых и производственных организаций в Монголии и расширению господствующего влияния России в Центральной Азии.

С другой стороны, для России необходимо было конкурировать с «Газетой монгольского слова», издаваемой китайцами в Гирине и использовать свою газету в качестве идеологического оружия. Но в «Монгольских новостях» по сравнению с «Газетой монгольского слова» было множество преимуществ: Россия имела хорошую типографическую базу и свинцовое клише монгольских букв, было немало ученых-монголоведов, журналистов, хорошо знавших обычаи монголов, для газеты работали многочисленные информационные центры, оперативно снабжавшие внутренними и международными новостями. Кроме того, положительное влияние оказало на качество газеты то обстоятельство, что по приглашению российской стороны в «Монгольских новостях» работали образованные, хорошо владевшие литературным языком интеллигенты из Внешней и Внутренней Монголии.

Одна из причин популярности этой газеты в Монголии заключается в том, что широко развернувшееся в то время национально-освободительное движение монголов против

маньчжурского господства как раз совпало с политикой царской России, которая стремилась отдалить Монголию от Китая и приблизить первую к себе. Также пропаганда сущности и особенностей буржуазно-демократических революций, развернувшихся в России и Китае, имела важное значение в идеологической подготовке борьбы против маньчжурско-китайской колонизации за национальную независимость.

Газета откровенно поддерживала идеологию буржуазно-демократической партии и часто публиковала материалы о ее борьбе и о методах работы. Также в газете особое место занимали публикации, посвященные проблемам национально-освободительного движения и критике монгольского феодализма.

Как уже было отмечено выше, газета выходила на протяжении более десяти лет. За это время произошли большие изменения в общественной жизни России и Монголии. Главными трансформациями в жизни читателей этой газеты являются освобождение окраины Маньчжурской империи от колониальной зависимости, развитие национально-освободительного движения, установление автономии в Монголии и подготовка к Аратской революции под влиянием Октября. В социально-политической жизни России произошли такие судьбоносные события, как новая волна революционного движения, империалистическая Первая мировая война, Февральская буржуазная революция 1917 г., победа Октябрьской социалистической революции и борьба за укрепление Советской власти. Эти исторические события, произошедшие в жизни двух стран, не могли не оставить глубоких следов и в судьбе газеты «Монгольские новости».

В связи с вышеназванными событиями содержание публикаций газеты «Монгольские новости» подвергалось большим изменениям, которых можно рассмотреть в трех общих аспектах. Во-первых, газета от первой революции в России до первой империалистической войны широко освещала вопросы, связанные с российской революцией, освещение монгольских вопросов выделялось демократическим подходом и издатели неукоснительно придерживались этого направления. Во-вторых, от начала Первой мировой войны в 1914 г. до Октябрьской революции внимание газеты к монгольским вопросам стало постепенно ослабевать, она начала защищать и возносить империалистическую войну царской России, основное место занимали материалы о событиях на фронте и все это оказало отри-

цательное влияние на качество публикаций. В-третьих, после Октябрьской социалистической революции газета полностью перешла в руки белогвардейцев и в конечном итоге закрылась.

Харбинская газета, начиная с первого номера, активно агитировала цель издания. Газета писала, что она призвана повысить знание эксплуатируемых масс, пропагандировать демократическую идею, искоренить недостатки, распространить положительные примеры и часто отмечала о необходимости сопротивления эксплуатации китайцев, призывала обратить внимание на развитие образования и культуры, в особенности на преобразование армии, пригласить специалистов из зарубежных стран, обучать молодежь в разных учебных заведениях, разводить скот и в полной мере получать скотопродукты, продавать их на рынке, организовать кооперативы, использовать природные богатства, сеять и молотить зерно. Но предварительные объяснения о планируемых комментариях и критических материалах не дали возможности найти общий язык и достичь хороших взаимоотношений с монгольскими феодалами и маньчжурско-китайскими правителями. Монгольские феодалы откровенно проявили недовольствие критике газеты и призывали народ не покупать и не читать ее, не верить «вымышленным, ложным публикациям, клевете газеты» (№ 55, 1917).

Даже Богдо-гэгэн, возмущенный критическими выступлениями газеты, принял указ о необходимости «основательно, тщательно и критически относиться к материалам Харбинской газеты, а также “Столичной газеты” и читать с осторожностью» (№ 39, 1913). Однако власть имущие не запретили распространения газеты в Монголии и не подвергали уничтожению ее номеров. Это объясняется тем, что раньше в Монголии не издавались периодические печати, не было опыта и практики по использованию преимуществ газеты и запрещению ее издания, также не было понятия о воздействии прессы на народные массы, сущности и значении периодической печати. Кроме этого, газету издавали русские, а Автономия находилась под протекторатом России.

Газета «Монгольские новости» хотя и не смогла повлиять на монгольских читателей в хозяйственном и культурном отношении, она оказала огромное политическое и идеологическое воздействие. Главное значение газеты заключается в том, что она внесла значительный вклад в возрождение национального сознания

и воспитание монгольских читателей в духе патриотизма и борьбы против агрессоров.

«Монгольские новости» отличались богатством содержания и разнообразием формы своих материалов от газет, которые ранее издавались на монгольском языке. Под более чем десятью рубриками публиковались краткие и расширенные новости, заметки, интервью, критические статьи, сатирические рассказы, зарубежные новости, торговые объявления, фотографии и рисунки, посвященные разным аспектам общественной жизни того времени. Газета особое внимание обращала на оперативное освещение внутренних событий страны.

Одной из причин популярности газеты среди монгольских читателей является то, что она большое внимание уделяла буржуазно-демократическим взглядам, чем политике колонизации царского правительства. Работы по изданию газеты постепенно перешли от русских демократов в руки монгольских интеллигентов, придерживающихся патриотических и демократических взглядов. Даже из неполного списка работавших в этой газете людей можно получить определенное представление о направлении газеты. Среди работавших в этой газете были Алмас-Очир, граф Хайсан из хошуна Харчин Внутренней Монголии, которые ненавидели маньчжурскую колонизацию и стремились создать независимую, объединенную Монголию. В последние годы редактором Харбинской газеты работал Ц. Цэдэн-Иш из Агийнского округа Бурятии. Также в конце 1911 г. по специальному договору из Хурээ работали интеллигенты-патриоты Б. Намсрай (Намсрайжав), Д. Намсрай и Далхжав, которые в основном участвовали в литературной и корректурной работах газеты. Б. Намсрай был опытным, талантливым журналистом в первые годы народного правительства, работавшим ответственным секретарем центрального партийно-правительственного органа. Д. Намсрай в годы народного правительства работал в государственных печатных организациях и преподавателем в школах. Монгольские чиновники, которые работали в Харбинской газете, были хорошо образованными людьми, владевшими русским, японским, китайским и маньчжурским языками. В издании «Монгольских новостей» с первых годов активно участвовали известные журналисты столицы Хурээ Бадрахбаатар, Д. Бодоо, Ж. Цэвээн. Бадрахбаатар возглавлял корреспондентский пункт газеты в Хурээ и совмещал работу официального представителя газеты. Д. Бодоо и

Ж. Цэвээн постоянно писали о внутренней жизни Монголии и остро критиковали зверские, жестокие поступки и отсталые, невежественные обычаи феодалов и аристократов.

Монгольские чиновники, работавшие в газете, умело используя конкуренцию во внешней политике России и Китая относительно Монголии и демократические взгляды чиновников и князей, отвечавших за издание русской газеты Харбина, активно писали о независимости Монголии и осуждали маньчжурское господство, постоянно публиковали критические и проблемные материалы об отсталости феодальной Монголии, поднимали острые политические вопросы, касавшиеся внутреннюю жизнь Монголии. Вся работа в газете, начиная со сбора информации до выпуска очередного номера, проходила через руки монголов, поэтому монгольские чиновники сравнительно свободно публиковали свои материалы.

Редакция газеты, кроме совместной работы корреспондентов, имела довольно широкие связи и с монгольскими читателями, другими газетами, выходившими в Монголии, и с другими организациями разных направлений. Монгольские чиновники работали в газете по специальному договору, а русские журналисты часто ездили в Монголию по командировкам. При редакции газеты была бесплатная школа для монгольских, китайских и маньчжурских детей, а типография газеты по своей инициативе издавала учебники для этой школы. Кроме того, типография по заказу верующих большими тиражами печатала и распространяла шестисловую мантру бодхисатвы. Все это показывает, что редакция газеты старалась поддерживать всестороннюю связь с Монголией.

Монгольские чиновники, работавшие в газете, широко распространяли ее номера по всей территории Монголии и очень активно использовали трибуну прессы для непрерывной пропаганды идеи реформирования страны. Глава Автономного правительства Богдо-гэгэн к этим вопросам относился очень толерантно и проводил сдержанную политику. Харбинская газета о воинствующей политике Богдо-гэгэна в основном сообщала без всяких комментариев или пропускала молчаливо, вообще, с большой осторожностью относилась к вопросам монголо-российских отношений.

Работники газеты «Монгольские новости» особое внимание обратили на полезность и значение публикуемых материалов для монгольских читателей. Газета имела большую роль в просвещении монгольских читателей,

живших в замкнутом круге и почти не имевших представления о международной обстановке и странах мира.

Хотя в публикациях «Монгольских новостей» иногда наблюдалось искажение действительности общественной жизни того времени, в целом эта печать по сравнению с буржуазными газетами имела демократическое направление и публиковала много полезных, имевших важное значение для монгольских читателей материалов. Газета через свои публикации выражала интересы царского правительства и русских империалистов. Этим объясняется отсутствие материалов о рабочих движениях в странах мира.

Начиная с июня 1916 г., в Харбинской газете резко сократились материалы о Монголии, а в публикациях стали преобладать агрессивные идеи империалистов. Это прежде всего связано с тем, что монгольские журналисты, являвшиеся главными проводниками демократических идей газеты, постепенно возвращались на Родину, со значительным уменьшением количества материалов, передаваемых из Монголии в Харбинскую газету. Журналисты, штатные корреспонденты отдали предпочтение демократической прессе «Нийслэл Хурээний сонин бичиг» («Столичные новости»), которая издавалась в Хурээ. Кроме того, газета мало внимания уделяла политическим и общественным вопросам Монголии или сообщала о них с большим опозданием, поэтому постепенно снижался интерес читателей к этой газете. На Харбинскую газету отрицательно повлияли таких два фактора, как оторванность от жизни монголов и ее цель непременно пропагандировать экономическую политику царского правительства России.

Газета активно стала поддерживать и всячески одобрять буржуазную революцию 1917 г., политику и фальшивые обещания Временного правительства, вследствие чего резко отклонилась от своего традиционного направления и основных принципов и даже увлеклась материалами клеветнического характера. Также газета ни словом не обмолвилась об Октябрьской социалистической революции и умолчала о знаменитых декретах Советской власти. Газета всячески осуждала деятельность российских коммунистов, назвав их «мятежниками и угробителями державы».

Газета «Монгольские новости» в самые последние годы своего существования попала в руки атамана белогвардейцев Семенова, провозгласившего себя «Храбрым героем, са-

мым честным человеком монголо-бурятского происхождения» (№ 265, 1918) и стала публиковать его так называемые «объявления» и «извещения». Таким образом, газета, поддерживавшая демократические идеи и передававшая правдивую информацию, перейдя в руки ненавистного врага народа, отступила от своих традиционных ценностей и правильного направления и превратилась в рупор реакционных сил. Вскоре газета была вынуждена закрыться из-за дефицита журналистов и резкого сокращения читателей и заказчиков.

Значение этой газеты для монгольских читателей заключается в том, что она в условиях феодальной отсталости Монголии в течение длительного времени стояла на буржуазно-просветительской позиции и в большинстве случаев через русских демократов попадала в руки монгольских интеллигентов, придерживавшихся патриотических взглядов, и стала трибуной пропаганды их демократических идей. Также газета оказала значительное влияние на рост национально-освободительного движения в Монголии, осознание монгольскими читателями своей действительности, развитие периодической печати, усовершенствование форм подачи информации, расширение тематического диапазона газетных публикаций и подготовку национальных журналистов, опытных специалистов печати в нашей стране.

Газета «Монгольские новости», довольно подробно освещавшая общественную жизнь нашей страны этого насыщенного, тяжелого периода, оставила ценные исторические документы и оказала положительное влияние на возникновение революционной печати в Монголии. Кроме того, газета сыграла большую роль во всестороннем обличении сущности маньчжурско-китайской колониальной политики, защите концепции независимости Монголии, активной пропаганде демократических идей русских интеллигентов и в повышении национального и общественного сознания монгольского народа.

С августа 1911 г. в Пекине издавалось еще одно периодическое издание — «Монгол ер угийн сэтгүүл» («Журнал обычного монгольского слова») — на монгольском и китайском языках. Если «Газету монгольского слова» издавала областная администрация маньчжурского правительства в Гирине, то издателем этого ежемесячного журнала являлось непосредственно центральное государственное ведомство в Пекине. Журнал, который пропагандировал деятельность Министерства мон-

голо-тибетских дел, выпускался в форме монгольской книги форматом 17x21 см, объемом в 90–100 страниц, на его первой полосе было помещено изображение пятицветного флага Китайской республики.

Так называемая Китайская республика пяти наций, провозглашенная после ликвидации Цинской империи, проводила политику, которая была направлена на сохранение прежних территорий, находившихся под господством маньчжуров. Основной причиной издания этого журнала явилось то обстоятельство, что к тому времени Внешняя Монголия в результате упорной борьбы за национальную независимость фактически стала независимой страной. Хотя лозунгом журнала была такие гуманные слова, как «Помогаем повышению знания, умножению дохода, обогащению монгола», на самом деле основная, пожалуй, единственная его цель заключалась в упразднении независимости Монголии и включении ее в состав Китая.

Из-за отсутствия в журнале адреса и названия издаваемой организации трудно определить сроки издания и общее количество изданных номеров. Основными рубриками журнала являлись «Картинки и рисунки», «Закон и объявления», «Критика», «Статьи», «Важные новости», «Ответы и вопросы», «Служебное письмо», «Специальное сообщение», «Краткие сказки». Под рубрикой «Картинки и рисунки» печатались материалы обо всех делах, связанных с монголо-китайскими отношениями и портреты руководителей разных ведомств. В рубрике «Закон и объявления» в основном помещались сообщения об изменении должностей и званий чиновников и князей, рубрика «Критика», была посвящена политической агитации, культуре и педагогике Китая. Публикации рубрики «Важные новости» информировали читателей о внешних отношениях, вопросах государственных устройств, государственных собраниях, а рубрика «Ответы и вопросы» комментировала законы и разные документы Среднего гражданского государства в упрощенном виде вопросов и ответов. В частности, ответ на вопрос «Почему Среднее гражданское государство называется Чжун Хуа Миньго?» комментировался следующим образом: «Вся территория пяти национальностей великих народов — китайцев, монголов, тибетцев, хотонов и маньчжуров называется Чжун Хуа (Срединный). А из-за уважения прав граждан называется Миньго или гражданским государством» (№ 12, 1912). На самом деле под лозунгом о равноправии этих пяти наций скрывалась

идея о властвовании китайцев над другими нациями.

Под рубрикой «Служебное письмо» публиковались сообщения о награждении феодалов и чиновников, назначении руководителей хошунов и собраний, а в «Специальном сообщении» — различные заявления, жалобные грамоты, апелляции, объявления и т. д. Сказки, рассказы, басни и другие краткие литературные произведения публиковались под рубрикой «Краткие сказки».

«Журнал обычного монгольского слова» в номерах 1912–1913 гг. особое внимание обращал на вопросы, связанные с государственной независимостью монголов. Газета неоднократно публиковала статьи, чтобы потревожить монгольских читателей. В частности, в одной из статей говорилось: «Внешнее Хурээ, так и не сумев привести в порядок и надлежащее состояние внутренние дела, проводит ошибочную политику по отношению к другим странам. Это является бессмысленным и перешедшим меру делом. Монголы призвали сами себе несчастье и беды и теперь могут упасть на дно оврага». Также журнал упорно не признавал независимость Монголии и активно пропагандировал китайскую буржуазную политику о необходимости возвращения Монголии в состав пяти наций. Вместе с тем журнал, защищая агрессивную политику Китая о господстве в Монголии, отмечал, что Монголия зависимая страна, поэтому находиться в составе Китая для нее является полезным и правильным, Монголия может процветать только благодаря безвозмездной помощи и поддержке Гражданского государства.

Издатели «Журнала обычного монгольского слова» на словах защищали интересы малых стран и народов, на самом деле они преследовали совсем другую цель. Публикации журнала являлись продолжением агрессивной политики Цинской династии противостояния усилившемуся влиянию царской России в Монголии, переселения китайцев на самые плодородные земли Внешней Монголии, усиления китайской торговли и эксплуатации при помощи займов под высокие проценты, разорения скотоводов и расхищения богатства с конечной целью китайизации монгольской нации и установления своего вечного господства на монгольской земле.

Литературные публикации журнала были тесно связаны с общественно-политическими событиями того времени и согласовывались с интересами китайского буржуазного класса. В разных сказках Монголию показывали в об-

разе одинокого, необщительного, непослушного ученика, в конце концов понявшего благодаря усилию наставника ценность совместного труда и коллектива.

Если ранее издававшаяся «Газета монгольского слова» пропандировала Монголию быть честным слугой маньчжурского императора, то «Журнал обычного монгольского слова» наставлял монголов находиться под господством китайских феодалов и диктаторов. Такие публикации журнала ярче всех других изданий того времени выражали беспринципные, агрессивные и коварные идеи китайских правителей.

Наглядным примером интенсивно развивавшегося национально-освободительного движения на монгольской земле, которое охватило широкие народные массы являлись свержение Цинского ига, изгнание из Хурээ маньчжурского губернатора, разоружение маньчжурского гарнизона, освобождение Кобдо в результате упорных боев с участием многочисленных аратов. В такой ситуации китайские князья и чиновники, желавшие путем грабежа богатств Монголии укрепить свои позиции, скрывали свою агрессивную политику под такими фальшивыми словами, как «дружба пяти наций», «равноправие», лелея в душе восстановить утраченное господство. Китайских империалистов и феодалов особо интересовали огромные природные ресурсы монгольской земли, большой рынок реализации товаров и сырья. Они пообещали монгольским феодалам оставить им их прежние титулы и власть, чтобы затем с помощью светских и духовных феодалов подавить национально-освободительное движение и колонизировать монгольский народ. Для выполнения этой цели в Пекине было организовано Министерство монголо-тибетских дел, деятельность которого постоянно одобрял «Журнал обычного монгольского слова», подчеркивая, что резко улучшилась его работа. В журнале основное место занимали материалы, посвященные колониальной политике Китая, в которых много говорилось о переселении китайцев на монгольскую землю, политике китаизации монголов, необходимости жить вместе с китайцами, а не с другими нациями, правильности и дальновидности политики китайских правителей.

Журнал в каждом своем номере неотвязно хвалил политику, так называемый «Новый курс» китайского правительства, цель которого якобы заключалась в улучшении жизни монголов, развитии в Монголии земледелия и

сохранении безопасности границы. На самом деле, «Новый курс» преследовал совершенно другую цель.

«Международно-правовое положение Монголии, превратившейся в конце XVII в. в окраинную часть цинского Китая, определялось системой русско-китайских договоров и соглашений середины XIX века и китайской политикой “Нового курса” конца XIX — начала XX в., отменявшего все ограничения китайского капитала в Монголии и открывшего путь прямой колонизации монгольских земель»¹¹.

В результате «Нового курса», проведенного с 1906 г. против растущего влияния России в регионе, резко усилилось переселение китайских граждан в Монголию. Китайцы пытались взять под контроль внутренние дела всех хошунов, национализировать их имущество, осложнить деятельность станций и охранных служб, заставить население взять на себя расходы по содержанию военных казарм, которые будут построены в Хурээ, ограничить права феодалов, прекратить выдачу им жалования из казны и ограничить влияние религии. Монгольские же феодалы считали, что все эти меры представляют собой серьезную угрозу их власти и титулам. Об этом историк Ц. Пунцагноров отметил: «В результате этих мер цинского правительства все слои монгольского населения стали противостоять политике “Нового курса”. Вся тяжесть “Нового курса” легла на плечи крепостных аратов, вследствие чего разорялось народное хозяйство. Поэтому араты, поняв то, что основой всех их страданий является маньчжурский гнет, восставали за свержение иноземного господства»¹².

«Журнал обычного монгольского слова», направленный на защиту колониального режима китайских агрессоров, бесплатно распространялся администрациям всех аймаков и хошунов, князьям и чиновникам, торговым фирмам, а также влиятельным ламам монастырей. В распространении и пропаганде этого журнала среди населения активно участвовали китайские войска и административные работники, торговцы и ростовщики.

Журнал в своих последних номерах обращал большое внимание Кяхтинскому соглашению трех стран — Китая, России и Монголии

¹¹ Монголия и Россия: вечные соседы / сост.: Г. Пүрэвсамбуу, Я. Индра. Улаанбаатар, 2009. С. 31–32.

¹² Пунцагноров Ц. Монголын автономын үеийн түүх // История автономной Монголии. Улаанбаатар, 1955. С. 31.

и цитировал из материалов «Журнала монгольской письменности для элиты» Пекинского правительства (№ 38, 1914) о том, что «Россия извлекла огромную выгоду, увеличилось количество войска, значительно усилились ее позиции», «имеет корыстолюбивую, захватническую идею».

В том журнале почти не публиковались материалы об экономической, общественно-политической жизни Монголии. Хотя журнал был посвящен монгольским читателям, он вообще не обращал внимания историческим событиям того времени. Также в журнале отсутствовали публикации, связанные с революционным движением китайского народа, внутренними противоречиями и реальной жизнью Китая, многовековым дружественным отношениям двух стран.

«Журнал обычного монгольского слова» не смог оказать значительного влияния на монгольских читателей и получить их поддержку. Это объясняется тем, что когда монгольский народ развернул интенсивную борьбу против агрессии за независимость и свободу своей страны, журнал стал проводить агрессивную политику против актуальных исторических задач и был оторван от жизни широких масс. Также журнал пользовался плохой репутацией среди населения из-за откровенной поддержки и восхваления колониальной политики Китая, которую ненавидел весь монгольский народ.

Журнал в целом имел реакционное содержание, поэтому не смог оказать серьезного влияния на политическую жизнь Монголии. Но, самое главное, журнал помог монгольским патриотически настроенным интеллигентам понять как необходима периодическая печать на монгольском языке для борьбы с агрессивной прессой колонизаторов. «Журнал обычного монгольского слова» является важным документом в исследовании общественной жизни Монголии и источником информации о монголо-китайских отношениях того времени.

Из материалов журнала можно узнать о том, что буржуазно-демократическая революция в Китае сыграла ключевую роль в победе национально-освободительного движения в Монголии, однако в скором времени захватническая политика клики китайских буржуев и помещиков, направленная на насильственное включение Монголии в состав Китая, стала чинить серьезные препятствия для существования независимой, а затем и автономной Монголии. Об этом академик Ш. Нацагдорж в монографии «Краткая история Халхы эпохи маньчжурского

господства» отметил: «Буржуазно-демократическая революция в Китае 1911 г., которая оказала влияние на национально-освободительное движение в Монголии, в своем дальнейшем развитии стала угрозой независимости Монголии»¹³. Газета также может являться важным источником, содержащим конкретные сведения об этих событиях.

Необходимо отметить, что «Журнал обычного монгольского слова», представлявший собой надежное идеологическое орудие китайских колонизаторов и имевший целью всячески воспрепятствовать борьбе монгольского народа за национальную независимость, не смог выполнить поставленную перед ней задачу.

После оккупации Монголии китайскими войсками, упразднения автономного правительства и создания так называемого Министерства для регулирования дел северо-западной окраины в Хурээ издавалась газета «Шо Фаны одрийн сэтгүүл» («Дневной журнал северного региона» — «Дневной журнал Шо Фана»). Эта газета издавалась с июня 1919 г. ежедневно форматом 23x29 см на шести страницах. Всего вышло 153 номера. Газета являлась органом Министерства для регулирования дел северо-западной окраины, цель которого заключалась в пропаганде и информировании политики китайских военных диктаторов. Газета вообще не сообщала о событиях в Монголии и за рубежом, внутренней жизни страны.

Хотя изначально планировалось печатать газету на монгольском и китайском языках, из-за отсутствия китайских иероглифов она издавалась только на монгольском языке. В действительности «Дневной журнал Шо Фана» трудно было назвать газетой, он скорее всего напоминал листок объявлений торговых организаций. Содержание печатаемых материалов имело характер приказов, запретов и различных требований, исходящих от колонизаторов и военных диктаторов.

Основную часть публикаций газеты составляли разные документы и объявления Министерства для регулирования дел северо-западной окраины и Китайского Да Чжунтуна. Среди таких материалов значительное место занимали извещения Да Чжунтуна об изменении титулов и должностей феодалов, срочные объявления для местных граждан и иностранцев, сообщения о курсе денег, ценах табака и чая,

¹³ Нацагдорж Ш. Манжийн эрхшээлд байсан үеийн Халхын хураангуй түүх // Краткая история Халхы эпохи маньчжурского господства. Улаанбаатар, 1963. С. 273.

размерах штрафа и тарифах таможни и налога. Под рубрикой газеты «Заметки о вопросах, обсуждаемых на собраниях» публиковались материалы об обязательном выполнении требований, связанных с вопросами религии, скотоводства, ведения хозяйства и служебных дел, которые были самовольно установлены Министерством для регулирования дел северо-западной окраины. Таким образом, страницы газеты были полны объявлениями о запретах, установлении строго надзора, усилении требований и т. д.

Китайские военные правители в газете «Дневной журнал Шо Фана» с большой радостью сообщали, что уничтожив автономию Монголии, создали одну семью пяти наций, устранили различия между окраинами и центральными частями страны и воссоединили далеких и близких. Газета активно защищала оккупационный режим генерала Сюй Шучжэна и писала о нем в самых радужных тонах.

Основой всех публикаций газеты были так называемые «Восемь условий для улучшения будущего», разработанные военной администрацией захватчиков после упразднения автономного правительства Монголии. Почти в каждом номере газеты повторялись фальшивые обещания о том, как военная администрация будет проводить свою деятельность гуманным методом, направленную на разведение скота, возрождение культуры, искусства, расширение торговли и совершенствование земледелия. В действительности цель «Восьми условий» заключалась в реформировании Монголии в пользу китайского торгового, производственного и финансового капитала. Однако обещания Сюй Шучжэна об улучшении условий жизни населения, опубликованные на страницах газеты, так и остались на бумаге.

Реакционные публикации на политическую тему преследовали двуединую цель: превратить Монголию в колонию и сделать монголов послушными слугами китайских господ. Газета постоянно требовала от читателей об обязательном выполнении требований и соблюдении запретов и в противном случае угрожала самыми строгими наказаниями.

«Военные диктаторы строго запретили любое упоминание об Октябрьской революции, Советском Союзе, независимости и свободе Монголии, назвав их самыми ядовитыми сплетнями»¹⁴. В одном из номеров газеты был

опубликован приказ о запрещении писать слово «Монголия» и назвала патриотов, борющихся за национальную независимость и свободу, «самовольниками», людьми «заслуживающими особого наказания».

Материалы газеты «Дневной журнал Шо Фана» дословно переводились с китайского текста, поэтому были непонятны широким массам по стилистике и языку и недоступны по содержанию. В общем газета являлась ежедневным пропагандистским орудием и листком объявлений китайских военных диктаторов, торговцев и ростовщиков.

В начале 1921 г. видный деятель Белого движения на Дальнем Востоке барон Унгерн, умело используя патриотическое движение монголов за освобождение родины от китайской военщины и насильно мобилизуя монголов в свои войска, разгромил китайцев и захватил столицу Хурээ. Разгромленные белогвардейцами китайские войска, оставив Хурээ, скрывались в Маймачене, расположенном на севере Монголии. Как раз в это время газета «Дневной журнал Шо Фана» прекратила свой выход. После закрытия газеты китайских оккупантов монгольская общественность выражала свой протест путем сожжения ее номеров.

Газета, которую издавали и насильно распространяли в течение короткого времени китайские оккупанты во главе с генералом Сюй Шучжэном, не нашла никаких успехов среди монгольского населения, так как постоянно обманывала читателей фальшивыми словами и под красивыми фразами скрывала агрессивную политику китайцев.

Первые монгольские газеты

«Шинэ толь хэмээх бичиг» («Газета, именуемая Новое зеркало»), положившая начало монгольской журналистике, являлась прессой, пропагандировавшей прогрессивные демократические идеи, с ярко выраженными просветительскими чертами.

Появление этой газеты на свет стало возможным благодаря соглашению, подписанному Министерством иностранных дел Монголии и русской дипломатической миссией в Урге (ныне — Улаанбаатар). Тот факт, что газета выпускалась под покровительством главы дипломатической миссии, отвечал интересам и монгольской, и русской сторон. Монгольская прогрессивная, патриотически настроенная интеллигенция ввиду отсталости страны остро нуждалась в материально-технической базе

¹⁴ Дэлэг Г. Монголын тогтмол хэвлэлийн түүхэн тэмдэглэл. С. 198.

для распространения печатной продукции, в частности, в типографии, российская же сторона была заинтересована в укреплении своих позиций в молодой стране, которая совсем недавно провозгласила свою государственную независимость в результате развала империи Цин. Однако, несмотря на это, «Газета, именуемая Новое зеркало», выпускалась монгольской интеллигенцией и с самого начала отличалась самостоятельностью в публикационной политике.

Выход первого номера «Газеты, именуемой Новое зеркало» 6 марта 1913 г., знаменовал собой рождение монгольской журналистики, так как газеты на монгольском языке, такие как «Жизнь на восточной окраине», «Газета монгольского слова», «Журнал обычного монгольского слова», «Монгольские новости» и «Дневной журнал Шо Фана» финансировались и издавались исключительно колонизаторами или империалистическими державами. Первые четыре номера газеты были выпущены форматом 23x15 см и имели 50–60 полос, что делало их больше похожими на журналов. Следующие же 16 номеров печатались форматом 34x26 см и имели 6–10 полос. Исходя из этого, некоторые монгольские исследователи небезосновательно считают, что «Газета, именуемая Новое зеркало» одновременно положила начало отечественной периодической прессе — журналу и газете. Всего же было выпущено 20 номеров газеты одноразовым тиражом в 500 экз. и распространялись бесплатно служащим государственных учреждений. Кроме того, некоторая часть тиража поступала в киоски для розничной продажи.

Современные исследователи истории монгольской журналистики единодушны во мнении, что «Газета, именуемая Новое зеркало» представляла собой яркий пример свободной прессы¹⁵. До сих пор не найдено каких-либо достоверных источников, подтверждающих о финансировании первых отечественных газет правительством Богдо-хана в годы суверенитета и автономии. О самофинансировании и, как следствие, финансовых трудностях говорит тот факт, что редактор газеты Ж. Цэвээн (Цыбен Жамцаранович Жамцарано) упоминал о нехватке средств для печатания серии брошюр о возникновении и развитии Земли, различных природных явлениях, движении небесных тел и т. д.

Хотя «Газета, именуемая Новое зеркало» появилась на свет как детище соглашения, подписанного Министерством иностранных дел Монголии и русской дипломатической миссией в Урге, редактор Ж. Цэвээн и его сподвижники — Д. Бадрахбаатар, Б. Намсрай, С. Буяннэмэх и др. — с самого начала привили своему изданию самостоятельность и независимость. Более того, в актуальных, принципиальных вопросах газета занимала оппозицию по отношению к правительству и подвергала его деятельность конструктивной критике. В частности, недальновидность политики богдо-ханского правительства, продажность и некомпетентность министров и высших должностных лиц, игнорирование ими интересов народа являлись объектами острой критики со стороны «Газеты, именуемой Новое зеркало». Эта непримиримая позиция неоднократно вызвала недовольство власть имущих — черных и желтых феодалов, т. е. аристократии и духовенства, которые обращались с жалобами к самому Богдо-хану. Что касается правовой среды, то необходимо принять во внимание политическую ситуацию того непростого времени. Отсутствовало какое-либо правовое регулирование, так как молодая страна к моменту выхода первой национальной газеты не успела разработать не только закон о печати, но и Конституцию. Однако такая ситуация благоприятствовала ведению газетного дела.

«Газета, именуемая Новое зеркало» с первых номеров уделяла большое внимание освещению проблем независимости страны и всего, что тормозило экономическое развитие и обуславливало ее отсталость, и призывала народ к отстаиванию национального суверенитета. В то же время газета информировала обо всех достижениях в области народного хозяйства и положительных мероприятиях, проводимых богдо-ханским правительством. В частности, газета с восторгом сообщала о решении правительства о реорганизации монгольской армии по европейскому образцу, которое оно приняло под давлением прогрессивных деятелей. Также деятельность надлежащих министерств по улучшению использования природных богатств, обработке сырья сельскохозяйственно-го происхождения, создании и поощрении мелких предприятий, открытие государственной школы при Министерстве иностранных дел по инициативе министра Чин-вана Ханддоржа, обучение детей в Иркутске и Кяхте и т. п. нашли восторженный отклик у первых отечественных журналистов.

¹⁵ Зулъякафиль М. Орчин үеийн Монголын сэтгүүл зүй // Современная Монгольская журналистика. УБ, 2007. С. 258–259.

Журналисты газеты сами являлись инициаторами многих прогрессивных идей. Из-под их пера вышло множество статей, призывавших к принятию мер по развитию экономики страны, рациональному использованию природных ресурсов, введению в обращение национальной валюты, расширению взаимовыгодной внешней торговли и т. д. В этих статьях журналисты подробно останавливались на достижениях таких экономически развитых стран, как Англия (Ангали), Германия (Германи), Франция (Францус), Голландия (Голанди) и Россия (Орос).

Однако со временем обнажилась неспособность богдо-ханского правительства к управлению страной и тогда позиция «Газеты, именуемой Новое зеркало» переменялась кардинальным образом. Ж. Цэвзэн в статье «Анализируя ситуацию в Монголии», опубликованном в № 4, апеллирует к Богдо-хану обратить высочайшее внимание на министров и высокопоставленных чиновников, получивших от хана милости, титулы и жалование, но забывших свой долг и наживавших немалые богатства на страданиях народа.

На первых порах газета одобрительно отзывалась о созданном в 1914 году Верхнем и Нижнем хурале (собрании), которые напоминали двухпалатный парламент. В последнем же номере газеты Д. Бадрахбаатар подвергает критике Верхний и Нижний хуралы, в которых заседает несколько десятков государственных мужей, но реальная власть при вынесении решений сосредоточена в руках нескольких человек, руководящих собраниями диктаторскими методами.

«Газета, именуемая Новое зеркало» уделяла большое внимание вопросам просвещения, так как считала, что образование и культура играют не последнюю роль в развитии страны. Одной из главных головных болей журналистов во главе с Ж. Цэвзэном являлась экономическая и культурная отсталость Монголии, невежество народа. Так, в статье «О состоянии государственной школы Монголии» (№ 7, 1914) сообщалось, что после отъезда министра Ханддоржа в Санкт-Петербург в качестве посла государственная школа при Министерстве иностранных дел, призванная готовить кадры для отечества, пришла в упадок: учащиеся голодают и стали подверженными болезням, с преподавателями перестали считаться, а обеспечение продовольствием и необходимыми вещами оставляет желать лучшего.

Газета последовательно защищала государственную независимость Монголии, уде-

ляла большое внимание вопросам обороноспособности страны и остро критиковала все, что подрывало ее. Статья «О коварных людях, желающих разрушить государственность Монголии» (№ 14, 1914) обрушилась со справедливой критикой на продажных монгольских аристократов и чиновников, которые ради собственной выгоды готовы предать национальные интересы. Для журналистов этой газеты, являвшейся истинным оплотом суверенитета, не существовало таких высот, которых нельзя было разоблачить и подвергнуть критике. Укрепление независимости было одним из главных тем газеты. Для этого, писала газета, необходимо создать истинно демократическое, справедливое правительство, народ должен стать просвещенным и образованным и как единое целое стремиться к упрочению позиций, достигнутых в результате Национальной революции 1911 г. «Газета, именуемая Новое зеркало» писала, что Китай лелеет желание вернуть Монголию под свое господство, чтобы хозяйничать по своему усмотрению, в то время как Россия хочет видеть ее независимой. Однако нельзя сказать, что газета занимала русофильскую позицию. Газета остерегалась, что Россия желает превратить Монголию в буферное государство, превратить в рынок сбыта собственных товаров.

На протяжении всего периода своего существования «Газета, именуемая Новое зеркало» зорко следила за внешнеполитической ситуацией страны. Переговоры между Россией и Китаем относительно будущего Монголии вызвали неподдельный интерес журналистов. Когда стало известно, что Китай согласен признать право Монголии на самоуправление, на ее право распоряжаться своей промышленностью и торговлей и не вводить в страну свои войска и граждан, газета опубликовала полный текст ноты протеста монгольского правительства к правительствам России и Китая с осуждением этого решения. Монголия, говорилось в ноте, не согласится с автономией и требует полной независимости. Не с проста газета в своем первом же номере опубликовала текст Договора о дружбе между Россией и Монголией, подписанного 21 октября 1912 г., в котором говорилось: «Царское правительство Великой России обязуется содействовать защите государственной независимости Монголии».

Статья «Нижняя палата Российского парламента обсудила монгольские дела» (№ 13, 1914) подробно описывает заседание Государственной думы Российской империи. Министр

иностранных дел С. Сазонов перед депутатами заявил, что Россия верна своему долгу и готова помочь Внешней Монголии как того требует Договор о дружбе, но раскритиковал просьбу богдо-ханского правительства содействовать освобождению Внутренней Монголии, находящейся в составе Китая. С. Сазонов, в частности, заявил, что Внешняя Монголия слишком переоценивает собственные силы и военный потенциал, не в состоянии привести в порядок даже внутренние дела, а желает помериться силами с Китаем из-за Внутренней Монголии. Публикация этой статьи имела свои резоны. Газета ссылаясь на грамоту с прошением от жителей Внутренней Монголии, в котором они настойчиво просили помочь в воссоздании Монголии в ее исторических границах. По мере того, как Китай все громче и громче заявлял, что Внешняя Монголия является ее неотъемлемой частью, «Газета, именуемая Новое зеркало» занимает все больше и больше русофилскую позицию, при возможности упоминая о Договоре 1912 г. В статье «О стремлении превратить Монголию в колонию» (№ 10, 1914) газета с гневом обрушилась на китайских империалистов, которые считают Монголию составной частью Среднего государства и горели желанием насильно китаизировать монголов.

Недовольные публикационной политикой газеты аристократы и высшее духовенство не раз жаловались по этому поводу Богдо-хану с просьбой запретить ее дальнейшее издание. Это наглядно демонстрирует независимый характер «Газеты, именуемой Новое зеркало», которая занимала оппозиционность по отношению к продажному правительству, влиятельным феодалам и ламам, всегда готовыми проигнорировать интересы народа. О том, что газета вызывала большое недовольство духовенства, которое считало, что она публикацией материалов, противоречащих с религиозным основами, поколебала веру широких масс, в свое время отмечал И. Я. Коростовец, возглавлявший русскую дипломатическую миссию в Урге¹⁶.

В газете такие крупные материалы, как статьи, занимали ведущее место, а новости играли вспомогательную роль и в большинстве случаев не имели заголовков и печатались под рубриками «Сообщение», «Хроника», «Разные новости», «Новости, полученные по телегра-

фу». Если конкретная новость и имела заголовок, то он не был совсем похожим на современный: «Новость, полученная по телеграфу 21 числа шестого месяца по лунному календарю», «Новость, полученная по телеграфу 1 числа седьмого месяца по лунному календарю» и т. п.

«Газета, именуемая Новое Зерцало» являлась истинным защитником народных интересов и в то же время разобличителем всевозможных злоупотреблений служебным положением. Газета могла как и критиковать высокопоставленного чиновника, так и защитить простого китайца если это требовалось. В одном из номеров мы читаем: «Если поинтересоваться повседневной жизнью на рынке Хурээ, то следует сказать, что полицейским чужда справедливость: они не в состоянии задержать вора, а вместо этого связывают ремнем пострадавшего. Недавно китаец-умелец задержал монгольских пацанов, которые украли у него несколько топоров и хотел отнять у них свою вещь, но полицейские прибыли на место происшествия, связали китайца, а воров отпустили. Такие недостойные происшествия происходят на каждом шагу»¹⁷.

В 1914 г. богдо-ханское правительство нашло благоприятный повод для закрытия газеты, отправив его главного редактора Ж. Цэвэна на трехсторонние переговоры в Кяхту¹⁸. Тот факт, что одна из статей последнего, двадцатого номера газеты, заканчивалась следующей припиской «О дальнейших приключениях узнайте из следующего номера», говорит о многом. «Газета, именуемая Новое зеркало», положившая начало монгольской журналистике, сыграла неоценимую роль в защите государственной независимости, просвещении народных масс и в разоблачении продажной сущности богдо-ханского правительства и реакционной политики китайских милитаристов.

Первый номер газеты «Нийслэл Хурээний сонин бичиг» («Столичные новости») вышел в свет год спустя после закрытия «Газеты, именуемой Новое зеркало», 1 сентября 1915 г., и издавался до 23 января 1920 г. После заключения 25 мая 1915 г. в Кяхте трехстороннего российско-китайско-монгольского соглашения, объявившего Монголию автономией, Ж. Цэ-

¹⁷ Чойсамба Ч. Особенности новостей «Газеты, именуемой Новое Зерцало»: докл. на теоретико-практ. конф., посвященной 100-летию журналистики Монголии. 4 марта 2013 г.

¹⁸ Дэлэг Г. Монголын тогтмол хэвлэлийн түүхэн тэмдэглэл. С. 106.

¹⁶ Коростовец И. Я. Чингис хаанаас Зөвлөлт улс хүртэл // От Чингис хана до Советской республики. Ула-анбаатар, 2004. С. 251–252.

взэн стал выпускать другую газету, ставшую продолжением «Газеты, именуемой Новое зеркало». Об этом прямо указывалось во втором номере газеты.

Хотя «Столичные новости» печатались в типографии представительства царской России в Урге в соответствии с соглашением, заключенным между Министерством иностранных дел Монголии и русским консульством, а некоторыми номерами заведовал чиновник А. П. Хионин, они выделялись независимой публикационной политикой и имели собственную точку зрения на многие актуальные вопросы.

Газета «Столичные новости», как и ее предшественница, широко и подробно освещала внешнюю и внутреннюю политику страны, политическую, культурную и духовную жизнь, вопросы хозяйства, искусства, литературы и нравственности, однако, по сравнению с ней, явилась более опытным и умудренным средством массовой информации.

В издании газеты непосредственное участие принимали такие прогрессивные и образованные интеллигенты, как Ж. Цэвээн, один из лидеров Аратской революции 1921 г. Д. Бодоо, а также Д. Бадрахбаатар, Б. Дорж, Д. Ээндэн, Н. Намсрай, Н. Жанцансамбуу, русские революционеры М. И. Кучеренко и В. Я. Кондаков. Наличие таких журналистов оставило неизгладимый след на газетные выступления, которые выделялись смелостью и принципиальностью. Газета имела свои корпункты в Кобдо, Улиастай и других населенных местах и разветвленную сеть активистов, получала иностранные новости от Ведомства по делам связи и почты, что значительно повышало оперативность и достоверность ее информации.

Газета «Столичные новости» имела яркую демократическую, прогрессивную направленность, последовательно защищала интересы народа, вела бескомпромиссную борьбу с феодалской отсталостью, вседозволенностью аристократии и высшего духовенства и бесправием простых граждан. Журналисты газеты критически относились к политике правительства автономной Монголии и постоянно напоминала власть имущим, что расцвет или упадок государства в первую очередь зависит от политики, проводимой по отношению к собственному народу. В частности, газета громко и требовала упразднения законов и допросов с пристрастием, которые использовались еще с эпохи маньчжурского господства, и утверждения новых законов в соответствии с требованиями времени. Также «Столичные

новости» ратовали за предоставление женщинам равных возможностей для получения образования, наглядно иллюстрировали их бесправие и незавидное положение.

Критические, изобличающие выступления газеты выделялись безбоязненностью и целенаправленностью. В статьях, опубликованных под рубрикой «Критика», говорилось о том, что Шанзав и Да лама решают важные государственные дела, не выходя из дому и руководствуясь замечаниями и советами «знающих людей», поэтому допускают много ошибок и несуразностей, что граф Барайшир из Сэцэн-ханского аймака, вступив в сговор с влиятельным ламой из ханского дворца, ввел в заблуждение самого Богдо-хана и скрыл свой проступок и апелляцию бедняков своего хошуна, что вместо главного казначея Ганданского монастыря Моржава, укравшего деньги из кассы, осудили невинного человека и казнили и многое другое.

Газета была в центре всех злободневных событий во внутренней жизни страны. «Столичные новости» были обеспокоены беспорывным уменьшением населения страны, увеличением количества беспризорных детей-бродяг, ростом цен на товары широкого потребления и заболеваемости, вызванной массовым ухудшением условий жизни.

Как писала газета, государственным строем, наиболее всего устраивающим народ, является республика. Республиканский строй примечателен тем, что выбранные из народа самые достойные люди образуют правительство и правят государством в течение конкретного срока, после чего передают свои полномочия. Глава правительства отчитывается перед народным собранием, состоящим из представителей широких слоев населения. Если собрание сочтет деятельность правительства недостаточной или антинародной, то оно вправе потребовать и добиться отставки главы правительства и его министров. Чем образованнее народ, тем полезнее для республиканского строя. Все эти положения были для монгольских читателей новинкой.

Если «Газета, именуемая Новое зеркало» выходила в годы существования суверенной Монголии, то «Столичные новости» издавались во времена автономии, что оказало большое влияние на их публикационную политику. Несостоятельность богдо-ханского правительства, изменническая политика его министров, возросшие аппетиты китайских милитаристов привели к тому, что угроза потери самоуправления в ближайшем будущем стала реальной.

Поэтому газета повела решительную борьбу за сохранение автономной власти и сделала многое для изобличения империалистической политики Китая. Она не скрывала, что для этого нужно опираться на Россию, но отмечала, что нужно быть бдительным. В 1915 г., когда на полях Европы сражались армии империалистических держав, «Столичные новости» писали: «Если успех будет сопутствовать соседней России, уже ставшей нам дорогим братом, то это обернется благом для Монголии» (№ 13).

Однако нельзя сказать, что все публикации «Столичных новостей» политического характера отличались смелостью и прямолинейностью. Иногда газета была вынуждена отказаться от прямой критики и использовать иносказание, сатиру и другие методы, исходя из характера обличений, политической ситуации в стране и т. д. При этом газета четко следовала выбранной однажды линии: интересы народа, вопросы государственной независимости превыше всего. Поэтому она не стеснялась и не боялась при необходимости подвергнуть критике самого Богдо-хана. В частности, газета писала: «Богдо-хана возвели на престол, проявив почтение к религии, а не для того, чтобы духовенство стало принимать участие в решении политических вопросов». Авторы этих статей использовали псевдонимы, которые в большинстве случаев состояли из начального слога их имен. Так, Бадрахбаатар печатался под псевдонимом Ба, Магсар — Ма, Бодоо — Бо и т. д.

Журналисты «Столичных новостей» на страницах газеты выдвигали интересные, перспективные предложения. Газета писала, что на каменноугольной шахте Налайха, расположенной на территории Дархан-цзиньванского хошуна Тушээт-ханского аймака, не хватает рабочих рук, поэтому следует отменить смертную казнь для осужденных и использовать их и других заключенных, отбывающих наказание, в качестве рабочей силы для добычи угля. Кроме того, пользуясь тем, что Мировая война закончилась, начать переговоры с Россией для постройки железной дороги, соединяющей Налайх и Хурээ.

В целом, «Столичные новости» вполне реально и подробно освещали внешнюю и внутреннюю политику правительства автономной Монголии и явились проводником прогрессивных, демократических идей. Газета также в первую очередь ратовала за независимость страны и боролась за права народных масс, за их образование и просвещение. Этим объясня-

ется одобрительное отношение читателей к газете, которые поддерживали публикационную политику и написали множество восторженных писем к Ж. Цэвээну¹⁹.

Кроме того, газета значительно обогатила опыт монгольских журналистов по изданию периодической прессы и, самое главное, представляла собой наглядный пример проведения гибкой политики для борьбы с реакционными силами в тяжелых внешне- и внутривнутриполитических условиях. В газете публиковались новости, отчеты, сатирические стихотворения и произведения, басни, пожелания, оды, письма читателей, критические и проблемные статьи, что свидетельствует о разнообразии жанров.

Произведения Л. Н. Толстого, И. А. Крылова, А. С. Грибоедова и других русских и европейских писателей, которые печатались в «Столичных новостях», оказали большое влияние на просвещение монгольских читателей.

Газета «Столичные новости» прекратила свой выход в связи с китайской оккупацией Монголии, однако сыграла выдающуюся роль в дальнейшем развитии отечественной журналистики.

Революционная нелегальная печать

Политика китайских колонизаторов вызвала резкое недовольство у всех слоев населения Монголии. Уже осенью 1919 г. стали в условиях подполья печататься и распространяться агитационные листовки революционеров, поставивших целью свержение ненавистного чужеземного ига и восстановление суверенитета страны. Агитлистки, выходявшие до июля 1921 г., т. е. до установления народной власти в Монголии, преследовали сразу несколько целей: пропагандировать сущность и призывание Народной партии, сплотить народные массы вокруг нее и изгнать китайских агрессоров. Агитлистки сыграли важную роль в распространении революционных идей среди населения, разжигании ненависти к захватчикам и развертывании национально-освободительного движения.

Со временем содержание листовок значительно обогатилось. Листовки стали призывать к уничтожению монархии, ликвидации изжившего себя феодального строя с последующим установлением истинно народной власти. Монгольские революционеры с самого начала понимали, что для пропаганды революционных

¹⁹ Норовсүрэн Л. Монголын сэтгүүл зүйн түүхэн тойм. С. 143.

идей нужно вести перманентную деятельность и держать народ в курсе текущих событий. Поэтому они заканчивались припиской: «Если хотите узнать об этом более подробно, читайте следующий выпуск». Это также наводит на мысль, что содержание листовок было заранее запланировано, имело четкую цель и ориентировалось на конкретную аудиторию. Было решено, что начиная с февраля 1921 г. листовки будут выпускаться от имени верховного главнокомандующего народного ополчения и комбинировать печатные листовки с устной агитацией.

По мере назревания революционной ситуации, публикации агитлисточков стали более радикальными и решительными. В частности, в одной из листовок мы читаем: «Князья, аристократы и высшие духовные лица, осуществляющие власть в стране, одержимы единственной целью эксплуатировать народ. Они ослабили силу и потенциал государства и в конце концов продали страну китайцам, превратив монголов в жалких рабов. Поэтому нашей партии не осталось ничего, кроме как восстать против китайцев, восстановить независимость страны и права граждан, оказать помощь поработенному народу. Для этой цели мы послали своих представителей в Советскую Россию, чтобы заручиться ее поддержкой»²⁰.

Материалы Первого съезда Монгольской народной партии, проходившего 1 марта 1921 г. в Кяхте, распространялись среди населения в листовках. В официальных документах съезда «Декларация Монгольской народной партии» и «Преамбула к Декларации Монгольской народной партии» говорилось, что во всем мире идет борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми, колонизаторами и поработенными, что в России пролетариат и бедные создали свою партию, что создан Третий Интернационал для руководства над деятельностью революционных партий, призванных свергнуть чужеземное господство и что настало время для установления народной власти. Исследователи считают, что эти официальные документы являлись уставом партии и ее программой.

В скором времени Центральный комитет партии постановил, чтобы в листовках уделяли больше внимания таким актуальным вопросам, как жестокости китайских оккупантов и приспешников барона Унгерна, предательство

монгольских феодалов и необходимость восстановления независимости страны вооруженным путем.

Эффективность революционных листовок видно из следующего факта: правительство Богдо-хана в Хурээ было настолько обеспокоено, что сочло необходимым издания контрлистовок соответствующего содержания. В одной из таких листовок говорилось: «Красная партия только и занимается разбоями и грабежами. Монголы слишком хорошо помнят, что творили гамины [китайские солдаты оккупационной армии] — ученики красных»²¹.

В издании агитлисточков деятельное участие принимали представитель Монгольской народной партии в Иркутске С. Буяннэмэх, Ч. Пурэв, а также Ж. Цэвээн и Ц. Дамбадорж. Содержание листовок обсуждалось на собраниях революционеров и заседаниях ЦК партии. Инициатором издания и распространения листовок был Д. Сухбаатар, один из лидеров Аратской революции, из-под пера которого вышел их первый номер. Всего за неполных два года, по имеющимся сведениям, было напечатано около 60 листовок, оказавших большое влияние на пропаганду революционных идей.

История периодической печати показывает, что нередко политическая сила для претворения в жизнь своих планов использует в качестве идеологического орудия прессу. Эта закономерность не обошла стороной и монгольских революционеров.

По мере того, как революционное движение стало набирать обороты, появилась потребность в более действенном орудии, чем листовки. Этим объясняется издание газеты «Монголын унэн» («Монгольская правда»), вышедшей с 10 ноября 1920 г. по 19 апреля 1921 г. в городе Иркутск. Всего вышло шесть номеров газеты тиражом в 3 тыс. экз. каждый, форматом 38x54 см, на четырех полосах. Газету печатали в иркутской типографии и нелегально распространяли в Монголии. Издание «Монгольской правды» за границей имело свои резоны: у монгольских революционеров не было необходимой материальной базы, в условиях оккупационного режима и полицейского надзора печатание газеты не представлялось возможным.

Первыми читателями и в то же время разносчиками газеты были народные ополченцы и партизаны. Впервые в истории монгольской

²⁰ Чойбалсан Х. Монголын хувьсгалын түүх // История монгольской революции. Улаанбаатар, 1950. С. 69–70.

²¹ МАХН-ын түүхийн чухал баримтууд (1920–1924) // Важные документы, имеющие отношение к МНРП. Улаанбаатар, 1964. С. 75.

журналистики вышла газета с лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» В газете было опубликовано много статей, изобличающих хищническую сущность феодальной формации, раскрывающих истинное лицо иноземных захватчиков, разъясняющих суть Октябрьской социалистической революции и преимущества народной власти.

«Монгольская правда» с первых своих номеров активно пропагандировала необходимость вооруженной борьбы с внешними и внутренними врагами страны. Большое внимание газета уделяла анализу и критике государственного устройства богдо-ханской Монголии. В частности, газета писала, что верхняя и нижняя палаты Государственного хурала, хотя были созданы для вовлечения широких слоев населения в управление страной, не оправдали ожиданий, а премьер-министр Сайн-Ноенхан Намнансурэн не имел представления о деятельности этого государственного органа и только слепо копировал зарубежный опыт. В статье «О пользе возрождения Монголии» (№ 1, 1920) говорилось, что автономия за время своего существования не сделала ничего для блага народа. Газета гневно обрушивалась на авантюриста барона Унгерна и генерал-губернатора Урги от Китайской республики Чэнь И, но при этом избегала прямой критики Богдо-хана, который имел большой авторитет среди простого народа. Делалось это для того, чтобы привлечь на свою сторону скотоводов и монахов, составлявших большинство населения страны.

Газета писала, что китайская оккупация не принесла монгольскому народу ничего хорошего и в дальнейшем не следует ожидать чего-либо подобного, призывала не соблюдать указы и предписания, установленные китайской администрацией, не платить налоги и отказаться от любых видов сотрудничества с оккупантами. «Монгольская правда» с удовольствием информировала читателей, что Китай раздираем внутренними противоречиями и не может послать дополнительные войска в Монголию, поэтому следует воспользоваться ситуацией и наращивать силы для вооруженного восстания.

Если ненависть к китайцам была всеобщей, то барон Унгерн был врагом, требующим особого подхода. Он в глазах монголов был спасителем, изгнавшим из Урги китайских оккупантов, освободившим Богдо-хана из плена и восстановившим его на престоле. Учитывая все это, «Монгольская правда» своей публика-

цией старалась показать истинное лицо и цели белогвардейского генерала, значительно пополнившего свои силы мобилизацией аратов. В статье «Обращение к монгольским братьям, служащим в войсках русского барона Унгерна белой партии», опубликованной в последнем, шестом номере, говорилось, что барон Унгерн, силой оружия захватив Ургу, стремится занять престол Богдо-хана и натравить монголов на Советскую Россию, поэтому предостерегала аратов от необдуманных поступков и призывала их вступить в ряды народного ополчения.

Победа Октябрьской революции и ее последствия занимали особое место в публикационной политике «Монгольской правды». Газета писала, что Октябрьская революция «является событием, не имеющим аналогов в истории человечества, упразднившим прежний эксплуататорский строй и установившим новый порядок, который основывается на равноправии и народовластии». «Монгольская правда» непременно связывала статьи об Октябрьской революции, новосозданной стране Советов, партии большевиков во главе с В. И. Лениным, Советской власти с борьбой монгольского народа против иностранных работодателей и продажных феодалов. Газета писала об увеличении производства товаров и их оборота в России, улучшении дорог и коммуникаций, рациональном использовании природных богатств, развитии земледелия, сельского хозяйства и скотоводства, которые были достигнуты при Советской власти.

«Монгольская правда» однозначно писала, что единственным выходом из сложившейся патовой общественно-политической ситуации является вооруженная борьба, а чтобы достичь победы необходимо сплотиться вокруг партии, иначе независимость не придет сама: «Китай раздираем внутренними противоречиями и междоусобицей», «Войска жестокого Унгерна, изгнанные Красной армией, и агрессивные солдаты китайской оккупационной армии постоянными стычками взаимно ослабили друг друга», «Монгольские аристократы и духовенство, находящиеся у власти, своим пренебрежительным отношением к автономии наглядно продемонстрировали, что они не в состоянии управлять страной и народом», «в это непростое время была создана Народная партия, получившая благословение от самого Богдо-хана и ставшая выражением желаний и чаяний народных масс».

Почти во всех своих номерах газета информировала читателей о том, какой должна быть

народная власть, которая будет утверждена после победы революции. Народ собственными силами с оружием в руках завоюет свою независимость, избавится от гнета монгольских феодалов и чужеземных милитаристов и установит в стране подлинно народную власть, при которой все будут равными в правах, экономика и культура станут возрождаться, а положение трудящихся — улучшаться.

Газета «Монгольская правда», выходявшая в критический период истории нашей страны, сыграла важную роль в пропаганде революционных идей, распространении тезисов монгольских революционеров, укреплении позиций народной партии и, в конечном итоге, положила начало коммунистической журналистике в Монголии.

Эта печать ввиду конкретных причин была вынуждена издаваться за границей, поэтому некоторые исследователи не относят ее к периодической прессе Монголии. В частности, бурятский ученый Г. Н. Заятуев, исходя из приписки «Газета “Монгольская правда” распространяется Монгольско-тибетским отделом Дальневосточного комитета интернациональной партии большевиков», пишет: «В произведениях и речах Сухбаатара и Чойбалсана отсутствуют какие-либо упоминания о “Монгольской правде”... Нет сведений о том, что ее издавали монголы»²².

Монгольский же исследователь истории журналистики Г. Дэлэг на основании неоспоримых документов и фактов доказал, что «Монгольскую правду» выпускали именно монгольские революционеры и интеллигенция²³.

Революционная печать в первые годы народной власти

Газета «Уриа» («Призыв») являлась первой официальной периодической печатью Монгольской народной партии и правительства. Газета выпускалась Центральным комитетом Монгольской народной партии, Народным правительством и Отделом просвещения солдат и народа с 19 июля 1921 г. на четырех полосах крупным форматом в 29x43 см. Согласно Временному уставу партии, утвержденному в мае 1921 г., «Призыв» должен был выходить еженедельно тиражом в 500–1200 экз., на его первой полосе был изображен солдат народного

ополчения, трубивший в трубу из раковины. Газета примечательна тем, что не было постоянной редакции, главного редактора и штатных работников, поэтому ее выпускали работники ЦК партии. Однако это обстоятельство как раз и послужило причиной сбоев. Выход газеты иногда задерживался на 15–80 дней и за год и четыре месяца вышел в свет всего 21 номер.

Газета «Призыв» опиралась на материальную базу бывшей русско-монгольской типографии и имела семь рубрик: «Новости народной партии», «Постановления правительства», «Новости Союза молодежи», «Новости о внутренних событиях», «Новости о международных событиях», «Экономические новости» и «Критика». В передовой статье, объяснявшей цель издания газеты, говорилось: «Наша газета призвана распространять партийную идеологию, стать важным орудием политического воспитания народа, пробуждать уснувшего, поправлять погрешившего, защищать поработанного и беспомощного, непримиримо бороться с жестокостью и ложью, содействовать процветанию родины».

Важнейшей целью издания являлись укрепление политики дружественных отношений и сотрудничества с Советской Россией, проводимой народным правительством, установление взаимовыгодных отношений с Китаем и другими странами на основе равноправия и взаимного уважения. Также газета ставила целью трансформацию социальной жизни монгольского общества, дальнейшее углубление достижений революции и консолидация народной власти.

С самого начала газета старалась быть в тесной связи с широкими народными массами и публиковать их письма, жалобы, мнения и критику по мере возможностей. В условиях, когда милитаристский Китай не отказался от своих претензий на Внешнюю Монголию, «Призыв» уделял большое внимание вопросам укрепления обороноспособности страны. Газета писала, что всего несколько лет назад войска автономной Монголии, дрожащие как осенние листья, не сумели защитить страну от китайских солдат, а затем и от кучки белогвардейцев. Также «Призыв» писал, что для обеспечения независимости и территориальной целостности Монголии войска Советской России, расквартированные в стране, остаются на конкретный срок. Кроме того, газета призывала «всех тех, кто дорожит свободой» «сесть на быстрого скакуна, взять в руки острый клинок и изгнать разбойников», т. е. остатки так назы-

²² Заятуев Г. Н. Первые газеты революционной Монголии. Улан-Уде, 1962. с. 5.

²³ Дэлэг Г. Монголын тогтмол хэвлэлийн түүхэн тэмдэглэл. С. 223–238.

ваемой Азиатской дивизии барона Унгерна, которые рассеялись по окраинам страны. «Призыв» опубликовал много статей, направленных на ограничение власти Богдо-хана и подготовку общественного сознания. В № 5 газета разъясняла: «В религиозных и политических вопросах имеется множество противоречий. Поэтому сосредоточение религиозной и политической власти в одних руках станет причиной многих расхождений. С одной стороны, если этот человек будет осуществлять только политическую власть, то религиозные дела придут в упадок. С другой стороны, если он станет осуществлять только религиозную власть, то политические дела оставят желать лучшего». Однако на первых порах газета избегала открытой критики и нападков на Богдо-хана, крупных лам и феодалов, потому что в первые годы революции отсутствовали образованные люди, которые в большинстве случаев состояли как раз из них.

За время издания газеты обострились отношения между партийным руководством и премьер-министром Д. Бодоо. Газета в № 10 с одобрением писала, что Д. Сухбаатар, один из основателей партии и вождей Аратской революции, отказался от наград, в то время как Д. Бодоо получил из рук Богдо-хана шапку с коричневым знаком отличия, а из рук Великой Даккины Дондогдулам — изящно выделанный нож. Начиная с этого номера, выпущенного 23 ноября 1921 г., на протяжении почти шести месяцев газета избегала слова «правительственный». По мнению Н. Г. Заятуева, Д. Бодоо, будучи на должности премьер-министра, потребовал от газеты игнорирования этого слова. Однако, как мы считаем, «Призыв», отказываясь печатать это слово, сам игнорировал правительство, возглавляемое Д. Бодоо.

Публикации «Призыва» по сравнению с «Монгольской правдой» резко отличаются богатством темы, разнообразием жанров и в условиях первых лет народной власти проделали большую работу по просвещению и образованию широких масс.

«Хураангуй сэтгуул» («Бюллетень МОНТА») стал издаваться с 22 июня 1922 г. два раза в неделю. Журнал представлял собой издание малого формата, один лист, состоящий из двух полос и был призван заменить газету «Призыв», когда его выход задерживался. Журнал совместно издавали МОНТА и «Призыв», а с конца 1922 г., когда выход газеты прекратился, «Бюллетень МОНТА» до выхода «Новой столичной газеты» на протяжении полугода

неофициально выполнял роль партийно-правительственного издания. В праздничные дни журнал выходил на четырех полосах.

Тираж журнала составлял 500 экз., а розничная цена — 20 мунгу (копеек). До середины 1923 г. публикацию журнала составляли в основном краткие новости, переданные агентством МОНТА, со временем его публикации стали более разнообразными — появились развернутые новости, передовые и критические статьи, реже — сатирические сказки и рассказы. Журнал публиковал правительственные постановления, партийные документы, а также письма активистов. Хотя журнал издавался на бумаге малого формата, его издатели овладели искусством публиковать на его полосах краткие, но информационно насыщенные материалы.

«Бюллетень МОНТА» доводил до сведения читателей все главные достижения Аратской революции. В частности, упоминалось о раскрепощении крепостных, составляющих 1/3 населения страны, упразднении чинов и привилегий всех аристократов, призвании на военную службу не только бедняков и скотоводов, но и ламов и аристократов, основании школ и учебных заведений, а также Академии наук, упразднении прежних отсталых и жестоких порядков и внедрении нового гуманного права и др.

«Бюллетень МОНТА» опубликовал множество новостей, статей и воспоминаний, посвященных кончине «Героя-борца за свободу и независимость родины, верного сына монгольского народа» Д. Сухбаатара. Номера 67, 69 и 70 целиком посвящены этому событию.

Журнал обрушивался на «группу предателей во главе с Д. Бодоо и Д. Чагдаржавом [предшественником Д. Бодоо на посту премьер-министра], которые замыслили уничтожить народную власть и восстановить прежний реакционный порядок».

Публикации журнала содержали много интересных фактов о жизни тогдашней Монголии. В частности, население Монголии в то время состояло из 562 тыс. чел., из них халхи составляли 462 тыс. чел., захчины — 4,5 тыс. чел., оолды — 3 тыс. чел., мянгады — 2 тыс. чел., хотоны — 1,5 тыс. чел., а тибетцы — 39 тыс. чел.

Одним из главных направлений публикации «Бюллетеня МОНТА» были образование и культура. Особое внимание издание уделяло проблеме школьного образования. Газета подробно писала о первой начальной школе, основанной в Хурээ, о бесплатных школьных принадлежностях и форме учеников, питании,

общежитии и т. д. Кроме того, газета писала о предметах, которыми обучаются ученики: монгольском, русском, китайском, английском и немецком языках и математике.

Если проанализировать новости, опубликованные в журнале, то получится следующая картина. Из 112 новостей 75% состоит из 1–3 предложений. В 79,5% от всех новостей речь идет о зарубежных странах и только в 20,5% — о собственно Монголии. Самыми упоминаемыми странами являются Россия и Китай, что вполне естественно, далее идут Япония, Германия, США, Франция, Англия, Италия и др.

Если сравнить новости «Бюллетеня МОНТА» с новостями его предшественников, то прежде всего в глаза бросаются следующие различия. Предложения «Бюллетеня МОНТА» стали краткими, уменьшилось употребление имен прилагательных, что было распространено в 1910-х гг., и изобразительных средств. Короче говоря, новости «Бюллетень МОНТА» обрели черты новостей современной прессы²⁴.

На Втором съезде Монгольской Народной Партии было отмечено отсутствие необходимого издания для распространения партийной идеологии. Поэтому с 6 июля 1923 г. по 18 января 1924 г. выпускалась «Нийслэлийн шинэ сонин» («Новая столичная газета»), которую издавали ЦК МНП и Военное министерство. В своем первом номере «Новая столичная газета» обратилась к читателям с сообщением, что она является прямым продолжением «Призыва» и «Краткого журнала». Всего за шесть месяцев вышло 22 номера газеты. Газета выходила по пятницам, форматом в 38x60 см, на 2–4 полосах. Весь тираж газеты в 300–500 экз. бесплатно распространялся. Главным редактором газеты являлся Б. Намсрай, а корреспондентами — Ц. Дамбадорж, Жамсран и др.

Газета неустанно пропагандировала решения Второго съезда партии, которая из кружка, состоявшего из нескольких революционеров, выросла до политической силы, в которой числилось более 3 тыс. членов.

Главными жанрами газеты были научно-популярные, проблемные и агитационные статьи, развернутые новости. Исследователи считают, что основная тематика публикаций «Новой столичной газеты» — социально-политический

²⁴ Чойсамба Ч. Особенности и мастерство новостей «Краткого журнала»: докл. на теоретико-практ. конф., посвященной 90-летию информационного агентства МОНЦАМЭ. 28 мая 2010 г.

и экономический аспекты²⁵. В социально-политических публикациях говорилось об углублении революции, агитации партийной политики, укреплении связей с массами, расширении прав народа, упрочении обороноспособности страны, консолидации Монголо-советских отношений. Корреспонденты писали свои статьи для разъяснения одного конкретного вопроса. В качестве примера можно привести статью «Интерпретация народной власти» и т. п. Вторым главным направлением «Новой столичной газеты» была экономическая тематика. Газета ратовала за развитие скотоводства, являвшегося основой экономики страны. Для этого, писала газета, необходимо внедрить в скотоводство совершенные методы, полностью утилизировать скотопродукты, оптимально использовать локальные богатства, укреплять кооперативы взаимопомощи, быть экономным и бережливым во всех отношениях и т. п. Также газета поднимала экологические злободневные вопросы, в частности, требовала прекращения беспощадной вырубке лесов.

Кроме того, «Новая столичная газета» уделяла большое внимание проблемам образования и культуры населения. Газета сделала многое для разъяснения пользы от образования, просвещения самой отсталой части населения тогдашней Монголии — женщин, вовлечения их в активную социальную жизнь и развития культуры и искусства.

Достоинство «Новой столичной газеты» заключается в том, что она первые внедрила графику. Газета перманентно печатала графику, смысл которой был понятен читателям, даже безграмотным. Иногда газета выходила со вкладышем под названием «Листок-приложение», который состоял из рисунков агитационного и критического характера, а также карикатур. Художник Б. Шарав по прозвищу «Забавный», основатель современного монгольского изобразительного искусства, партизан Пунцагжунай, прославившийся как «Живописец Народной партии», Жалсрай и другие художники рисовали для газеты графики.

«Монгол Ардын Нам» («Монгольская народная партия») стал первым журналом в истории монгольской революционной печати. Согласно решению Второго съезда МНП в октябре 1923 г. на свет появился ежемесячный журнал «Монгольская народная партия», который имел объем в 5–6 п. л. У журнала, имевшего

²⁵ Норовсүрэн Л. Монголын сэтгүүл зүйн түүхэн тойм. С. 219.

книжный формат, были следующие постоянные рубрики: «Политика и просвещение», «Экономика», «Партия — союзная организация», «Поэзия», «История Монгольской народной партии» и др.

Журнал сыграл большую роль в интерпретации решений Второго съезда партии, развертывании политической активности народных масс, в особенности, членов партии и укреплении связи между партией и народом. На страницах журнала детально излагались вопросы, связанные с внесением поправок в отчеты и партийную программу Центрального комитета и правительства, обсужденные на Втором съезде партии, выбором организации, призванной следить за соблюдением устава, руководить деятельностью местных партячеек и т. д. «Монгольская народная партия» опубликовала все основные материалы, имевшие отношение ко Второму съезду партии, в том числе телеграмму от делегатов съезда к В. И. Ленину. В уставе партии, опубликованному в журнале, в частности, говорилось: «Члены партии обязаны беспрекословно выполнять задания, полученные от партии, активно пропагандировать актуальные задачи, для последовательной защиты и реализации партийной линии бороться, проявляя непреклонную волю».

В одном из материалов Второго съезда партии говорилось, что ЦК партии за прошедшее время уделил основное внимание укреплению правительственных и государственных учреждений, в результате чего организационные и просветительские работы в партии стали хромать. Далее мы читаем, что для пополнения рядов партии членами из бедных слоев народа, остро стоит задача сделать чистку внутри партии; главная цель партийной работы состоит в дальнейшем укреплении организационной работы в партии и повышении главенствующей роли МНП.

«Монгольская народная партия» непреклонно защищала партийную линию и решительно боролась с любыми проявлениями отклонения от него. Когда в журнале «Наш путь» Союза монгольской молодежи была напечатана статья, представлявшая собой нападок на партию и изобиловавшая необузданными словами и фразами, «Монгольская народная партия» в ответ опубликовала рецензию «О пользе быть правдивым и справедливым». Эта рецензия не только дала отпор молодежной организации, считавшей себя преемником партии, но и стала новой страницей в истории монгольской журналистики, так как стала первым ответом

одного СМИ на публикацию другого. Рецензия показала каким должна быть публикация в печати: содержать нейтральные слова, избегать нецензурных выражений. Кроме того, пресса не должна быть распространителем слухов и скандалов, гоняться за маловажными для читателей вопросами, а освещать актуальные, принципиальные для общества события²⁶.

Таким образом, журнал «Монгольская народная партия» и «Новая столичная газета», являвшиеся детищем Второго съезда МНП, сыграли большую роль в распределении ролей между двумя формами печати — журналом и газетой, показали населению их особенности и различия в публикационной политике.

Газета «Ардын эрх» («Право народа») выпускалась ЦК МНП и народным правительством и впервые в истории монгольской журналистики вышла большим форматом в 40x56 см на 4–8 полосах тиражом в 1–3 тыс. экз. раз в неделю. Газета издавалась с 5 февраля 1924 г. по 2 апреля 1925 г. За этот период вышло всего 50 номеров. Так как народная власть поставила целью всячески защищать интересы народа, то газету называли «Право народа».

В постановлении правительства от 15 февраля 1924 г. об издании газеты «Право народа», говорилось: «Газету будут издавать ЦК партии и правительство и распространять среди партийных и правительственных учреждений. За этим будет следить Министерство внутренних дел».

Главным редактором газеты работал Ц. Дамбадорж, ответственным редактором — один из старейшин журналистского цеха Г. Навааннамжил, которые своими публикациями подавали пример корреспондентам. Постоянными активистами газеты являлись С. Буяннэмэх, Д. Чимид, Ж. Цэвээн, Элбэгдорж Ринчино и Нацов. Они не подписывались под своими публикациями и использовали псевдонимы «Старик», «Бронзовый сын», «Революционер», «Напоминающий», «Питающий отвращение» и т. п., поэтому не представляется возможным сказать кто является автором той или иной статьи. Доподлинно известно, что псевдоним Ц. Дамбадоржа — «Красный скотовод», а Г. Навааннамжила — «Красноглазый».

В газете особое место занимали материалы, пропагандирующие политику партии. Такие публикации печатались в рубрике «Новости партии и профсоюзного дела». Главное содер-

²⁶ Норовсүрэн Л. Монголын сэтгүүл зүйн түүхэн тойм. С. 225.

жание таких публикаций — поднятие авторитета партии, укрепление ее рядов, увеличение количества членов и улучшение главенствования, сознания и дисциплины. Также в статьях разъяснялись такие вопросы, как возникновение, призвание и задачи МНП. А в статье, посвященной трехлетию со дня образования партии, были перечислены все достижения, достигнутые в годы народно-власти.

Неоспоримым фактом было возрождение социально-политического сознания женщин. В № 4 за 1924 г. была опубликована статья «Мы, девушки и женщины, хотим обладать своей свободой и получить образование», написанная Дашдэжид. Это стало первой публикацией, вышедшей из-под пера женщины, в истории монгольской журналистики.

Газета постоянно информировала об увеличении количества партийцев и росте партийцев. Если в 1921 г. действовала 1 ячейка с 150 членами, то 1924 г. эти показатели достигли 121 и 4000 соответственно.

Третий съезд Монгольской народной партии занимал особое место в публикациях «Право народа», так как на нем решался вопрос дальнейшего государственного обустройства страны. Дебаты по этому вопросу прошли очень бурными, о чем подробно писала газета. Некапиталистический путь развития, на чем настаивало большинство, встретил противодействие лидера МНП С. Данзана, который обозвал его «непрактичным, не имеющим значения». «Право народа» выразило мнение большинства и подверг критике позицию С. Данзана: «Данзан и его сторонники являются представителями иностранных империалистов, они стремятся восстановить господство феодалов и превратить нашу страну в колонию». Заголовки статей, такие как «Несколько слов о дисциплине», «Изгнем недостойных и непоследовательных, пролезших в наши ряды», «Потеряли Данзана, обрели единство», говорят многое. Решением делегатов Монголия выбрала некапиталистический путь развития, что предопределило будущее страны на десятилетия.

Газета многое писала об экономических вопросах: развитии скотоводства и земледелия, расширении торговли, укреплении финансов, рационального использования природных богатств и т. д. Без этого не обходился ни один номер газеты. Среди всех этих вопросов у издателей газеты повышенный интерес вызывали проблемы скотоводства, которое испокон веков являлось основой основ кочевников. Газета с одобрением писала, что в стране осно-

вана ветеринарная служба, открыто ведомство по разработке препаратов для лечения заболеваний у животных и др.

«Право народа» негодовало, что китайские фирмы и предприятия заставляют монголов работать по 10–14 ч в день, хищнически наживаясь на них, и с восторгом информировала, что в стране появились первые национальные предприятия. В частности, в Алтанбулаге, Хатгале, Улиастае и Улаангоме были открыты предприятия по выделыванию кожи и шкуры, мойке шерсти и обработке тонких кишок.

«Право народа» сообщало, что денежный оборот Народного кооператива взаимопомощи, основанного в конце 1921 г., к 1923 г. достиг 70 тыс. тугриков. С июля 1924 г. стала выходить газета «Кооператив взаимопомощи Монголии», положившая начало отраслевой печати в истории монгольской журналистики. Призывом «Кооператива взаимопомощи Монголии», который предлагал доверять кооперативу и всячески содействовать его деятельности, были «Один за всех и все за одного», «Не покупайте у торговцев то, что можно купить в кооперативе».

Развитие торговли и коммерции показало необходимость в национальном банке. В 1924 г. был основан Торгово-промышленный банк Монголии. Основание банка и вхождение в оборот собственной валюты «Право народа» оценило как достойный отпор иностранному капиталу и ростовщичеству и потребовало взять под государственный контроль важные в финансовом и оборонном отношении дорогу Улаанбаатар — Чжанцзякоу, создать ведомство по надзору за дорожным транспортом и перевозимыми товарами, в связи с этим разработать правила дорожного движения, установить тарифы на перевозку, что являлось жизненно важными вопросами для нашей страны.

Многообразие жанров было одним из отличительных черт «Права народа». Статьи, новости, обзоры, заметки, сатирические статьи, письма читателей и стихи были основными жанрами газеты. Для упрощения чтения газета выделяла другим или жирным шрифтом главные слова и предложения, на которые нужно было обратить особое внимание. Кроме того, газета по мере возможностей использовала элементы дизайна: заголовки с графикой, знаки, указывающие на конец материала, линии, узоры и др.

Согласно постановлению ЦК Монгольской Народно-Революционной Партии (переимено-

вана на Третьем съезде Монгольской Народной Партии в 1924 г.) с 24 апреля 1925 г. стала выходить газета «Унэн» («Правда»), на долгие годы ставшая главным партийным рупором. «Правда» — издание ЦК МНРП и ЦК Союза молодежи — считалась продолжением «Монгольской правды», первый номер которого вышел 10 ноября 1920 г. Газета выходила раз в неделю тиражом в 5 тыс. экз., с первого номера сделала традицией публиковать передовую статью, имела следующие рубрики: «Иностранские новости», «Обстановка в периферии», «Новости партии и профсоюза», «Экономические новости», «Разные новости» и др.

До конца 1920-х гг. главным жанром газеты «Правда» была статья. Вместе с тем в большом количестве публиковались зарубежные новости и информации о событиях в Монголии. На первых порах газета писала о необходимости вытеснения иностранного капитала из отечественной экономики, конфискации имущества феодалов, корректировке «правого и левого уклона», защите генеральной линии партии и т. д.

* * *

Монгольская журналистика 1913–1923 гг. особенна тем, что фактически это была журналистикой одного издания, т. е. одна газета передавала свою эстафету другой. Это было обусловлено с двумя факторами: слабой материальной базой (типографией) и нехваткой профессиональных кадров периодической печати (редакторов, корреспондентов, корректоров). Начиная с 1923 г. монгольские читате-

ли могли читать сразу по несколько изданий. 16 августа 1923 г. вышел первый номер журнала «Наш путь» Союза монгольской молодежи, 20 октября того же года — журнал «Монгольская народная партия» Монгольской народной партии, 5 февраля 1924 г. — газета «Народный солдат» ЦК МНП и Военного министерства, 26 марта того же года — газета «Наша правда» Организации монгольской молодежи, в июле того же года — «Газета кооператива взаимопомощи» ЦК МНП, в том же году — газета «Известия» Советско-монгольского клуба, 19 марта 1925 г. — журнал «Женское мнение» Организации монгольских женщин, в том же году — журнал «Вы сможете овладеть техникой» монгольских техников. Таким образом, за короткий срок стало издаваться 8 наименований прессы, посвященные членам партии, молодежи, женщинам, вопросам обороны страны, экономики и добрососедским связям двух стран.

В связи с развитием издательского дела остро встал вопрос об укреплении материальной базы, подготовке кадров для издательского дела. Поэтому на десятом заседании правительства страны, имевшем место 7 июня 1922 г., было решено передать Печатный комитет под ведомство Министерства внутренних дел, которому было поручено улучшить издание газет, журналов и школьных учебников. Это было первым решением из череды мероприятий, направленных на улучшение печатного и издательского дела и в конечном итоге в ближайшем будущем давшим ощутимые результаты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Азиатская Россия. — СПб., 1914. — Т. 1: Люди и порядки за Уралом. Актуальные вопросы истории российско-монгольских отношений первой четверти XX века. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2013. 232 с.
- Баврин Е. П., Мещеряков М. В. Монгольская Народная Республика (экономика и внешняя торговля). М., 1971.
- Балкашин Н. Торговое движение между Западной Сибирью, Среднею Азией и Китайскими владениями // Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей. XVIII–XX вв.: сб. ст. и материалов. Томск, 1999.
- Баов Г. Чуйский торговый путь в Монголию (его настоящее как вьючного пути и будущее как колесного) // Дорожник по Сибири и Азиатской России. Кн. II. Томск, 1899.
- Батсайхан О. Монгол ндэстэн бурэн эрхт улс болох замд (1911–1946) = Монголия по пути государства-нации). Улан-Батор, 2005.
- Батсайхан О. Монголын тусгаар тогтнол ба Хятад, Орос, Монгол гурван улсын 1915 оны Хиагтын гэрээ (1911–1916) = Независимость Монголии и Кяхтинское соглашение Китая, России и Монголии от 1915 г. (1911–1916 гг.). Улан-Батор, 2002.
- Батуев Д.-Ц. Проблема монгольского рынка конца XIX — начала XX вв. // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 4. Улан-Удэ, 1970.
- Белов Е. А. Россия и Китай в начале XX века (русско-китайские противоречия в 1911–1915 гг.). М.: ИВ РАН, 1997.
- Белов Е. А. Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М., 1999.
- Беннигсен А. П. Несколько данных о современной Монголии. СПб., 1912.
- Биль И. И. О проведении колесного пути до Кош-Агача по так называемому Чуйскому тракту // Алтайский сборник. Т. 5. Барнаул, 1905.
- Боголепов М. И., Соболев М. Н. Очерки русско-монгольской торговли: экспедиция в Монголию в 1910 г. Томск, 1911.
- Бойко В. П. Роль кредитной системы в формировании крупной буржуазии Западной Сибири второй половины XIX в. // Проблемы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1989.
- Болдбаатар Б. Формирование человеческого капитала в Монголии: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / Болдбаатар Базар; [Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ]. — М., 2009. — 53 с.
- Болдбаатар Б., Суходолов А. П., Кузьмин Ю. В. Российская империя и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука // Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. — Кн. 3, ч. 1: Статьи участников 3-й Международной научно-практической конференции: сб. науч. тр. — Иркутск; Улан-Батор: Изд-во БГУ, 2014. — 384 с.
- Болобан А. П. Монголия в ее современном торгово-экономическом отношении. Пг., 1914.
- Боханов А. Н. Торговые дома в России. (Численность, структура, состав владельцев) // История СССР. 1990. № 4.
- Брецинский М. А. Исследование путей в Алтайском крае // Записки ЗСОПГО. Кн. III. Омск, 1881.
- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: Возможное и невозможное. М., 1986.
- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена. М., 1988.
- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М., 1992.
- Бугд Найрамдах Монгол Ард Улсын туух (История Монгольской Народной Республики): в 3-х т. Улан-Батор, 1966–1969.
- Бурдуков А. В. В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма. М., 1969.
- Бурдуков А. В. Сибирь и Монголия // Сибирские огни. Новосибирск, 1928, № 2.
- Ванина И. Ю., Кузьмин Ю. В. Ликвидация цинского господства в Монголии в 1911 г. и общественное мнение России (к постановке проблемы) // XXII научная конференция «Общество и государство в Китае»: тез. докл. Ч. 2. М., 1991. С. 109–112.
- Васенев А. Дневник, веденный по пути от Ланьжоу-фу и до Сиань-фу и Хань-чжун-фу и обратно (28 июля — 4 октября 1888 г.) // Записки ВСОПГО по общей географии. Т. 1. Вып. 1. Труды русских торговых людей в Монголии и Китае. Иркутск, 1890.
- Василенко В. А. «Урянхайский вопрос» в международной политике России, Монголии, Китая (первая четверть XX века): источниковедение и историография проблемы // Россия и Монголия в первой половине XX века: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука): сб. науч. тр. Улан-Батор; Иркутск : Изд-во БГУ, 2015. С. 99–114.
- Василенко В. А. XX Зууны эхний мечлэг дэх Тагна Урианхайн асуудлаарх Орос, Монгол, Хятадын харилцааны асуудалд 111–118 // монгол, оросын харилцааны туухийн асуудалд. Улан Баатар, 2016.
- Василенко В. А. На пути к протекторату. Отношения правительства имперской России с Китаем и Монголией по вопросам установления политического влияния в Туве. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 223 с.
- Василенко В. А. Присутствие вооруженных сил в Урянхайском крае в период действия протектората (1914–1918): к вопросу о постановке проблемы // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25. № 6. С. 1122–1129.
- Василенко В. А. Установление протектората России над Тувой и российско-монгольские отношения // Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. Кн. 3. Ч. 1 : Статьи участников 3-й Международной научно-практической конференции : сб. науч. тр. Иркутск ; Улан-Батор : Изд-во БГУЭП, 2014. 384 с.
- Вебер М. Избранные произведения: пер с нем. М., 1990.
- Вебер М. История хозяйства. Город: пер. с нем. М., 2001.

- Верблюнер А. И. Проект постройки железной дороги от Мысовой до Троицкосавска и Кяхты в связи с ее продолжением по Монголии, через Ургу и Калган // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения РГО. Т. 12. 1909.
- Винокуров М. А., Суходолов А. П. Экономика Сибири (1900–1928). — Новосибирск, 1996.
- Воскресенский А. Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999.
- Востротин С. Северный морской путь в Сибирь // Сибирские вопросы. 1905. № 1.
- Гиндин И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861–1892 гг.). М., 1960.
- Грайворонский В. В. От кочевого образа жизни к оседлости (на опыте МНР). М., 1979.
- Гримм Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927.
- Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 3, вып. 2. Ленинград, 1930.
- Даревская Е. М. Алексей Васильевич Бурдуков (о роли русских поселенцев в изучении Монголии) // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1963.
- Даревская Е. М. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 2. Кн. 2. Новосибирск, 1995.
- Даревская Е. М. Сибирь и Монголия. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX вв. Иркутск, 1994.
- Дацышен В. Г. Очерки истории российско-китайской границы во второй пол. XIX — нач. XX вв. Красноярск, 2000.
- Дацышен В. Г. Русско-китайский конфликт в селе Верхне-Усинском. К проблеме межнациональных отношений в период иностранной оккупации на юге Сибири // Люди и судьбы. XX век: тез. докл. и сообщ. Красноярск, 2003.
- Дацышен В. Г. Саянский рубеж. Южная часть Приенисейского края и русско-тувинские отношения в 1616–1911 гг. Томск: STT, 2005. 250 с.
- Дацышен В. Г., Ондар Г. А. Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и российско-тувинские отношения в 1911–1921 гг. Кызыл: Республиканская типография, 2003.
- Дорж Т. Анализ и прогноз темпов и пропорции воспроизводства МНР: (Методологический аспект): автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / Моск. ин-т управления им. С. Орджоникидзе. — М., 1990. — 40 с.
- Дорж Т. Вступительное слово вице-президента Академии наук Монголии // Россия и Монголия: новый взгляд на историю (дипломатия, экономика, культура): сб. науч. тр. — Улан-Батор; Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2015. — 376 с.
- Дружественное соглашение о признании Россией автономной Монголии // Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946): сб. документов. Ч. 1. Москва; Улан-Удэ, 2008.
- Дудин П. Н. Внешняя Монголия и вопросы приобретения независимости в первой четверти XX в. (1911–1924 гг.). // Адвокатура и общество: материалы рос. науч.-практ. конф. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2011.
- Дулов В. И. Социально-экономическая история Тувы (XIX — начало XX вв.) М., 1956.
- Единархова Н. Е. Кяхтинская торговля в 40–60-е гг. XIX в. и ее влияние на экономическое развитие России, Монголии и Китая: дис. ... канд. ист. наук. М., 1978.
- Единархова Н. Е. Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921 гг.) Иркутск, 2003.
- Единархова Н. Е. Русские купцы в Монголии // Восток. 1996. № 1.
- Единархова Н. Е. Русские купцы и авантюристы в Монголии. Вторая половина XIX — начало XX вв. Иркутск, 2005.
- Единархова Н. Е. Русское консульство в Урге и Я. П. Шишмарев. Иркутск, 2008.
- Единархова Н. Е., Николаева И. П. Колонизация Монголии (XVII — начало XX вв.). Иркутск, 2009.
- Железняков А. С. Внутриполитическая и экономическая ситуация в Монголии и ее влияние на развитие российско-монгольских отношений. (Аналитический обзор) / А. С. Железняков. РИСИ, М., 2012. 38 с.
- Журнал Министерства путей сообщения. 1894. Кн. III. СПб., 1894.
- Журнал Особого Междуведомственного совещания, бывшего в С.-Петербурге под председательством Иркутского генерал-губернатора, егермейстера Л. М. Князева, по русско-монгольским делам. Иркутск, 1913.
- Замятин Е. О торговле бийских купцов с китайцами и монголами на Кош-Агаче, в долине реки Чу // Памятная книжка Томской губернии на 1871 год. Томск, 1871.
- Зарин В. А. Запад и Восток в мировой истории XIV–XIX вв. (Западные концепции становления и развития мирового рынка). М., 1991.
- Зарубина Н. Н. Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. 1998.
- Златкин И. Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии. М., 1957.
- Злобин В. Чуйский тракт // Жизнь Сибири. № 3. Новониколаевск, 1925.
- Зомбарт В. Буржуа: пер с нем. М., 1994.
- История Монгольской Народной Республики. М., 1954 (2-е изд. 1966 г., 3-е изд., 1983). М., 1954.
- История предпринимательства в России. Кн. 2. Вторая половина XIX — начало XX века. М., 1999.
- История советско-монгольских отношений. М., 1981.
- История Тувы: в 3 т. / под общ. ред. В. А. Ламина. Новосибирск: Наука, 2007.
- Калабашкин А. И. Некоторые новые явления в экономике Монголии во второй половине XIX — начале XX вв. // Краткие сообщения Института народов Азии. № 76. М., 1965.
- Кауфман М. Я. Организация и регулирование внешней торговли России. — М., 1925.
- Кашинцев Д. Чуйский тракт в Монголию // Новый Восток. Кн. 8–9. М., 1925.
- Козлов П. К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. М.; Пг., 1923.
- Козлов П. К. Монголия и Кам. СПб., 1905–1907.
- Колмаков А. Г. Тува как объект геополитических интересов России и других государств в XVIII — начале XX века.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. Г. Колмаков; Тывинский государственный университет. Кызыл, 2006.
- Крадин Н. Кочевничество в современных теориях исторического процесса // Время мира. Альманах. Вып. 2. Структуры истории / под ред. Н. С. Розова. Новосибирск, 2001.

- Краткая записка о Кяхтинской железной дороге. По поводу экономического обследования района дороги, произведенного Мин. путей сообщения летом 1912 года. Иркутск, 1914.
- Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири в 4-х томах. Новосибирск, 1994–1999.
- Крит Н. К. Заметка о торговых путях их Китая в Россию через Азиатскую границу // Известия ИРГО. Т. 1. № 1. СПб., Отд. II.
- Кузьмин Ю. В. Тайны доктора П. А. Бадмаева. Иркутск, 2003.
- Кузьмин Ю. В. «Монгольский и Урянхайский вопросы» в общественно-политической мысли России (конец XIX — 30-е гг. XX в.): дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 1998.
- Кузьмин Ю. В. «Панмонголизм» как национальная идея консолидации народов Центральной Азии в XX веке // Монголия сегодня, Улан-Батор, 2011. № 20. С. 7–9.
- Кузьмин Ю. В. «Урянхайский вопрос» в общественной мысли России // Восток и Россия: взгляд из Сибири. Иркутск, 1996.
- Кузьмин Ю. В. Военные экспедиции в Монголию и Китай в начале XX в. // Силовые структуры России и военные конфликты: материалы Всерос. научн. конф. Иркутск, 2005. С. 174–179.
- Кузьмин Ю. В. Восточные проекты доктора П. А. Бадмаева. Иркутск, 2006.
- Кузьмин Ю. В. Доктор П. А. Бадмаев: ученый, дипломат, предприниматель. М., 2014. 183 с.
- Кузьмин Ю. В. Монголия и «монгольский вопрос» в общественно-политической жизни России (конец XIX — 30-е годы XX в.). Иркутск, 1997.
- Кузьмин Ю. В. П. А. Бадмаев: Дипломат, политик, предприниматель. Иркутск, 2002.
- Кузьмин Ю. В. Позиция демократической интеллигенции России в «монгольском вопросе» после Синьхайской революции // XXIII научная конференция «Общество и государство в Китае»: тез. докл. Ч. 2. М., 1991. С. 68–72.
- Кузьмин Ю. В. Полковник В. Л. Попов о русско-китайской границе и «урянхайском вопросе» в начале XX века // Россия и мир: проблемы экономического развития в условиях глобализации: сб. науч. тр. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2005. С. 100–107.
- Кузьмин Ю. В. Полковник Генерального штаба В. Л. Попов о русско-китайской границе и «урянхайском вопросе» в начале XX века // Экономика и культура Монголии на рубеже веков. Иркутск, 2004.
- Кузьмин Ю. В. Россия и Монголия на рубеже веков: русско-монгольские отношения конца XIX — начала XX в. в российских исследованиях. Иркутск, 2002.
- Кузьмин Ю. В. Русско-монгольские отношения в 1911–1912 годах и позиция общественных кругов России // Mongolica-III. СПб., 1994. С. 75–79.
- Кузьмин Ю. В., Свинин В. В. История изучения Монголии в Иркутске. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006.
- Кузьмин Ю. В., Суходолов А. П., Манжигеев А. Ф. Иркутская школа монголоведения и современные историко-экономические исследования Байкальского университета // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25, № 2. С. 232–238. DOI : 10.17150/1993-3541.2015.25(2).232-238.
- Кузьмин Ю. В. «Урянхайский вопрос» и русско-монголо-китайские отношения в российской историографии и общественной мысли России на рубеже веков // Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. Кн. 3. Ч. 1 : Статьи участников 3-й Международной научно-практической конференции : сб. науч. тр. Иркутск ; Улан-Батор : Изд-во БГУЭП, 2014. 384 с. С. 224–248.
- Кузьмин Ю. В. Иркутское монголоведение 1725–2004 гг.: исследователи и книги. Иркутск, 2004.
- Кузьмин Ю. В. История русско-монгольской торговли рубежа XIX–XX веков: новое прочтение // Историко-экономические исследования. 2014. Т. 15. № 3. С. 625–634.
- Кузьмин Ю. В. История сибирского монголоведения. Иркутск, 2002.
- Кузьмин Ю. В. Монголия и Китай начала XX века в оценках российских военных исследователей. Иркутск, 2007.
- Кузьмин Ю. В. Экономика и культура Монголии на рубеже веков. Иркутск, 2004.
- Кузьмин Ю. В., Рачков М. П., Суходолов А. П. Война на Халхин-Голе 1939 г. (май — сентябрь) — начало второй мировой войны: новая историческая версия // Вестник Международного Центра Азиатских исследований. Иркутск, 2014. С. 45–65.
- Кузьмин Ю. В., Свинин В. В. Иркутская школа монголоведения (XVIII–XX вв.) / науч. ред. А. П. Суходолов. Иркутск, 2014.
- Кузьмин Ю. В., Суходолов А. П. Вопросы российско-монгольских отношений в начале XX века (1900–1921 гг.): экономика, дипломатия, культура // Mongolica. 2014. № XII. С. 20–25.
- Кузьмин Ю. В., Суходолов А. П., Рачков М. П. Военное монголоведение России на рубеже XIX–XX веков // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2016. Т. 26, № 3. С. 367–373. DOI : 10.17150/1993-3541.2016.26(3).367-373.
- Кулешов Н. С. Россия и тибетский кризис начала XX в. // Вопросы истории. 1990. № 11.
- Лайдьп А. Метаморфозы Урянхайской политики Российского правительства в конце XIX — начале XX вв. // Историки размышляют. 2001.
- Ламажаа Ч. К.-О. Клановость в политике регионов России. Тувинские правители. СПб.: Алетей, 2010. 208 с.
- Лигуу Б. Из истории русско-монгольских отношений в конце XIX — начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1960.
- Лиштованный Е. И. Россия и Монголия в XX в.: региональный опыт взаимоотношений (на материалах Восточной Сибири): дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 1998.
- Лувсандорж П. Торговое развитие МНР. Улан-Батор, 1959.
- Лузянин С. Г. Проникновение иностранного капитала в экономику внешней Монголии в начале XX в. и русско-монгольская торговля // Взаимоотношения России со странами Востока в середине XIX — начале XX вв. Иркутск, 1882.
- Лузянин С. Г. Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М., 2000.

- Лузянин С. Г. Русско-монгольские торгово-экономические отношения в 1911–1917 гг. // Страны Востока в политике России в XIX — начале XX вв. Иркутск, 1986.
- Лузянин С. Г. Ялтинская конференция и проблемы международно-правового оформления КНР накануне и в годы второй мировой войны // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 6.
- Лукоянов И. В. Восточная политика России и П. А. Бадмаев // Вопросы истории. 2001. № 4.
- Магсаржав Н. Монгол улсын шинэ туух (Новая история Монголии). 1927 (рукопись). Улан-Батор, 1994 (2-е изд., 2010).
- Майский И. М. Современная Монголия. (Отчет Монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской конторой Всероссийского центрального союза потребительских обществ «Центрсоюз»). Иркутск, 1921.
- Макарчук О. И. Американско-японское соперничество на Дальнем Востоке в контексте международных отношений начала XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.15. М., 2010.
- Маньковский В. Исторический очерк развития торговых сношений с Китаем по Чуйскому тракту и современное положение этой торговли // Памятная книжка Томской губернии на 1910 год. Томск, 1910.
- Мармышев А. В., Елисеенко А. Г. Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск, 2008.
- Мартышкин С. А. Россия и американско-японский конфликт начала XX в. // Вестник СамГУ. 2012. № 5.
- Материалы для описания Монголии. Отчет о поездке в Монголию в июле — октябре 1912 г. Полковника Генерального штаба Полтавцева. Иркутск, 1913.
- Международные отношения в эпоху империализма. Серия. 2. Т. XX. Ч. 2. 1940.
- Мещеряков М. В. Очерк экономического сотрудничества Советского Союза и МНР. М., 1959.
- Моллеров Н. М. История советско-тувинских отношений (1917–1944 гг.). М., 2005.
- Молодяков В. Э., Молодякова Э. В., Макарьян С. Б. История Японии. XX век. М., 2007.
- Москаленко Н. П. Этнополитическая история Тувы в XX в. / Н. П. Москаленко. М.: Наука, 2004. 222 с.
- Мясоедова Т. Г. Человеческий капитал и конкурентоспособность предприятия / Т. Г. Мясоедова // Менеджмент в России и за рубежом. 2005. № 3
- Намжим Т. Монголын аж ахуй, эдийн засаг. Туухэн гурван уед. (Хозяйство и экономика Монголии. В трех исторических периодах). Улан-Батор, 2000.
- Народная энциклопедия научных и прикладных знаний. Т. XIV: Народно-хозяйственная политика. Ч. 2. М., 1911.
- Нацагдорж Ш. Манжийн эрхэшээлд байсан үеийн халхын хураангуй түүх (1691–1911). Улаанбаатар, 1963.
- Носков И. Кяхта. Иркутск, 1861.
- Обручев В. В. Больше внимания Чуйскому тракту // Новый Восток. Кн. 8–9. М., 1925.
- Омельченко Е. И. Русская торговля с Монголией в районе Южно-Сибирской магистрали // Район Южно-Сибирской магистрали в экономическом отношении / под ред. П. П. Червинского. СПб., 1913.
- Основы буддийского мировоззрения (Индия, Китай) / В. И. Рудой, Е. П. Островская, А. Б. Островский [и др.]. М., 1994.
- Очирхуяг Л. Монголын худалдааны туухэн хөгжил (МЭО 200 он — МЭ 2000) (История развития монгольской торговли (200 г. до н. э. — 2000 г. н. э.). Улан-Батор, 2003.
- Паликова Т. В. Приграничное русско-монгольское сотрудничество во второй половине XIX — начале XX в. // Россия — Монголия. Сто лет дипломатического сотрудничества: материалы междунар. науч.-практ. конф. (28–29 ноября 2012 г.) / сост. В. Д. Дугаров. Улан-Удэ: Бэлиг, 2013.
- Першин Д. П. Барон Унгерн, Урга и Алтанбулак. Самара, 1999.
- Петров А. В. Русско-Китайский банк в Монголии // Россия и Монголия в многополярном мире: итоги и перспективы сотрудничества на рубеже тысячелетий. Материалы междунар. науч.-практ. конф. 13–16 дек. 2000 г. Ч. 1. Гуманитарные проблемы. Вып. 2. История. Иркутск, 2000. С. 64–70.
- Письма Г. Н. Потанина. Т. 3. Иркутск, 1989.
- Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей в буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. (Серия «Наше наследие»). Изд. репринтное. Элиста, 1993. С. X.
- Позднеев А. Города северной Монголии. СПб., 1880.
- Позднеев А. М. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1882 г. СПб., 1896–1898. Т. 1–2.
- Позднеев А. М. Монголия, ее экономическое положение, торговля и промышленность. СПб., 1896.
- Попов В. Л. Очерк поездки по горной системе Алтая: Географический очерк (путевые заметки) // Записки ЗСОРГО. Кн. XXX. Омск, 1903.
- Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб, 1888. Т. I–IV.
- Потанин Г. Н. Русские в Монголии // Русское богатство. 1892. № 9.
- Потанин Г. Н. Тангуты-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. СПб., 1893.
- Поткина И. В. Торгово-промышленное законодательство Российской империи // Экономическая история России XIX–XX в.: современный взгляд. М., 2000.
- Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов: трехлетнее путешествие в Восточной нагорной Азии. Т. 1–2. СПб., 1875–1876.
- Принтц А. Торговля русских с китайцами на реке Чуе и поездка в г. Хобдо // Известия ИРГО. Т. 1. № 1. СПб., Отд. II.
- Рабинович Г. Х. Акционерные коммерческие банки на Алтае в период империализма // Барнаулу 250 лет. Барнаул, 1980.
- Рабинович Г. Х. Из истории кредита в дореволюционной Сибири // Вопросы истории Сибири. Вып. 9. Томск, 1976.
- Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX — начала XX вв. Томск, 1975.

- Рабинович Г. Х., Солопий Л. А. Крупная буржуазия Забайкалья в конце XIX — начале XX вв. // Некоторые вопросы расстановки классовых сил накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск, 1976.
- Радлов В. Торговые сношения России с Западной Монголией и их будущность // Записки ИРГО по отделению статистики. Т. 2. СПб., 1871.
- Район Кяхтинской железной дороги в экономическом отношении / под общ. ред. П. П. Червинского. СПб.: Изд. МПС, 1913.
- Российская экспортная палата: Отчет о деятельности восточных отделов за 1913 г. СПб., 1914.
- Россия — Монголия. Сто лет дипломатического сотрудничества: материалы междунар. науч.-практ. конф. (2–29 ноября 2012 г.) / сост. В. Д. Дугаров. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. XVIII. Киргизский край. СПб., 1903.
- Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. Кн. 3. Ч. 1: Статьи участников 3-й Междунар. науч.-практ. конф.: сб. науч. тр. Иркутск; Улан-Батор, 2014. 384 с.
- Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. Кн. 3. Ч. 2: История отношений России и Монголии в документах: сб. арх. док. Иркутск; Улан-Батор, 2014. 218 с.
- Россия и Монголия в первой половине XX века: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука). Улан-Батор; Иркутск, 2015. 416 с.
- Россия и Монголия на рубеже XIX–XX веков: экономика, дипломатия, культура: сб. науч. тр. Улан-Батор; Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2013. 402 с.
- Россия и Монголия: новый взгляд на историю (дипломатия, экономика, культура): сб. науч. тр. Улан-Батор; Иркутск, 2014. Кн. 4. 374 с.
- Рощин С. К. Политическая история Монголии (1921–1940). М., 1999.
- Русский консул в Монголии: Отчет Я. П. Шишмарева о 25-летней деятельности Ургинского консульства / сост., вступит. статья, примеч., библиограф. Н. Е. Единарховой. Иркутск 2001.
- Русско-Монгольское Соглашение и Протокол 21 октября 1912 г.: сб. дипломатических документов по Монгольскому вопросу. СПб., 1914. С. 23–30.
- Рыбаков С. Монголия (К провозглашению ее самостоятельным государством) // Новое слово. № 11. СПб., 1912.
- Рябушинский В. П. Купечество московское // Старообрядчество и русское религиозное чувство. М.; Иерусалим, 1994.
- Сафьянов И. Г. Гражданская война в Туве (Воспоминания участника) // Сафьянов И. Г. Тува в прошлом: в 2-х т. М., 2012. Т. 2.
- Сафьянов И. Г. Повесть о жизни // Сафьянов И. Г. Тува в прошлом: в 2 т. М., 2012. Т. 2.
- Сафьянов М. Танну-Тува в годы революции // Северная Азия. 1929. № 2.
- Сборник сведений о действующих в России торговых домах (товариществах полных и на вере). СПб., 1912.
- Свечников А. П. Русская торговля в Северо-Западной Монголии по личным наблюдениям с 1905 по 1907 гг. Харбин, 1912.
- Свечников А. П. Русские в Монголии. СПб., 1909.
- Свечников А. П. Русские в Монголии: наблюдения и выводы. (С приложением статей С. Ф. Степанова). СПб., 1912.
- Сибирский купец А. Д. Васенев. Ч. 1–2. Барнаул, 1994.
- Силин Е. П. Кяхта в XVIII веке. Иркутск, 1947.
- Славин С. В. Плавание через Карское море и русско-монгольские отношения // Летопись Севера. Вып. 1. М.; Л., 1949.
- Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы: в 2 т. Т. 1. 1921–1940. М.; Улан-Батор, 1975.
- Старостина Ю. П. Современный буддизм и проблемы социально-экономического развития в Южной и Юго-Восточной Азии. М., 1985.
- Старцев А. В. Влияние русской торговли на модернизационные процессы в Монголии во второй половине XIX — начале XX в. // Сибирь и Центральная Азия: актуальные вопросы политического и социокультурного развития. Пятые научные чтения памяти Е. М. Залкинда: материалы Междунар. науч. конф. Барнаул, 2012.
- Старцев А. В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX — начало XX вв.). Барнаул, 2003.
- Суходолов А. П. Перспективы российско-монгольского сотрудничества в сфере международного туризма в Байкальском регионе (на примере туристского маршрута Байкал — Хубсугул) / А. П. Суходолов, В. В. Бережных // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права) (электронный журнал). 2011. № 2. URL: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=7782>.
- Суходолов А. П. Предпосылки и направления развития российско-монгольского сотрудничества: роль Иркутской области / А. П. Суходолов // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2014. № 1 (93). С. 84–89.
- Суходолов А. П. Сибирь в начале века: территория и границы, транспортные магистрали. Сельское хозяйство, поселения и города. — Иркутск, 1996.
- Суходолов А. П., Даваасурэн А. Общие закономерности и особенности развития экономических отношений в сфере малого предпринимательства России и Монголии // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. № 5 (85). С. 83–89.
- Суходолов А. П., Кузьмин Ю. В., Манжигеев А. Ф. История деятельности консульств России в Монголии (1861–1917) // Известия Байкальского государственного университета. 2016. Т. 26, № 6. С. 1039–1044. DOI: 10.17150/2500-2759.2016.26(6).1039-1044.
- Суходолов А. П., Кузьмин Ю. В., Манжигеев А. Ф. Три века истории российского монголоведения // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25, № 5. С. 929–933. DOI: 10.17150/1993-3541.2015.25(5).929-933.

Список использованной литературы

- Суходолов А. П., Кузьмин Ю. В., Манжигеев А. Ф. Монголия и великие державы в XX веке // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2016. Т. 26, № 2. С. 327–331. DOI : 10.17150/1993-3541.2016.26(2).327-331.
- Суходолов А. П. Внешнеторговые отношения России с Китаем и Монголией в начале XX века // Россия и Монголия на рубеже XIX–XX веков: экономика, дипломатия, культура Улан-Батор; Иркутск, 2013. С. 19–28.
- Суходолов А. П. Российско-монгольское сотрудничество: предпосылки и направления развития // Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. Иркутск, 2014. С. 15–19.
- Суходолов А. П., Болдбаатар Б., Кузьмин Ю. В. Российская империя и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука // Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. Иркутск, 2014. С. 19–24.
- Суходолов А. П., Болдбаатар Б., Кузьмин Ю. В. Российско-монгольские отношения в начале XX века (1900–1921 гг.): экономика, дипломатия, культура // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2013. № 6 (92). С. 92–99.
- Суходолов А. П., Кузьмин Ю. В., Манжигеев А. Ф. Современное состояние иркутского монголоведения: традиции, проблемы, перспективы // Развитие российско-китайских отношений: новая международная реальность: материалы второй междунар. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию Победы во Второй мировой войне: в 2 ч. / под науч. ред. А. П. Суходолова, Т. Г. Озерниковой. Иркутск, 2016. С. 153–159.
- Суходолов А. П., Кузьмин Ю. В., Рачков М. П., Суходолов Я. А. Российско-монгольские отношения в первой половине XX века: результаты международного исследовательского проекта // Регион в приграничном пространстве: материалы междунар. науч. конф., посвященная 165-летию образования Забайкальской области. Чита, 2016. С. 59–64.
- Суходолов А. П., Манжигеев А. Ф. Исторический и геополитический контекст экономического сотрудничества между Монголией и Россией // Россия и Монголия: история, дипломатия, экономика, наука. Иркутск, 2016. С. 186–193.
- Суходолов А. П., Баяртсайхан Н., Оношко О. Ю. Банковская система Монголии: трансформация в условиях глобализации // Известия Байкальского государственного университета. 2016. Т. 26, № 6. С. 855–867. DOI: 10.17150/2500-2759.2016.26(6).855-867.
- Табаев Д. И. Чуйский тракт. Горно-Алтайск, 1975.
- Талько-Грынцевич Ю. Д. Сибирские страницы жизни. Чита, 2000. 96 с.
- Тараканов М. А. Устойчивое развитие промышленности Байкальского региона / М. А. Тараканов, А. Ф. Манжигеев // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права) (электронный журнал). 2011. № 1. URL : <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=7528>.
- Третьяков В. Н. Русско-монгольская торговля по Чуйскому тракту (1861–1914 гг.) // Вопросы истории Горного Алтая. Вып. 1. Горно-Алтайск, 1980.
- Хадонов Е. Е. Очерки из истории финансово-экономической политики пореформенной России (1861–1904 гг.). М., 1997.
- Хохлов А. Н. Торговля — приоритетное направление политики России в отношении Цинского Китая // И не распалась связь времен... М., 1993.
- Цвигун И. В. Направления развития внешней торговли Иркутской области с Монголией / И. В. Цвигун, Я. А. Суходолов // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права) (электронный журнал). 2011. № 2. URL: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=7783>.
- Черных А. В. Торговые связи Восточной Сибири с Монголией. Иркутск, 1926.
- Чимитдоржиев Ш. Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. М., 1978.
- Чимитдоржиев Ш. Б. Россия и Монголия. М., 1987.
- Чимитдоржиев Ш. Б. Русско-монгольские торгово-экономические связи в конце XIX в. // Россия и страны Востока в середине XIX — начале XX вв. Иркутск, 1984.
- Чмелев Н. Чуйский тракт и таможенный и ветеринарный пункты на этом пути // Сибирский наблюдатель. Кн. 1. Томск, 1904.
- Швецов С. П. Чуйский торговый путь в Монголию и его значение для Горного Алтая. Барнаул, 1898.
- Ширендыб Б. История Монгольской народной революции 1921 г. М., 1971.
- Ширендыб Б. Монголия на рубеже XIX–XX веков. Улан-Батор, 1965.
- Щетинкин П. Е. Борьба с колчаковщиной. Новосибирск, 1929.
- Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Т. 1. А–Л. Новосибирск, 2012.
- Mashbat O. National security concept of Mongolia and limitations of the «third neighbor» policy // National Security Concept of Mongolia: Challenges and Responses. The Institute for Strategic Studies / O. Mashbat. Ulaanbaatar, 2012. P. 49.
- Mongolia economic update — The World Bank Group. 2015. November. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/2015/11/25479527/mongolia-economic-update>.
- Mongolian economy and society in 2015, Statistical Office of Mongolia, Ulaanbaatar. 2015.
- Munkhtur D. Analyzing economic relations of Mongolia with the «third neighbor» nations // National Security Concept of Mongolia: Challenges and Responses. The Institute for Strategic Studies / D. Munkhtur. Ulaanbaatar, 2012. P. 57–73.

Научное издание

Концептуальные вопросы российско-монгольских отношений в первой половине XX века

Книга 7

Часть 1

Издается в авторской редакции

Дизайн обложки Т. А. Лоскутовой
Подготовка оригинал-макета С. А. Ловчагина

ИД № 06318 от 26.11.01.

Подписано в печать 28.12.16. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная. Печать трафаретная.

Усл. печ. л. 45,0. Тираж 500 экз. Заказ 6500.

Издательство Байкальского государственного университета.

664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Отпечатано в ИПО БГУ.